

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.



*Памяти
Владимира Константиновича
Волкова*

МОСКВА
2025

УДК 93/94
ББК 63.3-6(44/47)
М43

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

(Протокол № 4 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН
от 27.05.2025)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

к.и.н. *Ю.В. Лобачева*, д.и.н. *Е.П. Серапионова* (отв. ред.),
к.и.н. *А.С. Стыкалин*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.и.н. *Ю.А. Борисёнок*,
к.и.н. *Б.С. Новосельцев*

**Международные отношения в Центральной и Юго-
М43 Восточной Европе в первой половине XX в. Памяти
Владимира Константиновича Волкова. Сб. статей /
Отв. ред. Е.П. Серапионова. — М.: Институт славяно-
ведения РАН, 2025. — 616 с.**

ISBN 978-5-7576-0519-7

DOI 10.31168/7576-0222-6

Сборник статей посвящен памяти члена-корреспондента РАН, директора Института славяноведения РАН в 1987–2004 гг. Владимира Константиновича Волкова, крупного специалиста по истории международных отношений в Центральной Европе и на Балканах. В книге анализируются различные проблемы взаимоотношений стран региона, складывание систем и подсистем международных отношений.

Предназначается для историков, специализирующихся по истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX столетии, и всех интересующихся международными и межнациональными отношениями.

УДК 93/94
ББК 63.3-6(44/47)

ISBN 978-5-7576-0519-7



9 785757 605197

© Коллектив авторов, текст, 2025
© Институт славяноведения РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

I

Е.П. Серапионова

Вместо предисловия 9

К.В. Никифоров

Наставник и старший товарищ 12

Б.Я. Табачников

Владимир Константинович Волков.
Человек и ученый 20

II

Н.С. Гусев

Действия России по признанию независимости
Болгарии в отражении болгарской политической
печати 25

Ар.А. Улунян

Англо-французские противоречия по «греческому
вопросу» в оценках и прогнозах британской стороны
(конец 1916 г. — первая половина 1917 г.) 49

А.С. Стыкалин

Венгерское коммунистическое движение
от социалистического эксперимента 1919 г.
до великой депрессии (Вехи истории в контексте
международных отношений в Центральной Европе) 93

А.В. Ганин

Юзеф Пилсудский:
«Я ищу... Россию демократическую».
Из воспоминаний генерала П.С. Махрова
о событиях 1920 г. 128

Е.П. Серапионова

Образование Чехословацкой Республики
и формирование союзнических отношений
в начале 1920-х годов 177

Н.Н. Станков

- Чехословацкая дипломатия накануне и во время
Локарнской конференции 195

Ю.В. Лобачева

- Королевство сербов, хорватов и словенцев
в 1920-е годы: по воспоминаниям семьи
И.Г. Грицкат-Радулович 241

Н.С. Пилько

- Югославско-итальянские отношения
в первой половине 1930-х годов 270

Д.С. Парфирьев

- Два звена «антипольского кольца»:
роль Чехословакии в сотрудничестве ОУН и Литвы
в 1930-х годах 298

П.В. Мошечков

- Чехословакия и Малая Антанта в 1933–1938 гг.:
экономические аспекты взаимоотношений
между членами союза 312

Т.В. Волокитина

- Болгария и Балканская Антанта (1934–1939 гг.):
ревизия границ против территориального статус-кво 349

С.З. Случ

- Наркомат иностранных дел и советские дипломаты
в Берлине 1937–1939 гг. 378

III**А.Ю. Тимофеев**

- СССР и переворот 27 марта 1941 г. в Югославии 429

В.В. Марьина

- Словацкая армия на оккупированной территории СССР
(1941–1944 гг.) 445

А.Ф. Носкова

Советская политика и интересы западных союзников на польском направлении: первые итоги (конец 1943 — начало 1944 г.)	490

Н.Б. Попович

Конференция «Большой тройки» в Ялте в феврале 1945 г.	530

Я. Рыхлик

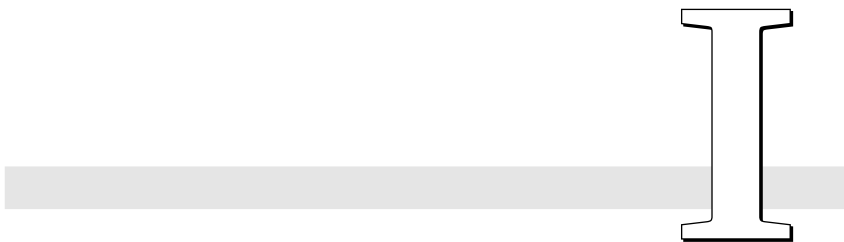
Система двусторонних соглашений между Чехословакией, СССР и странами так называемой народной демократии после Второй мировой войны: обеспечение чехословацкой безопасности или советский «санитарный кордон»?	549

А.С. Аникеев

Москва, Белград и План Маршалла 1947 г.	582
Сведения об авторах	613



Владимир Константинович Волков
(1930–2005)



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Этот сборник посвящен памяти прекрасного человека и замечательного ученого Владимира Константиновича Волкова, которому исполнилось бы в 2025 г. 95 лет, а не стало 20 лет назад в результате автомобильной аварии. Искренне жаль, что жизнь Владимира Константиновича внезапно и трагически оборвалась в тот момент, когда он был полон творческих планов. Но память о нем жива.

Мне он запомнился как трудоголик, которого можно было часто встретить в ИНИОНе, где у него была своя книжная полка, так как он непрерывно пополнял знания: интерес к истории, к новым темам, неисследованным сюжетам никогда его не оставлял.

Владимир Константинович был человеком разносторонним, интересовался многими областями науки, и, безусловно, влюбленным в свою профессию. На его счету большое количество работ по международным отношениям, поэтому, выбирая оппонента для защиты диссертации на соискание степени кандидата исторических наук по чехословацко-польским отношениям периода Второй мировой войны я сама предложила его кандидатуру своему научному руководителю Александру Харитоновичу Клеванскому, полагая, что замечания лучше получать от человека сведущего и ориентирующегося в теме. И Владимир Константинович стал моим оппонентом на защите диссертации. Случилось так, что спустя полгода скончался мой научный руководитель, и Владимир Константинович, увидев мою растерянность, сам предложил консультироваться с ним по любым вопросам.

Он любил дискуссии, руководствуясь принципом, что лишь в спорах рождается истина. Молодым специалистом попав на международную конференцию в Праге, я горди-

лась выступавшими в дискуссиях старшими коллегами, и в первую очередь, Владимиром Константиновичем.

Помню, как мы с ним были приглашены на завтрак к тогдашнему послу Словакии в РФ Игорю Фурдику. Словацкий посол обратился с предложением организовать международную научную конференцию, посвященную словацкому ученому, политику и дипломату Милану Растиславу Штефанику. Но сроки были поставлены очень жесткие — две недели. Это было неожиданно, но мы справились. Конференция прошла весьма успешно, и по ее материалам в Словакии вышел сборник статей с документальными приложениями.

Вспоминается и удивительный демократизм Владимира Константиновича, совсем не привычный для нас по сравнению с прежним руководством Института. Он был первым директором Института славяноведения и (тогда еще) балканистики, избранным всем коллективом. Уже став директором Института, он помогал нам, в то время молодым сотрудницам, с чемоданами, когда мы вместе ездили в командировки. Совместные поездки показали его как человека компанейского. Иногда, слушая и обсуждая целый день доклады, мы уставали, а он удивлял нас тем, что без устали задавал вопросы докладчикам и выступал с замечаниями, хотя внешне казалось, что во время чужих докладов он спит (такая была у него манера).

С Владимиром Константиновичем можно было решать любые вопросы, но инициативу он умело передавал самому человеку, который обращался к нему как к директору с какой-то проблемой.

Человек широкой души и щедрый, он отмечал свои юбилеи, приглашая весь коллектив Института, а угощение обеспечивала его милая супруга — великолепная кулинарка. Любовь к истории он передал и детям, одна из дочерей, Ирина, стала профессиональным историком.

В конце 2024 г. отдел истории славянских народов периода мировых войн провел конференцию, посвященную склады-

ванию систем международных отношений после Первой и Второй мировых войн. Статьи, подготовленные по докладам конференции, легли в основу настоящего сборника. Но он дополнен и материалами, подготовленными к 90-летнему юбилею В.К. Волкова, отредактированными его коллегой и другом Леонидом Яновичем Гибианским, но не опубликованными тогда в силу объективных причин. Одна из этих статей принадлежит ушедшей от нас в 2024 г. Валентине Владимировне Марьиной. В сборник также вошла статья директора Института славяноведения РАН Константина Владимировича Никифорова, статьи сотрудников из других отделов Института, знавших и помнящих Владимира Константиновича, работы коллег из Института всеобщей истории РАН, Воронежа, Сербии и Чешской республики.

Высказанные в статьях точки зрения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Е.П. Серапионова

НАСТАВНИК И СТАРШИЙ ТОВАРИЩ

MENTOR AND SENIOR COMRADE

Даже сегодня через двадцать лет после его ухода писать о Владимире Константиновиче Волкове в прошедшем времени трудно, поскольку он являл собой воплощение жизнелюбия, оптимизма и добродушия, обладая редкой энергией и просто удивительной для человека уже почтенного возраста творческой ненасытностью.

* * *

Я был знаком с Владимиром Константиновичем почти четверть века, с 1982 г., когда поступил в очную аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР. И у меня было такое впечатление, что он абсолютно не меняется; просто, когда мы встретились, он выглядел старше своих лет, а потом стал выглядеть моложе. Но главное — не менялась внутренняя сущность этого человека.

На Ленинградском проспекте сектор новой истории балканских народов, в котором проходили мои аспирантские годы, находился рядом с сектором международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, который возглавлял Волков. Мы часто выходили в коридор, где вывешивалась стенгазета, и вели интересные беседы в основном на научные темы. Но не только. Волков, например, одно время увлекся проблемами неопознанных летательных объектов (НЛО), о которых тоже любил порассуждать. Не обходилось и без свежих анекдотов. Бросалось в глаза, что он был очень демократичным, даже с начинающим аспирантом вел себя на равных, в нем даже в помине не было никакого академчванства.

Он никогда не был моим научным руководителем, но несколько раз здорово мне помог. Первый раз, когда рукопись моей кандидатской диссертации по истории Сербии середины XIX в. вызвала некоторые сомнения у одного маститого ученого. Волков взялся ее прочесть и дал лестную для меня высокую оценку. Особенно ему понравилось описание деятельности на Балканах польской агентуры Адама Чарторыйского. После вмешательства Волкова путь к защите кандидатской был для меня открыт. Но и на самой защите возникла небольшая дискуссия. Владимир Константинович как будто бы дремал, его растолкали. Он взял слово и удивительно точно расставил все акценты. Для меня это тоже было большой поддержкой.

Подчеркнем, что хотя Волков всю жизнь больше занимался XX в., предыдущее столетие не было для него совсем чуждым. Он был очень разносторонней личностью. Многим известна коллективная монография ««Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг.», первый том которой вышел в 1977 г.¹ (второй не появился из-за противодействия Отдела науки ЦК КПСС). Владимир Константинович глубоко погрузился в эту проблематику, «редактировал» отдельные главы этой работы буквально на грани соавторства, правя, а подчас и полностью переписывая их. Такое редактирование я называю «авторским», типа вольного перевода.

В 1987 г. В.К. Волков победил на выборах и возглавил ставший ему давно родным Институт славяноведения и балканистики. Было, наверное, что-то символичное в том, что именно он в годы перестройки стал в нашей стране одним из первых избранных, а не назначенных, как ранее, директоров академических институтов. Кроме Волкова, баллотировались также крупные ученые — Г.Г. Литаврин и

¹ «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. М.: Издательство «Наука», 1977.

В.Н. Виноградов. Однако более демократичного директора, чем Владимир Константинович, трудно было придумать.

И он никак не изменился после своего избрания. Каким был научным сотрудником, таким оставался и на посту директора Института. Дистанция между ним и другими сотрудниками Института не увеличилась ни на йоту. Причем его демократизм не был, конечно, какой-то данью моде, процессам, бушующим за стенами Института. Это был демократизм старой московской интеллигентской закваски. Все 17 лет директорства Владимира Константиновича дверь в его кабинет никогда не закрывалась. К нему шли все — от маститых ученых до аспирантов, и он всех заинтересованно выслушивал, поддерживал в научных изысканиях, помогал в житейских проблемах. И всегда это был разговор не начальника, а коллеги.

Но надо отметить и то, что при всем своем демократизме и дипломатичности это был принципиальный, настойчивый, упорный в отстаивании своих убеждений человек. Он был подлинным русским, славянским патриотом. Его патриотизм не был слепым, а базировался на глубоком научном знании.

Будучи подлинным патриотом и бесконечно преданным науке, он в середине 1990-х годов сумел сохранить Институт, когда нависла угроза его закрытия. Самая большая славянская страна могла лишиться своего главного научного славистического центра. И благодаря прежде всего усилиям Волкова, его кипучей энергии и веры в справедливость Институт в середине 1990-х годов не только не был упразднен, но и сохранился как крупный научный центр международного значения. В Институте получили развитие и новые для него направления, в частности украинистика и белорусистика. Правда, Институт потерял часть своего названия и стал называться просто Институтом славяноведения. Владимир Константинович очень переживал из-за этого и предпринимал усилия для возвращения прежнего наименования.

В.К. Волков, как никто другой, понимал, что Институт славяноведения РАН — уникальное явление в мировой славистике, что только в нем создан «сплошной фронт славяноведения»². В этом сохранении академической славистики как единого центра заключается, пожалуй, его главная заслуга как ученого и гражданина.

Еще одна характерная черта В.К. Волкова: как уже упоминалось, его интересовал не ограниченный отрезок времени, а целые исторические эпохи, но прежде всего весь оказавшийся таким трагическим двадцатый век. Он был, в частности, инициатором серии трудов — «Очерки истории славянских стран в XX веке» (по его словам, серии «третьего поколения», учитывая созданные в Институте в конце 50-х — начале 60-х годов двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории в конце 80-х годов)³. При его жизни вышли в свет книги, посвященные истории Болгарии⁴ и Чехословакии⁵, история Югославии⁶ и Польши⁷ в XX в. вышли несколько позже.

В.К. Волкова глубоко беспокоила разобщенность современного славянства, которую он определял термином «энтропия», означающим в физике рассеивание энергии или разбегание звезд. Его глубоко беспокоило то, что в славянском мире наблюдаются многие болезненные уродливые явления, в том числе и русофобия. Он полагал, что современные тенденции развития славянских государств могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся

² Волков В.К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. С. 281.

³ Там же. С. 292.

⁴ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М.: «Наука», 2003.

⁵ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х книгах. М.: Наука, 2005.

⁶ Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: «Индрик», 2011.

⁷ Польша в XX веке: Очерки политической истории. М.: Издательство «Индрик», 2012.

перед угрозой потери национальной самобытности, или, как сейчас говорят, идентичности⁸. К сожалению, многие его опасения оправдались.

Владимир Константинович всегда был новатором и первым брался за разработку многих неисследованных тем. Так, его статья (в соавторстве с Л.Я. Гибианским) о советско-югославском конфликте 1948 г., опубликованная в «Вопросах истории»⁹, фактически положила начало серьезным исследованиям этого значительного события в истории социалистической системы и международных отношений. Он одним из первых подробно проанализировал и современный югославский кризис. Достаточно назвать его глубокую, аналитическую статью «Трагедия Югославии» в «Новой и новейшей истории», затем опубликованную в доработанном виде в его книге «Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы»¹⁰.

В.К. Волков исходил из того, что Югославия не была случайным конгломератом разнородных земель, а ее возникновение стало следствием «сознательного стремления югославянских народов к объединению». Однако развитие титовской Югославии привело к тому, что в ее республиках и автономных краях сформировались так называемые этнократические кланы. Это имело непосредственное влияние на разразившийся в Югославии системный кризис. События в этом государстве невозможно понять и без международного фона — во-первых, перестройки в СССР и «бархатных революций» 1989 г. в Восточной Европе и, во-вторых, вмешательства западных держав в начавшуюся этногражданскую войну. Причем столь затяжной характер

⁸ Волков В.К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра. С. 311–312.

⁹ Волков В.К., Гибианский Л.Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 3–22.

¹⁰ Волков В.К. Трагедия Югославии (1991–1995) // Он же. Узловые проблемы... С. 223–271.

война приобрела как раз вследствие вмешательства в него стран НАТО, которые по существу превратили Балканы в свой протекторат¹¹.

Особо важный вывод Волкова заключался в том, что югославский кризис сыграл большую роль в складывании новой модели системы международной безопасности. Волков подчеркивал, что кризис ускорил те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы на другую. За последние четыре столетия подобная смена происходит пятый раз: после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.; Первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919–1920 гг.; Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г. и, наконец, после окончания холодной войны. Причем в замене трех последних из них важнейшую роль сыграли именно Балканы¹².

Для меня же вовлеченность В.К. Волкова в проблематику югославского кризиса сыграла дополнительно положительную роль. Владимир Константинович согласился быть ответственным редактором моей книги о боснийской составляющей югославского кризиса¹³, что требовало в те времена определенного мужества. Впоследствии он убедил меня защищать тему, изложенную в книге, в качестве докторской диссертации. Тем самым он фактически существенно помог мне в защите обеих диссертаций.

Важнейшие работы В.К. Волкова 1990-х годов составили книгу «Узловые проблемы новейшей истории стран Централь-

¹¹ Волков В.К. Узловые проблемы... С. 224, 227, 243–249.

¹² Волков В.К. Балканы в системе геополитических интересов России // *Он же. Узловые проблемы...* С. 322, 325; *Он же. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций* // *Он же. Узловые проблемы...* С. 343.

¹³ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999.

ной и Юго-Восточной Европы»¹⁴. Она стала одной из самых успешных попыток рассмотрения событий 1990-х годов на Востоке Европы и всего 50-летнего периода существования «социалистического эксперимента» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Читатель получил не обычный сборник статей, а скорее монографическое издание, объединенное общим замыслом и общей проблематикой. В.К. Волков фактически рассмотрел интересовавшую его проблему — роль и место народов Центральной и Юго-Восточной Европы в современном мире — с трех сторон: конкретно-исторической, историографической и теоретической. Собранные под одной обложкой работы раскрылись новыми гранями.

«Узловые проблемы» не только подытожили многие размышления В.К. Волкова за последние годы. В этой книге он сумел подняться на новый уровень обобщения. По крайней мере, так — по охвату материала и глубине его осмысления — на современную тему не писали давно. И эту книгу не может обойти вниманием ни один серьезный исследователь, интересующейся судьбой славянства и историей Восточной Европы XX в.

Наконец, Владимир Константинович сыграл решающую роль в том, что я согласился пойти на выборы и после их завершения заменить его на посту директора Института славяноведения РАН. Мое согласие было получено не сразу, но в конце концов он сумел меня убедить. Будучи человеком неравнодушным и азартным, он принял в избирательной кампании самое живое участие. И вот я уже более 20 лет занимаю кабинет, в котором когда-то сидел Волков. Теперь на меня в этом кабинете смотрит его фотография.

В.К. Волков ушел из жизни неожиданно, полный творческих сил и замыслов. Освободившись от административной

¹⁴ Волков В.К. Узловые проблемы... См. рецензию на эту работу: Никифоров К.В. В.К. Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. 368 с. // Славяноведение. 2001. № 3. С. 103–107.

нагрузки, он с молодой страстью вернулся к исследовательской работе. Горько сознавать, сколько научных планов, которыми Волков был просто переполнен, осталось нереализованными. Но и сделал он очень много.

Без трудов В.К. Волкова невозможно представить себе российскую (советскую) историческую славистику, историографию международных отношений в Центральной Европе и на Балканах и целый ряд смежных областей исторической науки. Он являлся автором около 200 научных трудов (из них — 10 индивидуальных и коллективных монографий, в которых выступал ответственным редактором и автором ряда глав).

Такие люди, как Владимир Константинович Волков, не уходят бесследно. Остаются книги, остаются идеи, остаются ученики. И хотя я не был формально его учеником, думаю, вправе считать его своим наставником, старшим товарищем. Его хорошее к себе отношение я с благодарностью ощущал все время нашего с ним общения. Старался отвечать взаимностью.

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ВОЛКОВ. ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

Прошло много лет со дня его безвременной и такой трагически нелепой кончины. А сердце по-прежнему сжимается от боли, от осознания несправедливости происшедшего, тоски по невысказанному, от того, что не договорили, не дообщались. Разумеется, а как же иначе, возвращаясь в далекое прошлое, к середине 60-х годов, давно ушедшего XX века, к первой памятной встрече.

В ту пору обучался автор этой скромной мемории в аспирантуре исторического факультета Воронежского Университета и занимался изучением русско-польских революционных связей в дооктябрьскую пору. Видимо, по этой причине декан исторического факультета Анатолий Евсеевич Москаленко решил представить меня гостю, сотруднику Института славяноведения АН СССР, автору недавно появившейся на прилавках, скромно, в мягком переплете, но в красивой обложке, изданной книжицы «Операция “Тевтонский меч”» об инспирированном гитлеровским рейхом убийстве в Марселе, в октябре 1934 г. министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра Первого Карагеоргиевича.

Первое впечатление от знакомства с московским гостем было воодушевляюще-замечательным. Открытое красивое лицо, необыкновенно умные, прямо-таки искрящиеся глаза, манера держаться с любым человеком на равных и в то же время со скромным внутренним достоинством. В нем сразу угадывался потомственный интеллигент, способный оценивать всех и все по собственному «гамбургскому» счету, знающий подлинную цену любым жизненным проявлениям. Мы как-то сразу не то, чтобы подружились, но, что называется,

нашли общий язык, какие-то глубоко скрытые, но от этого не менее значимые точки соприкосновения.

В Воронеже, в тот день поздней осени (на госте нашем было солидное кожаное пальто с теплой подкладкой), В.К. Волков оказался не случайно. Оказывается, здесь, в одном из чудом уцелевших во время войны домов, проживал в дореволюционные времена его дядя, видимо, по материнской линии, поскольку фамилия его была Петровский. Из наших оживленных разговоров я понял, что дядя был, что называется, «честных правил», состоял депутатом Третьей Государственной Думы от Воронежской губернии и оставил после себя кое-какое, как ни странно, уцелевшее наследство, из которого Владимира Константиновича интересовали только книги. Вот за ними-то он и в этот, и в последующие годы приезжал неоднократно. Кроме того, будучи уже в конце 70-х годов, заведующим кафедрой новой и новейшей истории, я приглашал Ученого в Воронеж для чтения небольшого специального курса лекций по истории балканских стран. Он всегда прибывал в Воронеж с новыми научными идеями и более, чем солидной, стопкой недавно изданной литературы. Студенты-историки были в восторге от общения с именитым столичным гостем. Виртуозно-свободное владение разнообразным историко-историографическим материалом, тонкое ощущение аудитории, непревзойденное чувство юмора, вкупе с глубоким, непоказанным демократизмом завораживали. Безусловно, встречи с В.К. Волковым становились ярким событием студенческой жизни, запоминавшимся надолго.

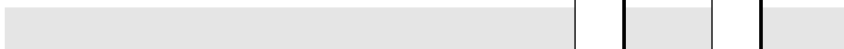
В каждый из его приездов в Воронеж (или моих в Москву) мы неизменно встречались в моем или его доме, вели бесконечные разговоры, шутили, поскольку отменное чувство юмора никогда и ни в какую пору Владимиру Константиновичу не изменяло. Говорили, разумеется, о чем-то серьезном, значимом и для него, и для меня. Проходили десятилетия, и я чувствовал, как менялось к нему отношение

внутри Института славяноведения. В самом начале нашего общения (напомню, конец 60-х) оно было, как мне показалось, настороженным и холодноватым. Ему, так мне по крайней мере виделось, приходилось доказывать и отстаивать свою значимую научную состоятельность, свое право на глубину и неординарность суждений, доказательств, выводов. Но с течением времени многие, если не все, стали понимать масштаб личности В.К. Волкова, ученого и человека, ценить его энциклопедическую образованность, глубину и основательность научных посылок, суждений, умение адекватно и непредвзято оценивать не только сложные хитросплетения исторических явлений, но и великолепно ориентироваться в непростой повседневности академической жизни.

Для этой генерации специалистов высокого уровня (не только исследователей-историков) характерны были широкая образованность, прекрасная подготовка в самых разных отраслях знания, интерес к искусствам. Они прекрасно ориентировались в книжном море, поскольку с раннего, военного детства были дружны с печатным словом. Зачастую классика и современная литература служила этим школьникам уже послевоенного времени ориентиром в непростой жизни, кипевшей вокруг. Отсюда их основательность, обдуманность поведения, полное отсутствие верхоглядства, и в то же время любовь к острому слову и веселому розыгрышу. Владимир Константинович был, если так можно выразиться, необычайно созвучен тому на редкость сложному и противоречивому времени, в котором довелось ему жить.

Глубокий ум, интеллигентность, постоянное стремление к дружескому сотрудничеству, искренняя, шестидесятичеловечески-оттепельная вера в торжество ДОБРА делали Владимира Константиновича человеком, твердо нацеленным на СОЗИДАНИЕ.

И мне кажется, что основной массив его исследований не утратил ни глубины, ни актуальности, ни стилистического блеска лишь потому, что был написан ЛИЧНОСТЬЮ масштабной, востребованной во все времена.



II

**ДЕЙСТВИЯ РОССИИ
ПО ПРИЗНАНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ БОЛГАРИИ
В ОТРАЖЕНИИ БОЛГАРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**
**RUSSIA'S ACTIONS
TO RECOGNIZE BULGARIA'S INDEPENDENCE
REFLECTED IN THE BULGARIAN POLITICAL PRESS**

Аннотация. В статье анализируется то, какое внимание газеты болгарских политических партий уделяли России во время урегулирования вопроса о признании независимости Болгарии в 1908–1909 гг. Показаны их реакция на неоднозначные оценки русской прессой синхронности действий Софии и Вены в сентябре 1908 г., описания усилий ведомства А.П. Извольского, освещение приема князя Фердинанда в Петербурге с царскими почестями, отзывы на российское предложение о трехсторонней финансовой сделке, утверждения о его скрытых мотивах и отклики на телеграмму Николая II с признанием независимости государства. Делается вывод о периферийном месте России в информационном потоке того времени и детерминированности отношения к ней внутриполитическими факторами.

Ключевые слова: Болгария, независимость, Боснийский кризис, Россия, болгарские политические партии, русофобы/русофилы.

Берлинский конгресс 1878 г. оставил Болгарию разделенной и зависимой от Османской империи. В 1885 г. вассальное княжество Болгария и автономная провинция Восточная Румелия де-факто объединились, однако де-юре оставались разноправными частями владений султана. В реальности Болгария осуществляла суверенную внутреннюю политику, Тырновская конституция никак не упоминала вассального статуса княжества, заключались торговые соглашения и даже военные конвенции, в Софии пребывали дипломатические представители великих держав, а в их сто-

лицах — болгарские дипломаты, пусть и в статусе агентов, а не посланников.

Свою фактическую независимость в Болгарии желали формализовать, особенно к этому стремился амбициозный князь Фердинанд. В 1907 г. ходили слухи, что ее объявят то в рамках торжеств в честь 1000-летия крещения страны, то в ходе празднования 25-летия правления монарха¹. Российский дипломатический агент в июле 1907 г. констатировал, что вопрос о независимости «окончательно назрел в уме князя и его министра иностранных дел»². Однако великие державы к этому акту сочувствия не испытывали — одни (Великобритания и Германия) в это время боролись за симпатии Константинополя, другие (Франция, Австро-Венгрия и опять-таки Германия) переживали за судьбу османских долгов, а Россия не желала преждевременного для нее пересмотра условий Берлинского трактата.

Ход событий резко ускорился после младотурецкого переворота летом 1908 г. Изначально болгарское руководство заняло выжидательную позицию, однако к концу августа решило воспользоваться моментом³. И тут как нельзя кстати пришелся т. н. инцидент Гешова. Болгарского представителя в Константинополе И.С. Гешова вопреки сложившейся практике не пригласили вместе с другими дипломатами на торжественный ужин, организованный Высокой Портой. Это стало звонкой оплеухой, напомнившей софийским властям об их вассальном статусе. Представители великих держав попытались смикшировать скандал, но безуспешно⁴.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1334. Т. 2. Л. 1.

² Там же. Ф. МИД. Канцелярия. 1907 г. Оп. 470. Д. 165. Т. 1. Л. 56.

³ Марков Г. Возникновение независимого Царства Болгария в ходе Балканского кризиса 1908–1909 годов // Славяноведение. 2009. № 3. С. 4–6; Горанов П. Търновският акт от 5 октомври 1908 г. // Обявяване на независимостта на България през 1908 г. / отг. ред. М. Исусов. София: Издателство на Българската академия на науките, 1989. С. 15.

⁴ Гешов Ив. Ст. Историята на моя пилаф (Дипломатически инцидент в Цариград — 2 септември 1908 г.) // Спомени за обявяване на независимостта

И.С. Гешов покинул Константинополь, болгарская пресса стала активно раздувать скандал⁵. На следующий этап эскалации конфликт вышел после того, как забастовали турецкие служащие «Восточной железной дороги» («Compagnie d'exploitation des chemins de fer orientaux»), чьи линии проходили и по Болгарии. Это парализовало сообщение по всей стране, власти приказали военным занять объекты инфраструктуры и возобновить движение. Когда же забастовка прекратилась, они отказались возвратить управление компании. Фактически произошел захват железных дорог, находившихся в собственности международного консорциума.

Для иностранных наблюдателей вектор движения Болгарии был очевиден, как не были секретом и переговоры Фердинанда с австро-венгерскими императором Францем-Иосифом и премьером А. Эренталем. Российские дипломаты выступали в целом за признание независимости, но желали, чтобы это произошло не в связи с очевидно готовящейся аннексией Боснии и Герцеговины⁶. Однако события развивались не по их сценарию.

22 сентября 1908 г. в средневековой столице Болгарии Тырново была объявлена независимость Болгарии, ее правитель принял титул царя болгар. Через два дня были опубликованы обращения Франца-Иосифа, согласно которым он «решил распространить свою власть на Боснию и Герцеговину»⁷. Начался Боснийский кризис, отодвинувший проблемы Болгарии на задний план.

на България 1908 / съст. Р. Попов, Е. Стателова. София: Издателство на Отечествония фронт, 1984.

⁵ Стоянов И. Българският буржоазен печат за обявяването на независимостта на България през 1908 г. // Обявяване на независимостта на България през 1908 г.... С. 70.

⁶ См.: Бестужев И.В. Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. № 5. С. 118–120.

⁷ Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. С. 238.

В самой стране, что характерно, объявление независимости не стало объединяющим событием⁸ — политиков, кажется, не могли примирить ни радости, ни невзгоды их отечества.

В это время правительство было сформировано Демократической партией, ее лидер А. Малинов возглавлял кабинет. Бразды правления государством князь Фердинанд вручил этой силе в январе 1908 г., а уже в мае в соответствии с болгарскими традициями того времени она одержала сокрушительную победу на выборах в парламент. Однако по своему политическому весу демократы значительно уступали как своим предшественникам у власти — Народно-либеральной партии (стамболовистам), так и преемникам — Народной и Прогрессивно-либеральной партии. В то же время они являлись золотой серединой во внешнеполитических взглядах: правившие до них традиционно причислялись к русофобам и австрофилам, принявшие бразды власти после них — к отчаянным русофилам. А не учитывать русский фактор в балканских проблемах того времени было невозможно. Описание действий России превратилось в фактор внутренней политической борьбы, а само ее место на страницах партийной прессы заслуживает отдельного внимания.

Растиражированный газетами манифест об объявлении независимости начинался со следующих слов: «По воле незабвенного царя-освободителя, великий братский русский народ при помощи добрых наших соседей подданных его величества румынского короля и храбрых болгар 19 февраля 1878 года сломал рабские цепи, веками сковывавшие Болгарию, некогда столь великую и столь славную»⁹. Казалось бы, такое обоснование акта о независимости должно было

⁸ Стоянов И. Българският буржоазен печат... С. 71.

⁹ Манифест на цар Фердинанд I към българския народ за обявяване независимостта на България: 22 септември (5 октомври) 1908 г. // Централен държавен архив на България. Ф. 143К. Оп. 1. А.е. 124. Л. 1. URL: <https://m.bigenc.ru/vault/a1945febe18bcfd22904e157024cfb77.pdf> (дата обращения: 23.02.2025).

растопить сердца и наиболее рьяных болгарофобов. Тем не менее, в самой России пресса двояко отнеслась к объявлению независимости, считая его справедливым, но осуждая связь с аннексией Боснии и Герцеговины. Консервативные «Московские ведомости» обвинили болгарского монарха в сговоре с австрийцами, в результате чего произошла «сдача славян швабам»¹⁰. Влиятельная правая газета А.С. Суворина «Новое время» обвиняла Фердинанда в том, что он «взял из рук Австрии заветный ключ и открыл немцам дверь к тому святилищу, где хранились остатки славянских свобод», а либеральное «Русское слово» сетовало, что «Австрия и Болгария связаны теперь незримыми узами»¹¹. Неоднозначно было принято и объявление болгарского правителя царем, поскольку это разрушало монополию главы России на этот титул, символизирующий примат в православном мире.

Подобные публикации давали повод народно-либералам подогреть антироссийские настроения. 29 сентября в их органе «Нов век» вышла передовица на эту тему. В ней подчеркивалось: «Излишне говорить, какое значение для нашего народа имеет поведение нашей освободительницы по вопросу о провозглашении независимости». И далее разбиралась статья «Нового времени», сравнивалась с позицией России при объединении Болгарии и Восточной Румелии в 1885 г.¹² Авторы делали заключение, что такими своими заявлениями именно русский, а не болгарский народ подрывает славянскую солидарность, а по поводу принятого монархом титула даже позволили себе высокомерно указать: «Независимая Болгария называлась царством, а ее

¹⁰ Демьяненко Н.Н. Российско-болгарские отношения в отражении консервативной и либеральной печати периода правления Николая II (1894–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2025. С. 111.

¹¹ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 36.

¹² Об этом см.: Косик В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М.: Б.и., 1991. С. 109–177.

правитель — царем, еще до того, как этот термин стал известен русским правителям»¹³.

Газета правящей партии «Пряпорец» тоже обращала внимание на русскую прессу, но освещала иные публикации. Приводилось мнение воспринимаемой официозом «России», согласно которой свершилось историческое дело, но жизненно необходимо сохранить мир в Европе¹⁴. Цитировали они и «Новое время», но выбрали для этого статью А.А. Столыпина — брата премьера и активного сторонника славянского объединения. В ней подчеркивалось, что болгары добились многого именно благодаря своему миролюбию. Следом публиковалась выдержка из статьи из «Русского слова», также напоминавшей о важности мира¹⁵. Ловились даже крохи похвалы русской прессы. Спустя некоторое время привели и выдержку из октябристского «Голоса Москвы», утверждавшего, что представители крупнейшей славянской державы должны радоваться появлению нового славянского государства и поддерживать его независимость¹⁶. Однако пыл «Нового времени» не остывал, и газета демократической партии была вынуждена посвятить передовицу полемике с суворинским изданием. Редактор «Пряпорца» требовал доказательств утверждения о противодействии Болгарии идее балканской федерации, доказывал, что его страна искренне выступает за дружеские отношения с соседями. Особое внимание он обратил на то, что «Новое время» взывало к чувствам русофильской массы крестьян, хотя, как подчеркивалось в статье, есть только равные граждане страны, а подобные двусмысленные намеки на организацию комплота вряд ли будут способствовать славянской солидарности¹⁷.

¹³ «Излишно е да казваме...» // Нов век. 1908. 29 септ.

¹⁴ Външна хроника // Пряпорец. 1908. 27 септ.

¹⁵ Руската преса за България // Там же. 30 септ.

¹⁶ Външна хроника // Там же. 28 окт.

¹⁷ «Вчерашният бюлетин...» // Там же. 18 дек.

Пристальное внимание вызывали и действия главы российского МИД А.П. Извольского по урегулированию болгарского и боснийского вопросов. Без подробностей, но регулярно сообщалось о его поездках с целью организовать конференцию по пересмотру Берлинского трактата¹⁸, но эти попытки оказались, как известно, тщетными. 12 декабря 1908 г. состоялось выступление министра иностранных дел в Думе. Поводом являлось утверждение бюджета министерства на следующий год, но глава ведомства заодно ознакомил парламентариев со своим видением внешнеполитических событий уходящего года. Касаемо действий Софии он отметил, что она объявила о независимости в тот момент «вопреки настойчивым советам России». Однако крупнейшая славянская держава не забывает, чьими стараниями создана свободная Болгария, потому не может «не сочувствовать достижению нами же поставленной ей цели». Будущие же отношения, как подчеркнул министр, будут опираться на поведение властей этой страны по отношению к «другим славянским государствам Балканского полуострова». Извольский надеялся в скором увидеть их союз, к которому присоединится и Османская империя¹⁹. Выступавший после него монархист В.А. Бобринский, не обвиняя Болгарию в прямом сговоре с Австро-Венгрией, указал, что ни русский, ни болгарский народ не могут радоваться независимости, если она действительно куплена «ценою рабства полутора миллиона сербов Боснии и Герцеговины»²⁰. Лидер кадетов П.Н. Милюков, по этому вопросу осторожно используя оборот «может быть», снял вину за сговор с Веней с народа и правительства, тем самым возведя ее лично на монарха,

¹⁸ Външни известия // Там же. 4, 9, 14, 16 окт.; Външна хроника // Там же. 11 дек.

¹⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. Часть I. Заседания 1–35 (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. Стб. 2628–2629.

²⁰ Там же. Стб. 2650.

и призвал использовать момент для укрепления симпатий к России — т.е. рекомендовал признать Тырновский акт²¹.

Стоит отметить, что из отведенных выступлению Извольского и ответным репликам 80 столбцов стенографического отчета о заседании Думы, Болгарии посвящено лишь три абзаца. Министра и депутатов больше занимали не только Боснийский кризис и отношения с Англией, но и публичные заявления посланника в Персии Н.Г. Гартвига о противодействии ему российского военного агента в этой стране. Однако газета правящей болгарской партии уделила этому эпизоду в российском парламенте не только весь раздел иностранных известий, но передовицу. В ней экспозе Извольского благоговейно оценивалось следующим образом: «Мы должны признать, что оно оправдало надежды. Оно внесло бодрость духа и более глубокую веру в будущее славянской солидарности. Нас радуют не только симпатии, высказанные в российской Думе к славянской Болгарии — Болгария, как и следовало ожидать, не исключена из круга забот традиционной политики России по защите интересов славянских народов — мы довольны и тем, что в Петербурге, хотя и упрекают нас, но не обвиняют; там даже берут на себя ответственность за Тырновский акт, являющийся следствием великой освободительной войны». Редакция газеты подчеркнула, что Болгария никогда не предавала и не предаст чувств славянской солидарности. А озвученный союз балканских славян с Турцией, за который выступает и болгарский народ, «станет первым успехом политики, начертанной Извольским»²².

Российский посланник в своем донесении тоже отметил, что заявления в Думе «произвели здесь самое благоприятное впечатление», пересказал передовицу болгарского офицера и добавил, что положительные оценки экспозе Из-

²¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. Часть I. Заседания 1–35 (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.). Стб. 2697.

²² «Миналата неделя...» // Пряпорец. 1908. 16 дек.

вольского появились на страницах различных газет, в том числе и не отмеченных симпатиями к России²³.

Казалось бы, воцарилась идиллия в российско-болгарских отношениях, но на Рождество случился скандал, в центре которого оказался официальный представитель России. Супруга посланника являлась главой благотворительного общества «Евдокия», дававшего рождественский прием. Заранее на него пригласили и болгарскую монаршую чету, та дала понять, что присутствовать не сможет, но отнеслась к идее благосклонно. Однако накануне приема по столице прошел слух, что супругу князя Фердинанда не пригласили изначально. Офицеры софийского гарнизона в ответ решили объявить мероприятию бойкот, а затем и последовал официальный запрет начальника гарнизона на посещение приема. Произошедшему были удивлены даже присутствовавшие на приеме болгарские министры во главе с премьером, сам Д.К. Сементовский-Курило считал, что интрига была инспирирована князем с целью дестабилизировать внутривосточную ситуацию и укрепить личную власть²⁴.

«Пряпорец» это оценил как недоразумение, в котором «видна лишь страсть к разглагольствованиям и сплетничеству, к безоглядному злословию»²⁵. Антироссийские силы злорадствовали, а пророссийские — стремились разыграть карту скандала в свою пользу. Последние доказывали читателям, что имел место сознательный выпад правительства и главы государства против российского посланника и всей России, а потому призывали народ сменить кабинет министров²⁶. Впрочем, эксцесс с обществом «Евдокия» далеко идущих последствий не имел, ни одна из сторон не стала раздувать скандал дальше.

²³ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. 1908 г. Оп. 470. Д. 171. Т. 1. Л. 149.

²⁴ Там же. Л. 163–165.

²⁵ Вътрешна хроника // Пряпорец. 1908. 31 дек.

²⁶ Партизанското безумие в редакцията на в. «День» // Пряпорец. 1908. 31 дек.

На этом фоне шел закулисный поиск разрешения болгарской проблемы. Самовольное объявление независимости не привело к его автоматическому признанию. Великие державы его непременно условием ставили согласие Османской империи, и это диктовалось далеко не только желанием защитить слабеющего стража проливов. Болгарская независимость поднимала два важнейших экономических вопроса — компенсации за потерю Константинополем дани с Восточной Румелии (для кредиторов Порты ее платежеспособность была не последним делом) и за захваченные активы общества «Восточные железные дороги». Акционерами последнего являлось большое количество банков, представляющих все ведущие финансовые державы, однако главными держателями акций был австро-венгерский и германский капитал. Дипломатические представители европейских государств твердо встали на защиту интересов финансовых кругов. Чувствуя такую поддержку, Константинополь, естественно, не стал соглашаться на болгарские предложения о безвозмездном признании независимости. Начался традиционный восточный торг. В нем звучали завышенные и заниженные цифры, громкие крики о том, что независимость нельзя купить деньгами, и настойчивое утверждение, что есть лишь 82 млн франков (40 — за румелийскую дань и 42 — за железные дороги), и больше дать не могут, имел место даже откровенный шантаж с заявлениями о пересмотре границы и ответной мобилизацией отдельных воинских частей на границе.

Компромиссное решение нашли в Петербурге и в январе 1909 г. предложили сторонам следующую комбинацию. Османская империя получала требуемые 125 млн франков в виде вычета из долга перед Россией по контрибуции, определенной итогами русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Болгария же становилась должна России в качестве компенсации за это 82 млн франков, которые и ранее соглашалась оплатить, заем оформлялся на 75 лет под льготные

4,75 % годовых²⁷. Когда телеграмма с этим предложением была получена в правительстве, там ликовали. Как вспоминал министр внутренних дел Н. Мушанов, даже военный министр, известный русофоб Д. Николаев испытывал смешанные чувства: «С одной стороны, предложение было хорошим, с другой — плохим, поскольку исходило от русских». По его же словам, в этот вечер произошел разворот в политике Демократической партии: «До того мы были недругами славянства»²⁸.

Информация о комбинации сразу же просочилась в прессу. «Пряпорец» 22 января сообщил, что «правительство нашей Освободительницы» при поддержке Великобритании, Франции и Италии выдвинуло предложение об урегулировании. Его детали озвучивались в общих чертах, но подчеркивалось, что заем будет дан по умеренный процент, без требований гарантий или контроля за финансами²⁹. На следующий день органы русофильских партий обозначили это событие как «великодушный акт братской России, которым спасается освобожденная ей Болгария, оказавшаяся в мучительном и опасном кризисе», «новым великодушным шагом»³⁰. Впрочем, стамболовисты не могли столь же елейно смотреть на идеи, исходящие из Петербурга. Они посвятили русскому предложению передовицу партийной газеты. В ней констатировалось, что выдвинутые условия не удивляют — Россия подобно Австро-Венгрии стремится поучаствовать в разделе Балкан и хочет подчинить себе Болгарию. Однако они были озадачены готовностью Вели-

²⁷ Из этой суммы Болгария выплатила 11,33 млн франков, после Октябрьской революции советское правительство аннулировало финансовые обязательства других стран перед Российской империей (*Червенков Н.Н., Шкундин Г.Д.* Провозглашение независимости и объявление Болгарии царством // *Болгария в XX веке: Очерки политической истории* / отв. ред. Е.Л. Валева. М.: Наука, 2003. С. 33).

²⁸ *Мушанов Н.* По независимостта // *Спомени за обявяване на независимостта...* С. 109.

²⁹ «С бесконечного протакане...» // *Пряпорец*. 1909. 22 януари.

³⁰ *Стоянов И.* Българският буржоазен печат... С. 73.

кобритании и Франции признать эту комбинацию, усиливавшую русское влияние в регионе. Главным же объектом критики стали лидеры демократической партии, ранее отказывавшиеся от выплат до признания независимости, теперь согласившиеся на заем без заранее легализованного Тырновского акта. Потому, резюмировал «Нов век», данное «великодушное» предложение следует отвергнуть³¹.

На следующий день с передовицей о предложении вышел и «Пряпорец». «Предложение русского правительства, во многих местах в Европе вызвавшее большое удивление, у нас было встречено и правительством, и народом с удовольствием и благодарностью. Правительство нашей Освободительницы предложило нам свою щедрость, предложило нам свое самое большое содействие, чтобы мы могли с наименьшими потерями выйти из сегодняшних затруднений», — писали авторы статьи. Заявлялось, что в результате «акта самого большого братского сочувствия» связи между странами стали «неразрывными». А касаясь же изданий, выражавших сомнения в искренности России, указывалось, что они далеки от народа и забывают «здоровые исторические связи, скрепляющие два братских народа»³².

Однако подразумеваемые под этим стамболовисты не оттаивали в выражении сомнений. В одной передовице своей газеты они подчеркивали, что ранее российское общественное мнение негативно восприняло объявление независимости, а теперь дает заем на невыгодных для себя условиях, потому даже «самые отчаянные русофилы» смущаются, когда слышат про альтруизм Петербурга. Признавая, что руководство России не будет разбрасываться деньгами просто так, авторы называли цель, ради которой предложена комбинация — политическая свобода Болгарии. С учетом этого, подчеркивали оппозиционеры, лидеры демократи-

³¹ «От завчера повея...» // Нов век. 1909. 23 януари.

³² «Предложение на руского правителство...» // Пряпорец. 1909. 24 януари.

ческой партии являются изменниками³³. Через пару дней они напомнили читателями, что и так часто звучат слова о моральном долге перед Россией за освобождение страны, теперь же будет и материальный. В таких условиях «вместо номинального вассалитета перед турками на Болгарию ляжет реальное русское сюзеренство». По какой-то причине этого не понимают ни «наши скудоумные демократы», ни другие державы, и надежда лишь на «мудрых турецких властителей» — они должны понять, что в результате комбинации Россия окажется у берегов Босфора, и, следовательно, отвергнуть это предложение³⁴.

На таком информационном фоне вырабатывались детали трехстороннего соглашения, и вопрос независимости сошел бы на второй план, если бы не смерть русского великого князя Владимира Александровича — третьего сына Александра II и участника освобождения Болгарии. Почти все болгарские газеты откликнулись на это известие, оно не занимало передовицы, но нередко представляло собой обширный материал с портретом на последующих страницах³⁵. У болгарского монарха с данным представителем Дома Романовых сложились теплые личные отношения, именно Владимир Александрович по традиции встречал Фердинанда по приезду в Петербург³⁶, он возглавлял российскую делегацию на открытии памятника Царю-Освободителю в Софии. По этой причине просьба Фердинанда приехать на похороны выглядела логичной, вдобавок сам текст телеграммы был таков, что отказать оказалось сложно³⁷. Однако оставался вопрос о том, как принимать гостя.

³³ «Важността на известното руско предложение...» // Нов век. 1909. 26 януари.

³⁴ «Руссия не освобождава втори път...» // Там же. 28 януари.

³⁵ См., напр.: Велики княз Владимир Александрович // Реч. 1909. 6 фев.

³⁶ См. об этом: *Демьяненко Н.Н.* Освещение визитов болгарского князя Фердинанда Кобургского в Россию в конце XIX в. правой официальной печатью // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3.

³⁷ *Taube M.* A propos de la politique russe d'avant-guerre // *Le Monde Slave*. 1930. Juillet. P. 111; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997.

Российская газета «Биржевые ведомости» по этому поводу недоумевала: «Кто приезжает в Петербург? Князь или король?»³⁸. Прием болгарскому монарху оказали именно с царскими почестями, оркестр Преображенского полка приветствовал «его царское величество», хотя в отдельных церемониальных деталях проявлялось то, что статус болгарского правителя оставался неясным.

Однако пока еще Фердинанд был в пути, 6 февраля, другая газета Демократической партии «Время» опубликовала особый выпуск, в котором сообщила о полученных правительством сведениях о признании независимости. Российский посланник в большом удивлении телеграфировал об этом в Петербурге, но не мог найти источник новостей — министры выехали в провинцию для оценки последствий землетрясений и застряли там из-за снежных заносов³⁹.

Тем временем софийские газеты объявляли истерический ажиотаж. 7 февраля демократический официоз ликовал: «Наконец настал давно ожидавшийся момент. По решению русского императора и с предварительным уведомлением Франции, Англии и Турции, наш царь был встречен в России с почестями независимого владетеля, и независимость Болгарии была признана. Будем надеяться, что в скорейшем времени и оставшиеся великие державы последуют примеру нашей Освободительницы»⁴⁰. 10 февраля газета сообщала об испуге турецкого руководства от шага России, но подчеркивала, что цель Петербурга — мир на Балканах⁴¹. В том же номере поместили раздел с выдержками из британских, французских и турецких газет под заголовком «О призна-

URL: http://az.lib.ru/d/dzhunkowskij_w_f/text_0010.shtml (дата обращения: 23.02.2025).

³⁸ Демьяненко Н.Н. Российско-болгарские отношения... С. 119.

³⁹ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 172. Т. 1. Л. 39–40.

⁴⁰ «Най-после настана отдавна очакваният момент...» // Пряпорец. 1909. 7 фев.

⁴¹ «Турските правителствени кръгове...» // Там же. 10 фев.

нии Болгарского царства»⁴², а также подробно рассказывали о поездке болгарского монарха с резюме: «Царь удачно приехал в сегодняшнюю Россию, которая всецело и безвозвратно отреклась от предыдущей политики подчинения славянских народов и желает в дальнейшем жить с балканскими славянами в настоящем братском согласии»⁴³.

Сдержанную радость проявили и стамболовисты. Их орган 9 февраля со ссылкой на правительственный источник утверждал, что независимость признана «державами Тройственного согласия во главе с Россией», и вскоре последует подтверждение этому. Почести, оказанные Фердинанду, «равны признанию его положения, созданного Тырновским актом», что не могло не быть согласовано Петербургом с Лондоном и Парижем. Впрочем, Народно-либеральная партия продолжала отстаивать тезис о невозможности выкупа независимости, потому задавалась вопросом об условиях признания. Однако если статус Болгарии признан без условий, заключала газета, «это обрадует нас больше всех других болгар, поскольку окончательно утвердит дело, начатое нашей партией, отдавшей в жертву двух своих лидеров — С. Стамболова и Д. Петкова»⁴⁴. Тем самым «Нов век» напоминал читателям, чей вклад в дело независимости нельзя забывать.

На другом фланге оппозиции газета «Реч» 8 февраля сообщала о признании независимости Россией, Францией и Великобританией и рассыпалась панегириках: «После освобождения это второй величественный акт России, значение которого — продемонстрировать свою безграничную любовь к болгарскому народу, и последний не должен этого никогда забывать». И это притом, как подчеркивалось, что во главе Болгарии находится австрофил, который приветает русофобов-стамболовистов. Признавалось, впрочем, что «не-

⁴² По припознаването на Българското царство // Там же.

⁴³ По отиването на Н.В. Царят в Русия // Там же.

⁴⁴ «От правителствен източник...» // Нов. Век. 1909. 9 фев.

зависимость, купленная деньгами, срамна», а демократам не удалось избежать платы за «гнилую железную дорогу»⁴⁵.

В следующем номере, 10 февраля, «Реч» продолжала обильно поливать Россию елеем. Заявлялось, что ее величие не в могуществе, а в широкой душе и славянском сердце, и она «взяла всю ответственность за последствия своего поступка и высоко перед глазами всего мира подняла свое милое создание Болгарию»⁴⁶.

Но на следующий день всем пришлось резко изменить тональность — последовало разъяснение А.П. Извольского послу в Константинополе И.А. Зиновьеву, что почести болгарскому правителю не означают юридического признания независимого статуса возглавляемого им государства. «Софийски новини» объясняли причину ложных ликований в Софии следующим образом. Фердинанд телеграфировал премьеру, что едет в Россию как болгарский царь. Премьер телеграфировал супруге, что царь признан Россией. Она в свою очередь сообщила редактору демократической газеты «Время», что Россия с согласия Франции и Великобритании признала Болгарское царство⁴⁷. Тот уже срочно издал специальный выпуск с этой сенсационной новостью. «Так случается с любым делом, в которое вмешиваются женщины. Однажды женщины заварили кашу <...> от 9 августа 1886 г., увидим сейчас заварят ли нам какую-то кашу женщины-интернационастки», — завершала газета⁴⁸ намеком на русофильский переворот 1886 г., свергший князя Александра Баттенберга.

⁴⁵ Царство България припознато // Реч. 1909. 8 фев.

⁴⁶ Царът в Русия // Там же. 10 фев.

⁴⁷ Согласно воспоминаниям Н. Мушанова, находящийся в Ямболе Малинов получил от Фердинанда сообщение, что тот едет в Петербург и будет принят с царскими почестями. Министр торговли А. Ляпчев телеграфировал жене военного министра, а также видному деятелю партии Е. Каравеловой, что независимость признана Россией, Англией и Францией. После этого газеты разнесли данную весть (Мушанов Н. По независимостта... С. 110).

⁴⁸ Как е припозната независимостта // Софийски новини. 1909. 11 фев.

Однако «Реч» была куда более интересно и едко описывала конфуз. По ее мнению, находившиеся в заснеженном Борисовграде министры для того, чтобы согреться, предались веселью. И в тот момент пришла телеграмма об оказанных царских почестях. Обрадованные и разгоряченные министры направили близким телеграммы, в которых все извратили. «И абиссинский правитель Менелик объявил себя императором (королем королей), но от того, что он прицепил себе еще один лисий хвост, Европа ничего абсолютно не потеряла», — с некоторым злорадством заключало издание⁴⁹. «Нов век» же более сухо отмечал, что «благодаря скудоумию наших демократических правителей» великие державы были вынуждены подтвердить свою позицию: признание независимости лишь с согласия Порты. А это лишь отдалило этот момент⁵⁰.

Правительственной газете не оставалось ничего, как увиливать — утверждать, что теплый прием и почести равнозначны фактическому признанию, а действия России и заявления ее внешнеполитического ведомства являются единственно верными в такой ситуации⁵¹. А также через несколько дней «со скорбью» отметить разнузданность родной прессы — обрадовавшейся признанию независимости, теперь же издевавшейся над демократической партией и именующей прием Фердинанда «куртуазией»⁵². Словно пытаясь сгладить разочарование от не случившегося, но оглашенного, они поместили статью о реакции русской прессы на приезд болгарского монарха. «Нет ни одного болгарина, не потрясенного этим милым и сердечным языком, этими искренними и теплыми выражениями, с которыми газеты, независимо от политических убеждений, приветствовали первые шаги болгарского царя по русской земле», — разли-

⁴⁹ Янлъш олмуш // Реч. 1909. 12 фев.

⁵⁰ «Ако е имало случай...» // Нов век. 1909. 16 фев.

⁵¹ «На нашия цар...» // Пряпорец. 1909. 12 фев.

⁵² «С скръб трябва да отбележим...» // Там же. 14 фев.

вался соловьем «Пряпорец». И это, как заявлялось, венчает построение новых отношений на здоровой почве: «Недовение, с одной стороны, и оскорбительное протезирование — с другой, навсегда исчезли, поскольку непростительные ошибки прошлого уже никогда не повторятся»⁵³.

В начале марта в Петербурге был подписан русско-турецкий протокол, согласно которому Османской империи прощались 125 млн франков долга, а она обязывалась после урегулирования спорных вопросов с Болгарией не препятствовать ее независимости. На это известие «Нов век» предположил, что турки тайно получили разрешение не проводить реформы в Македонии, и «мы должны поставить крест на своих национальных идеалах», но «более горькими последствиями» его станет отдача Болгарии «в полное распоряжение русского правительства»⁵⁴. В итоге Россия, утверждало издание, «показала всему миру, что мы — ее порождение, о котором она имеет право заботиться как о чем-то своем собственном»⁵⁵. И в то же время стамболовисты уверяли себя и стали уверять читателей в неисполнимости протокола. Упоминание о необходимости Софии войти в переговоры с Константинополем они приравнивали к потребности заботиться о своей судьбе самим и трактовали это как знак «конца русском опекунству»⁵⁶, считая, что реализация условий протокола займет месяцы⁵⁷. И, как подытожил их печатный орган в середине марта, лишь «убогий духом» не может не понимать невыполнимость русско-турецкого финансового соглашения⁵⁸.

Однако главным объектом критики оставалась демократическая партия. Ей оппозиционеры вменяли исклю-

⁵³ «Отзивите на руските вестници...» // Там же. 17 фев.

⁵⁴ «Вчерашни телеграфски известия...» // Нов век. 1909. 4 март.

⁵⁵ «Туй, което стана известно...» // Там же. 11 март.

⁵⁶ «Подозрението...» // Там же. 6 март.

⁵⁷ «В миналия си брой...» // Нов век. 9 март.

⁵⁸ «Като че ли е писано...» // Там же. 16 март.

ченность Болгарии из процесса решения ее судьбы — при подготовке «первого международного акта после нашей независимости и касающегося наших жизненных интересов, Болгария не участвует и не имеет голоса»⁵⁹. Они обращались к этой теме неоднократно⁶⁰, называли «преступным равнодушием»⁶¹, «манкированием» своим долгом, именовали правительство — «настоящими ориентальными государственными мужами», которых в любой нормальной стране снесла бы волна народного гнева⁶². Когда же для урегулирования финансовых вопросов в Петербург отправились министры иностранных дел и финансов С. Паприков и И. Салабашев, а в Константинополь — министр торговли А. Ляпчев, то «Нов век» стал пугать своих читателей — на Болгарию лягут еще долги: «К известным уже 82 миллионам они прибавят в знак признательности еще 25–30 миллионов, какие-то расходы на русскую оккупацию Южной Болгарии»⁶³.

И уже за день до официального объявления независимости и подписания русско-турецкого протокола стамболовисты цеплялись за последнюю надежду. 31 марта 1909 г. восстали части константинопольского гарнизона и произошло свержение младотурок. «Нов век» предполагал, что новое турецкое правительство не будет признаваться самими турками, да и забот у него будет слишком много, чтобы заниматься болгарской независимостью. Но очевидно процесс

⁵⁹ «Според телеграмите...» // Там же. 2 март.

⁶⁰ «Печата всеки ден...» // Там же. 23 март; «Според телеграмите...» // Там же. 25 март.

⁶¹ «Ако е имало случай...» // Там же. 20 март.

⁶² «Туй, което стана известно...» // Там же. 11 март.

⁶³ «Велик ден се отиди...» // Там же. 1 апр. Имеется в виду оккупационный долг по итогам оговоренной Сан-Стефанским договором временной оккупации Восточной Румелии в 1878–1879 гг. Он составлял 10 618 250 рублей и 45 копеек. Этот вопрос не подымался до объявления независимости, лишь в 1911 г. была подписана конвенция, согласно которой с 1 февраля 1912 г. Болгария должна была платить по 400 тыс. рублей каждые полгода (Спомени за обявяване на независимостта... С. 116). Но затем последовали череда войн и решение советского правительства об аннулировании обязательств.

неумолимо шел к разрешению кризиса, и газете не оставалось ничего, кроме как вспоминать основателя своей партии и патетически восклицать: «Верит ли кто-то, что будь жив этот великий сын Болгарии, то мы платили бы миллионы за свою независимость в нынешние исторические минуты, а не воспользовались моментом, чтобы обеспечить будущее болгарского племени?»⁶⁴. Даже само упоминание этих событий в газете поместили далеко не на самом видном месте.

Впрочем, весь март и другие газеты не выносили процесс переговоров на первые полосы. Политическая жизнь была посвящена подготовке к назначенным на 12 апреля дополнительным выборам в парламент.

Бульварная «Софийски новини» в это время питалась слухами, рассказывая, что российский представитель Д.К. Сементовский-Курило побывал как официальное лицо на литургии во дворце⁶⁵ и посетил дом министра иностранных дел, где присутствовали и другие члены кабинета. «В хорошо осведомленных правительственных кругах», писала газета, это связывают со скорым подписанием русско-турецкого протокола и признанием независимости⁶⁶. Когда же официально стало известно о заключении этого финансового соглашения, то некий «дипломат» на страницах издания величал это «доказательством большой заботы и симпатий, которые питает русский народ и русское правительство по отношению к маленькой Болгарии и ее народу»⁶⁷. И словно в ответ на подозрения стамболовистов, что демократическое правительство возьмет на себя тайные обязательства перед Петербургом, издание указывало на конституционную норму, согласно которой международные договоры должны утверждаться парламентом, а потому секретные соглашения попросту не могут существовать⁶⁸.

⁶⁴ Хроника // Нов век. 1909. 6 апр.

⁶⁵ Сементовски-Курило в двореца // Софийски новини. 1909. 3 март.

⁶⁶ Край на българо-турски спор // Там же.

⁶⁷ *Дипломат*. Руско-турския протокол и България // Там же. 13 март.

⁶⁸ На два полюса // Там же. 19 март.

Газета правящей партии в марте сосредоточилась на внутренних делах, ведя предвыборную кампанию. За этот месяц она лишь выступила с разъяснениями о подписанном русско-турецком протоколе, успокоив читателей, что руководство страны знает все детали, они мелкие, но пока разглашению не подлежат. «Мы имеем достаточно серьезные основания уверить его (болгарское общество. — Н. Г.) в том, что ему не о чем беспокоиться», — убеждало оно⁶⁹. Россия же упоминалась лишь в контексте поездки С. Паприкова и И. Салабашева в Петербург⁷⁰, и до самого подписания болгаро-турецкого протокола данная тема была словно табуирована. Зато, когда это случилось, уже 7 апреля, газета Демократической партии ликовала, не забывая пнуть своих политических оппонентов: «Болгарский народ, безрассудно раздраженный и введенный в заблуждение бессовестными оппозиционерами, может с облегчением вздохнуть и спокойно предаться свои ежедневным занятиям»⁷¹.

Первым с официальной поздравительной телеграммой к болгарскому монарху обратился российский император, затем уже последовали и другие страны. 9 апреля «Пряпорец» публиковал эти сообщения, первыми шли телеграммы Николая II, министра иностранных дел А.П. Извольского, председателя Государственной думы Н.А. Хомякова. В том же номере Демократическая партия расшаркивалась перед Россией. Признавалось ее большое содействие в деле признания независимости, невозможной без осуществленного Россией освобождения. «И нам особенно приятно заявить, что Болгария никогда не забудет это братское сочувствие и содействие, которое ее освободительница ей оказала для успешного завершения дела консолидации ее нового международного положения»⁷².

⁶⁹ «Нашият ежедневен печат...» // Пряпорец. 1909. 7 март.

⁷⁰ «Тази сутрин...» // Там же. 14 март.

⁷¹ «Протоколът по турско-българските преговори...» // Там же. 7 апр.

⁷² «Русия, която с своето предложение...» // Там же. 9 апр.

Впрочем, оппозиция радости не проявила, а на своих страницах сообщила, что таких чувств не продемонстрировал и народ⁷³. «Нов век» опять подчеркивал финансовые обязательства, традиционно передергивая факты и утверждая, что страна поставлена в «постыдное положение попрошайки», а теперь вместо ежегодных 2 900 000 левов Турции, будет платить 4 020 000 левов России⁷⁴. В связи с этим то, что демократы добились независимости, вряд ли потомки поставят им заслугу: «Это черный памятник, который они себе воздвигли»⁷⁵. Россия в этом словно ушла на задний план. Аналогичную картину представляло и издание с противоположного политического фланга. В связи с признанием независимости в «Речи» Россия упоминалась лишь как одна из великих держав, больше внимания уделялось выборам, до которых оставалось несколько дней⁷⁶. Далее тема России сходила на нет, в конце апреля российский посланник первым из иностранных представителей вручил верительные грамоты болгарскому царю. Это нашло отражение на страницах прессы⁷⁷, но теперь иные процессы выходили на первый план.

Как видно из представленного очерка, в первую очередь партийные издания воевали друг с другом, а не беспристрастно освещали события, тем более роль России. Все это, помноженное на разудалые традиции политической культуры, разнузданный язык прессы обусловило довольно интересную картину, где правящую партию, с одной стороны, винили в недостаточном признании к России, с другой — в недостаточном интеллектуальном потенциале, чтобы противостоять России. Конечно, легко было из оппозиции критиковать за сдержанность и заявлять, что уж они бы ре-

⁷³ Независимостта и Народната партия // Там же. 14 апр.; «Независимостта е вече призната...» // Нов век. 1909. 10 апр.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Независимостта на България...» // Там же. 13 апр.

⁷⁶ Припознаване на независимостта // Реч. 1909. 9 апр.

⁷⁷ Руския пълномощен министър при царя // Пряпорец. 1909. 25 апр.

шили дело наилучшим образом — показав силу не только избежали бы финансовых обязательств, а еще бы и решили македонский вопрос. Однако факт остался фактом, именно являвшееся золотой серединой на шкале русофилии/русофобии Демократическое правительство сумело добиться в 1908–1909 гг. от России большего, нежели русофильские кабинеты в 1912–1913 гг. Впрочем, различный исход этих событий был обусловлен не тем, как рьяно политики признавались в симпатиях к стране-освободительнице.

Как ни странно, но именно наиболее ярые русофобы стамболовисты невольно, рассказывая о мнимых тайных обязательствах перед Петербургом, в 1908–1909 гг. больше других извещали болгарское общество о той роли, которую Россия играла в деле признания независимости страны. Слова благодарности со стороны Демократической партии выглядят же обязательным, но дежурным реверансом. В силу своих политических целей она старалась преподнести именно себя дарователем независимости⁷⁸. Другие же партии стремились подчеркнуть, что их правительства подготовили почву для Тырновского акта, потому и на них должна распространяться благодарность болгарского народа.

Потому не удивительно, что в болгарской историографии, да и в исторической памяти объявление независимости представляется самостоятельным актом⁷⁹, в котором Россия не приняла участия. Впрочем, так оно и было, однако какова цена объявленной, но не признанной независимости?

⁷⁸ Так и свою победу на выборах, довольно очевидную для любой правящей партии в Болгарии того времени, они трактовали именно как благодарность народа за независимость страны (Независима България // Там же. 21 апр.).

⁷⁹ См., напр., слова академика Г. Маркова: «Светлым примером может служить деятельность правительства Малинова, которое не позволило выкупать Независимость страны и сохранило национальную честь и достоинство. Оно доказало, что дело Независимости зависит от нас самих, болгар, что независимость — в наших умах и руках и заслуживает быть отмеченной торжественным праздником» (Марков Г. Возникновение независимого Царства Болгария... С. 14). В своей книге, посвященной объявлению

независимости Болгарии, Г. Марков хотя и признает политику лавирования между державами («Начав кризис вместе с Австро-Венгрией, Болгария его благополучно завершила вместе с Россией»), однако так же во главу угла ставит действия правительства А. Малинова и царя Фердинанда (*Марков Г. Независимостта на България през Балканската криза 1908–1909*. София: Народно събрание на Република България, 2008. С. 270).

**АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
ПО «ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ» В ОЦЕНКАХ
И ПРОГНОЗАХ БРИТАНСКОЙ СТОРОНЫ
(КОНЕЦ 1916 г. — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1917 г.)**

**ANGLO-FRENCH CONTRADICTIONS
ON THE “GREEK QUESTION” IN THE BRITISH
ASSESSMENTS AND FORECASTS
(LATE 1916 — EARLY 1917)**

Аннотация. Ввиду особой позиции, занятой Грецией в период Первой мировой войны, и сложившейся в 1916–1917 гг. внутриполитической ситуаций, приведшей страну к существованию фактически двух параллельных правительств, британские и французские союзники по Антанте стремились добиться своего исключительного влияния при решении «греческого вопроса». Активная роль Франции, пытавшейся получить преимущества, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением Британии. В её правительственных и внешнеполитических кругах рассматривались различные варианты развития событий на фоне боевых действий на Балканах и Центральной Восточной Европе, и определялись пути достижения консенсуса с французской стороной, что, в конечном счете и произошло.

Ключевые слова: Балканы, Бальфур, Бриан, Великобритания, Венизелос, Греция, Ллойд Джордж, Первая мировая война, Франция.

В условиях Первой мировой войны взаимоотношения между государствами внутри каждого из противостоявших блоков, несмотря на общие внутриблоковые цели, содержали серьезные противоречия, которые, вопреки попыткам их разрешения во имя общей победы, играли существенную роль в военно-стратегическом и политическом планировании этих стран и альянса, в который они входили.

Именно такое значение, помимо других, для англо-французских союзников по Антанте имел так называемый «греческий вопрос»¹. Его суть заключалась в том, что Греция, имевшая важное стратегическое значение для действий Антанты на Балканах², продолжала сохранять нейтралитет, носивший достаточно доброжелательный характер в отношении Центральных держав, и, прежде всего, Германии. Последняя рассматривала регион как важный театр военных действий против Антанты³. Для судьбы Македонского фронта, образовавшегося осенью 1915 г., когда силы англо-французских союзников и Сербии попытались укрепить свои позиции на Балканском направлении и начали действовать против объединенных сил Германии, Австро-Венгрии и Болгарии, Греция в этих условиях превращалась в важный элемент военно-стратегического плана Антанты на Балканах и в Средиземноморье. В то же время во внутриполитической жизни страны отчетливо проявилось суще-

¹ Подробнее о политике союзников в отношении Греции в годы Первой мировой войны см.: *Abbott G. F. Greece and the Allies 1914–1922*. London: Methuen & co, 2008; *Cosmin S.P. Dossiers Secrets de la Triple Entente — Grèce 1914–1922*. Paris: Nouvelles Editions-Latines, 1969; *Dutton D. The Politics of Diplomacy: Britain and France in the Balkans in the First World War*. London: I.B. Tauris, 1998; *Gounaris B.C. Doing Business in Macedonia: Greek Problems in British Perspective (1912–1921)* // *European Review of History*. 1998. N. 5/2. P. 169–180; *Mitrakos A.S. France in Greece during World War I: A Study in the Politics of Power*. New York: Columbia University Press, 1982.

² О месте и роли Греции в Первой мировой войне на ее заключительном этапе см.: *Leon (Leontaritis) G. Greece and the Great Powers, 1914–1917*. Institute for Balkan Studies. Thessaloniki, 1974; *Leontaritis G. Greece and the First World War: From Neutrality to Intervention. 1917–1918*. Boulder: East European Monographs, 1990; *Λεονταρίτης Γ.Β. Η Ελλάδα στον Πρώτο Παγκόσμιο Πόλεμο, 1917–1918*. Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τραπέζης, 2005. Подробнее об основных направлениях греческой историографии внешнеполитического курса Греции в годы Первой мировой войны см.: *Δορδανάς Στ. Το θερμό καλοκαίρι 1916: Η εισβολή των ερμανοβουλγάρων και η κατάληψη της Ανατολικής Μακεδονίας μέσα από τις πηγές* // *Περίληψεις εισηγήσεων Γ' Διεθνούς Συνεδρίου Βαλκανικών Ιστορικών Σπουδών, Καβάλα 17/18 Σεπτ. 2010*. Καβάλα, 2010. Σ. 663–682.

³ *Afflerbach H. Greece and the Balkan Area in German Strategy* // *The Salonica Theatre of Operations and the Outcome of the Great War*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 2005. P. 53–66.

ствование двух противостоявших лагерей. Во главе первого из них, прогерманского, находился король Константинос I. Его поддерживали часть гражданских политиков и ряд представителей военного истеблишмента. Наибольшим влиянием они пользовались среди общественно-политических кругов Центральной Греции. Второй лагерь возглавлялся лидером Либеральной партии Э. Венизелосом, занимавшим в предвоенные годы, а также в начале войны пост премьер-министра. Сформировавшаяся вокруг него из политиков и военных «проантантовская партия» выступала за вступление в войну на стороне антигерманского блока, видя в нем гарантию усиления позиций страны в регионе. Активную поддержку венизелистам оказывало население так называемых новых земель, то есть территорий, вошедших в состав греческого государства после Балканских войн. Одновременно в самой Греции велась пропаганда странами-членами противостоявших военных блоков, что усиливало дестабилизацию общественно-политического положения в стране.

К осени 1916 г. процесс вошел в острую фазу и практически привел к окончательному расколу Греции на две части, каждая из которых имела собственное правительство. Роялистские силы, во главе с Константиносом I и со столицей в Афинах контролировали большую, западную часть. Восток Греции находился под фактической властью созданного 11 октября Временного правительства национальной обороны Э. Венизелоса во второй, неофициальной, столице Греции — Салониках. Последнего поддержал командующий Салоникским фронтом французский генерал М. Саррай⁴. В то же время, на данном этапе, британская и российская стороны не признали это правительство, и лишь после заверений Венизелоса о том, что его движение не носит ан-

⁴ Подробнее о его действиях на Балканах см.: *Tanenbaum J. K. General Maurice Sarrail, 1856–1929: The French Army and Left-Wing Politics. UNC Press Books, 1974.*

тимонархического характера, оба государства позволили своим консульским представительствам установить связь с Салоникской администрацией⁵. На состоявшейся 20 октября 1916 г. англо-французской конференции было принято решение о признании венизелистского правительства *de facto*. В свою очередь «Италия не собиралась скрывать свои предпочтения в отношении властей Афин»⁶.

Новая, венизелистская администрация рассчитывала легитимизироваться при поддержке Антанты и выступала как альтернатива прогерманскому роялистскому правительству в Афинах. Таким образом, уже на этом этапе, в условиях войны, перед французским и британским правительствами встал вопрос о формулировании дальнейшей политики по «греческому вопросу», так как от позиции Греции зависели военно-стратегические планы Антанты не только на Балканах и в Средиземноморье, но и на всем Восточном фронте.

Поиск решения этой проблемы осложнялся несколькими обстоятельствами. Во-первых, жесткой позицией французской стороны, которая настойчиво пыталась усилить поддержку Э. Венизелоса в противовес королю. При этом Франция настаивала, чтобы последний выполнил ее требования о демобилизации греческой армии и выводе греческих сил из Фессалии. 23 октября, то есть буквально через 12 дней после создания Временного правительства Э. Венизелоса, король заключил секретное соглашение с французским представителем П. Беназэ о выводе греческих войск из Фессалии в расчете на признание союзниками нейтралитета Греции

⁵ Μουρέλος Γ. Η προσωρινή Κυβέρνηση Θεσσαλονίκης και οι σχέσεις της με τους συμμαχούς (Σεπτέμβριος 1916 — Ιούνιος 1917) // Μνήμων. 1982. Vol. 8. N. 1982. Σ. 154. Статья Я. Мурелоса базируется на архивных документах внешнеполитических ведомств Греции и Франции, а также ряда других архивов двух стран и в ней освещается на основе дипломатической переписки обсуждавшийся во внешнеполитических кругах Франции вопрос о признании Временного правительства Э. Венизелоса.

⁶ Μουρέλος Γ. Στο ίδιο. Российские внешнеполитические планы по «греческому вопросу» см. в: Richter H. Ελλάδα 1915–1917 μέσα από τα ρωσικά αρχεία. Αθήνα: Εκδόσεις Γκοβόστη, 2018.

и ее территориальной целостности, а также их отказ от контактов с Салоникским правительством.

Во-вторых, положение обострялось из-за усилившейся активности Временного правительства, стремившегося добиться перехода Греции на позиции Антанты и начавшего проводить собственные военные операции против королевских сил в Фессалии. Так, в частности, без консультаций с Антантой венизелисты начали действовать против вооруженных сил афинского правительства, на что явно не рассчитывали союзники.

В-третьих, как сам король, так во многом и его окружение из числа военных были противниками подчинения страны Антанте даже при признании последней за Грецией нейтрального статуса и выполнившей требования демобилизации армии, а также оставления Фессалии. Поэтому новое соглашение между союзниками и королем Константиносом I, заключенное в конце октября 1916 г., было обречено на провал. Попытка 1 декабря 1916 г. (18 ноября по старому стилю, принятому тогда в Греции) высадить в Афинах воинский контингент, основную часть которого составляли французские военнослужащие, закончилась боями с роялистскими силами и последовавшими массовыми репрессиями со стороны властей в отношении венизелистов. Эти события, вошедшие в новогреческую историю как «ноябрьские» (Τα Νοεμβριανά), стали острой фазой проявления так называемого национального раскола (Ο Εθνικός Διχασμός)⁷, а по сути — фактического разделения страны на два лагеря⁸. Активную роль в пропагандистском обеспече-

⁷ Аргументация представителей двух противостоявших сторон достаточно полно была изложена в дискуссии между Э. Венизелосом и одним из руководителей «роялистской партии» И. Метаксасом (в 1936–1940 гг. являвшимся диктатором Греции) в большой серии статей на страницах греческой печати в 1934–1935 гг.: Η ιστορία του Εθνικού Διχασμού κατά την αρθρογραφία του Ελευθερίου Βενιζέλου και του Ιωάννου Μεταξά. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός Οίκος Κυρομάνος, 1994 (второе издание было осуществлено в 2010 г.).

⁸ О роли французского фактора в «Национальном расколе» см.: Βήττος Χρ. Δ. Ο εθνικός διχασμός και η γαλλική κατοχή. Θεσσαλονίκη: Όλυμπος, 2008.

нии каждой из сторон сыграли газеты, с одной стороны, «Εμπρός», «Το ΣΚΡΙΠ», «Η Καθημερινή», стоявшие на прогерманских роялистских, антивенизелистских позициях, а с другой, выступавшие в поддержку союза с Антантой и за Э. Венизелоса газеты «Το Έθνος», «Ο Ελευθέρος Τύπος», «Η Εστία», «Η Μακεδονία». Произошедшие в Афинах 1 декабря события особенно резко, несмотря на существовавшую цензуру, хотя и с определенными нюансами в заголовках материалов, восприняла французская пресса⁹.

Наконец, в-четвертых, как во Франции, так и в Великобритании расстановка сил в правительственных кругах свидетельствовала о доминировавшем среди высших военных двух стран стремлении добиться главенствующих позиций при принятии военно-политических решений. Сами декабрьские события, по влиянию на внутривосточную ситуацию в Греции, а также на отношение союзников по Антанте — Британии и Франции, имели большое значение для актуализации «греческого вопроса» уже на международном уровне¹⁰.

Приход 6 декабря 1916 г. на пост премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, сменившего Г. Асквита, означал, прежде всего, что «Британия начала серьезно думать о том, какой мир она хочет видеть после окончания сражений»¹¹. Одновременно произошли серьезные изменения в соотношении сил между гражданскими политиками и военным руководством страны. Это нашло отражение в сни-

Относительно роли и места Балкан в военной стратегии Франции см.: Dutton D. J. The Balkan campaign and French war aims in the Great War // The English Historical Review. 1979. Vol. XCIV. Iss. CCCLXX. P. 97–113.

⁹ Porte R. Comment faire plier un neutre? L'action politique et militaire de la France en Grèce (1915–1917) // Cahiers de la Méditerranée, 2010. N 81. P. 52. Об освещении «греческой темы» на протяжении Первой мировой войны французской прессой см.: Lemonidou E. La Grèce à la Une pendant la Grande Guerre // Cahiers balkaniques. 2013. N 41. P. 179–198.

¹⁰ Μουρέλος Γ. Στο ίδιο. Σ. 158.

¹¹ Goldstein E. Great Britain and Greater Greece 1917–1920 // The Historical Journal. 1989. Vol. 32. N. 2. P. 340.

жении доминировавшей роли и преобладающего влияния последнего на процесс выработки и принятия стратегических решений, в которых военный аспект превалировал над политическим, и «британское политическое руководство теперь казалось более сильным, чем когда-либо после начала военных действий»¹². Совершенно иной была ситуация во Франции, где «позиции премьер-министра Аристида Бриана оказались ослаблены»¹³, а высшее французское военное руководство имело преобладающее влияние на принятие военно-политических решений. Весьма примечательным на фоне происходивших внутривнутриполитических изменений в Великобритании стало послание от 6 декабря короля Константинос I британскому монарху Георгу V с изложением собственной версии произошедших столкновений в Афинах между венизелистами и роялистами и фактическим обвинением Британии и Франции в оказании технической поддержки первым, которые, как отмечал греческий король, стремились спровоцировать массовые беспорядки, на волне которых собирались добиться прибытие своего вождя — Э. Венизелоса в Афины в расчете на англо-французскую помощь¹⁴. В ответе британского монарха не только отвергалось всякое участие союзников в кровопролитии и заговоре, но также заявлялось, во-первых, о том, что «союзные державы с самого начала ограничивали свои требования к Греции соблюдением доброжелательного нейтралитета. К сожалению, это условие не было соблюдено». Во-вторых, в весьма жесткой форме сообщалось о серьезном отношении британского правительства «к событиям, приведшим к гибели моих [британских] доблестных войск»,

¹² Dutton D. La Grande-Bretagne, la France et la campagne de Salonique en 1917: l'alliance mise à l'épreuve // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1995. N. 180. P. 30.

¹³ Ibidem.

¹⁴ The National Archives (TNA). CAB 23/1. Minutes of Meeting of War Cabinet, 1. December 9, 1916. Appendix I. Telegram from Sir F. Elliot. Athens, December 6, 1916. P. 9.

а сообщения о них «вызывали глубокое и широкое негодование среди моего народа: чувство, усиленное сообщениями, полученными из многих источников, включая нейтральные, об отношении, которому в настоящее время подвергаются венизелисты в Греции». Более того, греческий король ставился в известность о том, что «требования, предъявляемые совместно с союзными державами и сейчас предъявляемые моим правительством, будут включать возмещение за неспровоцированное нападение ваших войск и получение гарантий на будущее»¹⁵.

Обмен этими посланиями происходил на фоне существовавших англо-французских разногласий по «греческому вопросу». Их суть сводилась к концу 1916 г. — началу 1917 г. фактически к проблеме преобладающего влияния одной из сторон в Греции, а в более широком смысле и в регионе в целом. Конкретное выражение это нашло в настойчивом стремлении французской стороны, позиция которой формулировалась под преобладающим влиянием военных, фактически заставить Грецию действовать в рамках балканской стратегии Антанты, для чего, как заявлялось официально, предполагалось: полностью нейтрализовать греческие вооруженные силы, чтобы избежать их возможных действий в тылу Македонского фронта на стороне Центральных держав; оказать поддержку Э. Венизелосу как союзнику Антанты; взять под контроль Фессалию. Британская сторона, стремившаяся избежать чрезмерного участия ее сил в регионе, имея в виду свои интересы на Ближнем Востоке и дефицит резервов, пыталась достичь компромисса с королем Константиносом I, сохраняя неформальные отношения с Э. Венизелосом, и не допустить крушения монархии. Лондон видел в таком развитии событий гарантии для укрепления своего влияния в Греции, которая рассматривалась, при определенных обстоятельствах, как потенци-

¹⁵ TNA. CAB 23/1. Minutes of Meeting of War Cabinet, 1. December 9, 1916. Appendix I. Telegram from Sir F. Elliot. Athens, December 6, 1916. P. 10.

альный преемник Османской империи в роли «контролера» (разумеется, при поддержке Британии) Проливов. Поэтому разрешение англо-французских противоречий по «греческому вопросу» имело геостратегическую перспективу уже для послевоенного мира.

В ходе происходивших событий на «греческом направлении» активную роль с английской стороны играли как гражданские государственные институты — Форин офис и Отдел разведки Управления информации, созданный в январе 1917 г., так и военные в лице Генерального штаба. Первая и наиболее серьезная заявка в формулировании британской политики по «греческому вопросу» содержалась в телеграмме от 9 декабря 1916 г. британского посла в Афинах Ф. Эллиота, находившегося на этой должности уже 14 лет. В телеграмме, адресованной в Форин офис, он заявил о том, что «король [Константинос I] не осмелится объявить войну союзникам; греческий народ и армия (за исключением горячих роялистов) были бы против этого. Наша политика должна заключаться в том, чтобы выдвигать далеко идущие требования, включая полное разоружение. Блокада заставила бы короля вскоре пойти на договоренности. Роялисты и венизелисты являются непримиримыми [противниками друг друга], и единственное, что нужно сделать, так это признать Временное правительство. Мы не должны навязывать Греции Венизелоса, но мы должны позаботиться о его сторонниках. Доведение Греции до степени бессилия сделает позиции короля невозможными и наступит спокойствие»¹⁶. Уже на следующий день, 10 декабря, Форин офис направил Эллиоту телеграмму, содержание которой не оставляло сомнений относительно возможного изменения британской политики попыток сохранения status quo в «греческом вопросе». Во внешнеполитическом ведомстве, руководившемся А. Бальфуrom, формировалась более жест-

¹⁶ TNA. CAB 23/1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet Appendix I. Summary of Telegrams Referring to Greece, 2. December 11, 1916. P. 4.

кая «повестка дня» в отношении дальнейших действий на греческом направлении. Это нашло отражение в инструкциях Эллиоту, в которых заявлялось о том, что «ни король, ни правительство Греции не имеют достаточного контроля над греческой армией, чтобы не допустить превращения греческих сил в угрозу миру и опасность для союзных армий в Македонии». Поэтому выдвигалось требование вывода «греческих войск, дислоцированных сейчас в Северной Греции» в Морею в течение 24 часов, и действовать как можно быстрее, а «невыполнение этих двух требований будет рассматриваться союзниками как акт враждебности со стороны правительства Греции»¹⁷.

На этом фоне 10 декабря 1916 г. в Форин офис была получена телеграмма от британского посла в России Дж. Бьюкенена, который сообщил о сделанном ему французским послом заявлении, что правительство Франции рассматривает смещение короля Константиноса и признание Венизелоса как «единственный способ избежать войны с Грецией»¹⁸. В тоже время в Лондоне не хотели усиления Франции.

На заседании британского Военного кабинета 1 января 1917 г. отмечалось, что правительство Франции обращалось с настоятельным призывом предоставить командующему Салоникским фронтом французскому генералу М. Саррау «свободу рук для действий, которые он считает необходимыми в Греции». Со ссылкой на послания Первого секретаря французского посольства в Лондоне А. Флёрё главе Форин офис А. Бальфуру и министра обороны Франции генерала Ю. Лиотэ начальнику британского Имперского Генерального штаба генералу У. Робертсону констатировался во многом алармистский характер прогнозов возможных действий греческой армии против союзников. В этой связи кабинет отмечал вероятность того, «что французское

¹⁷ TNA. CAB 23/1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet Appendix I. Summary of Telegrams Referring to Greece, 2. December 11, 1916. P. 5.

¹⁸ Ibidem.

правительство не основывало свои оценки на каких-либо определенных доказательствах, а ограничивалось общим выражением опасения»¹⁹. Военный кабинет принял ряд решений, главными из которых стали предложение о подготовке межсоюзнической конференции в Риме или Неаполе в ближайшее время, приглашение на нее, «при отсутствии точных данных относительно подготовленного королем Греции внезапного переворота», командующих Салоникским фронтом генерала Саррая и британскими силами на Балканах генерала Дж. Милна (находившихся в откровенно конфронтационных отношениях), обращение к генералу Милну от имени Имперского Генерального штаба с целью проверить сообщенные французами данные о фактически продолжавшемся пребывании греческих войск в местах, которые они должны были покинуть. Однако особое внимание уделялось именно вопросу точности информации, на которую ссылалась французская сторона как аргумент в пользу решительных действий генерала М. Саррая, когда ему было бы фактически предоставлено право единоличного принятия решений на «греческом направлении», имевших не только военный, но и политический характер. Решение Военного кабинета в этой части было сформулировано исключительно резко, и главе Форин офис давалось поручение «передать телеграмму правительству Франции, указав, что их (французские. — *Ар. У.*) опасения относительно возможных действий Греции противоречат информации, которой мы располагаем. Если французское правительство посчитало, что разведывательные данные, имеющиеся в его распоряжении, были достаточно важны, чтобы оправдать отмену инструкций, которые были согласованы на недавней англо-французской конференции (26–28 декабря 1916 г. в Лондоне. — *Ар. У.*) и которые должны были быть даны генералу Сарраю, тогда Государственный секретарь

¹⁹ TNA CAB. 23/1/24. Conclusion. War Cabinet, 24. 01 January 1917. P. 1.

[А. Бальфур] должен настаивать на том, чтобы они предоставили британскому правительству доказательства, на которых основывались их заявления»²⁰.

Во многом подобное решение было обусловлено тем, что французская сторона не обладала на тот момент равными британским возможностями ведения разведывательной деятельности в Греции. Начавший заниматься ею по приказу военно-морского ведомства Франции военно-морской атташе и начальник военно-морской миссии в Греции коммодор Рокфёй, исполнявший эти должности с декабря 1915 г. по январь 1917 г. и получивший широкие полномочия, стал одиозным в силу частых обвинений со стороны военно-морского командования Франции на Средиземноморье в явной некомпетентности и слабой информированности, заменявшихся им всякого рода слухами и фантастическими предположениями²¹.

Для британского правительства было неприемлема передача чрезвычайных полномочий французскому генералу и наделение его фактически политическими функциями при решении «греческого вопроса». Серьезным шагом, во многом способствовавшим сближению с французским союз-

²⁰ TNA CAB. 23/1/24. Conclusion. War Cabinet, 24. 01 January 1917. P. 1.

²¹ Дело приобрело достаточно серьезный оборот, когда начальник штаба командующего Средиземноморским флотом французский контр-адмирал Р. Давел анонимно опубликовал в 1916 г. памфлет «Записка о деяниях г-на де Рокфёя в Греции», в которой подверг резкой критике разведывательную деятельность последнего, обвинив его в неспособности предоставлять необходимые данные для флота и армии на Востоке: *Dujin N. Un attaché naval dans la grande guerre: le commandant de Roquefeuil à Athènes (1915–1917) // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2006/4 (n° 224). P. 95.* Сама записка «Note sur les agissements de Mr. de Roquefeuille en Grèce. 1916» находится в Национальном архиве Франции. Фонд Архивов Главного разведывательного управления (1881–1936) — Archives nationales (France). Archives de la direction des Renseignements généraux (1881–1936). F/7/13371. Со стороны руководства одной из британских разведывательных служб, в частности Б. Томсона, деятельность французской разведки заслужила крайне отрицательную оценку, чему в немалой степени способствовали действия Рокфёя: *Thomson B. The Allied Secret Service in Greece. London: Hutchinson, 1931.*

ником, стала фактически синхронная с назначением 1 января 1917 г. французского дипломатического представителя Робера де Били при правительстве Э. Венизелоса аккредитация в тот же день при его правительстве британского представителя лорда Дж. Гренвиля.

На срочно созванной в Риме 5–7 января 1917 г. межсоюзнической конференции, одним из центральных вопросов был Салоникский фронт. По сути, в соответствии с планами Ллойд Джорджа, представившего специальный меморандум, союзники должны были принять решение о наступлении в Италии против Австро-Венгрии. Она рассматривалась британским премьером в качестве «слабого звена» в блоке Центральных держав. Предполагаемый последующий захват Триеста имел бы серьезный морально-политический эффект и во многом бы компенсировал разгром Румынии²². Однако этот план так и не был принят не только из-за возражений союзников, но и при явном негативном отношении к нему начальника Имперского Генерального штаба Робертсона. Британский премьер особо указывал в меморандуме на возможную, после стабилизации Восточного фронта, переброску сил Центральных держав для наступления на Салоники и вступления их в Грецию, а оставление Монастира союзниками было способно лишь ухудшить ситуацию²³.

Важным с точки зрения оценки британской стороной ситуации вокруг Салоник было проведенное 10 января 1917 г. заседание Военного кабинета. На нём было однозначно констатировалось: «На конференции в целом было признано, что любой вопрос об укреплении армии в Салониках следует отложить до улучшения коммуникационных линий

²² Woodward D. R. Lloyd George and the Generals. London: Routledge, 2004. P. 128.

²³ TNA. CAB 24/3/6. The Conference of the Allies at Rome on January 5, 6, and 7, 1917. Memorandum Circulated by the Prime Minister to the Delegates. Prime Minister. January 1917. P. 2.

в тылу Салоникского фронта и на Балканах»²⁴. Таким образом, настоятельные попытки французской стороны добиться на Салоникском направлении решающего перевеса сил под командованием генерала М. Саррая не принесли результата.

В докладе, представленном Ллойд Джорджем на заседании Военного кабинета, отмечалось, что главной проблемой повестки дня прошедшей конференции было отношение к Греции, при этом, как сообщил он, вплоть до ночи 6 января существовали общие разногласия²⁵. Более того, по сообщению Ллойд Джорджа, во время встречи с генералом М. Сарраем тот выступил с планом наступления на Ларису и заявил, что в случае, если греческие резервисты организуют отряды сопротивления силам союзников, в отношении захваченных участников этих групп не будет применяться понятие воюющей стороны²⁶. Британский премьер выступил резко против планов командующего Салоникским фронтом и настаивал на том, что Саррай может прибегнуть к их выполнению только в двух случаях: если греческий король Константинос откажется от принятия требований союзников или, согласившись с ними, не станет им следовать. Причем, во втором случае, действия Саррая обуславливались предварительным информированием британской стороны. Против этого соглашения, как отметил Ллойд Джордж, резко, но безрезультатно выступил глава французского военного ведомства генерал Ф. Лиотэ²⁷.

Заседание Военного кабинета фактически утвердило новую британскую тактику в «греческом вопросе», предлагавшуюся в упоминавшейся выше телеграмме британского

²⁴ TNA. CAB 23/1. Minutes of a Meeting. War Cabinet, 31. 10 January 1917. P. 1.

²⁵ Ibidem. Appendix 1. Statement of the Prime Minister with reference to the Conference of the Allies held at the Consulta, Rome, on January 5, 6, and 7, 1917. P. 5.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

посла в Афинах Ф. Эллиота от 9 декабря 1916 г. В соответствии с излагавшейся в ней программой возможных действий, на смену однозначной мягкой лояльной поддержки Константиноса британской стороной, против чего выступали французские союзники, пришла более жесткая, ставившая греческого монарха перед выбором, способным привести к его смещению в случае невыполнения требований Антанты.

К концу января 1917 г. важность «греческого вопроса» в британских региональных военно-политических планах требовала все большего внимания. Поручение составить служебную записку по этой проблеме было дано ставшему впоследствии известным дипломатом и мемуаристом, а на тот момент способному и одному из самых молодых сотрудников Форин офис Г. Никольсону, представившему в Военный кабинет меморандум, озаглавленный «Будущая политика в отношении Греции», датированный 27 января 1917 г. и подписанный инициалами H. G. N.²⁸ Имея в виду, что записка была санкционирована главой Форин офис — А. Бальфуром и представлена правительству от имени этого ведомства, вполне очевидным было то, что изложенные в ней взгляды отражали точку зрения Государственного секретаря.

Выделив три основных периода в прошлом в развитии греческой ситуации и политики Британии в отношении Греции, Г. Никольсон особо отметил, что «в течение всего этого периода правительство Его Величества руководствовалось высшим идеалом — единой Грецией, управляемой представительным правительством и конституционным монархом и достигающей своими собственными усилиями и по собственной воле полной реализации национальных греческих традиций и национальных греческих интересов»²⁹. В свою очередь, как это оценивалось в меморандуме, фран-

²⁸ TNA. CAB 24/10/19. Memorandum. Future Policy in regard to Greece. Foreign Office. 27 January 1917.

²⁹ Ibidem.

цузская сторона, несмотря на официальные заверения, «намеренно способствовала тем внутренним разногласиям, которые правительство Его Величества стремилось решить»³⁰.

В данном контексте особое значение в документе приобрела характеристика третьего этапа (с начала блокады Греции союзниками и до Римской конференции), когда британское правительство отказалось от прежних надежд на сохранение единства Греции и «сосредоточило свои усилия на обеспечении единой политики союзников в отношении Греции в сочетании с безопасностью Армии на Востоке»³¹ и транспортных маршрутов, по которым снабжается эта армия»³². Подобное изменение британской позиции объяснялось в меморандуме неуверенностью в готовности «местной французской администрации», под которой подразумевалось командование Салоникским фронтом в лице генерала М. Саррая, проводить политику, согласовывавшуюся между британским и французским правительствами, а не продолжать политику, способствовавшую ухудшению греческого общественного мнения в отношении союзников³³.

Таким образом, поворот в сторону более жесткого курса на «греческом направлении» обуславливался в документе Форин офиса, прежде всего, влиянием «французского фактора», причем с особым упором на роль командования Салоникским фронтом. Несмотря на свое название — «Будущая политика в отношении Греции», доклад не содержал конкретных предложений.

Аналогичные взгляды, но уже в контексте текущей ситуации, излагались в специальном аналитическом приложении

³⁰ TNA. CAB 24/10/19. Memorandum. Future Policy in regard to Greece. Foreign Office. 27 January 1917.

³¹ Армия на Востоке или Союзная армия на Востоке — контингент вооруженных сил Франции, Британии, Италии, России, Португалии, Греции (венизелиты), Сербии, Албании и Черногории на Салоникском фронте.

³² TNA. CAB 24/10/19. Memorandum. Future Policy in regard to Greece. Foreign Office. 27 January 1917. P. 1.

³³ Ibidem.

к одному из выпускавшихся секретариатом Комитета имперской обороны, превращенным в секретариат Военного кабинета, дайджестов по внешней политике «Western and General Report», составлявшемся на основе информации различных ведомств. Его главным редактором был Л. С. Эймери³⁴, хорошо знакомый с балканскими и центральноевропейскими делами. Он же был автором аналитических заключений, предварявших основной текст сборника. Он пришёл к выводу о том, что, во-первых, конференция в Риме принесла удовлетворительные результаты, так как заставила осознать греческое королевское правительство, что оно не получит немедленной помощи от Центральных держав, и, во-вторых, что главной причиной неуступчивой позиции военных и роялистских гражданских политиков был их страх быть переданными в руки венизелистов³⁵.

В военно-политическом отношении оценка происходившего делалась в виде заключений о снятии угрозы тылу Салоникского фронта, об отсутствии отныне какой-либо «опасности того, что французское высокомерие втянет нас в серьезные военные трудности»³⁶. При этом, главным вопросом, по мнению Эймери, было «справедливое решение» после того, как «Греция приняла требования союзников»³⁷. Однако именно здесь англо-французские противоречия и продолжали сохраняться в их острой форме, так как французская сторона выступала за наказание греческого королевского правительства, выдвигая дальнейшие требования, в частности, оккупацию Волоса в условиях, когда британская сторона, в соответствии с предыдущими договоренностями и «путем разумных уступок по пунктам» стремилась

³⁴ Подробнее об этом: *Turner J. Cabinets, Committees and Secretariats: the Higher Direction of War // War and the State: The Transformation of British Government, 1914–1919 / Ed. by K. Burk. London: Routledge, 2014. P. 72.*

³⁵ TNA. CAB 24/146/1. Memorandum. Western and General Report N. 1. L. S. Amery. 31 January 1917. P. 1.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

«облегчить греческой армии и правительству [возможность] пойти на уступки в новой ситуации»³⁸. Эта тема получила продолжение на заседании Военного кабинета 6 февраля 1917 г., когда была представлена информация начальника (директора) Управления военной разведки военного министерства генерал-майора Дж. Макдоноу, полученная из Греции от британских военных представителей. В ней сообщалось, во-первых, о том, что французский военно-морской атташе Рокфёй перед отъездом во Францию заявил о своем возвращении в Грецию, где займётся организацией разведывательной сети в стране³⁹. Во-вторых, он же выразил мнение о необходимости нахождения союзных сил в количестве 10 тыс. военнoслужащих для контроля Фессалии и территории до Коринфского залива⁴⁰. В-третьих, представитель британского командования в Греции сообщил о «быстро получающем основания мнении» относительно намерения генерала Саррая «оккупировать Грецию и сместить любой ценой с трона короля»⁴¹. Однако Военный кабинет, со ссылкой на обещания, данные Сарраем британскому премьер-министру в Риме, счел план подобных действий без консультаций с правительствами двух стран маловероятным и принял решение не предпринимать никаких действий в данной связи⁴².

На этом фоне перспектива развития ситуации в самой Греции в начале февраля 1917 г. давалась в аналитических материалах, автором которых был уже упомянутый Л. С. Эймери. В редактируемом им специальном секретном издании «Western and General Report» они представлялись в Военный кабинет в достаточно пессимистичном тоне. Так,

³⁸ TNA. CAB 24/146/1. Memorandum. Western and General Report N. 1. L. S. Amery. 31 January 1917. P. 1.

³⁹ TNA. CAB 23/1. Secretary's Notes of the Meeting. War Cabinet, 56. 6 February 1917. P. 2.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem.

в частности, в заключении о продовольственном положении Эймери отметил опасность голода в стране из-за существующей блокады, а также действий подводных лодок Центральных держав против британских судов, доставлявших продовольствие⁴³.

Сведения, поступавшие в Военный кабинет из Салоник от британского военного командования, свидетельствовали, что оно оценивало французские действия как продолжение прежнего курса в решении «греческого вопроса». Помимо того, что в донесениях отмечалось присущее этим действиям изначально враждебное и вызывающее отношение к грекам, способствовавшее усилению антиантантовских настроений в греческом обществе⁴⁴, хотя и в большей степени направленных против самих французов, чем англичан⁴⁵, в тех же донесениях делались также предположения, что действия французского командования, прежде всего генерала М. Саррая, продолжали мотивироваться «возможным намерением полностью оккупировать Грецию в качестве противодействия немецкой оккупации Румынии, Сербии и т. д.». Подобный план рассматривался британскими военными, помимо прочего, как не имевший военной целесообразности и не соответствовавший английской политике⁴⁶. Более того, по мнению британского командования, в случае начала боевых действий в Греции, где венизелисты и проантантовски настроенные уже присоединились к Антанте, возникнет ситуация, когда союзникам придется воевать против роялистской армии, поддержанной обществом, и в таком случае возможно поражение союзников⁴⁷. Рекомендации

⁴³ TNA. CAB 24/146/2. Memorandum. Western and General Report N. 2. L. S. Amery. 07 February 1917. P. 1.

⁴⁴ TNA. CAB 24/6/5. Memorandum. French attitude towards Greece and relations with British Forces at Salonika. Report by Lieutenant-Colonel Plunkett, General Staff. Plunkett. 10 February 1917. P. 1.

⁴⁵ Ibid. P. 2.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid. P. 3.

о британских действиях, представленные в Военный кабинет, предусматривали продолжение блокады, а также напоминали, что «за исключением венизелитов, вся греческая нация враждебна Антанте»⁴⁸.

Несмотря на начавшееся ужесточение английской политики по «греческому вопросу», британская сторона была, тем не менее, категорически против любых боевых действий в Греции, видя в этом угрозу Антанте в регионе. Одновременно на повестке дня стоял вопрос о противодействии возрастающим усилиям французской стороны усилить свои позиции в Греции, а в перспективе и в регионе. Поэтому решение, принятое на заседании Военного кабинета 26 февраля 1917 г., когда были рассмотрены представленные главой Военной разведки телеграммы лорда Дж. Гренвиля — британского представителя при правительстве Э. Венизелоса, о нападении на французский контингент греческих вооруженных формирований, а также информация главы Форин офис А. Бальфура о разногласиях между британской, французской и итальянской сторонами по «греческому вопросу», свидетельствовало о явном британском нежелании уступать нажиму французских союзников в вопросе о боевых действиях в Греции. В этой связи было дано поручение А. Бальфуру сообщить премьер-министру о получении «длинной телеграммы от французов, призывающей оккупировать Волос и Ларису союзными силами», и отрицательном отношении к этому плану военно-морского и военного ведомств, заявлявших об отсутствии в их распоряжении необходимых для десанта судов⁴⁹. Очередное обострение англо-французских разногласий по «греческому вопросу», отмеченное на этом заседании Военного кабинета, уже на следующий день было отчетливо

⁴⁸ TNA. CAB 24/6/5. Memorandum. French attitude towards Greece and relations with British Forces at Salonika. Report by Lieutenant-Colonel Plunkett, General Staff. Plunkett. 10 February 1917. P. 3.

⁴⁹ TNA. CAB 23/1/80. Conclusion. War Cabinet 80. 26 February 1917. P. 2.

зафиксировано в специальном меморандуме, представленном А. Бальфуром правительству и свидетельствовавшем о серьезности происходившего.

Ссылаясь на запрос короля Георга V, сделанный через его личного секретаря лорда Стэмфордхэма и обращенный к главе Форин офис, последний сообщал о пожелании монарха в преддверии очередной англо-французской встречи на высшем уровне «не предпринимать попыток настаивать на том, чтобы Правительство Франции заявляло о своей политике в Греции и, если это так, то предоставить и в дальнейшем некоторые гарантии того, что французские власти в Греции не будут действовать независимо от представителей других союзников»⁵⁰.

Согласно анализу главы Форин офис, суть происходившего, как отметил Бальфур, заключалась в том, что итальянские союзники были настроены одинаково как против Франции, так и против Э. Венизелоса, а французы непримиримо относились к греческому королю Константиносу I, и «генерал Саррай подозревается в использовании совершенно законного желания обеспечить безопасность своего левого фланга в качестве антимонархического инструмента»⁵¹. Позиция англичан отличалась от итальянской, базируясь на убеждении, что Э. Венизелос является патриотом и государственным деятелем⁵². Глава Форин офис обратил внимание на взаимные подозрения итальянских и французских союзников по поводу возможного существования у каждой из сторон плана использования Греции как инструмента в противоборстве в Восточном Средиземноморье⁵³. Более того, глава внешнеполитического ведомства признал неудачу предпринятой месяцем раньше попытки договориться с Францией⁵⁴.

⁵⁰ TNA. CAB 24/6/85. Memorandum. Allied Policy in Greece. Arthur James Balfour. 27 February 1917. P. 1.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

Это заявление А. Бальфура во многом отражало позицию, занятую Англией на состоявшейся в январе-феврале 1917 г. в Петрограде межсоюзнической конференции, в которой участвовали также представители Франции, Италии и России. Оценка англо-французских противоречий в Греции, представленная в Военный кабинет влиятельным руководителем британской делегации лордом Милнером, фактически подтвердила анализ, сделанный главой Форин офис. С той лишь разницей, что в документе Милнера, помимо указания на известную настойчивость французских союзников в пользу проведения военной операции с целью оккупировать Волос и Ларису, сообщалось о поддержке этого плана итальянскими и российскими делегатами, которым, как и прежде французской стороне, возразила британская делегация. Она продолжала выдвигать аргументы в пользу отказа от начала союзниками военных действий в Греции⁵⁵. Одним из способов разрешения англо-французских противоречий на «греческом направлении» могло стать сближение союзников по другим стратегическим вопросам. При определенных условиях, состоявшаяся 26–27 февраля 1917 г. в Кале англо-французская конференция была способна привести к созданию атмосферы взаимного доверия между союзниками.

Будучи созвана для решения проблемы обеспечения союзных сил через определенные транспортные маршруты, конференция уже в первый день свидетельствовала о конфликте между британскими политиками во главе с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем, который заранее не консультировался с английским военным командованием, и военными по вопросу подчинения британских сил в Европе единому командованию под началом главнокомандующего французской армией генерала Р. Нивеля. Против такого подчинения выступили, пригрозив отстав-

⁵⁵ TNA. CAB 24/3/38. Memorandum. Note by Lord Milner on the Proceedings of the Allied Conference at Petrograd, January-February 1917. Milner. March 1917. P. 2.

кой, Главнокомандующий Британскими экспедиционными силами во Франции фельдмаршал Д. Хейг и Начальник Имперского Генерального штаба генерал У. Робертсон. В результате принятого компромиссного решения, английские силы получали высокую степень автономии. «Греческий вопрос» на конференции так и не был согласован, но после неё получил освещение в специальном меморандуме, вновь составленном Г. Никольсоном и представленном в Военный кабинет.

Автор документа поставил под сомнение стремление французской стороны сознательно нарушать договоренности с британцами. Одновременно он отверг возможность установления в Афинах какого-либо правительства, способного контролировать внутривосточную ситуацию в стране из-за возросшего влияния военных и особенно «Лиги резервистов», оказывавшей давление на греческого короля и мобилизующей общество на антиантановские проявления⁵⁶. В документе подчеркивалась необходимость координации действий англичан и французов. Специально отмечалась, со ссылкой на британские военное и военно-морское командования, нецелесообразность оккупации Волоса, на чем постоянно настаивал генерал М. Саррай, но при этом не исключалось, что французский командующий Салоникским фронтом мог инициировать восстание венизелистских сил в Волосе с целью дальнейшего вмешательства под предлогом их защиты от роялистов⁵⁷.

В данной связи особое значение приобрели предложения российской стороны относительно как создания постоянно действующей в Риме конференции послов по Греции, на которой должны были решаться спорные вопросы, так и нормализации отношений с афинским правительством. Примечательно, что в заключительной части документа

⁵⁶ TNA. CAB 24/10/20. Memorandum. Future Policy in regard to Greece. Foreign Office. 06 March 1917. P. 3.

⁵⁷ Ibidem.

его автор, называл эти предложения «шагом в правильном направлении». Возможность нормализации ситуации заключалась в реализации предыдущего соглашения между четырьмя державами⁵⁸.

Последнее особо подчеркивалось и в анализе, который давал в «Western and General Report» Л. С. Эймери. Обращаясь к положению в Греции в номере, датированном буквально следующим после записки Никольсона числом — 7 февраля 1917 г., Эймери отметил хаос в «дипломатической ситуации» и «растущее понимание среди союзников того, что наступило время, когда они должны иметь общую политику в Греции и знать, что это за политика»⁵⁹. Касаясь « витающей в воздухе » идеи смены правительства в Афинах, во главе которого могли оказаться Н. Калогеропулос (союзники не признали его правительство, просуществовавшее с 3 по 27 сентября 1916 г.) или Н. Стратос (являвшийся сторонником нейтралитета Греции и антивенизелистом), Эймери указал, что оба они не являются «достаточно приемлемыми кандидатами с нашей (британской. — *Ар. У.*) точки зрения»⁶⁰. Помимо этого, в определенной степени находили подтверждение сделанные Никольсоном прогнозы относительно вероятного участия французских союзников в ситуации, развивавшейся в Волосе. Так, в частности, Эймери отметил разрастание там провенизелистского движения, обращая внимание на то, что «не ясно, до какой степени оно спонтанно или только отражает активность французских агентов»⁶¹.

В условиях развивавшейся в России революции, которая привела 15 марта 1917 г., с отречением от трона Николая II и его приемников, к ликвидации монархии, положение Ан-

⁵⁸ TNA. CAB 24/10/20. Memorandum. Future Policy in regard to Greece. Foreign Office. 06 March 1917. P. 3.

⁵⁹ TNA. CAB 24/146/6. Memorandum. Western and General Report N. 6. L. S. Amery. 07 March 1917. P. 1.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibidem.

танты могло резко ухудшиться. На состоявшейся 12–13 марта 1917 г. в Лондоне англо-французской конференции, посвященной более тесному взаимодействию армий двух стран, вопрос координации в системе командной структуры объединенных сил этих двух держав стал главным. В отличие от предыдущей конференции в Кале, где английский премьер Д. Ллойд Джордж активно выступил в пользу подчинения британских сил единому французскому командованию, чем вызвал серьезный протест своих военных, на конференции в Лондоне он, во многом под нажимом военных и короля Георга V, уже заявил о самостоятельности сил Англии. В то же время было достигнуто приемлемое для обеих сторон решение о тесной координации действий, а в случае провала наступления, планировавшегося под командованием Р. Нивеля, главнокомандующий британскими экспедиционными силами во Франции фельдмаршал Д. Хейг получал полную свободу действий⁶².

Точку зрения Лондона на способ решения «греческого вопроса» и связанные с этим британские интересы выразил 14 марта, то есть на следующий день после окончания конференции, Л. С. Эймери в специальном аналитическом приложении к «Western and General Report». Ссылаясь на телеграмму британского посла в Афинах Ф. Элиота, сообщившего о разногласиях союзников, Эймери отмечал: «Примирение между королем и Венизелосом, за которое он (Эллиот. — *Ap. Y.*) выступает, без сомнения, безнадежно, но возможное примирение между роялистской и венизелистской Грецией, чтобы создать сильную Грецию, естественным образом привязанную к Англии, очевидно, желательно в британских интересах»⁶³. Предпочтительный образ дей-

⁶² Подробнее в: *Philpott W.* Britain and France go to War: Anglo-French Relations on the Western Front 1914–1918 // *War in History*. 1995. Vol. 2. N. 1. P. 53.

⁶³ TNA. CAB 24/146/7. Memorandum. Western and General Report N. 7. L. S. Amery. 14 March 1917. P. 1.

ствий и в целом благоприятный для Британии ход событий, по мнению Эймери, состояли в следующем: «Чем больше венизелистской Греции оказывается помощь в том, чтобы стать независимой на своей нынешней территории и сильной против болгар, и чем меньше поощряется ее вмешательство в роялистскую Грецию, тем лучше перспективы такого возможного воссоединения. Настоящая опасность для греческого единства и для греческих отношений с союзниками заключается в попытке навязать венизелизм роялистской Греции, который она считает антинациональным и непатриотическим движением»⁶⁴.

Судя по очередному аналитическому материалу Л. С. Эймери, представленному неделю спустя, отставка французского премьера А. Бриана 17 марта 1917 г. и приход на его место 20 марта А. Рибо не порождали надежд в британских внешнеполитических кругах на достижение компромисса по «греческому вопросу» и снятие противоречий. Новый премьер пришел на волне недовольства нерешительной политикой Бриана, а французский парламент требовал более жестких действий в отношении Греции⁶⁵.

В этом контексте весьма примечательной становилась «характеристика момента», сделанная Эймери, который подчеркивал, что «обсуждаемое единство политики в греческих делах не стало ближе, чем это было за последние 12 месяцев»⁶⁶. Достижение согласия в данных условиях затягивалось, по мнению автора анализа, поиском «рабочих компромиссов»⁶⁷. Однако столь однозначная критика действий сторон в «греческом вопросе» по большей части

⁶⁴ TNA. CAB 24/146/7. Memorandum. Western and General Report N. 7. L. S. Amery. 14 March 1917. P. 1.

⁶⁵ *Lemonidou E.* La première guerre mondiale comme tournant pour l'institution monarchique en Grèce// *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2016. N. 264. P. 27.

⁶⁶ TNA. CAB 24/146/8. Memorandum. Western and General Report No. 8. L. S. Amery. 21 March 1917. P. 1.

⁶⁷ *Ibidem*.

не учитывала его значимость для всей политики Британии и Франции. Именно этот аспект становился главным, что нашло отражение в выступлении А. Бальфура 22 марта 1917 г.

Заявив о том, что «в Восточном Средиземноморье в этот момент возникает ревность, которая мешает нашей дипломатии – я не говорю серьезно, но это досадно и раздражает», глава Форин офис назвал Грецию «скандалом современной дипломатии», так как три страны — Британия, Италия и Франция, имеющие различное видение ситуации, пытаются решать проблему⁶⁸. Стремясь сгладить столь жесткие оценки, глава внешнеполитического ведомства сказал, что в «целом, однако, все развивается хорошо, за исключением этих небольших элементов разногласий, которые очень неприятны министерству иностранных дел, но которые, я надеюсь, не сильно изменяют общий ход войны»⁶⁹. Судя по всему, А. Бальфур не стремился даже на заседании Военного кабинета способствовать возникновению дискуссии относительно действий союзников в Греции.

В этой связи, представленная по каналам британского оборонного ведомства в Военный кабинет телеграмма от 23 марта 1917 г. военного атташе Англии в Афинах генерала У. И. Фэрхолма дала основания для того, чтобы рассчитывать на сдержанность Э. Венизелоса в конфликте с Константиносом I⁷⁰.

Сам факт ознакомления членов Военного кабинета с меморандумом, содержавшим текст телеграммы, свидетельствовал о значимости, которая придавалась в британских правительственных кругах любой информации, касавшейся внутривосточной ситуации в Греции. В аналитиче-

⁶⁸ TNA. CAB 23/43/2. Conclusion. Imperial War Cabinet. 22 March 1917. P. 3.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ TNA. CAB 24/10/50. Memorandum. Brig. General Fairholme, Military Attache, Athens. Note on a conversation with M. Venizelos. W.E. Fairholme. 23 March 1917.

ском материале Эймери, предварявшем очередной выпуск «Western and General Report», обращалось внимание на протест венизелистского правительства против вторжения итальянских сил в Эпир⁷¹, несмотря на то, что эта территория находилась под контролем роялистов, которые проявили определенную обеспокоенность происходившим⁷². Эймери также пришел к выводу, что «решение генерала Саррая сделать французские бумажные банкноты законным платежным средством в Салониках, по-видимому, является частью его общей политики отношения к Македонии как территории [под контролем] Франции и, несомненно, укрепит общее убеждение Греции в том, что политика Франции направлена на создание постоянного протектората в Македонии»⁷³. Позиция французских союзников в данном случае приобретала гораздо большее значение. Поэтому Эймери отмечал, что «греческое раздражение против французов, возможно, придется считать постоянным фактором будущего, несовместимым с реализацией французских амбиций на Балканах»⁷⁴. Подтверждением наличия у французской стороны региональных планов стало ее обращение к англичанам о необходимости пересмотра договоренностей, принятых на Римской конференции.

С целью выработки решений по данному вопросу в секретариате Военного кабинета к 13 апреля 1917 г. был под-

⁷¹ Подробнее о событиях, связанных с политикой великих держав в североэпирском вопросе и в Южной Албании, а также попытках создания там албанской и греческой государственных автономий, роли генерала М. Саррая в этом и его противоречиях с французским МИДом см.: Улунян А.А. Балканские национально-государственные автономии накануне и во время Первой мировой войны // Исторический вестник. 2014. № 9 (156). С. 122–138; Popescu S. Les Français et la République de Kortcha (1916–1920) // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2004. N 1(213). P. 77–87.

⁷² TNA. CAB 24/146/9. Memorandum. Western and General Report No. 9. L. S. Amery. 28 March 1917. P. 1.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ TNA. CAB 24/146/10. Memorandum. Western and General Report No. 10. L. S. Amery. 04 April 1917. P. 1.

готовлен аналитический документ — специальный меморандум «Ситуация в Греции», автором которого являлся Л. С. Эймери.

Автор отметил, что в начале войны 95 % греков, даже из числа противников Э. Венизелоса, были настроены проантантовски, а само королевское правительство обращалось к державам Антанты с предложением о союзе при гарантии со стороны последних оказать помощь в случае болгарского наступления⁷⁵. Это предложение было отвергнуто союзниками из-за сложности его выполнения, что на тот момент, по словам автора, являлось оправданным. Он также отметил, что, когда Константинос, по настоянию греческого Генштаба, сместил Венизелоса с поста премьер-министра после победы венизелистов на июньских выборах 1915 г., вмешательство союзников в греческие дела было бы вполне оправданным ввиду «сомнительной конституционности» действий греческого монарха⁷⁶. Однако избранная союзниками тактика заключалась в использовании дипломатии для возвращения Венизелоса и сотрудничества с венизелистским движением. В свою очередь, на что обратил особое внимание Эймери, французские союзники, находившиеся в Салониках, относились с высокомерием к грекам, выказывая недовольство греческой армией и королем⁷⁷.

Важным, в данном контексте, стал тезис Эймери о значении Римской конференции как принявшей решение об отказе помогать в продвижении влияния венизелистов за пределы контролировавшейся ими территории⁷⁸. Это дало возможность договориться с последним об эвакуации греческих войск на Пелопоннес и снять угрозу конфронтации сил союзников в Салониках с роялистской армией. Изменения

⁷⁵ TNA. CAB 24/10/31. Memorandum. The Situation in Greece. L. S. Amery. 13 April 1917. P. 1.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid. P. 4.

должны были позволить оккупацию той части Греции, которая находилась под контролем роялистов, с целью успокоить французский парламент, требовавший с помощью жесткого отношения к Константиносу I наказать того за события декабря 1916 г.⁷⁹ В документе Эймери была дана рекомендация противодействовать подобным намерениям. Ибо попытка их реализации, могла привести к выступлению греков, отвлечь силы союзников от борьбы с болгарскими и германскими войсками и создать недовольство и подозрения у итальянской стороны, отношения которой с французами ухудшатся⁸⁰. Развитие событий по подобному сценарию, служившему, как отметил Эймери, для удовлетворения требований французского парламента и региональных амбиций Франции, было способно привести к тяжелым последствиям⁸¹.

Ситуация в Греции накануне назначенной на 19 апреля 1917 г. в городке Сен-Жан-де-Морьен, на юго-востоке Франции, трехсторонней англо-франко-итальянской конференции, призванной окончательно решить «греческий вопрос», была оценена в очередном аналитическом материале Л. С. Эймери. Прогноз ухудшения ситуации в Греции после ее «небольшого улучшения» на предыдущей неделе автор документа аргументировал стремлением премьер-министра Франции А. Рибо до 24 мая, то есть очередного заседания французского парламента, предпринять шаги в этом направлении⁸².

Проведенная 19 апреля в Сен-Жан-де-Морьен конференция с участием британского премьера Д. Ллойд Джорджа, главы французского правительства А. Рибо, а также их

⁷⁹ TNA. CAB 24/10/31. Memorandum. The Situation in Greece. L. S. Amery. 13 April 1917. P. 4–5.

⁸⁰ Ibid. P. 5.

⁸¹ Ibidem.

⁸² TNA. CAB 24/146/12. Memorandum. Western and General Report No. 12. L. S. Amery. 18 April 1917. P. 1.

итальянского коллеги П. Бозелли и главы МИД Италии С. Сонино стала важным этапом во взаимоотношениях союзников в контексте распределения сфер влияния в послевоенном мире. Основным вопросом, обсуждавшимся ее участниками, были место и роль Италии в обстановке, складывавшейся после фактического сокращения военного участия России на кавказском направлении, имевшем стратегическое значение для Антанты с точки зрения действий союзников на Среднем и Ближнем Востоке. Италии гарантировалось влияние и контроль в ряде областей в Анатолии и других частях Османской империи, что было важно для Рима с точки зрения его растущих претензий на удовлетворение своих интересов за участие в блоке⁸³. В то же время, конференция так и не сняла противоречий между союзниками по «греческому вопросу».

В этой связи, к концу апреля 1917 г. в анализе, представлявшемся Военный кабинет ответственными сотрудниками его секретариата, прежде всего тем же Эймери, присутствовало три главных тезиса: во-первых, французы преднамеренно ведут политику конфронтации с греческим монархом, чтобы создать ситуацию, при которой они добьются его отречения и оккупации Фессалии⁸⁴, во-вторых, итальянская сторона начала поддерживать политику Франции, и, в-третьих, французские действия в военной области не будут согласовываться с британской стороной, что давало Лондону, в таком случае, возможность «оставить

⁸³ Об итальянской позиции на конференции и предшествовавших действиях итальянской дипломатии см.: *Helmreich P.C.* Italy and the Anglo-French Repudiation of the 1917 St. Jean de Maurienne Agreement // *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. N. 2. P. 99–139.

⁸⁴ Подробнее о политике Франции в вопросе об отречении греческого короля от власти см.: *Mourellos Y.* British Policy Towards King Constantine's Dethronement and Greece's Entry into the War // *Greece and Great Britain during World War I. First Symposium organized in Thessaloniki (December 15–17, 1983)* by the Institute for Balkan Studies in Thessaloniki and King's College in London. Institute for Balkan Studies. Thessaloniki, 1985. P. 131–138.

за собой право пересматривать масштабы и цели военного сотрудничества Великобритании в Салониках»⁸⁵.

Тревожный характер складывавшейся в Греции ситуации подтверждался сообщениями британского командования в Салониках, направляемых в Военный кабинет и отмечавших опасения греков по поводу возможных военных действий французов. В этой связи делался вывод, что в случае реализации французских планов положение англичан и в целом союзников, а также венизелистов могло серьезно осложниться, хотя на тот момент не существовало угрозы союзническому воинскому контингенту в Салониках, и в случае сохранения там контроля ситуация бы не ухудшилась⁸⁶. Британские опасения включали ожидания уже в недалеком будущем действий французов на «греческом направлении».

Имея в виду необходимость скорейшей выработки четкого плана действий по «греческому вопросу» перед назначенной на 4–5 мая 1917 г. очередной англо-французской конференцией в Париже, Военный кабинет провел 1 и 2 мая заседания. На них этот вопрос достаточно подробно обсуждался в контексте планов сокращения присутствия британских сил на Балканах и переброски их на Ближний и Средний Восток. Особо была отмечена точка зрения руководства Имперского Генерального штаба. Оно настаивало на постепенном отводе сил к Салоникам, выводе двух кавалерийских бригад и одной дивизии, а также на отказе от каких-либо действий, способных создать политическую нестабильность в Греции⁸⁷. Однако реализация этого плана, как понимали в Военном кабинете, создавала серьезные трудности во взаимоотношениях с французами, выступавшими, наоборот, за усиление англо-французских сил

⁸⁵ TNA. CAB 24/146/13. Memorandum. Western and General Report N. 13. L. S. Amery. 25 April 1917. P. 1.

⁸⁶ TNA. CAB 24/12/7. Memorandum. Tel. from G.O.C. in C. Salonika to C.I.G.S. General Officer Commanding-in-Chief, Salonika. 28 April 1917. P. 1.

⁸⁷ TNA. CAB 23/13/3. Conclusion. War Cabinet 128a. 01 May 1917. P. 7.

на Балканах⁸⁸. Судя по озвученным на заседаниях 1–2 мая взглядам на политику Франции в регионе, в британских внешнеполитических кругах существовало два основных предположения. Первое заключалось в том, что Франция стремится добиться господства в Греции с целью установления над ней протектората после окончания войны⁸⁹. Второе предположение состояло в том, что французские правящие круги придерживаются мнения, согласно которому греческий король «был оставлен на троне европейскими монархиями в ущерб делу союзников»⁹⁰.

Британская сторона понимала, что для того, чтобы добиться реализации своего плана по выводу части сил с Балкан, она должна предложить компенсацию французам. Суть предложений, высказанных на заседании Военного кабинета в данной связи, также свидетельствовала о различиях в британском видении «греческого вопроса» и в прогнозах развития ситуации. Одно предложение заключалось в том, чтобы предоставить Франции «свободу рук» в отношении греческого короля и дать ей возможность делать все, что она сочтет нужным. Правда, одновременно отмечалось, что в таком случае англичанам «будет очень трудно отмежеваться от французской политики в Греции», так как, если произойдет свержение Константиноса силами генерала М. Саррая, на Балканах создастся угроза союзным армиям со стороны Центральных держав, и вместо эвакуации части британских войск придется их там оставить⁹¹. Примечательной особенностью британских мнений и прогнозов были в целом негативная оценка действий французского партнера и просматривавшееся нежелание допустить реализацию его планов в Греции. Принятое 1 мая 1917 г. британским Военным кабинетом решение о дальнейшем

⁸⁸ TNA. CAB 23/13/3. Conclusion. War Cabinet 128a. 01 May 1917. P. 7.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ Ibidem. P. 7–8.

обсуждении «греческого вопроса» на следующем заседании свидетельствовало о стремлении Лондона на данном этапе найти наиболее приемлемую форму договоренностей с французской стороной.

Несмотря на фактическое отсутствие времени для подготовки планировавшегося заседания, буквально в день его проведения был составлен для членов Военного кабинета очередной выпуск «Western and General Report», предварявшийся аналитическим материалом Эймери по «греческому вопросу». Во многом его содержание повторяло мнения, высказанные на предыдущем заседании Военного кабинета, однако, на этот раз, в материале излагались и конкретные детали предложений относительно британской политики в Греции. Первый из подходов, оценивавшийся крайне негативно, заключался в том, чтобы, в конечном счете, позволить «французам с помощью ряда искусственно спровоцированных инцидентов довести дело до кризиса, что они, несомненно, хотят сделать». При этом, как писал автор аналитического документа, британская сторона оказалась бы виновной в равной степени с французской⁹². Второй вариант действий, рассматривавшийся как наиболее предпочтительный, предусматривал возложение на французского партнера ответственности за проведение союзнической политики, но при условии умеренности в ее проведении. В случае принятия этого варианта действий Британия смогла бы избежать вовлечения в сложную ситуацию в Греции, и при всех характеристиках французской политики, подобный выход был бы намного лучше, чем постоянно существовавшие конфликты и противоречия⁹³.

Изложенные Эймери варианты являлись, как показало заседание Военного кабинета 2 мая 1917 г., отражением мнений подавляющей части британских внешнеполити-

⁹² TNA. CAB 24/146/14. Memorandum. Western and General Report No. 14. L. S. Amery. 02 May 1917. P. 1.

⁹³ Ibidem.

ческих кругов и, прежде всего, руководства Форин офис. Заместитель его главы лорд Р. Сесил был основным докладчиком по «греческому вопросу» и фактически озвучил уже упоминавшиеся два возможных решения англо-французских противоречий. Отметив, что при предоставлении французам свободы действий, необходимо, чтобы они понимали всю серьезность складывавшегося положения и избегали радикальных шагов⁹⁴. Выступивший следом глава кабинета Д. Ллойд Джордж, уточнив ряд деталей, также склонялся к этому плану⁹⁵. Единственным противником плана был лорд-председатель Тайного Совета Дж. Кёрзон, который отсутствовал на заседании, но чье мнение было особо отмечено в примечании к краткой стенограмме⁹⁶. Вероятно, в тот же день было написано 25-страничное послание Р. Сесили английскому послу во Франции Ф. Барти, представлявшее своего рода объяснение британской позиции и игравшее роль инструкции на предстоявших англо-французских переговорах. Его текст был фактическим, а в некоторых местах дословным повторением уже упоминавшейся более ранней записки Г. Никольсона от 27 января 1917 г.⁹⁷

Состоявшаяся в Париже 4–5 мая 1917 г. англо-французская конференция была полностью посвящена дальнейшим действиям союзников на Салоникском фронте и касалась болезненных для обеих сторон вопросов вывода части британского контингента, а также организации военно-морских перевозок английскими судами. Как первый, так и второй были фактически решены в пользу англичан, настаивав-

⁹⁴ TNA. CAB 23/40/14. Conclusion. Imperial War Cabinet 14. 02 May 1917. P. 6–7.

⁹⁵ Ibidem. P. 7.

⁹⁶ Ibidem. P. 8.

⁹⁷ TNA. CAB 24/12/20. Memorandum. Situation in Greece. Robert Cecil. May 1917. В заголовке документа значится «Военный кабинет. Направлено Королю и в Военный кабинет. Форин офис». Дата отсутствует, но указан месяц — май 1917 г. Содержание свидетельствует, что документ относится к периоду накануне встречи 4–5 мая в Париже.

ших на необходимости эвакуации части подразделений из Салоник и невозможности по техническим причинам обеспечить военно-морской транспорт. В соответствии с британским предложением, генерал Саррай получал возможность взятия под контроль Фессалии с учетом того, что для Греции был важен в тот момент продовольственный вопрос и урожай зерновых в регионе имел стратегическое значение, чтобы не допустить голода в стране. Поэтому урожай делился бы между афинским роялистским и салоникиским венизелистским правительствами. Причем венизелистские силы не должны были вступать в действие, чтобы не допустить подозрения афинского правительства об их участии в оккупации Фессалии. Но в случае развития венизелистского движения в Фессалии им позволялось бы перейти туда в целях обеспечения порядка. Главным решением конференции стало признание за Францией лидирующих позиций в Греции, что объяснялось тесной связью военных вопросов с дипломатией. В складывавшихся условиях Англии было выгодно временно «передать» ответственность за греческие дела Франции. В интересах реализации данных планов предусматривался отзыв из Афин действовавших на тот момент дипломатических представителей двух стран и замена их новыми. Аналогичное предложение делалось Италии и России⁹⁸. Из всех британских предложений именно наиболее важное и казавшееся выгодным для французов было воспринято последними отрицательно, о чем свидетельствовал отказ премьер-министра Франции А. Рибо признать ответственность исключительно его страны за ситуацию в Греции. Таким образом, окончательного решения англо-французских противоречий по «греческому вопросу» не произошло, но очередной шаг в этом направлении был все-таки сделан.

⁹⁸ Проект британской резолюции конференции см.: TNA. CAB 24/12/57. Memorandum. Anglo-French Conference. May 4 and 5, 1917. Resolutions proposed by the Prime Minister. Secretary. 05 May 1917.

Тем временем происходившие в Греции события дали основания работавшим для британского кабинета советникам и экспертам считать, что действия французов и Э. Венизелоса направлены на срыв попыток Константиноса I наладить отношения с англичанами⁹⁹. В очередном прогнозе, сделанном Эймери 9 мая 1917 г. и представленном Военному кабинету, предполагалось, что после большой демонстрации в Салониках в ближайшее время должен произойти ряд инцидентов с целью «возбудить» роялистов и получить повод для вмешательства¹⁰⁰. В то же время, подобные действия французской стороны в известной мере соответствовали британским предложениям на недавней Парижской конференции, где ставился вопрос об ответственности Франции за «греческие дела». Это рассматривалось 16 мая Эймери как факт фиксирования новой политики в Греции. Учитывая важность продовольственной проблемы для Греции, захват Фессалии, где ожидался урожай, мог привести к наступлению роялистской армии, отведенной на Пелопоннес, а также к падению правительства А. Заимиса и приходу к власти военного правительства генерала В. Дусманиса¹⁰¹, фактического лидера роялистов в армии.

Эти прогнозы подтверждались сведениями, получаемыми в Разведывательном бюро Управления информации по разным каналам, включая подробный анализ греческой прессы. Ссылаясь на такой анализ, сотрудник Бюро, известный специалист по региону А. Липер, составлявший специальный «Еженедельный бюллетень по Греции» для Военного кабинета, сделал вывод о невозможности примирения короля Константиноса с венизелистами, так как на монарха оказывалось серьезное давление со стороны

⁹⁹ TNA. CAB 24/146/15. Memorandum. Western and General Report N. 15. L. S. Amery. 09 May 1917. P. 1.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ TNA. CAB 24/146/16. Memorandum. Western and General Report N. 16. L. S. Amery. 16 May 1917. P. 1.

противников главы салоникинского Временного правительства. Одновременно Липер пришел к выводу и о нежелании Венизелоса достигнуть какого-либо соглашения с монархом. Существовавшие в стране антивенизелистские «партии-клики», отметил он, «не имеют никакой программы, кроме сохранения собственной позиции и исключения Венизелоса из общественной жизни. Для них все вопросы об антантофилии или антантофобии имеют чисто второстепенное значение»¹⁰².

С середины мая и до англо-французской конференции 28–29 мая 1917 г. в Лондоне, которая приняла окончательные решения, призванные снять противоречия между союзниками по «греческому вопросу», оценки британской стороной перспектив развития ситуации в Греции отличались пессимизмом и прогнозировалось ухудшение положения в случае продолжения Британией и Францией нескоординированной между ними политики на «греческом направлении». В начале 20-х чисел мая в этой связи в аналитическом материале, представленном в Военный кабинет, явно просматривалось согласие на действия французской стороны в случае гарантированного успеха и выражалось опасение лишь по поводу возможности неудачи французов, что могло создать проблемы и англичанам. Так, в частности, отмечалось, что в случае, если греки не окажут сопротивления и «откажутся от фессалийского урожая без боя», то «французская политика будет успешной, и в надлежащее время последуют свержение короля Константина и франко-венизелистская оккупация Греции. Если, с другой стороны, они окажут какое-либо серьезное сопротивление, положение союзных сил в Салониках может стать одним из самых серьезных»¹⁰³. В свою очередь, глава оборонного

¹⁰² TNA. CAB 24/13/54. Memorandum. Weekly Report on Greece IV. Intelligence Bureau, Department of Information. 17 May 1917. P. 2.

¹⁰³ TNA. CAB 24/146/17. Memorandum. Western and General Report N. 17. L. S. Amery. 23 May 1917. P. 1.

ведомства лорд Дерби, сделавший доклад о взаимоотношениях с французами по «греческому вопросу» на заседании Военного кабинета 23 мая 1917 г., сообщил о своей беседе с французским коллегой П. Пенлеве¹⁰⁴. Последний заявил ему, что французская сторона крайне неохотно согласилась на вывод части британского контингента, и высказал опасение относительно перспективы ослабления союзных сил в Салониках, а также возможного присоединения Константиноса I к Германии. Выход из создавшейся ситуации мог заключаться в продвижении союзных сил на Фессалию, в оккупации Афин достаточными для этого силами, свержении греческого монарха и создании венизелистского правительства¹⁰⁵. Более того, как сообщил лорд Дерби, в свою очередь и французский премьер А. Рибо заявил о том, что его правительство не сможет существовать, «если не будут приняты решительные меры в этом направлении»¹⁰⁶. Выступления других членов Военного кабинета, а также представителей британского военного командования свидетельствовали о наличии у англичан серьезных предубеждений в отношении предоставления «свободы рук» французам в Греции¹⁰⁷. Таким образом, все очевидней становилось постепенное, хотя и осторожное, изменение оценок британской стороной возможных путей решения противоречий с Францией в отличие от ранее занятой позиции, не допускавшей даже мысли о возможности обсуждения темы оккупации Греции, смещения греческого короля и создания венизелистского правительства по инициативе французской стороны.

¹⁰⁴ Подробнее о нем в контексте англо-французских противоречий по ряду внешнеполитических вопросов см.: *Greenhalgh E. Paul Painlevé and Franco-British Relations in 1917 // Contemporary British History. 2011. Vol. 25. Iss. 1. P. 5–27.*

¹⁰⁵ TNA. CAB 23/2/62. Conclusion. War Cabinet, 144. 23 May 1917. P. 4.

¹⁰⁶ Ibidem. P. 5.

¹⁰⁷ Ibidem. P. 5–6.

Однако реальный перелом произошел на англо-французской конференции 28–29 мая 1917 г. в Лондоне с участием членов британского Военного кабинета. Британское видение ситуации было изложено в предложениях, представленных заместителем главы Форин офис лордом Р. Сесилем и фактически учитывавших большинство французских требований, выдвигавшихся ранее. Во многом это объяснялось пониманием того, что прежнее положение *status quo* невозможно сохранить, и заинтересованностью англичан высвободить силы для направления их на наиболее важные для британских интересов фронты Первой мировой войны.

Главными из предложений, сделанных Сесилем, были осуществление контроля над урожаем в Фессалии с целью усиления блокады Греции и ультиматум Константиносу I с целью его отказа от власти (с передачей ее одному из наследников). В ответных предложениях французская сторона настаивала на проведении операции в Фессалии и недопущении сокращения воинского контингента в Салониках до того, как в Афинах будет установлено правительство, которое бы гарантировало безопасность союзников. Второе предложение было изначально отвергнуто Военным кабинетом, и британская схема дальнейших действий оказалась основной¹⁰⁸. Технические вопросы, обсуждавшиеся на заседании Военного кабинета 29 мая 1917 г., являлись лишь уточнениями этого плана действий¹⁰⁹.

При всей кажущейся решенности «греческого вопроса», тем не менее, в оценках и прогнозах развития ситуации в Греции, автором которых являлся Р. Липпер, сотрудник Разведывательного бюро Управления информации, и которые поступали в Военный кабинет, гипотетический вариант примирения роялистов и венизелистов сохранялся. 29 мая, в последний день проведения англо-французской конферен-

¹⁰⁸ TNA. CAB 23/2/66. Conclusion. War Cabinet, 148. 28 May 1917. P. 1–3.

¹⁰⁹ TNA. CAB 23/2/67. Conclusion. War Cabinet, 149. 29 May 1917. P. 1–3.

ции и заседания Военного кабинета, в специальном секретном еженедельном бюллетене о положении в Греции данный сценарий занял большое место и там было отмечено, что, несмотря на желание премьера А. Заимиса, не являвшегося личным врагом Э. Венизелоса, объединить страну, у него нет реальных сил и возможностей¹¹⁰. Со своей стороны, как отмечалось, венизелисты не рассматривали его как посредника и переговорщика¹¹¹. Одновременно в информационных материалах, сопровождавшихся аналитическими записками и направлявшихся в Военный кабинет в конце мая 1917 г., уже открыто говорилось о принятии французского плана действий в отношении Греции, где представители Франции занимали лидирующие позиции при решении политических и военных вопросов¹¹².

В последующих аналитических материалах начала июня 1917 г. внимание их авторов из числа сотрудников секретариата Военного кабинета и Разведывательного бюро переместилось от англо-французских отношений в контексте «греческого вопроса» к перспективам развития внутриполитического положения Греции и действиям других союзников, в первую очередь Италии. В этой связи отмечалось: «Ситуация в Греции — это ситуация полной неопределенности. Ничто не может быть более примирительным и разумным, чем позиция Заимиса, но предвещает ли это постепенное подчинение неизбежному или только рассчитано на то, чтобы усилить греческий вопрос в глазах всего мира и выиграть время для организации сопротивления или гарантировать немецкую помощь, сказать невозможно»¹¹³. Более того, указывалось, что «прямым следствием

¹¹⁰ TNA. CAB 24/14/63. Memorandum. Weekly Report on Greece. V. Intelligence Bureau, Department of Information. 29 May 1917. P. 1.

¹¹¹ Ibidem. P. 2.

¹¹² TNA. CAB 24/146/18. Memorandum. Western and General Report N. 18. L. S. Amery. 30 May 1917. P. 1.

¹¹³ TNA. CAB 24/146/19. Memorandum. Western and General Report N. 19. L. S. Amery. 06 June 1917. P. 1.

попытки Франции установить контроль над Грецией стало то, что Италия начала борьбу за свою долю на Балканах»¹¹⁴. Одновременно по каналам военной разведки этот анализ подтверждался складывавшейся в Греции внутривойсковой ситуацией. Военный кабинет был проинформирован 8 июня 1917 г. главой военной разведки о сведениях, поступивших от британских военных представителей в стране и свидетельствовавших о том, что французское командование выразило недовольство позицией премьера А. Заимиса. К тому же сообщалось об убийстве сотрудников французской разведки, и о том, что «венизеллисты и роялисты находятся в состоянии, граничащем с паникой», при этом не исключалось в любой момент восстание роялистов в защиту короля¹¹⁵. Таким образом, происходящее в Греции свидетельствовало, что события могли начать развиваться по худшему сценарию в случае, если союзники не предпримут решительных шагов.

Именно это и было сделано 11 июня 1917 г., когда они потребовали отречения Константиноса I в пользу его младшего сына Александра под угрозой высадки 100-тысячного десанта в Пирее. Ведущую роль в проведении этой операции сыграли Уполномоченный по Греции, французский политик Ш. Жоннар, назначенный на эту должность союзниками после конференции 28–29 мая 1917 г. в Лондоне, и генерал М. Саррай. 12 июня Александр принял присягу как монарх Греции, а новое правительство было создано под председательством Э. Венизелоса.

Британская оценка происходившего свидетельствовала о раздражении, вызванном самостоятельными действиями французов, по-своему интерпретировавших решения недавней конференции в Лондоне как разрешение на такие самостоятельные действия в Греции. Состоявшееся 11 июня

¹¹⁴ TNA. CAB 24/146/19. Memorandum. Western and General Report N. 19. L. S. Amery. 06 June 1917. P. 1.

¹¹⁵ TNA. CAB 23/3/6. Conclusion. War Cabinet, 159. 08 June 1917. P. 3.

1917 г. заседание Военного кабинета негативно рассматривала начатые ранее передвижения французских войск, которые использовались для подготовки переворота, так как накануне III. Жоннар потребовал отречения греческого короля. В Лондоне считали происходящее противоречащим решениям конференции¹¹⁶. Одновременно, настаивая на смещении с поста командующего в Македонии слишком независимого и своенравного генерала Саррая, британская сторона, как было заявлено на заседании Военного кабинета, соглашалась с тем, что его «перевод не должен осуществляться до окончания нынешнего критического этапа военной обстановки в Греции»¹¹⁷. На следующий день, 12 июня 1917 г., Л. С. Эймери в аналитическом материале, посвященном событиям в Греции, сделал вывод о том, что проведенная французскими союзниками операция увенчалась успехом, несмотря на пока существовавшую неопределенность относительно вероятных действий роялистской армии, и высказал предположение, что ее командование не смогло заручиться поддержкой Германии¹¹⁸. Важным в данном контексте было указание Эймери на трудно предсказуемую реакцию России на государственный переворот. Одновременно, как отметил автор материала, глава российского МИД М.И. Терещенко «был явно расстроен действиями Италии в Албании»¹¹⁹. Оценка произошедшего, сделанная на заседании Военного кабинета 13 июня 1917 г., свидетельствовала о том, что, не имея возможности изменить ситуацию, англичане продолжали недвусмысленно настаивать на своей позиции в отношениях с французами, а именно, что приход к власти короля Александра должен служить объединению Греции и созданию конституцион-

¹¹⁶ TNA. CAB 23/3/6. Conclusion. War Cabinet, 159. 08 June 1917. P. 3.

¹¹⁷ TNA. CAB 23/3/7. Conclusion. War Cabinet, 160. 11 June 1917. P. 3.

¹¹⁸ TNA. CAB 24/146/20. Memorandum. Western and General Report N. 20. L. S. Amery. 12 June 1917. P. 1.

¹¹⁹ Ibidem.

ного правительства, и что судьба отрекшегося греческого монарха имеет для британской стороны особое значение¹²⁰.

Развивавшиеся на протяжении 1916–1917 гг. с разной степенью интенсивности англо-французские противоречия, которые в оценках и прогнозах британской стороны вели по объективным причинам к превращению французов в ведущую силу, заинтересованную в радикальных изменениях на «греческом направлении», нашли подтверждение в кульминационных событиях 11–12 июня 1917 г. В то же время, оказались реализованными и выдвигавшиеся как на правительственном уровне, так и в среде экспертов, обеспечивавших Военный кабинет информацией и ее анализом, возможные варианты сохранения британских позиций в Греции, главными из которых были неприкосновенность института монархии и недопущение политического доминирования венизелистских сил в системе существовавшей власти.

¹²⁰ TNA. CAB 23/3/9. Conclusion. War Cabinet, 162. 13 June 1917. P. 1.

**ВЕНГЕРСКОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
ОТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 1919 г.
ДО ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ
(ВЕХИ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ)**

**THE HUNGARIAN COMMUNIST MOVEMENT
BETWEEN THE SOCIALIST EXPERIMENT OF 1919
AND THE GREAT DEPRESSION
(THE MAIN TRENDS IN ITS HISTORY IN THE CONTEXT
OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CENTRAL EUROPE)**

Аннотация. Венгерская коммунистическая партия возникла в ноябре 1918 г. в условиях поражения Австро-Венгерской монархии в Первой мировой войне, ее распада и резкого обострения социальных и межэтнических противоречий в Средней Европе. В сложной обстановке весны 1919 г. коммунисты, придя к власти в Будапеште, предприняли масштабный социальный эксперимент в соответствии с идейными установками российского большевизма, вошедший в историю как Венгерская советская республика. После ее краха в августе 1919 г. деятельность компартии разворачивалась как в эмиграции, так и (нелегально) в самой Венгрии, причем ее сектантская тактика не давала ей возможности стать влиятельной общественной силой в условиях спада революционной волны в Европе. Основные вехи истории венгерского коммунистического движения в 1920-е годы рассмотрены в статье в контексте общей стратегии Коминтерна, одним из национальных «отрядов» которого выступала венгерская компартия, а также существенных изменений расклада сил на международной арене не в пользу Венгрии, предопределенных Трианонским мирным договором 1920 г.

Ключевые слова: Венгрия, Первая мировая война, распад Австро-Венгерской монархии, Венгерская советская республика 1919 г., Коминтерн, Версальская система, Трианонский мирный договор 1920 г.

При всем обилии опубликованных на русском языке (и прежде всего до начала 1990-х годов) работ по истории венгерского коммунистического движения на ранних этапах его существования, включая работы по истории Венгерской советской республики 1919 г.¹, тему никак нельзя считать исчерпанной для отечественной историографии и прежде всего ввиду присущей этим исследованиям, в том числе переводным, идеологической ангажированности. Это делает необходимым новое ее осмысление с учетом многочисленных публикаций, выполненных в последние десятилетия в самой Венгрии. Вводя в научный оборот немало фактического материала, они предлагают и новые трактовки многих ранее изучавшихся конкретных событий и явлений, равно как и деятельности отдельных персоналий, связанных с венгерской компартией. Один из ключевых аспектов интересующей нас темы — тесные связи венгерского коммунистического движения с Исполкомом Коминтерна как «штабом мировой революции», а также с руководством РКП(б)-ВКП(б).

Не только Коммунистический Интернационал, но и венгерская компартия, на протяжении четверти века функционировавшая как один из его «национальных отрядов», явились порождением эпохи, в которую Европа вступила с началом в 1914 г. Первой мировой войны, приведшей не только к огромным жертвам и разрушениям, но и коренным образом перекроившей политическую карту континента. Едва ли не наиболее зримым ее последствием стала ликвидация четырех империй — Российской, Германской, Османской и Австро-Венгерской.

¹ История венгерского революционного рабочего движения. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1970–1974; История Венгрии. Том 3. М.: Наука, 1972; Великий Октябрь и Венгерская Советская Республика / отв. ред. Т.М. Исламов. М.: Наука, 1983; *Нежинский Л.Н.* 133 дня 1919 года. Советская Россия и Венгерская советская республика. М.: Политиздат, 1989.

К осени 1918 г. стало очевидным, что монархия Габсбургов, ближайший союзник Германии, окажется в числе государств, потерпевших поражение в Первой мировой войне. Австро-Венгрия охватил глубокий внутривнутриполитический кризис, усугубляемый резким падением уровня жизни населения, равно как и неспособностью правящих элит обеих половин двуединой империи разрешить остро стоявший национальный вопрос. На периферии полиэтнической империи активизировались центробежные национальные движения (югославянские; чешское и словацкое; польское в Галиции; румынское в Трансильвании), получавшие все более активную поддержку со стороны стран-победительниц. В Великобритании, Франции, США меняется взгляд политических элит на будущее Габсбургской монархии. Принципы национального самоопределения, изложенные в программных выступлениях президента США Вудро Вильсона, были взяты на вооружение идеологами национальных меньшинств дуалистической Австро-Венгрии. В Лондоне, Париже, Вашингтоне, где еще недавно исходили из представлений о необходимости сохранения (пусть в усеченном виде) Дунайской монархии как «европейской необходимости», гаранта стабильности на востоке Средней Европы, корректируют в течение 1918 г. свои установки. Ставка делается теперь на целесообразность разрушения этой наднациональной державы, на поддержку альтернативных государственных проектов, выступавших под национальным (или крипто-национальным) знаменем — в их основе лежали идеи возрождения польской государственности, концепции чехословакизма, югославизма, великорумынского национализма.

В конце октября 1918 г., в условиях военного поражения и глубокого системного кризиса всей Дунайской монархии, в обеих ее столицах — Вене и Будапеште произошли демократические революции, свергнувшие власть Габсбургов. 16 ноября Венгрия провозглашается республикой. С 31 ок-

тября правительство возглавлял политик леволиберального толка граф Михай Каройи (1875–1955), в годы войны последовательно выступавший с проантантовских позиций². С 11 января 1919 г. он исполнял обязанности президента Венгерской республики³.

В ноябре-декабре 1918 г. полиэтническое Венгерское королевство, как и вся двуединая монархия Габсбургов, стало полем действия центробежных процессов. Подписанное правительством Каройи 13 ноября в Белграде соглашение о сложении оружия и временной демаркации линии расположения войск недавних противников не было в глазах общественного мнения благоприятным для Венгрии. Ведь настаивая на разоружении ее армии, оно в то же время санкционировало оккупацию обширных спорных территорий, находившихся ранее под венгерской юрисдикцией, союзниками Антанты — Румынией и Сербией, а также поддерживавшей их французской армией. Трансильванию (где румыны составляли примерно 55 % населения при 32 % венгров, а межэтнические границы внутри этого края были особенно размытыми) в течение ряда недель занимает румынская армия. Румыно-венгерские переговоры в Араде о достижении взаимного компромисса не принесли успеха венгерской стороне⁴. 1 декабря 1918 г. Великое румынское национальное собрание, созданное в Алба-Юлии (венг.:

² Из работ, отражающих взгляд современной венгерской историографии на так называемую «революцию астр» осени 1918 г., свергнувшую правление Габсбургов в Венгрии, см.: *Hatos P. Az elétkozott köztársaság. Az 1918-as összeomlás és forradalom története.* Бр.: Jaffa Kiadó, 2018.

³ Министром по делам национальностей стал европейски известный леволиберальный интеллектуал, специалист по национальному вопросу Оскар Яси (1875–1957). См. на русском языке его созданную в 1920-е годы в эмиграции классическую работу, осмысляющую причины распада Австро-Венгерской монархии: *Яси О. Распад Габсбургской монархии / научная редакция, комментарии и послесловие А.Г. Айрапетова.* М.: Три квадрата, 2011.

⁴ См.: *Чуканов М.Ю.* К истории венгеро-румынских переговоров о будущем Трансильвании в ноябре 1918 г. // *Восточная Европа после «Версаля» / отв. ред. И.И. Костюшко.* СПб.: Алетейя, 2007.

Дюлафехервар), торжественно провозгласило унию Румынского королевства с Трансильванией, Восточным Банатом и рядом прилегающих к ним земель Восточной Венгрии с большой долей румын в составе населения.

Была расторгнута и 8-вековая уния Хорватии с Венгрией. Хорватия и другие преимущественно югославянские земли венгерской половины Габсбургской монархии (прежде всего Воеводина) вошли в состав образованного 1 декабря югославянского государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС, будущая Югославия). Независимое чехословацкое государство, создание которого было декларировано 28 октября, заявило притязания на заселенные в большинстве своём словаками земли Верхней Венгрии (сегодня — территория Словакии), а также на Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину), что получило одобрение Версальской мирной конференции в 1919 г. При всей склонности графа Каройи к компромиссу с Антантой его правительство так и не смогло заручиться поддержкой держав-победительниц в территориальных спорах Венгрии с ее соседями и не сумело удержать под своей юрисдикцией ранее контролируемые Будапештом обширные территории, теперь отходившие под военный, а чуть позже и под административный контроль соседних государств, чьи элиты, опираясь на поддержку из Версаля, настаивали на значительном изменении в свою пользу межгосударственных границ. Они это делали, апеллируя к праву наций на самоопределение и, соответственно, в ущерб отстаиваемому Венгрией историческому праву на прежде принадлежавшие ей земли без должного учета их национального состава⁵.

⁵ См. из новейших работ венгерских авторов: *Деметер Г.* Стремления национальных меньшинств в Венгрии к самостоятельности и реакция венгерских правительств на процесс распада исторической Венгрии (1918–1920 гг.) // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории*. Вып. III. Ставрополь — Капошвар — Москва, 2018. С. 28–49. Как показывает венгерская историография, ряд территориальных претензий соседей по сути далеко не ограничивался отстаиванием принципа национального самоопределения (притязания Румынии на контроль

Следствием поражения Венгрии в Первой мировой войне явилась глубокая экономическая разруха. Трудности с нормализацией хозяйственной жизни усугублялись блокадой со стороны держав Антанты и нарушением товарообмена в результате оккупации значительной части страны войсками соседних государственных образований. Всё это ослабляло позиции демократического правительства, резко критиковавшегося за неспособность сохранить венгерскую государственность в её 1000-летних исторических границах. Правительство Каройи подвергалось сильному давлению как справа, так и слева. На правом фланге группировались активизировавшиеся к концу зимы 1919 г. после нескольких месяцев выжидания сторонники консервативно-националистического выбора, вынашивавшие планы установления военной диктатуры, способной мобилизовать венгерскую нацию на силовой отпор территориальным притязаниям соседей. Левый фланг наряду с левым крылом социал-демократии представляла коммунистическая партия, основанная в ноябре 1918 г. в числе первых европейских компартий. Ключевую роль в ее создании сыграли вернувшиеся на родину из России радикальные политические активисты во главе с Белой Куном (1886–1938) из числа бывших военнопленных австро-венгерской армии. Во время пребывания в революционной России в 1917–1918 гг. они приобщились к большевизму, сформировали венгерскую группу РКП(б), а Бела Кун перед отъездом в Венгрию получил непосредственные инструкции от В.И. Ленина, поддерживая с ним связи и в период подготовки захвата власти в Венгрии, что нашло отражение и в его письмах к Ленину⁶.

над стратегически важной железнодорожной веткой, проходившей через города с преобладающим венгерским населением, а Чехословакии на плодородные равнинные земли так называемого Житного острова близ Дуная, где венгры также составляли большинство; нереалистичные планы создания сухопутного коридора между Чехословакией и Королевством СХС, проходящего через этнически венгерские земли).

⁶ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 78–80, 81–82.

Общее количество военнопленных, мобилизованных в венгерской половине дуалистической Австро-Венгерской монархии на восточный фронт и оказавшихся по окончании войны на просторах распавшейся Российской империи (в том числе на Урале и в Сибири), измерялось в сотнях тысяч человек⁷. Среди них были люди разных национальностей — венгры (вместе с венгероязычными, ассимилированными евреями составлявшие более половины военнопленных), словаки, румыны, южные славяне. Острые межнациональные противоречия, существовавшие в Габсбургской империи, были перенесены и на взаимоотношения этих народов на территории России (в том числе в условиях антисоветского мятежа чехословацкого корпуса в 1918 г., как правило, не поддержанного этническими венграми)⁸.

Процесс возвращения многих венгерских военнопленных на родину затянулся на долгие годы. Количество недавних военнопленных, вернувшихся в родную страну в первые месяцы после окончания войны, с тем большим трудом поддается подсчетам, что в условиях распада исторической Венгрии ее земли оказались под юрисдикцией разных государств. Хотя вернувшиеся из Советской России бывшие пленные сыграли свою роль в формировании кадрового резервуара левого фланга в Венгрии, значение этого фактора в условиях массового распространения революционных настроений в стране, проигравшей мировую войну, не стоит преувеличивать. Углубление революционного процесса в Венгрии происходило под влиянием прежде всего внутренних факторов, а не вследствие экспорта российской революции.

Под давлением слева правительство декларировало осуществление экономических и политических реформ (на первый план вышли ограничение крупного землевла-

⁷ Вопрос об их точном количестве до сих пор остается дискуссионным.

⁸ Из публикаций последних лет см.: Magyar hadifoglyok Szibériában. Szőke Zoltán és Székely Gyula visszaemlékezései (1914–1922). Bp.: Polis Könyvkiadó, 2019.

дения и демократизация избирательной системы), однако их полноценному проведению в жизнь препятствовали как хозяйственная разруха, так и политическая нестабильность. Напряженность в обществе нарастала. Крайне левые силы, чьё влияние в массах росло прямо пропорционально разочарованию масс в леволиберальном правительстве, выступали за углубление социальных преобразований и в том числе за проведение более радикальной аграрной реформы. В качестве внешнего союзника они рассматривали большевистский режим в Советской России, а пути решения национально-территориальных проблем в Дунайско-Карпатском регионе связывали с перспективой мировой революции, симптомы которой уже со всей очевидностью проявлялись в Центральной Европе и прежде всего в побежденной Германии, где в те же месяцы тоже развернулись революционные события.

Во второй половине марта 1919 г. правительство столкнулось с новыми, еще менее приемлемыми для венгерского общественного мнения требованиями военного командования Антанты о демаркации линий размежевания с армиями соседних государств⁹. Это заставило М. Каройи 21 марта уйти в отставку, добровольно уступив власть социал-демократам, которые в сложившейся обстановке сочли целесообразным разделить ее с коммунистами. Уже в марте происходит слияние в одной партии коммунистов и левых социал-демократов¹⁰, за бортом новой партии оказались руководители и многие активисты СДПВ, не принявшие коммунистической программы (установления диктатуры пролетариата и власти Советов)¹¹. Новое правительство (Ре-

⁹ См. подробно: Пресняков А.З. Великие державы и послевоенное урегулирование в Венгрии (1918–1921 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 39–56.

¹⁰ На состоявшемся в июне съезде она была названа Социалистическо-коммунистической партией Венгрии.

¹¹ Речь идет о Э. Гарами, М. Бухингере, Д. Пейдле и др. Часть из них эмигрировала в Вену. О роли социал-демократов в событиях Венгерской

волюционный правительственный совет) во главе с выходцем из СДП Шандором Гарбаи (1879–1947) провозгласило Венгерскую советскую республику (ВСР), отвергло требования Антанты и приступило к реализации коммунистического эксперимента в соответствии с общими идеологическими установками и с учетом текущей политической практики российского большевизма¹². Наибольшим влиянием в правительстве пользовался нарком иностранных дел Бела Кун. Важнейшим проявлением непосредственной связи между двумя коммунистическими режимами (осуществлявшейся также и по телеграфу) явился авиаперелёт на территорию Советской Украины и последующий приезд в Москву в мае 1919 г. одного из лидеров ВСР Тибора Самуэли (1890–1919), встречавшегося с В.И. Лениным и обсуждавшего с ним перспективы мировой революции¹³. Как в руководстве большевистской партии, так и в «штабе мировой революции»,

советской республики 1919 г. см.: *Varga L. Kényszerpályáról tévútra. Szociáldemokraták a Tanácsköztársaságban*. Bp.: Napvilág, 2019. Хотя противники коммунистической платформы из рядов СДПВ, как правило, дистанцировались от новой партии, позже, после поражения Венгерской советской республики (ВСР), в идеологии и публицистике Коминтерна со ссылкой именно на венгерский опыт 1919 г. подчеркивалась непримлемость объединения в одной партии революционеров с социал-реформистами — соскальзывание на этот путь, как утверждалось, неминуемо ведет к поражению революции. См.: *Санто Б. Урок венгерской коммунистической партии* // Коммунистический интернационал. № 16 (1920).

¹² Из новейшей русскоязычной литературы о Венгерской советской республике см.: *Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.)*. Прилив. М.: Академический проект, 2020. С. 363–374. Из венгерских работ последних лет выделяется книга П. Хатоша, в которой уделено должное внимание разоблачению бытующих в литературе мифов о ВСР: *Hatos Pál. Rosszfiúk világforradalma. Az 1919-es Magyarországi Tanácsköztársaság története*. Bp.: Jaffa Kiadó, 2021. В некоторых работах события ВСР рассмотрены в более широком контексте межнациональных и международных отношений, включавшем в себя в том числе революцию в Германии. См., например: 1919. A Magyarországi Tanácsköztársaság és a kelet-európai forradalmak / Szerk. Krausz Tamás, Vértés Judit. Bp.: L'Harmattan, 2010.

¹³ Советы В.И. Ленина нашли отражение также в его «Письме венгерским рабочим», впервые опубликованном в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 2, июнь 1919. С. 155–158).

на роль которого претендовал Исполком Коммунистического Интернационала, образованного на его первом съезде в марте 1919 г. в Москве, с венгерской революцией связывали немалые надежды на революционизирование Центральной Европы¹⁴.

Созданная с учетом опыта РККА венгерская Красная армия вступила в борьбу с войсками Румынии и Чехословакии, в апреле перешедшими в наступление на территории, контролируемые ВСР, и оттеснившими венгерские формирования к Эгеру и реке Тиса¹⁵. Контрнаступление венгерских «красных» было вполне созвучно общественным настроениям, требовавшим сохранения исторических границ Венгрии, что позволило в считанные недели мобилизовать под патриотическими лозунгами немало людей, совсем не разделявших коммунистических идеалов, привлечь серьезных военных специалистов, получивших опыт на фронтах Первой мировой войны — они увидели в ВСР и ее армии единственную реальную силу, способную дать отпор инациональным военным формированиям и предотвратить распад страны. В результате удалось нанести поражение чехословацким войскам и продвинуться в северном и северо-восточном направлении (территория современной Словакии), 16 июня в г. Прешов была провозглашена Словацкая советская республика, просуществовавшая около трех недель. Ее образование дало повод для выстраивания утопических планов федерализации ВСР, в состав которой в перспективе предполагалось включить советские республики, провозглашенные на национальных окраинах

¹⁴ См. воззвание Исполкома Коминтерна (ИККИ) к рабочим и солдатам всех стран в защиту советской Венгрии: Известия. 1919. 30 марта. См. также письмо ИККИ съезду венгерских коммунистов (апрель 1919 г.): Коммунистический интернационал. 1919. № 1. С. 83–84.

¹⁵ В ряду множества других источников представляют интерес мемуары наркома по военным делам ВСР социал-демократа Вилмоша Бёма (1880–1849), написанные в венской эмиграции: *Böhm V. Két forradalom tüzében*. Bécs (Wien), 1923.

венгерской половины распавшейся дуалистической Австро-Венгрии. Перспективы решения острой национальной проблемы связывались, таким образом, коммунистами с федерализацией революционной Венгрии, границы которой зависели от соотношения сил с соседями.

Социальную базу новой власти составляли в первую очередь часть промышленного пролетариата (куда явно не входила так называемая «рабочая аристократия»), деклассированные элементы, сильно подверженные социальной демагогии, а также левая по политическим взглядам часть интеллигенции, предрасположенная к революционному романтизму¹⁶. В основу системы управления были положены, как и в России того времени, формировавшиеся Советы (рабочие, крестьянские, солдатские) с исполкомами, пришедшие на смену прежней администрации. Функции законодательного органа в определенной мере выполнял Будапештский Центральный рабочий совет из 500 человек. В июне состоялось общегосударственное собрание (съезд) Советов, на котором после некоторых дебатов и внесения ряда поправок был принят разработанный Революционным правительственным советом текст Конституции. Права участия в выборах в Советы лишались «эксплуататоры» в довольно произвольном и расширительном толковании этого понятия (новая избирательная система к моменту краха коммунистического режима находилась в процессе становления).

Были распущены старые органы полиции, упразднена унаследованная от эпохи дуализма судебная система, их места заняли новые, революционные органы охраны правопо-

¹⁶ Достаточно упомянуть в этом контексте окружение Дьердя Лукача (1885–1971), одного из крупнейших философов-марксистов XX в., на протяжении всей своей долгой жизни так или иначе связанного с венгерским коммунистическим движением. Его воспоминания о ВСР, в руководстве культурной политикой которой он принимал активное участие, см.: *Лукач Д. Прожитые мысли. Автобиография в диалоге* / издание подготовили А.С. Лагунов, А.С. Стыкалин, О.А. Якименко. СПб.: Владимир Даль, 2019.

рядка и система революционного правосудия, трибуналы, наделенные чрезвычайными полномочиями (в правительственном совете эти органы курировал коммунист Т. Самуэли). В основе экономических реформ лежал социалистический принцип ликвидации частной собственности на средства производства, причем процесс огосударствления (без возмещения убытков) распространился сначала на банки, шахты, транспорт, крупные промышленные и торговые предприятия, а в последующем на все предприятия с числом рабочих более 20, а затем и более 10 человек.

В осуществлении экономической политики немалую роль играл председатель Высшего совета народного хозяйства Енё (Евгений) Варга (1879–1964), впоследствии один из виднейших советских экономистов, академик АН СССР и многолетний директор Института мирового хозяйства и мировой политики, чьи взгляды на развитие социалистической и — шире — мировой экономики, впрочем, претерпели со временем заметную эволюцию, так что его деятельность в условиях ВСР, позже им критически переосмысленная, стала (как и в случае с Д. Лукачем) лишь одним из многочисленных этапов в насыщенной событиями и теоретическими исканиями биографии этого крупного марксиста¹⁷.

Декрет о земле от 4 апреля упразднил крупную и среднюю частную собственность на землю, национализировал также земельные владения церквей, однако, в отличие от России, обобщественную собственность не обещали разделить между крестьянами, а стали создавать государственные хозяйства, что лишило установившийся режим поддержки основной массы крестьянства, тем более в условиях продразвёрстки, введенной летом 1919 г. в целях обеспечения хлебом столицы и действующей армии (в ряде районов произошли крестьянские волнения). Правда, коммунистическая диктатура ввела на огосударствленных предприя-

¹⁷ См.: Черкасов П.П. ИМЭМО. Очерк истории. М.: Весь мир, 2016. 1 глава.

тиях 8-часовой рабочий день и повысила зарплату, в национализированные доходные жилые дома переселялись из трущоб семьи городской бедноты, что способствовало поддержке новой власти низами города, а также тысячами беженцев, перемещавшихся в Будапешт с оккупированных территорий. Вместе с тем принятые меры по контролю над распределением продуктов питания и предметов потребления в условиях крайнего дефицита часто оказывались непродуманными и неэффективными, в частности, курс на вытеснение частного торгового сектора вёл к дальнейшему усугублению ситуации со снабжением¹⁸.

Принципы огосударствления распространились и на политику в культурно-образовательной сфере (национализация школ, в том числе находившихся в ведении церквей, а также театров, кинотеатров). Было декларировано всеобщее обязательное бесплатное образование в объеме 8 классов, что встретило позитивный отклик в обществе. Поддержка новой властью ряда масштабных культурных проектов (в театральной и музыкальной культуре, издательской, художественно-выставочной деятельности и т.д.), привлечение видных интеллектуалов, находившихся при Габсбургах в оппозиции к власти, к преподаванию в высших учебных заведениях обеспечили временную поддержку ВСР немалой частью интеллигенции, особенно творческой и гуманитарной. Однако левацкие эксцессы коммунистической диктатуры нарушили уже к середине лета этот союз¹⁹.

¹⁸ Ход осуществлявшихся экономических и социальных реформ находил отражение в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 1–3, 1919) в статьях Л. Рудаша, Д. Алпари, Е. Варги, Д. Хевеши и др. Позже Е. Варга пытался критически оценить опыт экономической политики ВСР в своей работе: Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. Пг.: Госиздат, 1922.

¹⁹ О культурной политике ВСР и неотделимой от нее агитационно-пропагандистской деятельности см.: *Dent B. A vörös város. Politika és művészet az 1919-es Magyarországi Tanácsköztársaság idején.* Bp.: Helikon, 2019; *Szabó V. A kommunizmus bűvöletében. A Magyarországi Tanácsköztársaság propagandája.* Bp.: Teleki László Egyesület, 2019.

Поскольку новая власть не допускала политического плюрализма, распустив все оппозиционные организации, немалая часть прежней элиты эмигрировала с территорий, подконтрольных коммунистической диктатуре, в Вену, где в апреле был создан Антибольшевистский комитет во главе с будущим премьер-министром графом Иштваном Бетленом, а также в контролируемый силами Антанты г. Сегед, где с 5 мая функционировало альтернативное контрреволюционное правительство. Министром обороны в нем был будущий глава венгерского государства вице-адмирал Миклош Хорти, приступивший к созданию своих воинских формирований. В дни коммунистической диктатуры страну покинули и деятели демократического правительства конца 1918 — начала 1919 гг. Если О. Яси занял жестко антикоммунистическую позицию и к началу мая выехал в Вену²⁰, то М. Каройи пытался сотрудничать с коммунистами. Он эмигрировал уже в июле, в преддверии краха ВСР²¹.

30 июня венгерское советское правительство столкнулось с ультимативным требованием Парижской мирной конференции о полном прекращении боевых действий и отводе войск в пределы демаркационной линии, установленной Антантой. К этому времени положение ВСР усугубилось, с одной стороны, продолжавшейся экономической блокадой, а с другой, усиливавшимися левацкими проявлениями в ее внутренней политике (предельно широкой национализацией частной собственности, преследованием политических оппонентов), подрывавшими социальную базу режима. Надежды на помощь российских большевиков из-за Карпат и дальнейшее сотрудничество с ними в деле распространения коммунистической революции на новые

²⁰ См. на русском языке в переводе и со вступительной статьей О.А. Якименко фрагменты его дневника, относящиеся к весне-лету 1919 г.: Служение истории. Памяти А.Г. Айрапетова. Тамбов, 2020. С. 190–205.

²¹ См. его мемуары: *Faith without illusion. Memoirs of Michael Karolyi*. New York: E.P. Dutton and Co, Inc., 1957.

территории были развеяны уже в мае после восстания атамана Н.А. Григорьева и начала наступления армии генерала А.И. Деникина в Украине. Согласившись под давлением Антанты на отступление на чехословацком фронте, правительство ВСР в то же время в конце июля должно было возобновить военные действия против Румынии, которая, вопреки договоренностям, не отвела свои войска от реки Тисы и представляла собой реальную угрозу для Венгрии даже в пределах новых, смещенных резко к западу демаркационных линий. В июле 1919 г. усиливается «красный террор» в качестве реакции на продолжавшееся в Будапеште сплочение антикоммунистических сил и попытки части офицерского корпуса саботировать приказы новой власти относительно контрнаступления (готовился и офицерский заговор в целях свержения ВСР). В конце июля происходит крушение фронта, румынские войска форсировали Тису и двинулись на Будапешт. Коммунисты во главе с Б. Куном не отказывались от переговоров с Антантой в целях добиться изменения в пользу Венгрии демаркационной линии о военном размежевании, а также приостановки наступления румынских войск на Будапешт²², но для держав-победительниц они ассоциировались прежде всего с большевистской угрозой для Средней Европы и в силу своего радикализма не воспринимались как сколько-нибудь приемлемый для переговоров партнер, тем более в условиях, когда венгерская революционная армия уже не удерживала ситуацию на фронтах. Утрата поддержки основной массой столичного пролетариата, разногласия в руководстве и давление социал-демократов, требовавших создания более умеренного кабинета, способного договориться с Антантой, способствовали краху ВСР. 1 августа на совместном заседании Революционного правительственного совета и партийного руковод-

²² См.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии, ноябрь 1918 — апрель 1927 г. М.: Наука, 1981. Глава 2.

ства было принято решение об отставке правительства, Бела Кун и многие его соратники в тот же день покинули страну²³.

На протяжении всей последующей истории Коминтерна ВСР воспринималась в рамках этой международной организации как одна из наиболее ярких страниц в истории международного коммунистического движения. К осмыслению ее опыта, далеко не всегда критическому, постоянно обращались публицисты коминтерновских изданий, особенно во время очередных юбилеев венгерской революции²⁴.

Пришедшее на смену ВСР правительство правых социал-демократов во главе с противником коммунистической диктатуры Дюлой Пейдлом в условиях массового разочарования в советской власти было в считанные дни сметено консервативной волной, 6 августа уступив место более правому правительству. Румынские войска, вошедшие в Будапешт в начале августа и занимавшие город до ноября²⁵, по сути

²³ Т. Самуэли погиб при пересечении венгерско-австрийской границы при не до конца проясненных обстоятельствах. Ряд деятелей ВСР, не успевших выехать из Венгрии, оказались потом на скамье подсудимых на судебном процессе по так называемому делу народных комиссаров (Д. Бокани, Й. Хаубрих, Й. Келен, П. Агоштон и др.). Был схвачен и в декабре 1919 г. казнен бывший начальник политотдела наркомата внутренних дел, один из организаторов «красного террора» О. Корвин, после краха ВСР оставшийся в Будапеште для налаживания работы коммунистического подполья. Причины падения ВСР, как они виделись ее активными участниками, получили потом осмысление в целом ряде публикаций журнала «Коммунистический интернационал» (№ 9, 1920; и др.).

²⁴ Особую роль в пропаганде опыта ВСР сыграл сам Б. Кун. Так, 10-летию ВСР была посвящена его передовая статья в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 12, 1929) «К годовщине пролетарской революции в Венгрии». К 15-летию события была опубликована статья Б. Куна «Почему мы победили в Венгрии и почему не удержали власть» (Коммунистический интернационал, 1934. № 11–12). Однако, и в трактовках истории ВСР ее активными участниками наблюдались разногласия, в частности, между Б. Куном и Б. Санто, что заслуживает специального рассмотрения в контексте историографии ВСР.

²⁵ После ухода румынских войск в город вошли вооруженные отряды, сформированные М. Хорти от имени сегедского контрреволюционного правительства. Антанта, до тех пор (отчасти из опасений гражданской войны в Венгрии) делавшая ставку на румын как на главную военную силу подавления венгерской революции, в конце концов увидела не менее серьезную угрозу для себя в углублении венгерско-румынского конфликта и жестко настояла на выводе румынских войск.

с санкции Антанты выступали в роли внешнего орудия искоренения всех ростков коммунистической власти в Венгрии.

О масштабах «белого» (контрреволюционного) террора, последовавшего после краха ВСР, дают представление некоторые цифры, приводимые в современной венгерской исторической литературе. Так, исследователям удалось идентифицировать имена 680 человек, убитых в ходе карательных акций, активизировавшихся как в Будапеште, так и на периферии к концу 1919 г. Точное число жертв внесудебных расправ едва ли возможно установить, оно предположительно колеблется между 1000 и 2000. Судебные органы в конце 1919–1920 гг. вынесли около 100 смертных приговоров, 74 из них были приведены в исполнение. В разгар «белого террора» количество узников в пересыльной тюрьме Будапешта составляло 7500 лиц, а в лагере для интернированных по политическим мотивам в г. Залаэгерсег чуть более 2400 человек. Общее число политических заключенных, арестованных за участие в событиях ВСР, едва ли превышало цифру в 10 тыс. человек²⁶.

В условиях резкого сдвига вправо в Венгрии была отменена республиканская и восстановлена монархическая форма правления, при этом престол не был занят монархом. Функции главы государства, правителя (венг.: *kormányzó*), по сути регента в королевстве без короля выполнял с 1 марта 1920 г. и до середины октября 1944 г. вице-адмирал Миклош Хорти (1868–1957), в прошлом командующий военно-морским флотом Австро-Венгрии. Хотя его полномочия были ограничены законом о правовом статусе правителя и не были тождественны прерогативам короля

²⁶ Автор благодарен коллеге А. Колонтари за консультации. Из новейшей литературы см.: *Bodó B. A fehérterror. Antiszemita és politikai erőszak Magyarországon, 1919–1921.* Бр.: Napvilág, 2022. В конце 1919–1920 гг. тема белого террора находила постоянное отражение в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 7–8, 9, 10, 13), в том числе в ряде воззваний к коммунистам всего мира.

в эпоху австро-венгерского дуализма²⁷, за всей четвертьвековой эпохой венгерской истории, связанной с правлением этого человека, в литературе закрепилось понятие «хортистская», как называют «хортистским» нередко и сам режим — не совсем корректно в силу того, что за эти десятилетия он претерпел довольно существенные изменения, оставаясь при этом в своей основе право-авторитарным.

Итоги Первой мировой войны предстояло закрепить системой мирных договоров с Германией и ее союзниками²⁸. Особенно далеко идущие последствия для всей системы международных отношений на востоке Центральной Европы имел Трианонский мирный договор с Венгрией. Полномочные представители держав-победительниц предъявили Венгрии территориальные требования, которые в сложившихся условиях были в конечном итоге приняты ее правительством, хотя и шокировали не только пришедшую к власти правую элиту, но самое широкое общественное мнение в стране²⁹. В день подписания договора 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версальского парка в пригородах Парижа по всей Венгрии были приспущены государственные флаги, прошли демонстрации и траурные мероприятия. Первая страница текста договора, ратифицированного парламентом в ноябре 1920 г., при публикации в своде законов Венгрии была помещена в траурную рамку³⁰.

²⁷ Со временем его полномочия расширялись в соответствии с действующим законодательством.

²⁸ Так, с Австрией 10 сентября 1919 г. был подписан Сен-Жерменский мирный договор.

²⁹ О том, что предшествовало подписанию Трианонского мирного договора, см.: Аблонци Б. Трианонский мирный договор 1920 года. Факты, легенды, домыслы. М.—СПб.: Нестор-История, 2020. См. также: Зейдлер М. Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 133–157.

³⁰ Современный исследователь так описывает реакцию венгерского общества на вердикт, вынесенный в Версале: «Как в Будапеште, так и в провинции люди одевались в траурную одежду. Был объявлен сухой закон, закрыли свои двери для посетителей театры, кинотеатры, кабаре, другие общественные места. В школах вместо уроков, назначенных по

Трианонский мирный договор отражал реальную расстановку сил в Дунайском бассейне и юридически оформлял положение, сложившееся вследствие распада Австро-Венгерской монархии, провозглашения независимости Чехословакии и будущей Югославии, присоединения Трансильвании к Румынии. Конечно, Венгерская советская республика внесла дополнительные осложнения в процесс послевоенного урегулирования в Центральной Европе. Приход сторонников большевизма к власти в Будапеште был воспринят державами-победительницами как серьезная угроза, что не могло не сказаться на решении, принятом в Париже. И все-таки отнюдь не это явилось первопричиной жесткого вердикта, вынесенного в отношении Венгрии. В Версале в принципе не было поддержано стремление венгерской властной элиты (независимо от ее политической окраски) сохранить под своей юрисдикцией обширные территории, которые, будучи заселенными не только венграми, но и другими народами, входили со времен раннего Средневековья в состав венгерского «королевства св. Стефана (Иштвана)», основанного в 1000 году³¹. При установлении новых венгерских границ сыграл решающую роль голос Франции, претендовавшей после победоносной

расписанию, учителя разъясняли учащимся суть мирного договора. В столичных храмах в дообеденные часы состоялись внеочередные богослужения, на протяжении получаса не смолкали колокола. В 10 часов утра по всей стране на 10 минут остановилось движение, в том числе железнодорожное. На 10 минут были прерваны и все заседания в венгерских судах. На целый час было приостановлено заседание будапештского городского совета. В это время не работали магазины и кафе, закрыли двери банки, биржа, другие учреждения. В Национальном собрании не было дискуссий, депутаты должны были лишь молчаливо выслушать заявление спикера И. Раковски о том, что мирный договор является несправедливым, однако у Венгрии не было иного выбора кроме как подписать его под давлением непреложных обстоятельств. См.: *Зейдлер М.* Трианонский мирный договор 1920 г.... С. 150–151.

³¹ В управлявшейся с 1867 г. из Будапешта венгерской половине Австро-Венгерской монархии, в основном совпадавшей с исторической Венгрией, этнические венгры, согласно всеобщей переписи населения 1910 г., составляли 54,5 % (без учета обладавших автономией хорватских земель, а вместе с ними — 48,1 %).

войны на статус главной континентальной европейской державы³².

В соответствии с положениями Трианонского мирного договора Чехословакия получила земли, заселенные словаками³³, и Закарпатскую Украину (Подкарпатскую Русь). Территориальные приобретения Румынии, включая Трансильванию, превосходили по площади Венгрию в ее новых, «трианонских» границах — 102 тыс. кв. км³⁴. С учетом этнического фактора были пересмотрены в пользу Австрии венгерско-австрийские границы³⁵. В состав молодого югославянского государства вошли Хорватия и земли Воеводины (Бачка, Западный Банат, Баранья, Срем), на которых сербы составляли большинство населения.

Таким образом, в условиях новой, Версальской системы международных отношений территория венгерского государства сократилась более чем втрое в сравнении с территорией, находившейся под юрисдикцией Будапешта в эпоху австро-венгерского дуализма (1867–1918 гг.). С 325 тыс.

³² Слишком сильная Венгрия (потенциальный претендент на политическую доминацию в Дунайско-Карпатском регионе и вероятный союзник униженной, но всегда способной возродить свою державную мощь Германии) не отвечала представлениям прежде всего французской элиты о равновесии сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности. В Париже воспринимали как своих союзников противостоявшие Венгрии страны Малой Антанты (Чехословакию, Румынию, Югославию). Позиция Великобритании и тем более США была более сдержанной, однако при установлении новых границ в Центральной Европе приоритет отдавался мнению Франции. Из литературы: *Пресняков А.З.* Великие державы и послевоенное урегулирование в Венгрии (1918–1921 годы).

³³ А также ряд территорий сегодняшней Южной Словакии (в том числе Житный остров), на которых этнические венгры преобладали над словаками.

³⁴ В состав Румынии помимо большой исторической провинции Трансильвания вошли примыкающие к ней области Восточный Банат, Парциум (по румынской традиции — Кришана) и Марамуреш, прилегающий с юга-востока к Подкарпатской Руси.

³⁵ На отошедшей к Австрии, вытянутой с юга на север полосе на крайнем западе Венгрии образовалась новая австрийская провинция Бургенланд. В городе Шопрон был проведен в 1921 г. плебисцит, в соответствии с итогами которого он остался у Венгрии несмотря на преобладание в нем этнических немцев.

квадратных км она уменьшилась до 93 тыс. кв. км, тогда как население ее сократилось с более чем 18 миллионов человек (среди которых венгры, как отмечалось выше, составляли примерно половину) до 7,6 миллионов человек. 3,2 миллиона этнических венгров (более чем каждый четвертый!) оказались в соседних странах в качестве представителей национального меньшинства³⁶. Неизменно претендовавшая на доминирующие позиции на востоке Центральной Европы Венгрия вследствие поражения в войне была, таким образом, низведена до положения малого государства, вынужденного в своей внешней политике постоянно считаться с волей не менее, а подчас и более сильных соседей³⁷. Нельзя сбрасывать со счетов и негативные экономические последствия Трианона для Венгрии: отрыв промышленности Будапешта от источников сырья, оставшихся в Трансильвании и Словакии, разрушение сложившейся системы сельскохозяйственного обмена, — все это неблагоприятно сказывалось на развитии экономики, усиливало ее зависимость от внешнего рынка.

Условия Трианонского договора³⁸ показали крайне несправедливыми даже той либеральной части венгерского общества, которая критически относилась к политике насильственной мадьяризации, проводившейся венгерскими властями эпохи дуализма на подконтрольных им землях.

³⁶ Наряду с землями, где преобладали прежние этнические меньшинства (румыны, словаки, хорваты, сербы, немцы, русины), к соседним государствам отошли и области с компактным проживанием венгров, составлявших там большинство (не только в Южной Словакии близ установленной венгерско-чехословацкой границы, но и в секейском крае в Восточной Трансильвании).

³⁷ И Румыния, и Чехословакия, и КСХС, т.е. будущая Югославия, каждая в отдельности превзошли Венгрию и по площади, и по численности населения.

³⁸ Жесткие условия договора, продиктованного Венгрии, не сводились к изменению государственных границ. Они касались также численности, объема вооружения и технического оснащения ее армии, выплаты репараций и т.д. См.: Трианонский мирный договор. М.: Изд. НКВД, 1926.

Не удивительно, что внешняя политика венгерского правительства, с самого начала последовательно направленная на ревизию трианонских границ³⁹, была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новому положению Венгрии. Во внутривластном плане лозунг ревизии ненавистного договора явился мощным консолидирующим фактором, способным сплотить на единой платформе самый широкий спектр сил (от крайне правых до умеренно левых, в частности социал-демократов) и ставшим на два десятилетия важнейшим инструментом достижения национального единства. В самом деле, на Трианон и связанное с ним национальное ущемление без особого труда можно было списывать все пороки системы и злоупотребления властей⁴⁰.

Вследствие Трианона происходит резкий сдвиг общественного сознания вправо. Либеральные, демократические, а тем более социалистические ценности, вызывая в памяти нации события 1918–1920 гг., третируются официальной пропагандой, да и значительной частью общественного мнения воспринимались с подозрением как нечто способствовавшее беспримерному национальному унижению. Усиле-

³⁹ Ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров именно в их территориальных аспектах с такой настойчивостью и упорством, как это делала Венгрия.

⁴⁰ Национальной консолидации не могли не способствовать и систематические ущемления в соседних странах прав венгерского меньшинства вопреки букве Трианонского договора. Так, по имеющимся данным, Румынию после 1920 г. покинуло (переселившись в пределы резко сузившихся границ Венгрии) до 200 тыс. этнических венгров, которые не могли найти себя при румынской власти, и это, разумеется, стало большой нагрузкой для бюджета Венгрии и только усилило антиверсальские настроения в обществе. Кроме того, многие венгерские землевладельцы (отнюдь не только крупные) пострадали в результате довольно радикальной аграрной реформы начала 1920-х годов в Трансильвании. Из литературы см.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М.: Индик, 2008. Глава 1.

нию правоконсервативных тенденций в духовной жизни способствовал отток в эмиграцию многих деятелей культуры и интеллектуалов-гуманитариев левой и леволиберальной ориентации — некоторые из них, в том числе философ и литературный критик член компартии и нарком ВСР Д. Лукач, социологи О. Яси и К. Манхейм, эстетик А. Хаузер, один из основоположников киноэстетики, близкий к компартии Б. Балаж, получили международную известность.

Последствия Трианона коснулись, конечно же, не только Венгрии, но и ее соседей. Хотя в Версале постоянно ссылались на принцип национального самоопределения, границы во многих спорных случаях были проведены так, что национально-территориальные противоречия, унаследованные от монархии Габсбургов, не были разрешены, а были лишь перенесены в другую плоскость, межэтнические конфликты трансформировались в межгосударственные. Тем самым была заложена мина замедленного действия под всю конструкцию мирного урегулирования в Дунайском бассейне. Венгерский ирредентизм стал на два десятилетия одним из важнейших факторов, определивших ситуацию в Дунайско-Карпатском регионе. Формирование защитных механизмов против него явилось первоочередной заботой стран Малой Антанты, объединившихся в интересах сохранения установленной в Версале системы международных отношений. Полная противоположность внешнеполитических целей, которые ставили перед собой государства региона, предопределяла состояние перманентной напряженности на востоке Центральной Европы, что создавало немалые трудности для выработки стратегии Исполкома Коминтерна, где должны были принимать во внимание острые межнациональные и межгосударственные противоречия⁴¹.

⁴¹ Проблемы международных отношений в регионе находили постоянное отражение во внешнеполитической аналитике Коминтерна. См., например, большую статью Й. Погани «Кризис Малой Антанты и Венгрия»: Коммунистический интернационал, № 19 (1921).

С кардинальными последствиями Трианонского договора для Венгрии постоянно должны были считаться руководители и идеологи венгерского коммунистического движения, разрабатывая на основе генеральной линии ИККИ программу действий партии внутри страны с учетом доминирующих в обществе настроений, а также выстраивая в рамках Коминтерна отношения с коммунистами соседних Чехословакии, Румынии, Югославии. Ведь в отличие от компартий ряда соседних стран венгерская компартия функционировала в стране, где в общественном мнении господствовало жесткое неприятие установленной Версальской системы, и это роднило ее прежде всего с компартией Германии. Критика пороков Версальской системы, присутствовавшая во многих документах Коминтерна, находилась в созвучии не только с чаяниями венгерского общества, но и с установками правящей консервативной элиты на ревизию мирного договора — при всем крайнем неприятии ею стратегических целей и революционной тактики компартии. Чрезвычайная сложность и запутанность международных и межгосударственных отношений, острота территориальных споров в Дунайском регионе были той постоянно действующей величиной, которую никак нельзя было игнорировать ни ИККИ, ни руководствам отдельных партий в повседневной политико-пропагандистской работе. Разумеется, пересмотр Версальской системы виделся ИККИ на пути социалистических революций в Европе.

Эмигрировав после поражения революции в Австрию, многие активисты ВСР были интернированы австрийскими властями в венском предместье Штейнхоф из опасений усиления внутривнутриполитической напряженности в принимающей стране. Лишь через несколько недель и даже месяцев венгерские коммунисты получили возможность выйти на свободу. В Вене уже в 1920 г. сформировался важнейший центр венгерской компартии, функционировало ее Загранбюро, на роль его фактического лидера выдвигается Енё

Ландлер (1875–1928), в прошлом левый социал-демократ. Другой ключевой фигурой венгерской коммунистической эмиграции стал Бела Кун⁴².

Избранный в 1921 г. членом ИККИ и его Президиума, он выполнял ответственные поручения Коминтерна и, в частности, был направлен в Германию, где содействовал организации вооруженного восстания в марте 1921 г., закончившегося провалом. Отношение к Куну среди венгерских коммунистов было неоднозначным, в 1922 г. в рамках Коминтерна состоялся даже разбор его персонального дела — ему пришлось давать объяснения в связи с критикой ошибок и, более того, предъявленными обвинениями в действиях, имевших роковое значение для исхода венгерской революции. Эти разбирательства, однако, завершились в пользу Б. Куна и не воспрепятствовали его дальнейшей карьере в Коминтерне — в июле 1924 г. он возглавил агитпропотдел ИККИ.

В начале 1920-х годов внутри венгерской коммунистической эмиграции развернулась острая фракционная борьба между группировками Б. Куна и Е. Ландлера. Обе они призывали деятельность компартии Венгрии (КПВ) к перспективам мировой революции⁴³. Вместе с тем между фракциями существовали тактические разногласия в вопросах организации коммунистического движения в самой Вен-

⁴² После отъезда из Австрии в Советскую Россию он был командирован в октябре 1920 г. на Южный фронт в качестве члена Реввоенсовета. После вытеснения армии Врангеля из Крыма возглавил Крымский ревком и, прибегая к методам «красного террора», занимался зачисткой полуострова от противников советской власти. Деятельность Б. Куна, таким образом, отнюдь не ограничивалась Коминтерном — он работал также в Екатеринбурге в качестве члена Уралбюро РКП(б), был уполномоченным партии в ЦК Российского коммунистического союза молодежи и т.д.

⁴³ «Уже позади были разгром Венгерской советской республики, Баварии (т.е. Баварской советской республики 1919 г. — А. С.), убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но впереди маячили огни Гамбургского восстания. Для современников ничего еще не было решено...», — описывает то время Илья Эренбург, лично знавший многих венгерских революционеров (Люди, годы, жизнь // *Эренбург И. Собрание сочинений*. М.: Художественная литература, 1966. Т. 8. С. 407).

грии. Кун предлагал опираться на активистов ВСР и ветеранов партии, посылать их из эмиграции на родину для руководства подпольной работой (а поскольку они были хорошо известны полиции, это грозило крупными провалами). Ландлер в организационной работе делал ставку прежде всего на систематическое, терпеливое выращивание новых кадров снизу. Наряду с принципиальными разногласиями в борьбе фракций проявлялись межличностные трения и столкновение амбиций. Нездоровое положение в КПВ не раз становилось предметом специального рассмотрения в ИККИ. Попытки повлиять сверху на прекращение фракционной борьбы были, однако, не слишком эффективны и в марте 1922 г. ИККИ принял решение о роспуске венской организации КПВ. Основанием для критики (в духе ленинской работы «Детская болезнь “левизны” в коммунизме») служили также сектантские тенденции в идеологии КПВ, проявившиеся в публикациях Б. Куна и др. в венском журнале «Коммунизм», издававшемся на немецком языке⁴⁴.

Попытки наладить деятельность коммунистического подполья в самой Венгрии предпринимались начиная с 1922 г. Осуществлявшийся между советским и венгерским правительствами неоднократный обмен арестованных в Венгрии после подавления ВСР коммунистов на бывших военнопленных австро-венгерской армии расширил базу для засылки в Венгрию по линии Коминтерна лиц для ведения нелегальной работы. Деятельность первых групп подполь-

⁴⁴ Отклик В.И. Ленина на публикации этого журнала см.: Коммунистический интернационал, № 11 (1920). См. также: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Политиздат, 1981. Т. 41. С. 135–137. Выход журнала был приостановлен специальным постановлением ИККИ, а его возобновление летом 1921 г. вопреки этому постановлению вызвало резкую критику со стороны ИККИ и способствовало принятию решения о роспуске венской организации КПВ. См. недатированное письмо председателя Коминтерна Г.Е. Зиновьева в ЦК КПВ: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 157. Д. 4. Л. 71. Более позднее видение ситуации тех лет Б. Куном с учетом принятой им критики нашло отражение в его статье «После белого террора»: Коммунистический интернационал. 1925. № 11 (48). С. 36–46.

щиков закончилась провалами и арестами (включая группу, руководимую Эрнё Герё)⁴⁵. С весны 1923 г. функционировал новый подпольный партийный центр, тесно связанный с Е. Ландлером и его окружением. За годы существования Коминтерна были проведены лишь два съезда компартии Венгрии — в 1925 г. (нелегально в Вене) и в 1930 г. (легально под Москвой), однако состав ЦК и представительство КПВ в ИККИ постоянно обновлялись независимо от этих съездов, что было связано с провалами в деятельности коммунистического подполья и полицейскими преследованиями в Венгрии (а также мерами ИККИ по противодействию им), с не прекращавшейся внутренней фракционной борьбой в партии, со сталинскими репрессиями. Нормой стала кооптация в ЦК новых членов по инициативе ИККИ.

В первом съезде приняли участие и коммунисты, командированные из Москвы, и представители венской политэмиграции, и нелегально перебравшиеся из Венгрии подпольщики. Съезд утвердил устав партии и ее временную программу в соответствии с резолюциями V Конгресса Коминтерна (лето 1924 г.). На первую роль в венгерской компартии к этому времени всё больше выдвигается бывший нарком ВСР и член ИККИ Матяш Ракоши (1892–1971), в первой половине 1920-х годов выполнявший ответственные поручения Коминтерна и в других странах. Занимаясь налаживанием в Венгрии коммунистического подполья, он был в сентябре 1925 г. арестован полицией и в 1926 г. предстал перед судом, приговорившим его к 8,5 годам заключения по обвинению в подрывной работе. В 1934 г., по истечении срока заключения, был назначен новый суд, на котором Ракоши теперь уже инкриминировались преступления 1919 года (причастность к красному террору времен ВСР). Обозначилась перспектива вынесения смертного приговора, однако этот процесс приобрел большой (еще больший, не-

⁴⁵ Некоторых из вновь арестованных коммунистов также удалось обменять на бывших военнопленных.

жели первый суд над Ракоши) международный резонанс, и в итоге венгерский коммунист был приговорен к пожизненному заключению⁴⁶. В конце концов в результате осуществленной сделки в ноябре 1940 г., в совсем иных исторических условиях, венгерского коммуниста удалось обменять на хранившиеся в советских музейных фондах трофейные венгерские знамена времен революции 1848–1849 гг., подавленной русской армией⁴⁷.

К середине 1920-х годов, в условиях стабилизации режимов в развитых западных странах, задачи мировой революции теряют актуальность, отходят на второй план, а сам Коминтерн из «штаба мировой революции» всё более превращался в один из инструментов советской внешней политики, выполнявший собственную функцию (он, в частности, мобилизовывал международное коммунистическое движение на поддержку внешнеполитических инициатив СССР). Конечно, это не устраняло ведомственных противоречий между Коминтерном и Наркоминделом, но делало возможной смычку между ними для решения конкретных задач.

В Венгрии стабилизация режима была связана с графом Иштваном Бетленом (1874–1946), крупным консервативным политиком, стоявшим во главе правительства в 1921–1931 гг. Сам этот период вошел в историю страны как эпоха «бетленовской консолидации». Последовательный курс на ревизию трианонских границ сочетался с политическим реализмом, отказом от авантюры, стремлением к решению спорных вопросов с соседями мирным, дипломатическим

⁴⁶ Международный отклик имел также состоявшийся весной 1927 г. суд над группой арестованных коммунистов во главе с Золтаном Санто.

⁴⁷ См. сборник архивных документов о судебных процессах по делу Ракоши: *A Komintern "védőszárnyai" alatt. Orosz levéltári források Rákosi Mátyás börtöneveiről, 1925–1940* / Ed. Kolontári Attila, Seres Attila. Budapest: Argumentum Kiadó, 2014. В них показано, что к вызволению Ракоши из заключения были в той или иной степени подключены и структуры Коминтерна, и советская дипломатия, и западные адвокаты, представлявшие левое общественное мнение своих стран.

путем. Попытки бывшего короля (и австрийского императора) Карла захватить власть хотя бы в Венгрии, дважды предпринятые в 1921 г., были пресечены из опасений большого международного конфликта, а Габсбурги лишены прав на венгерский престол. Договор 1927 г. о дружбе с муссолиниевской Италией вывел страну из внешнеполитической изоляции⁴⁸. Налаживается и экономическое сотрудничество с СССР, с ним связывались надежды на некоторую компенсацию утрат, понесенных вследствие нарушения традиционных для Дунайского региона экономических связей с изменением межгосударственных границ⁴⁹.

Правительство графа Бетлена приняло эффективные меры по экономической стабилизации и смягчению социальных противоречий (что стало возможным благодаря внешним займам). Во избежание роста социальной напряженности оно ввело пенсии по старости и пособия по инвалидности, чего не было при Габсбургах, но было декларировано в период ВСР. В основе внутривластной программы лежало стремление к нейтрализации крайних течений как на левом, так и на правом флангах. Правыми лидерами социал-демократии, и ранее дистанцировавшимися от коммунистов и не поддерживавшими ВСР, было получено право на легальное функционирование и даже на парламентское

⁴⁸ Это событие нашло отражение в издании «Коммунистический интернационал», в тот год выходившем с еженедельной периодичностью: С Муссолини и Хорти за священный союз в Юго-Восточной Европе // Коммунистический интернационал. 22.07.1927. Параллели между режимами Муссолини и Хорти впервые были проведены еще в решениях IV Конгресса Коминтерна (ноябрь-декабрь 1922 г.), где в отношении режима Хорти было применено весьма спорное определение «фашистский», остававшееся в силе, пока существовал Коминтерн.

⁴⁹ Seres A. Hungarian-Russian economic relations, 1920–1941 (East European Monographs). Boulder, Colorado: Columbia University Press, 2012. Вместе с тем дипломатические отношения с СССР были установлены только в 1934 г., хотя первая попытка установления была предпринята еще в 1924 г. См.: Kolontari A. Hungarian-Soviet Relations, 1920–1941 (East European Monographs). Boulder, Colorado–Highland Lakes, New Jersey: Columbia University Press, 2010.

представительство⁵⁰ при соблюдении ряда условий (в том числе поддержке внешней политики режима, направленной на пересмотр Трианона, и отказе от радикальных политических лозунгов)⁵¹. В противовес односторонним трактовкам историографии коммунистической эпохи современные исследования акцентируют положительные стороны соглашения социал-демократов с властями — оно было шагом к консолидации общества после испытанных им революционных потрясений. Организованный рабочий класс при условии отказа от действий, дестабилизирующих существующий строй, был признан неотъемлемой составной частью нации, получив возможность отстаивать легальным путем свои интересы, участвовать в политической жизни, выдвигать своих кандидатов на выборах. Как бы то ни было, в конкретно-исторической обстановке 1920-х годов на левом фланге СДП соглашение с властями было воспринято как проявление оппортунизма, часть активистов отмежевалась от своего партийного руководства, образовав весной 1925 г. собственную партию во главе с И. Ваги, имевшую легальный статус — социалистическую рабочую. Поскольку партией фактически управляли коммунисты-подпольщики, использовавшие ее для прикрытия своих акций, консервативные власти не могли ее долго терпеть — к началу 1928 г., вследствие полицейских запретов и арестов она фактически прекратила существование. Таким образом, примирение режима с умеренными социал-демократами никак не сказалось на положении коммунистов, остававшихся изгоями, подвергавшихся преследованиям.

⁵⁰ Которого венгерские социал-демократы не имели даже в более «либеральные» времена австро-венгерского дуализма.

⁵¹ Относительный успех социал-демократов на выборах 1922 г., позволивший им образовать собственную фракцию в парламенте, трактовался в прессе Коминтерна прежде всего как следствие предательства ими интересов рабочего класса. См.: *Ракоши М.* Выборы в Венгрии // Коммунистический интернационал. 1922. № 22.

Проблемы отношений коммунистов и социал-демократов находились в центре внимания всех Конгрессов Коминтерна, VI его Конгресс (1928 г.) санкционировал печально известное определение социал-демократов как социал-фашистов. Способствовав усилению сектантства, решения VI Конгресса препятствовали складыванию единого фронта коммунистов и социал-демократов в противостоянии правому радикализму, наступавшему в Европе в условиях разразившегося в 1929 г. мирового экономического кризиса — речь идет в первую очередь о германском нацизме. Эти сектантские установки нашли отражение в ключевом документе ИККИ, касавшемся венгерской компартии, в Открытом письме Президиума ИККИ к членам КПВ (осень 1929 г.). В нем был подвергнут критике проект программы действий партии, предложенный Д. Лукачем⁵². Непосредственной целью, стоявшей перед венгерским коммунистическим движением, этот проект⁵³ провозглашал установление «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», в которой виделось некое переходное состояние на пути к диктатуре пролетариата. Во временной программе КПВ, принятой на I съезде партии в 1925 г., содержался пункт о борьбе с режимом Хорти за демократическую республику и рабоче-крестьянское правительство и, таким образом, предложенный проект не вступал в противоречие с находившимися в силе партийными установками. Однако в момент его обнародования в Коминтерне набирала силу

⁵² В центре внимания идеологических структур Коминтерна философ Д. Лукач оказался не впервые. Его знаменитый философский труд, написанный на немецком языке, «История и классовое сознание» (1923), заметно повлиявший на последующее развитие творческого марксизма (и в том числе «новых левых» 1960-х годов), был в середине 1920-х годов раскритикован в изданиях Коминтерна с позиций более ортодоксальной идеологии. См.: Лукач Г. История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике / перевод и вступительная статья С. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003.

⁵³ В историю венгерского коммунистического движения он вошел как «тезисы Блюма» по тогдашней партийной кличке Лукача.

кампания борьбы с «правой опасностью», что и предопределило судьбу документа — из-за своего несозвучия генеральной линии ИККИ он был отвергнут под давлением руководящих органов Коминтерна⁵⁴. Лукач был обвинен в правом оппортунизме, подмене «ленинской теории пролетарской революции» построениями ликвидаторского толка⁵⁵. Вследствие даже не критики, а острых политических обвинений крупный философ-марксист на время отошел от работы в венгерской компартии и даже предпочел перейти из нее в компартию Германии⁵⁶.

В конце 1920-х гг. в Австрии на фоне обострения межпартийной борьбы и усиления правых тенденций во внутриполитической жизни осложняется пребывание венгерской коммунистической эмиграции, происходят задержания и аресты представителей КПВ⁵⁷. II съезд партии с участием

⁵⁴ Приводился тот аргумент, что в стране, где уже была установлена в 1919 г. диктатура пролетариата, может стоять лишь задача ее повторного осуществления и в каких-либо промежуточных, переходных формах власти нет необходимости (при том, что социалистическая революция будет попутно решать и задачи общедемократического характера).

⁵⁵ Позже Лукач связывал этот свой проект с поисками более реалистической программы действий КПВ в конкретно-исторической ситуации конца 1920-х годов. Вместе с тем он всегда возражал против преувеличения его значения как документа, якобы способного в случае своего принятия ознаменовать собой поворот к новой тактике КПВ, основанной на отказе от привычных сектантских методов. О позднейшем отношении философа к критике конца 1920-х годов см.: *Лукач Д.* Прожитые мысли... С. 116–123.

⁵⁶ В 1930–1931 гг. он жил в СССР и работал в Институте Маркса — Энгельса, а в 1931–1933 гг. жил в веймарской Германии, откуда эмигрировал в СССР после прихода нацистов к власти. Его сотрудничество в качестве публициста с венгерской компартией, в которой он со временем восстановил и свое членство, возобновилось лишь после VII Конгресса Коминтерна.

⁵⁷ В апреле 1928 г. в Вене во время одной из командировок по линии Коминтерна был арестован и провел два месяца в заключении Б. Кун. Существовала реальная угроза его выдачи венгерским властям. В том же 1928 г. был арестован и Д. Лукач, находившийся в заключении несколько недель. Против его возможной выдачи режиму Хорти подняли голос виднейшие немецкие интеллектуалы, в том числе лауреат Нобелевской премии 1929 г. по литературе Т. Манн, кстати, срисовавший с хорошо ему лично знакомого Лукача образ фанатичного иезуита Нафты в одном из лучших своих романов — «Волшебная гора».

нескольких десятков коммунистов, тайно прибывших из Венгрии, собрался в феврале 1930 г. уже не в Вене, а в СССР, в подмосковной Апрелевке. Он обновил устав партии, приблизив его к действующему уставу ВКП(б)⁵⁸, принял резолюции, в которых подчеркивались необходимость строгой конспирации, непримиримость к «социал-предателям», что было знаком дальнейшего усиления в деятельности КПВ левосектантских тенденций. К началу 1930-х годов отрабатываются механизмы засылки в Венгрию для ведения нелегальной работы молодых коммунистов, прошедших специальную, в том числе идеологическую подготовку в Международной Ленинской школе (МЛШ) в Москве. Обновленное руководство партии, в котором по итогам II съезда заняли ведущие позиции совсем молодые, 25-летние коммунисты-подпольщики Шандор Серени (партийная кличка Шаш) и Йожеф Бергманн (партийная кличка Шандор Барна), не оправдало доверия ИККИ. После ряда сокрушительных провалов с конспирацией уже летом 1931 г. положение в КПВ вновь стало объектом критики со стороны ИККИ, а руководство партии было сменено. Многие партийные активисты позже стали жертвами сталинского террора.

К лету 1929 г. режим Хорти и Бетлена достиг пика своей экономической стабильности. Усилились и позиции Венгрии на международной арене, что проявилось в снятии контроля Лиги наций над ее финансами и армией. Однако мировой экономический кризис, начавшийся в октябре того же года, не только ударил по экономике и благосостоянию масс, но и нарушил общественную стабильность. Нарушился альянс властей с СДП, организовавшей 1 сентября 1930 г. масштабную антиправительственную демонстрацию. Что касается коммунистов-подпольщиков, они не только продолжали оставаться маргиналами, всё их движение неплот-

⁵⁸ В соответствии с советскими образцами акцент, в частности, делался на формирование партячеек не по территориальному, а по производственному принципу.

хо контролировалось полицейской агентурой. «В Венгрии 200 коммунистов, 100 из них завербовано мною» — заметил не без некоторой, излишней самоуверенности шеф политического управления венгерской полиции Й. Швейницер. Реальное положение дел было несколько иным, но не принципиально: по данным полиции, основанным на сведениях, полученных от самих коммунистов (!), весной 1931 г. в Будапеште и его окрестностях функционировало примерно 640 членов компартии, а в целом по стране сеть коммунистических ячеек не достигала 3000 человек⁵⁹. Постоянная засылка извне активистов, получивших выучку в СССР, не делала компартию более влиятельной силой. Существенные шаги по исправлению положения могли быть предприняты лишь с изменением общей стратегии коммунистического движения, в основе которого лежали бы признание фашизма главной угрозой европейской безопасности и взятие курса на создание единого фронта с другими антифашистскими силами, прежде всего социал-демократами. Эта линия была санкционирована значительно позже, на VII Конгрессе Коминтерна летом 1935 г., ознаменовавшем и политический крах Б. Куна, выведенного из высших органов Коминтерна, где его деятельность всегда ассоциировалась с сектантством. Лозунги единого фронта оставались в силе до нового поворота в политике СССР, произошедшего в августе 1939 г., с заключением советско-германского пакта, автоматически приведшего к демобилизации и деморализации мирового коммунистического движения в условиях начавшейся Второй мировой войны.

Что же касается ситуации внутри Венгрии, то система, сформированная в «эпоху Бетлена», устояла, хотя сам граф И. Бетлен вынужден был уйти в отставку в 1931 г. Здесь сыграло определенную роль давление Франции, обусловившей предоставление кредита сменой правительства. В Париже

⁵⁹ Данные получены от венгерского коллеги А. Колонтари.

рассчитывали на то, что в Венгрии в условиях экономического кризиса и ширящихся антиправительственных выступлений удастся обеспечить определенный сдвиг влево, сформировав правительство с участием либералов. Эти надежды совершенно не оправдались. Внутриполитическая консолидация действительно произошла, но на основе сдвига вправо, при премьер-министре Дюле Гёмбёше, широко использовавшем во внутренней политике опыт муссолиниевской Италии и явившемся первым главой зарубежного правительства, посетившим Гитлера после его прихода к власти. Последующие события так и не смогли переломить доминирование прогерманского вектора во внешней политике страны. Ориентация на Берлин, позволив Венгрии в 1938–1941 гг. осуществить частичную и временную ревизию Трианонского договора, вместе с тем в конечном итоге привела режим Хорти к закономерному краху, а всю страну к гитлеровской оккупации, Холокосту, масштабным разрушениям и жертвам зимы 1944–1945 гг.

**ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ:
«Я ИЩУ... РОССИЮ ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ».
Из воспоминаний генерала П.С. Махрова
о событиях 1920 г.**

**JOZEF PILSUDSKI:
“I’M LOOKING FOR ... A DEMOCRATIC RUSSIA”.
From the memories of General P.S. Makhrov
about the events of 1920**

Аннотация. Публикация представляет собой отрывок из неопубликованных воспоминаний генерала П.С. Махрова о его назначении в Польшу в качестве военного представителя генерала П.Н. Врангеля, о встрече с Ю. Пилсудским и другими польскими государственными деятелями. Мемуары генерала Махрова хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в США.

Ключевые слова: Белое движение, Польша, П.С. Махров, воспоминания, Советско-польская война.

Воспоминания самобытного и яркого автора генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (01.09.1876–29.02.1964)¹ за период до середины 1920 г. в отдельных фрагментах уже известны читателям². Прежде всего, речь идет

¹ Подробнее о нем см.: Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М.: Кучково поле Музеон, 2022. С. 416–423; Он же. Белый генерал Петр Махров: «Прошу... о зачислении меня в ряды Красной армии» // Родина. 2021. № 6. С. 37–42.

² Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. К сожалению, публикация вышла с купюрами и искажениями авторского текста. Нами опубликован целый ряд отрывков из воспоминаний Махрова: Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119; Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П.С. Махрова о событиях

о таких мемуарных текстах, как «Развал русского фронта в 1917 г. и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Записки командира 13[-го] Сиб[ирского] стр[елкового] полка и начальника штаба Юго-Западного фронта», а также «В белой армии генерала Деникина».

Еще одна рукопись Махрова под названием «Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы)» пока остается практически неизвестной ни специалистам³, ни широко-

на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163; *Ганин А.В.* П.С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 108–137; *Он же.* При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П.С. Махрова // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 160–205; *Он же.* На гетманской Украине летом-осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. 2021. Вып. 1–2. С. 477–507; *Он же.* «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...» Воспоминания генерала П.С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре — декабре 1917 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 142–232; *Он же.* «Будет же конец и этой проклятой обстановке...» Воспоминания генерала П.С. Махрова о Февральской революции на Северном фронте // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: Астерион, 2023. С. 174–189; *Он же.* «Я видел во сне, что солдаты... поднимают на штыки... моих офицеров». Воспоминания генерала П.С. Махрова о событиях августа-сентября 1917 г. в 12-й армии Северного фронта // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб.: Астерион, 2024. С. 202–226; *Он же.* Петр Махров: Я был рад показаться матери в юнкерском мундире... // Родина. 2024. № 12. С. 110–113. Также см. общий обзор: *Ганин А.В.* События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156.

³ Эти материалы не использовались в специальных монографических исследованиях о русских антибольшевистских формированиях в Польше: *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М.: Квадрига, 2013; *Karpus Z.* Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees kept in Poland in 1918–1924. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2001; *Karpus Z.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. Впрочем, в единственной на сегодня публикации о деятельности Махрова в Польше эти материалы использовались: *Cisek J.* Rozmowa Piłsudski — Machrow. Przyczynek do stosunków Polski z «białą» Rosją w roku 1920 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego, Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na Wychodźstwie. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1994. S. 210–222 (выражаю глубокую благодарность Д. Шпоперу и О. Канецкому за содействие в получении этой публикации).

му кругу читателей. Между тем, в ней Махров описал последние дни службы начальником штаба Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) и свою работу в качестве военного представителя главного командования ВСЮР и Русской армии в Польше. Эти свидетельства существенно дополняют и уточняют ту картину взаимодействия представителей южнорусского Белого движения с польскими и украинскими государственными, политическими и военными деятелями, а также с лидерами и активистами русской военно-политической эмиграции в Польше, которая была известна до сих пор. Особенно важно, что свои воспоминания Махров готовил на основе дневниковых записей, что значительно повышает достоверность материала и его детализацию. Вниманию читателей предлагается первая публикация отрывка из этой рукописи (часть раздела «Военный представитель Врангеля при польском правительстве»), освещающего историю появления Махрова в Польше и первые его контакты там.

П.С. Махров родился в Тамбове в мещанской семье. Его мать, Эмилия Рутковская, была полькой, а сам Петр мог говорить по-польски, что важно в контексте рассматриваемой темы. Он учился в Минском реальном училище, окончил Минскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1907 г.). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Награжден Георгиевским оружием. Осенью 1917 г. был произведен в генерал-майоры.

Приход к власти большевиков застал его на посту исполняющего должность генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта. Позднее Махров стал исполняющим должность начальника штаба фронта. Демобилизовавшись из старой армии, Махров в феврале 1918 г. приехал в Полтаву и поселился там в семье своего тестя отставного полковника А.И. Бафталовского. В Полтаве он прожил почти год, уклоняясь от участия в Гражданской войне. Во время

германской оккупации работал помощником начальника Хлеб-бюро в Полтавской губернии — организации, занимавшейся поставками представителям германских оккупационных сил зерна. В начале 1919 г. в связи с наступлением советских войск на Левобережную Украину Махров через Одессу уехал в армию генерала А.И. Деникина, где и прослужил в 1919–1920 гг., сделав блестящую карьеру.

Фронты Гражданской войны разделили семью Махровых. Средний брат, Николай, поступил на службу в Красную армию, а старший Петр и младший Василий сначала оказались на Украине, затем на белом Юге, а впоследствии — в эмиграции. После революции все вместе они уже не встретились.

С марта по июнь 1920 г. Махров при сменявших один другого главнокомандующих генералах А.И. Деникине и П.Н. Врангеле занимал важнейший пост начальника штаба ВСЮР. По оценке последнего, Махров «был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума быстрого и гибкого, весьма живой»⁴. Однако Петр Семенович не был ставленником Врангеля и вследствие разногласий с врангелевским окружением оставил эту должность, получив назначение в Варшаву. Соответствующий приказ был подписан 16 (29) июня, а незадолго до того Махрова произвели в генерал-лейтенанты.

К месту службы он выехал из Севастополя 18 июля 1920 г. по новому стилю. Отдельно от Махрова в Польшу отправилась его семья. Вместе с генералом ехали несколько его сотрудников: полковники В.В. Гофман, Н.Л. Щербицкий и есаул В.Ф. Кальченко. Сменивший Махрова на посту начальника штаба Врангеля генерал П.Н. Шатилов дал Гофману задание следить за контактами Махрова как приверженца левых взглядов (на самом деле, либеральных) с Б.В. Савинковым.

⁴ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М.: Терра, 1992. Ч. 2. С. 28.

Об этом неприятном для него поручении Гофман не преминул сообщить самому Махрову по прибытии в Варшаву.

До Польши спутники добирались через Турцию, Болгарию, Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Австрию и Чехословакию. В Варне Махрова встретил генерал В.Г. Науменко, записавший в дневнике: «21 июля⁵ приехал в Варну. Видел полковника Дормана⁶ и генерала Махрова. Эти также чувствуют себя обиженными. Махров помалкивает, но Дорман высказывается довольно открыто, также говорит, что у Врангеля ничего не выйдет»⁷. Речь шла об увольнении Махрова и Дормана из штаба Врангеля.

В Белграде Махров встречался с военным министром КСХС генералом Б. Йовановичем и русским посланником В.Н. Штрэндманом. Еще до приезда в Польшу Махров составил представление о том, что видный политический деятель антибольшевистского лагеря Б.В. Савинков являлся наиболее влиятельным российским политиком в Польше. В Белграде же состоялась важная беседа с членом организованного Савинковым в Польше Русского политического комитета (РПК) Б.Р. Гершельманом, направлявшимся в командировку в Крым. Обсуждались вопросы сближения Савинкова с Врангелем для совместных действий. Это было тем более актуально, что шла Советско-польская война, а переезд Махрова пришелся на наиболее напряженный период противоборства поляков с Красной армией. От князя Д.В. Мещерского Махров получил информацию о том, что на фронте произошел перелом в пользу поляков, в немалой степени связанный с работой французской военной миссии генерала М. Вейгана по укреплению польской армии.

⁵ 3 августа 1920 г. по новому стилю.

⁶ Дорман Павел Евстигнеевич (27.08.1884–25.05.1945) — полковник. Участник Белого движения на Юге России. Второй генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР (1920).

⁷ Дневники кубанского атамана В.Г. Науменко: 1920–1925 гг. Сост. А.В. Ефимов. Подольск: Музей-мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2024. С. 92.

Интересны свидетельства Махрова о жизни тех стран, в которых он побывал, об отношении властей к белому командованию, о настроениях местного населения и восприятии русских. Махрова, к примеру, поразило, как один болгарский крестьянин даже поклонился русскому генералу до земли в знак благодарности за освобождение Болгарии от турок в 1877–1878 гг.

Лишь 4 сентября Махров прибыл в Варшаву и с первых же дней активно включился в работу. Он встречался с представителями русской эмиграции (главой РПК Б.В. Савинковым⁸, начальником русской дипломатической миссии в Польше В.М. Горловым, главой Русского комитета В.И. Семеновым, председательницей Русского общества Красного Креста в Польше Л.И. Любимовой, генералом С.Н. Булак-Балаховичем), а также с польскими военными, государственными и общественными деятелями (главой польского государства Ю. Пилсудским, министром иностранных дел князем Е.К.В. Сапегой, начальником Генштаба генералом Т. Розвадовским, военным министром генералом К. Соснковским, инициатором объявления декларации о независимости Польши князем З. Любомирским и другими).

Махров наладил контакт с руководителями основных белых военных формирований в Польше и уже в сентябре 1920 г. подготовил доклад Врангелю о состоянии войск, а также совершил инспекционную поездку в Скальмержицы и Калиш, где реорганизовывались русские части. Ему удалось сгладить противоречия между Б.В. Савинковым и командиром 1-й пехотной дивизии генералом Л.А. Бобошко. Кроме того, он предоставил материалы о состоянии русских частей для французской военной миссии⁹.

Связь с белым Крымом тогда была крайне затруднительна и осуществлялась посылкой зашифрованных телеграмм через

⁸ Описание этой и некоторых других встреч не вошло в публикуемый отрывок.

⁹ *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша... С. 85.

генерала А.В. Геруа в Бухаресте, через генерала А.С. Лукомского в Константинополе или через генерала Е.К. Миллера в Париже. Менее срочные бумаги доставлялись Миллеру в Париж через французскую военную миссию, а оттуда с большим опозданием в Севастополь. Между тем, скорость коммуникации в осенние месяцы 1920 г. была для Махрова и Врангеля критически важна. В октябре Махров даже лично ездил в Париж для решения организационных вопросов.

Работа представителя Врангеля в Польше затруднялась тем, что каждый из местных руководителей антибольшевистских сил преследовал свои цели, плохо согласовывавшиеся с интересами других.

Особое внимание Махров уделил работе с Савинковым, который на польские деньги формировал войска из пленных красноармейцев. Отношения Савинкова с руководителями Белого движения складывались непросто еще в начальный период Гражданской войны¹⁰. Савинков и теперь, в 1920 г., по мнению Махрова, проводил свою линию, балансируя между поляками и белыми. Махрову удалось наладить взаимодействие руководителей белых формирований в Польше, но Савинков, как считал врангелевский представитель, имел амбиции лично возглавить войска, которые не стремились ему подчиняться.

Сохранились противоречивые оценки деятельности Махрова в те дни. Брат Б.В. Савинкова В.В. Савинков вспоминал, что приезд Махрова в Варшаву оказался как нельзя кстати: «Это был умный генерал, с которым можно было разговаривать. Каковы были его политические взгляды — не знаю, наверное, тоже был монархист. Но он был воспитанный, тактичный и разбиравшийся в обстановке человек»¹¹.

¹⁰ «Я начал формирование боевых единиц как в Москве, так и в провинции». Письма Б.В. Савинкова на белый Юг о деятельности антибольшевистского подполья. 1918 г. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2018. № 5. С. 17–28.

¹¹ Три брата (То, что было): Сб. док. Сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. С. 830.

С другой стороны, генерал Б.С. Пермикин, возглавивший 3-ю Русскую армию в Польше, резко критиковал Махрова, хотя именно Махров предложил его кандидатуру на эту должность: «Через полтора месяца вместо делегации от генерала Врангеля приезжает в Польшу военная миссия во главе с Генерального штаба генералом Махровым с двумя офицерами Генерального штаба. На приеме у графа Тышкевича, где были Махров и я, был и доверенное лицо Пилсудского Вендзягольский, очень много гостей, [среди них] Мережковский и Зинаида Гиппиус. В беседе с Вендзягольским Махров говорил об ошибках Врангеля, что ему, социалисту, пришлось работать с бароном Врангелем. Я не понимал махровской политики. Я его попросил заехать со мной в редакцию газеты “Свобода!”, чтобы поговорить с ним о генерале Врангеле, которого я не знал... При нашей беседе в редакции газеты присутствовал Философов и некоторые из его окружения. Я понял, что Врангель в Махрове ошибся и что политические убеждения Махрова затемнили цель его миссии в Польшу... Вся работа переговоров о союзе была сорвана Махровым критикой Врангеля. Я требовал его немедленно отозвать из Польши. После его приезда маршал Пилсудский совершенно переменился к Врангелю»¹².

Думается, эти упреки не вполне справедливы. При этом сам Махров оценивал генерала Пермикина невысоко, ведь тот был офицером военного времени без должной подготовки и еще за пять лет до рассматриваемых событий был всего лишь прапорщиком. По мнению Махрова, при нормальном положении дел Пермикин мог в лучшем случае командовать полком, но выбирать было не из кого.

Первая встреча Махрова с Пилсудским состоялась 8 сентября 1920 г. и продолжалась около двух часов. Польский лидер говорил по-русски и среди прочего заявил, что его не устраивают ни старая, ни красная или белая Россия, а он

¹² Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. / Ред.-сост. С.Г. Зирин. М.: Посев, 2011. С. 84–85.

стремится к России демократической. Махров же, как он сам вспоминал, несколько лицемерно заверил собеседника в соответствующих устремлениях Врангеля. Кроме того, Пилсудский дал понять Махрову, что находится в тесном контакте и даже в дружеских отношениях с Савинковым. Пилсудский считал, что причины поддержки большевиков населением Советской России заключались в боязни возврата прежних порядков и привилегий. Едва ли обе стороны переговоров были искренни — Махров отнюдь не являлся представителем демократических сил, а Пилсудский вряд ли так уж желал благополучия России.

Пока продолжалась Советско-польская война, обе стороны были заинтересованы друг в друге. Пилсудский концентрировал тогда в своих руках вопросы военной и внешней политики Польши, поэтому контакты с ним имели исключительное значение для Махрова. Глава польского государства мечтал о воссоздании великой Польши, для чего ему были полезны любые союзные силы, в том числе белые. Не случайно начальник польского Генерального штаба генерал Разводовский, пытаясь помочь Махрову, предоставил в его распоряжение служебный автомобиль и двух посыльных.

Видимо, подыгрывая Пилсудскому и Савинкову, Махров в одном из интервью того периода заявил, что правительство Врангеля якобы состоит «исключительно из демократических элементов, а равно из людей, которые раз [и] навсегда порвали с прежними формами правления и обещали, что забудут о старом режиме»¹³. Однако такого рода заявления не вполне соответствовали реальному положению вещей¹⁴.

¹³ Представитель ген. Врангеля в Варшаве // Последние новости (Париж). 1920. 18. 09. № 124. С. 3.

¹⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. С. 585; Карпенко С.В. Белые генералы и красная Смута. М.: Вече, 2009. С. 334; История России: в 20 т. М.: Наука, 2024. Т. 12. Кн. 2. С. 69.

Вторая встреча Махрова и Пилсудского состоялась 13 октября, на следующий день после заключения Польшей перемирия с Советской Россией в Риге. Пилсудский был недоволен отсутствием реакции Врангеля по поводу совместных действий против красных и ставил вопрос ребром — русские формирования предлагалось или направить на фронт или же разоружить и интернировать.

Одной из задач Махрова было заключение военно-политической конвенции с поляками, добиться чего не удалось. Но могло ли быть иначе с учетом того, что в Варшаве Махров появился буквально за две недели до начала советско-польских мирных переговоров и не обладал значительными полномочиями, а уже через два месяца армия Врангеля была выбита из Крыма.

Врангель рассчитывал на переброску войск из Польши в Крым (он даже требовал переправлять туда винтовки, захваченные поляками у РККА). Договориться об этом было возможно, но такая отправка в разгар Советско-польской войны на польские деньги, по оценке Махрова, была бы воспринята поляками как акт недружелюбия. Кроме того, это положило бы конец работе по формированию новых воинских частей из пленных красноармейцев на территории Польши. Белое командование тогда, как и во многих других случаях прежде, продемонстрировало свой непрагматизм. Лишь под нажимом Махрова Врангель согласился использовать белые формирования непосредственно в Польше. На все эти согласования ушло около трех недель, и благоприятный момент для белых оказался упущен.

В дальнейшем заинтересованность польских властей в сотрудничестве с белыми стала снижаться. На польское руководство, как считал Махров, давили представители Великобритании и Франции, опасавшиеся, что Польша не выдержит более длительную войну и настаивавшие на мирных переговорах с Советской Россией. Признание Польшей правительства Юга России могло этому помешать.

На начавшихся в Риге 21 сентября 1920 г. мирных переговорах польский делегат-социалист Н. Барлицкий даже заявил советскому представителю, что встречи Махрова в Варшаве с различными польскими деятелями «носят исключительно частный характер, и мы никакого значения им не придаем»¹⁵. Учитывая статус собеседников Махрова, это было не так, но показательна сама риторика.

После заключения советско-польского перемирия Махров участвовал в совещании у Савинкова, в ходе которого обсуждался вопрос Пилсудского, будут ли белые воевать дальше. Присутствовавшие единогласно выступили за то, чтобы «драться»¹⁶.

Союзником Польши являлась Директория Украинской народной республики (УНР) во главе с С.В. Петлюрой. Польяки стремились использовать и белых, и украинцев в своих интересах, для чего требовалось добиться согласия этих сил на совместные действия. Несмотря на острые противоречия между сторонами, Махров был за такой союз и выяснял, какие существуют возможности для переговоров и общего соглашения, в рамках которого украинские войска должны были бы подчиниться Врангелю (в качестве приемлемого кандидата предлагался генерал украинского происхождения В.Ф. Кирей, находившийся в Крыму). Однако вышло наоборот.

Переговоры представителей белых и УНР велись уже в августе 1920 г., но вопрос затянулся до поздней осени¹⁷. Предубеждения против такой договоренности имели обе стороны¹⁸. В начале октября 1920 г. к Махрову конфиденци-

¹⁵ Цит. по: *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша... С. 314.

¹⁶ Дело Бориса Савинкова. М.: Госиздат, б.г. [1924]. С. 63.

¹⁷ *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 616–618.

¹⁸ См., напр., письмо С.В. Петлюры председателю Совета народных министров УНР В.К. Прокоповичу от 9 октября 1920 г. о том, что конвенция с Врангелем произвела бы негативное впечатление на население и была

ально от Петлюры приезжал 3-й генерал-квартирмейстер украинского Главного управления Генерального штаба полковник Н.А. Капустянский, которого он хорошо знал по старой армии. «Это[т] симпатичный офицер русской школы и культуры, по своим политическим убеждениям федералист, говорил мне, что Петлюра готов на соглашение с русским главнокомандующим, о чем и сообщил ген. Врангелю»¹⁹, — вспоминал Махров. Врангель в итоге согласился на такие переговоры²⁰.

Чтобы добиться соглашения, в начале ноября 1920 г. сам Махров встречался со своим сослуживцем по старой армии украинским генералом В.П. Зелинским, руководившим украинской военной ликвидационной комиссией (ранее — украинской военной миссией) в Польше²¹. Эту встречу устроили глава польского государства Пилсудский и начальник французской военной миссии генерал А. Ниссель (в годы Второй мировой войны именно заступничество Нисселя спасло Махрову жизнь, когда он был арестован при режиме Виши и попал в концлагерь²²). Разумеется, стороны исходили из собственных интересов, которые в ряде вопросов совпадали.

Части 3-й Русской армии, не завершив формирование, плохо вооруженные и не вполне обеспеченные обмундированием, были переброшены на фронт. Там, наряду с другими силами белых, они совместно с украинцами участвовали

бы на руку большевикам. Петлюра при этом не отказывался от переговоров с Врангелем, но предлагал их затягивать: *Петлюра С.* Главный атаман. В плену несбыточных надежд / Под ред. М. Поповича, В. Мироненко. М.; СПб.: Летний сад, 2008. С. 302–304.

¹⁹ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). P.S. Makhrov Collection. Box 4. Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы). Тетрадь № 4. С. 347.

²⁰ *Karpus Z.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku... S. 43.

²¹ Подробнее см.: *Ковальчук М.* Українська військова місія в Польщі (липень — листопад 1920 р.) // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Київ, 2005. Вип. 6. С. 382–406.

²² Подробнее см.: *Ганин А.В.* Белый генерал Петр Махров: «Прошу... о зачислении меня в ряды Красной армии» // Родина. 2021. № 6. С. 37–42.

в непродолжительных боевых действиях в ноябре 1920 г., но потерпели поражение и были вынуждены отступить в пределы Польши, где были разоружены. Не имели успеха и действия С.Н. Булак-Балаховича в Белоруссии.

В разгар боев, 18 ноября 1920 г., была подписана российско-украинская военная конвенция. Представители Врангеля в ее подписании не участвовали, а сторонами соглашения выступили правительство УНР и РПК (среди подписавших документ был и уже упоминавшийся генерал Пермикин). Согласно тексту конвенции РПК признавал государственную независимость УНР, войска 3-й Русской армии должны были действовать с силами УНР как союзники, причем на территории УНР русские войска в оперативном отношении подчинялись командованию УНР²³. Конвенцию заключили уже после оставления белыми Крыма, и большого значения для врангелевцев она не имела.

После эвакуации Русской армии в Турцию взаимодействие Савинкова с Махровым осложнилось, поскольку Петр Семенович теперь представлял не армию, а беженцев. Поменялись и приоритеты в работе самого генерала, который отныне должен был меньше заниматься военно-дипломатическими вопросами, а больше — устройством русских военных в Польше. В то же время решено было сохранять войска на случай новой войны.

Через год, в ноябре 1921 г., Махров был отправлен Врангелем в отставку из-за нехватки средств, но неформально продолжал вести работу в контакте с генералом Е.К. Миллером, находившимся в Париже. Чрезмерная антибольшевистская активность белых в период подготовки Генуэзской конференции привела к тому, что 21 марта 1922 г. Махрова с еще несколькими лицами выслали из Польши в Данциг²⁴. В конце

²³ Гражданская война на Украине 1918–1920. Сб. док. и мат. Киев: Наукова Думка, 1967. Т. 3. С. 772–773.

²⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Белые формирования в Польше и попытка срыва Генуэзской конференции в 1922 году // Славяноведение. 2024. № 1. С. 31–38.

1924 г. Петр Семенович был окончательно освобожден Врангелем от должности, после чего в 1925 г. переехал во Францию, где прожил долгую жизнь до своей смерти в 1964 г.

Воспоминания П.С. Махрова публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. Отметим, что П.С. Махров иногда вычеркивал фрагменты своего текста. При публикации мы постарались воспроизвести в сносках вычеркнутое (в тех случаях, когда оно читается, имеет содержательный характер и не повторяет дальнейший текст). В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. указаны по старому стилю.

П.С. Махров

II. Военный представитель Врангеля при польском правительстве

На пути в Польшу

Английская военная миссия уведомила меня, что 5 июля²⁵ в 12 часов дня к Графской пристани будет подан катер для погрузки и перевозки меня и моих офицеров на английское посыльное судно.

За минут 20 я был уже на пристани, окруженный моими бывшими сослуживцами по штабу и комендантом крепости генералом Стоговым²⁶, пришедшими меня проводить.

В числе ехавших вместе со мной был мой правитель канцелярии военного представителя Генерального штаба полковник Гофман²⁷, штаб-офицер для поручений Генераль-

²⁵ 18 июля по новому стилю.

²⁶ Стогов Николай Николаевич (10.09.1872–17.12.1959) — генерал-лейтенант. Комендант крепости Севастополь и командующий войсками армейского тылового района (с 05.1920, на 09.1920). Один из организаторов эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма (11.1920).

²⁷ Гофман Владимир Владимирович (07.04.1888–17.02.1950) — полковник. На службе во ВСЮР и Русской армии. Направлен в заграничную ко-

ного штаба полковник Щербицкий²⁸ и обер-офицер для поручения есаул Кальченко²⁹.

Ровно в 12 часов шлюпка отвалила от пристани, а через 5 минут я поднимался по трапу на английский корабль, где на палубе с обычной военно-морской куртуазией меня встретил капитан судна. Меня провели в отведенную каюту, мои офицеры стали размещаться, где им было указано. Раздался шум винтов, корабль задрожал и поплыл. Я немедленно вышел на корму, на палубу и смотрел на удалявшийся от меня Севастополь. Трудно описать те чувства, которые я переживал в этот момент, покидая русскую землю и не предполагая тогда, что так надолго. Когда Севастополь готов был исчезнуть на горизонте, я чуть ли не вслух говорил: «Прощай, мой милый Севастополь, прощай! Когда я тебя увижу вновь и увижу ли...»³⁰

Я очень любил Севастополь, я там провел три года моей лучшей жизни, когда мне было 32 года. Я там служил в штабе 13[-й] пех[отной] дивизии³¹, начальником которой был

мандировку от отдела Генерального штаба Военного управления ВСЮР (1920). Правитель канцелярии военного представителя главного командования ВСЮР в Польше генерала П.С. Махрова. В эмиграции — в Польше и во Франции.

²⁸ Щербицкий Николай Леонтьевич (01.04.1879 — сер. 1920-х) — полковник. На службе во ВСЮР и Русской армии. Начальник общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР. Штаб-офицер для поручений при военном представителе главного командования ВСЮР в Польше генерале П.С. Махрове. В эмиграции — в Польше и Литве.

²⁹ Кальченко Василий Федорович (1892–1976) — есаул. На службе во ВСЮР и Русской армии. Обер-офицер для поручений при военном представителе главного командования ВСЮР в Польше генерале П.С. Махрове, его личный адъютант. Супруга — Татьяна Георгиевна Спасская (1904–1972). Зять отца Георгия (Спасского). В эмиграции во Франции.

³⁰ Далее зачеркнуто: «6-го [19 июля по новому стилю] около десяти часов утра мы прибыли в Сулин и стали на рейде. Была тихая ясная погода, но солнце жгло ужасно. Только под тентом было легче, в каюте оставаться было невозможно. В отдалении виднелся Сулин, на рейде шмыгали шлюпки, и я печально думал: счастливые люди румыны — они живут в мире и труде, а мы занимаемся братоубийством».

³¹ П.С. Махров в чине капитана служил старшим адъютантом штаба 13-й пехотной дивизии (03.04.1912–19.10.1914).

генерал-лейтенант Вебель³², человек редких душевных качеств, джентльмен и хороший начальник, умевший совместить службу и дружбу даже с молодым капитаном, каким я тогда был. Мой начальник штаба был добрейшей души человек Генерального штаба полковник Порфирий Алексеевич Румянцев³³ очень образованный и умный человек, с которым у меня были товарищеские и сердечно-дружеские отношения.

Одновременно я читал лекции по военным наукам в Севастопольской школе авиации, начальником которой был мой товарищ по академии, подполковник, князь Мурузи³⁴.

Я там же в Севастополе написал мой труд: «Применение воздухоплавательных аппаратов на войне»³⁵, который, по распоряжению великого князя Александра Михайловича³⁶, стоявшего тогда во главе авиации, был напечатан.

Красота природы, благоухание цветов, вечное яркое солнце делало жизнь радостной. Когда я в первый раз остановился у Байдарских ворот, то не мог понять, что предо мной. Казалось, конец земли и пред ней голубое пространство, не было горизонта и воздух, и море сливались в одно...

Я испытывал уже разлуку с Севастополем, уезжая на войну в 1914 году. Тогда писаря моего штаба благословили меня иконой с трогательной надписью. Я ее всегда хранил,

³² Вебель Фердинанд Маврикиевич (12.11.1855–1919) — генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от инфантерии). Начальник 13-й пехотной дивизии (20.12.1909 — 05.12.1914). Расстрелян красными в Одессе.

³³ Румянцев Порфирий Алексеевич (10.03.1866–20.02.1915) — полковник. Начальник штаба 13-й пехотной дивизии (07.07.1910–25.11.1913).

³⁴ Мурузи Александр Александрович (18.03.1872–02.07.1954) — князь, капитан, подполковник (с 06.12.1912; впоследствии — генерал-майор). Начальник Офицерской школы авиации (05.09.1912 — 04.08.1914). Мурузи окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1898 г., а П.С. Махров — в 1907 г.

³⁵ *Махров П.С.* Применение воздухоплавательных аппаратов на войне. Севастополь, 1914.

³⁶ Романов Александр Михайлович (01.04.1866–26.02.1933) — великий князь. Шеф Императорского военно-воздушного флота. Сыграл заметную роль в создании российской военной авиации.

как святыню, при себе и до этих дней, когда я пишу эти строки, она у меня.

Наш корабль быстро скользил по морю, я ходил по палубе и мысли о Севастополе, о моей жизни и службе там, как видения, мелькали предо мной. 7-го³⁷ наш корабль³⁸, покинув рейд Сулина, где мы простояли около суток, продолжил путь на Константинополь. В одном месте мы проходили близко мимо крутого берега Болгарии. На побережье уютилась болгарская деревушка с избами, покрытыми соломённой крышей, на полях блестели, точно золотом, снопы ржи... Глядя на этот мирный трудовой уголок я думал: с каким бы удовольствием я отдал бы все мои ордена, чины, мои офицерские высокие посты за то, чтобы жить спокойно в хижине, покрытой соломённой крышей, чтобы иметь душевный покой, не видеть братоубийства, жить вдали от интриг и людской зависти и злобы, предавшись осмыслённой трудовой жизни...

8-го³⁹ в 7 часов вечера мы прибыли в Константинополь. Я никогда ещё не видел этого города, этого узла двух цивилизаций востока и запада, и он меня поразил и особой красотой природы и зданий и храмом Св. Софии, и дворцами восточного типа султанов и особенно внутренней жизнью данного момента, которую так метко описал наш поэт Мятлев⁴⁰, живший в это время здесь. Листки его стихов передавались русскими из рук в руки и читались с восторгом. Вот некоторые выдержки:

Константинополь — это город,
Где, как ни жаль, а турок нет,
Последний турок был запорот,
Как говорят, на тот предмет,

³⁷ 20 июля по новому стилю.

³⁸ Далее зачеркнуто: «проходил у берегов Болгарии».

³⁹ 21 июля по новому стилю.

⁴⁰ Мятлев Владимир Петрович (01.02.1868–04.01.1946) — поэт, сатирик.

Чтоб разрешить легко и честно
Вопрос не малый — нам иль вам,
А также, чтобы было лестно
Национальным меньшинствам.

Покончив с расой беспокойной
И заглушив гортанный гул,
Толпою пестрой и нестройной
Европа ринулась в Стамбул.

Менялы, гиды, шарлатаны,
Парижских улиц мать и дочь,
Французской службы капитаны,
Британцы мрачные, как ночь.

Кроаты⁴¹ в лентах, сербы в бантах,
Какой-то нью-фаундлендский сэр,
Поляки в новых аксельбантах
И итальянский берсальер

Малайцы, негры, ацтеки,
Народы, сданные на слом,
Темнооливковые греки,
Армяне с собственным послом.

И кучка русских с бывшим флагом
С каким-то штабом и Освагом⁴²
Таков случайный караван,
Пришедший в лоно мусульман.

И жизнь кипит, как смерч в пустыне,
Ревут мулы, ослы ревут,
Во глубине любой святыни
Стучит немолчно «Унтервунд»⁴³.

⁴¹ Хорваты.

⁴² Осваг (Осведомительное агентство) — информационно-пропагандистский орган, существовавший на белом Юге в 1918–1920 гг.

⁴³ Правильно — Ундервуд. Пишущая машинка американского производства.

В земле ворочаются предки,
Автомобиля внемля стон,
И сорок две контрразведки
Венчают новый Вавилон.

Что можно было образнее и правдивее сказать о Константинополе, чем то, что было написано этим талантливым скептиком.

В моих ушах звенело:

«И кучка русских с бывшим флагом
Каким-то штабом и Освагом...»

И вот мне предстояло зайти в такой штаб, где работал представитель Врангеля⁴⁴ генерал Лукомский⁴⁵, чтобы получить необходимые визы и узнать о положении в Польше. Его управление помещалось в подвальном помещении нашего посольства на Пера⁴⁶. Лукомский меня встретил, не как товарищ по мундиру Генерального штаба, а с важностью вельможи, что так не гармонировало с убожеством его положения среди иностранных миссий, где он занимал последнее место.

Он оказался бессильным, чтобы его канцелярия добилась получить необходимые визы для меня и лиц, меня сопровождавших. Об военной обстановке в Польше он знал меньше, чем я из иностранных газет.

Визы в несколько дней получил мой правитель канцелярии полковник Гофман, владевший французским, немецким и английским языками. Военно-политическую обстановку

⁴⁴ Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928) — барон, генерал-лейтенант. Главнокомандующий ВСЮР и Русской армией.

⁴⁵ Лукомский Александр Сергеевич (10.07.1868–25.02.1939) — генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения на Юге России. Помощник главнокомандующего ВСЮР и начальник военного управления. Председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. Выехал в Константинополь (03.1920). Представитель Русской армии при союзном командовании (с 04.1920). В распоряжении главнокомандующего (с 11.1920).

⁴⁶ Пера — исторический район европейской части Стамбула.

мне осветил начальник польской военной миссии генерал Поржецкий⁴⁷, которого я лично знал еще в России, в г. Минске, где он был на русской службе в 30[-й] артиллерийской бригаде, батарейным командиром⁴⁸. Сведения были очень неблагоприятны для Польши. Красная армия уже была близко от стен Варшавы, и ее войска готовы были охватить польский фронт с обоих флангов: на Львов и Гродно. Польское представительство собиралось переехать в Познань.

Мне нужно было торопиться. Между тем, началась греко-турецкая война⁴⁹, и железнодорожное сообщение чрез Адрианополь было прервано⁵⁰.

Ближайший пароход «Барон Бек» отходил на Бургас и Варну только 21 июля⁵¹.

Числа 11–12 июля⁵² мне сделал визит японский военный агент капитан Такахаси⁵³, а на следующий день пригласил меня обедать, обещая угостить меня своими национальными блюдами. Он отлично говорил по-русски и, оказалось, что он был друг капитана Хасимото⁵⁴, бывшего агентом при штабе 8-й армии Брусилова⁵⁵, где я исполнял в это время

⁴⁷ Поржецкий Иосиф Генрихович (08.05.1870–1941) — бригадный генерал польской армии. Военный представитель в Стамбуле (руководитель закупочной миссии, 1919–1921).

⁴⁸ П.С. Махров ошибается. И.Г. Поржецкий служил в 30-й артиллерийской бригаде на 1909 г., но командовал батареей в 20-й артиллерийской бригаде (05.08.1910–24.05.1916) в чинах подполковника и полковника. Кроме того, в Минске до Первой мировой войны дислоцировалась именно 30-я бригада.

⁴⁹ П.С. Махров ошибается, т.к. Греко-турецкая война началась 15 мая 1919 г. и продолжалась до 11 октября 1922 г.

⁵⁰ Перерыв железнодорожного сообщения Стамбула с Адрианополем был вызван наступлением греческих войск в конце июня 1920 г.

⁵¹ 3 августа по новому стилю.

⁵² 24–25 июля по новому стилю.

⁵³ Правильно — майор. Такахаси — майор, начальник японской военной миссии на Юге России.

⁵⁴ Хасимото Тараносукэ (06.06.1883–26.01.1952) — капитан (впоследствии — генерал-лейтенант) японской армии, военный представитель в России.

⁵⁵ Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926) — генерал от кавалерии. 8-й армией Брусилов командовал в 1914–1916 гг.

должность генерал-квартирмейстера⁵⁶. Было, о чем поговорить, вспоминая прошлое. На другой день я ответил ему обедом национальным русским. Такахаси восторженно отзывался о Врангеле и его армии, незадолго пред этим познакомившись с главнокомандующим в Севастополе. Он мне оказался очень полезным, будучи очень хорошо осведомленным о Польше, об ее армии и о военной обстановке данного момента. Он считал, что если полякам не будет оказана помощь Францией, то Польшу ждет капитуляция.

21 июля⁵⁷ на пароходе «Барон Бек» я со своими офицерами отправился в Варну, чтобы найти там мою жену и дочь, которые эвакуировались из Новороссийска и о которых я не имел долго сведений. Только за несколько дней до моего выезда из Севастополя английская военная миссия уведомила меня, что семья моя в Варне.

В Варну я прибыл 22 июля⁵⁸ около 4 часа дня. Здесь мне пришлось задержаться на несколько дней, т.к. мне и моим офицерам необходимо было устроить личные дела. Дальше наш путь следовал через Софию, Белград, Вену и Прагу.

Местные военные болгарские власти были очень внимательны и предупредительны. В Софии мне пришлось задержаться [на] два дня, т.к. мой багаж не имел дипломатических печатей, и это мне не без особых затруднений сделал наш дипломатический посланник в Болгарии.

Не могу не отметить такого случая: проходя мимо храма в память Царя Освободителя⁵⁹, который я хотел осмотреть, я встретил проходившего мимо меня старика болгарского крестьянина. Я был в военной форме. Он меня разглядывал, а потом подошел ко мне, снял шапку и поклонился буквально до земли. Я обеими руками его поднял. Он мне

⁵⁶ П.С. Махров был старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии (20.01.1915–31.08.1916).

⁵⁷ 3 августа по новому стилю.

⁵⁸ 4 августа по новому стилю.

⁵⁹ Александр II (17.04.1818–01.03.1881) — российский император (1855–1881) из династии Романовых.

сказал на ломаном русском языке: «Аз кланяюсь тебе, русский генерал. Твой царь спас Болгарию⁶⁰. Я был солдатом тогда в русской армии. Слава России!» Таково отношение было к нам, теперь, в дни нашего несчастья, болгар старого поколения. Что же касается молодежи, то она, по крайней мере, в Варне, относилась к белым генералам и офицерам враждебно. Болгарская молодежь уже была отравлена коммунистическими тенденциями.

В Белграде я встретил исключительное внимание со стороны военного министра. По его распоряжению комендант города даже позаботился, чтобы мне был отведен номер в лучшей гостинице. Я был приглашен к военному министру⁶¹, который просил меня показать на карте расположение наших войск на фронте и группировку Красной армии. Вместе с тем, он выразил пожелание, чтобы я зашел во дворец королевича⁶² и расписался бы там. Наш посланник Штрэндман⁶³, которому я сделал визит, пригласил меня на завтрак, познакомил меня с польским военным агентом. Последний был удручен до крайности и с полной откровенностью мне очертил ужасное положение Польши. Штрэндман пользовался особым расположением к нему королевича Александра и, будучи человеком редких душевных качеств, отдавал все свои силы организации и помощи русским беженцам. Ни одна страна в мире не отнеслась так сердечно к русским беженцам, как сербы, которые в это время после войны находились сами в бедственном положении. Как,

⁶⁰ Речь идет об участии России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., по итогам которой была закреплена автономия Болгарии в составе Османской империи.

⁶¹ Военным и морским министром КСХС в 1919–1921 гг. был генерал Бранко Йованович (14.12.1868–29.04.1921). Выражаю благодарность за консультацию к.и.н. А.А. Силкину.

⁶² Александр I Карагеоргиевич (16.12.1888–09.10.1934) — сын Петра I Карагеоргиевича, регент-престолонаследник КСХС (1918–1921). Король сербов, хорватов и словенцев (с 1921), король Югославии (с 1929).

⁶³ Штрэндман Василий Николаевич (20.04.1873–18.11.1963) — русский посланник в КСХС.

на пример, я укажу на отношение к моей семье. Моя жена и девятилетняя дочь из Галлиполи⁶⁴ были перевезены в Сербию. На первый день Христова Воскресения⁶⁵ они прибыли в Крагуевац⁶⁶, полуразоренный городок после войны.

Все население города со всевозможными продуктами пришлось встретить «бедных избеглиц» (беженцев) и буквально их завалили продуктами. Во время переезда по жел[езной] дороге моя дочь засорила глаз, который начал гноиться. Моя жена увезла ее в Белград и обратилась к сербскому окулисту Трипко-Живковичу, окончившему парижский университет. Он принял жену мою не только внимательно, но сердечно и, осмотрев глаз больной девочки, сказал, что положение чрезвычайно серьезное, что болезнь запущена. «Если вы, мадам, способны по минутам исполнять все мои указания точно, то есть еще надежда спасти глаз». Жена моя согласилась, и чрез шесть недель глаз был вылечен.

Приехав в Белград, я зашел к Трипко-Живковичу, чтобы поблагодарить его и предложил ему гонорар, т.к. он отказался брать деньги за визиты моей жены. Он взволнованно [отказался⁶⁷], сказав, что он счастлив был отслужить русскому генералу, т.к. Россия так много сделала для Сербии во время минувшей войны, и с глазами полных слез обнял и поцеловал меня...

Что было делать? Как ему все же выразить благодарность. Моя жена знала его жену, очень красивую женщину, эстетку, любившую элегантно украсить свой дом и изящные вещи. У моей жены среди вывезенных вещей сохранился дорогой тонкой работы японский веер из слоновой кости и замечательной работы салфетки с вышитыми японскими пейзажами. Эти предметы во время войны 1914–18 г. ей

⁶⁴ Галлиполи — город в Турции, а также лагерь, где, в основном, в 1920–1921 гг. содержались чины Русской армии генерала П.Н. Врангеля и гражданские беженцы.

⁶⁵ В 1920 г. Пасха приходилась на 11 апреля.

⁶⁶ Крагуевац — город в Сербии к югу от Белграда.

⁶⁷ Это же слово зачеркнуто у Махрова.

преподнес японский военный агент, капитан Хасимота⁶⁸, бывший при штабе 8-й армии Брусилова, где я служил.

Моя жена и преподнесла жене доктора эти вещи, чем был очень тронут Трипко-Живкович...

В Белграде ко мне зашел Борис Робертович Гершельман⁶⁹, в прошлом — прокурор при Варшавском окружном суде. Он следовал в Севастополь с поручением от Бориса Викторовича Савинкова⁷⁰, человека очень близкого к Пилсудскому⁷¹. Гершельман сообщил мне, что Савинков ищет сближения с Врангелем и готов его признать как правителя и главнокомандующего.

Здесь же в Белграде я встретился с князем Мещерским⁷², бывшим до революции консулом в Восточном Туркестане⁷³. Он был послан нашим дипломатическим представителем в Польше, Владимиром Михайловичем Горловым⁷⁴, для⁷⁵ общей ориентировки меня о Польше.

⁶⁸ Правильно — Хасимото.

⁶⁹ Гершельман Борис Робертович (1882–1957) — товарищ прокурора Варшавского окружного суда. В Гражданскую войну состоял в военной организации «Национального центра» в Москве. Уехал из Москвы на Белый Юг осенью 1919 г. Сотрудник генерала Н.Н. Стогова. В эмиграции — в Польше. Член Русского политического комитета в Польше. Ездил в Крым в августе — сентябре 1920 г. Выслан из Польши 21.03.1922 по подозрению в монархической деятельности и в связях с Германией вместе с генералами П.С. Махровым и В.М. Новиковым. Жил в Данциге. Затем переехал в Югославию и США.

⁷⁰ Савинков Борис Викторович (19.01.1879–07.05.1925) — профессиональный революционер, эсер, террорист. Председатель Русского эвакуационного комитета, а позднее — Русского политического комитета в Польше. Организатор формирования в Польше 3-й русской армии для участия в Советско-польской войне на стороне поляков. Выслан из Польши (10.1921).

⁷¹ Пилсудский Юзеф (05.12.1867–12.05.1935) — польский государственный деятель, начальник польского государства.

⁷² Мещерский Дмитрий Викторович (1875–1933) — князь, дипломат, генеральный консул России в Кашгаре (1914–1917). В эмиграции — в Польше.

⁷³ Восточный Туркестан — Синьцзян. Д.В. Мещерский был консулом в Кашгаре.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: «занимавшим до этого времени 25 лет должность 1-го секретаря при парижском посольстве». Горлов Владимир Михайлович (05.03.1871–29.03.1948) — дипломат, начальник русской дипломатической миссии в Польше (1920).

⁷⁵ Далее зачеркнуто: «встречи меня и для».

Из бесед с Гершельманом и князем Мещерским я мог заключить, что благодаря помощи Франции, приславшей в Польшу генерала Вейгана⁷⁶ со штабом и офицерами-инструкторами Красная армия потерпела поражение, и Польша была спасена, но польское правительство находится под давлением Франции и особенно Англии, настаивающих на скорейшем заключении мира с советским правительством.

Из этих же разговоров для меня ясно стало, что Савинков в Варшаве занимает среди русских официальных и полуофициальных русских лиц первое место и является наиболее влиятельным человеком.

Только в половине августа я приехал в Вену. Был дождливый вечер. Я и три моих офицера сели в экипажи извозчиков и просили их отвезти нас в гостиницу. Мой извозчик пожилой, солидный немец, спросил меня, где я пожелал остановиться, назвав несколько хороших отелей.

Мне их имена ничего не говорили, т.к. я никогда в Вене не был и предоставил выбор места для моего жилища моему вознице. Наш караван из четырех экипажей, доверху заполненный багажом, около часу блуждал по улицам Вены и всюду нас отказывали принять, т.к. лучшие гостиницы были заняты.

Мы устали, шел сильный дождь... Наконец, мой извозчик подошел ко мне и, несколько стесняясь, сказал:

«Есть одно помещение, где можно найти комнаты, но я не знаю, как вы на это посмотрите — это “drei Kronen” (три кроны)». Для меня и моих спутников было безразлично, сколько бы ни было крон, лишь бы скорее обсохнуть, обогреться, поесть и лечь спать.

Действительно хозяин нашего пристанища после переговоров с моим извозчиком, которому я щедро дал на чай,

⁷⁶ Вейган Максим (21.01.1867–28.01.1965) — французский генерал, руководитель французской военной миссии в Польше во время Советско-польской войны.

а я был в военной форме, нас гостеприимно принял и отвел очень хорошие комнаты, которые в сравнении с болгарскими в Софии клоповниками казались царскими спальнями. Нам в комнату подали ужин по нашему заказу, очень хорошо накормили, и мы легли спать под тихие звуки раздававшейся где-то музыки и задорный хохот веселившегося общества. Утром мы узнали, что мы попали в один из венских домов свиданий. Хозяин этого учреждения любезно справился, хорошо ли мы спали, т.к. он отвел для нас часть своего личного помещения...

В Вене мне пришлось задержаться [на] три дня, т.к. мой багаж почему-то не был одновременно погружен в поезд, с которым я уехал из Белграда и прибыл позже.

Я решил воспользоваться случаем, чтобы купить себе штатское платье и осмотреть Вену, благо установилась хорошая погода.

Еще в России я знал, что Вена была красивым и веселым городом, но, гуляя по улицам, я видел теперь эту красавицу угрюмой и нищей. Все продукты выдавали по карточкам, даже табак и сигары...

Правда, в ресторанах за баснословные цены можно было получить, что угодно. Таков уж закон могущества денег!

Оглядывая город, его дворцы, здание парламента, я вышел на одну из улиц, где меня поразила своей архитектурой храм Св. Стефана, точно сшитый из белых кружев. Поразительная красота!

Мне невольно вспоминался собор Св. Софии в Киеве, пред которым в молодые годы я как-то долго стоял, как заколдованный. Его простой скромный стиль с куполом, уходящий в высь небесную, казалось, звал прохожего войти в него и забыться о жизни мирской... Он больше говорил моему сердцу, чем этот прелестный храм Святого Стефана...

Вспоминая о Венском конгрессе⁷⁷, я думал о прошлом величии России, о том, что вот здесь пребывал наш мистик, царь Александр Благословенный⁷⁸, пред которым склонилась тогда вся Европа, а теперь?.. Теперь уж нет династии Романовых. Его потомок, благородный царь Николай II⁷⁹, добрейшей души человек, убит по инициативе подлого еврея Свердлова⁸⁰...

«Мне отмщение и Аз воздам!»⁸¹ Но кто этот Аз? Врангель? Врангель, окруженный сворой тех, по вине которых вспыхнула революция? Возможно ли это?⁸² Этих «верховных особ» интересует не Россия, а мечта «владеть и править» ею для выгод помещиков и их дворянского войска⁸³... Но нет, русский народ уже достаточно созрел, он много страдался, он не допустит вновь той власти, которую смыла революция, думал я.

«Неужели этой властью будет советская?» — спрашивал я самого себя. Неужели наш народ, до сего веками живший верой православной и единовластием «благочестивейшего, самодержавнейшего великого государя», так легко предаст все это забвению. Нет, этого не может быть, что-то мне го-

⁷⁷ Венский конгресс 1814–1815 гг. — международная европейская конференция в Вене, в ходе которой была выработана система договоров, определивших отношения в Европе после наполеоновских войн.

⁷⁸ Александр I (12.12.1777–19.11.1825) — российский император (1801–1825) из династии Романовых.

⁷⁹ Николай II (06.05.1868–17.07.1918) — российский император (1894–1917) из династии Романовых.

⁸⁰ Свердлов Яков Михайлович (22.05.1885–16.03.1919) — революционер, советский государственный деятель, председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета. Причастность Свердлова к принятию решения о расстреле бывшего императора Николая II и его семьи остается предметом дискуссий.

⁸¹ Фраза из Библии, означающая, что возмездие принадлежит Богу.

⁸² Далее зачеркнуто: «Вот здесь [?], гуляя по Вене, вдали от делишек и интриг, «верховных» особ, от гвардейского окружения правителя и главнокомандующего чувствую себя так хорошо, что при мысли вновь с ними встретиться и видеть, что их интересует».

⁸³ Далее зачеркнуто (как продолжение предыдущей вычеркнутой фразы): «меня охватывал ужас».

ворило. Правил же Россией первый Романов Михаил⁸⁴ царь с Земским собором⁸⁵. С Земским же собором царствовали и второй царь Алексей⁸⁶, и оба опирались на патриархов...

Накануне дня моего отъезда в Польшу 4 июля⁸⁷ я сделал в Севастополе прощальные визиты моим сослуживцам, в том числе и Шатилову⁸⁸. Он меня спросил, как я смотрю на будущее, я ответил: «Боюсь, что вас погубят попы и жан-дармы...»⁸⁹ Он это проглотил⁹⁰.

Но о Врангеле я унес с собою самое теплое чувство. За все время моей службы с ним в Севастополе у меня не было никаких недоразумений. Он ко мне относился с доверием, почти все мои доклады одобрял и не раз отмечал мою деятельность благодарностью в приказах. Все мои ходатайства за лиц, обиженных «верховниками», он удовлетворял, правда, полушутя, полусерьезно, называя меня «покровителем животных». В груди Врангеля билось благородное и доброе сердце. Это был джентльмен в самом прямом смысле этого слова. Он был вспыльчив, но, когда я убеждал его в неправоте, он менял свои опрометчивые решения. Он искренне

⁸⁴ Романов Михаил Федорович (12.07.1596–13.07.1645) — первый русский царь (1613–1645) из династии Романовых.

⁸⁵ Далее зачеркнуто: «И Земский собор поставил его на ноги». Махров неточен. Михаил Федорович был избран на престол Земским собором 1613 г., но не правил вместе с ним». Земский собор — высшее сословно-представительное учреждение Русского государства XVI–XVII вв., собрание представителей различных земель и сословий для избрания царя на престол и решения других важнейших государственных вопросов.

⁸⁶ Романов Алексей Михайлович (09.03.1629–29.01.1676) — русский царь (1645–1676) из династии Романовых. Получил титул «Тишайший».

⁸⁷ 17 июля по новому стилю.

⁸⁸ Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881–05.05.1962) — генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от кавалерии). Начальник штаба (с 16 (29).06.1920) ВСЮР и Русской армии.

⁸⁹ Резкое ироническое высказывание в связи с засильем правых сил при Врангеле.

⁹⁰ Далее зачеркнуто: «С моей стороны, конечно, это было слишком смело, но я сказал то, что думал и, если я не упомянул об “гвардейских верховниках”, то только потому, что он отлично знал, о ком я говорю. И вечером, гуляя свободным и независимым от гнета этих людей».

отдавал свои силы служению России, готовый признать некоторые завоевания революции. Как некогда Филипп Эгалите⁹¹, он легко отказался от своего баронского титула. Генерал Врангель был крайне честолюбив. Пусть так! Но честолюбие толкает людей и на подвиги. Однако в жилах Врангеля текла «голубая кровь». По природе своей он не мог стать выше самого себя, у него не было сил, чтоб порвать цепи, сковавшие его той средой, где он вырос, воспитался и служил при царе, а теперь нужно было искать опоры в народе, нужно было работать и прислушиваться к голосу не касты, а простых людей... земли русской.

На прощание мне Врангель сказал: «Вам дана инструкция, как действовать в Польше, на словах же я скажу, если поляки поднимут вопрос о границах с Россией, уклонитесь от ответа... Я не имею права распоряжаться достоянием России».

17 августа⁹² я сел в поезд, отходивший из Вены в Варшаву. Стыдно сказать, я, как юноша, радовался, что я, наконец, освободился от Драгомировых⁹³, Шатиловых, Климовичей⁹⁴, Георгиевичей⁹⁵ и прочих, так отравлявших мне жизнь и осложнявших мне работу в Севастополе.

Несмотря на всевозможные запретительные законы по провозу валюты и некоторых других предметов, мое путешествие до Варшавы прошло гладко. Мой дипломатиче-

⁹¹ Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский (Филипп Эгалите) (13.04.1747–06.11.1793) — французский военно-политический деятель. Представитель младшей линии Бурбонов, примкнувший в период Великой Французской революции к революционерам под фамилией Эгалите («равенство»).

⁹² 30 августа нового стиля.

⁹³ Драгомиров Абрам Михайлович (21.04.1868–09.12.1955) — генерал от кавалерии. Служил во ВСЮР и Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

⁹⁴ Климович Евгений Константинович (24.01.1871–05.06.1930) — генерал-лейтенант. Начальник Особого отдела штаба главнокомандующего ВСЮР и помощник начальника гражданского управления.

⁹⁵ Георгиевич Михаил Милошевич (20.04.1883–08.05.1969) — генерал-майор. Служил во ВСЮР и Русской армии генерала П.Н. Врангеля. М.М. Георгиевич конфликтовал с другом Махрова полковником П.Е. Дорманом.

ский паспорт всюду был признан, кроме Чехословакии, но и здесь таможенный чиновник, узнав, что я русский генерал⁹⁶, был очень любезен и не коснулся моих дипломатических вализ⁹⁷ с печатями.

В Варшаве

4 сентября по новому стилю⁹⁸ я прибыл на Варшавский вокзал, где меня любезно встретил один из чиновников нашего дипломатического представительства, во главе которого стоял Владимир Михайлович Горлов.

Он меня проводил в «Европейскую» гостиницу, где по распоряжению польских властей мне были отведены две комфортабельные комнаты. Такие же две комнаты были предоставлены для моей канцелярии в соседнем первоклассном отеле «Бристоль», населенном исключительно иностранцами.

Не успели мы устроиться, как посыльный принес большой букет цветов моей жене от В.М. Горлова, а через некоторое время мне доложили, что он желает меня видеть. Я пригласил его войти.

Предо мной стоял мужчина лет 55, небольшого роста, элегантно одетый в темный костюм⁹⁹, бритый с коротко подстриженными усиками, блондин, волосы которого начали серебриться. Его интеллигентное лицо с небольшими серыми, умными глазами¹⁰⁰ и мягкие манеры и простота в обращении располагали к нему.

Поздоровавшись, мы сели и побеседовали с полчаса, кратко знакомя друг друга в вопросах, нас интересовавших.

⁹⁶ Далее зачеркнуто: «и особенно, что во время минувшей войны я заведовал организацией и формированием чешских войск на фронте».

⁹⁷ Вализа — чемодан от фр. valise.

⁹⁸ Далее датировки Махровым приводятся по новому стилю.

⁹⁹ Далее зачеркнуто: «с очень привлекательным лицом».

¹⁰⁰ Далее зачеркнуто: «вызывало к нему симпатию».

Я просил его разрешения в тот же день вечером зайти к нему, чтобы поговорить подробнее. «Да, конечно, буду рад», — сказал он. Это было мое первое знакомство с русским официальным лицом. Познакомившись ближе с В.М. Горловым, я познал, что в лице его я встретил не только добрейшей души человека, с которым можно было подружиться, не только умного и остроумного собеседника в салонах, но одного из тех исключительных русских дипломатов, которые принадлежали к старому поколению и хорошей старой школе.

Всесторонне образованный, тонкого ума, обаятельный своей простотой и искренностью, правдивый, честный, умеющий подойти к каждому человеку и всякого умеющий понять и безошибочно оценить и вместе с тем осторожный и деликатный, он, казалось, рожден был быть дипломатом в лучшем смысле этого слова. И таковым он был, сохранив свой авторитет и уважение к нему поляков при очень сложной политической обстановке, честно служа России, независимо от того, кто ею правил, или кто хотел править ею. Сам он был правых убеждений, но он отлично понимал, что великие революции — не дворцовые перевороты, а рождение новых идей, которые кладутся в основу новой государственности.

Он очень тонко определял психологию людей, в чем я убедился в разговоре нашем вечером у него в гостинице «Бристоль», где была его канцелярия.

Он ознакомил меня, что в Варшаве, кроме православной русской церкви, бывшей в загнанном жалком положении, существовало три организации: Русский комитет, русский Красный Крест и Политический комитет. Первый обслуживал русскую эмиграцию и возглавлялся Виктором Ивановичем Семеновым¹⁰¹. Его Вл. Мих. Горлов характеризовал

¹⁰¹ Семенов Виктор Иванович (04.04.1874–16.10.1951) — капитан Лейб-гвардии Саперного батальона (до 1905), в отставке, журналист, глава Русского комитета в Польше, объединявшего русское национальное меньшинство. Организация финансировалась польским правительством. Позднее В.И. Семенов переехал во Францию.

так: в прошлом офицер гвардейского саперного батальона, вышедший рано в отставку и мечтавший сделать карьеру на дипломатическом поприще, рассчитывая на благорасположение к нему великого кн[язя] Владимира¹⁰², но это ему не удалось. Потом занимался журналистикой, популяризируя свое имя. Удалось ли ему это, я не знаю, улыбаясь, сказал Владимир Михайлович. Но что я знаю это то, что он очень богатый человек, владеющий большими поместьями и лесами в Польше и что ему в 65 лет вполне удалось жениться на 20-летней красавице-девушке бедной, но из хорошей семьи. Благодаря деньгам, он всюду в Польше желанный гость, и русская эмиграция его выбрала председателем комитета. Семенов очень неглупый хороший человек и благодаря своим знакомствам со всеми министрами приносит пользу русским эмигрантам во всех отношениях.

«В русском Красном Кресте председательницей является Людмила Ивановна Любимова¹⁰³...» «Да, я ее знаю, — сказал я, — это жена бывшего помощника Варшавского генерал-губернатора¹⁰⁴. Я с ней встречался, когда она была еще в Вильне губернаторшей». «Вот это хорошо сказано, именно губернаторшей», — ответил Владимир Михайлович. Ей ведь теперь лет 65¹⁰⁵, но она очень энергична, ей можно позавидовать. Это дама, сохранившая молодость и красоту.

Она очень эффектна и умеет всегда в обществе завоевать симпатию. К тому же она женщина ловкая, светская, владе-

¹⁰² Романов Владимир Александрович (10.04.1847–04.02.1909) — великий князь, сын императора Александра II. Главнокомандующий войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (1884–1905).

¹⁰³ Любимова (урожденная — Туган-Барановская) Людмила Ивановна (12.01.1879–23.03.1960) — председатель Русского общества Красного Креста в Польше. Супруга виленского губернатора Д.Н. Любимова. В 1921 г. общество пыталось организовать опеку над интернированными в Польше русскими частями. Позднее в эмиграции во Франции.

¹⁰⁴ Любимов Дмитрий Николаевич (23.02.1864–27.09.1942) — губернатор Виленской губернии (1906–1912), помощник генерал-губернатора Варшавской губернии (с 1914). Автор воспоминаний: *Любимов Д.Н. Русское смутное время*. М.: Кучково поле, 2018.

¹⁰⁵ На самом деле в 1920 г. Л.И. Любимовой был 41 год.

ющая иностранными языками, дама очень умная, благодаря чему она всюду у иностранцев добывает деньги и большие деньги на русский Красный Крест и делу очень полезна».

«Политический комитет, — продолжал Горлов, — находится, как бы вам сказать, под главенством или лучше под командой Бориса Викторовича Савинкова».

«Это уже не Любимова и не Семенов, а персона грата, Савинков — бывший революционер, стоит очень близко к Пилсудскому, с которым он находится в дружбе еще со времен их революционной деятельности, когда Пилсудский грабил русские банки, а Савинков организовывал террористические нападения». И Вл. Мих. Горлов, хитро улыбаясь, сказал по-польски: «Не велька, але бардзо пожонна кампания» (небольшая, но очень благородная компания)... «Тепер[ь] Пилсудский стал маршалом и начальником государства. «Лавры Мильтиада»¹⁰⁶ не дают Савинкову покоя. Почему же ему не стать президентом всей России?» — ухмыляясь, продолжал В.М. Горлов.

Пилсудский пришел к власти, благодаря войску, сражавшемуся с ним против России, и Савинков уже сформировал свое войско в Польше, готовясь идти против большевиков¹⁰⁷... Деньги на содержание Савинковым войск и его министров дает Пилсудский».

У Пилсудского кружится голова, чтобы расширить пределы Польши и иметь границу с Россией «от можа и до можа» (от моря и до моря), т.е. ту да еще и больше, чем была до первого раздела¹⁰⁸. Что по этому поводу думает Савинков, я не знаю, но пока он обещает Пилсудскому создать

¹⁰⁶ Мильтиад (около 550–489 гг. до н.э.) — афинский государственный деятель, полководец. Руководил греческими войсками в битве с персами при Марафоне (490 г. до н.э.).

¹⁰⁷ Речь идет о формировании в Польше 3-й русской армии, подчиненной генералу П.Н. Врангелю.

¹⁰⁸ Первый раздел Польши — аннексия части земель Речи Посполитой в 1772 г. тремя соседними государствами: Пруссией, Австрией и Россией. К России отошла польская часть Ливонии и часть Белоруссии.

для него приемлемую «Третью Россию». Когда Савинков мне представляет эту Третью Россию, у меня начинается головокружение...

Тем не менее, Савинков в Польше с его комитетом является самой сильной из русских организаций...»

Красный Крест Любимовой и комитет Семенова — организации правые и оппозиционные к Савинкову, но вместе с тем они враждуют между собой за первенство в обществе. Молодая и очаровательная жена Семенова, богатая и независимая, вызывает зависть со стороны бывшей генерал-губернаторши, между ними всегда идет дамская война, что, однако, не отражается на русской эмиграции, которой они ведают и помогают.

В заключение мой новый сослуживец добавил, что в Варшаве существует «польско-русское коло»¹⁰⁹, организованное по инициативе поляков, симпатизирующих русским. Члены этого общества, главным образом, поляки, жившие в России до войны, и что граф Станислав Тышкевич¹¹⁰, русофил, сын которого был женат на одной из русских великих княжон¹¹¹, возглавляет политический кружок, собирающийся по воскресеньям раз в неделю¹¹². Вл. Мих. Горлов охарактеризовал графа Тышкевича как очень симпатичного человека, шедшего всегда на помощь русским эмигрантам, человека, хорошо осведомленного в политических польских кругах и в министерствах.

Он мне обещал на следующий день выяснить, когда я могу быть принятым маршалом Пилсудским и его министрами.

¹⁰⁹ Коло — объединение, круг.

¹¹⁰ П.С. Махров неточен. Речь идет о графе Владиславе Юзефовиче Тышкевиче-Логойском (26.06.1865–21.09.1936) — депутате Государственной Думы I созыва от Варшавы.

¹¹¹ Тышкевич Стефан Евгений (24.11.1894–06.02.1976) — польский граф, инженер, изобретатель. В годы Первой мировой войны — адъютант великого князя Николая Николаевича (младшего). Женат на приемной дочери великого князя Елене Георгиевне Лейхтенбергской (03.01.1892–06.02.1971).

¹¹² Далее зачеркнуто: «куда, несомненно, буду приглашен и я».

Когда же я¹¹³ сказал ему, что завтра же я сделаю визит Савинкову, то он ответил: «Пф... Не много ли это для него будет, ведь он признал Врангеля, по этикету он первый должен сделать визит вам. Повремените немножко».

В тот же вечер от Вл. Мих. Горлова я зашел в помещение моей канцелярии, расположенной почти рядом с номером нашего дипломатического представителя. Здесь меня ждал сюрприз. Я застал моих офицеров за работой. Они размещали пишущие машинки, купленные канцелярские принадлежности и пр[очее]. Вдруг мой правитель канцелярии полк. Гофман обратился ко мне: «Ваше Превосходительство, у меня есть личное дело к вам». Мы вышли в соседнюю комнату и он, волнуясь, сказал: «Я знаю, что всех офицеров вы выбрали по вашему усмотрению, только меня правителем канцелярии к вам назначил Шатилов и сказал: “Помните всегда, что ген. Махров¹¹⁴ левых убеждений; в Польше Савинков, вы обязаны об отношениях ген. Махрова к Савинкову мне и ген. Никольскому¹¹⁵ периодически секретно сообщать”».

«Мне, — продолжал Гофман, — было омерзительно это слушать, что было желание отказаться от предлагаемой должности, но при мысли, что я могу вырваться из этого ада, я промолчал. Теперь я прошу верить, что я офицер гвардии, которых вы не любите, но я честный человек и на подобную мерзость и подлость я не способен...» Он стоял, раскрасневшийся и взволнованный.

Я крепко пожал ему руку... После мы сделали с ним большими друзьями, я его искренне полюбил и познал, какой это был преданный человек, какой это был хороший работник¹¹⁶.

¹¹³ Далее зачеркнуто: «где помещается комитет».

¹¹⁴ Далее зачеркнуто: «очень».

¹¹⁵ Никольский Владимир Павлович (14.08.1873–1960) — генерал-майор, начальник отдела Генштаба, начальник военного управления ВСЮР и Русской армии.

¹¹⁶ Далее зачеркнуто: «То, что мне рассказал Гофман, было отдаленным эхом севастопольских [неразборчиво] Шатилова и ему подобных, от которых я [неразборчиво] клики, окружившей Врангеля».

5 сентября с утра меня буквально атаковали все возможные корреспонденты, прося дать им интервью, от чего я отказался до моего представления Писудскому и членам польского правительства. Однако вечером в этот день в одной из больших польских газет большими буквами было напечатано «Интервью с представителем генерала Врангеля генералом Махровым»¹¹⁷. В этом, якобы мною данным интервью, была помещена очень лестная для меня характеристика, указание на победы Врангеля в Таврии и уверенность, что при дружном взаимном содействии польской армии и армии Врангеля можно рассчитывать на успех в борьбе с большевиками.

В этот же день мне сделали визит В.И. Семенов и мадам Любимова моей жене, предложив ей занять ее место в роли председательницы русского Красного Креста, от чего моя жена отказалась. После нее заглянул к нам представитель швейцарского Красного Креста Виктор Викторович Глоор¹¹⁸. Он говорил на чистом русском языке, т.к. до революции он прожил 25 лет в России, будучи преподавателем французского языка в одной из гимназий. Он был и женат на русской, дочери православного священника. Он любил русских и отдавал все свои силы помощи русским беженцам. Это был в высшей степени добрый и симпатичный человек. Он просил, чтобы моя жена помогала ему в распределении и раздаче всевозможных вещей из одежды и продуктов. Жена моя охотно на это согласилась, и в ее распоряжение поступил целый склад предметов для раздачи бедным русским.

Затем побывали у меня граф Станислав Тышкевич¹¹⁹, князь Любомирский¹²⁰ и еще несколько польских магнатов.

¹¹⁷ В документе несогласованно — генерала Махрова.

¹¹⁸ Глоор Виктор Викторович — представитель Лиги наций в Польше, занимался положением интернированных русских войск в Польше.

¹¹⁹ Как уже отмечено, речь идет о Владиславе Юзефовиче Тышкевиче-Логойском.

¹²⁰ Любомирский Здислав (04.04.1865–31.07.1943) — князь, польский политический и общественный деятель, инициатор объявления декларации о независимости Польши 07.10.1918.

Все они были русофилы, хорошо знали Россию, прекрасно говорили по-русски и очень интересовались ходом военных действий у Врангеля. Граф Тышкевич пригласил меня бывать на его вечерах по воскресеньям, где обычно у него собирались лица, интересовавшиеся политикой и, конечно, главным образом событиями в России, в армии генерала Врангеля и взаимоотношением последнего с Савинковым.

Около двух часов дня мне позвонил Вл. Мих. Горлов и сообщил мне, что сегодня, 5-го, нас обоих просил к себе к трем часам министр иностранных дел князь Сапега¹²¹, 7-го назначен мне прием в 4 часа дня у начальника Генерального штаба генерала Разводовского¹²², 8-го в 11 часов утра у военного министра генерала Соснковского¹²³ и в тот же день у начальника государства маршала Пилсудского, в 5 часов вечера.

Вскоре за мной приехал Вл. Мих. Горлов, и мы отправились в министерство иностранных дел, где точно в указанный час мы были приняты князем Сапегой с той любезностью, которая свойственна полякам-аристократам. Высокий, стройный блондин с красивым бритым лицом, большими светлыми глазами и с рафинированными манерами он производил впечатление человека серьезного и очень симпатичного¹²⁴. Наша беседа велась на языке французском. Сущность сводилась к тому, что поляки вынуждены были послать в Ригу свою делегацию для переговоров о мире с большевиками, к чему их обязывает и тяжелое экономическое положение страны, и неотступное давление Англии. Он прямо мне поставил вопрос, сколько времени нужно генералу Врангелю, чтобы его армия стала крепко

¹²¹ Сапега Евстафий Каетан Владислав (02.08.1881–20.02.1963) — князь, министр иностранных дел Польши (1920–1921).

¹²² Здесь и далее — так в тексте. Правильно — Розвадовский. Розвадовский Тадеуш Самуэль Шимон Йордан (19.05.1866–18.10.1928) — дивизионный генерал (позднее — генерал брони), начальник польского Генерального штаба (1920–1921).

¹²³ Соснковский Казимеж (07.11.1885–11.10.1969) — дивизионный генерал (позднее — генерал брони), министр военных дел Польши (1920–1925).

¹²⁴ Далее зачеркнуто: «Он не говорил по-польски».

на ноги, не нуждаясь в поддержке со стороны Польши. «Мы не хотим заключать мира с большевиками, мы сделаем все, чтобы затянуть переговоры. Мы отлично понимаем, что большевики ищут только “передышки”, чтобы потом опять обрушиться на Польшу», — сказал он. Далее он задал вопрос, прибыл ли я для заключения союза с Польшей, т.к. пора нам близким соседям-славянам «покончить старый спор между собой»¹²⁵. Я ответил Сапеге, что я имею полномочия заключить военно-политические конвенции, а что касается срока, необходимого для генерала Врангеля, чтобы чувствовать себя достаточно прочным на занятой территории, я немедленно запрошу главнокомандующего.

Князь Сапега просил меня верить в его искреннее желание содействовать затяжке мирных переговоров с Советской властью, и мы расстались.

Вл. Мих. Горлов на обратном нашем пути говорил, что Сапега — благороднейший человек и своих слов на ветер не бросает... «Начало неплохо», — сказал он, — «мы полякам нужны».

7-го в сопровождении моего штаб-офицера полковника Николая Леонтьевича Щербицкого я отправился к начальнику польского Генерального штаба генералу Разводовскому. В лице его я встретил настоящего военно-образованного офицера австрийской школы¹²⁶. Среднего роста коренастый шатен с благообразной поседевшей бородкой, очень подвижный, приветливый и вежливый, он меня встретил, как солдат солдата и после обычных приветствий подвел меня к большой карте, указав на расположение польских войск и просил ориентировать о положении армии генерала

¹²⁵ Искажённая цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России», написанного в связи с польским восстанием 1830–1831 гг. Эта цитата приводилась и другими собеседниками Махрова далее.

¹²⁶ Генерал Т. Розвадовский окончил Военно-техническую академию в Вене (1886) и до возникновения независимого польского государства служил в австро-венгерской армии. Подробнее см.: *Patelski M. Generał broni Tadeusz Jordan Rozwadowski. Żołnierz i dyplomata. Warszawa: RYTM, 2002.*

Врангеля. Он выразил полную благожелательность оказать ген. Врангелю всякое содействие и предложил, если хочет ген. Врангель, то он в любое время направит русский отряд генерала Глазенапа¹²⁷ около 4-х тысяч в Крым и 15 тысяч интернированных войск Петлюры¹²⁸ и других русских частей, бывших на польской территории на фронт по указанию русского главнокомандующего. Тут же он выразил пожелание, чтобы теперь же и украинцы, и русские были бы объединены под одним русским командованием¹²⁹.

После разговора с Разводовским я был достаточно хорошо осведомлен о расположении польских войск на фронте. Мне оставалось путем неофициальным дополнить эти сведения и позондировать почву, возможно ли соглашение с украинцами и объединение их под общим командованием генерала Врангеля.

¹²⁷ Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович (03.03.1882–27.05.1951) — генерал-лейтенант. Командир Русского отряда в Польше.

¹²⁸ Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) — украинский военно-политический деятель, глава Директории Украинской народной республики (УНР). Общая численность украинских интернированных в Польше на 04.02.1921 действительно достигала 15 258 человек (*Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees kept in Poland in 1918–1924. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2001. P. 138*).

¹²⁹ После заключения 12.10.1920 перемирия в Советско-польской войне при посредничестве Ю. Пилсудского начались переговоры представителей правительства УНР с Б.В. Савинковым. 08.11.1920 Пилсудский и глава французской военной миссии генерал А. Ниссель организовали встречу начальника Украинской военной ликвидационной комиссии в Польше генерала В.П. Зелинского с генералом П.С. Махровым. Зелинский и Махров были знакомы по службе в русской армии. 18.11.1920 в Варшаве была заключена военная конвенция (Гражданская война на Украине 1918–1920. Сб. док. и мат. Киев: Наукова думка, 1967. Т. 3. С. 772–773), согласно которой Русский политический комитет Савинкова признавал независимость УНР и правительство УНР во главе с головным атаманом С.В. Петлюрой, а части 3-й русской армии входили в оперативное подчинение командования войск УНР. Совместные боевые действия шли 10–21.11.1920 и завершились победой РККА и разгромом Действующей армии УНР, а также 3-й русской армии и вытеснением их остатков на польскую территорию за реку Збруч. Подробнее см.: Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. С. 339–340; Руккас А.О. «Разом з польским військом»: Армія Української Народної Республіки 1920 р. (структура, організація, чисельність, уніформа). Київ: Видавець Олег Філюк, 2015. С. 105–106.

8 сентября точно в указанный час я был в военном министерстве, где меня встретил адъютант министра, генерала Соснковского. Узнав, кто я, он немедленно вошел в кабинет министра и несколько смущенно сообщил мне, что генерал извиняется и просит меня подождать немного.

Мне это не понравилось. Я демонстративно посмотрел на часы. Адъютант почтительно, точно извиняясь, сказал: «Министра неожиданно задержали по очень важному делу». Однако мне пришлось подождать минут 20...

Было ли это невежество вызвано действительно серьезной причиной или желание[м] поляка показать свое превосходство над русским генералом, я не знаю, но мне этот факт был неприятен.

Соснковский меня встретил корректно, холодно и с некоторой надменностью. Он был в военном мундире, представляющем из себя комбинацию франко-английской формы, зеленовато-серого цвета, как у немцев и с русскими белыми аксельбантами. Сказать откровенно, в этом мундире не было ни красоты, ни эффектности. Кстати сказать, головным убором служила шапка-«конфедератка», верх которой имел четыре угла. Русские офицеры говорили, шутя, что это аллегорически напоминает полякам о четырех неизбежных разделах Польши¹³⁰.

После обычного приветствия Соснковский называя меня «Ваше Превосходительство», начал речь на чистом русском языке и, когда я это ему заметил, он сказал:

«Еще бы мне не говорить на чистом русском языке. Я родился в России, окончил русскую классическую гимназию¹³¹

¹³⁰ Такой статус имеют события 1772, 1793 и 1795 г., когда Польша была разделена между Австрией, Пруссией и Россией, утратив в итоге свою независимость. Фактически четвертый раздел Речи Посполитой произошел на Венском конгрессе в 1815 г., хотя он таковым не считался. По-видимому, смысл шутки заключался в том, что не за горами еще один окончательный раздел Польши.

¹³¹ Генерал К. Соснковский обучался в V классической гимназии в Варшаве, но был вынужден оставить это учебное заведение после обвинений в организации конспиративных патриотических кружков самообразо-

и Петербургский университет по юридическому факультету¹³².

Военным я стал только в 1914 году, поступив вольноопределяющимся в Польский легион¹³³ Пилсудского, с которым и воевал в Галиции против войск армии Брусилова».

Я тогда понял все. Он не был настоящий генерал, прошедший хорошую военную школу, ему чужды были военные традиции, военное воспитание: быть всегда точным, помня, что точность — вежливость королей.

Он был выше среднего роста, темный шатен с поседевшими усами, довольно видный и представительный мужчина, но военного в нем было мало.

В разговоре со мной Соснковский повторил мне то же, что я уже слышал от Сапеги, т.е. желание польского правительства затянуть как можно дольше мирные переговоры с большевиками, но Соснковский расходился, что меня удивило с тем, что мне говорил начальник польского Генерального штаба генерал Разводовский. Последний предлагал и охотно готов был исполнить, чтобы не только русские организованные в Польше войска, но и Украинская армия Петлюры были перевезены к Врангелю, куда он укажет.

Он, наоборот, выражал пожелание, чтобы все русские войска были бы выведены на польский фронт. Соснковский мотивировал это тем, что это было бы доказательством

вания. Затем он переехал в Санкт-Петербург, где в 1904 г. окончил XII мужскую гимназию с золотой медалью (подробнее см.: *Kirszak J. Współtwórca niepodległości // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2008. Listopad–grudzień. S. 106–116; *Idem. Generał Kazimierz Sosnkowski 1885–1969*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2012. Благодарю за уточнения к.и.н. Ю.А. Борисёнка).

¹³² Соснковский учился в Варшавском политехническом институте императора Николая II, но учеба была прервана Первой русской революцией. Соснковский планировал продолжить обучение в политехническом институте Милана, но в 1907 г. поступил на архитектурный факультет Львовского политехнического института, однако диплом он так и не получил из-за начала Первой мировой войны.

¹³³ Польские легионы — в данном случае польские воинские формирования в составе австро-венгерской армии в Первую мировую войну.

дружбы между русскими антибольшевистскими силами и поляками, что красные солдаты, видя против себя вместе с поляками и русских, охотнее бы сдавались в плен, не считая войну поляков против России, а против большевиков. Он говорил, что в данный момент находится свыше 80 тысяч пленных красноармейцев¹³⁴ и, что при соответствующем отборе из них можно организовать серьезную антибольшевистскую силу. Наконец, он считал, что в случае, если бы полякам пришлось заключить мир с большевиками, эти русские войска, будучи уже на фронте, могли бы продолжать борьбу и этим оказать существенную помощь генералу Врангелю.

Затем он спросил меня, как я смотрю на установление будущих границ с Польшей. Я ответил, что по этому вопросу я пока не имею указаний от правителя и главнокомандующего генерала Врангеля¹³⁵.

«Пора, пора покончить старый спор славян между собой», — сказал Соснковский и напомнил мне, что в 5 часов вечера меня ждет начальник государства, встал и мы расстались.

Я сел в автомобиль и поспешил к себе в гостиницу, чтобы до представления Пилсудскому поговорить с Вл. Мих. Горловым.

¹³⁴ В действительности за время Советско-польской войны 1919–1920 г. в плен к полякам попали около 157 000 красноармейцев (Красноармейцы в польском плену в 1919–1921 гг. Сб. док. и мат. М.; СПб.: Летний сад, 2004. С. 11; *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина МЕДИА, 2011. С. 43). Точные данные о численности умерших в плену из-за тяжелых условий содержания неизвестны. По наиболее основательным подсчетам речь идет не менее, чем о 18 000 — 28 000 человек (Красноармейцы в польском плену... С. 14; *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен... С. 159).

¹³⁵ Далее зачеркнуто (недописанные фразы опущены): «Прощаясь, Соснковский извинился за происшедшее недоразумение, заставивши меня ждать его приема и свалил вину на адъютанта, перепутавшего часы приема. Выразив мне пожелание успеха в моих делах и пожимая мне руку, произнес:».

Надо заметить, что после моего знакомства накануне с начальником Генерального штаба генералом Разводовским последний любезно предоставил в мое распоряжение штабной автомобиль и приказал назначить двух дежурных вестовых для посылок.

Уже было около 4-х часов, когда я заглянул к нашему дипломатическому представителю и дал ему «верительную грамоту»¹³⁶ с инструкцией моих полномочий, подписанных Врангелем и скрепленных вр[еменно] исполняющим должность начальника военного управления генералом Никольским.

Быстро пробежав глазами эти документы, Вл. Мих. Горлов пришел в ужас и, широко раскрыв глаза, волнуясь, сказал: «Я не знаю, что делать: это не отвечает по форме и по содержанию общепринятым в дипломатическом мире бумагам, а по внешнему виду лишено самых элементарных правил вежливости и приличия...»

Моя «верительная грамота» была выражена в таком виде:

«Главнокомандующий Вооруженными силами
на Юге России

2 июля¹³⁷ 1920 года

№2182/ос.

Гор. Севастополь

Удостоверение

Предъявитель сего Генерального штаба генерал-лейтенант Петр Семенович Махров мной назначен военным представителем Главного командования ВСЮР при Правительстве Польской республики.

Как таковой, он уполномочен мною вести переговоры с Правительством Польской республики по военным и военно-политическим вопросам в соответствии с полученными от меня инструкциями.

¹³⁶ Здесь и далее у Махрова ошибочно «верительная грамота».

¹³⁷ 15 июля по новому стилю.

Изложенное свидетельствуется подписями и приложением казенной печати.

Генерал Врангель

Вр. и.д. начальника Военного управления

Генерального штаба генерал-майор Никольский

Обер-квартирмейстер отдела Генерального штаба

Генерального штаба полковник Архангельский».

Написано это удостоверение на листе бумаги большого формата, а на другом листе этот же текст был написан по-французски отвратительным почерком от руки, рыжими чернилами.

«Конечно, это уже непоправимо», — говорил Вл. Мих. Горлов, — «но мы хоть сделаем вот что: я прикажу сейчас же перепечатать текст на французском языке на машинке и на хорошей бумаге и удостоверю подлинность его моею подписью. Вы это приложите к вашему русскому тексту и вручите Пилсудскому. Ведь Пилсудский читает по-русски.

Все же в таком виде эти бумаги будут элегантнее, хотя, к сожалению, без принятых выражений куртуазии, до чего так падки поляки. Ведь всякий польский шляхтич говорит: «Не позволяю шарпать мего гонору» (не позволяю умалять моей чести).

За несколько минут до 5 часов вечера я подъезжал к «Бельведеру»¹³⁸, так называемому дворцу, где жил Пилсудский и где помещался его двор, канцелярия и охрана... «Бельведер» был каменный 3-этажный, небольшой, простой по своей архитектуре дом, с колоннами у подъезда, в общем, казавшийся легким и элегантным зданием, какие можно было видеть в России в усадьбах богатых помещиков. Он и стоял в глубине бельведерского красивого сада, окруженного железной решеткой.

У подъезда, как каменные статуи, стояли два парных часовых, высоких и статных, одетых в новенькие немецкие

¹³⁸ Бельведер — дворец в Варшаве, резиденция Ю. Пилсудского.

шинели и в немецкие каски, закрывавшие лоб и затылок и придававшие солидный воинский вид. В стороне группировались автомобили, экипажи и кареты, очевидно, ожидавшие возвращения лиц, прибывших к главе государства на аудиенции.

Я направился ко входным дверям. Парные часовые мне отдали честь с той отчетливостью, как это исполняли наши, хорошо вымуштрованные солдаты.

В вестибюле у лестницы, ведущей на второй этаж, была внутренняя охрана. Здесь стояли парные часовые с саблями наголо, уланы в блестящих нарядных мундирах и с хорошей выправкой. Это был караул собственного конвоя Пилсудского. Уланы возродившейся Польши были гордость поляков, их исторической славы, бесстрашия, лихости и храбрости.

Ими в 1812–13 годах восторгался Наполеон¹³⁹, ради капризов которого они в буквальном смысле этого слова бросались в огонь и воду за императора французов.

Теперь на улицах Варшавы чуть ли не в каждой витрине можно было видеть картины, изображавшие несущихся в атаку блестящих красавцев-улан и рубящих головы жалких оборванцев русских казаков на маленьких, лохматых лошаденках, седла которых были загромождены прикрепленными веревками всякого награбленного добра...

Я вошел в большую, светлую, чистую и хорошо меблированную комнату, очевидно, приемную. В ней было несколько человек, ждавших своей очереди и среди них начальник французской военной миссии генерал Henris¹⁴⁰, с которым я был знаком. Два адъютанта Пилсудского суетились, принимая прибывающих лиц и приглашая по очереди к главе государства. Я был в мундире Астраханского казачьего вой-

¹³⁹ Бонапарт Наполеон (15.08.1769–05.05.1821) — император французов, выдающийся полководец и государственный деятель.

¹⁴⁰ Анри Поль Проспер (13.03.1862–06.11.1943) — французский дивизионный генерал. Начальник французской военной миссии в Польше (до 09.1920).

ска, почетным казаком которого я числился¹⁴¹. Мой мундир военного времени был прост, без всяких галунов, с желтыми лампасами на рейтузах. Мой академический значок и аксельбанты отмечали мою принадлежность к Генеральному штабу, а золотое оружие указывало на мое участие в боях.

Когда был приглашен генер. Henris, адъютант, проводив его до двери Пилсудского, подошел ко мне и доложил, что следующая очередь моя. Заинтересовавшись моей формой одежды, он сказал: «Как это просто и элегантно».

Чтобы сделать ему приятное, я покривил душой, ответив, что и польский мундир очень красив. Он с некоторой гордостью проговорил: «Да, он вполне европейский...»

Через несколько минут этот офицер пригласил меня войти в большую залу, обставленную старинной мягкой мебелью, с низким потолком, с окнами, глядящими в сад, что ей придавало уютность.

Сам же он вошел в соседнюю комнату, видимо, доложить о[бо] мне. Немедленно из этой комнаты появился Пилсудский и быстрыми шагами направился ко мне.

Ему было под 70 лет¹⁴². Маленького роста, худощавый, с лицом, освещенным небольшими, пронизательными живыми и умными глазами с небольшими усами он казался человеком большой воли и энергии. Одет он был в мундир Польского легиона австрийского покроя без погон и других эмблем. Только на левой стороне груди был прикреплен значок того же легиона. Я направился к нему и на польском языке ему представился, что он выслушал, стоя по-военному, а потом знаком пригласил меня сесть и сказал: «Але сконт, пан муве так добже по польску» (откуда вы так хорошо говорите по-польски). Я ему ответил, что мне в России часто приходилось возвращаться в польском обществе, и я немножко говорю, но все отлично понимаю по-польски.

¹⁴¹ П.С. Махров был удостоен звания почетного казака-старика станицы Царицынской Астраханского казачьего войска 18 (31).01.1920 за помощь казакам при эвакуации осенью 1919 г.

¹⁴² На самом деле Пилсудскому тогда было 52 года.

Он сразу заговорил по-русски, что ему приятно со мной познакомиться и, может быть, наша встреча будет началом сближения двух великих славянских народов. «Пора покончить старый спор славян между собой», — продекламировал он на чистом русском языке.

«Я ненавижу царскую Россию, я боролся с правительством. С этой Россией даже после всевозможных льгот и обещаний во время войны нельзя было рассчитывать на сближение поляков с русскими, и я продолжал мою революционную борьбу, как солдат с оружием в руках», — говорил с темпераментом и подъемом Пилсудский.

«Вторая Россия, Россия Деникина¹⁴³ и Колчака¹⁴⁴ для меня была неприемлема. Оба они были реставраторы и реакционеры. Я ищу Россию третью, Россию демократическую», — продолжал начальник государства. — «Мы об этом часто говорим с Борисом Викторовичем Савинковым и верим, что такую желает и русский народ. Я буду очень рад, если в лице генерала Врангеля я именно встретил такого вождя, который познал чаяния русского народа. И если это так, то нам в полном доверии к друг к другу нужно бороться против большевиков и нужно забыть старую вражду.

Что же, мы когда-то были в Москве¹⁴⁵, Вы — в Варшаве¹⁴⁶, а теперь, возвратив каждому свое, установив национальные границы, мы можем дружно жить для блага, общего блага наших двух народов».

«Теперь нам нужно совместно бороться с большевиками, хорошо поняв, чего хочет русский народ. Посмотрите

¹⁴³ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (26.12.1918 (08.01.1919)–22.03 (04.04).1920). Один из руководителей Белого движения на Юге России.

¹⁴⁴ Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал (с 18.11.1918), русский военно-политический деятель, полярный исследователь. Верховный правитель России (18.11.1918–04.01.1920). Один из руководителей Белого движения на Востоке России.

¹⁴⁵ Речь о Смуте начала XVII в.

¹⁴⁶ Речь о периоде нахождения Польши в составе Российской империи.

и вдумайтесь», — сказал маршал Пилсудский. «Я побывал во многих русских городах и селах, бывших под властью большевиков.

Люди превращаются в зверей, борющихся за кусок хлеба, в некогда богатой России, кормившей хлебом всю Европу, голод, мор, грязь, мерзость запустения. Умирают не только люди, но и неорганические предметы — фабрики, заводы, просто дома, дороги и пр.

И все же русские люди, таких их много, которые идут с большевиками. Я не верю, что их гонят пулеметами, здесь есть другие побуждающие причины, и я убежден, что народ боится, знаете чего?» — сказал Пилсудский и, сделав большую паузу в упор, вопросительно глядя на меня, произнес: «Боятся возврата привилегий, которым пользовался один класс над другим...»

Далее он пожелал узнать от меня о положении военных на фронте ген. Врангеля, организации наших вооруженных сил и особенно [интересовался] теми основами, на которых покоится внутреннее управление на территории Юга России. Я ему дал ответ в пределах моих возможностей и несколько лицемерный.

Не мог же я ему представить «демократическое» правление Врангеля во всей его красе с мечтой о «Хозяине Русской земли»¹⁴⁷, о его гвардейских сподвижниках, чающих о возвращении привилегий класса, которого ненавидел русский народ...

Далее маршал выразил пожелание, как и военный министр, увидеть скорее у себя на фронте русские войска, организованные на фронте и по тем же соображениям, что мне

¹⁴⁷ Цитата из воззвания генерала П.Н. Врангеля весны 1920 г., в котором среди целей борьбы указывалось, «чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина» (*Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.).* М.: Терра, 1992. Ч. 2. С. 132). Слово «хозяин», напечатанное в некоторых газетах крупными буквами, вызвало подозрения, что Врангель планирует возродить монархию (см., напр.: *Орлов Г.А. Дневник добровольца. Хроника Гражданской войны. 1918–1921.* / Под ред. С.В. Волкова. М.: Посев, 2019. С. 372).

говорил Соснковский. Тут же он упомянул, что мне будет полезно скорее познакомиться с Бор. Вик. Савинковым.

В заключение он поинтересовался, какими полномочиями от Врангеля я располагаю. Я вручил ему «верительную грамоту», которую он быстро пробежал и сказал: «Я ждал большего, чтобы сразу приступить к делу». Порывисто встал и сухо со мной простился.

От Пилсудского я возвратился домой и немедленно зашел к Горлову, чтобы поделиться с ним разговором с главой польского государства. Вл. Мих. Горлов был очень рад тому, что¹⁴⁸ вручение моей «верительной грамоты», по-видимому, прошло гладко. Что же касается неудовлетворения данными мне полномочиями, то он сказал, что для него это не неожиданность, т.к. здесь все ждали, что я буду иметь все права и политического, и военного характера¹⁴⁹.

*Бахметевский архив русской
и восточноевропейской истории и культуры
Колумбийского университета.
P.S. Makhrov Collection. Box 4.
Махров П.С. Генерал Врангель и Б. Савинков
(1920–1924 годы). Тетрадь 3. С. 189–234.
Автограф*

¹⁴⁸ Далее зачеркнуто: «моя “верительная грамота”, видимо, не вызвала у Пилсудского дурного впечатления».

¹⁴⁹ Далее зачеркнуто: «решая все вопросы на месте без предварит[ельного] согласования с Врангелем».

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

THE CREATION OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC AND THE FORMATION OF ALLIED RELATIONS IN THE EARLY 1920s

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных документов предпринята попытка показать складывание договорной системы Чехословакии в начале 1920-х годов. Полноценный союз с Францией сформировался у Чехословацкой республики (ЧСР) лишь к середине 1920-х годов, а союзнические отношения ЧСР с Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и с Румынией стали создаваться еще во время Парижской мирной конференции и вначале были направлены против территориальных претензий Венгрии. Их оформление в договоры было непростым делом, так как между странами имелись свои противоречия. Лишь попытки Карла Габсбурга занять венгерский трон ускорили этот процесс. В 1920–1921 гг. сложилось объединение Малая Антанта в составе ЧСР, КСХС и Румынии. Оно стало основой «новой» Центральной Европы. Этот военно-политический союз, дополненный в дальнейшем экономическими соглашениями, просуществовал до второй половины 1930-х годов, являясь подсистемой Версальско-Вашингтонской системы международных отношений в Средней Европе. Однако, как и предсказывали некоторые чехословацкие и иностранные политики, он не смог обеспечить безопасность ЧСР.

Ключевые слова: Чехословакия, внешняя политика, Малая Антанта, Франция, СССР.

28 октября 1918 г. было провозглашено Чехословацкое государство, его границы были определены позднее, на Парижской мирной конференции в 1919 и 1920 гг. (Версальским, Сен-Жерменским и Трианонским мирными

договорами), а часть чехословацко-польской границы согласована еще позже. Чехословацкой делегации в Париже удалось удовлетворить почти все свои территориальные претензии, однако страна оказалась практически окружена государствами, с которыми имела территориальные споры или иные конфликтные отношения и даже военные столкновения (так называемая недельная чехословацко-польская война в январе 1919 г.¹ и боевые действия против Венгерской советской республики после того, как венгерская Красная армия в конце мая 1919 г. вторглась на территорию Словакии и установила в Прешове так называемую Словацкую советскую республику, просуществовавшую три недели²).

И в дальнейшем Словакия и Подкарпатская Русь (прежние части Венгерского королевства) являлись камнем преткновения в чехословацко-венгерских отношениях. Об этом сообщалось в информационном материале, направленном наркому иностранных дел Г.В. Чичерину советскими представителями в Праге в конце 1920 г. В документе, в частности, говорилось: «Словакия — яблоко раздора между Венгрией и Чехословакией. <...> Чешская печать следит за положением в Венгрии и полна тревожных известий о постоянном брожении в Словакии»³. Далее указывалось на существование сепаратистского и автономистского движений в Словакии, которые поддерживались Венгрией. Что касается Подкарпатской Руси, то там также было неспокойно, о чем, по словам советских представителей, не раз писала

¹ В 1921 г. удалось подписать чехословацко-польское соглашение о взаимовы уважении к территориальной целостности, применении арбитража при спорах и нейтралитете в случае нападения третьей стороны, однако Польша это соглашение никогда не ратифицировала.

² Подробне об этом см.: *Hronský M. Maďarská republika rád a československo-maďarský konflikt v roku 1919 // Zrod nové Evropy / J. Dejmek a kol. Praha: Historický ústav, 2011. S. 159–179.*

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. Папка 273. Д. 53928. Чехословакия. Информационные материалы 1920. Секретный архив НКВД из архива Чичерина. Л. 35–36.

в ноябре 1920 г. чешская пресса. А венгерская сторона якобы была готова использовать беспорядки в Закарпатье, чтобы потребовать ревизии границы.

Конечно же, в такой обстановке сразу встала задача обеспечения государственной безопасности, отстаивания национальных политических и внешнеэкономических интересов, а, следовательно, и поиска союзников.

Основным направлением чехословацкой внешней политики стала ориентация на Францию и Великобританию, так как стремление ЧСР сохранить Версальско-Вашингтонскую систему совпадало с интересами великих держав-победительниц и ставило ее в зависимость от их внешней политики. Но надежды чехословацких политиков на согласие между великими державами-победителями не оправдались, поэтому двойственная чехословацкая ориентация была непростым делом, заставляя Чехословакию мастерски балансировать между ними⁴. Для Франции было важно не допустить складывания тесных отношений новых государств с Германией. По мнению И.Э. Магадеева, «германский фактор» в это время играл большую роль для французской дипломатии: «Уже в июле 1919 г. французская дипломатическая миссия призывала Париж к более активной финансовой политике в Чехословакии, с тревогой сообщая о германо-чехословацких контактах и готовности “Дойче-банка” приобрести кроны на сумму до 100 млн марок»⁵. Политики, дипломаты и Генштаб Франции учитывали также геополитическое и стратегическое положение Чехословакии, его плюсы и минусы, и старались сделать из ЧСР опору своей политики в Центральной Европе. Программа Франции, ставшей после войны могущественной

⁴ *Dejmek J. Velká Británie v zahraniční politice Československa 1918–1938 // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě / Eds. J. Valenta, E. Voraček, J. Harna. Sv. 2. Praha: Historický ústav, 1999. S. 529.*

⁵ *Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 91.*

державой-победительницей, заключаась в создании из новых государств на Востоке Европы бастиона против Германии, а вскоре, дополнилась идеей «санитарного кордона» против большевистской России⁶.

Великобритания, имевшая экономические интересы в Венгрии, склонна была до некоторой степени поддерживать эту страну, обеспечивая равновесие и в противовес французско-му и немецкому влиянию⁷. Союза ЧСР с Великобританией, не желавшей связывать себя никакими обязательствами перед малыми странами, не сложилось. Возможно поэтому более тесные отношения у Чехословакии стали формироваться с Францией. Торговое и транспортное соглашения с Францией Чехословакия подписала 4 ноября 1920 г. в Париже, а 18 января 1921 г. — соглашение, регулировавшее вопросы имущественных прав и интересов граждан двух стран⁸. Постепенно победила французская ориентация ЧСР. 25 января 1924 г. в Париже премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре и министр иностранных дел Чехословакии Эдвард Бенеш подписали чехословацко-французский договор⁹, однако его союзнический характер никогда полностью

⁶ Магадеев И.Э. Попытки реставрации власти Карла Габсбурга в Венгрии в 1921 г.: позиция французской дипломатии // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 104–105.

⁷ *Dejmeck J. Velká Británie v zahraniční politice Československa 1918–1938...* S. 530.

⁸ *Čechoslovák. 1921. Roč. 1. Č. 3–4. S. 63–64.*

⁹ Франко-чехословацкий договор 1924 года обязывал стороны информировать друг друга по всем вопросам внешней политики, способным поставить под угрозу их безопасность или нанести ущерб порядку, установленному Версальским, Сен-Жерменским и Трианонским договорами и другими совместными дипломатическими документами, а также принимать совместные меры в случае угрозы присоединения Австрии к Германии или реставрации Габсбургов в Венгрии либо Гогенцоллернов в Германии. Декларировалось, что соглашение заключается для охраны общих интересов. Стороны также обязались сообщать друг другу о заключённых прежде политических соглашениях по Центральной Европе, и советовать о заключении новых соглашений, что означало контроль со стороны Франции над отношениями ЧСР с соседями. Спорные вопросы условились разрешать арбитражем и третейским судом. URL: <https://doc20vek.ru/node/3582> (дата обращения: 15.X.2024).

не признавался¹⁰. Лишь 16 октября 1925 г. ЧСР удалось заключить с Францией так называемый гарантийный пакт¹¹, предоставлявший Чехословакии всевозможные гарантии¹².

Деятельное и активное участие в работе Лиги Наций неизменного в течение 17 лет (1918–1935 гг.) министра иностранных дел Э. Бенеша, который вместе с президентом страны Т.Г. Масариком и определял внешнеполитическую линию государства, было в некоторой степени продиктовано желанием нормализовать отношения с соседними государствами. В самом начале Чехословакии удалось установить в целом корректные отношения с побежденными Германией¹³ и Австрией. Так, чехословацко-немецкие переговоры в июне 1920 г. привели к так называемой июньской договоренности, включавшей: 1) экономический договор между правительством Чехословакии и Германии; 2) соглашение о реализации статьи 297 Версальского мирного договора; 3) протокол № 10 к чешско-немецкому июньскому экономическому договору 1920 г.; 4) подсчет военных кредитов и купонов. Все эти документы были подписаны 29 июня 1920 г.¹⁴ Чехословацко-немецкий договор о передаче юрисдикции в Глучинске (район Силезии) был подписан в Берлине 3 февраля 1921 г. (ратифицирован 26 мая т. г.)¹⁵.

¹⁰ Ort A. Koncepce československé zahraniční politiky // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě / Eds. J. Valenta, E. Voraček, J. Harna. Sv. 2. Praha: Historický ústav, 1999. S. 497.

¹¹ Гарантийный пакт, подписанный в Локарно, дополнял Франко-чехословацкий договор 1924 г. и содержал обязательство Франции оказать помощь Чехословакии в случае нарушения ее границ, если Лига Наций не решит вопроса о принятии каких-либо коллективных мер. Такой же гарантийный договор Франция подписала в Локарно с Польшей. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/071/165.htm?ysclid=m2c3sz6h9z749764601> (дата обращения: 16.10.2024).

¹² Dejmek J. Diplomacie Československa. Díl 1. Praha: Academia, 2012. S. 32.

¹³ О чехословацко-германских отношениях см.: Станков Н.Н. Фриц фон Гебзаттель и становление германо-чехословацких отношений (октябрь 1918 — январь 1919 г.) // Первая мировая война и судьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 536–556.

¹⁴ Českoslovák. 1921. Roč. 1. S. 63.

¹⁵ Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. II. Praha: Ústav mezinárodních

Германия стремилась использовать сотрудничество с Чехословакией, чтобы не допустить антигерманские проекты и выйти из дипломатической изоляции¹⁶.

Не последнюю роль в урегулировании отношений с Австрией сыграли давние связи и знакомства чехословацких и австрийских политиков и лично президента ЧСР Т.Г. Масарика¹⁷. 16 декабря 1921 г. между Чехословакией и Австрией было подписано политическое соглашение, гарантировавшее взаимные границы, содержащее обязательства нейтралитета в случае нападения на одну из сторон и предусматривавшее арбитраж в спорных вопросах¹⁸.

Внешняя политика ЧСР была весьма активной. 6 марта 1920 г. в Берне было подписано торговое и таможенное соглашение со Швейцарией. Соглашение о восстановлении прав на коммерческую собственность пострадавших в результате мировой войны было подписано 30 сентября 1920 г. в Берне. Правительством Бенеша в 1921–1922 гг. было заключено соглашение о торговле и судоходстве с Италией, предусматривающее транспортировку чехословацких грузов через Триест, а также дальнейшие торговые соглашения с Германией и Австрией. Кроме того, 24 марта 1921 г. Чехословакия присоединилась к международному соглашению от 14 октября 1890 г. о доставке товаров по железным дорогам и соглашению от 15 мая 1886 г. о способе закрытия вагонов, которые необходимо было растаможить¹⁹.

Перед Советской Россией, как и перед Германией, стояла задача выхода из международной изоляции, поэтому сразу

vztahů Univerzita Karlova v Praze — nakladatelství Karolium, Historický ústav Akademie věd ČR, 2005. S. 393–395.

¹⁶ Станков Н.Н. Германия и Чехословакия в системе международных отношений послевоенной Европы. 1918–1925. Автореферат на соиск. научн. степени докт. ист. н. М., 2008. С. 30.

¹⁷ Ort A. Koncepce československé zahraniční politiky // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě... S. 495–496.

¹⁸ Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Dokumenty... Sv. II. S. 393–395.

¹⁹ Čechoslovák. 1921. Roč. 1. S. 64.

после окончания вооруженного конфликта между чехословацкими легионерами в России и большевиками²⁰ были предприняты шаги к установлению отношений с ЧСР и обмену представителями. В телеграмме советскому представителю в Ревеле И.Э. Гуковскому 6 мая 1920 г. Чичерин подчеркивал: «Мы очень дорожим восстановлением сношений с Чехо-Словакией»²¹. Задачей максимум с советской стороны являлось получение официального дипломатического признания. Однако чехословацкие политики не спешили с этим²². Бенешу при поддержке заинтересованных в экономических связях с Россией кругов удалось лишь заключить 5 июня 1922 г. Временный договор об установлении сношений с РСФСР²³. Он был подписан в целях развития торговых и экономических отношений между обоими государствами²⁴, но оставлял открытым вопрос о взаимном признании *de jure*. Договор предусматривал учреждение в обоих государствах представительств и прекращение «всяких официальных сношений с разного рода учреждениями, представительствами организаций и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны». Обе стороны принимали на себя обязательство воздержаться

²⁰ Условия мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири было подписано 7 февраля 1920 г. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т. 1. М., 1973. С. 312–315.

²¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 1. Чехословацкий секретный архив НКВД. 1920. Папка 101. О назначении в Чехословакию представителей Красного Креста РСФСР. Политархив НКВД. Д. 3.

²² Подробнее об этом см.: *Серапионова Е.П.* Чехословацкие политики в докладах советских дипломатов и вопрос установления официальных отношений между ЧСР и Россией/СССР (начало 1920-х гг.) // *Славянский альманах*. 2024. № 1–2. С. 77–102.

²³ *Станков Н.Н.* Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 — 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 5–19.

²⁴ Уже 22 июня 1922 г. ВЦИК постановил ратифицировать Временный договор между Чехословацкой республикой и РСФСР. Чехословацкий парламент не ратифицировал договор, но министерский совет ЧСР 14 июля 1922 г. одобрил его, и он вступил в силу по постановлению правительства от 7 августа 1922 г. АВП РФ. Ф. 0138. 1922–23. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 23.

«от всякой пропаганды, направленной против правительства, государственных и иных общественных учреждений или социально-политической системы другой договаривающейся стороны», и от участия в политических и социальных конфликтах, могущих произойти в этих государствах²⁵. Эти статьи договора были направлены против русских эмигрантов, нашедших приют и поддержку в ЧСР. В тот же день аналогичное соглашение было подписано между Чехословацкой республикой и СССР. Однако поддержка русской эмиграции со стороны чехословацких властей продолжалась и далее (в значительных размерах вплоть до второй половины 1920-х годов, так называемая Русская акция помощи, и в сокращенном виде — до второй половины 1930-х, что вызывало постоянные нарекания с советской стороны).

Исходя из вышесказанного, говорить о формировании системы союзнических договоров ЧСР в самом начале 1920-х годов возможно лишь на примере так называемой Малой Антанты, которую можно рассматривать как подсистему международных отношений, сложившихся в Европе после Первой мировой войны. О ней уже не раз писали²⁶. Инициатором ее создания признана Чехословацкая республика.

Это же подтверждается архивными материалами. Советский представитель Я. Салат сообщал в Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) заведующему отделом Центральной Европы НКВД И.С. Якубовичу 10 ноября 1920 г.: «Бенеш — руководитель Малой Антанты. Он ее создавал, но как националист» и как барьер против «воинствующего большевизма»²⁷.

²⁵ *Серапионова Е.П.* Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания // *Славянский альманах*. 2022. № 1–2. С. 69–86.

²⁶ *Мартюшев А.В.* Малая Антанта в отечественной историографии // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 2. С. 336–341. Наиболее известную в отечественной историографии монографию — *Язькова А.А.* Малая Антанта в европейской политике 1918–1925. М.: «Наука», 1974. — отличает классовый подход, характерный для времени ее написания. См. также: *Sládek Z.* Malá dohoda 1919–1938. Její hospodářské, politické a vojenské komponenty. Praha: Karolinum, 2000.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Секретный архив НКВД. Политархив НКВД. Оп. 4. Папка 102. 1920–1922. Д. 4. Л. 12.

Уже на Парижской мирной конференции наметилось сближение ЧСР с Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Румынией²⁸. Общей платформой этому служило противодействие усилиям Венгрии по ревизии границ. 19 января 1920 г. по инициативе Штефана Осуского, который с 21 сентября 1919 г. возглавлял чехословацкую делегацию в Париже, состоялась встреча трех делегатов, уроженцев Венгрии: словака Ш. Осуского, трансильванского румына Александру Вайда-Воевода и хорвата Анте Трумбича. На ней они договорились о координации действий по определению границ и начали политическое сотрудничество²⁹. А 24 февраля 1920 г. дипломатические представители ЧСР, Румынии и КСХС выступили с совместной нотой протеста против уступок Венгрии в установлении границ и возможного пересмотра ранее оговоренных. Окончательно границы Венгрии были установлены Трианонским мирным договором 4 июня 1920 г.³⁰, но прежде чехословацкой делегации и, в частности, ее главе пришлось приложить серьезные усилия в этом направлении, так как Венгрию на конференции поддерживали Великобритания и Италия, которые выступили за менее жесткие условия в отношении Венгрии³¹.

Однако создание коллективного союзнического блока в Центральной и Юго-Восточной Европе, который в феврале 1920 г. венгерская газета «Pesti Hírlap» несколько презрительно назвала Малой Антантой³² (имея ввиду пародию

²⁸ Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. II. S. 281–282, 287, 296–297.

²⁹ Ferenčuchová B. Mírová konference, míroví zmluvy a nový európsky systém // Zrod nové Evropy / J. Dejmek a kol. S. 47.

³⁰ Ibid. S. 299–309.

³¹ Подробнее о подготовке Трианонского договора см.: Аблонци Б. Трианонский мирный договор 1920 года. Факты, легенды, домыслы. М.; СПб.: Нестор-История, 2020, об усилиях чехословацкой делегации см.: Серапионова Е.П. Штефан Осуский и создание Малой Антанты // Историк-слависты МГУ. Кн. 17. Югославян волшебные портреты. К юбилею доцента Людмилы Васильевны Кузьмичевой. М., 2024. С. 308–310.

³² Sládek Z. Malá dohoda 1919–1938. Praha: Univerzita Karlová v Praze. Nakladatelství Karolinum, 2000. S. 9.

на Антанту, действовавшую в годы Первой мировой войны, на которую малые страны целиком ориентировались), было непростой задачей, так как внутри этого треугольника были свои трения и претензии. Румынское правительство оспаривало у КСХС Банат и претендовало на часть Мармарошской области, вошедшей в состав Чехословакии, а именно Подкарпатской Руси. Позднее глава чехословацкую делегации на мирных переговорах во Франции Ш. Осуский вспоминал о сложных переговорах с министром иностранных дел КСХС Анте Трумбичем и премьер-министром Румынии Александру Вайда-Воеводом о создании союза против Венгрии, длившиеся несколько месяцев³³. Кроме того, Королевство СХС по сути не поддержало аннексию Румынией Бессарабии, учитывая позицию Белого движения и многочисленной русской эмиграции в стране, а для румын это был вопрос принципа.

Тем не менее в 1920–1921 гг. объединение было создано. Фактором, явно ускорившим процесс формирования союза, стали попытки реставрации Габсбургов на венгерском троне³⁴. Поэтому второй целью объединения стало предотвращение восстановления династии Габсбургов на троне в Австрии либо Венгрии. В основу Малой Антанты легли подписанные в Белграде чехословацко-югославское (14 августа 1920 г.³⁵) и в Бухаресте чехословацко-румынское (23 апреля 1921 г.³⁶) соглашения, предусматривавшие взаимные действия в случае ничем не вызванного нападения

³³ Osuský Š. Malá Dohoda. Praha: Politický klub Čs. národní demokracie, 1933. S. 14–20.

³⁴ Подробнее об этом см.: Станков Н.Н. Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. и международные отношения в Центральной Европе (по чехословацким дипломатическим документам) // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4 (13). С. 207–241.

³⁵ Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. I. Praha: Ústav mezinárodních vztahů Univerzita Karlova v Praze — nakladatelství Karolium, Historický ústav Akademie věd ČR, 2004. S. 160–162.

³⁶ Ibid. S. 644–646.

со стороны Венгрии на одну из договаривающихся сторон и согласование всех вопросов, касавшихся взаимоотношений с Венгрией, а также югославно-румынское соглашение от 7 июня 1921 г., направленное не только против Венгрии, но и против Болгарии³⁷. Попытки реставрации Габсбургов на венгерском троне привели к замене устной антигабсбургской договоренности между Чехословакией и Румынией на письменное соглашение, а антигабсбургская конвенция ЧСР с КСХС была дополнена военным соглашением. Страны Малой Антанты расценили эти попытки как покушение на их безопасность и мирные договоры и предприняли активные действия, включая протест против принятия Венгрии в Лигу Наций³⁸. Чехословацким послом в Белграде до своей преждевременной смерти в декабре 1922 г. являлся Антонин Калина, который считается одним из активных творцов Малой Антанты. Подобную роль посредника в отношениях Чехословакии с Румынией сыграл чехословацкий посол в Бухаресте Богумил Чермак, а после его кончины в феврале 1921 г. его преемник Фердинанд Веверка, который и подписал чехословацко-румынский договор³⁹.

В Москве создание Малой Антанты вызвало беспокойство, прежде всего возник вопрос — против кого она направлена⁴⁰. Советский представитель миссии Красного

³⁷ Румыно-югославский договор (от 7 июня 1921 г.) об оборонительном союзе был подписан в Белграде на 2 года и предусматривал взаимную военную поддержку сторон в случае неспровоцированного нападения Венгрии или Болгарии, или обоих этих государств. Стороны договорились подписать военную конвенцию, не заключать союза с третьей державой, не уведомив другую сторону, согласовывать вопросы внешней политики. В 1923 г. Румыно-югославский договор был продлен, а в 1929 г. наряду с другими конституционными договорами Малой Антанты Румыно-югославский договор был дополнен, обновлен на неограниченный срок Организационным пактом Малой Антанты 16 февраля 1933 г. Второй венский арбитраж 1940 года фактически аннулировал Румыно-югославский договор 1921 года. URL: <https://doc20vek.ru/node/4133> (дата обращения 16.10.2024).

³⁸ Českoslovák. 1921. Roč. II. Č. 5–6. 30.XII. S. 104.

³⁹ Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Dokumenty... Sv. I. S. 29–30.

⁴⁰ Станков Н.Н. «Я в дипломатические представители не тянулся и не тянусь...» С.И. Гиллерсон и советская миссия Красного Креста в Чехосло-

Креста в ЧСР С.И. Гиллерсон 5 мая 1921 г. сообщал Г.В. Чичерину о том, что печать комментирует чехословацко-румынскую конвенцию как направленную против Венгрии⁴¹. 4 августа 1921 г. сменивший Гиллерсона П.Н. Мостовенко докладывал Чичерину о разговоре с Э. Бенешем, в котором последний подтвердил, что договор с Румынией оговаривал лишь вопросы, касавшиеся консолидации Срединной Европы на основании Трианонского мира. При этом он якобы полностью исключал возможность присоединения к Малой Антанте Польши⁴². На самом деле вопрос о включении Польши в Малую Антанту долгое время висел в воздухе. Но у Польши не было претензий к Венгрии и интереса к ее ослаблению, наоборот, взаимоотношения стран всегда были неплохими. Франция в 1921 г. подписала с Польшей политический договор и секретную военную конвенцию. Будучи весьма заинтересованной в сохранении статус-кво в Европе, Франция активно участвовала в укреплении связей между странами Малой Антанты, и сама заключила с каждой из них соглашения⁴³. Эта система связей Франции со странами ре-

вакии (июль 1920 — июнь 1921 г.) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 143.

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 9.

⁴² Там же. Л. 22.

⁴³ Франко-румынский договор 1926 г. о дружбе был подписан 10 июня в Париже премьером и министром иностранных дел Аристидом Брианом, а со стороны Румынии — посланником в Париже Константином Диаманди. Согласно Франко-румынскому договору, стороны обязались немедленно консультироваться о совместных действиях при возникновении угрозы их национальным интересам и ранее подписанным сторонами договорам, а также в случае изменения или попытки изменения политического устройства европейских стран. С целью смягчения явно враждебного Советскому Союзу характера Франко-румынского договора А. Бриан выступил с заявлением, что Франция сохраняет по отношению к СССР прежние доброжелательные чувства. Румынское правительство в свою очередь в протоколе, приложенном к договору, оговорило, что сделанная на Генуэзской конференции в мае 1922 г. председателем румынской делегации И. Брэтиану декларация о ненападении на Советский Союз в случае сохранения статус-кво остается в силе. URL: <https://doc20vek.ru/node/3578> (дата обращения: 16.X.2024). Франко-югославский договор 1927 года о дружбе был подписан во французской столице 11 ноября министрами иностранных дел А. Брианом

гиона (ключевыми из которых стали ее отношения с Польшей) являлась «арматурой» европейской безопасности, обеспечивающей взаимосвязь между Западной и Восточной Европой⁴⁴.

Кроме общей внешнеполитической ориентации на Францию Чехословакию и Польшу сближала потенциальная угроза со стороны Германии в случае прихода крайне ревизионистских сил к власти в этой стране. Кроме союзников против Венгрии ЧСР должна была искать и союзников против Германии. С этой точки зрения, кроме КСХС и Румынии Польша являлась ее естественным союзником. Но, как сообщалось в НКВД советскими представителями в Праге в ноябре 1920 г., Польша за свое вступление в Малую Антанту требовала поддержки ее восточной политики, возвращения Тешинской области и некоторых исправлений словацко-польской границы. Чехословакия же, по их словам, видела в России свой единственный рынок и не желала отдавать Тешин. Поэтому вместо чехословацко-польского союза скорее существовала неприязнь, выражавшаяся в резких нападках друг на друга в прессе. Кроме того, Польша и Венгрия хотели бы иметь общую границу за счет Чехословакии⁴⁵. Через словацких ксендзов поляки агитировали за федерацию

и Воиславом Маринковичем. Договор предусматривал согласование действий по всем вопросам европейской политики, взаимное информирование о договорах и соглашениях, заключенных с третьими державами. В случае неспровоцированного нападения на одну из них обе стороны условились немедленно согласовать совместные действия в рамках статута Лиги наций для сохранения порядка, установленного существующими договорами. Договорились также решать споры при помощи арбитража или согласительной комиссии, а в случае несогласия обеих сторон с решением этих инстанций передавать их для разбора в Совет Лиги наций. Договор был заключен на 5 лет. Хотя его практические результаты, рассчитанные на укрепление совместных усилий по борьбе с экспансией фашистской Италии на Балканах, были невелики, зависимость внешней политики Югославии от Франции всё же значительно возросла. URL: <https://doc20vek.ru/node/3583> (дата обращения: 16.10.2024).

⁴⁴ Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны... С. 92.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Папка 273. Д. 53928. Л. 31.

Словакии и Польши⁴⁶. На венгеро-польских переговорах в Варшаве обсуждалось и создание Польско-Венгерской Антанты, где Польша играла бы роль посредника между Венгрией и Францией. Согласно этим планам, Словакия в дальнейшем должна была стать самостоятельным государством, и тогда образовалась бы Польско-Словацко-Венгерская Антанта⁴⁷.

Повторимся, что изначально блок Малая Антанта был направлен против Венгрии. Эти соглашения, первое из которых было заключено социал-демократическим правительством В. Тусара на двухлетний срок, в дальнейшем рядом протоколов были продлены и расширены. Они были дополнены соответствующими военными, экономическими и политическими конвенциями, сделавшими отношения между тремя странами ещё более тесными. Малая Антанта превратилась в военно-политический союз, выступавший на международной арене как единое целое. Так, уже союзный чехословацко-югославский договор от 31 августа 1922 г. предусматривал заключение торгового договора и взаимную политическую и дипломатическую поддержку во всех международных отношениях⁴⁸. Союз обеих стран перестал быть только узко-антивенгерским соглашением и превращался в союз вообще.

Однако внешнеполитическая и оборонная эффективность Малой Антанты с самого начала ставилась под сомнение многими совершенно разными политиками как внутри страны, так и за ее пределами. Полемизируя с Э. Бенешем, лидер национальных демократов К. Крамарж еще в феврале 1921 г. писал: «Я не имею ничего против Малой Антанты, но мне не нравится та реклама, которая сопровождала

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Папка 273. Д. 53928. Л. 31.

⁴⁷ Там же. Л. 36.

⁴⁸ Чехословацко-югославский договор 1922 года предусматривал экономическое, финансовое и военное сотрудничество для защиты общих интересов. Он был направлен не только против Венгрии, но и против Италии. Договор был подписан в рамках Малой Антанты.

организацию Малой Антанты. Но кто знает европейскую политическую азбуку, тот понимает, что Малая Антанта представляет собой нечто преждевременное и что среднюю Европу можно лишь тогда организовать, когда на месте России не будет пустоты»⁴⁹.

Дипломатический представитель РСФСР/СССР в Чехословакии в 1922/1923 гг. П.Н. Мостовенко также весьма скептически оценивал эффективность Малой Антанты как гарантии военной безопасности для ЧСР даже в случае ее конфликта с Польшей. В письме М.М. Литвинову 5 января 1923 г. он писал, что, несмотря на весьма натянутые отношения между Чехословакией и Польшей, открытый конфликт исключен, так как Италия «органически враждебна Малой Антанте вообще, и к ЧСР, в частности». Венгрия в случае конфликта непременно вмешается и отвлечет на себя все чехословацкие вооруженные силы, Югославия не сможет помочь ЧСР, так как будет занята Италией, которая не упустит возможности использовать момент. Помощь Румынии исключена, так как она связана военным договором с Польшей и «вообще, хотя и находится в составе Малой Антанты, по своим внешним интересам гораздо ближе к Польше, чем к последней»⁵⁰.

В дальнейшем различный выбор внешнеполитической ориентации привел к ослаблению и распаду блока во второй половине 1930-х годов. Проблему распада Малой Антанты исследовал В.К. Волков в кандидатской диссертации, которую он защитил в 1963 г. — «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933–1938)». На основе диссертации в 1966 г. он опубликовал монографию с тем же названием и подзаголовком.

Среди вопросов, которые разъединяли стороны, были и отношения с СССР. ЧСР до 1934 г. избегала официального признания Союза ССР и установления с ним полноценных

⁴⁹ Общее дело. 1921.13.02.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0138. 1922/23. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 24.

дипломатических отношений, ссылаясь сначала на великие державы, а затем на сторонников по Малой Антанте, а также на сложную внутривосточную расстановку сил, но все же, как упоминалось, подписала в 1922 г. Временные договоры с РСФСР и УССР, означавшие их фактическое признание и возможность торгово-экономических контактов. 2 марта 1922 г. на переговорах председателя правительства и министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша с министром иностранных дел Королевства СХС М. Нинчичем по вопросу об отношении к Советской России была достигнута договоренность о невмешательстве во внутренние дела России и отвергалась военная интервенция, при этом стороны согласились проводить политику восстановления торговых и экономических связей с Россией⁵¹. Однако Белград установил официальные дипломатические отношения с СССР лишь в 1940 г., хотя, как и Чехословакия, не имел с ним значительных спорных проблем. У Румынии же существовали серьезные территориальные споры с СССР по поводу Бессарабии. Отношение к СССР обсуждалось на переговорах стран Малой Антанты в 1923 и в 1924 гг. Тогда пришли к заключению, что признать де-юре СССР можно лишь тогда, когда появится необходимость этого, и страны будут решать этот вопрос самостоятельно, причем ЧСР выступала сторонницей урегулирования отношений, тогда как КСХС и Румыния были против признания⁵².

В интервью корреспонденту газеты «Prager presse» А. Шрому советский представитель в ЧСР В.А. Антонов-Овсеенко 26 июня 1924 г. на вопрос о перспективах отношений СССР со странами Малой Антанты высказался следующим образом: «Малая Антанта была создана для обеспечения незыблемости международных трактатов, завершивших мировую войну. Малая Антанта на почве этих

⁵¹ ДМИСЧО. Т. 1. С. 427.

⁵² Voráček E. a kol. V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019. S. 201.

трактатов претендовала на роль стража европейского мира. Но вряд ли возможно говорить о консолидации положения на Балканах и в Срединной Европе в настоящее время. Положение остается неопределенным и полным угрожающих возможностей. Потребности же “охранной” политики все более обременяют госбюджет и через него народное хозяйство стран Малой Антанты и обуславливают все большую финансовую, а значит и политическую зависимость от империализма великих держав»⁵³. Выход из этой зависимости к самостоятельной политике и установлению стабильных отношений в Центральной Европе он видел в сближении стран с СССР. Антонов-Овсеенко очень высоко оценивал значение прочных добрососедских отношений СССР со странами Малой Антанты, считая их предпосылкой признание Союза ССР де-юре и взаимное признание государственной равноправности. По его мнению, это привело бы к оживлению экономических связей.

Однозначно профранцузская ориентация Чехословакии определилась не сразу, а лишь к середине 1920-х годов. Угроза ревизионистских поползновений Венгрии, продолжавшей и после Трианона претендовать на Словакию и Подкарпатскую Русь, толкнула ЧСР на сближение с другими странами, имевшими территориальные споры с Венгрией. Первоначальный замысел организации Малой Антанты состоял именно в нейтрализации венгерских устремлений. Создание этого блока встречало препятствия из-за некоторых территориальных споров и между самими странами, но дополнительным стимулом к объединению стали попытки Карла Габсбурга вернуть венгерский трон. Некоторая поддержка Венгрии со стороны Великобритании в определенной степени привела к тому, что ЧСР заняла профранцузские позиции. Малая Антанта, созданная в 1920–1921 гг., в дальнейшем при действенном содействии Франции была

⁵³ АВП РФ. Ф. 0138. Референтура по Чехословакии. Оп. 5. Д. 15. Папка 18а. Л. 2.

усилена и укреплена экономическими, политическими и военными обязательствами. Однако изменение международного положения в 1930-е годы и экономическая конкуренция внутри блока привели к его постепенному ослаблению и краху в 1938 г.

И, конечно же, Малая Антанта являлась одной из важнейших составляющих внешней политики Бенеша⁵⁴ и представляла собой пример международного европейского военно-политического и экономического объединения XX в., предназначенного для совместного отстаивания интересов малых стран на международной арене.

⁵⁴ *Essen A. Malá dohoda jako nástroj československé zahraniční politiky // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě... Sv. 2. S. 562.*

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

CZECHOSLOVAK DIPLOMACY ON THE EVE AND DURING THE LOCARNO CONFERENCE

Аннотация. На основе архивных и опубликованных источников автор исследует деятельность чехословацкой дипломатии в условиях нотной переписки и переговоров Великобритании, Германии и Франции о Рейнском гарантийном пакте. Значительное внимание уделено анализу проектов министра иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеша расширить действие Рейнского пакта на Центральную Европу, закрепить в международно-правовых актах гарантии безопасности восточных границ Германии.

Ключевые слова: Рейнский гарантийный пакт, Локарнская конференция, германо-чехословацкий арбитражный договор, францужско-чехословацкий гарантийный договор, Э. Бенеш.

Локарнская конференция 1925 г. относится к важнейшим событиям дипломатической истории межвоенной Европы. Современники расценивали ее решения как начало новой эпохи в международных отношениях, как окончательное примирение между победителями и побежденными после Первой мировой войны и полное устранение угрозы новой военной катастрофы. «Творцы Локарно» министры иностранных дел Великобритании, Франции и Германии О. Чемберлен, А. Бриан и Г. Штресеман стали лауреатами Нобелевской премии мира. Восхваляя Локарнские соглашения, старались не замечать того факта, что, усилив безопасность границ на Западе, они ослабили безопасность государств Центральной и Восточной Европы. Одними из первых, кто осознал опасность, таившуюся в Локарнских соглашениях, были чехословацкие политики.

С момента образования Чехословацкой республики центральной проблемой ее внешней политики было обеспечение безопасности. Добившись на Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг. удовлетворения большинства своих требований, прежде всего, установления «исторических границ», в последующие годы все усилия чехословацкой дипломатии были направлены на неукоснительное соблюдение мирных договоров.

Осознавая, что военный потенциал страны недостаточен для обеспечения ее безопасности, Прага делала ставку на военно-политическое сотрудничество с Францией, занимавшей лидирующее положение в послевоенной Европе и выступавшей гарантом Версальской системы. 25 января 1924 г. Чехословакия подписала с Францией договор о союзе и дружбе, предусматривавший проведение взаимных консультаций и принятие совместных мер в случае угрозы их безопасности или нанесения ущерба порядку, установленному мирными договорами¹.

Большое значение Прага придавала развитию отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, сотрудничеству в рамках Лиги наций, стремясь превратить ее в эффективный инструмент борьбы с любой агрессией. Министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш активно участвовал в разработке общеевропейского гарантийного пакта (так называемого Женевского протокола), который 2 октября 1924 г. был принят V ассамблеей Лиги наций². Бенеш рассматривал это события как триумф чехословацкой дипломатии³, который, однако, оказался недолгим.

¹ См.: *Ferenčuhová B.* Rokovanie o francúzsko-československú zmluvu o spojenectve a priateľstve (máj 1923-január 1924) // *Ferenčuhová B.* Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2008. S. 294–305.

² См.: *Protokol o pokojenem vyřizování mezinárodních sporů* // *Zahraniční politika.* 1924. D. 2. S. 1332–1338.

³ *Beneš E.* Boj o mír a bezpečnost státu. Československá zahraniční politika v projevech ministra dra Ed. Beneše. 1924–1933. Praha: Orbis, 1934. S. 291–292.

Новое британское правительство С. Болдуина и О. Чемберлена отказалось взять на себя обязательства по Женевскому протоколу. Оно не было уверено в незыблемости установленных Версальским договором границ в Центрально-Восточной Европе и опасалось, что помимо своей воли Великобритания могла быть вовлечена в международные конфликты на континенте⁴.

Германия воспользовалась отказом британского правительства от ратификации Женевского протокола и предложила вместо него проект Рейнского гарантийного пакта, который 20 января 1925 г. направила в Лондон, а 9 февраля — в Париж. Берлин предлагал, чтобы «державы, имеющие интересы на Рейне», прежде всего Великобритания, Франция и Италия, торжественно обязались не вести друг против друга войну и заключили пакт, «безоговорочно гарантирующий нынешний территориальный статус-кво на Рейне». Кроме пакта, Германия предлагала заключить с Францией «широкий арбитражный договор», «подобный договорам, которые в последние годы были заключены между различными европейскими державами». Германия выражала готовность заключить «подобные арбитражные договоры, гарантирующие мирное разрешение правовых и политических конфликтов», со всеми государствами, которые со своей стороны проявили соответствующий интерес⁵.

В Праге, когда стало известно о германской инициативе, были озадачены стремлением Берлина ограничиться гарантиями лишь западных границ. Бельгийский посланник в ЧСР Г. де Рэмон писал 16 марта 1925 г. в Брюссель, что в связи с германскими предложениями в повестку дня стал вопрос о безопасности Польши и Чехословакии: «Многие

⁴ *Břach R.* Československo a Evropa v polovině dvacátých let. Praha; Litomyšl: Paseka, 1996. S. 27, 72; *Dejmek J.* Nenaplněné naděje. Politické a diplomatické vztahy Československa a Velké Británie od zrodu První republiky po konferenci v Mnichově (1918–1938). Praha: Karolinum, 2003. S. 120.

⁵ См.: Локарнская конференция 1925 г. Документы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 32–34. Док. 2; С. 41–42. Док. 4.

думают, что война-реванш, которую при современном раскладе дел будет весьма трудно избежать, начнется на востоке. Искра, которая вызовет пожар, могла бы быть подброшена в Польше, как та, которая разожгла мировую войну 1914 г., была подброшена в Сербии»⁶. По Версальскому договору, Чехословакия, в отличие от Польши, за исключением Глучинска, не получила территории бывшей Германской империи, но, по мнению бельгийского посланника, и над ней нависла угроза. Он считал, что успешные действия Германии против Польши неизбежно усилили бы «опасное влияние» Берлина на 3,5 млн судетских немцев. «Возможно, оно сопровождалось бы аннексией Австрии, в результате чего Чехословацкая республика, окруженная извне и ослабленная изнутри стала бы всего лишь игрушкой в руках Германии и ее легкой добычей», — писал Г. де Рэмон в своем отчете в Брюссель⁷.

Бенеш не мог не видеть всех опасностей, таившихся в германских предложениях. 2 марта 1925 г. он вручил французскому посланнику в Праге Ф. Куже меморандум, в котором обосновывалась необходимость распространения гарантийного договора на Центральную Европу⁸. Изложенные в нем идеи Э. Бенеш развил в своем новом меморандуме, который он вручил 14 марта 1925 г. в Женеве министру иностранных дел Великобритании О. Чемберлену, а 16 марта в Париже премьер-министру и министру иностранных дел Франции Э. Эррио. С точки зрения Чехословакии, отмечалось в меморандуме, было «самым лучшим решением иметь общий договор о взаимопомощи, включающий также восточную границу Германии и, таким образом, практически всю Европу»⁹. Но поскольку 12 марта 1925 г. О. Чем-

⁶ Documents diplomatiques belges. 1920–1940. Bruxelles: Académie royale de Belgique, 1964. T. 2. P. 141. Doc. 38.

⁷ Ibid. P. 140.

⁸ Břach R. Locarno a čs. diplomacie // Československý časopis historický. 1960. Č. 5. S. 694. Příloha I.

⁹ Ibid. S. 695. Příloha II.

берлен на заседании совета Лиги наций заявил об отказе Великобритании от Женевского протокола и высказался за заключение региональных гарантийных пактов¹⁰, то Э. Бенеш выразил надежду, что договор о безопасности между Великобританией и Францией означал бы «частичную, но весьма мощную гарантию мира во всей Европе и, особенно, в Центральной Европе». Чтобы не стать причиной новых волнений, такой договор, по мнению Бенеша, должен основываться на Версальском договоре и «не должен содержать ничего, что можно было истолковать прямо или косвенно, словами или умолчанием, как отказ от восточной границы Германии, который развязал бы ее руки на востоке и в Центральной Европе». Чехословацкий министр особо подчеркивал, что договор «не должен включать ничего, что могло быть истолковано как безразличие к судьбе Австрии». «Присоединение Австрии к Германии означало бы на деле полную дезорганизацию и нарушение равновесия в Центральной Европе», — подчеркивал Бенеш. Он считал, что любое участие Германии в гарантийных пактах предполагало ее предварительное или одновременное вступление в Лигу наций. Это могло бы «в некоторой мере успокоить малые страны Центральной Европы», так как, приняв на себя обязательства следовать Уставу Лиги наций, Германия «знала бы, что любая попытка пересмотра договоров путем насилия невозможна...». Бенеш не возражал против подписания арбитражного договора между Чехословакией и Германией на основе уже существовавших договоров. Он считал, что такой договор «мог быть легко привязан» к Западному гарантийному пакту, и западные державы стали бы «моральными гарантами того, что мирный процесс решения споров, указанных в данном договоре, был бы всегда поддержан Германией». Вместе с тем, Бенеш

¹⁰ *Dejmek J. Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2006. Č. I. S. 389.*

настаивал на том, чтобы «косвенно заставить всех понять, что нет возможности вновь открывать дебаты о границах, потому что, если бы сегодня ставился вопрос о Восточной Пруссии, то завтра были бы подняты все другие вопросы: о Вильно, о Трианонском договоре, о Румынии, Чехословакии, Югославии и Венгрии, Болгарии и всех Балканах и т.д. и т.д.». В заключение Бенеш отметил, что если при подготовке пакта о безопасности и договора о гарантиях все изложенные им в меморандуме обстоятельства не учесть, то вновь наступит период «новой всеобщей опасности», неуверенности и полной неразберихи¹¹.

У чехословацкого министра, однако, не было никаких шансов поколебать убеждения О. Чемберлена, считавшего, что Великобритания не может гарантировать восточные границы Германии¹².

15 марта 1925 г. Бенеш прибыл в Париж и на следующий день встретился с Эррио, которому он вручил меморандум и изложил точку зрения чехословацкого правительства на проблему гарантийного договора. Бенеш не возражал против заключения Западного пакта. Он считал, что «любое усиление французской безопасности будет выгодным для его собственной страны». Но каждый новый пакт, по мнению Бенеша, должен основываться на существующих договорах, т.е. прежде всего на Версальском договоре. Он желал бы избежать любой формулы, которая позволила бы думать, что Версальский договор менее действителен на востоке, чем на западе. Чехословацкий министр настаивал на необходимости сохранения самостоятельности Австрии. «Если допустить аннексию Австрии, это приведет к войне», — сказал Бенеш Эррио. Бенеш готов был заключить с Германией арбитражный договор, и как показалось французскому премьеру, чехословацкий министр надеялся, что

¹¹ *Břach R.* Locarno a čs. diplomacie. S. 695. Příloha II.

¹² *Dejmek J.* Nenaplněné naděje. S. 128.

если бы было подписано известное количество договоров об арбитраже, как говорилось в германском меморандуме, то их можно было бы соединить вместе и передать в Лигу наций, что привело бы в известной мере к восстановлению отклоненного Женевского протокола. Эррио заявил о своем полном согласии с чехословацким министром. Он подчеркнул, что, поскольку Великобритания не хочет прямо гарантировать границы Польши и Чехословакии, что Франция постарается «привести ее к гарантии арбитража, который гарантирует эти границы»¹³.

По мере продвижения переговоров о Рейнском пакте все более очевидным становилось, что из великих держав только Франция согласится гарантировать восточные границы Германии и в случае германо-польского и германо-чехословацкого конфликта оказать помощь своим восточноевропейским союзникам. Во время переговоров в конце мая 1925 г. в Париже с генеральным секретарем МИД Франции Ф. Бертело Бенеш получил конкретные заверения в действительности францужско-чехословацкого договора 1924 г. и в том, что Рейнский пакт не может воспрепятствовать Франции выполнить свои обязательства в отношении ЧСР¹⁴. Кроме того, Бенеш не терял надежду, что когда-нибудь к проблемам европейской безопасности удастся более прочно привязать и Великобританию. Он считал необходимым стремиться к тому, чтобы «на основе предварительно заключенного особого пакта создать европейскую систему всеобщего мира по образцу Женевского протокола о безопасности»¹⁵.

¹³ Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936; пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 247–248.

¹⁴ Beneš E. Cirkulární telegramy 1920–1935. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2002. S. 90. Dok. 81; Edvard Beneš (diplomat na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928. Praha: Karolinum, 2000. S. 113.

¹⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995. Bd. 13. S. 191–192. Dok. 75. Anm. 6.

В Женеве, где в начале июня 1925 г. проходил Совет Лиги наций, чехословацкий министр обсуждал проблемы безопасности своей страны с О. Чемберленом и новым министром иностранных дел Франции А. Брианом в связи с подготовкой гарантийного пакта. Переговоры с Чемберленом не принесли ничего нового. Он уверял Бенеша, что гарантийный пакт обеспечит полную защиту ЧСР, поскольку в случае нарушения Германией арбитражного договора (очевидно, французско-германского) не только Франция, но и Великобритания вступит в войну. О. Чемберлен согласился с Э. Бенешем в том, чтобы в Западном пакте подтверждалось, что он основывается на Версальском договоре¹⁶. Более подробно содержание гарантийного пакта и других договоров, которые предполагалось заключить с Германией, чехословацкий министр обсудил с А. Брианом. Переговоры с французским министром начались в Женеве, а затем были продолжены в Париже¹⁷.

18 июня на заседании совета министров ЧСР Э. Бенеш сделал подробный отчет о ходе переговоров о гарантийном пакте и о своих последних переговорах в Париже и Женеве. Прежде всего, он отметил, что Лондон отказался брать на себя обязательства о гарантии каких-либо границ в Европе, кроме границы Франции и Бельгии с Германией, и не было никакой надежды на включение границ Чехословакии и Польши в гарантийный пакт с участием Великобритании. В ходе дальнейших переговоров о Рейнском пакте, подчеркнул Бенеш, целью внешней политики Праги было не допустить ущемления интересов ЧСР; прежде всего, речь шла о необходимости соблюдения мирных договоров, о действенности договора 1924 г. с Францией, о сохранении независимости Австрии, об исключении из арбитражных договоров вопросов о границах и т.д.¹⁸ С боль-

¹⁶ Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 114.

¹⁷ Ibid. S. 115.

¹⁸ Národní archiv České Republiky. Praha. Předsednictvo ministerské rady (далее — NA. PMR). Karton 4382. S. 30–31.

шой осторожностью Бенеш оценивал вступления Германии в Лигу наций и его возможные последствия для ЧСР. Он не исключал, что вступление Германии в Лигу наций может привести к усилению давления национальных меньшинств на правительство Чехословакии с помощью различных жалоб. В первую очередь Бенеш имел ввиду судетских немцев, которые уже ранее обращались в Лигу наций с жалобами на ущемление их интересов во время проведения аграрной реформы¹⁹. Правительство ЧСР в таких случаях заявляло, что аграрная реформа является внутренним делом, но тем не менее Бенеш просил совет министров, особенно ведомства, причастные к проведению аграрной реформы, быть готовыми к отражению возможных обвинений²⁰. На заседании совета министров 18 июня Э. Бенеш также изложил свои предложения в связи с предстоящими переговорами с Германией об арбитражном договоре, которые он собирался начать, составив представление о мнении западных союзников²¹.

К сожалению, более подробных сведений на этот счет документ не содержит. Можно согласиться с мнением американского исследователя Ф.Г. Кэмпбелла, что главной целью Бенеша в поисках прямых переговоров с Германией было, «несмотря на отсутствие официальных гарантий, обеспечить безопасность чехословацкой границы на таком же уровне, как французской и бельгийской»²². Корреспонденция чехословацкого посланника в Берлине К. Крофты свидетельствует о том, что Бенеш настойчиво пытался организовать личную встречу с германским министром иностранных дел Г. Штресеманом во второй половине июня —

¹⁹ См.: Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha (далее — AMZV). II. Sekce — 3. Společnost Národů. Č. 708. S. 1–28. Petice německého parlamentního svazu z 15.IY.1922. Č.j. 84/ 22-del.

²⁰ NA. PMR. Karton 4382. S. 32.

²¹ Ibid. S. 31.

²² *Campbell F.G. Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia.* Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1975. P. 150.

июле 1925 г.²³ Однако тот уклонялся от переговоров с чехословацким министром и просил передать Крофте, что его встреча с Бенешем не может состояться раньше сентября²⁴.

В Германии явно не торопились давать Чехословакии каких-то особых гарантий. Более того, германские дипломаты отговаривали ее и от гарантий, обещанных Францией²⁵.

Министерство иностранных дел ЧСР внимательно следило за ходом переговоров о гарантийном пакте, которые в конце лета 1925 г. вступили в завершающую стадию. 31 августа — 4 сентября в Лондоне состоялась конференция экспертов по правовым вопросам с участием представителей Великобритании, Франции, Германии и Италии, которые согласовали проект Рейнского гарантийного пакта²⁶.

4 сентября, когда эксперты-юристы четырех держав завершили работу в Лондоне, Бенеш прибыл в Женеву на VI Ассамблею Лиги наций, где помимо участия в официальных заседаниях он активно включился в переговоры с будущими участниками Локарнской конференции. Во время встреч с А. Брианом, О. Чемберленом и министром иностранных дел Бельгии Э. Вандервельде Бенеш обсудил, как он сообщал президенту ЧСР Т.Г. Масарику и председателю правительства А. Швегле в Прагу, «весь комплекс вопросов», связанных с подписанием Рейнского пакта и арбитражных договоров. Он рассчитывал, что чехословацко-германский арбитражный договор будет идентичен арбитражным договорам Германии с Францией и Бельгией. Чехословацкий министр ознакомился с материалами Лондонской конференции экспертов и был удовлетворен ее результатами. Он предполагал, что чехословацко-германский арбитражный договор будет связан с Рейнским пактом и будет гарантирован Францией и, что они вступят в силу одновременно.

²³ См.: AMZV. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. Č. 34.

²⁴ Ibidem.

²⁵ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 13. S. 468. Dok. 176. Anm. 13.

²⁶ Локарнская конференция 1925 г. С. 135–157. Док. 21.

Правда, Бенеш знал, что Германия отвергла французские гарантии восточных договоров, но надеялся, что стороны придут к согласию. Он был готов к тому, что гарантийный договор с Францией внесет некоторые коррективы во франко-чехословацкий союзный договор от 25 января 1924 г., который будет несколько ограничен и ряд его положений будет уточнен²⁷.

Большую заинтересованность чехословацкий министр проявлял и в решении австрийского вопроса. 16 сентября 1925 г. он пригласил на завтрак помощника секретаря итальянского МИД Д. Гранди и выдвинул идею создания Дунайского пакта, который должен включать Италию, ЧСР и Югославию. Главной целью пакта, по мнению Бенеша, была бы защита общих интересов стран-участниц и противодействие аншлюсу. Итальянский дипломат сказал Бенешу, что без участия Австрии такой союз оказался бы практически недействительным. Чехословацкий министр согласился с необходимостью участия Австрии в Дунайском пакте и предложил обсудить его проект с представителями заинтересованных стран во время Локарнской конференции²⁸.

В Женеве Э. Бенеш встречался также с министром иностранных дел Польши А. Сквишинским. Казалось, что на завершающем этапе подготовки Локарнской конференции их многое объединяло. И Бенеш, и Сквишинский добивались права участия в предстоявшей конференции. В случае отказа международному престижу ЧСР и Польши был бы нанесен непоправимый ущерб. Кроме того, это имело бы серьезные внутрисполитические последствия, и оба министра в своих странах оказались бы под огнем критики. После длительных переговоров с западноевропейскими коллегами Бенеш и Сквишинский вынуждены были довольствоваться обещаниями, что они будут приглашены на конференцию

²⁷ Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 118–119.

²⁸ I documenti diplomatici italiani. Ser. 7: 1922–1935. Roma: Istituto poligrafico dello stato, 1962. Vol. 4. P. 94. Doc. 124.

и примут участие в обсуждении вопросов, касавшихся их стран²⁹. Бенеш и Скшиньский были едины в том, что Рейнский пакт не должен аннулировать их союзные договоры с Францией. Но Бенеш, как отмечалось выше, был готов пойти на определенные уступки, фактически ограничивавшие действие чехословацко-французского договора 1924 г. А у Скшиньского не было возможности для маневра, он был скован решением своего правительства от 31 августа 1925 г., не допускавшего каких-либо отступлений от буквы и духа польско-французского договора 1921 г. Кроме того, польское правительство требовало, чтобы Западный пакт был заключен одновременно с пактом безопасности на Востоке, который должны подписать Франция, Польша и Германия³⁰. Министры иностранных дел ЧСР и Польши обсуждали проблемы содержания арбитражных договоров, которые они должны были подписать с Германией в Локарно. В данном вопросе в их подходах также имелись определенные различия. Если Бенеш настаивал на том, чтобы чехословацко-германский договор был идентичен французско-германскому, то Скшиньский, с недоверием относившийся к западным проектам, требовал, чтобы польско-германский договор исключал любую возможность ревизии границы³¹.

Таким образом, несмотря на схожесть в положении обеих стран, налицо были и определенные расхождения, которые препятствовали их сплочению и выработке единой линии поведения на предстоявшей конференции министров иностранных дел. Эти расхождения имели место и раньше и могли возникнуть в будущем.

²⁹ *Břach R. Československo a Evropa v polovině dvacátých let. S. 268.*

³⁰ См.: *Магадеев И.Э.* В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 479; *Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967. S. 149–151; Cienciala A.M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno. Keys to Polish Foreign Policy, 1919–25. Lawrence: University Press of Kansas, 1984. P. 252–253.*

³¹ *Břach R. Československo a Evropa v polovině dvacátých let. S. 268–269.*

В дипломатических кругах было распространено мнение, что не может быть и речи об объединенном польско-чехословацком фронте в Локарно, что Бенеш в любой момент может бросить Скшиньского на произвол судьбы, и Польша окажется в изоляции³². В Варшаве, очевидно, не исключали такой возможности. Тем более там царила всеобщая обеспокоенность, что не только Чехословакия, но и Франция ради гарантий своей безопасности пойдет на уступки Германии в вопросе восточных границ. Поэтому с начала переговоров о гарантийном пакте польская дипломатия взяла новый курс в отношениях с Москвой³³. Варшава выступила с инициативой подписания польско-советского соглашения о ненападении, которое предусматривало бы «абсолютный нейтралитет» и «неучастие во враждебных комбинациях», обещала урегулировать все спорные вопросы, предлагала «гарантировать территориальный статус-кво в Восточной Европе», возобновить переговоры о торговом договоре³⁴, выражала пожелание «подготовить почву для встречи руководителей внешней политики обоих государств» и т.д.³⁵ СССР, в свою очередь опасавшийся сближения Германии с Францией и создания единого антисоветского фронта западных держав, охотно откликнулся на многие польские предложения. 3 августа 1925 г. в Москве между правительством СССР и Польши было подписано соглашение о разрешении пограничных конфликтов³⁶. За короткий срок резко вырос товарообмен между двумя странами: за 9 месяцев 1925 г. (с января по сентябрь) импорт из Польши в СССР по сравнению с тем же периодом 1924 г. вырос более чем на 560 %³⁷. Стремясь

³² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53981. Л. 198.

³³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1966. Т. 4. С. 366–367. Док. 262.

³⁴ Там же. С. 376–377. Док. 265.

³⁵ Там же. С. 370. Док. 263.

³⁶ Там же. С. 406–409. Док. 288.

³⁷ Там же. С. 423–424. Док. 297.

внести разлад в ряды будущих участников Локарнской конференции и отвлечь Польшу, советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в сентябре 1925 г. выразил пожелание посетить Варшаву и встретиться со Сквишинским³⁸.

Известия о развитии польско-советских отношений, и в частности о предстоявшей поездке Г.В. Чичерина в Варшаву, как отмечалось в донесении советского полпредства в Праге в НКВД, «оказали сильное воздействие на чехословацкие общественные и партийные круги»³⁹. Чехословакия жила в ожидании парламентских выборов, и в этих условиях усилилась межпартийная борьба. Она сопровождалась обострением споров по вопросам внешней политики ЧСР. Действия Бенеша на международной арене подвергались критике не только со стороны оппозиции, но и партнеров по правящей коалиции — национальных демократов, аграриев, лидовцев. Редактор международного отдела газеты Республиканской партии земледельцев и малоземельных крестьян «Venkov» З. Шморанц во время встреч с советскими дипломатами в Праге часто подчеркивал, что «Бенеш делает не чехословацкую, а свою личную политику», которая ведет страну в тупик⁴⁰. Поэтому Шморанц считал маловероятным, чтобы после выборов Бенеш остался министром иностранных дел⁴¹. Но еще до выборов в газетах появились сообщения об отставке Бенеша. Его выступления в парламентской комиссии по иностранным делам 23 июня было встречено резкой критикой, и газеты писали, что на пост министра иностранных дел будет предложена кандидатура видного словацкого аграрного политика М. Годжи⁴². Шморанц, правда, считал, что А. Швегла на это место готовит своего кандидата — бывшего чехословацкого посланника

³⁸ AMZV. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně 1925. Č. 47.

³⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53981. Л. 226.

⁴⁰ Например, см.: Там же. П. 279. Д. 53982. Л. 151.

⁴¹ Там же. Д. 53985. Л. 22.

⁴² Там же. Д. 53984. Л. 33.

в Вашингтоне Ф. Хвалковского⁴³. Критической точки обвинения в адрес Бенеша достигли после того, как 15 сентября 1925 г. союзные государства (Франция, Великобритания, Бельгия и Италия) пригласили Германию на конференцию министров иностранных дел. Чехословакия отсутствовала и в числе приглашавших, и приглашенных, и с ее приглашением союзники явно не торопились. 17 сентября в газете «Venkov» появилась статья «От мечтаний к действительности» с резкой критикой внешней политики ЧСР и ее односторонней ориентации на Францию. «Пока продолжалась франко-германская распря, казалось, что политика, ищущая защиты во Франции против Германии, правильная. Но этот период закончился, — писала газета. — Все попытки распространить гарантийный пакт на восточные границы Германии потерпели неуспех, ввиду отпора Англии и Германии, которому, видимо, уступила и Франция». Газета ставила в пример Польшу, которая «быстро переориентировалась, как только поняла, что Франция более заинтересована в Германии и в России, нежели в ней», что ей больше «нечего ждать от Запада», и немедленно завязала отношения с СССР, чтобы обезопасить себя, по крайней мере, с одной стороны. «Venkov» отмечала, что ЧСР не может довольствоваться участием «зрителя, заглядывающего в пиршественный зал Запада», и призывала «вести себя так, как Польша» и устанавливать «отношения там, где лежат наши подлинные политические и экономические интересы»⁴⁴.

Эта статья, опубликованная в газете Республиканской партии земледельцев и малоземельных крестьян, лидером которой был председатель правительства А. Швеглы, вызвала сильный международный резонанс. 18 сентября в министерство иностранных дел ЧСР обратился французский посланник и потребовал разъяснений. Посланник указал,

⁴³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53985. Л. 22.

⁴⁴ Там же. Л. 63.

что совершенно недопустимы в органе главы правительства ЧСР выпады против союзной Франции⁴⁵. Затем последовали запросы из посольств других стран⁴⁶. В советском полпредстве в Праге ожили надежды на скорое признание СССР⁴⁷. Многие считали, что статья в «Venkov» была инспирирована самим Швеглой, который хотел сместить Бенеша и назначить на его место своего ставленника Хвалковско-го⁴⁸. Появились также слухи, что за кампанией «Venkov» против Бенеша стоит М. Годжа, усиленно добивавшийся портфеля министра иностранных дел⁴⁹. Но откуда бы ни исходила инициатива публикации в «Venkov», она послужила сигналом для развязывания в печати кампании против Бенеша⁵⁰.

И без того непростое положение Бенеша еще больше усугубилось после заявления Штреземана на пресс-конференции 18 сентября 1925 г., будто министры иностранных дел ЧСР и Польши до сих пор не ответили на германское предложение от 9 февраля 1925 г. и не выступили ни с какими инициативами⁵¹. На следующий день чехословацкая пресса растиражировала заявление германского министра. Для Бенеша это было неожиданным и сильным ударом. 19 сентября 1925 г. из Женевы он направил в Берлин телеграмму Крофте с просьбой посетить министерство иностранных дел и, если представится возможность, встретиться с Штреземаном и сделать заявление о готовности правительства ЧСР вступить в переговоры с правительством Германии относительно арбитражного договора⁵².

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53985. Л. 69–70.

⁴⁶ *Břach R.* Československo a Evropa v polovině dvacátých let. S. 269–270.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 6. П. 105. Д. 8. Л. 29–30.

⁴⁸ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53985. Л. 65.

⁴⁹ Там же. Л. 83.

⁵⁰ *Břach R.* Československo a Evropa v polovině dvacátých let. S. 270.

⁵¹ *Dejmek J.* Edvard Beneš. Č. I. S. 403–404; *Campbell F.G.* Confrontation in Central Europe. P. 151.

⁵² Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 121.

Сразу же после получения телеграммы Бенеша Крофта обратился в МИД Германии с просьбой об аудиенции. 20 сентября 1925 г., несмотря на воскресный день, статс-секретарь К. Шуберт принял чехословацкого посланника, передавшего предложение своего правительства начать переговоры об арбитражном договоре. Крофта сообщил статс-секретарю, что нынешний демарш чехословацкого министра вызван не только заявлением Штреземана, но и внутривнутриполитическими проблемами, так как в последнее время в связи с предстоявшими в ЧСР парламентскими выборами обострилась межпартийная борьба, и участились нападки на Бенеша. Посланник подчеркнул, что «некоторые высказывания господина Штреземана», в частности о том, что он стремится заключить, прежде всего, Западный пакт, а восточные договоры будут рассмотрены позже и др., на руку противникам Бенеша. Крофта просил руководство германского внешнеполитического ведомства учитывать положение Бенеша и «по возможности свои высказывания обставлять так, чтобы из них не следовало, как будто восточные соглашения являются чем-то абсолютно несущественным». Статс-секретарь Шуберт обещал Крофте о содержании их беседы немедленно поставить в известность Штреземана⁵³.

В записке министру Шуберт рекомендовал принять чехословацкого посланника и ответить ему, что предложение Бенеша вступить в переговоры непосредственно с Германией «полностью соответствует намерениям германского правительства»⁵⁴.

25 сентября 1925 г. Штреземан принял Крофту и изложил ему позицию своего ведомства в отношении переговоров с ЧСР об арбитражном договоре. Когда чехословацкий посланник спросил министра, не считает ли он целесообраз-

⁵³ AMZV. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1925. Č. 48; ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995. Bd. 14. S. 185–187. Dok. 71.

⁵⁴ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 216–217. Dok. 82.

ным участие Бенеша в Локарнской конференции в самого начала, Штреземан ответил, что, прежде всего, союзники должны прийти к взаимопониманию о Западном пакте, как на это в свое время указывал и сам чехословацкий министр. Поэтому Штреземан считал, что Бенеш должен участвовать в конференции не с ее начала, а лишь тогда, когда начнутся переговоры об арбитражных договорах. Крофте ничего не оставалось, как сказать, что Бенеш придерживается такого же мнения⁵⁵. Так неудачно завершилась еще одна попытка чехословацкой дипломатии вступить в прямые переговоры с Германией и добиться полноправного участия в предстоявшей конференции министров иностранных дел. На Вильгельмштрассе считали, что это и было главной причиной демарша Бенеша. Такого мнения придерживался и германский посланник в Швейцарии А. Мюллер. Он предполагал, что чехословацкий министр с помощью Германии пытался получить место за столом переговоров⁵⁶.

С недоверием к инициативе Бенеша отнеслись также во Франции и в Польше. 21 сентября 1925 г. французский посол в Германии Б. де Маржери и поверенный в делах Польши Т. Яцковский посетили чехословацкое посольство и обратились к Крофте за разъяснениями. Посланник ответил, что демарш Бенеша не является следствием изменения внешней политики ЧСР и не выходит за пределы предшествующих переговоров союзников с Германией. Если французский посол, по словам Крофты, был удовлетворен его объяснениями, то польский дипломат усомнился в их искренности, подозревая, что Чехословакия предложила Германии заключить особый договор, о котором до сих пор не было речи⁵⁷.

⁵⁵ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 218–219. Dok. 83; *Stresemann G. Vermächtnis. Der Nachlass in drei Bänden.* Berlin: Ullstein, 1932. Bd. 2. S. 183.

⁵⁶ *Alexander M. Der deutsch-tschechoslowakische Schiedsvertrag von 1925 im Rahmen der Locarno-Verträge.* München; Wien: Oldenbourg, 1970. S. 121–122.

⁵⁷ AMZV. Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně. 1925. Č. 48.

Демарш Бенеша без согласования его с Варшавой вызвал в Польше сильное раздражение. На чехословацкого министра с резкой критикой обрушилась польская пресса⁵⁸. 24 сентября Бенешу в Женеву прислал телеграмму бывший польский посланник в Праге Э. Пильц, настаивавший на объяснении, что вынудило чехословацкого министра предпринять «шаг, который может нарушить солидарность двух правительств...». На следующий день с такой же просьбой обратился к Э. Бенешу польский представитель при Лиге наций К. Моравский⁵⁹. Отвечая Пильцу, чехословацкий министр подчеркнул, что его демарш не следует рассматривать как «какую-либо собственную политическую акцию и не как какой-либо сепаратный шаг», поскольку речь идет о формальной стороне: в связи с приглашением союзниками Германии на конференцию Чехословакия официально известила германское правительство о том, что она примет участие в переговорах об арбитражных договорах⁶⁰. В беседе с Моравским Бенеш, кроме того, отметил, что чехословаcko-германский арбитражный договор, возможно, будет отличаться от польско-германского: если польско-германский договор должен воспрепятствовать Германии выступить с территориальными претензиями, то ЧСР стремилась исключить возможность вмешательства Германии в свои внутренние дела, прежде всего в вопросе национальных меньшинств⁶¹. В Варшаве вынуждены были принять к сведению разъяснения Бенеша, но они мало способствовали восстановлению доверия к действиям Праги⁶².

Германия пыталась максимально воспользоваться ситуацией, создавшейся вследствие демарша Бенеша. Шуберт

⁵⁸ См.: *Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna*. S. 158.

⁵⁹ *Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919–1925*. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Zachodniego, 1962. S. 430.

⁶⁰ *Edvard Beneš (diplomata na cestách)*. S. 124.

⁶¹ *Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919–1925*. S. 431.

⁶² *Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna*. S. 161.

в инструкции германскому посланнику в ЧСР В. Коху рекомендовал немедленно возобновить переговоры в Праге об арбитражном договоре, рассчитывая этим достичь две цели: во-первых, воспрепятствовать любым попыткам Бенеша вновь объединиться с поляками; во-вторых, выяснить дальнейшие намерения чехословацкого министра и по возможности сдерживать его отрицательное влияние на ход переговоров Германии с западными союзниками. Похоже, сам договор гораздо меньше интересовал германскую дипломатию. Берлин не предлагал Чехословакии никаких новых конкретных вопросов для обсуждения. Кох должен был выяснить отношение Бенеша к германо-финскому арбитражному договору, который Германия предлагала взять за основу для подготовки договора с ЧСР. Инструкция из Берлина предписывала германскому посланнику избегать обсуждения вопроса о признании границ, который не мог рассматриваться в арбитражном договоре с Чехословакией. Договор не должен был включать и проблемы меньшинств. Коху не следовало также касаться вопроса французских гарантий германо-чехословацкого арбитражного договора, поскольку германское правительство намерено было это требование отклонить⁶³.

2 октября Кох встретился с Бенешем и предложил ему высказать свои замечания относительно германо-финского арбитражного договора. Ответ чехословацкого министра немало озадачил Коха. Бенеш сообщил, что в ближайшие дни уезжает в Локарно, где намерен немедля встретиться с представителями великих держав, и просил посланника «уже сегодня» передать Штреземану, что он «совершенно открыто выложит свои карты на стол». Чехословацкий министр заявил также, что «он за такой договор, который устранил опасность любого вооруженного конфликта между Германией и Чехословакией», и хотел бы узнать, готова ли

⁶³ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 276. Dok. 107.

Германия заключить с ним такой договор. Кох попросил министра более конкретно изложить свои предложения, но Бенеш продолжал в том же духе. Кох был настолько дезориентирован, что вначале даже не мог понять: чехословацкий министр имел в виду арбитражный договор или договор, выходящий за его рамки. Бенеш заверил своего собеседника, что его намерения не выходят за пределы арбитражного договора. Но он дал понять Коху, что чехословацко-германский арбитражный договор должен быть шире германо-финского, должен исключать «абсолютно все вероятные случаи вооруженного конфликта». В то же время Бенеш ясно высказался против включения в договор проблем меньшинств. Министр утверждал, что чехословацко-германский договор, планы которого он вынашивал, не только приведет к взаимопониманию между двумя странами, но «автоматически повлечет за собой соглашение между чехами и судетскими немцами». Из беседы с чехословацким министром Кох вынес впечатление, что тот стремился к подписанию какого-либо гарантийного пакта по западному образцу. Посланник предполагал, что Бенеш избегал ясности в формулировках, поскольку опасался, что его предложения натолкнутся на отказ, который для него в тех внутриаполитических обстоятельствах мог оказаться губительным⁶⁴.

Германский посланник в своих предположениях был недалек от истины. Бенеш по возвращении в конце сентября из Женевы действительно находился в весьма сложном положении. Он удержался в кресле министра иностранных дел только благодаря заступничеству Т.Г. Масарика. Президент достиг со Швеглой соглашение о неприкосновенности

⁶⁴ Автор выражает благодарность эмирит-профессору Кельского университета М. Александру за предоставленную копию документов германского посольства в Праге из Политического архива МИД ФРГ: *Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik*. Т. 2. Vom Kabinett Beneš bis zur ersten übernationalen Regierung unter Švehla 1921–1926 / ausgewählt, eingeleitet und kommentiert von M. Alexander. Erfstadt, 1991, 2000. [Электронный ресурс] (CD-ROM). Dok. A 50.

Бенеша, после чего выпады аграриев против него прекратились⁶⁵. 2 октября доклад министра иностранных дел был заслушан на заседании совета министров. На этот раз свое выступление Бенеш построил не в свойственной для него манере, когда он фактически навязывал свое мнение, а скорее в форме, выражавшей согласие со всеми членами кабинета. Смысл его доклада сводился к тому, что он в последнее время делал именно то, что от него требовали его партнеры по коалиции. Бенеш начал свою речь с констатации того факта, что в течение 1925 г. в международных отношениях в Европе произошел перелом, вследствие наметившегося соглашения Франции с Германией и вступления последней в Лигу наций, благодаря чему завершился период разделения Европы на два лагеря — победителей и побежденных. Министр особо подчеркнул, что внешняя политика ЧСР была готова к такому развитию событий и с самого начала строила свои отношения с Германией с учетом такой возможности⁶⁶. Большая часть выступления Бенеша была посвящена переговорам о гарантийном пакте и арбитражном договоре. Он подчеркнул, что Чехословакия всегда руководствовалась убеждением, что гарантийный пакт должен основываться на мирных договорах, что Германию нельзя оставлять свободной от обязательств на востоке, что Рейнский пакт и арбитражные договоры Германии с восточно-европейскими странами должны составлять единое целое. По убеждению министра, они не должны ни в коей степени затрагивать союзные договоры Чехословакии с Францией и договоры по Малой Антанте. В связи с этим для ЧСР большое значение имела статья 6 Рейнского пакта, предусматривавшая возможность гарантии чехословацко-германского арбитражного договора третьей державой, например Францией. Бенеш не скрывал от членов правительства, что Гер-

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 67–68.

⁶⁶ NA. PMR. Karton 4382. [В документе отсутствует пагинация]

мания до сих пор отвергала французские гарантии, и в том случае, если бы на конференции в Локарно она добилась своего, Чехословакия подписала бы с Францией сепаратный гарантийный договор, договоренность о котором с Парижем уже была достигнута. Вместе с тем, министр иностранных дел не отстаивал одностороннюю ориентацию ЧСР на Францию. Из его выступления следовало, что чехословацкий МИД устанавливает контакты и идет на сближение с другими странами, как того требовали партнеры по коалиции. В частности, он отметил попытки вступить в прямые переговоры с Германией об арбитражном договоре. Бенеш указал, что он не согласен с предложением Берлина подписать арбитражный договор по образцу германо-финского, так как он охватывал ограниченный круг вопросов. Он намерен был предложить Германии подписать интегральный договор, который распространялся бы на все возможные споры. Бенеш подробно изложил министрам содержание этого договора, который должен быть связан с гарантийным пактом и остальными арбитражными договорами. Далее, когда в ходе дебатов было высказано опасение о грозившей ЧСР международной изоляции, Бенеш не согласился с этим утверждением и подчеркнул, что в ближайшее время встанет вопрос о признании СССР де-юре, и выразил надежду, что во внешней политике Чехословакии Советский Союз со временем займет такое же место, как Франция⁶⁷.

В результате обсуждения совет министров принял решение, что Чехословакия должна настаивать на том, чтобы арбитражный договор ЧСР с Германией был связан с Рейнским гарантийным пактом и другими арбитражными договорами и чтобы чехословацко-германский арбитражный договор имел интегральный характер, т.е. учитывал все возможные спорные вопросы, и был гарантирован Францией⁶⁸.

⁶⁷ NA. PMR. Karton 4382.

⁶⁸ Ibidem.

Как отмечает чешский историк Р. Бржах, целью чехословацкого правительства было не оставить ни одного исключения в обязательствах мирного решения споров и, таким образом, придать арбитражному договору, снабженному подходящей преамбулой, характер пакта о ненападении⁶⁹.

Предложения Праги принципиально расходились с намерениями германского правительства, не допускавшее никаких договоров, которые можно было бы интерпретировать, как повторное признание восточных границ. В инструкции правительства, которой должна была руководствоваться германская делегация на Локарнской конференции, подчеркивалось: «1) Необходимо добиваться такой редакции преамбулы Лондонского проекта и его постановлений относительно срока действия, которая исключала бы мысль об отказе Германии от германской территории и немецкого народа. 2) Арбитражные договоры с восточноевропейскими государствами следует сформулировать таким образом, чтобы вопросы о границах ни при каких обстоятельствах не попадали под обязательную процедуру арбитража. 3) Следует отвергнуть французскую гарантию восточноевропейских арбитражных договоров»⁷⁰. Германское правительство также не намерено было отказываться от своих условий о приеме в Лигу наций, в частности, не принимать на себя обязательства, вытекавшие из статьи 16 Устава Лиги. Кроме того, Германия требовала, чтобы до ее вступления в Лигу наций было «обеспечено серьезное рассмотрение проблемы всеобщего разоружения»⁷¹.

На поведение германской делегации на Локарнской конференции определенное влияние оказывало и давление со стороны Москвы. Поездка Г.В. Чичерина 27–29 сентября 1925 г. в Варшаву, проходившая в атмосфере подчеркнутой сердечности и торжественности, встречи советского наркома

⁶⁹ *Břach R.* Československo a Evropa v polovině dvacátých let. S. 305.

⁷⁰ Локарнская конференция 1925 г. С. 160. Док. 24.

⁷¹ Там же.

с президентом Польской республики С. Войцеховским, премьер-министром В. Грабским, маршалами сейма и сената М. Ратаем и В. Тромпчиньским, переговоры с А. Скиншиньским, в ходе которых речь шла о развитии советско-польских взаимоотношений, о их связи с советско-французскими отношениями, в частности о возможности создания франко-польско-советского пакта⁷², вызвали тревогу в Берлине. Хотя германская дипломатия и расценивала визит Чичерина в Польшу как демонстративный шаг с целью оказать давление на Берлин накануне Локарнской конференции⁷³, но вместе с тем, она вынуждена была считаться с возможностью СССР разыграть польскую и французскую карты и вместо рапальской советско-германской комбинации предложить другую — советско-польско-французскую⁷⁴. Поэтому, когда 30 сентября 1925 г. Г.В. Чичерин приехал в Берлин, он в тот же день был принят Г. Штреземаном, который пытался разубедить советского наркома в односторонней ориентации Германии на запад, в доказательство чего высказался за скорейшее подписание советско-германского торгового договора, откладывавшегося в течение нескольких месяцев⁷⁵.

1 октября 1925 г. Г.В. Чичерин был принят канцлером Г. Лютером, а 2 октября продолжил переговоры со Штреземаном. Советский нарком пытался удержать германских политиков от вовлечения Веймарской республики в блок западных держав, от вступления в Лигу наций. Штреземан заверил Чичерина, что «Германия ни в коем случае не вступит безоговорочно в Лигу наций»⁷⁶. «Лютер клялся и бо-

⁷² Подробнее см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 416–418. Док. 294; С. 418–420. Док. 295.

⁷³ Bundesarchiv. Berlin. Reichskanzlei R 43. Serie: Auswärtige Angelegenheiten (1919–1925). Polen. I/121. Bl. 280–283.

⁷⁴ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 242. Dok. 94.

⁷⁵ Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. М.: Наука, 2011. Т. 1. С. 637–638. Док. 302; *Břach R. Československo a Evropa v polovině dvacátých let*. S. 283.

⁷⁶ Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Т. 1. С. 638. Док. 302.

жился, — писал из Берлина советский нарком, — что будет тверд и что, в частности, не пойдет в Лигу наций без устранения для Германии статьи 16»⁷⁷. 6 октября, когда Лютер и Штресеман во главе германской делегации находились уже в Локарно, Г.В. Чичерин был принят президентом П. Гинденбургом. Учитывая расстановку сил на международной арене, Германия была вынуждена строить свою внешнюю политику с расчетом на сотрудничество с СССР⁷⁸. Германская дипломатия намерена была использовать «русскую карту» как «фактор давления» на западные державы⁷⁹.

На Локарнской конференции министров иностранных дел, начавшей работу 5 октября 1925 г., вопрос о статье 16 Устава Лиги наций и о ее применимости к Германии при вступлении в Лигу, стал одним из наиболее спорных. Союзники придавали вступлению Германии в Лигу наций исключительно большое значение. Как отметил О. Чемберлен, открывая 8 октября четвертое заседание конференции: «Нельзя рассматривать вопрос о заключении пакта (Рейнского пакта. — Н. С.) без одновременного вступления Германии в Лигу наций»⁸⁰. Г. Штресеман, не возражая против приема своей страны в Лигу, вместе с тем при обсуждении этого вопроса указал, что Германия в ее тогдашнем положении была не способна участвовать в санкциях Лиги наций, которые могли бы иметь место на основании статьи 16. Германия, по словам министра, вследствие разоружения не могла участвовать в прямых военных действиях. О косвенном военном участии также не могло быть и речи, так как в случае, если

⁷⁷ Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Т. 1. С. 636. Док. 301.

⁷⁸ См.: *Случ С.З.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // *Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995)* / под ред. Д. Проэктора, О. Прудкова, С. Случа, Й. Лёзера, Х.-А. Якобсена. М.: Гея, 1995. С. 47.

⁷⁹ *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М.: Наука, 2004. С. 172.

⁸⁰ Локарнская конференция 1925 г. С. 182–183. Док. 25.

бы Германия была вынуждена разрешить пропуск иностранных войск через свою территорию, возникли бы серьезные внутри- и внешнеполитические трудности, чреватые серьезными последствиями. Оставалось только рассчитывать на участие Германии в экономических санкциях Лиги наций, и Штресеман против этого не возражал. Но он сразу же указал на то, что в данном случае могли быть исключения. Штресеман предлагал предоставить возможность каждой стране в каждом отдельном случае самостоятельно определять размер участия в санкциях Лиги наций, а вопрос об участии Германии в действиях Лиги наций, вытекавших из статьи 16, отложить «до того времени, когда будет разработан какой-либо проект осуществления разоружения»⁸¹.

Французский и бельгийский министры иностранных дел возражали Штресеману и настаивали на вступлении Германии в Лигу наций со всеми правами и обязанностями, которые имел каждый ее член⁸². Их поддержал Чемберлен. Он заявил: «Лига наций должна считаться с военным, экономическим и географическим положением каждой страны, но ему кажется невозможным вступить в Лигу наций, претендовать на все предоставленные ею гарантии и одновременно уже заранее отказаться от любой прямой или косвенной помощи». По мнению британского министра, это привело бы к крушению Лиги наций⁸³. А. Бриан утверждал, что бездеятельность Германии могла бы сыграть на руку агрессору⁸⁴. На эти замечания Г. Лютер и Г. Штресеман отвечали, что Берлин никогда не имел желания отказаться от всякой помощи, речь лишь идет об определенном истолковании статьи 16 с учетом географического положения и разоруженного состояния Германии⁸⁵.

⁸¹ Локарнская конференция 1925 г. С. 185–186. Док. 25.

⁸² См.: Там же. С. 187–189.

⁸³ Там же. С. 191.

⁸⁴ Там же. С. 193.

⁸⁵ См.: Там же. С. 192–195.

После трудных переговоров союзники предложили Германии проект коллективного письма, дававшего толкование статьи 16 Устава Лиги наций: «Согласно этому толкованию, обязательства, вытекающие для членов Лиги из этой статьи, должны пониматься таким образом, что каждое государство — член Лиги наций обязано лояльно и эффективно способствовать соблюдению Устава и противодействовать всякому акту нападения в той мере, в какой это не было бы несоразмерно с его военным положением, и с учетом его географического положения»⁸⁶. Германская делегация вынуждена была согласиться с этой формулировкой, но Штресеман предупредил участников конференции, что добиться принятия ее в Германии будет чрезвычайно трудно⁸⁷. По предложению Чемберлена, коллективное письмо, разъяснявшее статью 16 Устава Лиги наций, прилагалось к заключительному протоколу Локарнской конференции⁸⁸.

Не менее острые споры на конференции развернулись и по вопросу о французских гарантиях арбитражных договоров Германии с восточноевропейскими странами, о связи между Рейнским гарантийным пактом и этими арбитражными договорами. На первом же заседании 5 октября Штресеман заявил, что вторая часть статьи 6 гарантийного пакта, касавшаяся восточных арбитражных договоров и предполагаемой гарантии, «не встретила одобрения со стороны германского правительства»⁸⁹. На последующих заседаниях германские делегаты утверждали, что заключение арбитражных договоров и вступление Германии в Лигу наций полностью решали проблемы безопасности Польши и Чехословакии⁹⁰. Они отвергали французские гарантии как излишние. Штресеман обвинял Бриана в неверии «в силу и

⁸⁶ Локарнская конференция 1925 г. С. 209. Док. 25.

⁸⁷ Там же. С. 201.

⁸⁸ Там же. С. 483, 484. Док. 30.

⁸⁹ Там же. С. 165. Док. 25.

⁹⁰ См.: Там же. С. 172–173.

авторитет Лиги наций». Но, тем не менее, Бриан настаивал на необходимости особой гарантии, так как, по его мнению, система безопасности была еще несовершенной. «Франция заключила соглашение с двумя государствами (Польшей и ЧСР. — *Н. С.*), и это ее связывает; она не может заявить о своей незаинтересованности после того, как она позаботилась о своей собственной безопасности, — говорил французский министр. — Все общественное мнение, без различия партий, восстало бы против этого»⁹¹. Однако Бриан готов был пойти навстречу Германии и «искать формулы, которые наилучшим образом соответствовали бы духу Лиги наций»⁹².

Поиски формул в конечном итоге завершились предложением экспертов-юристов вычеркнуть последнюю часть статьи 6, против принятия которой возражало германское правительство⁹³. Вместо нее эксперты рекомендовали расширить статью 2 гарантийного пакта, содержащую обязательства Германии и Франции, Германии и Бельгии «не предпринимать друг против друга какого бы то ни было нападения или вторжения и ни в коем случае не прибегать к войне друг против друга»⁹⁴. Однако это положение не применялось, когда речь шла: 1) об использовании права на законную оборону и при сосредоточении вооруженных сил в демилитаризованной зоне; 2) о действиях, предпринимаемых во исполнение статьи 16 Устава Лиги наций; 3) «о действии, предпринимаемом в силу решения Ассамблеи или Совета Лиги наций или во исполнение абзаца 7 статьи 15 Устава Лиги наций (когда Совет Лиги наций не мог прийти к единогласному решению. — *Н. С.*) при условии, что в последнем случае действие направлено против государства, которое первым совершило нападение»⁹⁵. Эксперты счита-

⁹¹ Локарнская конференция 1925 г. С. 172–173. Док. 25.

⁹² Там же. С. 173.

⁹³ Там же. С. 210–211.

⁹⁴ Там же. С. 485. Док. 30.

⁹⁵ Там же. С. 486.

ли, что в такой редакции статья 2 полностью обеспечивала «право Франции оказать в случае необходимости помощь Польше и Чехословакии»⁹⁶. Эта помощь могла быть оказана в соответствии с решением Лиги наций или «во исполнение абзаца 7 статьи 15 Устава Лиги наций». Предложение экспертов было одобрено на седьмом заседании конференции 13 октября всеми участниками конференции. Бриан, правда, заявил о своей согласии в принципе с оговоркой, что прежде, чем дать окончательный ответ, он должен спросить заинтересованные стороны, имея в виду представителей Польши и Чехословакии⁹⁷. Однако на большее Франция и ее восточноевропейские союзники не могли рассчитывать. Основные участники конференции отклонили французскую систему гарантий в том виде, как она была сформулирована во второй части статьи 6 в первоначальном проекте Рейнского пакта.

Э. Бенеш и А. Скшиньский не присутствовали на открытии и на первых заседаниях Локарнской конференции. Они должны были участвовать только в обсуждении арбитражных договоров, и Франция не советовала им приезжать раньше 8 или 9 октября. Но Бенеш уже 7 октября прибыл в Локарно. В тот же день он встретился с О. Чемберленом, А. Брианом и Ф. Бертело. От французских делегатов он получил протоколы первых двух заседаний, подробные сведения о ходе переговоров. Это дало возможность Бенешу быть в курсе всех обсуждавшихся на конференции и за кулисами вопросов и составить представление о позиции каждой делегации. Прежде всего он отметил, что Германия в принципе не отвергала идею гарантий восточных арбитражных договоров. Она была лишь против того, чтобы решения об их нарушении принимала Франция и не возражала бы, если бы эту роль исполнял Совет Лиги наций. Кроме того, Бенеш выяснил, что германская делегация намерена предложить

⁹⁶ Локарнская конференция 1925 г. С. 347. Док. 27.

⁹⁷ Там же. С. 211. Док. 25.

ЧСР подписать арбитражный договор, который предусматривал решение всех без исключения спорных вопросов и по своим масштабам и обязательствам выходил за пределы германо-финского. Это известие вселило в чехословацкого министра надежду, что ему удастся подписать с Германией интегральный договор⁹⁸. 10 октября 1925 г. Бенеш общал в Прагу, что на неофициальном уровне решен вопрос о французской гарантии. По его сведениям, она будет сформулирована в ином виде, чем предполагалось ранее. Но Франция сохранит за собой право вмешательства в соответствии со статьями 15 и 16 Устава Лиги наций. Бенеш считал, что для Чехословакии этого было бы вполне достаточно⁹⁹. Поэтому он согласился с новыми формулировками статей 2 и 6 Рейнского пакта относительно французских гарантий восточных арбитражных договоров, которые, как уже отмечалось выше, 13 октября 1925 г. на седьмом заседании предложили эксперты¹⁰⁰.

11 октября 1925 г. состоялась первая встреча Бенеша с Штресеманом. Министры обсудили достаточно широкий круг вопросов: вступление Германии в Лигу наций, отношения с СССР и Польшей, французские гарантии восточных договоров, чехословацко-германский арбитражный договор, положение судетских немцев в ЧСР. В отношении французских гарантий Штресеман заявил, что проблема уже решена и ему больше нечего добавить. Большая часть беседы была посвящена обсуждению арбитражного договора. Бенеш сообщил, что формула об арбитраже, содержащаяся в Рейнском пакте, которую одобрили Франция и Бельгия, вполне приемлема и для ЧСР. Кроме того, он предложил отразить в чехословацко-германском договоре обязательства, исключавшие войну между двумя государствами,

⁹⁸ Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 126–128; Beneš E. Cirkulární telegramy 1920–1935. S. 96. Dok. 87.

⁹⁹ Beneš E. Cirkulární telegramy 1920–1935. S. 97. Dok. 88.

¹⁰⁰ Ibid. S. 100. Dok. 90.

кроме случаев, предусмотренных французско-чехословацкой гарантией. Штреземан не возражал, хотя и отметил, что формула об арбитраже в Рейнском пакте не идеальна. Он предложил вопрос о чехословацко-германском договоре передать экспертам-юристам¹⁰¹. Но Бенеш, очевидно не полагаясь целиком на экспертов, в первой встрече экспертов Я. Крчмаржа и Ф. Гауса 12 октября 1925 г. принял личное участие. В результате этой встречи была достигнута договоренность, что чехословацко-германский арбитражный договор будет учитывать все возможные споры, и его содержание будет тождественно остальным арбитражным договорам¹⁰².

Во время беседы с Бенешем 11 октября Штреземан коснулся проблемы положения судетских немцев в ЧСР. Чехословацкий министр ответил, что это внутриполитический вопрос, и он не может быть предметом обсуждения между министрами иностранных дел. Штреземан согласился, что данная тема, действительно, не подходит для их переговоров, но отметил, что она не сходит со страниц германской печати¹⁰³.

После неудачной попытки Штреземана обсудить проблемы судетских немцев с чехословацким министром статс-секретарь МИД Германии Шуберт встретился с прибывшим в Локарно Крофтой, а затем и самим Бенешем и настоял на необходимости конфиденциального обмена мнениями по этому вопросу¹⁰⁴.

14 октября состоялись переговоры Э. Бенеша с Г. Лютером и Г. Штреземаном, в ходе которых обсуждались политические положения арбитражного договора. Было решено, что текст чехословацко-германского арбитражного договора будет идентичен германо-французскому и германо-бельгий-

¹⁰¹ Beneš E. Cirkulární telegramy 1920–1935. S. 98–99. Dok. 89.

¹⁰² Ibid. S. 100. Dok. 90.

¹⁰³ Ibid. S. 99. Dok. 89.

¹⁰⁴ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 381–382. Dok. 142.

скому арбитражным договорам. Но поскольку последние договоры были связаны с Рейнским гарантийным пактом, Бенеш, чтобы усилить значимость чехословацко-германского договора, предложил включить в преамбулу или в одну из статей обязательства, что стороны ни в коем случае не будут прибегать к войне друг с другом. Такое обязательство содержалось в статье 2 Рейнского пакта. Лютер и Штреземан это предложение отвергли, утверждая, что достаточно обязательства, что все споры должны решаться мирным путем. По мнению германской стороны, удовлетворение просьбы Бенеша означало бы, по существу, превращение арбитражного договора в Восточный гарантийный пакт, на заключение которого с Польшей Германия пойти не могла, а поэтому вынуждена была отказать и ЧСР. Во время встречи германские делегаты вновь подняли вопрос о судетских немцах. Бенеш, как и во время предыдущей беседы со Штреземаном, ответил, что этот вопрос является внутренним делом ЧСР и не может ими обсуждаться. Несмотря на то, что Бенеш фактически в ходе переговоров с Лютером и Штреземаном ничего не достиг, в донесении в Прагу он отмечал, что они имели «дружественный и корректный» характер¹⁰⁵.

На следующий день, 15 октября, после того, как союзники окончательно приняли текст Рейнского гарантийного пакта и приступили к обсуждению арбитражных договоров Германии с Францией и Бельгией, они пригласили к участию в заседаниях конференции Бенеша и Скшиньского. Прежде, чем последовало приглашение чехословацкой и польской делегации, Чемберлен встретился с Штреземаном и спросил, согласятся ли германские представители на участие Бенеша и Скшиньского в заседаниях, посвященных арбитражным договорам. Британский министр считал «желательным в известной мере облегчить положение» Бе-

¹⁰⁵ Beneš E. Cirkulární telegramy 1920–1935. S. 103–104. Dok. 92.

неша и Скшиньского. «Кроме того, — убеждал Чемберлен Штреземана, — арбитражные договоры связаны друг с другом, и было бы очень хорошо, чтобы Бенеш и Скшиньский заранее увидели, какова атмосфера в Локарно между главными государствами. Тогда принятие восточных договоров было бы ускорено». Штреземан согласился с предложением Чемберлена, поставив, однако, условие, что в коммюнике будет ясно указано, что чехословацкий и польский министры были приглашены на заседание, когда речь шла об обсуждении арбитражных договоров, поскольку «арбитражные договоры, подлежащие заключению с ними, носили такой же характер»¹⁰⁶. Впоследствии, вспоминая об этом эпизоде, Штреземан не без самодовольства говорил: «Господа Бенеш и Скшиньский были вынуждены сидеть в соседней комнате, ожидая, когда мы разрешим им войти. Вот положение государств, которых до сих пор так сильно баловали и возвышали, потому что они были слугами других, и которым в одно мгновение отказали в поддержке, когда стало ясно, что с Германией можно достичь соглашения»¹⁰⁷.

Когда 15 октября Бенеш и Скшиньский вошли в зал заседаний, Чемберлен объявил, что конференция приступает к обсуждению арбитражных договоров Германии с Францией и Бельгией. После одобрения этих документов участниками конференции Чемберлен попросил польского и чехословацкого министров иностранных дел сообщить о результатах их переговоров с Германией. Бенеш ответил, что в ходе бесед с Лютером и Штреземаном было решено, что германо-чехословацкий арбитражный договор будет идентичен германо-французскому. Отличаться они будут преамбулой, так как в германо-французском договоре была ссылка на Рейнский гарантийный пакт. Кроме того, юристы

¹⁰⁶ *Stresemann G. Vermächtnis. Bd. 2. S. 197; Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. I. London: Her Majesty's Stationery Office, 1986. Vol. 27. P. 874–875. Doc. 541.*

¹⁰⁷ *Stresemann G. Vermächtnis. Bd. 2. S. 243.*

должны были обсудить некоторые другие вопросы, но Бенеш считал, что в короткое время можно было бы договориться и на следующем заседании конференции одобрить германо-чехословацкий договор. Скшиньский сказал, что он находится в таком же положении, как и чехословацкий министр, и не предвидел никаких затруднений с заключением польско-германского договора¹⁰⁸.

16 октября 1925 г. в последний день работы Локарнской конференции были представлены на обсуждение и одобрены арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией. Первые двадцать статей каждого из этих договоров были тождественны соответствующим статьям германо-французского и германо-бельгийского арбитражным договорам. Отличался текст преамбулы: в арбитражных договорах Германии с Польшей и Чехословакией отсутствовала ссылка на Рейнский пакт, согласно которому стороны брали на себя обязательства сохранять территориальный статус-кво. Это означало, что Германия не принимала на себя в территориальном вопросе никаких обязательств и что предусмотренная Рейнским пактом система гарантий на восточные границы Германии не распространялась. В преамбуле чехословацко-германского договора, как отмечал в своем выступлении на Локарнской конференции Бенеш, были выражены мирные намерения, которые воодушевляли оба правительства, и устанавливалось, когда и в каком объеме должна применяться процедура арбитража¹⁰⁹. Кроме того, германо-чехословацкий и германо-польский арбитражные договоры содержали дополнительную статью (статья 21), которая гласила: «Настоящий договор, соответствующий Уставу Лиги наций, никоим образом не будет затрагивать права и обязанности высоких договаривающихся сторон как членов Лиги наций и не будет толковаться как

¹⁰⁸ Локарнская конференция 1925 г. С. 219. Док. 25; С. 359. Док. 27.

¹⁰⁹ Там же. С. 220. Док. 25.

ограничивающий миссию Лиги принимать меры для действительного обеспечения всеобщего мира»¹¹⁰. Включению этой статьи в текст германо-чехословацкого договора Бенеш придавал особое значение. Во-первых, он считал, что статья 21 предусматривает взаимные обязательства Германии и Чехословакии в соответствии со статьей 10 Устава Лиги наций сохранять современную территориальную целостность и политическую независимость. Во-вторых, по мнению Бенеша, статья 21 означала, что чехословацко-германский арбитражный договор не содержал ничего, что могло препятствовать ЧСР применить в отношении Германии действия в случае нарушения Рейнского пакта или германо-французского арбитражного договора в соответствии со статьями 16 или статьями 15 (абзац 7) и выполнить свои союзнические обязательства перед Францией¹¹¹. Другими словами, включение статьи 21 в чехословацко-германский арбитражный договор открывало путь для подписания гарантийного договора с Францией.

В тот же день, 16 октября, Бриан подписал гарантийные договоры с Чехословакией и Польшей. В преамбуле подчеркивалось, что Франция и ЧСР (Франция и Польша) «в равной степени озабоченные тем, чтобы предохранить Европу от войны путем добросовестного соблюдения обязательств, принятых сего дня в целях сохранения всеобщего мира, решили взаимно гарантировать себе вытекающую из них пользу с помощью договора, заключенного в рамках Устава Лиги наций, и существующих между ними договоров...»¹¹². Статья 1 предусматривала, что в случае невыполнения обязательств, принятых в соответствии с арбитражными договорами «между ними и Германией в целях сохранения всеобщего мира», и если такое невыполнение сопровождалось бы «неспровоцированным применением

¹¹⁰ Локарнская конференция 1925 г. С. 496. Док. 30.

¹¹¹ NA. PMR. Karton 4382. S. 2.

¹¹² Локарнская конференция 1925 г. С. 497. Док. 30.

оружия», Франция и Чехословакия (Франция и Польша) обязались «немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку» во исполнение статьи 16 или абзаца 7 статьи 15 Устава Лиги наций¹¹³. Статья 2 французско-чехословацкого гарантийного договора почти дословно повторяла статью 21 чехословацко-германского арбитражного договора: «Ничто в настоящем договоре не будет затрагивать права и обязанности высоких договаривающихся сторон как членов Лиги наций и не будет толковаться как ограничивающее миссию последней принимать меры для действенного обеспечения всеобщего мира»¹¹⁴.

Бриан добивался, чтобы в заключительном акте конференции была отмечена взаимная связь Рейнского гарантийного пакта и других Локарнских договоров с гарантийными договорами Франции с Чехословакией и Польшей. Очевидно, с этой целью во французские гарантийные договоры с этими государствами была включена статья о том, что документы об их ратификации будут сданы в Лигу наций в Женеве одновременно с документами о ратификации Рейнского гарантийного пакта и арбитражных договоров. «Он вступит в силу и будет действовать на тех же условиях, что и указанные договоры», — подчеркивалось в статье 4 договора¹¹⁵. Однако усилия Бриана встретили решительное противодействие со стороны германской делегации. В результате в заключительный акт Локарнской конференции было включено лишь упоминание о гарантийных договорах Франции с Чехословакией и Польшей¹¹⁶. Но оно не имело практического значения. «Оно не налагало на участников конференции дополнительных обязательств, — отмечал известный отечественный историк В.М. Турок, — и вообще не означало, что факт подписания соглашения во время

¹¹³ Локарнская конференция 1925 г. С. 497–498. Док. 30.

¹¹⁴ Там же. С. 498.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ См.: Там же. С. 483.

Локарнской конференции имеет отношение к системе Локарнских договоров»¹¹⁷. В заключительном протоколе перечислялись выработанные в ходе Локарнской конференции договоры и соглашения и указывалось на их взаимосвязь: договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией; арбитражные договоры Германии с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией. Эти акты были парафированы 16 октября и должны быть подписаны в Лондоне 1 декабря 1925 г.¹¹⁸ Гарантйные договоры Франции с Польшей и Чехословакией в этот перечень не вошли.

Основополагающим документом Локарнской конференции был договор о взаимных гарантиях между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Рейнский пакт). Страны-участницы индивидуально и коллективно гарантировали сохранение территориального статус-кво, нерушимость границ между Германией и Бельгией, Германией и Францией (ст. 1). Германия, с одной стороны, Бельгия и Франция — с другой, обязались не предпринимать друг против друга какого бы то ни было нападения, не прибегать к войне друг против друга, кроме особо оговоренных случаев: оборонительные действия, сосредоточение вооруженных сил в демилитаризованной зоне и действия, предусмотренные во исполнение статьи 16 и абзаца 7 статьи 15 Устава Лиги наций (ст. 2). Все спорные вопросы Германия и Франция, Германия и Бельгия обязывались решать мирным путем (ст. 3)¹¹⁹. Процедура их решения была подробно изложена в арбитражных договорах Германии с Бельгией и Францией¹²⁰. Гарантом Рейнского пакта выступали Великобритания и Италия.

Арбитражные договоры Германии с Чехословакией и Польшей, как отмечалось выше, не опирались на Рейнский

¹¹⁷ Турок В.М. Локарно. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 201.

¹¹⁸ Локарнская конференция 1925 г. С. 482–483. Док. 30.

¹¹⁹ Там же. С. 485–486.

¹²⁰ См.: Там же. С. 489–495.

пакт, и на них не распространялись гарантии Великобритании и Италии. Французские гарантии Германия, добившись их исключения из комплекса Локарнских соглашений, не принимала всерьез. На Вильгельмштрассе считали, что Локарнские соглашения существенно подрывали союзные отношения Франции с восточноевропейскими странами. Арбитражные договоры с Чехословакией и Польшей германская дипломатия рассматривала как обычные договоры без каких-либо гарантий границ. «В них не содержится какое-либо открытое или скрытое признание наших восточных границ, — подчеркивалось в телеграмме статс-секретаря Шуберта германскому послу в Москве Брокдорфу-Ранцау 23 октября 1925 г. — Одна из целей всей политики пактов, а именно различие между западными и восточными границами, таким образом, достигнута»¹²¹. Руководитель пресс-службы германского посольства в Праге И. Уржидил в разговоре с сотрудниками советского полпредства охарактеризовал арбитражные договоры Германии с ЧСР и Польшей как «незначительные, чисто формальные акты, которым не следует приписывать никакой роли». Вопросы о меньшинствах, о границах и др., поскольку они отражены в Версальском договоре не подлежали компетенции арбитражного договора, и, следовательно, в случае возникновения конфликтов по этим вопросам они требовали иных методов решения. Уржидил сообщил советским дипломатам, что ЧСР пыталась расширить арбитражный договор, но Германия дала ясно понять, что расширение договора означало бы включение в него вопроса о национальных меньшинствах. В итоге германо-чехословацкий договор распространялся только на второстепенные вопросы¹²².

¹²¹ Цит. по: Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М.: Международные отношения, 1974. С. 178.

¹²² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 10–11.

Министры иностранных дел ЧСР и Польши не могли не понимать несовершенства подписанных с ними арбитражных договоров. Штреземан вспоминал, что Скиншинский не мог скрыть своего волнения и сразу же после подписания Локарнских актов первым покинул зал. Чехословацкий министр вел себя иначе. Не добившись никаких результатов, рассказывал Штреземан, Бенеш делал вид, как будто чего-то достиг; он широко улыбался и, казалось, разделял всеобщее ликование¹²³. Германские дипломаты сомневались, что Бенеш и его окружение в действительности придавали арбитражному договору большое значение. В частности, Крофта в беседе с чехословацкими журналистами с большой сдержанностью и скептицизмом говорил о заключенном арбитражном договоре. Бенеш же раздувал его значение, по мнению германских дипломатов, исходя из сугубо агитационных соображений, принимая во внимание предстоявшие в ЧСР парламентские выборы¹²⁴.

Во время Локарнской конференции Бенеш внимательно следил за тем, чтобы информация о деятельности чехословацкой дипломатии подавалась в нужном ракурсе. Он лично каждый вечер диктовал телеграммы для ЧТК (Чехословацкого телеграфного агентства), составлял инструкции для отдела печати в МИД ЧСР, редакций журнала «Zahraniční politika» и газеты «Prager Presse»¹²⁵. Бенеш старался представить деятельность чехословацкой делегации в Локарно в самом выгодном свете. Он рекомендовал пресс-службе МИД постоянно подчеркивать, что переговоры ведутся с успехом для Франции и ЧСР¹²⁶, что Рейнский пакт представляет большое значение не только для безопасности Франции, но и Чехословакии и для обеспечения мира в Центральной Европе, что чехословацко-германский арби-

¹²³ *Stresemann G. Vermächtnis. Bd. 2. S. 234.*

¹²⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 10.

¹²⁵ Там же. Л. 4; Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 128, 136, 137.

¹²⁶ Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 128.

тражный договор имеет интегральный характер и исключает все возможные конфликты между двумя странами¹²⁷ и что, наконец, он является мощным ударом по судето-немецкому ирредентизму¹²⁸.

По завершении Локарнской конференции печать, близкая к чехословацкому министерству иностранных дел, очень оптимистически оценивала ее результаты и отмечала, что кампания против Бенеша, развязанная накануне конференции, потерпела полное фиаско¹²⁹. Выступая с отчетом о деятельности чехословацкой делегации в Локарно на заседании совета министров 28 октября 1925 г., Бенеш постарался нивелировать отличия «западных» и «восточных» арбитражных договоров, подчеркивая, что все девять дипломатических актов, подписанных в Локарно, составляли «неделимое политическое целое». Он игнорировал тот факт, что гарантийные договоры Франции с ЧСР и Польшей не вошли в комплекс Локарнских актов и доказывал обратное, якобы они тесно связаны друг с другом, будто гарантийные договоры Франции с ЧСР и Польшей дополняли Рейнский пакт и чехословацко-германский арбитражный договор и приближали Рейнский пакт к решению проблем безопасности Центральной Европы¹³⁰. Бенеш подчеркивал, что Германия, подписав Рейнский пакт и арбитражные договоры, тем самым снова подтвердила признание мирных договоров. Чехословацкий министр утверждал, что этим вновь была подтверждена независимость Австрии. Бенеш отметил, что германская делегация специально не поднимала вопрос о судетских немцах¹³¹. Он подробно прокомментировал статью 21 чехословацко-германского арбитражного договора, которая, по его мнению, предусматривала взаим-

¹²⁷ Edvard Beneš (diplomat na cestách). S. 136, 137.

¹²⁸ Ibid. S. 128.

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 2.

¹³⁰ NA. PMR. Karton 4382. S. 4–5.

¹³¹ Ibid. S. 5.

ные обязательства Германии и Чехословакии в соответствии со статьями 10 Устава Лиги наций сохранять современную территориальную целостность и политическую независимость. Кроме того, утверждал Бенеш, она предоставляла возможность Франции и ЧСР в случае нарушения Рейнского пакта или арбитражного договора предпринять по отношению к Германии действия в соответствии со статьями 16 или статьями 15 (абзац 7) Устава Лиги наций¹³².

Основные положения своего доклада на заседании совета министров Э. Бенеш развил, выступая 30 октября 1925 г. в постоянной комиссии Национального собрания ЧСР. Он вновь указал на взаимосвязь и неразделимость всех дипломатических актов, подписанных в Локарно¹³³, нивелировал различия между арбитражными договорами, заключенными Германией с Францией и Бельгией и с Чехословакией и Польшей¹³⁴, подчеркивая присущий им общий дух. Он утверждал, что Великобритания и Италия как гаранты Рейнского пакта обеспечивали «моральную гарантию» и чехословацко-германского договора¹³⁵. Комментируя содержание Рейнского пакта, Бенеш отметил, что он обеспечивал право Франции в случае необходимости оказывать помощь Чехословакии и Польши во исполнение статьи 15 (абзац 7) или статьи 16 Устава Лиги наций¹³⁶. Гарантийным договорам Франции с Чехословакией и Польшей Бенеш уделил особое внимание. Он отмечал их соответствие и взаимосвязь с Рейнским пактом, арбитражными договорами и Уставом Лиги наций. Бенеш подчеркивал: «Чехословацко-французский гарантийный договор являлся существенной составной частью локарнского процесса»¹³⁷. Бенеш

¹³² NA. PMR. Karton 4382. S. 2.

¹³³ *Beneš E. Boj o mír a bezpečnost státu*. S. 343.

¹³⁴ *Ibid.* S. 345.

¹³⁵ *Ibid.* S. 358.

¹³⁶ *Ibid.* S. 344.

¹³⁷ *Ibid.* S. 352.

пытался доказать, что Локарнские соглашения не нанесли ущерба чехословацко-французскому союзу. Он утверждал, что Чехословакия сделала все, чтобы сохранить прежние гарантии своей безопасности, и добилась «новых, прямых и косвенных гарантий, имеющих большое политическое значение»¹³⁸. Бенеш уверял, что обязательство «немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку», содержащееся в статье 1 чехословацко-французского гарантийного договора, означало, что такая помощь должна быть оказана «автоматически»¹³⁹. В действительности, французские гарантии в отношении Чехословакии и Польши усилены не были. Наоборот, они были ограничены и подчинены контролю Лиги наций. Франция больше не могла принимать срочное и одностороннее решение о помощи своим восточноевропейским союзникам. На это, в частности, обращал внимание французского правительства А. Бриан, когда разъяснял содержание гарантийных договоров с восточноевропейскими странами. Он говорил, что речь больше не могла идти о прежних союзнических отношениях. Франция имела право оказывать помощь только в рамках Устава Лиги наций. Причем она не могла предпринимать единоличные действия, а лишь совместно с другими членами Лиги наций¹⁴⁰.

Против чехословацкой интерпретации французских гарантийных договоров и Локарнских соглашений протестовала Германия. Статс-секретарь министерства иностранных дел К. Шуберт в телеграмме от 3 ноября 1925 г. обращал внимание В. Коха на ряд высказываний Э. Бенеша относительно возможности оказания Францией «немедленной» военной помощи Чехословакии, указывая, что это утверждение противоречило Рейнскому пакту, поскольку западная граница Германии находилась под контролем Великобритании как гаранта пакта. Шуберт возражал также против

¹³⁸ Beneš E. Boj o mír a bezpečnost státu. S. 357.

¹³⁹ Ibid. S. 351.

¹⁴⁰ См.: Břach R. Československo a Evropa v polovině dvacátých let. S. 322.

интерпретации Бенешем статьи 21 германо-чехословацкого арбитражного договора, когда тот ссылался на статью 10 Устава Лиги наций, гарантировавшую территориальную целостность и политическую независимость. Германский статс-секретарь считал, что статью 10 необходимо рассматривать в связи со статьей 19 Устава Лиги наций¹⁴¹, которая предусматривала возможность нового рассмотрения членами Лиги «договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»¹⁴². Впрочем, на Вильгельмштрассе понимали, что тональность выступлений Бенеша во многом определялась внутривнутриполитическими причинами, и он избрал такую интерпретацию Локарнских соглашений, которая была выгодна ему в борьбе «за свое существование»¹⁴³. Когда 7 ноября 1925 г. Бенеш встретился с Кохом, и германский посланник подчеркнул, что его правительство далеко от одобрения высказываний чехословацкого министра о подписанных в Локарно договорах, тот ответил, что ему с выступлениями Штреземана также трудно согласиться, но каждый из них вынужден был учитывать общественное настроение в своих странах и расстановку сил в законодательных органах, чтобы добиться одобрения Локарнских договоров¹⁴⁴.

Чехословакия пыталась избежать обострения отношений с Германией. Ощущая ослабление французской поддержки, ЧСР старалась наладить отношения с Веймарской республикой. Бенеш в своих выступлениях подчеркивал, что после Локарно чехословацко-германские отношения вступили в новую стадию, что Локарнские договоры полно-

¹⁴¹ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 530. Dok. 206.

¹⁴² Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. С. 12.

¹⁴³ ADAP. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. 14. S. 531. Dok. 206.

¹⁴⁴ Ibid. S. 531. Anm. 8.

стью соответствовали внешнеполитическим целям Праги, которая всегда подчеркивала необходимость достижения соглашения между Францией и Германией, благодаря чему «нам предоставлялась возможность как сохранить нашу преданность Франции, так и установить дружественные добрососедские отношения с Германией»¹⁴⁵. В течение семи лет, отмечал министр в парламентском экспозе 30 октября 1925 г., ЧСР проводила в отношении Германии такую политику, которая приблизила момент, наступивший в Локарно, когда между двумя странами без всяких препятствий, кризисов и жертв установились дружественные отношения. Бенеш выражал уверенность, что чехословацко-германский договор укрепит эти отношения на долгое время¹⁴⁶.

Германская дипломатия, как отмечалось выше, более сдержанно оценивала арбитражный договор с Чехословакией. Но, как считали в германском посольстве в Праге, договор мог «получить некоторое реальное значение» и отношения между ЧСР и Веймарской республикой могли углубиться в том случае, если бы чехословацкое правительство изменило свой политический курс в отношении судетских немцев¹⁴⁷. Руководство ЧСР сознавало необходимость этого шага, и уже накануне выборов в Национальное собрание осенью 1925 г. появились слухи о том, что началась подготовительная работа по созданию чехословацко-немецкой коалиции¹⁴⁸, что представители Союза сельских хозяев и Немецкой христианско-социальной народной партии выразили готовность войти в состав правительства ЧСР и вступили по этому поводу в неофициальные переговоры с Градом¹⁴⁹. Переговоры завершились в октябре 1926 г. соглашением о включении в состав правительства Швеглы

¹⁴⁵ Beneš E. Boj o mír a bezpečnost státu. S. 356.

¹⁴⁶ Ibid. S. 357.

¹⁴⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 11.

¹⁴⁸ Там же. Л. 17.

¹⁴⁹ Там же. Л. 25–26, 58.

двух министров-немцев: председатель Союза сельских хозяйев Ф. Шпина получил портфель министра общественных работ, а лидер Немецкой христианско-социальной народной партии Р. Майр-Хартинг — министра юстиции. Создание межнациональной правительственной коалиции должно было способствовать укреплению чехословацко-германских отношений, ознаменовать наступление периода сотрудничества и дружбы между двумя странами. Руководство ЧСР пыталось приспособить внутреннюю и внешнюю политики страны к новым международным реалиям.

КОРОЛЕВСТВО СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ В 1920-е ГОДЫ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СЕМЬИ И.Г. ГРИЦКАТ-РАДУЛОВИЧ

THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES IN THE 1920s: ACCORDING TO THE MEMORIES OF I.G. GRICKAT-RADULOVIĆ'S FAMILY

Аннотация. В статье рассматриваются представления о Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1920-е годы русских эмигрантов З.Г. Грицкат, Г.Г. Грицкат и частично их дочери И.Г. Грицкат-Радулович (родилась в Белграде в 1922 г.), которые нашли отражение в ее мемуарно-автобиографическом произведении «На зарубежной родине», где, наряду с прочим, рассказывается о государственном устройстве, городах, сельской местности и укладе жизни в некоторых частях Королевства СХС.

Ключевые слова: З.Г. Грицкат, Г.Г. Грицкат, И.Г. Грицкат-Радулович, российская/русская эмиграция, Сербия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, русско-сербские отношения, воспоминания.

Первая мировая война принесла большие перемены в жизнь славянских народов. Одним из ее результатов стало образование 1 декабря 1918 г. нового югославянского государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС¹), в которое вошли независимые до войны Сербия² и Черногория и находившиеся ранее в составе Австро-Венгрии югославянские земли: Хорватия и Славония, Словения, Далмация, Воеводина, Босния и Герцеговина.

¹ В 1918–1929 гг. — Королевство сербов, хорватов и словенцев, в 1929–1941 гг. — Королевство Югославия.

² В результате Балканских войн 1912–1913 гг. Королевство Сербия присоединило Косово и Метохию, Вардарскую Македонию и часть Рашки.

Судьбоносные события произошли и в Российской империи. Одним из значительных последствий революции и Гражданской войны в России стала российская эмиграция в Королевство СХС. Изменения в русско-сербских отношениях и российская/русская эмиграция в межвоенной Югославии являются темами, которые уже на протяжении ряда десятилетий вызывают повышенный исследовательский и общественный интерес³.

В числе источников по данной проблематике имеются многочисленные и разнообразные свидетельства русских эмигрантов и очевидцев из России о Королевстве СХС (Королевстве Югославия с 1929 г.) в межвоенный период, изу-

³ Общий обзор отечественных исследований по вопросам советско-югославских и русско-сербских отношений в межвоенный период уже делался нами. См.: *Лобачева Ю.В.* Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы. Историографический обзор // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII – XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 394–407.* В числе российских и сербских публикаций, увидевших свет позднее, назовем следующие: Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944) / *А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский.* Кн. 1–2. Белград: Архив Сербской Православной Церкви, Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава Йовановича Философского факультета Белградского университета; Москва: Институт славяноведения РАН, 2018; Столетие двух эмиграций. 1919–2019. Сборник статей / Ред. колл.: *А.Ю. Тимофеев (отв. ред.), А.А. Силкин, В.С. Путятин, М. Живанович.* М.: Институт славяноведения РАН, Белград: Информатика, 2019; *Никифоров К.В.* Особенности изучения русской эмиграции в Югославии // *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. М.: Индрик, 2021. С. 62–75; *Ганин А.В.* Свој међу туђима и туђ међу својима: судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд: Еволута, Центар за руске и источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета, 2021; *Кампе Л.* Руси у Котору између два рата. Београд: Руски научни институт, Информатика, 2022; *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Югославии: библиография: 1920–2023. Београд: Русский научный институт, Архив сербской православной церкви, Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета; Москва: Институт славяноведения РАН, Кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023; *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. Београд: МИА-принт, 2024. Т. 1–2; *Војиновић Ж.* Загранични Руси у Мачви: руске избеглице у Шапцу и Епархији шабачко-ваљевској. Београд: Архив Српске православне цркве, Руски научни институт, 2024 и др.

чение которых проливает свет как на особенности взаимовосприятия русских и сербов, так и на югославянские реалии тех лет⁴.

В данной статье речь пойдет о воспоминаниях потомка русских эмигрантов, известного сербского ученого-лингвиста Ирины Георгиевны Грицкат-Радулович (1922–2009)⁵. В частности, о том, как и каким в ее мемуарно-автобиографическом произведении, озаглавленном «На зарубежной родине»⁶, представлено югославянское государство в 1920-е годы.

⁴ См., например: Москва — Сербия, Белград — Россия: сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. = Москва — Србија, Београд — Русија: документи и материјали. Том 4. Руско-српски односи. 1917–1945. / авторы-составители / приређивачи Алексеј Тимофејев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. Београд: Архив Србије, М.: Главное архивное управление города Москвы, 2017 и др.

⁵ Подробнее об И.Г. Грицкат (в замужестве — Грицкат-Радулович) см., например: Ирена Грицкат-Радуловић // *Евстић М.* Са домаћим славистима. Прва књига. Београд: Завод за уџбенике, 1996. С. 232–248; *Арсенјев А.* Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. № 14. Земун: Књижевно друштво «Писмо», 2009. С. 136–144; *Јужнословенски филолог*. LXVI. У спомен на академика Ирону Грицкат. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010; *Марковић М.* Биобиблиографија академика Ироне Грицкат-Радуловић // Там же. С. 51–108; *Драгићевић Р.* Научни и уметнички кругови Ироне Грицкат // Кругови Ироне Грицкат: семантичко-граматичка истраживања савременог српског језика / уредник Рајна Драгићевић. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2020. С. 9–44; *Гортан-Премк Д., Драгићевић Р., Милановић А.* Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Живот и стваралаштво жена чланова Српског ученог друштва, Српске краљевске академије и Српске академије наука и уметности / гл. уред. Зоран Кнежевић, уред. Нада Милошевић-Ђорђевић. Т. II. Београд: Српска академија наука и уметности, 2022. С. 67–119 и др.

⁶ *Грицкат-Радуловић И.Г.* На зарубежной родине [Машинописная рукопись с авторской правкой в двух частях (1984 г., 555 л.). Из личного архива А.Б. Арсеньева (г. Нови-Сад, Сербия)]. Существует сокращенная автором версия воспоминаний (на сербском языке): *Грицкат И.* У лебдином ходу: сећања / Ирена Грицкат. Нови Сад: Матица српска, 1994. Фрагменты рукописи опубликованы нашими коллегами: *Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // *Славянский альманах* 2010. М.: Индрик, 2011. С. 419–461 [то же: *Грицкат-Радуловић И.Г.* На зарубежной родине // *Русские о Сербии и сербах*. Том II (архивные свидетельства) / сост., введ., закл. ст. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. М.: «Индрик», 2014. С. 511–550]; Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва — Сербия, Белград — Россия: сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / [комм. А.А. Силкина]. С. 197–220, 236–241.

Ранее мы уже обращались к истории семьи Грицкат и рассматривали некоторые аспекты русско-сербских отношений⁷. Основная идея работы заключалась тогда в том, чтобы взглянуть на отношения русских и сербов через историю семьи Грицкат в Королевстве СХС в начале 1920-х годов и показать, как в частной, повседневной жизни семьи Грицкат на личном уровне возникали и складывались отношения представителей двух стран и двух народов, когда один обрел на сербской/югославянской земле свое место, а другой получал новые силы и возможности для развития⁸.

В настоящей статье акцент сделан на освещении того, как родители Ирины Георгиевны Грицкат, Зинаида Григорьевна и Георгий Георгиевич Грицкат, эмигрировавшие в Королевство СХС в 1920 г., восприняли новую страну, и как это передано в ее воспоминаниях.

⁷ Лобачева Ю.В. К вопросу о русско-сербских отношениях в начале 1920-х годов. Из истории семьи И.Г. Грицкат-Радулович // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян. Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 475–501.

⁸ Стоит заметить, что проблема взаимовосприятия, взаимопредставлений в отношениях русских и сербов уже продолжительное время является объектом исследовательского интереса. См., например: *Јовановић М.* Слика «другог»: руске избеглице у земљама Балкана (1920–1940) // Годишњак за друштвену историју. Београд: Удружење за друштвену историју, 1998 (1999). Год. V. Свеска 1–3. С. 33–65; *Јовановић М.* «Руской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо»: образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // Чоловек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2011. С. 246–276; *Јовановић М.* Сербско-русские и русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурсов и восприятий // Историки-слависты МГУ: Кн. 9: В.А. Тесемников: Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 12–28; *Арсеньев А.Б.* Прибытие русских беженцев-эмигрантов в Королевство СХС: свидетельство // Столетие двух эмиграций. 1919–2019. Сборник статей. С. 115–146; *Силкин А.А.* Образ Белграда и Сербии в сочинениях русских эмигрантов // Славянские чтения: Сборник материалов международной конференции Института славянской культуры. Вып. 1 (VI). М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2019. С. 4–13; *Никифоров К.В.* Взгляд русских и сербов друг на друга // *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX — начало XXI в. С. 30–61 и др.

Приведем некоторые значимые факты о семье Грицкат. Зинаида Григорьевна Черникова (1889–1963) родилась и жила в Крыму (в Керчи)⁹, затем с матерью и отчимом переехала в Петербург¹⁰. В 1906 г. она окончила гимназию в Кронштадте, вслед за этим, после вынужденного возвращения в Крым, вновь приехала в Петербург и окончила там Консерваторию по классу фортепиано — обучалась в классе пианиста и педагога Алексея Фёдоровича Штейна (1870–1959). Во время учебы начала давать уроки фортепиано и аккомпанировать на концертах, потом недолго преподавала в Смольном институте благородных девиц. В годы учебы она познакомилась со своим будущим супругом — Георгием Георгиевичем Грицкатом (1887–1957).

Г.Г. Грицкат родился в Санкт-Петербурге¹¹, учился в русско-немецкой школе (гимназии) «Петришуле» (*St. Petri-Schule*). Продолжительное время воспитывался в доме военного и государственного деятеля Алексея Николаевича

⁹ Ее «бабушка и дедушка со стороны матери были крымскими купцами, разбогатевшими трудом и удачею», а сама Зинаида с ранних лет воспитывалась отчимом, о чем вспоминала так: «Мой папа умер, когда мне не было еще и двух лет <...>. <...> Папа Толя, отчим, которого я до четырнадцати лет считала настоящим отцом и любила в те годы больше всех на свете, был князем и графом: князь Анатолий Курцбах-Радзивилл, граф Рыбалто-Рыбалтовский. <...>» (*Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 17). Возможно, имеется в виду Анатолий Александрович Рыбалтовский (24.04.1868, Санкт-Петербург — 1936 (?), Ленинград); состоял в браке с Валентиной Илларионовной Черниковой (Рыбалтовской) (с 11 ноября 1892 г. по 22 января 1909 г.) (Многоязычное генеалогическое древо «Родовод»). URL: ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:596793 (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁰ «Мы сначала жили все вместе в Крыму, а потом Папу Толю — он был морским офицером — перевели в кронштадтский флот, и мы переехали в Петербург», — читаем в книге (*Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 18).

¹¹ «Родился он в семье скромного пекаря или содержателя мукомольного заведения <...>. Семейство отца было наполовину литовское, наполовину же состояло из обрусевших прибалтийских немцев. Детей было много, но первые поумирали в младенческом возрасте. Отец оказался самым младшим. Он лишился своего отца в возрасте всего лишь нескольких месяцев. Мать его была кроткой, безропотной женщиной, которую, вспоминая о ней с нежностью, он называл “Мамà”», — вспоминала Ирина Грицкат (Там же. Л. 9).

Куропаткина (1848–1925), военного министра Российской империи в 1898–1904 гг. Окончив гимназию, поступил в Институт инженеров путей сообщения. В студенческие годы «он давал частные уроки математики и некоторое время служил на резиновой фабрике “Треугольник”», а когда «выдержал выпускные испытания», «получил “право на чин коллежского секретаря”»¹². Почти одновременно завершив образование, летом 1914 г. будущие родители Ирины повенчались и даже побывали за границей¹³.

Во время Первой мировой войны Георгий Георгиевич служил, был награжден. Зинаиде Григорьевне «иногда удавалось находиться при муже», например, летом 1916 г.¹⁴, потом она опять жила одна — некоторое время в Петрограде, затем в Киеве¹⁵. Во время войны она продолжала музыкальную деятельность в Екатеринославе (ныне Днепр) и в Киеве¹⁶. Гражданская война застала супругов на Украине¹⁷, откуда они и эмигрировали в 1920 г.

Ирина Георгиевна Грицкат родилась в Белграде в 1922 г. Окончила Немецко-сербскую начальную школу, затем Вто-

¹² *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 16.

¹³ «Мой муж получил от Совета своего Института заграничную командировку в Германию, в награду за дипломный проект по гидротехнике, а также и для дальнейшей специализации. Мы это, конечно, решили превратить в свадебное путешествие», — вспоминала Зинаида Григорьевна. В путешествии и застало их известие об объявлении Германией войны России, преодолев препятствия, им удалось вернуться на родину: «Мы возвратились в Петербург, и моему Жоржу выдали из Канцелярии его Института бумагу о том, что прерванную им заграничную командировку разрешат ему продолжить по окончании военных действий» (Там же. Л. 22, 23). Этого, однако, не произошло.

Подробнее о жизни родителей Ирины Георгиевны до эмиграции см.: *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 9–27. Также см.: *Арсеньев А.* Ирена Грицкат-Радулович (1922–2009). С. 138–140; *Грицкат Зинаида Григорьевна (1889–1963) / Ирена Радулович-Грицкат и Аница Васић // Биографски речник.* Нови Сад: Матица српска, 2009. Књ. 3. С. 813.

¹⁴ Подробнее: *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 23–24.

¹⁵ Там же. Л. 24–25.

¹⁶ *Грицкат Зинаида Григорьевна (1889–1963).*

¹⁷ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 25–27.

рую государственную женскую гимназию и Философский факультет Белградского университета (группа сербскохорватского языка и южнославянских литератур). Работала в Институте сербскохорватского языка Сербской академии наук (с 1960 г. — Сербской академии наук и искусств (САНИ)), затем в Национальной библиотеке Сербии. Известна как лексикограф и историк сербскохорватского языка¹⁸, автор различных печатных работ, переводчик, редактор¹⁹.

О воспитании и образовании Ирины Георгиевны важно добавить, что родители не отдали ее «в русские школы: ни в приготовительную, ни в гимназию». «Отец говорил, — вспоминала она, — что для него сделался чуждым комплекс старинного этикета, молебнов, любительщины в преподавании балета, патриотического надрыва, культа березок. <...> Родители также говорили, что не хотят делать из меня эмигрантку второго поколения. <...>»²⁰. В то же время они передали дочери свой опыт жизни в России, русский язык и связь с русской культурой, корнями, родиной²¹. К примеру,

¹⁸ В 1978 г. избрана членом-корреспондентом, в 1985 г. — действительным членом САНИ. С 1983 г. — внешний член-корреспондент Словенской академии наук и искусств.

¹⁹ Подробнее см. сноску № 5.

²⁰ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 191.

²¹ Во «Вступлении» к книге И. Грицкат, в частности, пишет: «И в то же время, где-то внутри своего существа, я несу — неусыпно, неизменно — немеркнувшие дали моего отечества: запущенные сады над оврагами, гранитные берега Северной Пальмиры, курящиеся бураны, версты полосатые, скиты уральские... <...> Кажется мне, что каким-то образом я все еще принадлежу к усадьбам старых русских дворян, лежащим где-то в средней полосе России — но я в этом действительно не повинна» (Там же. Л. 4).

По всей видимости, супруги Грицкат (хоть и не считали себя беженцами), но, как и значительная часть представителей первой волны эмигрантов («старой эмиграции») и их потомков, «хранили свою “русскость”». Важнейшим ее элементом являлся русский язык, занимавший в жизни эмигрантов особое место («Это — родной язык. Это — семейные корни. Это — связь с родиной, ее культурой и историей»); особым было и их отношение к России (подробнее о первой волне эмиграции см.: *Земская Е.А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография* / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 2001. С. 36–38).

вот одно из ее воспоминаний о детстве: «Во всем воспитании и образовании, вообще во всем “становлении”, как это теперь говорят, а раньше не говорили — ненавязчиво, но неотъемлемо присутствовал еще один факт: мы живем в Сербии, но мы — русские. Почему — это другое дело, об этом будем думать позже. Все кругом было сербское: газеты, надписи, улицы, ученицы, соседка, хозяева, Святосаввский садик, Врнячка-Баня. И любимцы трамваи определенно были сербами, и сам Белград был сербом, его нельзя было мыслить иначе. А наша жизнь — это русский остров в сербском море. В какой-то самой зачаточной форме вырабатывалось чувство, что влюбляться можно только в сербское, как в более отдаленное от себя, более непохожее, более увлекательное. Но любить возможно одно лишь русское, как свое. Я знала уже русские песни и сказки, но не знала ни одной сербской; пела русский царский гимн, играла с русскими детьми, и те люди, которые являлись частью души — родители, Тетя²² Шура с дедом, Баба Тася, Галя, Петя — все это были русские люди, с которыми я слилась воедино»²³.

В книге И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» речь, в частности, идет о русской эмиграции в Югославии, в Белграде, о Сербии, Королевстве СХС/Югославия и сербах; жизни ее семьи²⁴. Как мы увидим, на представления и свидетельства о Королевстве СХС в той или иной мере оказали влияние отмеченные выше происхождение и жизненный опыт разных членов семьи.

Важно подчеркнуть высокий уровень саморефлексии автора, это касалось и написания книги. Ее наблюдения, изложенные в тексте, во многом способствуют пониманию переданного в воспоминаниях взгляда на мир.

²² Здесь и далее в цитатах сохранено авторское написание некоторых слов.

²³ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 107.

²⁴ Подробнее о рукописи и обстоятельствах ее создания см., например: *Лобачева Ю.В.* К вопросу о русско-сербских отношениях... С. 476–482. Также см.: *Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!»... С. 419–423.

Некоторые стилистические и содержательные особенности повествования, объясняются, в частности, намерением автора «передать себя». «Однако я не стараюсь передать лишь то, что было, — писала И.Г. Грицкат. — Я стремлюсь передать себя, исключительно для своего удовольствия — а другой вопрос, удастся ли это. “Себя” — это значит маленький личный кусочек России в душе, среди белградской жизни, канцелярщины, Академии наук, сербохорватистики, поездок по югославским дорогам; “себя” — это в данном случае значит русифицирование той окраски, тех привкусов и призвуков, которые остались от прожитого. <...>»²⁵. В этом подходе, как нам представляется, нашло выражение и приращение части эмигрантов первого поколения и их потомков стремление сохранить свою «русскость», связь с Россией.

Еще одно важное наблюдение автора — о том, как осознавалось проживаемое и воплощалось затем в книге: «Занимаюсь я тем, что воспроизвожу прежние воспроизведения. Необходимо сразу пояснить. Ведь я наверное²⁶ знаю, что, переживая, скажем, еще в детстве мою любимую горную природу, я тем самым уже подражала ранее пережитым стихам Лермонтова, которые мой отец, направляя бритву на истертом ремне с рукояткой, полузадумчиво-полушутливо декламировал по утрам, пока я нежилась в своей детской постели:

И над вершинами Кавказа
изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
снегами вечными сиял...

Где-то в окрестностях маленькой словенской Добрны я видела картины Шишкина, Поленова, знакомые мне по дешевенькой русской хрестоматии; бродя по холмистым окрестностям сербского местечка Александроваца, я как

²⁵ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 6.

²⁶ Здесь в значении «несомненно, точно, верно» (устар.).

бы играла душевно в прогулку по тургеневским местам, по Бежину Лугу. Спустя же некоторое время я все воспроизводила в обратном порядке: описывала уже настоящую Словению, но с налетом лермонтовских настроений — благодаря наличию их у себя, — или же строчила задушевные рассказы про мой детский Александровац, слегка овеивая их деревенским запахом Орловской губернии. Югославия и Россия!»²⁷.

В основу той части книги, где говорится о жизни родителей в Российской империи и первых годах в Королевстве СХС, легли запомненные Ириной их впечатления и рассказы/воспоминания, дневник матери и некоторые семейные документы. «Я попытаюсь рассказать о начале их югославской жизни главным образом со слов моей матери и по ее дневнику», — писала она²⁸.

Родители Ирины определяли себя как «идеологических», «политических» эмигрантов («они называли себя именно эмигрантами, а не беженцами») и «пролетариев» («они уже на своей родине добывали кусок хлеба собственным трудом»). Они довольно быстро — как следует из книги — в какой-то мере освоились в новой среде²⁹, вернулись к работе по профессии («по своему призванию»), впоследствии много в этом преуспев, выучили сербский язык. По словам дочери, «мать сравнительно быстро сделалась настоящей сербской и югославской патриоткой, и поэтому стиль ее рассказов, который я улавливала, подрастая, был отнюдь не беженский»³⁰.

²⁷ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 30.

²⁹ Имелись, конечно, и сложности, и остается открытым вопрос о степени их адаптации и интеграции в новое общество. Неслучайно, Ирине запомнилась обособленность их жизни, как на «собственном берегу»: «Однако, несмотря на винты и иные приходы и сидения многочисленных гостей, запомнилось чувство нашего житья на каком-то собственном берегу, запомнилось наблюдательское отношение к окружающей нас жизни. Моим родителям был до того чужд малейший намек на гуртовое начало, что они никак не могли полностью включиться ни в эмигрантскую среду, ни в сербскую, ни в правые, ни в левые течения. <...>» (Там же. Л. 112).

³⁰ Там же. Л. 30.

Со временем новая страна стала для четы Грицкат любимой, а их взгляды и настроения относительно политики и истории совпадали с взглядами белградской интеллигенции, в кругах которой они вращались. «Родители любили югославскую королевскую семью — хоть и не так уж пламенно, как некоторые другие русские, без экзальтаций», — читаем в тексте³¹. И ниже: «Самыми верноподданическими чувствами из нас троих отличалась, конечно, я»³². Добавим, что в 1930 г. всеми членами семьи было получено гражданство Королевства Югославия³³.

Вместе с этим на восприятие сербского/югославянского — отразившееся затем и в тексте — накладывал отпечаток предшествующий опыт жизни четы Грицкат в России, в столице, в частности; в чем-то они продолжали мыслить и действовать как граждане — хоть и бывшие — Российской империи, принадлежащие к русскому народу. Именно этим, на наш взгляд, объясняется наличие в приводимых свидетельствах некоторых черт, свойственных наблюдениям российских очевидцев, побывавших в Сербии в XIX в.

Зинаида Грицкат эвакуировалась из Новороссийска в конце февраля 1920 г. и первой оказалась в новой стране, Георгий уехал следом, какое-то время находился в Константинополе. Встретились они 10 июля 1920 г. в Белграде.

Свидетельства о Королевстве СХС начинаются с Сербии (т.е. сербской его части)³⁴ — с описания Куманово, куда приехала Зинаида вместе с другими эмигрантами весной 1920 г. Говорится, что они попали «в захолустье Куманово, в тогдашнюю так называемую Южную Сербию»³⁵. Они оказались

³¹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 343.

³² Там же. Л. 344.

³³ В архиве семьи Грицкат имеется соответствующий документ [Из личного архива А.Б. Арсеньева].

³⁴ Частично они рассмотрены ранее: *Лобачева Ю.В.* К вопросу о русско-сербских отношениях... С. 482–494.

³⁵ Вардарская Македония, Косово и Метохия и часть Рашки вошли в состав Сербии в результате Балканских войн 1912–1913 гг.

вдруг в тихой стране тополей и каменных оград, голубятен и мечетей. Настроение здесь было мирное. Прозрачные полуречки-полуручьи пролегали под двускатными мостиками, и местные жительницы с лебедеобразными кувшинами картинно спускались за водой. Кое-где, в особенности на железнодорожной станции, еще были заметны следы военного разгрома, расписание поездов не было установлено. Совсем недавно в этих краях шли бои минувшей войны, небывалой по своему охвату <...>³⁶. Как видим, в облике нового места было отмечено «мирное» и восточное, а также последствия войны (которые, как известно, были более тяжелыми для Сербии и Черногории, чем для других югославянских областей).

Восточные черты присутствуют и в описании встретивших их на вокзале людей (а заканчивается оно так: «Боже, боже, куда нас занесло! — всхлипывали молодые русские женщины»). А также в рассказе об укладе жизни семьи, в доме которой поселили Зинаиду Грицкат и ее подругу. А именно: «<...> в хороших семействах, к каковым принадлежало семейство хозяев, жили по-гаремному, хотя и в единобрачии, так как были христианами. Женщины, то есть жена, незамужние сестры, дочери, бабка, прислужницы, почти не выходили из дому и весь день просиживали на низких лавочках, греясь у мангала, или, сидя на корточках, кипятили воду для черного кофе, жарили еду, разваривали овечьи ноги. Муж в большинстве случаев ходил сам на рынок, присутствовал при торгачинах, он же заведовал погребом, где хранились запасы, выдавал харчи на день, принося из подвала то что-то длинное и кровавое, то миску риса, то фасоль. Единственным дозволенным развлечением вне дома являлась для женщин баня, куда они ходили в определенные дни целыми родовыми общинами, как древние римлянки в термы, и где сиживали часами, беседуя и парясь»³⁷.

³⁶ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 31.

³⁷ Там же. Л. 34.

Далее была описана «мусульманская свадьба», и при этом зафиксировано такое переживание Зинаиды Григорьевны: «Моя мать почувствовала себя так, словно переехала из своей северной российской столицы не в более западное по меридианам государство, а куда-то в обратную сторону, далеко и глубоко в “степи Средней Азии”, воспетые Бородиным»³⁸. Здесь проступают уже характерные для описаний Балкан/Сербии российскими очевидцами XIX в. сравнение и противопоставление условных Запада и Востока, (европейского) центра и (неевропейской) окраины³⁹.

Наряду с этим, узнавались и другие стороны югославянской, сербский действительности, о которой постепенно складывалось и более полное впечатление. В подтверждение приведем фрагмент из рассказа о приеме русских гостей у «местного прокурора, милого человека»: «Хозяева приняли гостей чрезвычайно радушно. <...> Тут же при всех, чтобы гости были убеждены в его свежести, кофе варили и потом подавали в крошечных чашечках на узорчатом подносе. До того, как подать кофе, русских дам угостили вареньем. В вазочке лежали засахаренные куски арбузных корок, нечто незнакомое и до того восхитительное, что мать, ложку за ложкой, съела целую вазочку. Подобрал слова высшей деликатности, хозяева объяснили, что по сербскому образу действий надо взять один только раз, а затем отпить воды. Мать говорила, что потом не удивлялась больше ни величине кофейного прибора, ни откушиванию варенья. Она вспоминала русские самовары, русские варенья и потенья при чаепитиях и решила, что масштабы страны отражаются в масштабах гостеприимствования. А затем сообразила, что была неправа: упомянутые кулинарные ухищрения хоть и

³⁸ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 34.

³⁹ Позже, но будучи еще в Куманово, рассказывая мужу в письме о Сербии, она, помимо прочего, восклицала: «А сколько интересного, сколько экзотики вокруг! Мне понадобится много дней, чтобы все тебе рассказать...» (Там же. Л. 42).

подавались в малых дозах, зато ежедневной, вкусной и жирной пищей в некоторых сербских домах угощали ее до паморочного (т.е. обморочного. — Ю. Л.) состояния»⁴⁰. Кстати сказать, прокурор с супругой стали одними из первых друзей Зинаиды Грицкат среди сербов, отношения с которыми были продолжены и в Белграде⁴¹.

Добавим, что свидетельства о городском пространстве Куманово содержали описания дома, где жили Зинаида и ее подруга («лучший дом»: «двухэтажное многоугольное здание посреди широкого двора»), а также «турецкой бани»; упоминание «длинной и извилистой» мостовой, булыжной мостовой, «по которой бегали не виданные ими раньше египетские голуби»⁴².

Также рассказывалось, как Зинаида сидела с новым кумановским знакомым, «преподавателем словесности» (который «был в высшей степени культурным человеком и удовлетворял даже петербургским вкусам»; впоследствии он тоже стал «белградским жителем» и другом семьи), «в “кафане”, или в кофейне, если слово перевести буквально, иначе же выражаясь, в кабаке». Детально представлен сам «кабак», который «имел снаружи вид двухсотлетнего турецкого строения» и походил «на угловатый каменный шатер», и, среди прочего, упомянуто, что «женщин, понятно, не было»⁴³. Интересно, что в продолжение этого эпизода знакомый, рассказывая ей о сербах и их участии в Первой мировой войне, назвал ее «благожелательной иностранкой»⁴⁴. Вероятно, так она сама себя и ощущала. А в какой-то момент возникало

⁴⁰ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 35.

⁴¹ «Несмотря на конфуз с вареньем и с расстройством, — читаем в книге, — они сразу очень понравились друг другу. Мать уже тогда сговорила с этой четой, что если все окончится благополучно и поскольку она со своим мужем останется жить в Сербии, то прокурор сделает крестным отцом ее ребенка. Этот договор был позже соблюден» (Там же).

⁴² Там же. Л. 33–34.

⁴³ Там же. Л. 37.

⁴⁴ Там же. Л. 38.

искреннее удивление при мысли о возможной будущей здесь жизни: «Господи, неужели в этой стране, в какой-то помеси Туркестана, Спарты и Берендеева царства, она отныне будет жить, если русская смута скоро не окончится!»⁴⁵. В числе прочего этот знакомый высказал такую мысль: «От турков мы унаследовали живописные национальные костюмы, много обычаев, много красивых напевов. В итоге всех итогов, об их господстве говорят теперь уже с меньшей горечью, чем о разных пакостях европейских соседей. Воображаю, что бы случилось с сербами, если бы их держали пятьсот лет в своей власти немцы! <...>»⁴⁶. (Последнее, возможно, является уже более поздним рассуждением самого автора и подчеркивает относительность каких-либо оценок).

Разумеется, все не было однозначно: на восприятие Зинаидой Грицкат нового и отношение к нему влиял как ее предыдущий жизненный опыт, так и обретаемый уже в этой стране. О завершении ее пребывания в Куманово, в частности, читаем: «Благодаря очень удачному стечению обстоятельств в Куманово — благодаря незатейливому прокурору, редко умному преподавателю словесности и забавному политику — моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах. Она подружилась с первыми знакомыми за рубежом так, как можно подружиться на даче с симпатичным соседом, с крестьянином, с продавцом: наблюдательно, отбрасывая пока все сравнения или оставляя их про себя. А кроме того — Восток не был ей чужд. Рожденная в Крыму, она особенно и не любила промозглого Петербурга, в котором потом жила, с его тонкими насмешками, баронами и туманами. Из музыки она, между прочим, очень любила Бородина, а из всей скульптуры больше всего — скифских каменных баб. Одно ведь было любить покинутую

⁴⁵ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 39.

⁴⁶ Там же. Л. 40.

родину, а другое — под звуки македонской музыки отдавать легкую дань тому заумному, что она не раз объясняла следующими словами: “Я не была русской в прошлом своем воплощении; я была скифкой”. <...>⁴⁷.

Следующим местом, где оказалась Зинаида Григорьевна и где впоследствии решили «осесть» супруги Грицкат, был Белград. Подробных свидетельств и зарисовок о нем в книге довольно много, некоторые, относящиеся к началу 1920-х годов, перекликаются с более ранними описаниями Белграда российскими очевидцами, и это не кажется удивительным еще и потому, что в столице (как и в довоенное время) старое соседствовало с новым, традиционное — с современным⁴⁸.

При описании Белграда также возникали сравнения. О Белграде в 1920 г. читаем: «Там оставался Петербург, царственный город с гранитными берегами, с концертами в Павловске, с поездками на Острова. А здесь был Белград. Правда, и тут существовала главная улица. По ней постукивал и звонил коренастый трамвайчик, с остановками почти что на каждом углу. <...> По сторонам росли платаны, образуя тень над всей мостовой. <...> Были тут выгнутые фонарные столбы, близко друг к другу поставленные посередине улицы, а кое-где выступали из фасадов электрические фонари на кованых крючках. Были и немощенные поперечные улочки, уходящие в глухую зелень; были одноэтажные дома с выпирающими через полтротуара входными ступеньками, деревянные вывески и тысячи грачей на каштанах и тополях»⁴⁹.

⁴⁷ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 43.

⁴⁸ Свидетельства российский очевидцев о Сербии и Белграде в последней трети XIX — начале XX в. см., например: Русские о Сербии и сербах. Т. I: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетей, 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II; Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского) [/ сост., введ. А.Л. Шемякина; комм. А.Л. Шемякина, А.А. Силкина; подг. к изд. М.В. Лескинен, Ю.В. Лобачевой, Н.С. Гусева; ред. Л.А. Авакова]. СПб.; М.: Нестор-История, 2019.

⁴⁹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 44.

Далее шла такая зарисовка: «Повсюду можно было видеть пивные и шашлычные заведения, разные лавчонки, духаны и шинки, иногда просто с углублениями без стекол, вместо витрин, где действовала жаровня, или же сидел сам хозяин рядом со своими товарами, скрестив ноги и держа чубук в зубах. А чего только не было по длинным окраинам, не тронутым еще надвинувшейся вплотную Европой! <...>»⁵⁰.

Или другая, запечатлевшая соседство старого и нового: «Надписи на вывесках, или же просто на штукатурке, нередко бывали выведены неумело, так сказать, от руки. Для безграмотных многое пояснялось натурально <...>. Кофейни и кабаки назывались своеобразно: “Три мужика”, “Три шляпы”, “Два оленя”, “Семь извозчиков”, “Два пня”. При кофейнях имелись прохладные садики, в которых остроусые белградцы просиживали часами, споря о политике, кушая крепко и жирно, под расхлябанную музыку пары цыган. Несмотря на все сказанное, одна из улиц называлась “Князя Милоша Великого”, и тогдашний престарелый король был удостоен титула Петра Великого Освободителя. Сербский Петр не отставал от русского Петра, рубившего окно. Он ведь тоже прорубал своего рода югославское окно»⁵¹.

Находим в воспоминаниях и описание обстановки посещаемых Грицкатами сербских домов: «Скромные сербские дома, которые начала посещать моя чета, в большинстве случаев отличались щемящей чистотой, а убранство комнат было у всех трафаретное. В помещениях, выбеленных просто, в лучшем случае с чертой, проведенной под потолком, стояла более чем обыкновенная мебель. Так рисуют обстановку, когда хотят абстрагировать ее до самого голого понятия. На квадратных столах, иногда даже на стульях, напоминающих прямоугольники из учебных книжек, над кухонными плитами и рукомойниками, и вообще везде, где

⁵⁰ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 44.

⁵¹ Там же. Л. 45.

глаз хозяйки требовал восполнения пустоты (*horror vacui*), красовались безукоризненно выгуженные домашние рукоделия: букет синих роз, или девушка, протягивающая безбровым мужчинам ковш с водой, которая уже льется; или же радостная кухарка размешивает еду на печи. У супругов бывали обязательные двуспальные кровати, часто с одной длинной поперечной подушкой-колбасой (симвом брачной сплоченности) и с массой других подушек, лохматых, рытых, шелковых или кружевных. Над кроватями висели выцветшие фотографии со свадьбы, икона святого, покровителя мужниной семьи, иногда кустарно раскрашенный вид Белграда, Ниша или Врнячка-Бани, маркиз с маркизой, ужасающие турки... На бельевых шкафах и на поставцах⁵² стояли маринады, приготовленные взапас варенья, или же просто сырые яблоки и айва, чтобы в комнате пахло повкуснее. Хозяйка расставляла графины и рюмки в наивной симметрии на каком-нибудь комодe, тогда как уголок мужа бывал представлен старинным ружьем, эпическим пистолетом или двумя скрещенными кинжалами»⁵³.

В рассказах о Белграде начала 1920-х годов упоминались ситуации, показывающие статус женщины в традиционном (патриархальном) сербском обществе. В письме подруге Зинаида Грицкат отметила, в частности, и такую черту местной жизни: «Времени здесь не умеют экономить: знать, много его»⁵⁴. Подобное отношение ко времени свойственно традиционному и восточному мироощущению.

Обратим внимание на то, что мать и дочь Грицкат нередко употребляют в рассказе топоним *Сербия*, хотя формально это уже Королевство СХС. С одной стороны, они подразумевают «историческую» область в новом государстве, а с другой, вероятно — передают этим и некоторые неформальные

⁵² Поставец — род небольшого шкафа с полками для посуды (устар.); подсобный столик (устар.).

⁵³ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 46.

⁵⁴ Там же. Л. 54.

свойства реальности сербов. На них уже обратил внимание А.Л. Шемякин, детально изучивший историю Сербии в годы ее независимости (1878–1918 гг.): «Сербия (пусть и ставшая частью единого югославянского государства) в начале 1920-х гг. оставалась *тем же самым*, чем была и в эпоху независимости. Интеграция никак еще не повлияла на сербов: “Соединившиеся в одном Королевстве народы не знали толком своих новых соотечественников и их краев”. <...> Сербская среда и после мировой войны оставалась статичной и патриархальной — ведь даже белградские окраины “не были еще затронуты надвинувшейся вплотную Европой”!»⁵⁵.

С другой стороны, в Белграде традиция уже соседствовала с нововведениями, а развитие Сербии шло вперед. В немалой степени и благодаря русским эмигрантам — в области культуры, в частности (об этом говорится в воспоминаниях). «<...> Но необходимо сразу же подчеркнуть, — писала Ирина Грицкат, — что литературный, музыкальный и всякий иной духовный рост продвигался в Сербии исключительно быстро. Об этом свидетельствовали последовавшие тридцатые годы. Многие из русских оставались недоучками и любителями, в то время как сербы держали равнение на западноевропейский прогресс. <...>»⁵⁶.

Со временем супруги побывали или находились более продолжительно и в других местах Сербии, о чем сохранились свидетельства. Приведем для примера два. Так, первая (инженерная) работа Георгия Георгиевича была за городом Голубац (восточная Сербия), где прокладывали дорогу; прибыв в сам город, он писал жене: «Прибыли-с в дерев-

⁵⁵ Шемякин А.Л., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!»... С. 420. Подробнее о Сербии в период независимости см., например: Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 169–260.

⁵⁶ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 53.

ню к тетке, в глушь, в Саратов. Пока остановился в отеле, шикарнейшее заведение в городе-селе. Плачу шесть динар в день за мышеловку с кроватью и вешалкой (очевидно, чтобы было на чем повеситься с тоски). Больше нет ничего, даже стула нет, да его и негде было бы поставить. Щель под дверь такая, что можно выйти из комнаты, не открывая двери»⁵⁷. А в следующем письме о городе и окрестных пунктах, в частности, говорилось: «Вечерами сидим в небольшом парке на берегу Дуная, виды красивые. Но лучше всего на работах — это ежедневный пикник у подошвы диких скал, просто ряд декораций к “Гибели богов”». И далее: «<...> между городком Голубац и “Брынницей” и Доброй, куда мы изыскиваем путь, нет, можно сказать, даже пешего сообщения, а только по Дунаю ладьей, да и то не всегда, так как в теснине весьма часты сильные ветры... <...>»⁵⁸.

Летом 1923 г. мать и дочь Грицкат побывали на курорте во Врнячка-Бане (юго-восточная Сербия)⁵⁹. Однако подробные воспоминания относятся ко второму пребыванию там, теперь уже всей семьи, в 1925 г. К примеру, одно из впечатлений об этом месте: «В те времена курорт был не особенно холеным. В парке красовались большие выпуклые клумбы; в скромненькой ротонде играла музыка. <...> Так называемые больные — собственно говоря, дачники — бродили со стаканами, висевшими в плетеных футляриках. Сербь, жители маленьких городков и захолустий, приезжали сюда со своими кастрюлями и, пользуясь дешевизной, заготавливали на зиму продукты. <...> В Бане было множество фотографов, и гости беспрестанно снимались»⁶⁰.

Нужно сказать, что в тексте нашла отражение действительно имевшая место неравномерность развития как разных мест в сербской части страны, так и различных

⁵⁷ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 46–47.

⁵⁸ Там же. Л. 47.

⁵⁹ Там же. Л. 57.

⁶⁰ Там же. Л. 69.

«исторических» областей в составе Королевства СХС. Для иллюстрации вернемся к рассказам «на сербские темы» знакомого Зинаиды Грицкат в Куманово (1920 г.). «Вы не пугайтесь, *madame*, — говорил рассудительный знакомый. — Вот, переедете в Белград и убедитесь, что сербская интеллигенция совсем не такая отсталая. Есть такие, которые учились за границей, в Граце, в Праге, в Париже, а недавно многие побывали во Франции, в собственной, правда, недолгой эмиграции. Образованные люди говорят здесь и по-русски, так как в наших гимназиях преподавали до войны русский язык; не знаю, как будет дальше. <...> То, что вы видите тут (в Куманово. — Ю. Л.), — это отсталая часть, присоединенная к Сербии лишь перед европейской войной. А страна наша расширилась теперь и к северу, и к западу и приняла в себя вполне цивилизованные и очень плодородные области (Воеводину, Хорватию и Славонию, словенские земли. — Ю. Л.)»⁶¹. Заметим, что взгляд на предполагаемое единое югославянское государство как на расширенную Сербию существовал у сербских политиков еще в годы Первой мировой войны.

Наряду с сербской частью Королевства СХС, семьей Грицкат постепенно узнавались и другие его части; этому много способствовали любознательность Зинаиды Григорьевны и желание познакомиться со страной. Сохранились воспоминания об отдельных местах в югославянских областях, являвшихся ранее частью Австро-Венгрии, которые помогают составить некоторое представление и о Королевстве в целом. Первым был упомянут Земун — бывший пограничный город Австро-Венгрии, в 1918 г. стал частью Королевства СХС, в 1934 г. — одним из районов Белграда.

Он описывался так: «Стоило переехать через Саву на косотрубном пароходике, в городишко Земун, начавший теперь играть роль белградского предместья, и путешественник по-

⁶¹ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 37.

падал в иное царство. Тут были длиннющие улицы, как проселочные дороги, неприглядные и вымершие, с однотонной повторностью наглухо закрытых домов бледноземляничного или бледнорезедового цвета. Посреди улиц шагали стаи гусей, а проходили и местные жительницы в платьях средневропейского покроя с конца прошлого века. На дымовых трубах гнездились аисты, которых никогда не видели в Белграде. Аисты принадлежали, так сказать, к австро-венгерским традициям. Мужчины с котелками на головах выпивали, но не ругались, а чинно ходили в католическую церковь. Здесь продавали пирожные, несравненно лучше белградских: из-за одних пирожных белградцы предпринимали странствие в Земун»⁶².

Следующим было довольно яркое свидетельство о первом посещении Словении летом 1921 г., которое стало и первым здесь туристическим путешествием Зинаиды Грицкат, с него же началось и «семейное обожание этой страны»⁶³ (Словении посвящены многие страницы воспоминаний). Приведем его здесь без сокращений, поскольку в тексте отчетливо предстает не только то, что было увидено, но и какое оно произвело впечатление, как оценивалось: «Мать ознакомилась с Любляной (“В отеле “Слон” живет артист Музыкальной драмы из Петербурга, Севастьянов”⁶⁴, с сыном”), пожила на Бледском озере (в письме она, правда, сообщила, что Блед — это жемчужина, лежащая на крайнем севере Сербии: путала еще Сербию с Югославией), прошла

⁶² *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 46.

⁶³ «Я считаю это первое путешествие самым отважным, самым передовым шагом всей их эмигрантской жизни. Откуда взялась такая бойкость, когда еще почти никто из югославов ни в какие летние странствия не пускался, когда соединившиеся в одном Королевстве народы и не знали толком своих новых соотечественников и их краев!», — отзывалась об этом позже Ирина Грицкат (Там же. Л. 48).

⁶⁴ Севастьянов Василий Сергеевич (1875–1929) — артист оперы (драматический тенор), камерный певец. С 1911 г. был режиссером в петербургском Театре музыкальной драмы, после 1917 г. работал в театрах Загреба, Любляны, Бухареста.

через каньон Винтгара (“Вот-то красота!”), бродила по дорожкам, где ей изредка попадался навстречу лишь пастух со стадом. Побывала на Бохиньском озере (“Впечатление грандиозное. По сравнению с ним Блед уютная веселая игрушка. Бохиньское озеро напоминает Финляндию, но во много раз угрюмее, величественнее. Ходила к источнику Савы по ужасной грозе. Видела Триглав”). Она каталась там на извозчике, полюбились ей словенские народные песни, она заметила, что словенский флаг совсем такой же, как царский русский. Потом ее очень потянуло назад, к отцу, но несмотря на это, она на обратном пути остановилась еще и в Загребе. В тот год она была знакома с Королевством СХС, вероятно, лучше, чем кто-либо из старых белградцев»⁶⁵. (Описание Загреба в тексте отсутствует.)

Далее в книге были описаны и другие места в Словении, например, каникулы Ирины в замке Храстовец (словенская Штирия) в 1929/1930 г. («Сам замок был таинственным строением средневековья, и много романтического запомнилось в связи с ним. <...>»⁶⁶). Много места отведено рассказу о лете, проведенном в «крестьянском домике за рекой» в «живописном словенском местечке» Шкофья-Лока (в центральной Словении) в начале 1930-х годов (подробно и колоритно рассказывалось о природе, местности, горах, различных строениях и жителях). Об отдельных людях еще будет сказано, а пока же приведем фрагмент воспоминания отчасти и самой Ирины о «далекой экскурсии», куда она отправилась вместе с матерью: «Сначала запомнились переполненные вагоны, в которых подвыпившие уже с утра словенцы, нетвердо, но упорно, тянули свои мелодичные песни, удачно подыскивая второй и даже третий голос. Потом они высадились в старинном городке, с лабиринтами узких улиц, мостов, часовен и пивных. На главную площадь смотрели самые старые здания города: на них были готичес-

⁶⁵ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 48.

⁶⁶ Там же. Л. 140.

кие башенки и ломаные арки, ниши с изваяниями святых, вензеля, гербы и фонари. На площади царила необыкновенная живость, стояло несколько легковых машин — зрелище очень редкое по тем временам, да еще в заброшенном городке. <...> Живость все возрастала, вдруг сделалась суета — и в магазинчик вошла королева Мария⁶⁷. <...>»⁶⁸. В той же поездке они оказались «на горном хребте, по которому пролежала австрийская граница»⁶⁹.

Нашли отражение в тексте и воспоминания о посещении матерью и дочерью Грицкат Дубровника, «полного старины», в Далмации в 1925 г. В связи с ними стоит еще раз сказать, что югославянские территории, которые вошли в 1918 г. в Королевство СХС, очень различались в экономическом, политическом и культурном отношениях. Само объединение в одно государство понималось и оценивалось югославянами также по-разному. Иллюстрацию последнего находим в следующем описании, отражающем взгляд старой знати, старых патрициев Дубровника, на новое государство югославян.

«Запомнился бородатый хозяин, который один раз утром, когда она первая, одна, сошла вниз и свернула направо в столовую, восприветствовал ее громким “О-о-о!”». А этот хозяин был одним из старых патрициев города Дубровника, представителем почти уже вымершей аристократии и барства, какое едва ли существовало еще где-либо в пределах Королевства СХС. Меркнущая знать, чьи деды изучали во Флоренции философские и изящные умения и сочиняли дифирамбы по-латыни, не признавала нового положения вещей. Хозяин считал падение Австро-Венгрии и создание какого-то плюгавенького королевства сумерками челове-

⁶⁷ Мария Карагеоргиевич (урожденная принцесса Мария Румынская, 1900–1961) — королева-консорт сербов хорватов и словенцев, королева-консорт Югославии.

⁶⁸ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 175.

⁶⁹ Там же.

чества. Он жил теперь тем, что распродал драгоценности и сдавал летним гостям комнаты в своей каменной двухэтажной вилле; но не переставал держать собственного садовника и собственную прачку. На вопрос матери Нэлли (т.е. матери Ирины. — Ю. Л.) — как он будет жить, когда все продаст, он отвечал, что, может быть, даже пойдет просить милостыню по улицам, но никогда не унижится до того, чтобы служить чиновником у государства»⁷⁰.

В письмах Зинаиды Григорьевны мужу упоминались различные осмотренные достопримечательности Дубровника. А также кое-что из жизни женщин (хоть и с преувеличением): «Заметна тут и печаль. Встречаешь на редкость красивых женщин, но ввиду долгих плаваний мужчин-мореходов, на них взваливается непосильная работа. Мы с Нэлли шли вчера по раскаленному белому шоссе; почти рядом с нами начиналась бесконечная морская гладь — синька, воплотившаяся в морской пучине. А мимо нас прошла одинокая женщина, несшая на спине подхваченное ремнями пианино»⁷¹.

Приведем и еще одно свидетельство, показывающее, с одной стороны, в чем-то иную женскую судьбу, а с другой — слабость внутренних связей между отдельными частями Королевства, на сей раз — взгляд из Словении. Вернемся к упомянутому выше посещению Шкофья-Локи. Хозяйка дома, где гостили Зинаида и Ирина, крестьянка Франца, описывалась, в частности, так: «<...> Франца была носатой старой девой с мужским лицом, вечно в зимних мужских сапогах. Она не понимала ни слова по-сербски <...>, и никогда не выезжала из своей деревни. Франца была набожной и на редкость доброй женщиной. Она разумела в жизни все, что ей было нужно разуметь»⁷².

⁷⁰ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 67–68.

⁷¹ Там же. Л. 69.

⁷² Там же. Л. 169.

Ниже сообщалось, что «невдалеке от поселка находился ближайший холм <...>. А под холмом стоял замок, не-большой и довольно запущенный. По вечерам светился ряд окон под черным холмом, и Франца с уважением говорила про глухонемого графа и его глухонемую жену, у которых растут веселые, нормальные дети. Она выражалась так, словно граф был властелином всего их поселка, всех гор и деревень кругом, единственным господином, которого она признавала. Граф был захудалый, но Франца, по-видимому, и не знала, что страну, где она живет, правит теперь сербский король, живущий где-то, в каком-то там Белграде. Представление о Белграде было смутное: Франца спрашивала, больше ли он, чем Шкофья-Лока? <...>»⁷³.

Наряду с рассмотренными выше частями Королевства СХС, в тексте есть и небольшой сюжет о Банате (Воеводине), а точнее — фрагмент, посвященный каникулам, проведенным матерью и дочерью Грицкат в 1926 г. «в одном селе среди унылой банатской равнины». Приведем из него два отрывка, передающие взгляд обеих на местный колорит. Первый: «Мы приехали туда и сначала попали в очень неустроенное жилище. Фасад дома, у которого было одно единственное низкое окно, выходящее на широченную улицу, не предвещал ни комфорта, ни уюта. Вдоль безлюдной улицы чередовались безмерно скучные такие же точно фасады и огромные ворота, потом опять глухие фасады и опять ворота. <...> За воротами нашего дома, как, впрочем, и каждого, начинался двор, уходящий в глубину, с малым количеством чахлах деревьев, с насосом, лающей собакой, со свиньями и с домашней птицей. <...>»⁷⁴. Второй касается окружающей местности: «Ежедневно выходили мы на прогулку в поле. Поле было ровное, заросшее сорными травами и ковылем, кое-где заболоченное. Посреди этого широко-го и тихого пространства, далеко от окончания села, стоял

⁷³ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 173.

⁷⁴ Там же. Л. 99.

одинокий колодец-журавль, служивший местом водопоя для медленно кочевавших овец. <...> Отары овец проходили изредка, где-то там, стороною, виднелись около них контуры чабанов в долгополых тулупах <...>, а рядом с ними двигались послушные овчарки. <...>»⁷⁵.

Что касается общественно-политической жизни Королевства СХС в 1920-е годы, то о ней имеется сравнительно не так много свидетельств, но они, тем не менее, есть. В частности, в 1920 г. интересовал Зинаиду Грицкат вопрос о коммунизме в этой стране (придет ли сюда то, что «в России называли термином коммунизма или большевизма»); в связи с вопросами о демократии и монархии в Королевстве, обсуждаемыми новыми сербскими знакомыми, упоминались король Петр Карагеоргиевич (1844–1921) и его сын Александр Карагеоргиевич (1888–1934), а также Никола Пашич (1845–1926). Тогда же замечалось, что «политические свободы начали в некоторых отношениях действительно притупляться»⁷⁶. Это вполне соответствовало и реальному положению дел — в декабре 1920 г. вышел специальный декрет («Обзнана»), запрещающий пропаганду Коммунистической партии и вводивший другие ограничения, а в августе 1921 г. вышел Закон о защите государства, который запретил ее деятельность.

Необходимо подчеркнуть, что отдельной статьи заслуживает тема русской эмиграции в воспоминаниях семьи Грицкат, являющаяся одной из главных в книге⁷⁷. Российская эмиграция была неотъемлемой частью жизни межвоенной Югославии. По ощущению З.Г. Грицкат: «<...> Было много России здесь, в Сербии, без тех ужасных очертаний последних лет, которыми, к ее большому сожалению и даже

⁷⁵ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 101.

⁷⁶ Подробнее: Там же. Л. 42–43, 49–51.

⁷⁷ Сейчас упомянем лишь, что кратко или более подробно сообщается о пребывании или жизни беженцев/эмигрантов в городах Куманово, Вране, Шабац, Белград, Врнячка-Баня и других местах.

стыду, навсегда перекрылась в ее памяти та настоящая Россия. <...>»⁷⁸.

Подводя итог, отметим, что несмотря на то, что не все части Королевства СХС представлены в воспоминаниях, а среди представленных большее внимание уделено сербской и, затем, словенской частям (что вполне объяснимо, поскольку семья Грицкат жила именно в Сербии, в Белграде, в частности), тем не менее некий общий образ государства складывается. И в нем отчетливо проступает мозаика из разных традиций — от восточных (турецких) до австро-венгерских, проявлявшихся как в городском ландшафте (городской культуре), так в отношении к государственному объединению югославян в разных частях страны. В книге имеется очень много подробных и ярких описаний различных мест: в основном городов и сельской местности. Особое место уделено некоторым особенностям уклада жизни (например, в сербской части).

На представления и свидетельства четы Грицкат о новой для них стране в 1920-е годы, несомненно, оказывали влияние их происхождение и обретенный в России жизненный опыт. Вероятно, отстраненный, наблюдательский взгляд на происходившее и увиденное, представленный в книге, лишал их возможности увидеть и какую-то другую (истинную, с точки зрения местного окружения) сторону вещей и явлений. Но, вместе с тем, не был он и односторонним — на их восприятие и отношение, в частности, к Сербии и сербам влиял и новый опыт: жизнь в Сербии/Королевстве СХС складывалась для супругов Грицкат достаточно удачно — практически сразу появились знакомые и друзья среди сербов, оказывавшие всестороннюю помощь, и возможность работать по профессии, что было для них главным. Кроме того, они с самого начала искренне пытались понять народ и страну, в которой теперь привелось жить. «Мои мать с от-

⁷⁸ Грицкат-Радулович И.Г. На зарубежной родине. Л. 55.

цом, — писала Ирина Георгиевна, — долго думали — какое бы определение дать стране, где заподозривают в краже жестяной безделушки, где жены моют ноги мужьям, и где в то же самое время всем правительством, всем войском и всем народом уходят в эмиграцию, чтобы не сдать врагу. Примитивизм ли это, сочетающийся с усиленной ксенофобией? Но ведь русских приняли сердечно, народ, видимо, участливый. Родители не сразу находили правильные формулировки, многое думали и говорили о сербах — как и все их здешние соотечественники, — многое из того, что не совсем соответствовало правде. Гораздо позже моя мать заметила: — Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом»⁷⁹. Супруги Грицкат приняли и полюбили Белград, Сербию и Югославию, о которых сохранились их, несомненно, интересные и ценные наблюдения.

⁷⁹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине. Л. 50.

ЮГОСЛАВСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

YUGOSLAV-ITALIAN RELATIONS IN THE FIRST HALF OF THE 1930s

Аннотация. На протяжении первой половины 1930-х годов отношения между Королевством Югославия и Королевством Италия были весьма напряженными. Италия осталась недовольна своими территориальными приобретениями и всячески способствовала подрыву целостности Югославии. Попытки сближения двух стран постоянно наталкивались на различного рода внешнеполитические препятствия. Растущее влияние Италии в Албании, Венгрии, Австрии, жестокое отношение к славянскому меньшинству в районе Венеция-Джулия (Юлийской крайне), финансовая поддержка хорватских сепаратистов — все это не позволяло создать прочный фундамент для конструктивных отношений двух стран.

Ключевые слова: Королевство Югославия, Королевство Италия, международные отношения, национальное меньшинство, Муссолини, король Александр.

Заклученный в ноябре 1920 г. Раппальский договор между Королевством сербов, хорватов и словенцев и Королевством Италия, не только не удовлетворил всех территориальных претензий последней, но и вызвал недовольство тем, что европейские страны поддерживали новое славянское государство, а не своего «истинного» союзника. Тем не менее на захваченных Италией территориях проживало 360 тыс. словенцев и 160 тыс. хорватов¹.

¹ Bajc G., Pelikan E. Od konca prve do začetka druge svetovne vojne (1918–1941) // Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866–2004. Koper: Univ. na Primorskem, Znan.-raziskovalno središče Koper, Zgod. d-vo za južno Primorsko, 2004. S. 67.

Пришедшие в 1922 г. к власти фашисты с еще большим рвением раздували реваншистские и антиславянские настроения. Так, например, воспользовавшись покушением на Муссолини в ноябре 1925 г., к которому славяне, проживавшие в Италии, не имели никакого отношения, фашисты Триеста разгромили издательство и типографию словенской газеты «Edinost», вместе с ней пострадали и хорватские газеты «Istarska riječ» и «Novice», которые печатались там же. Данное происшествие вызвало негодование югославской общественности. Газета «Време», в частности, писала, что подобные действия со стороны режима Муссолини понятны. «Все это говорит о том, что Муссолини решил покончить со славянами одним ударом, тем более что момент выбран подходящий <...> ему нужно обновление популярности». Автор статьи также отмечал, что «удаление из повестки дня вопроса о национальных меньшинствах может повысить авторитет (*итальянской*) власти и <...> рассматриваться общественностью как внешнеполитический успех нынешнего правительства»². В связи с этим нападением депутаты югославской скупщины направили письмо министру иностранных дел с вопросами, что правительство намерено делать для защиты словенцев и хорватов Триеста, и будет ли потребовано возмещение ущерба со стороны итальянских властей. Инциденты подобного рода оказывали влияние на внешнеполитические отношения двух стран, которые были весьма нестабильными в 1920-е годы и остались таковыми в первой половине 1930-х годов.

Укрепление положения Муссолини внутри страны, ликвидация парламентаризма и оппозиции, позволили ему радикализировать и внешнюю политику, обострив отношения со многими странами, в том числе и с Королевством СХС (с 1929 г. Королевство Югославия). Если острые пограничные вопросы ушли из актуальной повестки благодаря заключенным Раппальскому и Римскому договорам (27.01.1924 г.),

² Време. 7.11.1925.

а также Неттунским конвенциям (20.07.1925 г.), то новое беспокойство Белграда теперь росло из-за превращения Албании в итальянский военно-политический аванпост на Балканах³. Помимо всего прочего, Италия начала оказывать поддержку хорватским сепаратистам. Так в 1927 г. были установлены связи с Анте Павеличем⁴, а после введения диктатуры в Югославии в 1929 г. Италия стала главным прибежищем для хорватской радикальной оппозиции, где ей были предоставлены условия для подготовки террористических групп.

В сентябре 1929 г. Министерство иностранных дел Италии возглавил Дино Гранди⁵. Для этого политика было характерно стремление установить тесные связи с Великобританией и Францией, последняя же была заинтересована в укреплении своего положения в Югославии, которая имела для Франции важное стратегическое значение, поэтому подогревание враждебности между Италией и Югославией с целью не дать им сблизиться, было одной из составляющих французской внешней политики на тот момент. Италия же пыталась укрепиться в регионе довольно грубо и прямолинейно. Для югославского правительства в начале 1930-х годов насущными оставались такие вопросы, как недопущение аншлюса Австрии и реставрации Габсбургов, а также беспокойство вызывало растущее доминирование Италии в Албании и в Болгарии, отношения с последней осложнялись регулярными приграничными террористическими актами⁶, особую озабоченность вызвал брак короля Бориса

³ Ристовић М. Mussolini ante portas. Италијански фашизам и југословенско суседство (1919–1925). Београд: Службени гласник, 2022. С. 270.

⁴ Анте Павелич (1889–1959). Хорватский политик, националист, глава Независимого государства Хорватия (1941–1945 гг.).

⁵ Дино Гранди (1895–1988). Занимал должности секретаря министерства внутренних дел, затем — министра иностранных дел (1929–1932 гг.), в 1932–1939 гг. — посол Италии в Великобритании, с 1939 г. — министр юстиции. В 1943 г. участвовал в отстранении Муссолини от власти.

⁶ В 1930 г. Произошло два крупных террористических акта с участием Внутренней македонской революционной организации. Первый произошел в г. Пирот, где было взорвано четыре бомбы, второй — в г. Ниш. Болгар-

с итальянской принцессой Джованной Савойской, югославская сторона опасалась, что между Италией и Болгарией мог быть заключен тайный военный договор⁷.

Отношения осложняла и политика итальянских властей в отношении словенцев и хорватов, проживавших в Италии. Обеспокоенность вызвало и то, что генеральным секретарем фашистской партии стал Джованни Джиуриати⁸, ярый противник словенцев, негативно зарекомендовавший себя еще будучи министром освобожденных территорий в 1920-е годы, его назначение не сулило ничего хорошего славянскому национальному меньшинству.

В феврале 1930 г. в редакции «Popolo di Trieste» прогремел взрыв. Итальянские власти утверждали, что к нему причастна некая словенская организация, которая действует при поддержке югославских властей и помимо всего прочего занимается шпионажем. С 1 по 5 сентября 1930 г. в Триесте состоялся суд над словенцами, обвинявшимися в террористической деятельности и антифашистской пропаганде в Юлийской крайне. Четверо были приговорены к смертной казни, двенадцать к тюремному заключению от 2 до 30 лет, двое отпущены. Смертный приговор был приведен в исполнение в день рождения югославского престолонаследника, казнь по времени совпала с торжественным парадом⁹. Югославская пресса умолчала об этом, вероятно, из-за нежелания спровоцировать беспорядки.

ская сторона арестовала трех человек из предоставленного югославской стороной списка террористов, что вызвало недовольство Белграда, который пригрозил обратиться в Лигу Наций, сославшись на ст. 12 ее Устава. Это, в свою очередь, вызвало беспокойство британского правительства, которое опасалось открытой конфронтации Италии и Франции, в случае обсуждения этого вопроса.

⁷ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. 1921–1930. Beograd, Zagreb: Arhiv Jugoslavije, Globus, 1986. Knj. 1. S. 653. § 44.

⁸ Джованни Джиуриати (1876–1970). Был министром освобождённых территорий в правительстве Бенито Муссолини, в 1925 г. возглавил Министерство общественных работ. Был председателем Палаты депутатов с 1929 по 1934 г. В 1934 г. он стал сенатором.

⁹ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 1. S. 661. § 183.

Однако, эти события, о которых несомненно знало руководство страны, не помешали возобновлению переговоров итальянского и югославского министров иностранных дел, начавшихся 6 сентября. В отчете о беседе министра иностранных дел Италии Гранди с югославским министром Воиславом Маринковичем от 9 сентября 1930 г. очень четко видна позиция Италии, которая готова была играть только по своим правилам, что, естественно, не могло устроить югославскую сторону. В беседе Гранди отметил: «Сейчас отношения между Италией и Югославией не нормальные... В тот период, когда Договор о дружбе между Римом и Белградом был в действии, ваш престиж на Балканах был неоспоримым, и гораздо больше, чем сейчас... Глава фашистского правительства готов вернуться к ситуации того времени и даже пойти дальше, но в интересах жизнеспособности этого возможного союза он должен предварительно выдвинуть два условия *sine qua non*. Итальянский народ не понял бы и не стал бы терпеть ни по какой причине итало-югославскую дружбу, поставленную, так сказать, поверх франко-югославской. Поэтому Югославия должна сделать четкий выбор: дружба с Италией или дружба с Францией»¹⁰. На что Маринкович ответил: «Если г-н Муссолини попросит меня перевернуть все с ног на голову и разрушить наши нынешние отношения с Францией, я вынужден ответить вам: я этого сделать не могу»¹¹. Относительно Албании Гранди подчеркнул, что Италия интегрирована в албанское управление, в экономику, и в армию. «Албания — это наша Бельгия. По сути, вы признали, что Югославия фактически не может претендовать на изменение нынешней ситуации в Албании <...> Могу вас заверить, что для Италии Албания имеет исключительно (региональный. — Н. П.) адриатический интерес и не более того»¹². Но это мало утешало юго-

¹⁰ I documenti diplomatici italiani (DDI). 1922–1935. Ser. 7. Vol. 9. N 241. P. 331.

¹¹ DDI. Ser. 7. Vol. 9. N 241. P. 331.

¹² Ibid. P. 332.

славскую сторону, которая считала «Албанию практически итальянской колонией и возможным плацдармом (для нападения на нее. — Н. П.) случае войны»¹³.

Желая упрочить свои позиции в регионе, Италия стремилась также укрепиться в Австрии и Венгрии, тем самым преградив дорогу Германии на Балканы, кроме того, реализация этих стремлений сделала бы возможным воплощение итальянской идеи по так называемому окружению Югославии. Особую озабоченность югославской стороны вызвал визит австрийского канцлера в Рим и подписание австрийско-итальянского договора о дружбе¹⁴. Возвращаясь из Рима, Иоган Шобер¹⁵, посетил открытие моста в Радгоне, связавшим Австрию и Югославию, однако Белград не прислал официального представителя на мероприятие. По мнению британского посла этот факт явился демонстрацией недовольства руководства страны сближением Австрии и Италии¹⁶. Неоднозначно были восприняты и слова Муссолини, произнесенные им в 1930 г. во Флоренции: «Правда, если за ней не стоит сила, лишь пустое слово. Фашистская Италия, хорошо вооруженная, предлагает всем выбрать между бесценной дружбой с ней или немилосердной враждой»¹⁷.

В это же время Италия вела двусторонние переговоры с Великобританией и Францией относительно блокирования продвижения Германии в сторону границы по перевалу Бреннер, а также безрезультатно пыталась привлечь внимание к своим притязаниям в Средиземноморье. Стремясь достигнуть паритета военно-морских сил с Францией, Италия после морской конференции в январе 1930 г. приняла участие в обсуждении так называемого Средиземноморского пакта, но Франция предложила заключить соглашение

¹³ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 1. S. 655. § 53.

¹⁴ Ibid. S. 659. § 72.

¹⁵ Иоган Шобер (1874–1932). Федеральный канцлер Австрии 1929–1932.

¹⁶ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 1. S. 660. § 73.

¹⁷ Ibid. § 79.

по типу «Средиземноморского Локарно», а Великобритания «Адриатического Локарно», как пакта о ненападении между Францией, Англией, Италией, Албанией и Югославией¹⁸. Естественно, что достичь договоренности не удалось.

В конце февраля 1931 г. загребский епископ Бауэр обнародовал письмо, в котором выразил протест против преследования словенцев-католиков в Юлийской крайне и обратился к югославским католикам, чтобы те в день св. Иосифа воздали молитвы за своих соплеменников в Италии. На молитве, которая состоялась в Белграде, присутствовал министр лесного хозяйства Станко Шибеник, что было расценено итальянской стороной как официальная поддержка мероприятия правительством¹⁹. Скорее всего, действия епископа были продиктованы необходимостью выразить свою поддержку словенцам, которые были осуждены в Триесте в сентябре 1930 г. за терроризм, четверо из которых, как уже отмечалось выше, были расстреляны²⁰. В это же время, по сообщению Иво Андрича²¹ в Женеве венгры вели кампанию по защите национальных меньшинств в Югославии, было создано специальное общество, Андрич отмечал, что скорее всего оно создавалось в противовес Конгрессу европейских народностей Иосипа Вильфана²². Венгры неоднократно обращались с жалобами в Лигу Наций на Югославию, что она не предоставляет их меньшинству тех же прав, что и немцам, особенно в сфере школьного образования²³.

¹⁸ Зонова Т.В. История внешней политики Италии. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, 2016. С. 92.

¹⁹ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. 1931–1938. Knj. 2. S. 28. § 106.

²⁰ Ibid. S. 29. § 111.

²¹ Андрич Иво (1872–1975). Сербский писатель, дипломат. С 1930 по 1933 г. секретарь постоянного представительства Королевства Югославия при Лиге Наций в Женеве.

²² Андрич И. Дипломатски списи. Београд: Просвета, 1992. С. 67. Док. 9. Иосип Вильфан (1878–1955). Словенский юрист, борец за права словенского национального меньшинства в Италии.

²³ Там же. С. 67. Док. 10.

В начале марта 1931 г. венгерская немецкоязычная газета «Pester Lloyd» опубликовала статью, в которой подвергла резкой критике политику Югославии, подчеркнув, что Королевство остается «пороховой бочкой Европы», выразив благодарность Муссолини за его самообладание перед лицом югославских провокаций²⁴.

Весной 1931 г. велись переговоры о предоставлении займа Югославии для стабилизации ее экономики. Италия отказалась присоединиться. Гранди проинформировал посла Великобритании в Риме, что итальянским банкам не рекомендовано участвовать. Якобы итальянской стороне стало известно, что частично деньги пойдут на строительство стратегически опасных для Италии железных дорог в Югославии²⁵. Немалую роль в отказе сыграла и жесткая антиитальянская кампания в югославской прессе, а также упомянутые действия югославских католиков. 8 мая международный банковский союз во главе с Union Parisienne заключили с югославским правительством договор о займе, который был предоставлен на 40 лет под 7 %. Италия, как уже отмечалось, участия в нем не приняла.

В конце мая 1931 г. состоялась встреча Маринковича и Гранди. Если присмотреться к риторике переговоров, то можно заметить, что позиция Югославии по отношению к Франции несколько изменилась. Беседа прошла в довольно дружественной обстановке. Маринкович даже заявил, что он является давним италофилом. В ходе беседы в основном обсуждались экономические вопросы. В частности, югославский министр отметил, что «французский рынок ничего нам дать не может, немецкий рынок может дать нам слишком много. Итальянский же рынок может дать именно то, что нужно. Действия Италии могут быть политическими и экономическими одновременно, в то время как действия Франции могут быть только исключительно политически-

²⁴ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 29. § 107.

²⁵ Ibid. S. 28. § 102.

ми»²⁶. Однако позиция по отношению к Албании осталась непоколебимой. Обсуждая Албанию, Маринкович отметил, что возможность интервенции Италии в Албанию велика, и Югославия категорически не может этого принять. Он подчеркнул, что Югославия готова признать итальянское влияние и интересы в Албании, но не согласна с тем, чтобы Италия там прочно обосновалась. «Албания должна быть и оставаться независимым государством»²⁷, — подытожил Маринкович.

Изменение отношения к Франции, скорее всего, произошло из-за позиции последней относительно стремления Германии и Австрии заключить таможенный союз, который в целом расценивался международным сообществом как первый шаг к аншлюсу Австрии, а Франция, помимо всего прочего, усматривала в нем попытку Германии вытеснить ее с Балкан. Реакция министра иностранных дел Югославии последовала не сразу. Белград предпочел дожидаться реакции великих держав и, в первую очередь, реакции Италии²⁸. Югославия рассматривала союз с осторожностью, хотя в целом он был весьма полезен для нее, поскольку помог бы обеспечить более выгодный сбыт аграрной продукции и, одновременно, нанес бы удар по экономике Италии. В итоге в беседе с послом Великобритании Маринкович заявил, что Югославия не может равнодушно наблюдать как меняется карта средней Европы и снова появляется опасность германского *Drang nach Osten*, <...> если ее (Югославии) союзники, особенно Франция, примут решение любой ценой воспрепятствовать австро-германскому союзу, югославское правительство будет вынуждено оказать им поддержку²⁹. В газете «Политика» разгорелась полемика о целесообраз-

²⁶ DDI. Ser.7. Vol. X. N 281. P. 435.

²⁷ Ibid. P. 436.

²⁸ *Vinaver V. Jugoslavija i Mađarska 1918–1933*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1971. S. 447.

²⁹ *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 2. S. 34. § 132.

ности таможенного союза. Так в статье «К аншлюсу» отмечалось, что договаривающиеся страны (Австрия и Венгрия) хотят продемонстрировать несостоятельность Лиги Наций в сфере экономики. Якобы Лига Наций не справляется с экономическим кризисом, поэтому странам приходится прибегать к региональным договорам. «Однако, — отмечает автор статьи, — таможенный союз влечет за собой и политическое сближение стран, и вместо германского рейха и Австрийской республики мы в недалеком будущем увидим перед собой единый германский фронт и единое государство, появление которого нарушило бы равновесие Европы»³⁰. В другой статье газеты «Политика», автор задается вопросом, а стоит ли жертвовать экономическим благополучием страны ради своего друга — Франции, тогда как выгода от таможенного союза для Югославии очевидна³¹.

Что касается позиции Италии, то она сначала была благоприятной, но Муссолини довольно быстро осознал угрозу продвижения Германии на Балканы. И уже в мае того же года в Женеве итальянская делегация выступила с резкой критикой таможенного союза, который в итоге так и не начал функционировать, однако его инициирование хорошо показало намерения Германии укрепиться в дунайской Европе. Весной 1931 г. в итальянской прессе появились статьи о необходимости экономического сближения с Югославией, но, судя по всему, это были попытки манипуляции общественным мнением, чтобы хоть как-то отвлечь Югославию от сближения с Германией. Эти попытки выглядели весьма наивно. Германия уже значительно укрепилась в Югославии. Германский экспорт в 1931 г. составлял 19,33 % от общего югославского импорта. Экспорт Югославии в Германию составлял 11,56 % от всего югославского экспорта³².

³⁰ Политика. 24.03.1931.

³¹ Там же. 01.05.1931.

³² Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 33. § 127.

Шло сближение и в гуманитарной сфере, так феврале 1931 г. было создано югославско-немецкое общество, которое проводило такие культурные мероприятия, как выставки, лекции, спектакли.

Камнем преткновения между Италией и Югославией в 1931 г. продолжала оставаться Албания. Югославии было предложено заключить договор на основе взаимного признания независимости и целостности Албании, при этом итальянское правительство выдвинуло требование, чтобы Югославия признала решение Конференции послов от ноября 1921 г., которое предусматривало, что Великобритания, Франция и Япония поддержат в Лиге Наций право Италии вторгнуться в Албанию в случае необходимости, взамен итальянское правительство дало бы не двусмысленные гарантии в отношении целостности и независимости Албании³³. Конечно же, подобное предложение было неприемлемо для югославской стороны. Король Александр заявил, что никогда не признает решение 1921 г.³⁴ В разговоре с послом Великобритании Невиллом Гендерсеном Маринкович также подчеркнул, что югославское правительство готово признать особое положение Италии в Албании, но ни одно югославское правительство не признает этого официально³⁵.

Ситуацию осложнили и военные маневры Италии у г. Задар, которые Италия трактовала как вынужденную меру, поскольку югославское правительство якобы угрожало безопасности этого города. На самом деле югославы незначительно усилили гарнизон недалеко от Задара и разместили батарею на о. Углян. Итальянцы же в ответ на континенте возвели ограждение из колючей проволоки³⁶.

Отношения с Италией в 1930–1932 гг. были омрачены и дипломатическим скандалом, развернувшимся вокруг ита-

³³ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 28. § 101.

³⁴ Ibid. § 102.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. S. 29. § 108–109.

льянского военного атташе Амари, который зарекомендовал себя не с лучшей стороны с первых дней своей работы в Югославии. Так на маневрах 1930 г. в Нише, он держался весьма высокомерно с югославскими офицерами, и якобы им было сказано нечто оскорбительное в адрес короля Александра. Спустя год, его помощник был схвачен во время передачи крупной суммы югославскому полковнику из Генерального штаба. Проведенное расследование показало, что атташе способствовал созданию шпионской сети³⁷.

Экономический договор между Италией и Югославией был подписан в апреле 1932 г. Но на тот момент Муссолини был больше заинтересован в упрочении итальянского влияния в Австрии и Венгрии, и поэтому едва наметившееся потепление отношений между странами было недолгим.

20 июля 1932 г. Гранди отправили в отставку. Министрство снова возглавил Муссолини, который твердо продолжал верить, что Югославия скоро распадется, нужно лишь подтолкнуть³⁸. В донесениях британского посольства отмечалось, что развал Югославии остается главной целью итальянской политики, и пока Италия будет считать, что «ее интересам больше отвечают бурные, а не мирные воды, ситуация с Югославией и окружающими странами представляет угрозу общему миру в Европе»³⁹.

Италия после небольшой передышки снова начала антиюгославскую пропаганду на страницах газет. Новость о незначительном столкновении хорватских усташей и полиции в Лике в сентябре 1932 г. была раздута в итальянской прессе и трактовалось не больше и не меньше, как восстание хорватов против югославских властей и как предзнаменование скорого краха Югославии. В сообщении британского посольства отмечалось, что «довольно трудно оценить реальные масштабы восстания, однако факт, что королева и

³⁷ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 65. § 227–228.

³⁸ Ibid. S. 84. § 22.

³⁹ Ibid. S. 85. § 23.

наследники, отдыхавшие на хорватском побережье в самом центре восстания, не прервали своего отдыха, говорит о его несерьезности». В сообщении также утверждалось, что снаряжение «восставших» было итальянского производства⁴⁰.

Известный пропагандист того времени и редактор газеты «Giornale d'Italia» Вирджинио Гайда в 1933 г. издал брошюру, которая продавалась за 1,50 лир в любом газетном ларьке⁴¹, «Югославия против Италии. Документы и разоблачения»⁴². С первых же строк он обвиняет Европу в развязывании стройной кампании против Италии, которую ведут журналисты и писатели. Цель книги, по словам автора, заключалась в разоблачении сербской агрессивной политики, которую Италии приходилось терпеть⁴³.

5 сентября 1932 г. в городе Стреза начала работу международная конференция по экономическому переустройству Европы. Среди участников была Англия, Германия, Италия, Австрия, Болгария, Польша, Чехословакия, Румыния, Греция, Югославия, Голландия Бельгия. Существенных договоренностей достигнуть не удалось, поскольку произошло столкновение двух взаимоисключающих позиций. Франция и страны Малой Антанты предлагали многостороннюю гарантию привилегий в торговле подунайских государств. Италия же предлагала для каждой страны свои привилегии, и заключение двусторонних соглашений⁴⁴. Как справедливо отметила газета «Политика», «Италия боится оказаться вне германско-балканского союза; она также боится и усиления влияния Франции на востоке Европы»⁴⁵.

⁴⁰ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 111. Doc. 148.

⁴¹ Giornale d'Italia. 1.03.1933.

⁴² Gayda V. La Jugoslavia contro l'Italia. Documenti e rivelazioni. Roma: Giornale d'Italia, 1933.

⁴³ Ibid. P. 4.

⁴⁴ Смирнова Н.Д. Политика Италии на Балканах. 1922–1935. М.: Наука, 1979. С. 173.

⁴⁵ Политика. 10.09.1932.

Международное положение Югославии в 1932 г. было весьма противоречивым. Британское посольство отмечало, что трудно найти в Европе другую страну, которая вызывала бы всеобщую неприязнь. «У Югославии семь соседей и все, за исключением, возможно, Румынии, ее партнера по Малой Антанте, радуются ее проблемам. Италия, Венгрия и Болгария ее неприкрытые враги, Австрия едва ли лучше расположена, а Греция остается нейтральной»⁴⁶.

Очевидно, стремясь исправить подобное положение, Югославия активизировала свою внешнюю политику в 1933 г. Этот год стал весьма успешным для Королевства. Была значительно укреплена Малая Антанта, а именно 16 февраля 1933 г. подписан Организационный пакт, который помимо всего прочего подразумевал проведение единой политики всеми странами участниками. Основной программой союзничества были: сохранение мира, соблюдение существующих договоров и общие действия, если появится угроза миру. Три независимых государства стали единой политической силой основанной на принципах взаимной безопасности с армией около 400 тыс. человек⁴⁷.

С 1933 г. Муссолини начинает ревизионистскую кампанию, направленную на пересмотр договоров. В июне он провел встречу представителей Франции, Великобритании, Германии, на которой попытался наметить путь пересмотра Версальской системы. Подобные тенденции вызвали озабоченность со стороны стран Малой Антанты. Однако Германия усмотрела в этом рациональное зерно. Министр иностранных дел фон Нейрат в письме немецкому послу в Риме отмечал, что «общая цель, которую мы преследуем в этом регионе, заключается в том, чтобы постепенно ослабить и, по возможности, полностью разрушить Малую Антанту. Я предполагаю, что германский и итальянский взгляд

⁴⁶ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 83. § 17.

⁴⁷ Ibid. S. 149. § 24.

на эту проблему в целом идентичен... Поэтому у нас нет дурных предчувствий по поводу планов Италии по достижению доминирования в бассейне Дуная»⁴⁸. Тем не менее 16 июля 1933 г. в Риме Германия, Италия, Великобритания и Франция подписали Пакт четырех держав. Государства обязались поддерживать мир на протяжении десяти лет и уважать основные положения Лиги Наций.

В апреле 1933 г. Милан Ракич⁴⁹, сторонник жесткой линии в отношениях с Италией, был отозван с поста югославского посла, данный шаг можно рассматривать как стремление наладить более спокойные отношения с Римом. 1 октября 1933 г. новым послом был назначен Йован Дучич, занимавший ранее этот пост в Будапеште. Новый посол в сообщении министру иностранных дел Югославии в декабре 1933 г. отметил: «Муссолини сейчас больше думает о том, что он может сделать для своего престижа в стране, чем о том, что необходимо Италии на самом деле»⁵⁰.

В июле 1933 г. Италия и Югославия вновь обратились к обсуждению проблем внешней политики и сотрудничества в области экономики. Но продолжалось это не долго. Очередным камнем преткновения на этот раз стали итало-австрийские отношения. Вмешательство Германии во внутреннюю политику Австрии обострили отношения двух стран. Арбитром в их урегулировании провозгласила себя Италия. На протяжении всего августа 1933 г. в югославской прессе обсуждался предстоящий визит Дольфуса в Италию. В частности отмечалось, что Муссолини стремится в Подунавье создать блок Австрии и Венгрии и противопоставить его Малой Антанте⁵¹. Встреча Дольфуса и Муссолини (следует отметить, что последний изначально сомневался в ее

⁴⁸ Documents on German foreign policy 1918–1945. Ser. C. Vol. 1. Doc. N 14. P. 30.

⁴⁹ Милан Ракич (1876–1938). Сербский поэт и дипломат. В 1927–1933 гг. чрезвычайный и полномочный посол Королевства Югославия в Италии.

⁵⁰ Дучић Ј. Дипломатски списи. Београд: Просвета, 1991. Бр. 21. С. 135.

⁵¹ Политика. 7.08.1933.

целесообразности⁵²) состоялась только 20 августа в Риччоне, где дуче проводил свой отпуск. В итоге от Австрии потребовали признания особых отношений с Венгрией и Италией и была оговорена возможность проведения трехсторонней итало-австро-венгерской конференции для углубления сотрудничества в различных областях между тремя государствами⁵³. В ходе переговоров Муссолини также отметил, что в случае нападения Германии на Австрию или беспорядков, инициированных австрийскими фашистами, Италия введет свои войска. Югославская сторона отреагировала на данное развитие событий весьма остро, заявив, что в случае вступления итальянской армии на территорию Австрии, Югославия проведет мобилизацию своей армии. В беседе с представителем итальянского МИД Александр Авакумович⁵⁴ отметил, что относительно вопроса пересмотра югославской границы не может быть и речи... Для Югославии это вопрос принципа. Если бы речь шла только о квадратных километрах, о какой-то отдельной деревне, то это можно было бы обсудить. Но, в целом, это вопрос, который может поставить под сомнение само существование Югославии⁵⁵. В беседе с итальянским заместителем министра иностранных дел Флавио Сувичем Дучич пытался прозондировать отношение Италии к возможному аншлюсу Австрии. Сувич отметил, что «немцы уверены в своих австрийских последователях, и Гитлер сделает все, чтобы их поддержать и укрепить, поскольку их победа и означала бы аншлюс»⁵⁶. Напряженность в отношениях между странами вносила и итальянская демонстрация силы. На границе с Югославией проводились учения и нередко снаряды перелетали границу⁵⁷.

⁵² DDI. Ser. 7. Vol. XIII. N 46. P. 61.

⁵³ Ibid. Vol. XIV. N 111. P. 122.

⁵⁴ Александр Авакумович, глава итальянского отдела в Министерстве иностранных дел Югославии.

⁵⁵ Ibid. N 218. P. 237.

⁵⁶ Дучић Ј. Дипломатски списи. Бр. 22. С. 136.

⁵⁷ Политика. 18.03.1933.

В конце сентября — начале октября 1933 г. король Александр отправился в так называемое балканское турне, посетив Румынию, Болгарию, Турцию и Грецию. В городе Синае состоялось заседание министров иностранных дел Малой Антанты в присутствии короля Александра и Кароля II. Официально было заявлено, что обсуждались в основном экономические вопросы⁵⁸. В отчете британского посольства отмечалось, что «сложилась парадоксальная ситуация: раньше Балканы представляли постоянную опасность для мира в Европе, а теперь Европа — единственная опасность для мира на Балканах»⁵⁹.

В 1933 г. улучшились отношения с Албанией, с которой 20 декабря был подписан торговый договор. В целом отношения между этими двумя странами были весьма дружественными. С Венгрией отношения оставались натянутыми. Масла в огонь подлил шпионский скандал, разразившийся в июле 1933 г. Были арестованы два бывших австро-венгерских офицера (Луйо Мичич и Фридрих Црвенка) и два итальянских гражданина. Венгерский атташе в Белграде подполковник Шилард Бакаи передал офицерам некие инструкции. Югославское правительство потребовало отозвать атташе. В ответ венгерское правительство потребовало отозвать югославского атташе Миличевича в Вене и Будапеште, указав на то, что сотрудник его канцелярии некто Балабанович был задержан с компрометирующими материалами.

В 1933 г. Италия, по словам итальянского посла в Белграде, осознала преимущества тайного договора с Югославией, но Югославия, которая в 1932 г. была готова пожертвовать всем ради итальянского союзничества, больше не искала итальянской дружбы и не рассчитывала на нее⁶⁰.

⁵⁸ Политика. 29.09.1933.

⁵⁹ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 150. § 28.

⁶⁰ Ibid. S. 153. § 44.

Причины этого были очевидны. Югославия значительно окрепла на международной арене, и надежного союзника она теперь видела в Германии.

В ноябре посол Италии в Белграде Карло Галли был вызван в Рим для консультаций, вернувшись 24 ноября, он сообщил, что Муссолини склонен заключить договор с Югославией⁶¹. В частности, он сказал следующее: «Я имел беседу с Пуричем⁶² согласно инструкциям, данными мне главой правительства, я сказал, что Муссолини более чем когда-либо готов пересмотреть итало-югославские отношения и построить их на более прочном и безопасном фундаменте... Глава правительства даже склонен заключить альянс»⁶³. Но королю Александру, ввиду его активной внешней политики, Италия на тот момент оказалась не нужна. Главным итогом его балканского турне стало подписание 27 ноября в Белграде договора о дружбе и ненападении с Турцией, который лег в основу Балканской Антанты, окончательно оформленной в феврале 1934 г. в Афинах. Создание Балканской Антанты было направлено на сдерживание активности итальянской политики в юго-восточной Европе, а для Югославии обеспечивало дополнительную защиту от экспансионистской политики Италии, стремившейся, в свою очередь, к ее изоляции. Страны обязались гарантировать безопасность границ, защищать их от нападения какой-либо балканской страны или от агрессии балканской страны совместно с небалканским государством⁶⁴.

17 декабря 1933 г. было предотвращено покушение на короля Александра в Загребе, подготовленное хорватом Петаром Оребом и его двумя помощниками Йосипом Бегови-

⁶¹ *Milak E. Italija i Jugoslavija 1931–1937. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1987. S. 71.*

⁶² Божидар Пурич в 1927 г. назначен начальником Политического управления МИД Югославии. С июня 1935 г. посол в Париже.

⁶³ DDI. Ser. 7. Vol. XIV. N 413. P. 449–450.

⁶⁴ *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 294. § 295.*

чем и Антоном Подгорольцем. В ходе следствия было установлено, что весной 1933 г. Ореб отправился в Италию, где прошел подготовку в специализированных лагерях. Особо отмечалось, что в этих лагерях все подопечные носят униформу и проходят общую военную подготовку⁶⁵. Оттуда в декабре 1933 г. через Венецию с фальшивым венгерским и сербским паспортом он перебрался в Клагенфурт, затем в Югославию. Югославские власти узнали о готовящемся преступлении за несколько часов до его реализации. Югославская пресса умолчала о предотвращенном покушении, уделив все внимание помпезному празднованию дня рождения монарха во время его пребывания в Загребе. В то же время, итальянская пресса разразилась волной негативных публикаций о Югославии, что вынудило посла Югославии в Риме выступить с официальным протестом⁶⁶. Следует отметить, что, как ни странно, 30 декабря посол еще не был в курсе истинного положения дел.

Тот факт, что итальянские власти покровительствуют хорватским сепаратистам, не было секретом. Муссолини рассчитывал использовать их как одно из средств давления на Белград. Так в 1931–1932 гг. в Италии была создана сеть лагерей для подготовки хорватских боевиков⁶⁷ (следует также отметить, что подобные лагеря располагались и в Венгрии, первый был организован осенью 1931 г.⁶⁸). Ядро усташской организации располагалось в г. Борго-Валь-ди-Таро в провинции Парма. В телеграмме Муссолини о встрече с Пуричем, итальянский посол Галли отметил осведомленность Пурича в том, что три человека, совершившие покушение на короля, прибыли в Югославию через Австрию из Италии. Ему также было известно, что Павелич получает

⁶⁵ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 262. § 154.

⁶⁶ Дучић Ј. Дипломатски списи. Бр. 23. С. 137.

⁶⁷ Беляков С. Усташе: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. С. 117.

⁶⁸ Vinaver V. Jugoslavija i Mađarska 1918–1933. S. 442.

деньги от итальянской стороны⁶⁹. В августе 1934 г. послу указали на то, что Югославия пристально наблюдает за этими группами и знает об их ежедневном передвижении и активности⁷⁰.

1934 г. прошел под лозунгом «Балканы балканским народам». В отчете о встрече с Сувичем, Дучич написал следующее 2 января 1934 г.: «Все, что последнее время происходит на Балканах, ведет к сближению. Прежде всего Румыния и Югославия пришли к соглашению и, наконец, вступили в союз внутри Малой Антанты; затем Турция и Греция... Осталась Болгария, чья политика не могла пойти в противоположном направлении от своих соседей, поскольку только хорошие соседские отношения могут гарантировать Болгарии мирное будущее. К счастью, она это хорошо поняла, и уже в парламенте заявила о невозможности своей изоляции от соседей... Никто больше не имеет права говорить, что Балканы — это «пороховая бочка», которая может взорваться в любое время»⁷¹.

После подписания Венгрией, Австрией и Италией 17 марта 1934 г. Римских протоколов ухудшились и без того не безоблачные отношения Югославии и Венгрии, ревизионизм которой активно поддерживал Муссолини. «Бросается в глаза, что договор между Италией, Венгрией и Австрией содержится в протоколах, которые представляют некую новую форму международных документов. Поэтому в дипломатических кругах отмечают, что подобная форма ликвидирует необходимость регистрации в Лиге Наций»⁷², отметил Дучич в своем сообщении в Белград в марте 1934 г. Римские протоколы были направлены как против Малой Антанты, так и против Балканского союза, Италия стремилась усилить свои позиции на Балканах, а Венгрия рассчитывала

⁶⁹ DDI. Ser. 7. Vol. XIV. N 493. P. 553.

⁷⁰ Ibid. Vol. XV. N 702. P. 745.

⁷¹ Дучић Ј. Дипломатски списи. Бр. 24. С. 138–139.

⁷² Там же. Бр. 26. С. 142.

на осуществление своих захватнических планов и ревизию Трианона. Министр иностранных дел Боголюб Евтич отправил в посольство Югославии в Лондоне следующую информацию, полученную из венгерских и немецких источников: «Во внешней политике Венгрия и Австрия идут открыто и без оговорок вместе с Италией, они подпишут организационный устав, подобный пакту Малой Антанты, с военными обязательствами, в Венгрии должен быть введен фашизм, ликвидирована социал-демократическая партия, Венгрия обязуется вооруженными силами защищать независимость Австрии»⁷³. О враждебности Венгрии свидетельствовали и весьма агрессивные провокационные инциденты на границе с Югославией⁷⁴.

Благодаря Римским протоколам, Италия упрочила свои позиции в Подунавье, а Югославия понесла тяжелый экономический урон: она потеряла часть австрийского рынка⁷⁵, а также вновь столкнулась с венгерскими ревизионистскими устремлениями. 18 марта Муссолини выступил с речью, в которой отметил, что Италия понимает недовольство Венгрии, поскольку она потеряла свои исторические земли. «Венгрия ищет правды и исполнения обещаний, которые были ей даны. Италия поддерживала и будет поддерживать это требование»⁷⁶. Ситуация осложнилась и из-за начавшегося в марте 1934 г. судебного процесса над усташами, совершившими попытку убийства короля Александра. Как уже отмечалось выше, в ходе слушаний были обнародованы документы, свидетельствовавшие об итальянской поддержке сепаратистов.

Югославия начала постепенно разворачиваться в сторону Германии, а у Италии постепенно появлялось осознание,

⁷³ Дучић Ј. Дипломатски списи. Примечание 2 к документу 27. С. 399.

⁷⁴ История Венгрии. М.: Наука, 1972. Т. 3. С. 258.

⁷⁵ Milak E. Italija i Jugoslavija 1931–1937. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1987. S. 74.

⁷⁶ Il Popolo di Italia. 19.03.1934.

что та политика, которую она проводила по отношению к Югославии, во многом была ошибочной. Посол Великобритании в Риме в апреле 1934 г. выразил мнение, что Италия перестала верить в возможность распада Югославии⁷⁷, несмотря на разногласия, «интересы Италии и Югославии весьма близки, но не идентичны, поскольку Италия больше всего боится аншлюса, а Югославия — реставрации Габсбургов»⁷⁸.

Разворот югославской внешней политики в сторону Германии стал очевиден. Переговоры о заключении торгового договора между странами возобновились в марте 1934 г. Италия была обеспокоена подобным развитием событий, поскольку его подписание означало бы подрыв ее положения на Балканах, что и произошло в мае. Волну шума и спекуляций в иностранной прессе подняло появление Эрнста Рёма в апреле 1934 г. в Далмации⁷⁹, и Геринга в Белграде в конце мая. По официальным данным последний находился в Белграде проездом по пути в Афины. Как сообщала газета «Политика», «Геринг не имел в нашей стране никаких политических целей, он прибыл в Белград неожиданно и неофициально»⁸⁰. Однако Геринг успел встретиться с Евтичем, а также посетил захоронение немецких солдат в Баново Брдо.

Параллельно шло сближение с Турцией. 12–20 мая министр иностранных дел Югославии с супругой посетил Анкару. На переговорах речь шла о заключении торгового договора и правовой помощи. Договор был подписан 3 июля и вступил в силу 20 июля. Данное событие еще больше подогрело настороженность и опасения Италии.

Лето 1934 г. выдалось весьма беспокойным. Отношения с Италией достигли своего апогея. В интервью французской газете «Le Petit Parisien» Боголюб Евтич отмечал, что

⁷⁷ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 225. § 5.

⁷⁸ Ibid. S. 234. § 33.

⁷⁹ Ibid. S. 224. § 4.

⁸⁰ Политика. 20.05.1934.

считает «соглашение между двумя державами Адриатики возможными и желательными. Оно станет возможным в любой момент при условии, что политическая позиция решительно изменится с итальянской стороны»⁸¹. В этом же интервью министр дал понять, что практически полностью поддерживает два проекта, предложенных французской дипломатией, а именно «Восточное Локарно» и «Средиземноморский пакт», Министр даже подчеркнул, что в рамках последнего Югославия готова сблизиться с Италией⁸². Сближению Югославии и Италии всячески пыталась способствовать Франция. Так французский посол Шарль Шамбрэн в беседе с Сувичем высказал пожелание, чтобы Италия продемонстрировала по отношению к Югославии более теплые чувства, а Белград бы перестали думать, что в Италии подготовлено покушение на короля Александра⁸³.

Однако активизация Италии в Албании мало способствовала установлению доверительных отношений. Обострение произошло после того, как у порта Дуррес в 20-х числах июня, в непосредственной близости к югославской границе появились итальянские корабли. Данное действие явилось следствием албано-итальянских трений, Албания выразила недовольство размером итальянских субсидий. Югославия же истолковала действия Италии как демонстрацию силы.

В июне состоялась встреча Муссолини и Гитлера в Венеции. Посол Югославии в Риме в своем донесении отмечал, что «Муссолини избегал этой встречи, боясь, что в Австрии снизится его влияние»⁸⁴. Из-за этого посол Франции посчитал, что встреча имела особо важный политический характер⁸⁵. В донесении посольства Югославии от 16 июня отме-

⁸¹ Le Petit Parisien. 02.07.1934. Цит по: Княжева Е.О. Франко-югославские отношения в освещении французской прессы 1934 г. // Интерактивная наука. Вып. 9 (31). 2018. С. 27.

⁸² Там же. С. 27.

⁸³ Дучић Ј. Дипломатски списи. Бр. 31. С. 146.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Бр. 32. С. 146–147.

чалось, что «в дипломатических кругах витает ощущение, будто бы эта встреча не без просчитанной цели»⁸⁶.

Однако, уже в июле после убийства Дольфуса и попытки государственного переворота в Австрии, германо-итальянские отношения обострились, а напряженность в итало-югославских усилилась. Муссолини, на вилле которого тогда гостили жена и дочь Дольфуса, отдал приказ мобилизовать четыре дивизии и стянул их к пограничному перевалу Бреннер⁸⁷. Британское посольство отмечало, что если Италия введет свои войска в Австрию, то это неминуемо приведет к мобилизации югославской армии, а возможно, и к переходу границы⁸⁸ в области Каринтии⁸⁹. Напряженности добавил и визит в августе 1934 г. в Рим Отто Габсбурга.

Переговоры между Италией и Югославией вновь свелись к тезису: «станьте такими, какими мы хотим вас видеть». Так в ходе беседы Галли с Б. Пуричем, итальянский посол отметил, что его страна рассчитывает на поддержку Югославии в австрийском вопросе. Пурич ответил, что пока Италия будет проводить свою традиционную политику, югославское правительство не сможет пойти по пути сближения.

В сентябре 1934 г. Союз эмигрантов из Юлийской крайны под руководством Ивана Чока⁹⁰ провел одноименный Конгресс в Мариборе⁹¹. Помимо торжественной части и приветственных телеграмм, в том числе и итальянским антифашистам, были проведены два заседания, на которых в довольно жесткой форме осуждалась политика итальян-

⁸⁶ *Дучић Ј.* Дипломатски списи. Бр. 36. С. 151.

⁸⁷ *Зонова Т.В.* История внешней политики Италии. С. 97.

⁸⁸ *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji.* Knj. 2. S. 247. Doc. 95.

⁸⁹ *Ibid.* S. 295. Doc. 297.

⁹⁰ Иван Мария Чок (1886–1948). Словенский юрист и политик. В 1919 г. на мирной конференции в Париже был в составе югославской делегации. В 1928 г. возглавил Союз эмигрантов Юлийской Крайны

⁹¹ *Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992.* Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. S. 549.

ских властей на захваченных ими славянских территориях. Чок отметил, что «Италия своим отношением к автохтонному славянскому населению потеряла всякое моральное право удерживать Юлийскую Крайну... (которая) для Италии первый шаг в ее империалистической программе. Следующий этап — Далмация, Албания, Греция и Болгария, развал Югославии и раздел славянских земель между австрийцами и лахами^{92?}»⁹³ Итальянское посольство не оставило без внимания это событие, хотя о нем не сообщила ни одна центральная газета. Галли писал Муссолини, что «наивность и нелепица, смешанные с антиитальянскими заявлениями обвинителей, подрывают размах мероприятия. Но, следует отметить, что присутствие авторитетных лиц, несомненно, придало особое значение Конгрессу. Чем ближе дата визита Барту в Рим, тем больше страх перед возможными решениями...»⁹⁴.

В начале октября 1934 г. Муссолини, путешествуя по северу Италии, в Милане в присущей ему патетической манере заявил, что «для нас очевидно, нет больших возможностей улучшить отношения со своими соседями по ту сторону Монте Невозо (*Снежник*), пока они будут позволять себе злобные оскорбления, разящие наши самые чувствительные места. Первое условие для дружественной политики <...> заключается в том, чтобы не подвергать сомнению ценность и храбрость итальянской армии, которая в горах Краса и Македонии оставила 600 тыс. мертвых во имя победы <...>»⁹⁵.

Что касается стремлений Барту, то он хотел реализовать два проекта: Средиземноморской Антанты⁹⁶ и Восточного

⁹² Лахи — простонародное название итальянцев.

⁹³ Istra. N 35. 1934.

⁹⁴ DDI. Ser.7. Vol. XV. N 817. P. 883–884.

⁹⁵ Политика. 7.10.1934.

⁹⁶ Средиземноморский пакт — это проект соглашения, предложенный министром иностранных дел Франции Луи Барту. Весной 1934 г. Барту

Локарно⁹⁷. В Средиземноморскую Антанту или средиземноморский пакт, должны были войти Франция, Италия, страны Малой и Балканской Антант. Поэтому для Барту одной из основных задач было налаживание отношений между Италией и Югославией. Муссолини же опасался создания подобного обширного союза. Восточное Локарно было призвано обезопасить восточные границы Германии путем заключения пакта о взаимной помощи между СССР, Чехословакией, Малой Антантой и Францией. Следует отметить, что Александр ратовал за сближение Югославии с Германией, что на тот момент не было выгодно ни Италии, ни Франции.

Для обсуждения этих вопросов король Александр прибыл в Марсель 9 октября 1934 г. Он был настроен скептически и полагал, что Югославия не должна принимать участие в объединениях, которые могут втянуть ее в международные конфликты. Обсуждению не суждено было состояться. Александр и Барту были убиты. Это событие потрясло Европу. Но еще большее удивление вызывало расследование. Сразу же зазвучали версии об участии в покушении Германии и Италии. Однако Пьер Лаваль в официальном заявлении обвинил только Венгрию, где прошли подготовку террористы, совершившие убийство. Об Италии не было сказано ни сло-

выдвинул идею заключения средиземноморского аналога Восточному пакту с максимально широким кругом участников: Франция, Великобритания, Италия, Югославия, Греция, Румыния, Болгария и СССР. При этом основу «Средиземноморского Локарно» должно было составлять соглашение между Югославией и Италией. В случае реализации Средиземноморского пакта Барту предполагал достичь сближения с Италией, а также усилить влияние Франции в балканском регионе. Однако соглашение не отвечало интересам других средиземноморских игроков, поэтому попытки французского министра внести проект пакта в международную повестку не увенчались успехом.

⁹⁷ «Восточное Локарно» (Восточный пакт) — проект договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией и Литвой, предпринятый в 1934 г. Цель проекта — поддержание территориального статус-кво в Европе перед лицом нарастания агрессивных устремлений Германии. Однако германское правительство (11 сентября 1934 г.), а вслед за ним правительство Польши (27 сентября 1934 г.) отказались от участия в пакте.

ва. Италия держалась весьма корректно, выразив соболезнования Югославии, однако отказалась выдать по просьбе Франции Павелича и Кватерника⁹⁸, в то же время Германия проявила себя как добрый друг, оказав активную помощь в раскрытии убийства. На похороны короля Александра прибыл Геринг, который возложил венок с надписью «Самому храброму из наших бывших врагов», и единственный из прибывших гостей проехал по городу в открытом автомобиле, чем вызвал симпатии граждан⁹⁹. Германия начала прочно укореняться в Югославии. В завершении хотелось бы привести фрагмент из отчета британского посольства в Белграде. В нем говорилось: «Хотя Италия в данный момент и представляет главное беспокойство (для Югославии), она никогда не будет такой угрозой для югославского единства, какой является Германия»¹⁰⁰.

После Первой мировой войны Италия, несмотря на то что находилась в лагере победителей, ощущала горечь поражения и неудовлетворенность от ее итогов. Понятие «*Vittoria mutilate*», «ампутированная победа», вошло в повседневную жизнь. Итальянцы считали, что их обманули и хотели реванша. В условиях роста националистических настроений в стране, к власти пришел Муссолини, тонко чувствовавший на какие точки необходимо нажать, чтобы получить всенародное признание.

Италия, не имея возможности влиться в компанию европейских лидеров, стремилась к региональному доминированию, рассматривая Балканы как зону своего естественного влияния, относясь довольно агрессивно к попыткам других стран укрепиться в этой части Европы. Король Александр также стремился занять лидирующее положение в регионе, испытывая постоянную обеспокоенность из-за возможной потери территорий, целостности страны, из-за создания

⁹⁸ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 2. S. 250. §108.

⁹⁹ Ibid. S. 253. §123.

¹⁰⁰ Ibid. S. 233. § 29.

эвентуальных антиюгославских блоков. В первой половине 1930-х годов отношения между странами оставались весьма сложными, хотя и были редкие моменты потепления. Руководство Югославии справедливо видело в Италии противника, который не желал смириться с территориальными потерями, всячески способствовал распаду соседнего государства, поддерживая в нем сепаратистские настроения, а также препятствовал его экономическому развитию. Одним из острых вопросов, которые постоянно обсуждались между Италией и Югославией, было постепенное превращение Албании в итальянский протекторат, что не устраивало югославскую сторону. Помимо этого, в итальянской прессе регулярно проводились агрессивные антиюгославские кампании, вызывавшие не менее агрессивную ответную реакцию с югославской стороны. Положение словенцев и хорватов, оказавшихся в результате послевоенного раздела территорий в Италии, также вносило раздор между странами. Убийство короля Александра стало поворотной точкой и знаменовало начало новой главы в итало-югославских отношениях.

ДВА ЗВЕНА «АНТИПОЛЬСКОГО КОЛЬЦА»: РОЛЬ ЧЕХОСЛОВАКИИ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ОУН И ЛИТВЫ В 1930-Х ГОДАХ

TWO LINKS OF “ANTI-POLISH RING”: THE ROLE OF CZECHOSLOVAKIA IN THE COOPERATION BETWEEN OUN AND LITHUANIA DURING 1930s

Аннотация. Статья посвящена значению, которое Чехословакия имела для взаимодействия Организации украинских националистов и оказывавшей ей поддержку межвоенной Литвы. Установлено, что граничившее с Польшей чехословацкое государство служило важной «перевалочной базой» для представителей ОУН и ее литовских партнеров: это было место координации антипольской пропаганды, «перевалочный пункт» для транспортировки нелегальной украинской прессы и площадка для налаживания связей между Литвой и украинскими эмигрантскими кругами в целом. В 1935–1936 гг., на фоне публичных обвинений Польшей Литвы в помощи «украинским террористам», официальная Прага резко пресекла контакты двух сторон на территории страны, и к осени 1938 г., когда Чехословакия прекратила свое существование, ее значительная роль в литовско-оуновском сотрудничестве была полностью исчерпана.

Ключевые слова: Чехословакия, Польша, Литва, украинские националисты, ОУН.

В межвоенный период практически все соседние с Польшей страны, кроме Румынии, в той или иной степени поддерживали антипольскую деятельность украинских организаций в эмиграции и в подполье в Восточной Галиции. Основанная в 1929 г. Организация украинских националистов (ОУН) получала помощь не только из Германии,

но и из Чехословакии и Литвы¹. В контекст литовско-чехословацких отношений этот сюжет до сих пор не вписан: в работе по истории литовско-чехословацких отношений в межвоенный период, в разделе «Роль Польши во внешней политике Литвы и Чехословакии в 1934–1937 гг.», нет буквально ни слова о том, как повлияла на двусторонние отношения поддержка обеими странами ОУН². В настоящей статье предпринята попытка пролить свет на значение Чехословакии для литовско-оуновского сотрудничества в 1930-х годах.

Как Чехословакия, так и Литва в межвоенную эпоху имели территориальные противоречия с Польшей: первая — в Тешинской Силезии, Ораве и Спише, вторая — в связи с Виленским регионом. Эти проблемы, время от времени выходившие на поверхность, в целом не мешали Варшаве и Праге выстраивать конструктивный диалог, хотя на протяжении межвоенного периода страны и вели «войну меньшинств»: Польша оказывала поддержку словацким, карпато-русинским и польским сепаратистам, Чехословакия — украинским³. Принадлежность Вильно (Вильнюса) была предметом более серьезных противоречий: Литва отказывалась восстанавливать с Польшей дипломатические отношения и последовательно провозглашала Вильнюс своей столицей.

К моменту создания в 1929 г. ОУН — организации, объединившей ряд националистических группировок за рубежом и в подполье на территории Польши, — украинские националисты имели опыт сотрудничества и с литовской,

¹ *Kulińska L. Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922–1939. Kraków: Fundacja Centrum Dokumentacji Czynu Niepodległościowego, 2009. S. 182.*

² *Bukelevičiūtė D. Lietuvos ir Čekoslovakijos dvišalių santykių dinamika 1918–1939 metais. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010.*

³ *Zięba A. A. Lobbing dla Ukrainy w Europie międzywojennej. Ukraińskie Biuro Prasowe w Londynie oraz jego konkurenci polityczni (do roku 1932). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. S. 140.*

и с чехословацкой стороной. В начале 1920-х годов власти и силовые структуры обоих государств отдавали предпочтение правительству ЗУНР в изгнании, но к концу десятилетия главным украинским партнером для них стала Украинская военная организация (УВО) — предшественница ОУН и ее будущее военное крыло⁴. Оба государства занимали важное место во внешнеполитической доктрине украинских националистов как составные части того, что один из лидеров ОУН образно называл «внешнеполитическим антипольским кольцом» (Литва — Данциг — Германия — Чехословакия)⁵. Идея опоясывающего Польшу «кольца» была сформулирована украинскими политиками давно: еще в феврале 1919 г. на совещании с представителями Литвы один из членов делегации УНР рассуждал о «литовско-белорусско-украинско-чешско-немецком кольце», которое Польша всеми силами старается прорвать⁶.

Чехословакия была первой страной, на территории которой возникли структуры ОУН, и постепенно стала основной базой деятельности организации за рубежом, поскольку в стране проживало 25 тыс. украинских эмигрантов, а сама она примыкала к населенным украинцами Галиции и Буковине⁷. Литва не граничила с украинскими землями и не могла похвалиться многочисленной украинской диаспорой, но из-за своей враждебности к Польше была более надежным спонсором и к тому же обеспечивала членов ор-

⁴ Jarnecki M. Irredenta ukraińska w relacjach polsko-czechosłowackich w latach 1918–1939. Kalisz — Poznań: Kaliskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2009. S. 170.

⁵ Мартинець В. Українське підпілля. Від У.В.О. до О.У.Н. Вінніпег: Українське Національне Об'єднання Канади, 1949. С. 277.

⁶ Архів Української Народної Республіки. Міністерство закордонних справ. Посольство в Німеччині. Частина 1. Кореспонденція Федора Штейнгеля, Миколи Порша, Романа Смаль-Стоцького та звіти Дипломатичного відділу (липень 1918 — березень 1923). К.: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського, 2021. С. 41.

⁷ Wysocki R. Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów w Polsce w latach 1929–1939. Geneza, struktura, program, ideologia. Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003. S. 368.

ганизации паспортами и визами⁸. В Чехословакии и Литве издавались главные печатные органы ОУН, подпольно переправлявшиеся в Галицию: в Праге — «Розбудова нації», в Каунасе — «Сурма». Процесс переправки газеты «Сурма» из Литвы на украинские земли Польши был трудоемок: из Каунаса свернутые в рулоны экземпляры отправлялись почтой в Данциг, Прагу и Берлин, а оттуда доставлялись на польско-чехословацкую границу и попадали в руки связных, которые переходили границу и прятали упаковки в уловленных местах. После этого свертки забирали курьеры, распространявшие издание по всей Западной Украине⁹. Таким образом, прочная «связка» между литовской и чехословацкой площадками была необходима ОУН не только для координации антипольской пропаганды, но и для транспортировки ее средств.

В 1929 г. пост министра иностранных дел Литвы занял Д. Заунюс, противник примирения с Польшей. В первом же заявлении для прессы он подтвердил, что целью внешней политики Литвы остается восстановление в этнографических границах со столицей в Вильнюсе¹⁰. Чехословакия для нового министра имела особое значение: он был послом в Праге до перехода на новую должность и формально сохранял ее за собой до октября 1932 года¹¹. Как следствие, весной 1930 г. в столице Чехословакии открылся филиал «Литовско-украинского общества» (ЛУО). Это заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, само по себе ЛУО, учрежденное в 1927 г. в Каунасе, было «ширмой» для контактов литовских правящих кругов с украинскими националистами. Украинцев в составе этой организации почти

⁸ Парфирьев Д. С. Антипольское сотрудничество Литвы и УВО-ОУН в межвоенный период // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 103.

⁹ Мартинець В. Указ. соч. С. 280.

¹⁰ Жепкайте Р. С. Литовско-польские отношения в 1919–1939 гг. и их место в политической констелляции Северо-Восточной Европы. Дисс. ... д. и. н. Вильнюс, 1983. С. 298.

¹¹ Bukelevičiūtė D. Op. cit. P. 39.

не было, однако ЛУО устраивало регулярные собрания и митинги и выпускало печатный орган, в то время как его литовско-белорусский и литовско-еврейский аналоги существовали лишь номинально¹². Во-вторых, нигде, кроме Чехословакии, ЛУО своих отделений не имело. Появление филиала сразу насторожило польскую военную разведку: за литовско-украинской «дружбой» в Праге скрупулезно следили внедренные в отделение агенты. Подборка их донесений отложилась в фондах II отдела Генерального (Главного) штаба Войска Польского в Российском государственном военном архиве (РГВА).

Председателем пражского филиала ЛУО стал бывший член УВО и глава организации «Комитет украинской пропаганды» Д. Равич, украинский студенческий активист, которого агент польской разведки называл одним из «самых выдающихся националистических агитаторов»¹³. Равич поддерживал связь как с Й. Аукштуолисом, сменившим Зауныюса на посту посла в Чехословакии в конце 1932 г., так и с литовским консулом в Праге¹⁴. С сотрудниками пражской литовской дипмиссии был знаком и один из главных идеологов ОУН В. Мартынец, посещавший литовско-украинские вечера в «Доме чешских инженеров»¹⁵. Как отмечалось в польских агентурных донесениях, за несколько дней до создания пражского отделения ЛУО его учредители нанесли визит поверенному в делах Литвы в Чехословакии, и тот пообещал оказать необходимую поддержку¹⁶.

Деятельность пражского филиала ЛУО быстро набирала обороты: уже 15 апреля 1930 г. на совещании руководства ОУН один из лидеров организации Н. Сциборский отмечал

¹² *Pšibilskis V. B. Mykolas Biržiška: patriot, mokslininko, kultūrininko gyvenimo ir veikios pėdsakai*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. P. 257–258.

¹³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308к. Оп. 7. Д. 625. Л. 10, 12.

¹⁴ Там же. Д. 314. Л. 5; Д. 625. Л. 21.

¹⁵ Там же. Д. 625. Л. 1, 4.

¹⁶ Там же. Л. 5.

успехи в Праге: «Молодежь, и в том числе члены ОУН, являются членами У-ЛО [sic! — Д. П.] и обмениваются мнениями с литовцами и информируют их о положении и борьбе нашей нации»¹⁷. Если среди членов каунасского ЛУО преобладали литовцы, то в деятельности пражского филиала, напротив, участвовали в основном украинцы. Так, на одном из «литовских вечеров» присутствовали около двадцати украинцев и всего четыре литовца — сотрудники посольства и члены их семей¹⁸. К некоторым мероприятиям, в основном, развлекательным, удавалось привлечь литовских студентов или офицеров, проходивших в Чехословакии обучение. В одном из донесений польской военной разведки в мельчайших подробностях описывалась поездка группы украинцев и литовцев в пригород Праги на пикник — вплоть до того, на какой трамвайной остановке был назначен сбор¹⁹.

Важным элементом сотрудничества каунасского ЛУО и его пражского филиала был обмен материалами для печати двух стран. В начале 1930-х годов, когда польские власти проводили на Западной Украине политику «пацификации» (то есть «умиротворения») украинцев, правительственный орган печати «*Lietuvos Aidas*» восемнадцать раз помещал информацию о «пацификации» на первую полосу, а сводки телеграфного агентства «*ELTA*» о событиях в Галиции публиковал ежедневно. Статьи о политике польского правительства в отношении украинцев публиковали все крупнейшие газеты и журналы Литвы²⁰. Историк А. Земба обратил внимание, что в основе своей это были переводы материалов из чехословацкой прессы²¹.

¹⁷ Протокол наради членів Проводу українських націоналістів та ОУН в Женеві 14–15 квітня 1930 р. // Документи і матеріали з історії Організації українських націоналістів. Т. 1. 1927–1930. К.: Видавництво ім. Олени Теліги, 2005. С. 289.

¹⁸ РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 625. Л. 21.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Сурма. 1931, січень. С. 8.

²¹ Zięba A. A. Op. cit. S. 142.

Польская агентура тщательно фиксировала приезды в Прагу сотрудников литовского МИД и их встречи там с украинскими националистами. Так, в 1931 г. из Каунаса в Прагу приезжал дипломат Д. Малинаускас, а в мае 1933 г. — сотрудница пресс-службы МИД Литвы М. Авиетенайте. По информации агента «Альфа», Малинаускас провел в столице Чехословакии несколько дней и почти каждый день обсуждал с украинцами некие конфиденциальные темы, например, выделение литовским правительством субсидий для четырех «литовско-украинских обществ», включая пражское (о других автору этой статьи ничего неизвестно). Авиетенайте, приехавшая в Прагу якобы на лечение, по данным «Альфа», также интересовалась украинскими проблемами и вела какие-то разговоры с украинскими эмигрантами²². Польский агент считал, что в задачи Авиетенайте входило обсуждение перспектив создания единого литовско-украинского фронта в антипольской пропаганде²³. Впрочем, визиты литовских дипломатов не были сконцентрированы на контактах с украинскими националистами: Авиетенайте в Праге общалась с чехословацкими журналистами и через месяц после визита участвовала в приеме коллег уже в Каунасе²⁴, а Малинаускас и вовсе имел личные мотивы приезда в Чехословакию. В начале 1920-х годов он возглавлял литовскую дипмиссию в Праге и после перехода Заунюса на пост главы МИД вновь хотел занять вакантное место, хотя сам Заунюс возражал против его кандидатуры²⁵.

Власти Чехословакии долгое время не только не препятствовали общению на своей территории антипольских деятелей, но и оказывали ему определенное содействие, в частности, предоставляли каунаским украинцам скидку на проезд в Чехословакию по железной дороге. Польская

²² РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 625. Л. 15–16.

²³ Там же. Д. 393. Л. 1.

²⁴ *Bukelevičiūtė D.* Op. cit. Op. cit. P. 251.

²⁵ *Ibid.* P. 39.

разведка зафиксировала несколько таких случаев, в одном из них получателем скидки был И. Ревюк-«Бартович», глава ячейки ОУН в Каунасе и один из руководителей ЛУО²⁶. Даже в 1932 г., когда чехословацкая полиция стала регулярно арестовывать членов ОУН и вынудила националистов перенести издательскую деятельность в Вену²⁷, отделение ЛУО в Праге продолжало свою деятельность. Впрочем, на фоне преследований украинских националистов некоторым из них пришлось перебраться в Литву. Р. Минив, проживший более десяти лет в Чехословакии и возглавлявший ячейку ОУН в Либерце, в 1932 г. был вынужден переехать в Каунас. В январе 1933 г. в посольство Польши в Праге поступила информация, что Минив «находится в членах украинского союза в Ковне» и ведет антипольскую агитацию среди студенческих организаций²⁸.

На примере деятельности пражского отделения ЛУО прослеживается желание литовцев расширить влияние среди украинцев в европейских странах, не ограничиваясь националистическими организациями. На мероприятиях можно было встретить украинских эмигрантов разных политических ориентаций: лидера «Украинской громады» Н. Галагана, который поддерживал дружеские отношения с литовским консулом в Праге, бывшего генерала армии УНР М. Омеляновича-Павленко, на некоторых мероприятиях присутствовали и белорусские эмигранты²⁹. В апреле 1932 г. ЛУО в Каунасе поручило соратникам в Чехословакии начать переговоры с преподавателями украинского университета в Праге об учреждении аналогичного учебного заведения в Каунасе. В письме подчеркивалось, что литовское правительство готово содействовать расширению каунасского украинского эмиграционного центра при одном

²⁶ Archiwum Akt Nowych (AAN). Poselstwo RP w Pradze. Sygn. 128. K. 3.

²⁷ Wysocki R. Op. cit. S. 368–369.

²⁸ AAN. Poselstwo RP w Pradze. Sygn. 128. K. 3.

²⁹ РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 279. Л. 4об, 7, 19–20.

условии — представлять его будут не только националисты, но и иные группировки с видными украинскими деятелями. Литовские власти были готовы выделять на содержание этого учебного заведения от 30 до 40 тыс. долларов ежегодно³⁰. В результате до создания университета дело так и не дошло.

Значительным ударом по позициям ОУН в Чехословакии стали переговоры властей этой страны с СССР о заключении пакта о взаимопомощи: к тому времени украинские националисты открыто занимали антисоветскую позицию, «точкой невозврата» стало убийство боевиком ОУН сотрудника советского консульства во Львове А. Майлова³¹. Последнее донесение агента «Олека» в подборке материалов о деятельности пражского филиала ЛУО датируется 24 апреля 1935 г.³². Договор между СССР и Чехословакией был подписан 16 мая, но украинским националистам стало ясно еще раньше, что подписание состоится: уже 2 мая в письме соратнику Е. Коновалец сокрушался, что «мы потеряли... ЧСР — из-за ее компромисса с большевиками»³³. В благоприятных условиях власти Польши решили окончательно «разорвать» сложившееся к концу 1920-х гг. «антипольское кольцо». Удобный случай представился после того, как в распоряжение польских властей попали материалы «архива Сеника».

Под условным названием «архив Сеника» подразумевается комплекс документов и корреспонденции руководства ОУН, который хранился в Праге под надзором ближайших соратников Коновальца Е. Сеника и Я. Барановского. Дол-

³⁰ AAN. Poselstwo RP w Pradze. Sygn. 1041. К. 49–50.

³¹ Парфиров Д. С. Теракт ОУН в советском консульстве во Львове в контексте советско-польских отношений // Семинар / Семинар / Seminarium. Вып. 2 (7). СПб., 2015. С. 47–56.

³² РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 625. Л. 26.

³³ Цит. по: Ляхович Є. Діяльність ОУН у Лондоні в 1933–1935 роках // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен: Фундація ім. Євгена Коновальця, 1974. С. 924.

гое время судьба архива была неизвестна, но несколько лет назад польский историк М. Гибец обнаружила его в фонде Львовского апелляционного суда в Центральном государственном историческом архиве Украины во Львове³⁴. Точные время и обстоятельства, при которых «архив» был обнаружен и конфискован чехословацкой полицией, до сих пор не установлены. По одной версии, полицейские изъяли его из пражской квартиры Сеника весной или осенью 1933 г., по другой — весной 1935 г.; некоторые оуновцы и вовсе считали, что Сеник и Барановский были польскими агентами и сами «сдали» документы властям. Достоверно неизвестно и то, когда и как «архив Сеника» попал в руки польских властей — на официальном уровне чехословацкая сторона документы не передавала³⁵. В любом случае едва ли передача произошла позднее начала августа 1935 г., поскольку к концу октября польские следственные органы уже изучили все полученные материалы, а сделать это менее чем за три месяца — с учетом объема «архива» — едва ли представлялось возможным. Из данных «архива Сеника» польские власти узнали, что в Литве действовало представительство ОУН во главе с сотником И. Ревюком-«Бартовичем», которому литовское правительство ежегодно выплачивало средства для передачи руководству ОУН; что литовцы обеспечивали украинских националистов паспортами и визами. Наконец, среди материалов «архива» было обнаружено письмо Коновальца, в котором он подробно описывал ход встречи

³⁴ *Gibiec M.* Senyk's Archive and its significance for studies on the behind-the-scenes picture of the Organisation of Ukrainian Nationalists. New research perspectives in the light of discovered correspondence // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. Vol. 54. S. 115.

³⁵ *Żeleński W.* Zabójstwo ministra Pierackiego. Warszawa: Iskry, 1995. S. 52; *Мірчук П.* Нарис історії ОУН. 1920–1939 роки. К.: Українська видавнича спілка, 2007. С. 288; *Кенітій А. В.* Нариси історії Організації українських націоналістів (1929–1941 pp.). К.: Інститут історії НАН України, 1998. С. 53–54; *Муравський В.* Документи міністерства закордонних справ Чехословаччини про так званий «Архів Сеника» // *Український вивольний рух*. 2006. 36. 6. С. 8–10, 18.

с министром иностранных дел Литвы Д. Заунюсом осенью 1932 г. в Женеве³⁶. Версия о том, что компрометирующие Заунюса сведения содержались в материалах «архива Сеника», не бесспорна. Известный деятель УВО-ОУН З. Кныш, например, считал, что никакого «архива» вовсе не существовало, и приписываемые ему документы попали в распоряжение поляков по отдельности, а часть и вовсе была сфальсифицирована³⁷. Так или иначе, к какому-то моменту в руках поляков оказалось достаточно материалов для обвинения литовских властей.

Предать огласке данные, компрометирующие руководство Литвы, было решено в рамках судебного процесса по делу молодых членов ОУН, которым инкриминировались организация и подготовка убийства главы МВД Польши Б. Перацкого 15 июня 1934 г. Обвинение выстраивалось преимущественно на материалах «архива Сеника». В обвинительном акте по делу об убийстве Перацкого от 2 ноября 1935 г. литовской поддержке ОУН посвящался целый раздел. «УВО было бы трудно содержать свой административный аппарат за рубежом и продолжать преступную деятельность в Польше, — говорилось в документе, — если бы не помощь, выделяемая ей правительством Литовской республики»³⁸. Литва была единственной страной, власти которой прямо обвинялись в помощи «террористам». Общественный резонанс достиг своего апогея после 20 ноября, когда данные об оуновско-литовском сотрудничестве были озвучены на заседании суда. В этот и последующие дни передовицы польских газет пестрели такими заголовками, как «Литва предоставляла материальную помощь украинским террористам на осуществление теракта» или «Литовское правительство снабжало преступников деньга-

³⁶ *Żeleński W.* Op. cit. S. 56–57.

³⁷ *Муравський В.* Указ. соч. С. 13–14.

³⁸ Варшавський акт обвинувачення Степана Бандери та товаришів. Львів: Центр досліджень визвольного руху, 2005. С. 100.

ми и паспортами»³⁹. 24 ноября 1935 г. польское посольство в Праге направило в Варшаву фотокопии нескольких документов, проливающих свет на характер литовско-оуновских контактов: послание из министерства труда США на имя «Омеляна Грибаускаса» (то есть Е. Сеника), а также шесть писем, отправителями и адресатами которых были высокопоставленные деятели ОУН⁴⁰. В последних шла речь об обстоятельствах поездок Р. Сушко и Е. Сеника на североамериканский континент и о том, как литовцы помогали им в получении необходимых документов⁴¹.

Власти Чехословакии были недовольны тем, в какой форме Польша публично обвинила власти Литвы: доводы прокурора В. Желеньского не только внесли диссонанс в литовско-чехословацкие отношения, но и содержали косвенные обвинения против Праги⁴². Однако предъявлять претензии самой Чехословакии польские власти не стали. 15 января 1936 г., выступая в комиссии сейма по иностранным делам, глава МИД Польши Ю. Бек ограничился упоминанием Литвы как «соседа, не признающего в отношении нас никаких норм соседства, применяемых цивилизованными странами», и отдельно прокомментировал улики против Литвы, преданные огласке в связи с судебным процессом в Варшаве⁴³. На то, что польские власти намеревались разоблачить именно Литву, указывает отсутствие в следственных материалах упоминаний о связях ОУН с правящими кругами других государств. В экспозе для польского посла в Праге Ю. Бек воздерживался от обвинения Чехословакии в поддержке «украинской террористической акции», хотя

³⁹ *Express Wieczorny Ilustrowany* (Łódź). 20 listopada 1935. S. 1; *Ostatnie Wiadomości* (Białystok). 20 listopada 1935. S. 1.

⁴⁰ AAN. Poselstwo RP w Pradze. Sygn. 130. K. 209–211.

⁴¹ *Муравський В.* Указ. соч. С. 29.

⁴² *Jarnecki M.* Op. cit. S. 179.

⁴³ *Beck J.* *Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1937.* Warszawa: Gebethner i Wolff, 1938. S. 197.

в материалах «архива Сеника» имелись «материалы, компрометирующие ее не меньше, чем Литву»⁴⁴. То же, впрочем, касалось и Германии⁴⁵. Литовская общественность задавалась вопросом, почему Польша обвиняет в причастности к убийству Перацкого Литву, а о связи украинских националистов с Германией и Чехословакией говорить не осмеливается⁴⁶.

Обнародование сведений об антипольском сотрудничестве литовцев и украинских националистов обеспокоило Каунас. В феврале 1936 г. С. Лозорайтис через посла Литвы в Праге Э. Тураускаса довел до сведения МИД Чехословакии, что интересуется содержанием документов, на основании которых его предшественник был обвинен в «поддержке украинских террористов»⁴⁷. Информацию о материалах «архива Сеника» с пометкой «строго для личного использования» выслали в посольство Чехословакии в Каунасе для демонстрации Лозорайтису⁴⁸. Тураускас, тем временем, получил возможность ознакомиться с оригиналами. Присутствовавший при этом ознакомлении сотрудник МИД Чехословакии зафиксировал, что посол интересовался только документами, имеющими отношение к Литве. Литовский посол попросил представителей чехословацкого МИД оповестить его на случай, если появятся новые сведения о контактах Заунюса с Коновальцем, а также сообщить, если еще какие-то документы, касающиеся Литвы, попадут в распоряжение польских властей. Как пояснял Тураускас, Литва хочет быть готовой к возможной подаче Польшей жалобы в Лигу наций⁴⁹.

⁴⁴ Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945). М.: РИПОЛ классик, 2009. С. 98.

⁴⁵ *Żeleński W.* Op. cit. S. 57.

⁴⁶ AAN. MSZ. Sygn. 6164. K. 21.

⁴⁷ *Муравський В.* Указ. соч. С. 20.

⁴⁸ Там же. С. 26.

⁴⁹ Там же. С. 29.

События 1935–1936 гг. вынудили Литву минимизировать масштабы взаимодействия с украинскими националистами, а Чехословакии показали, что к этому сотрудничеству не стоит возвращаться. В 1938 г., после принятия польского ультиматума и восстановления дипломатических отношений с Польшей, первая будет вынуждена полностью дистанцироваться от поддержки ОУН⁵⁰, а вторая прекратит свое существование, но тем самым даст украинским националистам возможность побороться за создание украинского государства в Закарпатье. В октябре 1938 г., когда руководство ОУН предложит литовским дипломатам поддержать стремление украинцев к независимости и нанести визит в Закарпатье, литовская сторона это приглашение проигнорирует⁵¹.

⁵⁰ РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 72. Л. 81.

⁵¹ *Посівнич М.* Военно-політична діяльність ОУН в 1929–1939 роках. Львів: Афіша, 2010. С. 195.

Пётр Владимирович МОШЕЧКОВ

(Москва)

DOI: 10.31168/7576-0222-6.07

ЧЕХОСЛОВАКИЯ И МАЛАЯ АНТАНТА В 1933–1938 гг. : ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СОЮЗА

**CZECHOSLOVAKIA AND THE LITTLE ENTENTE
IN 1933–1938: ECONOMIC ASPECTS OF MUTUAL
RELATIONS AMONG THE MEMBERS OF ALLIANCE**

Аннотация. Статья посвящена экономической политике Первой Чехословацкой республики в отношении своих союзниц по Малой Антанте — Румынии и Югославии. Целью проводившегося ее правительством курса была попытка воплотить в жизнь разрабатывавшийся Министерством иностранных дел ЧСР план по углублению интеграции между участниками блока не только в политической, но и в экономической сферах. Выбранная Прагой стратегия была необходима для противодействия германской экспансии в Юго-Восточной Европе, направленной на развал малоантантовского союза. Ввиду этого основное внимание в статье уделено истории учреждения и проведения заседаний Экономического совета Малой Антанты, равно как и освещению принятых в ходе них решений, касающихся укрепления взаимного экономического сотрудничества. Исследование показало, что отсутствие каких-либо значимых успехов на данном направлении было вызвано не только позициями румынских и югославских правительственных кругов, на протяжении рассматриваемого периода все больше склонявшихся к политике нейтралитета и сближению с Германией, но и внутривнутриполитическими аспектами, в первую очередь, позицией аграрных кругов ЧСР, требовавших не предоставлять преференций югославской и румынской сторонам в области внешней торговли.

Ключевые слова: Экономический совет Малой Антанты, внешняя торговля, система контингентов, преференциальный режим, германская экспансия в Юго-Восточной Европе, Э. Бенеш, Я. Шеба.

Политическая составляющая отношений между Чехословакией, Румынией и Югославией в 1933–1938 гг. достаточно подробно изучена в отечественной историографии. На сегодняшний день существует определенный пласт работ, в которых освещается восприятие правительственными кругами стран Малой Антанты обсуждавшихся европейской дипломатией проблем, связанных с установлением системы коллективной безопасности в регионе (в том числе проектов Восточного и Дунайского пактов), равно как и произведенной гитлеровской Германией 7 марта 1936 г. оккупации демилитаризованной Рейнской области. Много внимания уделяется в них и курсу Берлина, направленному на подчинение своему экономическому и политическому влиянию Румынии и Югославии, попыткам претворения в жизнь в 1936–1937 гг. проекта договора о взаимной помощи между Францией и малоантантовским блоком, а также позиции, занятой румынскими и югославскими правящими кругами во время майского и сентябрьского кризисов 1938 г. вокруг Чехословакии, а впоследствии — подписания 29 сентября 1938 г. А. Гитлером, Н. Чемберленом, Э. Даладье и Б. Муссолини Мюнхенского соглашения. К наиболее значимым из них можно отнести не потерявшие своей актуальности труды С.И. Прасолова¹, А.С. Постникова², И.А. Петерса³, А.Ф. Кизченко⁴, В.К. Волкова⁵, Я.М. Копанского и И.Э. Ле-

¹ Прасолов С.И. Чехословакия в европейской политике. 1935–1938 гг. М.: Наука, 1989.

² Постников А.С. Переговоры Франции и стран Малой Антанты о заключении договора о взаимопомощи (июнь 1936 — апр. 1937) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1932–1945): Сборник научных трудов / отв. ред. И.Н. Чемпалов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 33–46.

³ Петерс И.А. СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев: Наукова думка, 1971.

⁴ Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии накануне второй мировой войны, май 1935 г. — март 1939 г.: дис. ... д. и. н. Киев, 1972. 596 с.

⁵ Волков В.К. Внешняя политика Югославии в 1935–1936 гг. // Советское славяноведение. 1965. № 1. С. 34–45; Он же. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. М.: Наука, 1966; Он же. Проект Дунай-

вита⁶, Н.И. Лебедева⁷, А.А. Шевякова⁸, А.А. Язьковой⁹, равно как и изданную в 2013 г. монографию В.В. Марьиной, посвященную жизни и деятельности министра иностранных дел и второго президента ЧСР Э. Бенеша¹⁰. В меньшей степени отечественными исследователями рассмотрен вопрос о попытках чехословацкой дипломатии в 1935–1938 гг. укрепить экономические связи со своими союзниками по Малой Антанте. В связи с этим представляется необходимым уделить особое внимание экономической составляющей внешнеполитического курса, проводимого Чехословакией в обозначенный период в отношении своих партнеров по блоку. Основной целью чехословацкой политики было не только достижение интеграции между тремя странами в сфере экономики, но и распространение проектируемой правительственными кругами ЧСР системы на всю Центральную и Юго-Восточную Европу.

ского гарантийного пакта и Малая Антанта (1934–1935) // Политиката на великите сили на Балканите в навечерието на Втората световна война / ред. Н.Т. Тодоров, Х.И. Михова. София: Изд. на Бълг. акад. на науките, 1971. С. 5–37. (Studia balcanica. 4); *Он же*. Мюнхенский сговор и балканские страны. М.: Наука, 1978.

⁶ *Копанский Я.М., Левит И.Э.* Происки гитлеровской Германии в Румынии и новые тенденции во внешней политике румынских правящих кругов (1933–1934 гг.) // Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. Сборник статей / отв. ред. В.К. Волков. М.: Наука, 1974. С. 212–221.

⁷ *Лебедев Н.И.* Внешняя политика буржуазно-помещичьих кругов Румынии (1932–1938 гг.) // Вопросы истории. 1967. № 8. С. 60–77; *Он же*. Глава вторая. От ориентации на Запад к сближению с гитлеровской Германией // Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976. С. 100–176.

⁸ *Шевяков А.А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии (1936–1941 гг.). Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1963; *Он же*. Внешняя политика Румынии в период Мюнхена // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 71–84; *Он же*. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932–1939. М.: Наука, 1977.

⁹ *Язькова А.А.* Румыния накануне второй мировой войны, 1934–1939 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963; *Она же*. Малая Антанта и Мюнхен. [1938 г.] // Новая и новейшая история. 1967. № 4. С. 61–71; *Она же*. Малая Антанта и проблемы коллективной безопасности в Восточной Европе (1933–1934 гг.) // Новая и новейшая история. 1972. № 6. С. 84–98.

¹⁰ *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М.: Индрик, 2013.

Вторая половина 1930-х годов ознаменовала собой кардинальные изменения в сложившейся в Европе системе международных отношений. Становилось все более заметным ослабление позиций Французской Республики в регионе. Одновременно укрепилось влияние Германии, вступившей на путь пересмотра Версальско-Вашингтонской системы мирных договоров после прихода к власти в 1933 г. А. Гитлера. Одним из направлений ее внешней политики стала экономическая экспансия на Балканы и в государства Дунайского бассейна с целью установления их внешнеторговой зависимости от немецкого рынка¹¹. Основным конкурентом Германии на данном направлении являлась фашистская Италия, равным образом стремившаяся укрепить и расширить свое влияние в регионе. 17 марта 1934 г. после состоявшихся в Риме между Б. Муссолини, австрийским канцлером Э. Дольфусом и премьер-министром Венгрии Д. Гёмбёшем трехдневных переговоров, были подписаны так называемые Римские протоколы, что ознаменовало собой формирование трехстороннего итало-австро-венгерского блока¹².

Экономическая экспансия Германии на Юго-Востоке Европы, внешняя политика Италии, направленная на усиление ее позиций в регионе, рост ревизионистских настроений в Германии, Италии, Австрии, Венгрии и Болгарии, равно как и недоверие к политике Франции, готовой идти на уступки требованиям Германии и Италии¹³, не могли

¹¹ См.: Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. С. 45–47, 133–136; Чемпалов И.Н. Германская экспансия на Балканах в 1933–1938 гг. // Ученые записки Уральского государственного университета имени А.М. Горького. 1958. Вып. 25. С. 54.

¹² Зуппан А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 191; Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 — январь 1937 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 45–47.

¹³ Так, в 1932 г. правительство Третьей республики согласилось признать за Германией равноправие в вооружениях. См.: Рябоконь С.И. Политика Франции в странах Малой Антанты в 1932–1933 гг. (от плана «Тардьё» до Организационного пакта Малой Антанты) // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке: сборник научных трудов / отв. ред. И.Н. Чемпалов. Свердловск: УРГУ, 1988. С. 57.

не вызывать опасений в Чехословакии, одним из ключевых постулатов внешнеполитической концепции которой было сохранение статус-кво в Дунайском регионе¹⁴. В сложившейся ситуации ее правительственные круги предпринимали попытки укрепить отношения страны со своими союзницами по Малой Антанте, Румынией и Югославией, за счет развития взаимных контактов, в первую очередь, в политической и экономической областях¹⁵.

Начало обсуждению проблем, направленных на достижение обозначенной выше цели, было положено уже в рамках состоявшейся 18–19 декабря 1932 г. в Белграде чрезвычайной конференции Малой Антанты, в которой приняли участие министры иностранных дел трех стран — Эдуард (Эдвард) Бенеш, Николае Титулеску и Боголюб Евтич¹⁶. По инициативе, исходившей от чехословацкой и румынской сторон, участники конференции приняли решение о создании органа, призванного координировать вопросы внешней политики входивших в блок стран — Постоянного совета Малой Антанты¹⁷. Его основные функции были отображены в подписанном 16 февраля 1933 г., по результатам трехсторонней встречи, состоявшейся в Женеве¹⁸, министрами

¹⁴ *Harna J.* Summary. Crisis of the Versailles System and Czechoslovakia in the 1930s // *Voráček E. and others.* The Disintegration of Czechoslovakia in the End of 1930s. Policy in the Central Europe. Prague: Institute of History, 2009. P. 42.

¹⁵ *Пол И.И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939). М.: Наука, 1972. С. 16–17; *Arpáš R.* Predpoklady realizácie Hodžovej koncepcie stredoeurópskeho priestoru v 30. rokoch 20. storočia // *Milan Hodža ako aktér medzinárodných vzťahov / red. V. Gonč, M. Pekník a kol.* Bratislava: Ústav politických vied SAV; VEDA, 2015. S. 241.

¹⁶ *M. Naggjar*, ministre de France à Belgrade, à *M. Paul-Boncour*, Ministre des Affaires étrangères. Belgrade, 19 décembre 1932 // *Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1^{re} série (1932–1935) / réd. M. Baumont, P. Renouvin, F. Gardat, G. Taboulet, Y. Lacaze.* Paris: Imprimerie nationale, 1966. T. II (15 novembre 1932–17 mars 1933). № 120. P. 280–281.

¹⁷ *Рябоконь С.И.* Политика Франции в странах Малой Антанты... С. 57–58.

¹⁸ *Chmelář J.* Československá zahraniční politika v r. 1933 // *Zahraněční politika. 1934. Roč. XIII. Sešit 2.* S. 86–87. Автор данной статьи рассматривал эту встречу глав внешнеполитических ведомств трех стран как первое заседание Постоянного совета Малой Антанты. См.: *Ibid.* S. 86.

иностранных дел Чехословакии, Румынии и Югославии Организационном пакте. Так, Постоянный совет должен был «проводить как минимум три сессии в год»; одна из них должна была в обязательном порядке проходить в Женеве, а другая, по очереди, «в одной из трех стран». Оговаривался здесь и порядок председательства в Совете. Руководство данным органом должен был осуществлять министр иностранных дел того государства Малой Антанты, на территории которого предстояло проводить его ежегодное заседание¹⁹. Официально Организационный пакт Малой Антанты вступил в действие 30 мая 1933 г., в день, когда в Праге в рамках второго заседания Постоянного совета Малой Антанты (30 мая — 1 июня 1933 г.) подписавшие его стороны произвели обмен ратификационными грамотами²⁰.

Особое место в новой структуре Малой Антанты отводилось укреплению связей между входящими в нее странами в сфере экономики. Уже в тексте Организационного пакта было обозначено решение сторон основать ее Экономический совет, задуманный в качестве вспомогательного органа совещательного характера при Постоянном совете Малой Антанты (статья 7)²¹. Согласно его статуту, данная структура должна была состоять из трех национальных секций: чехословацкой²², югославской и румынской, в каждую из которых должно было входить по 5 постоянных официальных членов, представляющих такие отрасли экономики как сельское хозяйство, промышленность, торговая политика, транспорт и финансы. Помимо них, к работе Совета пред-

¹⁹ См.: *Organizační pakt Malé Dohody*. Ženeva, 16. února 1933 // *Zahraniční politika*. 1933. Roč. XII. Sešit 3. S. 221–223.

²⁰ *Niederle M. Hospodářské společenství států Malé Dohody* // *Zahraniční politika*. 1933. Roč. XII. Sešit 5–6. S. 313; *Přehled politický a hospodářský* // *Ibid.* S. 342.

²¹ *Organizační pakt Malé Dohody*. Ženeva, 16. února 1933. S. 222.

²² Чехословацкая секция Экономического совета и соответствующий секретариат при ней были основаны решением правительства ЧСР от 17 ноября 1933 г. См.: *Niederle M. Idea hospodářské spolupráce států Malé dohody* // *Zahraniční politika*. 1934. Roč. XIII. Sešit 3–4. S. 178.

стояло привлекать и специально создаваемые для изучения отдельных вопросов национальные комитеты и комиссии.

При каждой из трех национальных секций должен был действовать собственный экономический секретариат, в рамках которого сосредотачивались все контакты «как между внутренними учреждениями и институциями и национальной секцией, так и между самими национальными секциями». Предполагалось, что изначально проекты по сотрудничеству в области экономики будут разрабатываться соответствующими органами внутри каждого из государств Малой Антанты, после чего поступать на рассмотрение в национальные комиссии и секции, которые, в свою очередь, передавали бы их для тщательного изучения всему Экономическому совету. Последний, после проведения необходимого оформления и корректировки представленного плана, должен был направлять его на одобрение Постоянного совета Малой Антанты, через посредничество которого соответствующий проект направлялся для ознакомления правительствам Чехословакии, Румынии и Югославии. И только после получения их согласия стороны могли приступить к реализации проекта «под надзором Экономического совета или же его национальных секций и органов, особо к тому призванных».

Заседания Экономического совета Малой Антанты должны были проводиться как минимум четыре раза в год, «поочередно и попеременно» в столицах государств блока. На них предстояло проводить обсуждение работы отдельных национальных секций, а затем, на основании его, выносить соответствующие резолюции, подлежащие утверждению Постоянным советом Малой Антанты²³.

Кроме статута Экономического совета Малой Антанты представители Чехословакии, Румынии и Югославии при-

²³ *Niederle M.* Hospodářské společenství států Malé Dohody... S. 313–314; *Idem.* Idea hospodářské spolupráce států Malé dohody // *Zahraniční politika.* 1934. Roč. XIII. Sešit 2. S. 101–102.

няли и программу экономического сотрудничества между тремя сторонами. Ее основной целью было «углубить взаимный обмен товарами, укрепить сотрудничество в области промышленного предпринимательства, интенсифицировать взаимную деятельность действующих экономических институтов государств Малой Антанты, как торговых, промышленных, сельскохозяйственных, кооперативных, так и иных, вызвать как можно более тесное сотрудничество в области транспорта, <...> финансовой области, проводить унификацию и сближение всех законодательных и иных постановлений, способных повлечь за собой желаемое углубление экономических взаимоотношений, дополнить и объединить сеть действующих экономических соглашений, сотрудничать в вопросах туризма, экономической пропаганды и иных, <...> солидарно выступать в сфере международной экономической деятельности вообще»²⁴. Интересно отметить, что программа предусматривала создание специального учреждения для исследования и претворения в жизнь обозначенных выше задач — экономического института Малой Антанты²⁵. В области торговых отношений между тремя странами она предполагала введение преференциального режима²⁶, а конечной целью политики сближения между

²⁴ Чехословацкая дипломатия предполагала, что благодаря тесному взаимодействию между представителями стран Малой Антанты, которого можно будет достичь в рамках ее Экономического совета, станет возможной реализация на практике постепенной координации экономических интересов государств блока «в отношениях с третьими государствами», в том духе, в каком это предусматривала 7-я статья Организационного пакта Малой Антанты. Впоследствии это помогло бы создать и укрепить основу «для организованного сотрудничества на международном поле вообще», чему, со своей стороны, способствовало бы проведение Чехословакией, Румынией и Югославией совместного курса как в «действующих международных организациях», таких как Международная торговая палата, Международная Дунайская комиссия, Экономическая и финансовая организация Лиги Наций, Международная организация труда, так и на международных экономических конференциях. См.: *Niederle M. Hospodářské společenství států Malé dohody...* S. 316–317.

²⁵ *Ibid.* S. 314.

²⁶ *Niederle M. Idea hospodářské spolupráce států Malé dohody.* S. 179.

Чехословакией, Румынией и Югославией провозглашалось образование таможенного союза. Предполагалось «согласовать интересы всех трех государств», чтобы в рамках блока Малой Антанты они «взаимно дополняли друг друга как в области промышленного, так и сельскохозяйственного предпринимательства, и этим коллективным путем создали высшую и сильную экономическую единицу»²⁷.

Сразу же после заседания Постоянного совета Малой Антанты в Праге чехословацкая, румынская и югославская стороны приступили к подготовительной работе, направленной на создание отдельных секций Экономического совета, секретариата и комитета специалистов при нем. Помимо этого, «в сотрудничестве с компетентными органами», было разработано 14 проектов, касающихся проблемы постепенного достижения взаимодействия между странами Малой Антанты в различных областях экономической деятельности. Они подверглись обсуждению вначале на конференции Постоянного совета Малой Антанты в Синае (24–27 сентября 1933 г.), а затем — в ходе состоявшихся с 23 ноября по 2 декабря 1933 г. в Белграде предварительных консультаций экспертов. Во второй половине декабря 1933 г. планы, касающиеся товарообмена ЧСР с Румынией и Югославией на 1934 г., были переданы румынскому и югославскому правительствам²⁸.

Первое заседание Экономического совета Малой Антанты состоялось 9–17 января 1934 г.²⁹. В его рамках было принято 16 резолюций, «касающихся окончательного упорядочения экономических взаимоотношений», в первую очередь, повышения объема товарообмена (на следующий,

²⁷ *Niederle M. Idea hospodářské spolupráce států Malé dohody. S. 179–180.*

²⁸ *Přehled politický a hospodářský // Zahraniční politika. 1933. Roč. XII. Sešit 11–12. S. 716; Niederle M. Idea hospodářské spolupráce států Malé dohody. S. 178.*

²⁹ *Pražská a záhřebská konference Malé dohody // Zahraniční politika. 1934. Roč. XIII. Sešit 1. S. 45.*

1935 г., его предполагалось увеличить на 50 % «при курсе валюты 1:1»). Предусматривались и дальнейшее урегулирование взаимодействия в сферах железнодорожного, водного, почтового и воздушного транспорта, равно как и проведение «унификации некоторых областей права» с целью упрощения взаимообмена товарами³⁰. Второе заседание Экономического совета Малой Антанты состоялось в Бухаресте с 30 апреля по 9 мая 1934 г. На его повестке дня стояли, в основном, вопросы, связанные с организацией сотрудничества в области железнодорожного транспорта и судоходства по Дунаю. Третье, которому предшествовала прошедшая в Белграде работа четырех комиссий экспертов в области экономики, состоялось в югославской столице 24 сентября. Помимо этого, 29 октября в Бухаресте была организована встреча руководителей эмиссионных банков Чехословакии, Румынии и Югославии, а 6 декабря 1934 г. «и в последующие дни» были проведены двусторонние чехословацко-румынские переговоры о заключении нового торгового и клирингового соглашения³¹.

Однако следующий, 1935 г. наглядно продемонстрировал отсутствие единой позиции между странами-союзницами по Малой Антанте в вопросе развития экономического сотрудничества, несмотря на то, что по результатам 4-го заседания Экономического совета, состоявшегося в Праге 18–27 февраля 1935 г. под председательством руководителя IV (экономической) секции МИД ЧСР Ю. Фридмана, был разработан план обмена товарами на текущий год, а присутствовавшие на нем эксперты уделили много внимания дальнейшим возможностям сближения между сторонами³².

³⁰ *Niederle M.* Idea hospodářské spolupráce států Malé dohody. S. 178; *Hospodářský přehled // Zahraniční politika.* 1934. Roč. XIII. Sešit 1. S. 52.

³¹ *Chmelář J.* Československá zahraniční politika v roce 1934 // *Zahraniční politika.* 1935. Roč. XIV. Sešit 2. S. 96.

³² *Chmelář J.* Československá zahraniční politika v roce 1935 // *Zahraniční politika.* 1935. Roč. XIV. Sešit 12. S. 673–674; *Straka J.L.* Obchodní politika ČSR v roce 1935 // *Ibid.* S. 679.

Камнем преткновения оказалась реализация на практике достигнутых договоренностей относительно предоставления контингентов. Так, весной 1935 г. чехословацкое правительство признало свое обязательство предоставить партнерам по блоку контингенты на сельскохозяйственные товары. Однако в ходе 5-го заседания Экономического совета Малой Антанты, прошедшего 17–24 июня 1935 г. в Бухаресте, представители чехословацкой делегации заявили, что Чехословакия не может выкупить товары, по которым было достигнуто соглашение. Впрочем, незадолго до его закрытия, чехословацкая сторона заявила о своем согласии на поставку из Югославии 10 тысяч вагонов пшеницы и 32 вагонов карпа³³. Кроме того, между чехословацкой и югославской сторонами были проведены переговоры в области урегулирования некоторых вопросов, связанных с таможенными тарифами, в результате которых югославские представители согласились предоставить Чехословакии особые льготы по уплате таможенных пошлин на ввоз в их страну пива и минеральных вод. В рамках этого же заседания Совета была достигнута договоренность об урегулировании импорта Чехословакией из Румынии зерновых культур «в соответствии с нынешними чехословацкими условиями»³⁴.

Обсуждению подвергся и ряд вопросов второстепенного характера. Так, например, участники заседания в очередной раз приняли решение об установлении более тесного сотрудничества между чехословацкой, югославской и румынской сторонами в области железнодорожного сообщения и судоходства, признали необходимость унификации пошлинного законодательства и хозяйственной статистики, равно как и усовершенствования почтовой связи между странами Малой Антанты и Балканской Антанты. Таким образом,

³³ *Sládek Z.* Malá dohoda 1919–1938: její hospodářské, politické a vojenské komponenty. Praha: Karolinum, 2000. S. 211.

³⁴ *Ský.* Obchodně-politické, hospodářské aktuality // *Zahraniční politika.* 1935. Roč. XIV. Sešit 6. S. 364.

следует еще раз подчеркнуть, что работа летней сессии Экономического совета Малой Антанты наглядно продемонстрировала наличие весомых противоречий в отношениях между тремя государствами в области экономики: их представителям так и не удалось прийти к соглашению в вопросах, связанных с определением объема и условий торговли³⁵.

Когда в первой половине 1935 г. между главой МИД Франции П. Лавалем и Б. Муссолини стартовали переговоры о франко-итальянском сближении и претворении в жизнь проекта так называемого Дунайского пакта, чехословацкая сторона сразу же выразила согласие с ним³⁶. Как полагал Э. Бенеш, этот проект мог создать благоприятные условия для сближения в области экономики между государствами «римского блока» и Малой Антантой. На очередном заседа-

³⁵ Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии... С. 236–237.

³⁶ Оценивая итальянскую политику в 1935 г. и, в первую очередь, сближение между Италией и Францией, которое ознаменовалось заключением 7 января в Риме франко-итальянского соглашения, затрагивающего проблемы, связанные с решением колониальных вопросов между обеими державами, германской позицией в вопросах вооружений и устройством Центральной и Юго-Восточной Европы, сотрудник информационного отдела МИД ЧСР, редактор журнала «Zahraniční politika» Й. Хмеларж в своей статье «Путь к Дунайскому пакту» отмечал, что на нее в значительной степени повлияла предпринятая 25 июля 1934 г. австрийскими национал-социалистами попытка государственного переворота в Вене. Чехословацкая дипломатия высказывала предположение, что отныне Италия самым непосредственным образом будет проявлять интерес к сохранению независимости Австрии, что, в свою очередь, предполагало организацию и сотрудничество «всех компонентов дунайской области». В статье подчеркивалось, что итальянская сторона «осознает значение Малой Антанты как целого и отдельных ее членов» и поэтому постепенно возвращается к тому курсу отношений с ними, которого она придерживалась в первые послевоенные годы. См.: *Chmelář J. Cesta k Dunajskému paktu // Zahraniční politika. 1935. Roč. XIV. Sešit 4–5. S. 241.* Договоренности, которых достигли П. Лаваль и Б. Муссолини в Риме, подверглись обсуждению уже на заседании Постоянного совета Малой Антанты в Любляне, состоявшемся 11 января 1935 г. Согласно принятому по его результатам решению, чехословацкая, румынская и югославская стороны заявили о положительном отношении к ним, равно как и о своем намерении «работать со всеми заинтересованными странами, чтобы «принципы римских соглашений были реализованы в наиболее искреннем духе» и стараться при этом, чтобы были защищены их национальные интересы в соответствии с всеобщими интересами». См.: *Idem. Československá zahraniční politika v roce 1935... S. 671–672.*

нии, состоявшемся в мае 1935 г., Постоянный совет Малой Антанты принял решение поручить Экономическому совету разработать соответствующую программу.

Однако вскоре оказалось, что Б. Муссолини рассматривал переговоры с Францией как определенный тактический маневр, который позволил бы ему обеспечить Италии тыл при проведении экспансии в Африке. Уже в рамках заседания государств блока «римских протоколов» в мае 1935 г. предложения Франции и ее союзников оказались отодвинуты на второй план³⁷.

Несмотря на то, что развитие политических событий в Европе показало полную несостоятельность проекта Дунайского пакта, экономические институты блока продолжали разработку проекта интеграции. В конечном счете так называемой «смешанной комиссией» был сформирован отчет, в котором были выдвинуты следующие предложения: 1) проводить единую политику государств Малой Антанты на переговорах с третьими странами; 2) унифицировать условия торговых договоров; 3) провести либерализацию действовавшего в них ограничительного режима в сфере торговли; 4) вести политику сближения между странами региона в сфере экономики при помощи так называемой «региональной клаузулы», которая должна была ограничивать действие общей оговорки о предоставлении режима наибольшего благоприятствования. В октябре 1935 г. документ был представлен на обсуждение экспертов на 6-м заседании Экономического совета Малой Антанты в Белграде³⁸. Смешанной комиссии было поручено продолжить работу над ним. Дальнейшие переговоры в данном направлении оказались невозможны ввиду ухудшения международной ситуации из-за итальянской агрессии в Эфиопии³⁹.

³⁷ Sládek Z. Malá dohoda... S. 186–187.

³⁸ Оно состоялось с 14 по 19 октября 1935 г. См.: Chmelář J. Československá zahraniční politika v roce 1935. S. 674.

³⁹ Sládek Z. Malá dohoda... S. 222–223.

С началом итало-абиссинской войны 1935–1936 гг. Чехословакия, Румыния и Югославия приняли участие в санкциях, наложенных Лигой Наций на Итальянское королевство. Правительство ЧСР оказывало поддержку своим союзницам по Малой Антанте, в структуре экономик которых торговые отношения с Италией занимали довольно значимое место. В связи с этим одной из центральных тем 6-го заседания Экономического совета Малой Антанты стал вопрос об углублении и расширении взаимного товарообмена⁴⁰. Делегация ЧСР согласилась на дополнительное повышение контингентов на импорт из стран-союзниц ряда товаров: так, югославской стороне были даны разрешения на ввоз в Чехословакию свиней, сала, копченого сала, яиц и масла; Румынии — дополнительные контингенты на ввоз свиней. Равным образом были введены преференциальные надбавки на эти виды сельскохозяйственных товаров. Однако предпринятые Прагой шаги вовсе не означали изменения прежнего подхода чехословацкого правительства к экономическому сотрудничеству в рамках блока (здесь необходимо отметить, что чехословацкие аграрные круги по-прежнему придерживались автаркических тенденций в сферах производства зерновых культур и продуктов животноводства). В первую очередь целью предпринятых мер было пополнение данными сельскохозяйственными товарами внутреннего рынка страны. Политический курс ЧСР, направленный на повышение объема контингентов и преференциальных надбавок, был продолжен и в конце 1935 г.⁴¹

После 6-го заседания Экономического совета Малой Антанты было принято решение произвести некоторые коррективы и в административной части сотрудничества в экономической сфере. В частности, было внесено предложение об ограничении частоты встреч членов Экономиче-

⁴⁰ Kladné výsledky hospodářské rady Malé dohody // Venkov. 1935. 20 X. S. 2.

⁴¹ Sládek Z. Malá dohoda... S. 211.

ского совета, которое сразу же было поддержано экономической секцией МИД ЧСР. Ее позиция была аргументирована тем, что уже были созданы организационные основы для работы Совета. Кроме того, представители чехословацкого внешнеполитического ведомства отмечали невозможность проведения всестороннего и досконального обсуждения важнейших проблем сотрудничества из-за довольно коротких интервалов между сессиями данного органа. Принятое решение способствовало превращению Экономического совета Малой Антанты в учреждение второстепенного характера, в функции которого входила исключительно регистрация результатов переговоров, которые проводились на иных уровнях и зачастую в двустороннем формате⁴².

Февраль следующего, 1936 г., ознаменовался проведением 7-го заседания Экономического совета Малой Антанты (24 февраля — 3 марта 1936 г. в Праге). На сей раз совещания проводились в рамках нескольких специализированных комитетов — торгового (в свою очередь разделенного на 3 подкомитета), комитета по коммуникации (обсуждал вопросы, связанные с железнодорожным и авиационным сообщением, а также организацией судоходства по Дунаю), комитета по иностранному туризму. Делегатами был обсужден контингентный план Чехословакии на ввоз румынских и югославских сельскохозяйственных товаров, который оставался таким же, как и в предыдущие годы. Еще одним принятым на нем решением стало согласие чехословацкой стороны выплачивать Румынии и Югославии так называемые «санкционные надбавки» на поставки скота (свиньи, овцы) и ряда продуктов питания. Данная мера повысила уровень прежних преференциальных надбавок и расширила их действие на время существования экономических санкций против Италии. Кроме того, в рамках сессии был произведен обмен ратификационными грамотами, относя-

⁴² *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 211–212.

щимися к 13 договорам, заключенным между Румынией и Чехословакией; также состоялось подписание двух соглашений: чехословацко-югославского (об отмене «двойных пошлин на получение наследства») и румынско-югославского (о туризме). С целью дальнейшего развития контактов в сфере экономики на заседании был рассмотрен вопрос и об углублении сотрудничества между различными экономическими институтами, действующими в рамках блока. Данная задача была возложена на промышленные палаты, палаты смешанного характера, центральные промышленные организации и экспортные учреждения. Некоторых положительных результатов Совету удалось достичь в вопросе урегулирования проблем, связанных с системой транспортного сообщения между странами блока⁴³.

Между тем развитие событий на европейской политической арене продолжало вызывать серьезное беспокойство у правительств стран Малой Антанты. Особая тревога была связана с пассивной реакцией Франции на произведенную германскими войсками 7 марта 1936 г. оккупацию демилитаризованной Рейнской зоны. Доверие правящих кругов Чехословакии, Румынии и Югославии к Третьей республике как гаранту Версальской системы международных отношений, в первую очередь, статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе оказалось в значительной степени подорвано. В обозначенных странах начало крепнуть убеждение, что, поскольку Франция не может обеспечить собственную безопасность, не стоит рассчитывать и на ее помощь в случае возникновения конфликта с Германией. На этом фоне начался постепенный распад французской системы союзов в регионе. Данный процесс затронул и блок Малой Антанты. Внешнеполитический курс двух ее членов, Югославии и Румынии, все в большей степени склонял-

⁴³ Komuniké o VII. zasedání Hospodářské rady Malé dohody ze dne 3. III. 1936. (Zprávy ČTK. ze 3. III.) // *Zahraniční politika*. 1936. Roč. XV. Sešit 4–5. S. 291–292; *Sládek Z.* Malá dohoda... S. 212–213.

ся к претворению в жизнь концепции нейтралитета. Она, в свою очередь, была узко связана с переориентацией этих стран на проводимую Великобританией политику «умиротворения агрессора». Очевидным стало и стремление их правительств к сближению с гитлеровской Германией⁴⁴. На этом фоне происходили пагубные изменения в экономических отношениях центральноевропейских государств с западными державами: они постепенно подверглись стагнации. Наиболее ярко это проявилось в период действия антиитальянских санкций, продемонстрировавший, что Франция и Великобритания были мало заинтересованы в урегулировании затруднений, возникших в связи с их применением, в экономиках государств региона, в первую очередь, Румынии и Югославии⁴⁵.

Чехословацкое внешнеполитическое ведомство прекрасно осознавало опасность, которую таило в себе экономическое проникновение гитлеровской Германии в эти страны.

⁴⁴ Наумов А.О. «Рейнский блеф» Гитлера. Ремилитаризация рейнской области в 1936 году // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 57; *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 190–191, 213–214.

⁴⁵ *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 214. В частности, если рассматривать франко-чехословацкие отношения в 1930-е гг. в экономической сфере, то следует отметить, что они были довольно сложными. Такое положение дел во многом было связано с экономической слабостью Французской Республики, из которой, в свою очередь, проистекала неспособность ее правительства предоставить своему восточноевропейскому союзнику широкие торговые привилегии; равным образом в стране отсутствовали возможности для размещения на ее рынке значительного числа экспортируемых ЧСР товаров, большинство из которых составляла продукция промышленного производства. К тому же, не последнюю роль в сложившейся ситуации играли и протекционистские тенденции в осуществляемом Францией в 1930-е гг. торгово-политическом курсе. Уже в 1931 г. парламент Третьей республики одобрил закон о повышении тарифов; кроме того, были введены надбавки на импорт товаров из стран, где была проведена девальвация валюты, и квоты на сельскохозяйственные продукты, которые впоследствии были распространены и на промышленные товары. На короткое время после прихода во Франции к власти Народного фронта установилась тенденция к отказу от системы жестких ограничительных квот, однако летом 1937 г. вновь возобладал прежний политический курс. См.: *Segal P.H. The French State and French Private Investment in Czechoslovakia, 1918–1938. A Study of Economic Diplomacy.* New York; London: Garland Publishing, Inc., 1987. P. 296–297, 303.

Так, в начале весны 1935 г. Берлин активизировал свою торговую политику на территории Румынии. 23 марта были определены условия клирингового расчета при проведении торговых операций между Германией и Румынией. 24 мая 1935 г. было подписано румынско-германское торговое соглашение, предусматривавшее внедрение широкой программы инвестиций и долевого финансирования, которую Германия намеревалась осуществлять в отношении румынской промышленности и, в первую очередь, нефтяной отрасли экономики страны⁴⁶. Его секретная часть состояла из двух разделов. Первый имел характер межправительственного соглашения, по условиям которого Германия закупала у Румынии «19 тыс. вагонов хлеба по завышенной цене», за что платила «600 млн лей и 300 млн лей оборудованием». Кроме того, оно подразумевало и поставку «оборудования для правительства» на 600 млн лей. Осуществлять оплату поставленного зерна, подлежащего дальнейшей перепродаже в Нидерланды, правительственные круги Третьего рейха намеревались из суммы в 2 млрд. «замороженных» лей, которыми они располагали в королевстве. Второй раздел предусматривал заключение инвестиционных соглашений между частными фирмами. Германская сторона вкладывала 50 млн марок в три нефтяные компании — «Кредит-Минне», «Петрольблок» и «И. Р. Д. П.». Данную сумму предполагалось отправить на нужды «увеличения добычи и расширения существующих нефтеперегонных заводов, постройки резервуаров и нефтеналивных судов для Дуная». Помимо этого, она инвестировала «15 млн марок наличными и оборудованием» в меднопромышленное общество «Рим» на строительство фабрики по очистке меди. Вложить свои средства германские промышленники предполагали и в оснащение оборудованием порта Констанца, на что ими

⁴⁶ *Boisdron M.* La Roumanie des années trente: De l'avènement de Carol II au démembrement du royaume (1930–1940). Parçay-sur-Vienne: Anovi, 2007. P. 152.

было выделено 400 млн лей⁴⁷. Румынская сторона обязывалась поставлять в Германию нефть, бензин и медь, причем германская сторона получала «преимущественное право экспорта нефтепродуктов из Румынии»⁴⁸.

Состоявшиеся румынско-германские переговоры вызвали серьезное опасение у чехословацкого посланника в Бухаресте Я. Шебы, поскольку они самым непосредственным образом затрагивали интересы ЧСР, что во многом было связано с поставками в Румынию продукции чехословацкой черной металлургии и, в первую очередь, изделий трубопрокатного производства. Ввиду этого глава дипломатического представительства Чехословакии в Бухаресте принял решение произвести соответствующий демарш. Во время встречи с премьер-министром королевства Г. Татареску он выразил недовольство чехословацкой стороны действиями румынского правительства. В ответ его собеседник аргументировал заинтересованность Румынии в углублении экономических отношений с Германией нежеланием Франции делать инвестиции в румынскую экономику, равно как и стремлением основного западного союзника Малой Антанты в своей торговой политике отдавать предпочтение Венгрии. Ввиду сложившихся обстоятельств дипломат в своем донесении в Прагу сообщил о своем намерении попытаться «повлиять на Францию, чтобы она воспрепятствовала окончательному

⁴⁷ Несколько иные сведения относительно германских инвестиций в румынскую экономику были представлены в донесении, направленном в Прагу 27 мая 1935 г. посланником ЧСР в Бухаресте Я. Шебой. Так, он сообщал, что в компанию «Кредит-Минне» было вложено 30 млн марок (в первую очередь, в виде поставок машинного оборудования, предназначенного для нефтеперерабатывающих заводов, труб, цистерн и танкеров), в металлургию (в первую очередь, производства меди) — 35 млн марок (также по большей части в форме поставок оборудования). См.: *Кизченко А.Ф.* Внешняя политика Чехословакии... С. 233–234; *Sládek Z.* Malá dohoda... S. 214.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 18: 1 января — 31 декабря 1935 г. / ред. колл. Ю.В. Борисов, Б.Г. Гафуров, Н.Н. Калинин, А.И. Лаврентьев, Б.Д. Макашев, А.А. Маслаков, В.П. Нихамин. Примечание № 144 к док. № 270. С. 643–644; *Кизченко А.Ф.* Внешняя политика Чехословакии... С. 234.

подписанию <...> инвестиционных соглашений». По всей видимости, предложенные им меры возымели некоторое действие: в телеграмме от 31 мая 1935 г. Шеба указывал, что дипломаты Третьей республики начали предпринимать меры против претворения в жизнь румынско-германских соглашений. Одновременно с этим Прага попыталась оказать давление на своего союзника, осуществив задержку награждения Татареску чехословацким орденом.

Однако последующее развитие событий показало, что принятые французскими и чехословацкими дипломатами меры оказались недостаточными для того, чтобы существенным образом повлиять на ход румынско-германского сближения. Так, в телеграмме № 279 от 12 июня 1935 г. Я. Шеба сообщал о достижении румынским министром торговли Манолеску договоренности с германской стороной о предоставлении ею 600 стипендий для обучения румынских студентов в германских высших и профессиональных школах⁴⁹.

В следующем, 1936 г., гитлеровская Германия продолжила проводить внешнеполитический курс, направленный на укрепление своих позиций в структуре экономики Румынии. Уже 27 января Шеба направил в Прагу сведения, согласно которым известный румынский философ и политик ультраправого толка Нае Ионеску «от имени германской промышленности» предложил газете «Universul» осуществить дешевую поставку оборудования для бумажного комбината. Внимание посланника ЧСР в Бухаресте привлекла и деятельность другого представителя румынского крупного капитала, Николае Малаксы, известного своими германофильскими взглядами и принадлежавшего к ближайшему окружению короля Кароля II. На тот момент Малакса за-

⁴⁹ 8. června 1935, Bukurešť. — Telegrafická zpráva vyslance J. Šeby ministerstvu zahraničních věcí o rozhovoru s ministrem zahraničních věcí N. Titulescem, týkajícím se eventuality průchodu sovětských vojsk rumunským územím // *Šeba J. Paměti legionáře a diplomata* / K vydání připravil a poznámkami opatřil J. Dejmek. Praha: Historický ústav, 2016. Dok. Č. 4. S. 48.

нимался строительством трубопрокатного завода, при возведении которого опирался на германскую помощь. Шеба, выразив в своем донесении опасения относительно того, что введение в эксплуатацию данной фабрики могло бы поставить под угрозу поставки, осуществляемые в Румынию Витковицкими заводами, предложил МИД рекомендовать генеральному директору концерна, О. Федереру, попытаться достичь договоренности с Малаксой о предоставлении Витковицами при строительстве завода как технической помощи, так и вложении чехословацкой стороной в данное предприятие 50 млн лей. По мнению Шебы, данные шаги позволили бы Витковицкому концерну сохранить свои позиции на румынском рынке⁵⁰.

Впрочем, необходимо отметить, что в вопросе осуществления торговых контактов с Германией на предложенных Берлином условиях, румынские правящие круги поначалу действовали со значительными колебаниями. Окончательное установление широкомасштабных торговых контактов Румынии с Третьим рейхом состоялось лишь в декабре 1937 г., когда ее властями было принято решение о продаже в Германию значительной части румынской сельскохозяйственной продукции⁵¹. Кроме того, 9 декабря 1937 г. было подписано германско-румынское соглашение, согласно которому в период с января по сентябрь следующего, 1938 г., объем торговли между двумя странами должен был увеличиться на одну треть, а квота на ввоз в Германию румынской нефти определялась в 37 млн рейхсмарок. Договор подразумевал и поставки германской стороне дополнительного количества горючего в обмен на вооружение⁵².

⁵⁰ 27. ledna 1936, 20.36., Bukurešť. — Telegrafická zpráva vyslance J. Šeba ministerstvu zahraničních věcí, týkající se ekonomické penetrace Německa v Rumunsku // Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. Dok. č. 10. S. 474.

⁵¹ Boisdron M. La Roumanie des années trente. P. 153.

⁵² Буханов В.А. Германская экономическая экспансия в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и захвата Чехословакии (ноябрь 1937 — март 1939) // Международные отношения на Балканах и Ближ-

Еще более отчетливо проявлялись тенденции к переориентации на Германию во внешнеторговой политике Югославии. Следует отметить, что попытки зондировать почву относительно расширения контактов с Берлином были предприняты королем Александром Карагеоргиевичем, некоторыми представителями югославского правительства, торговыми объединениями и аграрными кругами страны почти сразу после прихода Гитлера к власти. Они носили чисто политический характер. При этом официальные представители Белграда преследовали двоякую цель: во-первых, демонстрируя сближение с германской стороной, они предполагали возбудить интерес правительства Франции к укреплению франко-югославских отношений; во-вторых — старались не допустить возникновения более тесных связей между Италией и Германией, что, по мнению югославской стороны, могло побудить Рим к ведению антиюгославской политики. Однако расширение взаимных отношений между Германией и Югославией не могло быть подкреплено контактами в экономической области, состояние которых на первую половину 1933 г. находилось в критической стадии. Товарообмен между двумя государствами был практически сведен на нет, чему в первую очередь способствовали проводившаяся Берлином политика аграрного протекционизма, негативная реакция Германии на подписание Организационного пакта Малой Антанты и блокирование югославским правительством зарубежных дебиторских задолженностей в своей стране⁵³.

Первым шагом к германскому экономическому проникновению в Югославию стала широкая кампания по пропаганде усиления контактов между двумя странами в области внешней торговли, которая была развернута по инициативе

нем Востоке в новейшее время: Сборник статей / отв. ред. И.Н. Чемпа-лов. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1978. С. 26.

⁵³ Jančík D. Německo a Malá dohoda: hospodářské pronikání Německa do Jugoslávie a Rumunska v první polovině 30. let. Praha: Univerzita Karlova, 1990. S. 38–39.

ряда предпринимателей, заинтересованных в сбыте своей продукции в странах Дунайского региона, германской промышленной группой «Миттельеуропейше Виртшафстаг» (МВТ, нем. *Mitteleuropäische Wirtschaftstag*). Руководство данной организации, заручившись согласием германского МИД, направило в 1933 г. в Югославию эксперта в области экономики О. Шнелльбаха, перед которым стояла задача установить контакты с сербскими и хорватскими предпринимательскими кругами. Отправка данной миссии, деятельность которой осуществлялась при содействии германского посольства в Белграде, оказалась выгодна для Берлина, поскольку способствовала усилению германофильских настроений среди югославских производителей⁵⁴.

В этом же году между Германией и Югославией были начаты переговоры о заключении нового торгового договора. 29 июля 1933 г. стороны подписали временное торговое соглашение, предполагавшее осуществление товарообмена между двумя государствами на основе принципа наибольшего благоприятствования. Переговоры об урегулировании отношений в экономической сфере проходили с 15 марта 1934 г. в Белграде и Дубровнике в условиях активной пропаганды, в которой приняли участие ведущие деятели Третьего рейха (например, посетивший в начале апреля 1934 г. Югославию с частным визитом командир штурмовых отрядов (СА) Э. Рём), представители немецкого меньшинства (в первую очередь, члены зарубежной организации НСДАП) и Югославско-германское общество в Белграде (с весны 1934 г. подобные организации возникли в Крагуеваце, Нише и Шабаце). Подписание окончательного текста документа состоялось 1 мая 1934 г. Достигнутое между сторонами соглашение подразумевало осуществление Германией ввоза сельскохозяйственных продуктов из Югославии на основе режима преференций; в то время как, со своей

⁵⁴ Jančík D. Německo a Malá dohoda... S. 39–40.

стороны, Белград обязывался способствовать увеличению не только импорта, но и объемов германских инвестиций в промышленность, а также снизить таможенные тарифы на ввоз ряда германских товаров. Для осуществления контроля за выполнением обозначенных в документе условий создавались специальные германско-югославский и югославо-германский правительственные комитеты⁵⁵.

Заключение в мае 1934 г. торгового соглашения между Германией и Югославией еще в большей степени упрочило позиции Берлина в стране. В 1935–1936 гг. масштабы германской экономической экспансии усилились, что, в свою очередь, вызывало беспокойство французской и чехословацкой дипломатий⁵⁶. Ведущей мерой, которая могла бы оказать противодействие данной тенденции, эксперты МИД ЧСР называли повышение импорта товаров из стран-партнеров по Малой Антанте. Наиболее выгодными в данной ситуации они считали поставки промышленного сырья, однако, в то же время, констатировалась невозможность одномоментного изменения ситуации в этой области. В связи с этим внешнеполитическое ведомство рекомендовало произвести в срочном порядке дальнейшее увеличение объема контингентов на ввоз в ЧСР свиней, птицы, яиц, масла, вина, рыбы, а также распространить данный режим и на другие виды товаров, например, на поставки крупного рогатого скота.

Однако при претворении своего предложения в жизнь Министерству иностранных дел Чехословакии пришлось принять во внимание то обстоятельство, что разработанный им проект самым непосредственным образом затронул интересы чехословацких аграриев, придерживавшихся в своей политике автаркических тенденций⁵⁷. Именно этот фактор

⁵⁵ Jančík D. Německo a Malá dohoda... S. 47, 51, 55.

⁵⁶ Ibid. S. 81.

⁵⁷ Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии... С. 231. В данном контексте следует отметить, что, понимая невозможность достижения

способствовал тому, что, отстаивая свою идею, чиновники внешнеполитического ведомства столкнулись с серьезным сопротивлением внутри правительственных структур страны. В первую очередь, несогласие с предложенным МИД планом выразило контролируемое Республиканской партией земледельческого и мелкокрестьянского населения (аграрной) Министерство сельского хозяйства. Оно выступило в пользу установления «коммерческой основы» в сфере импорта продуктов сельскохозяйственного производства. Повышение объема контингентов на их ввоз оно расценило как меру, пагубную для чехословацкого сельского хозяйства, в связи с чем потребовало, чтобы любые переговоры, касающиеся определения способов решения связанных с этим проблем, происходили исключительно при его участии. Некоторого компромисса между двумя ведомствами удалось достичь на состоявшемся 10 июля 1936 г. совещании между главой Экономической секции МИД ЧСР Ю. Фридманом и министром сельского хозяйства Й. Задиной по вопросу о санкционных надбавках (продолжения применения данной меры требовало и Министерство национальной обороны ЧСР). Результатом стало продление данного режима до конца октября 1936 г. (он не распространялся на такие товары, как виноград и птица). Однако это решение было принято не без затруднений: например, в ходе обсуждения вопроса министерства сельского хозяйства и торговли ЧСР возражали, что данная уступка была произведена без учета интересов остальных экспортеров, равно как и трудностей, связанных с вывозом чехословацких угля и кокса в Югославию⁵⁸.

полной независимости от поставок из-за рубежа в сельскохозяйственном производстве страны, чехословацкие аграрии продолжали импортировать продукты животноводства, что было необходимо для покрытия нужд внутреннего рынка ЧСР. При этом они стремились в первую очередь производить закупки в третьих странах по более низким ценам, уделяя румынскому и югославскому рынкам гораздо меньше внимания. *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 230.

⁵⁸ Ibid. S. 215–216.

Партнеры ЧСР по Малой Антанте посчитали предоставленные Чехословакией уступки в области взаимной торговли недостаточными. Это наглядно проявилось в ходе состоявшихся в период с 1936 по 1938 гг. 8-го (12–19 октября 1936 г. в Бухаресте), 9-го (15–23 февраля 1937 г. в Дубровнике), 10-го (11–19 октября 1937 г. в Тренчанских Теплицах (Словакия)) и 11-го (9–18 марта 1938 г., в Бухаресте) заседаний Экономического совета Малой Антанты⁵⁹. Румынская и югославская стороны по-прежнему заявляли о неприемлемости текущего состояния их торговых контактов с Чехословакией. Их представители продолжали выдвигать новые требования, к числу которых относились расширение применения санкционных надбавок в отношении всех видов экспортируемых товаров, снижение оборотного налога, признание румынских и югославских сертификатов о фитопатологическом осмотре фруктов, а также упрощение правил продажи на чехословацкой территории продукции животноводства⁶⁰. В ходе обсуждения делегатами возможности увеличения объемов торговли между тремя странами, представители партнеров ЧСР по Малой Антанте неоднократно заявляли своим коллегам, что рост поставок чехословацких товаров в Румынию и Югославию может быть обусловлен лишь повышением импорта производимой в этих странах сельскохозяйственной продукции⁶¹.

⁵⁹ Кизченко А. Ф. Внешняя политика Чехословакии... С. 237, 241–243. Официальные коммюнике и сообщения о данных заседаниях см. также в номерах журнала *Zahraníční politika* за 1937–1939 гг.: *Zasedání Hospodářské rady Malé dohody v Dubrovniku ve dnech 15.–22. II. 1937.* (Bull. konference ze dne 22. II. 1937) // *Zahraníční politika*. 1937. Roč. XVI. Sv. 3. S. 191–192; *Zasedání Hospodářské rady Malé dohody v Trenčianských Teplicích ve dnech 11.–19. X. 1937.* (ČTK z 19. X. 1937.) // *Zahraníční politika*. 1937. Roč. XVI. Sv. 10–11. S. 660–661; *Chmelář J.* Československá zahraniční politika v roce 1937 // *Zahraníční politika*. 1937. Roč. XVI. Sv. 12. S. 666; *Ský.* Hospodářské aktuality // *Zahraníční politika*. 1937. Roč. XVI. Sv. 3. S. 143; *Idem.* Hospodářské aktuality // *Zahraníční politika*. 1938. Roč. XVII. Sv. 3. S. 114; *Žáček St.* Přehled obchodně politického postavení Česko-Slovenska v roce 1938 // *Zahraníční politika*. 1939. Roč. XVII. Sv. 8–9. S. 281–282.

⁶⁰ *Sládek Z.* Malá dohoda... S. 219.

⁶¹ *Jančík D.* Třetí říše a rozklad Malé Dohody. Hospodářství a diplomacie v Podunají v letech 1936–1939. Praha: Karolinum, 1999. S. 16.

Наибольшую активность на данном направлении проявляла югославская делегация. Так, в ходе последнего по счету, 11-го заседания Экономического совета Малой Антанты ее члены настаивали на дальнейшем повышении преференциальных надбавок на ввоз в ЧСР пшеницы и установлении на нее цен, аналогичных тем, которые предлагала Югославии германская сторона⁶². Кроме того, они требовали от Чехословакии повышения объемов импорта свиней (вместе с предоставлением преференций на этот вид товара), приводя в качестве аргумента то обстоятельство, что Прага предоставила соответствующие льготные пошлины Венгрии, и подчеркивая крайнюю невыгодность данного шага по отношению к партнерам Чехословакии по Малой Антанте⁶³.

Серьезный конфликт между сторонами вызвало требование Министерства сельского хозяйства ЧСР лишить югославские и румынские экспортные организации права свободного выбора посредников при осуществлении торговли с ЧСР, что должно было способствовать установлению ведущей роли чехословацких животноводческих компаний при решении вопросов о предоставлении контингентов и проведении ценовой политики в данной области. Чиновники ведомства во главе с его руководителем, аграрием Йозефом Задиной, обосновывали претворение в жизнь данной меры необходимостью борьбы с исключительным положением, которое занимали соответствующие югославские и румынские фирмы на чехословацком рынке. Они призывали при решении данной проблемы не идти на компромисс с румынской и югославской сторонами даже в том случае,

⁶² Делая подобные заявления, югославские делегаты ссылались на принятый 8 октября 1936 г. в Чехословакии закон о девальвации кроны, который предусматривал снижение ее курса на 16 %. См.: Ibid. S. 216; *Thiveaud J.-M. L'arme financière en Tchécoslovaquie* (Paris 1918 — Munich 1938) // *Revue d'économie financière*. 1990. № 12–13. P. 263. <https://doi.org/10.3406/ecofi.1990.1696>

⁶³ *Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии...* С. 245; *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 219.

если бы такая позиция могла повлечь за собой их разрыв с Чехословакией. Данное мнение было поддержано и другим политиком, представлявшим Республиканскую партию земледельческого и мелкокрестьянского населения, М. Годжей, занимавшим должность премьер-министра страны⁶⁴. В результате, когда в ходе 9-го заседания Экономического совета Малой Антанты чехословацкая делегация потребовала от своих румынских и югославских коллег дать согласие на отмену права свободного выбора посредников в ЧСР, те отклонили данное требование, со своей стороны пригрозив расторжением румынско-чехословацкого и югославо-чехословацкого торговых договоров⁶⁵. Угроза денонсирования торгового договора была озвучена югославскими представителями и на 11-м заседании Экономического совета. На сей раз они требовали от чехословацкой стороны установить новую организацию закупок продуктов животноводства, в рамках которой единственным контрагентом чехословацкой стороны должно было являться внешнеторговое ведомство королевства⁶⁶.

Стремясь не допустить распада сложившейся как в экономической, так и в политической сферах системы отношений между тремя государствами Малой Антанты, чехословацкое правительство было вынуждено идти на уступки в вопросе о предоставлении преференций, увеличивать

⁶⁴ *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 217.

⁶⁵ Категоричная позиция, занятая представителями Белграда и Бухареста в данном вопросе, объяснялась тем, что югославские и румынские экспортные организации, не имея в ЧСР право выбора посредников для реализации собственной продукции, сталкивались с чехословацкой животноводческой монополией. При этом чехословацкие кооперативы и производители колбасных изделий пользовались правом осуществлять прямые закупки в Югославии и Румынии в размере 15 % от своих импортных квот. В том случае, если бы союзники ЧСР по Малой Антанте приняли выдвинутое Министерством сельского хозяйства требование, их фирмам пришлось бы вести свою деятельность, ориентируясь на чехословацких животноводов, на тот момент предпочитавших, в частности, осуществлять импорт свиней из Венгрии. Подробнее об этом см.: *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 216–220, 240.

⁶⁶ *Ibid.* S. 219.

объемы импорта из Румынии и Югославии ряда сельскохозяйственных товаров и повышать закупочные цены на них. Неоднозначную позицию в отношении данной проблемы по-прежнему продолжало занимать чехословацкое Министерство сельского хозяйства. Так, 25 января 1937 г., накануне обсуждения плана сотрудничества в рамках блока на текущий год, оно направило в МИД ЧСР письмо, в котором потребовало отменить преференции, которые, по мнению его руководства, вызывали трудности при ведении переговоров с третьими государствами. В связи с этим оно допускало произведение выплат преференциальных надбавок на поставляемую из Румынии и Югославии сельскохозяйственную продукцию лишь на протяжении ограниченного срока⁶⁷. Впоследствии, в сентябре 1937 г., чехословацкие аграрии обусловили свое согласие с продолжением данного курса предоставлением им достаточно широких компенсаций: в частности, речь шла о разрешении Министерству сельского хозяйства осуществлять регулирование торговли продуктами животноводческой отрасли на внутреннем рынке Чехословакии⁶⁸.

Предоставляя льготы странам-союзницам по Малой Антанте, чехословацкая сторона, намереваясь и в дальнейшем укреплять свои позиции на их рынках, постепенно увеличивала объемы экспорта продукции своих предприятий. Например, в 1937 г. ее вывоз в Югославию составил 595,9 млн крон (на 38,6 % больше по сравнению с 1936 г.), а в Румынию — 653,9 млн крон (на 72 % больше, чем в 1936 г.). Показатели торгового баланса складывались в пользу ЧСР. Более того, согласно данным чехословацких статистиков, в том же году товарообмен между Чехословакией и Румынией номинально достиг докризисного уровня, а между Чехословакией и Югославией — приблизился к данным показателям.

⁶⁷ *Sládek Z. Malá dohoda...* S. 217.

⁶⁸ *Ibid.* S. 218.

Такое доминирующее положение Чехословацкой республики в структуре экономических отношений блока, к тому же предоставляющее определенную выгоду для ее промышленных кругов, не могло не вызывать недовольство Бухареста и Белграда. Последние стремились искать партнеров, готовых предложить им более выгодные торговые сделки. Этим обстоятельством не преминула воспользоваться нацистская Германия, продолжившая усиливать свое влияние в Юго-Восточной Европе посредством расширения экономических связей с Югославией и Румынией. На фоне проводимого гитлеровской дипломатией натиска Чехословакия постепенно утрачивала свои позиции на рынках своих союзников⁶⁹. Таким образом, проводимый Прагой курс уступок, изначально нацеленный на сохранение связей между тремя государствами Малой Антанты посредством создания прочной основы для взаимных контактов между ними в области экономики, не мог ознаменоваться какими-либо значимыми результатами. Он лишь способствовал развитию противоречий между чехословацкой стороной и ее партнерами.

Политика предоставления преференций союзникам по Малой Антанте была не единственным методом, с помощью которого чехословацкие дипломатические круги пытались укрепить экономические, а, вместе с тем, и политические связи между тремя странами. В конце 1935 — начале 1936 г. актуальность вновь получила мысль о создании центрально-европейского экономического блока, который способствовал бы повышению политической значимости как Чехословакии, так и всей Малой Антанты в Центральной и Юго-Восточной Европе⁷⁰.

Одним из вариантов проводимой чехословацким МИД стратегии стал проект, разработанный назначенным в ноябре 1935 г. на пост премьер-министра и министра ино-

⁶⁹ Кизченко А. Ф. Внешняя политика Чехословакии... С. 242–243; Sládek Z. Malá dohoda... S. 229.

⁷⁰ Sládek Z. Malá dohoda... S. 221–222.

странных дел М. Годжей⁷¹, являвшимся одним из лидеров чехословацких аграриев. Окончательная программа по осуществлению экономической интеграции стран Дунайского бассейна была сформулирована им осенью 1935 г. еще во время пребывания на должности министра сельского хозяйства Чехословакии и представлена европейской общественности в речах, произнесенных им на двух заседаниях проходившей в Лондоне XXI межпарламентской экономической конференции (1 и 3 октября 1935 г.)⁷². Словацкий политик предполагал, что подобная система организации Центральной Европы охватит Австрию и Венгрию, Чехословакию, Югославию, Румынию и Болгарию⁷³. Главной задачей формируемой системы должно было стать осуществление экономической консолидации территорий, расположенных между Германией и СССР⁷⁴. Достичь этого предполагалось за счет увеличения квот во взаимной торговле, установленных между участвующими в проекте странами, а впоследствии — и их упразднения. Одновременно предусматривалось снижение таможенных тарифов при осуществлении между странами торговых операций (вплоть до их полной отмены). Кроме того, план Годжи предполагал разработку и широкомасштабное использования системы взаимных кредитов и иных льгот при осуществлении расчетов между дунайскими государствами. Стороны должны были осуществлять совместные мероприятия и консультации, которые способствовали бы регулированию сбыта части производимой сельскохозяйственной продукции на

⁷¹ Пост главы чехословацкого внешнеполитического ведомства М. Годжа занимал с 18 декабря 1935 г. по 29 февраля 1936 г.

⁷² *Goněc V. Hodžova „nová Střední Evropa“ a „Hodžův plán“*. K uskálím výzkumu tématu Milan Hodža jako aktér zahraniční politiky // Milan Hodža: politik a žurnalista / ed. M. Pekník. Bratislava: Ústav politických vied SAV — Slovenská národná knižnica v Martine, 2008. S. 244; *Vaňa D. Milan Hodža a střední Evropa*. Praha: Oeconomica, 2015. S. 51.

⁷³ *Vaňa D. Milan Hodža a střední Evropa...* S. 52.

⁷⁴ *Goněc V. Hodžova „nová Střední Evropa“ a „Hodžův plán“*. S. 249.

западноевропейских рынках. Все эти меры могли не только существенным образом повысить их покупательскую способность, но и упростить экспорт промышленной продукции из Чехословакии и Австрии в страны Дунайского региона. Данная схема, по мнению главы чехословацкого правительства, должна была существенным образом облегчить взаимные контакты между странами Центральной и Юго-Восточной Европы в области организации транспортного сообщения, связи, работы почт и дальнейших коммуникаций. Ведущую роль в осуществлении на практике интеграционных процессов должна была играть Чехословацкая республика. В дальнейшем предполагалась и унификация некоторых административных и законодательных норм, регулирующих экономическую сторону отношений между странами региона⁷⁵.

Для реализации своего плана в начале 1936 г. М. Годжа провел переговоры с пребывавшим в Праге 16–17 января австрийским канцлером К. Шушнигом, одновременно поручив чехословацкому послу в Риме Ф. Хвалковскому проинформировать о данном проекте Б. Муссолини⁷⁶. В феврале этого же года он направился с официальными визитами сначала во Францию, где представил свою концепцию руководству МИД страны, ее президенту А. Лебрену и представителям румынской стороны, а затем — в Югославию.

Однако уже первый этап переговоров по «плану Годжи» показал, что его претворение в жизнь наталкивается на се-

⁷⁵ Громова А.В. Подунайские страны в интеграционных концепциях Рихарда Куденхова-Калерги и Милана Годжи // Вестник научной информации. 1999. № 11–12. С. 171–172; Шухов В.И. «План Годжи»: чехословацкий план политико-экономического блока стран Дунайского бассейна, ноябрь 1935 — март 1938: дис. ... кандидата исторических наук. Свердловск, 1963. С. 82–83; Bystrický V. Milan Hodža — problémy zahraničnej politiky a medzinárodného vývoja v rokoch 1918–1938 // Milan Hodža ako aktér medzinárodných vzťahov. S. 61–62; Dejmeš J. Milan Hodža a československá zahraničná politika ve třicátých letech (1935–1939) // Moderní dějiny: sborník k dějinám 19. a 20 století / vedoucí red. J. Harna. Praha: Historický ústav AV ČR, 1999. Sv. 7. S. 67–68; Kvaček R. Hodžův plán // Slovanský přehled. 1967. Roč. 53. Č. 6. S. 348–349.

⁷⁶ Sládek Z. Malá dohoda... S. 223.

рьезные препятствия. Наибольшую обеспокоенность в связи с проектом главы чехословацкого правительства проявила гитлеровская Германия⁷⁷. Серьезные проблемы проявились и на пути чехословацко-австрийского сближения. Несмотря на то, что во время пражских переговоров Шушницг поддержал данную идею, дальнейшее обсуждение проблем, существующих в сфере экономических отношений между двумя странами, показало, что достичь его будет не так просто. Двойственную позицию в отношении предложений Годжи заняла итальянская сторона: Муссолини соглашался поддерживать их в том случае, если страны Малой Антанты откажутся от участия в антиитальянских санкциях. Дальнейшие шаги итальянского правительства, подписавшего в марте 1936 г. с Австрией и Венгрией дополнительные соглашения, содержащие обязательство сторон не начинать какие-либо переговоры с третьими странами без получения согласия своих партнеров, продемонстрировали невозможность развития чехословацко-австрийского сотрудничества⁷⁸. Соппротивление претворению проекта в жизнь оказала и венгерская дипломатия, выдвинувшая в качестве условий своего участия в переговорах признание равных прав Венгрии на вооружение и обсуждение вопроса о положении венгерского национального меньшинства.

Неудача проекта Годжи обуславливалась также тем, что, несмотря на официальные заверения участников заседаний руководящих органов Малой Антанты о готовности их стран идти на углубление отношений в сфере экономики, с осени 1936 г. наметились первые признаки постепенно-го отхода Югославии от сотрудничества с Чехословакией. Югославское правительство во главе с М. Стоядиновичем,

⁷⁷ *Sládek Z.* Malá dohoda... S. 224.

⁷⁸ 25. března, Řím. — Zpráva vyslance ČSR v Itálii F. Chvalkovského ministerstvu zahraničních věcí, týkající se porad států Římských protokolů v Římě // Československá zahraniční politika v roce 1936 / k vydání připravil J. Dejmek. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2003. Sv. 1: 1. leden — 31. srpen 1936. Dok. Č. 138. S. 285. См. также: Ibid. Dok. Č. 14. Pozn. Č. 4. S. 66–67.

ориентируясь на позицию Германии, довольно холодно относилось к подобным идеям, продолжая отдавать предпочтение ведению переговоров с Прагой о предоставлении югославской стороне новых контингентов и льгот в области взаимной торговли. Румыния же избрала для себя курс лавирования между своими союзниками. С одной стороны, ее правящим кругам была близка политика, которую вел Белград в отношении Чехословакии. С другой стороны, в отличие от Югославии, Румыния была в большей степени заинтересована в реализации концепций взаимной экономической интеграции стран региона, предлагавшейся чехословацкими политиками⁷⁹. Свою роль играл и незначительный интерес западноевропейских держав к планам главы чехословацкого МИД. Таким образом, план Годжи не смог быть реализован на практике, оставшись лишь предметом производившихся в 1936–1938 гг. дипломатических зондажей, несмотря на то, что данный проект был неоднократно и в разных модификациях подвергнут обсуждению на заседаниях Экономического совета Малой Антанты и Постоянного совета Малой Антанты⁸⁰.

Едва ли не единственной воплощенной в жизнь мерой, непосредственным образом связанной с предложениями чехословацкого премьер-министра, предусматривавшими в качестве своих конечных целей как стабилизацию отношений между тремя государствами Малой Антанты, так и претворение в жизнь более широкого плана взаимодействия стран Центральной и Юго-Восточной Европы в экономической сфере⁸¹, стало создание в рамках ее структуры нового органа — так называемого Экономического центра (чеш. *Hospodářské ústředí*, франц. *Centre économique*), мыслимого как вспомогательный орган при Экономическом совете Малой Антанты. Резиденция Центра располагалась в Праге.

⁷⁹ Jančík D. Třetí říše a rozklad Malé Dohody. S. 13–14, 19.

⁸⁰ Подробнее об этом см.: Sládek Z. Malá dohoda... S. 224–228.

⁸¹ Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии... С. 238.

Главенствующее место в его структуре должны были занять ведущие экономические институты Чехословакии, Румынии и Югославии. Руководство организуемым бюро было поручено директору по внешним связям обувного концерна «Батя» Х. Вавречке. В сентябре 1936 г. он отправился в Бухарест и Белград для проведения переговоров о принципах деятельности новой организации.

Работа Экономического центра стартовала 17 октября 1936 г., в день, когда было проведено его первое, учредительное, заседание. В качестве основной цели вновь созданной организации было заявлено развитие отношений в области экономики в центральноевропейском регионе. Для его достижения предполагалось принять меры «чисто практического характера», направленные на дальнейшее расширение объемов товарообмена и укрепление сотрудничества между странами Малой Антанты. Кроме того, выступая перед комитетами по иностранным делам Палаты депутатов и Сената Национального собрания ЧСР, министр иностранных дел К. Крофта заявил, что одной из задач Экономического центра является улучшение отношений в сфере экономики с государствами Римского блока и Германией⁸². Последнее направление было особенно важно для чехословацкой дипломатии, предпринимавшей попытку нейтрализации германского влияния в регионе посредством превращения ЧСР в своеобразного посредника в торговых отношениях между Третьим рейхом и государствами Римского блока и Малой Антанты. Действовавшую в рамках данной структуры чехословацкую секцию возглавлял консультативный совет, председателем которого являлся управляющий Чехословац-

⁸² Extracts from Statement by Dr. Krofta, Minister for Foreign Affairs of Czechoslovakia, October 22, 1936 // Documents on International Affairs, 1936 / ed. by S. Heald, J.W. Wheeler-Bennett. London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University press, 1937. P. 379; *Niederle M. L'évolution et l'état actuel de la collaboration économique dans le bassin du Danube*. Prague: Orbis, 1938. P. 25, 34; *Ský. Hospodářské aktuality // Zahraniční politika*. 1936. Roč. XV. Č. 8–9. S. 467.

кого национального банка Я. Дворжачек; в ее составе были представители ведущих концернов и предприятий страны⁸³.

Укреплять связи Чехословакии со своими двумя партнерами Экономический центр предполагал за счет увеличения квот на импорт из последних промышленного сырья. Так, в 1937 г. показатель ввоза в ЧСР югославских минеральных ресурсов, металлов и полуфабрикатов составил 11,9 млн крон (26,6 % от всего чехословацкого импорта из Югославии). Еще в большей степени увеличились объемы поставок данного вида товара из Румынии — в том же 1937 г. он составил 235 млн крон (44,7 % от всего объема импорта). Однако другой предложенный им способ, заключавшийся в инвестициях чехословацкого капитала в добычу полезных ископаемых на территориях стран-союзниц по Малой Антанте, не был реализован: так, переговоры об участии ЧСР в разработке месторождений бокситов в Югославии и нефти в Румынии оказались безрезультатны⁸⁴.

Таким образом, чехословацким дипломатам не удалось воплотить в жизнь разрабатывавшиеся в недрах МИД ЧСР планы осуществления экономической интеграции стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Во многом это было связано как с позициями румынской и югославской сторон, все в большей степени склонявшихся к политике нейтралитета и ориентации на Германию, так и с политическим курсом внутри самой Чехословакии. Говоря о последнем факторе, необходимо принять во внимание, что серьезные препоны на пути к осуществлению сближения между ЧСР, Румынией и Югославией ставило противостояние между МИД ЧСР и представителями Республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского населения (аграрной), занимавшими ведущие посты в Министерстве сельского хозяйства и выступавшими в русле политики

⁸³ Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии... С. 238; *Sládek Z. Malá dohoda*... S. 216–217.

⁸⁴ *Sládek Z. Malá dohoda*... S. 231.

протекционизма. Последние не приняли предложенный чехословацкими дипломатами план предоставления своим союзникам преференций в сфере торговли. Кроме того, по причине постепенно развивавшегося кризиса внутри блока Малой Антанты, противодействия со стороны Германии и Италии, равно как и незаинтересованности Великобритании и Франции в осуществлении поддержки проекта, не смог быть претворен в жизнь и вариант организации экономического взаимодействия государств Центральной и Юго-Восточной Европы, предложенный Миланом Годжей. Ввиду этого надеждам лидеров Чехословацкой республики на преобразование Малой Антанты в «новую единицу международной политики», как об этом писал в 1933 г. в телеграмме, направленной из Женевы в Прагу накануне подписания Организационного пакта Малой Антанты⁸⁵, Э. Бенеш, не суждено было сбыться.

⁸⁵ [Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша в Министерство иностранных дел ЧСР]. Женева, 14 февраля 1933 г. // Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky. F. Telegramy došlé. 1933. Č. 88–89.

БОЛГАРИЯ И БАЛКАНСКАЯ АНТАНТА (1934–1939 гг.): РЕВИЗИЯ ГРАНИЦ ПРОТИВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТАТУС-КВО

BULGARIA AND THE BALKAN ENTENTE (1934–1939): REVISION OF BORDERS AGAINST THE TERRITORIAL STATUS-QUO

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть внешне-политический курс Болгарии в контексте ее отношений с Балканской Антантой. Созданная в феврале 1934 г. коалиция в составе Греции, Югославии и Турции провозгласила своей целью сохранение территориального статус-кво на Балканах, утвердив в этом субрегионе границы, определенные по итогам Первой мировой войны. Побежденная Болгария, подписавшая 29 ноября 1919 г. Нейский мирный договор, оказалась под жестким диктатом стран-победительниц, понесла значительные территориальные потери и ощутила тяжкое экономическое бремя. Рассчитывая на пересмотр несправедливых статей договора, болгарская дипломатия в условиях международной изоляции сформулировала и начала претворять в жизнь политику умеренного ревизионизма и реваншизма, ориентируясь на мирные средства. Возник феномен «болгарского нейтралитета». Полярные внешнеполитические цели определили противостояние Болгарии и Балканской Антанты. Отраженная еще в учредительных документах антиболгарская направленность коалиции обусловила намерение болгарской стороны внести разъединение в этот союз путем укрепления отношений с Югославией и определила, таким образом, основные объекты болгарских территориальных претензий — Румынию и Грецию. Возвращение Южной Добруджи и Западной Фракии стало первой задачей внешней политики Болгарии. Сделан вывод о позитивных итогах внешнеполитических усилий болгарской дипломатии в 1930-е годы: оставаясь по позиции нейтралитета, ей удалось мирным путем добиться ревизии военных статей Нейского договора, а затем перейти к реализации планов возвращения отторгнутых ранее территорий.

Ключевые слова: Болгария, Балканская Антанта, ревизия границ, территориальный статус-кво, «болгарский нейтралитет».

Последствия участия Болгарии в Первой мировой войне получили устоявшееся в национальной историографии определение «второй национальной катастрофы»¹: более 100 тыс. погибших и без вести пропавших, свыше 155 тыс. раненых, 112 тыс. пленных и заложников... По Салоникскому перемирию, подписанному 29 сентября 1918 г. на условиях полной капитуляции Болгарии, страна была оккупирована войсками Антанты.

Истинный размер катастрофы стал очевиден с подписанием 27 ноября 1919 г. Неййского мирного договора, 296 статей которого, по сути, зафиксировали установленный для Болгарии жесткий диктат². Ставший отражением процесса «балканизации» как крайней степени этнического размежевания с сопутствующими острыми вооруженными конфликтами³, договор разорвал болгарские земли. Западная Фракия, объявленная юрисдикцией «главных союзных держав», вскоре была передана Греции, что лишило Болгарию стратегического выхода к Эгейскому (Белому) морю, вся Добруджа была закреплена за Румынией, город Струмица в Северной Македонии и так называемые Западные окраины (несколько сел в Кулской околии, города Цариброд и Босилеград с окрестностями) передавались Королевству сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Страна потеряла 1/10 часть своей территории (11 278 кв. км), на которой проживала седьмая часть населения. Перекройка границ усугубила существовавшую еще со времени, предшествовавшего Балканским войнам, проблему беженцев, на долю которых к началу 1924 г. приходилось более 5 % населения

¹ Первой национальной катастрофой считается поражение Болгарии во Второй Балканской (Межсоюзнической) войне 1913 г.

² Мир в Нейи (полный перевод с французского текста под редакцией проф. Ю.В. Ключникова и Андрея Сабанина со вступительной статьей проф. Ю.В. Ключникова и предметным указателем). М.: Литиздат НКВД, 1926.

³ Нехамкин В.А. Балканизация как социальный процесс: прошлое и будущее // Социум и власть. 2013. № 1(39). С. 40.

Болгарии⁴, или, по весьма приблизительным данным, около 250 тыс. чел.

Экономическое положение Болгарии отягощалось наложенными на страну огромными репарациями в 2,25 млрд золотых франков, равными почти четверти довоенного национального дохода Болгарии. Хотя в марте 1923 г. союзные державы признали невозможность покрытия репараций и скорректировали объем и сроки платежей, тем не менее, к середине 1924 г. страна с большим напряжением выплатила более 1,29 млрд золотых франков. Под формой контрибуций Болгария должна была компенсировать соседним странам, помимо прочего, более 70 тыс. голов скота и в течение пяти лет ежегодно поставлять КСХС по 50 тыс. тонн каменного угля в качестве компенсации за ущерб, нанесенный угледобывающей отрасли. В крестьянской Болгарии особые тяготы испытывало сельское население, что приближало страну к взрывоопасной ситуации⁵.

Помимо людских потерь и экономического бремени, поражение в войне стало сильнейшей психологической травмой, причем как для населения страны, так и для болгар, оставшихся по воле победителей за её пределами. В исторической литературе, их численность определяется в 3,5 млн чел.⁶ Разгромное завершение войны создало в стране, по признанию болгарских авторов, «фашизоидный климат»⁷, причем, добавим, с существенной компонентой — надеждами на реванш. Заметим, что массовые настроения в пользу пересмотра Неййского договора наблюдались на всех флан-

⁴ Косатев Т. Политиката на правителството на Българския земеделски народен съюз по бежанския въпрос (1919–1921) // Политически партии, организации и управления в България. 1879–1944 гг. София: Издателство на БАН, 1983. С. 63.

⁵ Болгария в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. Е.Л. Валева. М.: «Наука», 2003. С. 141, 144.

⁶ Мир в Нейи... С. XI.

⁷ Даскалов Р. От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София: ИК «Гутенберг», 2009. С. 226.

гах общественно-политического спектра, от крайне левого до крайне правого, и, главное, с течением времени не шли на спад. «Каждый болгарин считал Нёйиский договор не только жестоко несправедливым, но и главной причиной несчастий нации», — отмечал биограф царя Бориса III Стефан Груев⁸. Кризис демократии, повсеместно сопровождавший войну, повлиял на поиски в Болгарии политической модели и способов вывода страны на путь поступательного развития. «Фоном» этого процесса являлись периодическое усиление напряженности в обществе и перманентные восстания и перевороты (июнь и сентябрь 1923 г., май 1934 г.).

После Первой мировой войны Болгария оказалась в международной изоляции. Отсутствие договоров о взаимопомощи с другими государствами и нежелание последних вступать с Болгарией в союзные отношения определили большие трудности, с которыми столкнулась София, рассчитывавшая облегчить или вообще отменить статьи Нёйиского договора. Определяя основные направления внешней политики страны, болгарские власти принимали во внимание настрой западных европейских держав против Болгарии, устранение «российского фактора» с Балкан после Октябрьского переворота 1917 г., сосредоточенность бывших союзников Германии на собственных проблемах. С учетом этого становилась очевидной необходимость лояльного «поведения» по отношению к великим державам-победительницам, поддержания добрососедских отношений с балканскими странами, умеренного ревизионизма и реваншизма при ориентации на дипломатические средства и поддержку со стороны Лиги Наций, защиты болгарского меньшинства во Фракии, Македонии и Добрудже⁹. Принципиальной основой внешней политики стал нейтралитет, то есть невхождение

⁸ Груев С. Корона от тръни. Царуването на Борис III. 1918–1943. София: «Български писател», 1991. С. 314.

⁹ Генчев Н. Външната политика на България. 1938–1941. София: «Вектор», 1998. С. 14.

в блоки, коалиции или союзы, как реакция на стремление балканских соседей сохранить в регионе территориальный статус-кво. Одной из серьезных причин нового курса Софии являлась военная слабость Болгарии. «Военные положения» Нейиского договора включали более 30 статей. Запрет для Болгарии иметь регулярную армию на основе всеобщей воинской повинности и замена ее контрактной (не более 20 тыс. чел., включая офицерский состав и нестроевые части) дополнялся ограничением общего числа ружей, «употребляемых в Болгарии»: вместе с жандармерией и пограничной стражей (3 тыс.) оно не должно было превышать 33 тыс. Тщательно прописывались принципы комплектования и обучения, состояние вооружения, снаряжения, материальной части и пр. вплоть до пехотного и кавалерийского полка и артиллерийской батареи (ст. 64–93). Акватория действий военно-морского флота ограничивалась территориальными водами в Чёрном море и на Дунае, сам флот сокращался до четырех миноносцев (без мин и приборов минометания) и шести моторных лодок, причем использование морских и речных плавсредств допускалось лишь с «полицейскими целями и для надзора за рыбной ловлей» (ст. 83). Болгарии запрещалось также иметь авиацию и любые виды тяжелого вооружения (ст. 89). Строгий контроль за выполнением договора осуществляла Межсоюзническая военная контрольная комиссия (ст. 94–100), которая действовала в стране до 1927 г. Список запретов для болгарской стороны исключал любую мобилизационную деятельность и создание мобилизационных запасов (ст. 68), что фактически лишало Болгарию возможности защищать при необходимости свой суверенитет. Оставалось уповать на международный фактор — Лигу Наций, членом которой Болгария стала в декабре 1920 г. Такая ситуация возникла, когда очередной инцидент на болгаро-греческой границе едва не перерос в военный конфликт между двумя странами. 22 октября 1925 г. греческие войска под командованием

диктатора генерала Теодороса Пангалоса вторглись на болгарскую территорию. Наступая по фронту шириной 32 км и глубиной 10 км, они захватили, а затем сожгли 10 болгарских сел. Центром сопротивления стал околийский центр — г. Петрич: греческие войска были остановлены в нескольких километрах от него силами пограничной стражи и отрядами ВМРО¹⁰. Болгарское правительство срочно известило Совет Лиги Наций о «Петричском инциденте» — нарушении суверенитета своей страны. Благодаря вмешательству международного органа, отношения между Грецией и Болгарией удалось урегулировать¹¹. Греческие войска были выведены с болгарской территории, и в течение двух месяцев болгарам был возмещен ущерб в размере 25 млн золотых франков (30 млн левов).

Статья 19 Неййского договора предполагала возможность «время от времени <...> приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»¹². Казалось бы, что при оптимистичном сценарии Болгария могла получить шанс на возвращение утраченных территорий. Однако реальная ситуация, прежде всего расклад сил между победителями и побежденными, сводила возможность добровольного пересмотра статей договора к пользе Болгарии практически к нулю. Кроме того, в самом договоре имелась 48-я статья, которая фактически подтверждала иллюзор-

¹⁰ ВМРО — нелегальная Внутренняя македонская революционная организация; сформирована в 1919 г. из македонских и фракийских болгар с целью создания независимой Македонии и являлась ярой противницей урегулирования македонского вопроса в рамках очерченных границ.

¹¹ Подробнее см.: *Палова М.* Ролята на Обществото на народите за разрешаване проблемите на българското малцинство в Западна Тракия и Егейска Македония (1919–1925) // Известия на катедра «Българска история и археология» и катедра «Обща история» — ЮЗУ «Неофит Рилски». Т. 1. Благоевград: Издателски комплекс «Неофит Рилски», 2003. С. 254, 257–259.

¹² Мир в Нейи... С. 11.

ность надежд на пересмотр статей Неййского договора. В ней говорилось: «Болгария отказывается в пользу Главных Союзных и Объединившихся Держав от всех своих прав и правооснований на территории Фракии, которые принадлежали болгарской монархии. <...> Главные Союзные и Объединившиеся Державы обязуются к тому, чтобы свобода экономического выхода Болгарии к Эгейскому морю была гарантирована». Однако далее следовало уточнение, что «условия этой гарантии будут установлены впоследствии»¹³. Оно ставило под вопрос выполнение этой статьи или, по крайней мере, откладывало его на неопределенное время. Двусмысленность формулировки оставляла лазейку для болгарской дипломатии, хотя, мечтая о национальном объединении, болгарские власти в последующие два десятилетия не считали возможным открыто ставить вопрос о пересмотре договора. Ревизионистские расчеты Софии были связаны с участием в Балканских конференциях в Афинах (октябрь 1930 г.), Стамбуле и Анкаре (октябрь 1931 г.), Бухаресте (октябрь 1932 г.) и Салониках (октябрь 1933 г.), на которых болгарские делегаты напористо выступали в защиту прав болгарского меньшинства в соседних странах¹⁴. При этом они опирались на созданную Лигой Наций систему защиты прав нацменьшинств. Далекая от совершенства, эта система, тем не менее, привлекала внимание общества к данной проблеме, отражала необходимость ее адекватной оценки и конкретных действий¹⁵. Однако особого успеха

¹³ Мир в Нейи... С. 21.

¹⁴ Подробнее см.: *Кашкин И.С.* «Национальные группы» на Балканских конференциях (1930–1934 гг.) // *Славянский сборник*. Вып. 4. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990; *Зимина Н.Г.* Проблема национальных меньшинств на Балканских конференциях (1930–1933 гг.) // *Проблемы политологии и политической истории*. Межвузовский сборник научных работ. Вып. 3. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1994.

¹⁵ *Ильяшевич М.Я., Белоусова А.А.* Международно-правовая защита национальных меньшинств и Лига Наций // *Закон и право*. 2018. № 11. С. 122.

действия болгар не имели. Созывавшиеся по инициативе Международного союза пацифистских обществ Балканские конференции отразили намерение их организаторов, в первую очередь, создать такую атмосферу, которая могла бы, пусть временно, смирить или преодолеть спорные вопросы, укрепить тем самым мир на Балканах¹⁶. В исторической литературе конференции оцениваются по-разному: одни авторы считают, что нашедшая отражение в документах «гуманистическая мирная тенденция» оказалась неустойчивой в конкретной исторической обстановке в целом в мире и, в частности, на Балканах, и широкая программа организации сотрудничества всех стран региона в экономической, социальной и культурной сферах не была учтена разработчиками пакта Балканской Антанты¹⁷. Другие исследователи, однако, призывают объективно оценить эти конференции как путь к созданию Балканской Антанты, его существенный этап¹⁸.

Официальному созданию Балканской Антанты предшествовала череда двусторонних соглашений 1933 г.: между Грецией и Турцией (14 сентября), Румынией и Турцией (18 октября), Югославией и Турцией (27 ноября). Важную роль в этом процессе играла Франция, проводившая курс на создание системы малых союзов — своего рода «пояса безопасности» против постоянного врага — Германии, и укреп-

¹⁶ *Исаева О.Н.* «Балканское Локарно» и «Балканский союз» — две модели региональной безопасности // Новая и новейшая история: межвузовский сборник. Вып. 17. К 60-летию проф. И.Д. Парфёнова / отв. ред. А.А. Кредер. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1998. С. 203.

¹⁷ *Зимина Н.Г.* Пацифизм на Балканах в период мирового экономического кризиса // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Материалы международной научной конференции. Харьков, 21–23 сентября 1993 г. Том второй / отв. ред. Г.И. Чернявский. Харьков: МНАБ, 1995. С. 67–68.

¹⁸ *Елиза В. Танева.* България и Балканският пакт. 1934–1941 г. Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен «доктор» по професионално направление 2.2. История и археология (Нова българска история / 1878–1944 г./). София, 2021. С. 9, 42.

ление тем самым своей роли на Балканах. Париж стал активным соучастником подготовки Балканского соглашения.

Балканская Антанта была создана 9 февраля 1934 г. в Афинах. Соответствующий договор без определения срока действия от имени Румынии, Турции, Югославии и Греции подписали министры иностранных дел Николае Титулеску, Тевфик Рюшту-бей (Арас), Боголюб Евтич, и Димитриос Максимос. Он включал в себя Пакт о балканском взаимопонимании, Протокол–приложение и Секретный протокол¹⁹. Подписанты, исходя из антивоенных статей Устава Лиги Наций и положений пакта Бриана — Келлога от 27 августа 1928 г. об отказе от войны «как орудия национальной политики», согласились действовать в духе взаимопонимания и примирения. Согласно статье 1 пакта Румыния, Турция, Греция и Югославия обязались «взаимно гарантировать безопасность всех своих балканских границ». В статье 8 неопубликованного дополнительного протокола к пакту, уточнявшей содержание взятых сторонами на себя обязательств, вновь подчеркивалось, что «сохранение установленного в настоящее время территориального порядка на Балканах является окончательным для договаривающихся стран». Секретный протокол уточнял термин «территориальный порядок», под которым подразумевались балканские границы, «т. е. границы между Румынией и Болгарией, Румынией и Югославией, Албанией и Югославией, Албанией и Грецией, Югославией и Грецией, Югославией и Болгарией, Грецией и Болгарией, Грецией и Турцией, Турцией и Болгарией»²⁰. Статья 2 Балканского пакта, обязывавшая Ру-

¹⁹ Пакт о взаимопонимании опублик. в: Documents on International Affairs, 1933 / Ed. by J.W. Wheeler-Bennett. London: Oxford University Press, 1934. P. 408–409. URL: <https://archive.org/details/DocumentsOnInternationalAffairs/page/n419/mode/2up> (дата обращения: 20.11.2024); содержание протоколов см.: Петров Л. Балканската антанта // Международни отношения. София, 1994. № 2. С. 97–100.

²⁰ Кузманова А. Румъния и дипломатическата подготовка на Балканския пакт // Исторически преглед. 1970. Кн. 3. С. 28–29.

мынию, Турцию, Югославию и Грецию «не предпринимать никаких политических акций в отношении какого-нибудь другого балканского государства, которое не подписало соглашения, без предварительного предупреждения остальных участников Балканской Антанты и без их согласия», объективно препятствовала проявившемуся сепаратному болгаро-югославскому сближению. Другим важным вопросом был вопрос о заключении военных конвенций на случай агрессии против какой-либо из договаривающихся стран. В этом была особенно заинтересована Югославия, опасавшаяся нападения Италии с территории Албании. Показательно, что если по статье 4 протокола договаривающиеся стороны должны были в течение шести месяцев начать переговоры о заключении конвенций, обеспечивающих осуществление целей, преследуемых Балканским пактом, то в Секретном протоколе уточнялось, что в первую очередь будут заключены именно военные конвенции. Хотя по условиям Балканского пакта предусматривалась возможность присоединения к нему, с согласия всех участников, Болгарии и Албании, закрепленный в нем принцип сохранения на Балканах любой ценой статус-кво отталкивал Болгарию, для которой ревизия Нейиского мира оставалась «злостью дня». Вступлению Албании в Балканский пакт препятствовало её положение «форпоста» Италии. Более того, в момент создания Антанты Тирана как возможная участница даже не рассматривалась.

В соответствии с Секретным протоколом участницы Балканской Антанты обязались не нападать друг на друга и оказывать взаимную помощь при нападении на одну из них другой европейской державы (при нападении на азиатскую часть Турции взаимопомощь не предусматривалась). Подписывая договор, Турция и Греция сделали определенные оговорки. Турция по требованию советского правительства в специальной декларации заявила, что акции, в которых она будет участвовать, не должны противоречить ее дого-

ворным отношениям с СССР. Опасаясь втягивания Турции, а значит и СССР как её союзника в войну на Балканах, советское правительство рассматривало подписание Турцией пакта прежде всего как поддержку позиции Румынии по болезненному для Москвы бессарабскому вопросу²¹. Греция заявила, что не будет воевать с небалканскими государствами (имелась в виду, прежде всего, Италия). Однако в Протоколе–приложении было зафиксировано, что если страна-участница Пакта подвергнется агрессии со стороны небалканского государства, а какая-либо балканская страна присоединится к агрессору, то Балканская Антанта предпримет санкции именно против последней. Как писала советская исследовательница Н.Д. Смирнова, Балканская Антанта «создавалась в духе традиционных для политики буржуазной Европы представлений, в основе которых лежало стремление к объединению группы государств в целях создания противовеса другой соперничающей группировке. Это снижало эффективность Антанты как оружия мира и безопасности, ибо после всех исключений из пакта, которые сделаны были в процессе его подготовки, сохранилась лишь антиболгарская направленность»²². В еще большей мере её отразил Секретный протокол, закрепивший право союзников в определенных случаях предъявить Болгарии ультиматум и в случае отказа Софии выполнить его — оккупировать, частично или полностью, территорию страны. Впоследствии в оккупированных районах предусматривалось проведение плебисцита по вопросу об их присоединении к стране-соседке. (Напомним, что при обсуждении условий Нейиского мира болгарская делегация настаивала на проведении плебисцита на отторгаемых у болгар терри-

²¹ Спасов Л. СССР, Болгария и Балканский пакт. 1934–1940 гг. // Россия — Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии (отв. ред. Р.П. Гришина). М.: ИСЛ РАН, 2010. С. 406.

²² Смирнова Н.Д. Политика Италии на Балканах: очерк дипломатической истории. 1922–1935. М.: «Наука», 1979. С. 208.

ториях, но тогда союзные державы не допустили этого. В новых условиях подход оказался иным, что, впрочем, понятно: при проведении плебисцита на оккупированных землях его исход, то есть получение «нужного» результата, был вполне предсказуем).

Болгарский историк Людмил Петров утверждает, что Секретный протокол, хотя и «с некоторым запозданием», стал достоянием софийских властей²³. Более того, ученый считает, что именно информация о Секретном протоколе, а не стремление установить авторитарный режим побудила новое правительство Кимона Георгиева, образованное в результате переворота 19 мая 1934 г., запретить все политические партии и организации: новый кабинет тем самым стремился заранее блокировать возможность проявления оппозиционных настроений в вопросах внешней политики и не хотел дать повод балканским соседям применить жесткие статьи Секретного протокола²⁴. Правительство «девятнадцатимайцев» подтвердило ясно сформулированный предшествующим кабинетом Николы Мушанова отказ от присоединения к Балканской Антанте. При этом подчеркивалось, что Балканский пакт устраняет возможность мирной ревизии, предусмотренной вышеназванной статьей 19 Нейиского договора. В качестве альтернативы болгарская сторона, стремясь преодолеть изоляцию, выдвинула предложение о заключении двусторонних договоров о дружбе, взаимопонимании и ненападении с каждой из балканских стран. В соответствии с этой задачей болгарская дипломатия активизировала свои усилия на югославском направлении. Это было важным шагом, учитывая членство Югославии еще и в Малой Антанте (Югославия, Румыния,

²³ Петров Л. България и балканските страни. Военнополитически отношения (1934–1939 г.) // Институт за военна история — Генерален щаб / Военно-историческо дружество. Известия. Том 58. София: Издателство на Министерство на отбраната «Св. Георги Победоносец», 1995. С. 137.

²⁴ Там же. С. 137–138.

Чехословакия) и ведущую роль Белграда в ослаблении связей её участников и подрыве их союза. Это стало очевидным в связи с подготовкой и проведением Бухарестского совещания глав государств Малой Антанты в июне 1936 г.²⁵ Белград двигался встречным курсом, к чему его подталкивали сложные отношения с Венгрией и Италией и стремление, в связи с этим, укрепить свой тыл²⁶.

В Софии не осталась незамеченной наметившаяся в начале 1930-х годов тенденция к пересмотру мирных договоров Версальской системы. Особенно внимательно болгары следили за событиями 1933 г. в Германии, осознавая наступление ревизионистской эпохи в международных делах. Курс Берлина на ликвидацию Рейнской демилитаризованной зоны, вполне ясное намерение гитлеровского руководства вернуть Германии подмандатный Франции Саарланд (Саарскую область), а в более отдаленной перспективе и Судеты, определили быструю реакцию болгарских властей на изменения международного климата. Фактический отказ от получения победителями германских репараций, последовавший за Лозаннской конференцией 1932 г., рождал новые надежды в побежденной Болгарии.

Тем временем участницы Балканской Антанты приступили к реализации статьи Секретного протокола о заключении военных конвенций. До конца 1934 г. были подписаны двусторонние конвенции между Югославией и Турцией, Румынией и Турцией, Грецией и Турцией. В 1935 г. подписана трехсторонняя конвенция между Румынией, Югославией и Турцией, а годом позже — четырехсторонняя военная конвенция. К тому же еще в 1931 г. была обновлена военная конвенция 1922 г. между Югославией и Румынией, заключенная в рамках Малой Антанты. По мнению немец-

²⁵ Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М.: «Наука», 1966. С. 128, 130–131.

²⁶ Подробнее см.: Манчев Кр., Бистрицки В. България и нейните съседни. София: «Наука и изкуство», 1978. С. 63–83.

ких историков, эта конвенция характеризовалась не только антивенгерской, но и антиболгарской направленностью²⁷. Военные конвенции превращали Балканскую Антанту в военно-политическую коалицию, а цель их, по оценке югославского премьер-министра и министра иностранных дел М. Стоядиновича, заключалась в том, чтобы «держат Болгарию в узде»²⁸.

Более поздние данные, относящиеся к кануну Второй мировой войны, показывают, что против Болгарии в случае начала военных действий могли быть развернуты около 40 пехотных дивизий: 18 турецких, 9 румынских, 7 югославских, 4 греческих²⁹. Болгария могла противопоставить им 10 пехотных и 2 частично моторизованные дивизии, что означало четырехкратное превосходство стран Балканской Антанты, причем не считая военно-морского флота и авиации, где отставание болгар было практически сокрушительным. Удручающую картину дополняли отсутствие у болгар своей военной промышленности и трудности с боеприпасами, запасными частями и пр. Имевшиеся резервы могли обеспечить болгарскую армию лишь в течение нескольких дней боев.

К середине 1930-х годов экономические и финансовые последствия Нейиского договора удалось в значительной степени устранить, и болгарские власти сочли возможным активизировать свои действия, направленные на отмену его военных статей. В первую очередь следовало получить международное согласие на создание массовой призывной армии и ее вооружение.

Бедущие европейские государства по-разному реагировали на ревизионистские настроения Софии. Франция, при-

²⁷ Л. Петров ссылается на: Die Militärischen Vereinbarungen der Kleine Entente. 1929–1937 / resp. R. Kiszling. München: «Oldenbourg», 1959. S. 90–91.

²⁸ Петров Л. България и Турция. 1931–1941. София: «ИВРАЙ ООД», 2001. С. 84, 96.

²⁹ Петров Л. България и балканските страни... С. 138.

ложившая большие усилия к созданию блока балканских стран с целью противодействия быстро растущему проникновению гитлеровской Германии и фашистской Италии на Балканы³⁰, занимала резко отрицательную позицию в отношении любой ревизии, даже частичной и ограниченной. Статус-кво, полагали в Париже, должен сохраняться по всем направлениям. Британский Форин-офис считал возможным действовать более гибко: согласиться на некоторые уступки Болгарии, которые не изменили бы фактического соотношения сил, но в то же время не толкнули страну в лагерь или коалицию противника. В связи с этим вспоминается «болгарский» прогноз американского профессора Джорджа Херрона (1862–1925), сделанный им после подписания Нейиского договора (его он считал «огромной и глупой ошибкой»): «Мы сейчас толкаем её [Болгарию] в объятия Германии точно так же, как делали это раньше в интересах царской России»³¹. Вряд ли эта констатация Херрона не была известна англичанам. Германия была естественным союзником Болгарии: стремясь к ревизии Версальской системы, поощряла сближение Софии с Белградом. Италия, не возражая в принципе против восстановления для Болгарии равноправия в военной сфере, предлагала действовать путем прямых региональных переговоров. На Стрезской конференции (11–14 апреля 1935 г.) с участием премьер-министра Великобритании Дж. Макдональда, министра иностранных дел Франции П. Лаваля и премьер-министра Италии Б. Муссолини англичане подняли вопрос о необходимости ревизии военных статей договоров с Австрией, Болгарией и Венгрией. Конференция была созвана в связи

³⁰ Подробнее см.: *Рябоконь С.И.* Роль Франции в создании Балканской Антанты (1933 — февраль 1934 г.) // *Балканы и Ближний Восток в новейшее время*. Вып. 4. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1975. С. 39–40.

³¹ Цит. по: *Тошкова В.* Изпълнителна власт и външна политика на България. 1919–1945 // 120 години изпълнителна власт в България. София: ИК «Гутенберг», 1999. С. 162–163.

с восстановлением Гитлером в одностороннем порядке всеобщей воинской повинности, что являлось грубым нарушением обязательств Германии по Версальскому мирному договору. В беседе 15 апреля 1935 г. с министром иностранных дел Константином Батоловым чрезвычайный посланник Италии в Софии Джузеппе Сапулло сообщил, что в Стрезе было решено допустить ревизию военных статей «мирным путем», но просил при этом не поднимать шума в болгарской прессе, дабы «не затрагивать чувствительность» участников Малой и Балканской Антанты³². В целом ведущие европейские державы рассчитывали на достижение договоренностей между Болгарией и Балканской Антантой.

Руководство последней согласилось со Стрезской декларацией, но перспективу переговоров по военным вопросам увязывало с заявленным турками требованием получить право укрепить районы Проливов и Адрианополя (Одринско)^{33*}.

Учитывая новые реалии, «переходные» болгарские правительства Пенчо Златева и Андрея Тошева (январь — ноябрь 1935 г.) при решении «военного вопроса» ориентировались, как и раньше, не на Балканскую Антанту как целое, а на ее отдельных членов. Именно путем двусторонних переговоров и соглашений болгары рассчитывали ревизовать военные статьи Неййского договора, следуя прежнему курсу на неприсоединение к Балканскому пакту.

Вторая половина 1930-х годов — время успешных действий болгарской дипломатии, стремившейся к установлению доверительных отношений с балканскими соседями.

³² *Рябоконт С.И.* Позиция стран Балканской Антанты на заключительном этапе переговоров о Восточном и Дунайском пактах (октябрь 1934 — май 1935 г.) // *Балканы и Ближний Восток в новейшее время*. Вып. 7. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1978. С. 69.

³³ *Петров Л.* България и балканските страни... С. 140.

* Одринско (болг.), Одринская или Восточная Фракия — часть европейской Турции, составляющая около 5 % ее общей площади. Граничит с Болгарией. Самый крупный город — Одрин (болг.), или Эдирне (тур.), Адрианополь (греч.).

Продолжалось начавшееся при правительстве «девятнадцатимайцев» сближение Болгарии с Югославией (знаковым событием стал запрет ВМРО). София поддержала английское и турецкое предложения по вопросу о Проливах: на конференции в Монтрё летом 1936 г. болгарские делегаты подписали соответствующую Конвенцию в благоприятном для Анкары варианте³⁴. В итоге, несмотря на дальнейшее участие Турции в антиболгарских планах Балканской Антанты, политический курс Анкары в отношении Болгарии и её требований, по признанию болгарских авторов, стал после 1936 г. более гибким³⁵.

Апогеем курса на развитие двусторонних отношений стал январь 1937 г., когда в Белграде был подписан Договор о вечной дружбе между Болгарией и Югославией³⁶. Заклучая договор, Югославия рассчитывала усилить свои позиции в Балканской Антанте и в европейской политике в целом, в том числе обрета бóльшую возможность для лавирования между Италией и Германией. Для Болгарии договор явился первым дипломатическим актом, заключенным между победителем и побежденным в Первой мировой войне, и, объективно, важным шагом болгарской дипломатии, знаменовавшим начало выхода страны из затянувшейся изоляции. В стране это событие было встречено с массовым воодушевлением, однако прочной основы двусторонние отношения не имели. В немалой степени препятствовали тому тлеющие противоречия в связи с македонским вопросом. Правительство Георгия Кьосеиванова ясно дало понять, что не имеет территориальных претензий к Белграду, но, в то же время, не отступило от признания болгарского этнического характера Вардарской Македонии.

³⁴ Вълканов В. Отчет на българския военноморски експерт за конференцията в Монтрьо през 1936 г. // Военноисторически сборник. 1991. № 2. С. 130–143.

³⁵ Петров Л. България и балканските страни... С. 141.

³⁶ Подробнее см.: Арсов П. Българо-югославският пакт от 1937 г. — Балкански Мюнхен // Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс». София: ВИИ «Карл Маркс», 1961. Кн. 1. С. 337–357.

Другие участницы Балканской Антанты — Греция и Румыния встретили договор настороженно. Учитывая это, София и Белград избегали в дальнейшем каких-либо демонстративных заявлений о дружеских связях сторон. Германия одобрила договор целиком и полностью, Франция отнеслась «с резервом», Великобритания высказалась за аналогичные договоры Софии с другими балканскими странами³⁷. Москва продемонстрировала динамику оценок: если в начале января 1937 г. подготовленный договор был воспринят советским руководством как «боевая машина, собранная Германией на Балканах», то есть имеющий военные цели, и одобрения не получил, то вскоре оценочный акцент сменился. 14 января 1937 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов заявил болгарскому посланнику Н. Антонову о положительном значении пакта с Югославией для Балкан. Целью Москвы являлось стремление не допустить болгар и югославов к «оси» Рим — Берлин³⁸. Инициативы советского руководства по созданию системы коллективной безопасности, обращенные, в первую очередь, к Франции и Англии, как показало ближайшее будущее, не получили внятного отклика, уступив место расчету западных держав на то, что Германия удовлетворится некоторыми европейскими территориальными уступками, и приверженности, в конечном счете, идее «умиротворения агрессора»³⁹.

Переломным стал для Софии 1938 год, когда замысел формирования общевосточного блока антигерманской на-

³⁷ Петров Л. Проблемы на военната политика на България. 1934–1939. София: Военно издателство, 1990. С. 76–79.

³⁸ Спасов Л. СССР, Болгария и Балканский пакт... С. 414–416.

³⁹ Подробнее см.: От Версаля до «Барбароссы». Великое противостояние держав. 1920-е — начало 1940-х гг. / рук. авторского колл. В.Н. Гаврилов. М.: «Алгоритм», 2017. С. 52–73; Суслов В.Е. Внешнеполитические усилия СССР по созданию системы коллективной безопасности в 30–40-х годах XX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Йошкар-Ола, 2022. Т. 8. № 4 (32). С. 399. Электронная версия: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-usilia-sssr-po-sozdaniyu-sistemy-kollektivnoy-bezopasnosti-v-30-40-h-godah-hh-veka> (дата обращения: 22.12.2024).

правленности актуализировал вопрос о привлечении к нему Болгарии. В конце февраля 1938 г. на Постоянном совете Балканской Антанты, рассмотревшем вопрос о вооружении Болгарии, проявилась тенденция к сближению путем частичного удовлетворения болгарских претензий. За кулисами нового подхода к «болгарскому вопросу» находилась Англия, а исполнителем стала Турция. Рюшту-бей предложил признать вооружение Болгарии в обмен на ее отказ от агрессии и согласие с ликвидацией демилитаризованной зоны во Фракии. Обмен мнениями предстояло провести по дипломатическим каналам. В мае 1938 г. в Софии турецкие представители сделали соответствующее предложение болгарской стороне. Согласие болгар дало старт подготовке Салоникского соглашения.

31 июля 1938 г. в Салониках председатель Постоянного совета Балканской Антанты Иоаннис Метаксас и премьер-министр Болгарии Георги Кыосеиванов подписали соглашение, содержавшее взаимный отказ сторон от применения силы, военных статей Нейиского договора и постановления о демилитаризованной зоне во Фракии как части принятой в Лозанне в 1923 г. конвенции о режиме Проливов. Эта зона шириной в 30 км устанавливалась по обе стороны границы Турции с Болгарией и Грецией от Чёрного до Эгейского моря. В её пределах запрещалось строить укрепления и держать войска (кроме пограничной стражи). Болгария, однако, отступала от запретительных военных статей Нейиского договора и Лозаннской конвенции — «тайно» вооружалась, особенно после переворота 19 мая 1934 г., и укрепляла болгарскую границу в пределах демилитаризованной зоны. Поэтому Салоникское соглашение фактически оформляло уже существующее положение вещей⁴⁰. Однако его подписание превращало Болгарию в равноправного субъекта международных отношений. Значимость события

⁴⁰ Валуев Л.Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период Второй мировой войны). М.: «Наука», 1964. С. 16.

подтвердил обмен приветственными телеграммами между царем Борисом III и лидерами балканских государств — принцем-регентом Павлом, королем Каролом II, королем Георгом II и президентом К. Ататюрком. Крупные европейские державы в целом приветствовали этот акт. Великобритания и Франция рассчитывали упрочить свои позиции в Юго-Восточной Европе, а участники формировавшегося германо-итальянского блока надеялись, что соглашение станет примером в дальнейшем курсе на ревизию Версальской системы договоров⁴¹.

В Болгарии Салоникское соглашение было воспринято, главным образом, через призму отмены несправедливых военных статей в целом несправедливого Неййского договора, как международное признание права страны защищать свой суверенитет. Психологическое и моральное значение этого факта для болгарского общества трудно переоценить. Софийское радио прервало передачи, чтобы вечером 31 июля сообщить о судьбоносном событии. Улицы городов украсились флагами, возникали стихийные манифестации, с самолетов над столицей были разбросаны листовки, в болгарской столице состоялся парад. Выступая перед его участниками, военный министр Теодосий Даскалов особо подчеркнул значение Салоникского соглашения для болгарской армии — защитницы национального суверенитета⁴². Голоса тех, кто считал указанные статьи соглашения чреватými усилением военной опасности, были слабыми и не делали погоду в болгарском обществе.

После Салоник реальных сдвигов в межгосударственных отношениях на Балканах не произошло. Однако мирная, пусть и частичная, ревизия Неййского договора в условиях изменившейся международной обстановки, безусловно, по-

⁴¹ Подробнее о реакции Запада на переговоры и заключение Салоникского соглашения см.: *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М.: «Наука», 1978. С. 73, 79, 85–87.

⁴² Поверителна министерска заповед № 308 от 31 юли 1938 г. (*Петров Л.* България и балканските страни... С. 142).

влияла на самоощущение болгарских «верхов». С позиции равноправного с балканскими «соседями» государства болгарские дипломаты начали крайне осторожно прощупывать почву относительно территориальной ревизии или хотя бы прав болгарского меньшинства. Однако зондаж предпринимался чаще всего на неофициальном уровне и притом дипломатами «второго или третьего ряда»⁴³. Исключением явилась беседа посла в Афинах Димитра Шишманова с министром иностранных дел Греции Иоаннисом Метаксасом 18 октября 1938 г., но и она закончилась безрезультатно. На попытку болгарского дипломата обосновать необходимость облегчения положения болгарского меньшинства в Греции как обязательную предпосылку улучшения отношений между двумя странами, за что активно высказывались греки, Метаксас отреагировал кратко, но решительно: «Оставьте это»⁴⁴.

Обострение чехословацкого кризиса и мюнхенский договор 30 сентября 1938 г. затмили все остальные события политической жизни, в том числе и Салоникское соглашение⁴⁵. Дух Мюнхена, отмечал болгарский историк Н. Генчев, «быстро проник на Балканы», изменил политический климат, вызвал бурные реакции. Английские наблюдатели констатировали: «В кафе и других общественных местах рисуют [географические] карты, постоянно судачат о возобновлении ревизионистской кампании в этой (юго-восточной. — Т. В.) части Европы. Хотя это продиктовано, в большей или меньшей степени, теоретическим интересом, сегодня в нем ощущается предчувствие, что опять что-то может случиться»⁴⁶. Откликаясь на Мюнхен, М. Стоядинович в начале ноября

⁴³ Петров Л. България и балканските страни... С. 143.

⁴⁴ Петров Л. Проблеми на военната политика на България... С. 121.

⁴⁵ Постников А. С. Салоникское соглашение 31 июля 1938 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1981. С. 59.

⁴⁶ Генчев Н. Външната политика на България... С. 24.

1938 г. заявил, что границы Югославии были определены справедливо, «политы кровью, иссечены мечом и усеяны костями героев» и что «Югославия не уступит ни пяди своей земли». После визита принца-регента Павла в Бухарест (4–5 ноября 1938 г.) румынский король Кароль II побывал в Лондоне и Берлине, ратуя за сохранение установленной границы Румынии с СССР, Болгарией и Венгрией⁴⁷. В ноябре 1938 г. Стамбул торжественно отпраздновал очередную годовщину возвращения Турции Адрианополя, «нашего прекрасного Эдирне», по Константинопольскому договору от 23 сентября 1913 г. между Турцией и Болгарией. В турецкой прессе особенно подчеркивалось, что Адрианополь — «наши ворота на Запад».

Совсем иной была атмосфера в Болгарии, где мюнхенский договор был воспринят как сигнал: наступает время ревизии Версальской системы, «Европа 1919 года уже мертва...». По мнению Н. Генчева, в это время болгарская дипломатия сосредоточивает свои усилия на трех основных направлениях: продолжает зондаж великих держав и «соседей» на предмет территориальных претензий Софии; усиливает дипломатическую активность по нейтрализации Балканской Антанты; содействует укреплению болгарской армии⁴⁸.

Зондаж показал, что болгары нашли понимание в Москве, Берлине и Риме, что балканские «соседи», блюдя в первую очередь собственные интересы, были готовы частично поддерживать Софию. Так, Турция признавала справедливость болгарских требований относительно Южной Добруджи, но категорически выступала против выхода болгар в Эгейское море, угрожавшего безопасности турецкой Фракии. Югославия была готова поддерживать Болгарию в вопросе о Южной Добрудже и Западной Фракии, но в обмен на содействие в вопросе о Салониках и Эгейской Македонии. Важность подобных заключений, свидетельствовавших о признании

⁴⁷ Генчев Н. Външната политика на България... С. 24.

⁴⁸ Там же. С. 34.

справедливости болгарской «ревизионистской» позиции, очевидна, однако они остались на уровне устных констатаций.

Курс на нейтрализацию Балканской Антанты был подтвержден в заявлении премьер-министра Кыосеиванова в Народном собрании 17 ноября 1938 г. после его встречи со Стоядиновичем в курортном городке Нишка-Баня 30 октября. Помимо прочего, Кыосеиванов подчеркнул, что София постоянно заботится о развитии дружественных отношений с Югославией и Турцией и продолжит усилия по урегулированию спорных вопросов с Румынией и Грецией, чтобы далее развивать с ними все более сердечные и дружественные отношения. Это заявление, столь ясно разделившее участников Балканской Антанты на две группы, четко отразило стремление болгарской дипломатии внести разьединение в этот союз и указало на основное направление болгарских территориальных претензий после Мюнхена — Румыния и Греция. Вместе с тем в болгарских верхах утвердилось мнение, что в целом антиревизионизм все еще объединяет балканские страны и что Болгария пока недостаточно сильна, чтобы инициировать какие-либо энергичные действия в территориальных вопросах⁴⁹. Поэтому на рубеже 1938–1939 гг. генеральная линия болгарской внешней политики в целом подтверждала её прежние основы: нейтралитет, самостоятельность и выжидание в сочетании с пропагандой мирной ревизии «версальских» договоров. Вместе с тем при обсуждении в Народном собрании в январе 1939 г. депутаты, напомнив, что Болгария уже дважды «ставила не на ту карту», и подтвердив необходимость равноудаленности от ведущих политических группировок, всё же обязали правительство действовать более энергично, открыто выдвигать болгарские требования⁵⁰.

⁴⁹ Генчев Н. Външната политика на България... С. 36.

⁵⁰ Стенографски дневници на XXIV Обикновено Народно събрание, I редовна сесия. 27 януари 1939 г. С. 49.

Старый/новый курс на укрепление армии обусловливался реалистичными оценками обстановки, пониманием, хотя и не разглашавшимся, что после Мюнхена территориальные проблемы будут решаться силой оружия. Поэтому действовавшее с марта 1938 г. секретное соглашение с Германией о поставках вооружения на 30 млн рейхсмарок болгары поспешили продлить, начав в ноябре переговоры с Берлином о новом военном займе. Германия использовала этот шаг Софии для того, чтобы заставить болгар отказаться от нейтралитета, убеждая, что всё Подунавье и Балканы, включая на юге Болгарию и Югославию, являются «жизненным пространством» (*lebenstraum*) для Германии. Выдвигая в качестве условия для решения вопроса о кредите быструю и открытую ориентацию Софии на «ось» Рим–Берлин, немцы тем самым подтолкнули болгарское руководство к закупке оружия и у Англии (решение о «пробной» операции на сумму 500 тыс. фунтов стерлингов было принято в Лондоне ещё в декабре 1938 г.). С Германией вопрос о военном займе в 45 млн рейхсмарок решился подписанием секретного протокола от 24 апреля 1939 г.

Обстановка в послемюнхенской Болгарии не могла не настораживать руководство Балканской Антанты. Российская исследовательница Р.П. Гришина отмечала, что «националистическое поветрие» охватило не только провластные круги, но и буржуазную нефашистскую оппозицию, ориентировавшуюся на англо-французский блок: 27 октября 1938 г. она вместе с правительственным большинством проголосовала в Народном собрании за принятие законопроекта о военных кредитах⁵¹. Постоянный совет Балканской Антанты отреагировал, включив в повестку дня в феврале 1939 г. в качестве основного вопрос о «болгарском ревизионизме». После обсуждения 22 февраля было опубликовано коммюнике, в котором подчеркивался принцип нерушимости гра-

⁵¹ Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: «Наука», 1987. С. 390.

ниц на Балканах и одновременно отмечалось, что, «несмотря на проявления болгарского ревизионизма, Балканское соглашение поддерживает хорошие отношения с Болгарией и будет содействовать сближению с ней»⁵².

Болгарская сторона отреагировала на появление коммюнике директивной главы кабинета Кыосеиванова от 19 апреля 1939 г., адресованной болгарским диппредставительствам за границей. Появлению этого документа предшествовали совещание болгарских дипломатов в Софии и дискуссия в парламентской комиссии по внешней политике. В директиве подробно излагалась позиция Болгарии:

1. Болгария не может войти в Балканское соглашение: оно гарантирует нынешние границы страны, с которыми Болгария не может согласиться.
2. Вступление Болгарии в новое Балканское соглашение возможно только после территориальных изменений, при которых Болгария получит Южную Добруджу, границу 1913 года во Фракии и, возможно, районы Цариброда и Босилеграда в соответствии со старой, довоенной, территорией Болгарии.
3. При вступлении в Балканское соглашение Болгария не может принять на себя обязательство защищать внешние границы нового Балканского соглашения, поскольку она единственная страна, не имеющая таких границ.
4. В настоящее время балканские государства (Югославия, Румыния, Греция) находятся под угрозой и могут ориентироваться на ту или иную группировку. Болгария проводит и будет проводить, покуда это возможно, самостоятельную политику без обязательств перед кем-либо.
5. Экономические связи с Германией, на долю которой приходится 75 % болгарского экспорта, лишают

⁵² Петров Л. България и балканските страни... С. 143.

Болгарию возможности, независимо от политических интересов, встать на сторону демократических государств против тоталитарных.

6. Попытки Болгарии получить на Западе оружие в кредит не удались. Страна вынуждена решать вопрос вооружения почти исключительно с Германией, что открывает перед Берлином возможность предъявлять Болгарии политические условия. Это диктует необходимость для болгар занять выжидательную позицию⁵³.

В историографии текст директивы традиционно трактуется как подтверждение уже определившейся к тому времени прогерманской ориентации Болгарии, как «ширма», за которой шла усиленная подготовка вовлечения Болгарии в германскую орбиту⁵⁴. Несмотря на определенные нюансы, авторы дружно указывают на «прогерманскую начинку», «прогерманский заряд» болгарского нейтралитета, которые, по утверждению историка Д. Сиркова, постоянно увеличивались и привели Болгарию, в конечном счете, в фашистский блок⁵⁵. О «прогерманском нейтралитете» болгар писала и российская исследовательница Е.Л. Валева⁵⁶. На благосклонный и «симпатизирующий [Германии]», «нестрогий нейтралитет» указывает авторитетный болгарский исследователь Г. Марков. Стремясь к ревизии мирных договоров, пишет ученый, Германия действовала прямолинейно, а Болгария уповала на терпение, сдержанность и умеренность. Болгарский нейтралитет активно противостоял самоизоляции страны, имел продиктованный конкретной

⁵³ Петров Л. България и балканските страни... С. 143; Генчев Н. Външната политика на България... С. 49.

⁵⁴ Машев Д. Прогерманската ориентация на българското правителство в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. Т. 1–V. 1964. С. 317; Валева Е.Л. Болгарский народ в борьбе против фашизма... С. 21.

⁵⁵ Сирков Д. Външната политика на България. 1938–1941. София: «Наука и изкуство», 1979. С. 302–304.

⁵⁶ Болгария в XX веке. Очерки политической истории... С. 239.

обстановкой, выжидательный и, в силу обстоятельств, временный характер. Политика Франции и Англии — гарантов статус-кво на Балканах в реальности помогала Германии привлечь на свою сторону Болгарию и «обрекала» ее на сотрудничество с Рейхом⁵⁷.

После Мюнхена, приведшего к краху Малой Антанты, начался стремительный закат и другого регионального союза — Балканской Антанты. Всё реже выступая как единая организация, она превращалась в формальное объединение. Впрочем, словесное оформление дискуссий оставалось достаточно привлекательным. Так, заседание Постоянного совета 20–22 февраля 1939 г. в Бухаресте прошло под знаком единения сил в условиях растущей угрозы вооруженных конфликтов. Но накануне заседания в рабочем порядке была достигнута договоренность не выносить на обсуждение вопрос о рекомендациях Антанте как коллективному органу в случае возникновения вооруженного конфликта вне Балкан. Участники соглашения должны были действовать самостоятельно, исходя из обстановки.

Обсудив предложение Германии отдельным членам Балканской Антанты присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, члены Постоянного совета осудили привнесение идеологических «пристрастий» в международные конфликты и приняли решение о неприсоединении к какой-либо группировке, возглавляемой одной или несколькими великими державами⁵⁸. Однако сразу же после заседания в Берлин поступила «уточняющая» информация из германского посольства в Бухаресте, полученная румынским послом от министра иностранных дел Румынии Г. Гафенку, в которой говорилось: «<...> Балканская Антанта ни при каких обстоятельствах не будет служить инструментом, который

⁵⁷ Марков Г. Българо-германските отношения. 1931–1939. София: «Наука и изкуство», 1984. С. 214, 233–236.

⁵⁸ Balkanska antanta (1934–1940). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1986. S. 276–278.

каким-либо образом может быть направлен против Германии»⁵⁹.

Однозначного ответа о времени прекращения существования Балканской Антанты нет. Одни авторы считают, что это произошло с началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г.⁶⁰, другие полагают, что нападение Италии на Грецию 28 октября 1940 г. с территории Албании положило конец военно-политическому союзу, поскольку ни одна из участниц пакта не оказала помощь грекам⁶¹. Но, по сути дела, дата не имеет значения. Главное, что Балканская Антанта не стала, как задумывалось её организаторами, гарантом локальной безопасности, преградой ревизионистским и реваншистским тенденциям в международных отношениях, а затем и конкретным действиям по их реализации.

Что касается Болгарии, то в 1930-е годы страна смогла удержаться на позиции нейтралитета, дистанцирования и неприсоединения к какой-либо коалиции или блоку держав, в том числе и к Балканской Антанте. На опубликованной в офицозе НСДАП «Фолькишер Беобахтер» карте (ее в июне 1939 г. во время встречи в Берлине Гитлер показал царю Борису⁶²) Болгария, наряду с Бельгией, Голландией, Швейцарией, Скандинавскими и Балтийскими странами, была отмечена как нейтральная страна. Софии удалось добиться мирным путем отмены военных статей Нейиского договора, позволившей приступить к восстановлению регулярной армии и её перевооружению. Планы возвращения отторгнутых ранее территорий София связала с Германией.

⁵⁹ *Смирнова Н.Д.* Союзы стран Балкано-Дунайского региона в системе европейской безопасности // *Европа между миром и войной. 1918–1939* / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: «Наука», 1992. С. 150.

⁶⁰ Балканская Антанта. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Балканская_Антанта (дата обращения: 22.12.2024).

⁶¹ *Хавич О.* Последняя Антанта. Как Франция потеряла влияние на Балканах. URL: https://vk.com/wall-210942250_29457 (дата обращения: 22.12.2024).

⁶² *Генчев Н.* Външната политика на България... С. 51.

В сентябре 1940 г. под нажимом Берлина Румыния передала Болгарии Южную Добруджу. А после присоединения Болгарии 1 марта 1941 г. к Тройственному пакту болгарские войска в союзе с Германией, Италией и Венгрией приняли участие в агрессии против Югославии и Греции. На оккупированных территориях Вардарской Македонии, Западной Фракии и на Западных окраинах устанавливалась временная болгарская администрация. В результате мирной ревизии территория Болгарии увеличилась наполовину, в население — на треть.

В дальнейшем расположенная «в сердце Балкан» страна рассматривалась ведущими игроками на европейской «шахматной доске» как важная фигура в будущих дипломатических и военно-стратегических комбинациях. И вскоре это нашло подтверждение в развернувшемся к окончанию Второй мировой войны геостратегическом «сражении за Болгарию»⁶³.

⁶³ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* К истории формирования советской стратегии безопасности в годы Второй мировой войны: сражение за Болгарию // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.) / отв. ред. А.А. Богдашкин. Воронеж: «Научная книга», 2015. С. 115–132.

НАРКОМАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ И СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В БЕРЛИНЕ 1937–1939 гг.

PEOPLE'S COMMISSARIAT OF FOREIGN AFFAIRS AND SOVIET DIPLOMATS IN BERLIN 1937–1939

Аннотация. Советско-германские отношения 1933–1941 гг. ни на одном из этапов не отличались такой непредсказуемостью развития, как в период весны 1937 — лета 1939 г. Оба режима прошли тогда путь от ничем неприкрытой враждебности до заключения соглашения, наложившего отпечаток на всю последующую историю Второй мировой войны. Опубликованные в настоящее время документы содержат много разнообразных материалов, освещающих деятельность Наркомата иностранных дел на советско-германском направлении, но редко и, как правило, опосредованно, в завуалированной форме позволяют представить, в какой обстановке работали НКИД и советские дипломаты в Берлине накануне Второй мировой войны, в 1937–1939 гг. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: СССР, Германия, Сталин, Гитлер, М.М. Литвинов, В.М. Молотов, Г.А. Астахов, И. фон Риббентроп, Ф. фон Шуленбург, НКИД СССР, Полпредство СССР в Германии, политические репрессии.

Место Наркоминдела во внешнеполитическом процессе было обусловлено двумя тесно связанными, хотя и не равнозначными факторами. С одной стороны, ужесточение тоталитарного режима и массовые репрессии, затронувшие большую часть партийного и государственного аппарата, сопровождались серьезным изменением ролевых функций членов Политбюро ЦК ВКП(б) внутри де факто высшего органа власти в СССР. Да и сам этот орган в рамках системы в целом, превратился в инструмент личной

диктатуры Сталина¹. Это сказалось на процессе выработки и принятия решений общегосударственного масштаба, создав пирамиду управления огромной страной, звенья которой все больше лишались самостоятельности и возможности проявления какой-либо порождаемой дискуссиями инициативы, тем самым увеличивая степень субъективизма при принятии решений верхушкой этой структуры. Тем более что эта последняя, как правило, ассоциировалась только с личностью одного человека со всеми вытекающими из этого последствиями. Эти изменения, как и общая атмосфера в стране, в которой они происходили, непосредственно сказались на положении Наркоминдела и его работе. Будучи поставщиком эксклюзивной информации, от качества и оценки которой на магистральных направлениях советской политики могли зависеть действия СССР на международной арене, он в обстановке тотальной подозрительности, шпиономании и поиска «врагов народа» стал объектом не просто повышенного внимания, которое всегда присутствовало, но и недоверия к его кадрам со стороны НКВД, Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) и Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Все это, несомненно, сужало возможности руководства НКВД в ходе инициирования и подготовки тех или иных решений, превращая его из инициативно-исполнительного инструмента внешнеполитического процесса преимущественно в исполнительный. Одной из сторон этого процесса стало создание в апреле 1937 г. надстроечной структуры, непосредственно затрагивающей компетенцию НКВД: «В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе т.т. Сталина,

¹ См. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 398.

Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова»². Нарком иностранных дел не был включен в состав этой комиссии, фактически не только сужавшей полномочия его ведомства, но и узаконивавшей практику принятия важнейших решений даже не Политбюро ЦК ВКП(б), а И.В. Сталиным и узкой группой наиболее приближенных ему лиц из его состава, получивших в то время в межведомственной переписке наименование «пятерка».

С другой стороны, резкое ухудшение международной обстановки в результате эскалации агрессивной политики Гитлера на континенте и нарастающая изоляция Советского Союза на международной арене объективно увеличивали запрос на эффективность внешнеполитического ведомства и его периферийных структур. Однако решение этого вопроса наталкивалось на непреодолимое препятствие, опять-таки, в виде репрессивной политики сталинского режима, буквально обескровившей НКВД и полпредства СССР за рубежом.

В докладе Сталина на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б) была представлена существенно расширенная трактовка его тезиса о причинах обострения классовой борьбы в СССР по мере построения социализма, дополненная положением о еще больше обостряющем накал этой борьбы враждебном капиталистическом окружении. На основании этого тезиса Сталин делал вывод, ставший сигналом к беспрецедентной по масштабам шпиономании по всей стране: «...пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств»³. Однако раздувавшаяся шпио-

² Сталинское Политбюро в 30-е годы: сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: «АИРО-XX», 1995. Док. 35. С. 55.

³ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б), 3–5 марта 1937 г. М.: Партиздат, 1937. С. 11.

номания не должна была ограничиваться борьбой с проникающей извне угрозой, была поставлена задача — добиться укоренения в массовом сознании восприятия всего несоветского как исключительно враждебного, направленного на подрыв устоев государства. «Враги народа», вредители, иностранные агенты, диверсанты, — все они были фактически поставлены на одну доску. Требовалось очистить государство от этих враждебных элементов, чья деятельность, по утверждению Сталина, «задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные»⁴. Неудивительно, что в этой обстановке на Наркомат иностранных дел и его периферийные структуры (всегда находившиеся под неустанным контролем как непосредственно связанные с внешним миром и уже самим этим фактом подверженные враждебному влиянию) обрушилась волна чисток и репрессий. В этой связи перемены, произошедшие в НКВД в последние два предвоенных года, совпавшие с периодом «большого террора», трудно переоценить, они коснулись всего центрального аппарата. Причем репрессии в отношении руководящего состава Наркомата и полпредств создают впечатление растянутых по времени действий, подрывающих дееспособность этого важнейшего органа по осуществлению и координации всей внешнеполитической деятельности СССР на международной арене.

Приведу некоторые данные о репрессиях в отношении руководящего состава центрального аппарата НКВД в 1937–1939 гг. В этот период были арестованы, освобожденные незадолго до этого от занимаемой должности, два заместителя

⁴ Там же. С. 5. Спустя три месяца глава НКВД Н.И. Ежов, выступая на июньском 1937 г. пленуме ЦК ВКП(б), конкретизировал перечень государственных и политических структур, в которых были выявлены «враги» советской власти. По его утверждению, антисоветской работой «были охвачены — система НКВД, РККА, Разведупр РККА, аппарат Коминтерна — прежде всего польская секция ИККИ, Наркоминдел...» (цит. по: *Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2020. С. 177).*

наркома — Н.Н. Крестинский в 1937 г. и Б.С. Стомоняков в 1938 г., генеральный секретарь НКВД Э.Е. Гершельман, заведующие всеми региональными отделами и почти всеми функциональными подразделениями: Экономической части и отделов — Правового, Печати, Консульского, Курьерской службы и связи, Политического архива, Кадров и Управления делами. Причем, в большей части случаев, руководители, пришедшие на смену арестованным, спустя некоторое время также стали жертвами репрессий. Исключение в тот период составил только заведующий Протокольным отделом В.Н. Барков, арестованный в июне 1941 г.

Каково было отношение М.М. Литвинова к этой вакханалии арестов в возглавляемом им ведомстве? Ведь согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 г.⁵, для ареста номенклатурного сотрудника НКВД, как впрочем и других наркоматов союзного и республиканского подчинения и приравненных к ним центральных учреждений, необходимо было получить согласие его главы. К сожалению, доступная исследователям на этот счет информация крайне скудная и фрагментарная. Так, узнав об аресте Стомонякова, Литвинов (незадолго до этого навещавший своего уже к тому времени бывшего заместителя в больнице, где он находился после неудачной попытки самоубийства) попросил о встрече со Сталиным. Биограф Литвинова приводит фрагмент разговора во время этой встречи, запись о которой была сделана секретарем наркома под его диктовку после возвращения из Кремля: «— Товарищ Сталин, я ручаюсь за Стомонякова. Я знаю его с начала века и вместе с ним выполнял сложнейшие поручения Ленина и ЦК». Ответ Сталина был немногословен: «Товарищ Литвинов, вы можете ручаться только за себя...»⁶. Вне зависимости

⁵ См. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В.Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2003. Док. 530. С. 676–677.

⁶ Цит. по: Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. С. 350.

от точности переданного разговора, можно утверждать, что попытки апелляции наркома на самом высоком уровне в подобных случаях имели место. В пользу этого вывода свидетельствует также то, что, когда требовалась санкция Литвинова на арест с последующим предъявлением обвинений иностранцев, обладающих дипломатическим иммунитетом, или их высылку из СССР, он запрашивал доказательства, дающие основания для подобного рода шагов. И в тех случаях, когда они не представлялись весомыми, нарком обращался к Сталину с предложением об отказе от намеченных НКВД санкционных и репрессивных мер или их смягчении, аргументируя это необходимостью избежать международных осложнений, могущих нанести ущерб государственным интересам СССР⁷. Увы, когда речь шла о сотрудниках его Наркомата, подобных аргументов в распоряжении Литвинова не было.

Серьезно пострадал от репрессий германский участок 2-го Западного отдела НКВД, лишившийся уже в марте 1937 г. своего многолетнего куратора, — первого заместителя наркома Крестинского, для видимости переведенного на должность заместителя наркома юстиции СССР, а спустя 2 месяца арестованного. 13 мая 1937 г. был арестован находившийся в больнице заведующий 2-м Западным отделом Д.Г. Штерн. Его место в июне 1937 г., правда ненадолго, занял Ф.С. Вейнберг, уже в августе назначенный врио заведующего 3-м Западным отделом. Врио заведующего 2-м Западным отделом в августе 1937 г. стал К.В. Антонов, но и он не задержался в этой должности, будучи в январе 1938 г. переведен в резерв НКВД. На его место в январе

⁷ См. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Док. 531. С. 677–678; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. Док. 3. С. 40; Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941 / Hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2019. Bd. 2. Dok. 646. S. 1596–1597.

1938 г. был назначен Г.И. Вайнштейн, остававшийся на этом посту вплоть до структурных изменений в центральном аппарате НКВД в середине июня 1939 г. Все перечисленные руководители 2-го Западного отдела были арестованы на протяжении 1938–1939 гг.

По результатам партийного собрания в Наркомате в июне 1937 г., на котором вал обвинений обрушился на уже арестованных к тому времени нескольких его руководящих работников, перемещения, чистки и репрессии затронули сотрудников 2-го Западного отдела в целом. После того как старший референт по Германии С.П. Кантер, обвиненная в утрате бдительности и неразоблачении «врага народа» Штерна, в начале июля была уволена из НКВД, на германском направлении оставался только заместитель заведующего 2-м Западным отделом В.Л. Левин. Однако 29 декабря 1937 г. он был арестован по обвинению в «участии в контрреволюционной террористической организации».

Характеризуя в целом положение как в Наркомате, так и в его зарубежных представительствах, нарком Литвинов писал 11 июля 1937 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву: «В связи с событиями последнего времени НКВД испытывает огромные затруднения в пополнении убыли в работах и в замене вакансий во всех необходимых местах»⁸. Для решения резко обострившейся проблемы кадрового голода Литвинов 23 июня обратился к Сталину с предложением, «чтобы ЦК партии направил в НКВД группу ответственных товарищей, имеющих достаточный опыт партийно-политической работы, по специальному отбору» для переподготовки и замещения вакантных должностей⁹. Отдел руководящих партийных органов ЦК, занимавшийся подбором кадров, направлял в Наркоминдел, как правило, людей, не обладавших ни необходимым уровнем образо-

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 17. П. 126. Д. 1. Л. 268.

⁹ Там же. Л. 248–249.

вания, ни тем более знанием иностранных языков, в чем нарком имел возможность неоднократно убедиться, проводя лично собеседования с пришедшими кандидатами. Правда, при этом они имели опыт партийной или комсомольской работы, безупречные характеристики и, разумеется, пролетарское происхождение. Далеко не все из них были приняты на работу или отправлены на краткосрочные курсы при Наркоминделе для последующего направления за рубеж, а тем, кто начал работать, понадобилось время, чтобы войти в курс дела. Но и на этом направлении возникали серьезные проблемы.

Отдавая себе отчет в серьезных последствиях для позиций СССР на международной арене не только непрекращающихся арестов дипломатов, но и самой атмосферы недоверия и подозрительности, в особенности в отношении тех из них, кто работает за рубежом, Литвинов пытался, насколько это было возможно, затормозить их вызов в Москву на предмет проверки лояльности со всеми возможными или, скорее, вероятными последствиями. Судя по обращению наркома к руководству страны 29 мая 1938 г., ему приходилось даже в известной степени оправдываться в своих действиях. «Я, — писал он, — принимаю все меры к выполнению постановления ПБ о вызове из заграницы полпредов и других ответственных работников, но, чтобы обеспечить нормальную работу в полпредствах, я должен посылать туда замену и в этом встречаю величайшие затруднения». Причиной был, по мнению Литвинова, чрезмерно формализованный подход принимающих решения партийных органов в вопросе назначения на работу за границей. Предъявляемые требования к «кандидатам в заграничные работники», основанные почти исключительно на анкетных данных, «настолько строги, что теряется всякая надежда найти подходящих работников». И здесь нарком в очередной раз прибегает к упоминавшемуся аргументу — государственным интересам. «Если положение не будет изменено, то мы рискуем перед

лицом надвигающихся грозных международных событий остаться без заграничного аппарата»¹⁰.

Повлиял ли этот призыв каким-либо образом на изменение существовавшей практики решения вопроса о заграничных кадрах и выездах за границу, в том числе в командировки? Отнюдь, о чем свидетельствует буквально алармистская записка Литвинова, направленная Сталину спустя более полугода, 3 января 1939 г. Описывая поистине драматическое положение, сложившееся как в центральном аппарате НКВД (из 8 отделов НКВД только один имел полноправного заведующего, остальные — временно исполняющих обязанности), так и в зарубежных представительствах (вакантны места: 10 полпредов, 9 советников, 22 секретаря, 30 консулов и вице-консулов, и т.д.), нарком обращал внимание на его причины, полагая, что оно «создалось не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКВД органами НКВД. Дело в том, что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешение на обратный выезд. Не получают разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКВД. Немалое количество работников исключено парткомом из партии в порядке бдительности. Другие устранились от секретной работы (“рассекречиваются”), а, следовательно, теряют для НКВД всякую ценность по распоряжению 7-го Отдела НКВД¹¹. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года»¹².

¹⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 301.

¹¹ В компетенцию 7-го отдела ГУГБ НКВД входило наблюдение за организацией и работой шифровальных отделов в наркоматах и других государственных учреждениях.

¹² Документы внешней политики СССР (ДВП [СССР]). М.: Международные отношения, 1992. Т. XXII, кн. 1. Док. 2. С. 11.

Все это не могло не сказываться на качестве работы Наркомата, затрагивая разные уровни этой структуры, включая самые верхние. Реагируя на претензии одного из полпредов на недостаток информации, поступающей из НКИД, о международном положении в целом и событиях международной значимости, не связанных непосредственно с проблемами конкретной страны, первый заместитель наркома В.П. Потемкин сетовал на совещании в ноябре 1938 г.: «Это была прямая задача наркома, соединяющего работу и замнаркома. Но внешнее положение сейчас очень трудное, и хотя М.М. [Литвинов] очень охотно берет на себя информацию, но он сейчас очень занят и большей частью дает информацию только по животрепещущим вопросам. Нас — только двое. Нет второго замнаркома»¹³. Было время, когда я сидел один»¹⁴. Подобная практика, когда информация с оценкой международной обстановки, рассылаемая в то или иное полпредство, могла исходить только от наркома или быть лично санкционирована им, сложилась еще в середине 1935 г. Именно в это время Литвинов издал приказ по Наркомату, в котором предлагалось «всем ответственным работникам НКИД без исключения впредь воздерживаться от подобных оценок без моих указаний или предварительного согласования со мною»¹⁵. Постепенно и сами ограничения в доступе к сведениям, содержащим не санкционированную наркомом информацию, все больше распространялись и на ответственных сотрудников самого центрального аппарата. Бывший заведующий Отделом печати Наркоминдела в 1937–1939 гг. Е.А. Гнедин, имевший

¹³ После снятия 7 августа 1938 г. Б.С. Стомонякова с поста заместителя наркома вплоть до мая 1939 г. в НКИД был только один заместитель наркома.

¹⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941 / Hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2023. Bd. 3. Dok. 361. S. 922. Имеется в виду продолжительное пребывание М.М. Литвинова за рубежом.

¹⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 195. S. 617.

в силу своего должностного положения доступ к разнообразной информации, вспоминал: «В НКВД сложилось нелепое положение: заведующие отделами, лишенные информации, выходившей за рамки их служебных дел, заходили ко мне в кабинет “частным образом”, чтобы полистать бюллетени ТАСС, не предназначенные для печати, или чтобы осторожно расспросить, что пишут иностранные корреспонденты»¹⁶. Все эти внутриаппаратные ограничения, запреты, система повышенной секретности на входящие и исходящие документы не только не противоречили, но и вполне вписывались в установленные нормы внутриполитической жизни, среди которых одно из первых мест занимала установка на отгораживание СССР от внешнего мира.

И здесь можно проследить отчетливую скоординированность в действиях разных ведомств по реализации этой последней задачи. Так, в одной из статей, посвященных разведывательной деятельности на территории СССР, недвусмысленно констатировалось, что «основными центрами, организующими и руководящими шпионажем в иностранных государствах, являются некие дипломатические учреждения вообще и военные и морские атташе в частности»¹⁷. И это утверждение не являлось фигурой речи, принимая во внимание, по чьему указанию эти статьи готовились¹⁸, нетрудно догадаться, насколько тщательно была в них выверена каждая фраза, тем более обобщающего характера. Одновременно разворачивались уже вполне прицельные мероприятия и по линии Наркоминдела. В конце апреля 1937 г. Литвинов писал Сталину, что принятое решение о на-

¹⁶ Гнедин Е.А. Выход из лабиринта / Сост. В. Гефтер, М. Кораллов. М.: Мемориал, 1994. С. 57.

¹⁷ Кириллович К. Шпионы за работой // Известия. 1937.4.26. С. 3.

¹⁸ Как докладывал начальник Разведывательного управления РККА С.П. Урицкий Сталину 26 апреля 1937 г.: «По Вашему указанию коллектив работников Разведывательного управления написал ряд статей, характеризующих организацию и некоторые методы работы иностранного шпионажа» (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Док. 57. С. 134–135).

чале ликвидации консульств ряда государств, отнесенных к категории «враждебных», под предлогом доведения их до паритетного уровня с СССР, необходимо скорректировать, предложив начать его с Германии, что и было одобрено¹⁹. Речь шла о срежиссированной лично Сталиным кампании, проводившейся по разным направлениям, но призванной решить упомянутую выше двуединую задачу. Подробности того, как решалась эта задача на германском направлении вплоть до 15 мая 1938 г., когда консульства обеих стран прекратили свою деятельность, представляют собой убедительную иллюстрацию превращения Наркоминдела не просто в послушный, но и манипулируемый Сталиным инструмент его внешнеполитических амбиций.

Следующим шагом на пути сокращения контактов сотрудников НКВД с иностранными представительствами в Москве стали внутренние циркуляры, регламентирующие реакцию на разные запросы зарубежных дипломатов. В одном из них, за подписью Потемкина, разосланном в середине октября 1937 г. руководителям всех отделов, содержалось указание — проявлять «максимальную бдительность при решении вопроса об удовлетворении той или иной просьбы посольства или миссии», касающейся получения тех или иных интересующих их сведений, которые могут относиться к категории «не подлежащих оглашению». К таковым была отнесена информация «... по отдельным вопросам государственного строительства», а также о «пребывании иностранных граждан на территории СССР (справки о проживании, об арестах и т.д.)»²⁰.

Эти общие установки затрагивали контакты сотрудников Наркомата с представителями всех аккредитованных в Москве диппредставительств, но прежде всего, касались

¹⁹ См. записку М.М. Литвинова И.В. Сталину от 28.04.1937 г. (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 572. Л. 43–44).

²⁰ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 125. S. 424.

дипломатов враждебных государств, к коим были отнесены Германия, Япония, Италия и Польша²¹. Они не только негативно сказывались на состоянии двусторонних отношений, но и оказывали пагубное влияние, в частности, на качество работы советских дипломатов, как в центре, так и, в особенности, в государствах их аккредитации, о чем еще речь пойдет ниже.

Несмотря на весьма ограниченные возможности по смягчению негативных последствий внутриполитических эксцессов сталинского режима для международного положения СССР в целом и для советско-германских отношений в частности, руководитель НКВД, тем не менее, время от времени выступал с некоторыми инициативами, несмотря на дальнейшее сужение внешнеполитического пространства для их реализации. Так, Литвинов, в полной мере осознавая необходимость минимизировать конфронтацию с Берлином на том участке, где это было реально, обратился к Сталину с предложением прагматично подойти к использованию проблемы арестованных НКВД германских подданных в СССР. Нарком считал возможным заинтересовать германский МИД некоей взаимовыгодной комбинацией: высылка из СССР части арестованных немцев в обмен на нескольких советских граждан, арестованных в Германии, и самое главное — освобождение захваченных франкистами советских моряков путем воздействия на правительство генерала Ф. Франко²². При этом вопрос освобождения в рамках этого замысла четырех советских граждан²³, остававшихся в заключении в Германии, вероятно, имел третьестепенное

²¹ В преамбуле приказа Ежова № 00698 от 28.10.1937 г. указывалось: «В целях пресечения всей к-р, шпионской, террористической, диверсионной деятельности, организуемой на территории СССР личным составом посольств и консульств Германии, Японии, Италии, Польши...» («Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2 / Под общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М.: РОССПЭН, 2010. Док. 235. С. 566–567).

²² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 5. S. 178.

²³ См. Ibid. Bd. 3. Dok. 28. S. 211.

значение и фигурировал явно в целях создания в рамках самого предложения некоего эквивалента²⁴. Сталин положительно отнесся к этой идее, и 3 мая 1937 г. Литвинов довел ее до сведения германского посла Ф. фон Шуленбурга, который не только с интересом отнесся к этой инициативе, но и в тот же день телеграфировал в МИД настоятельную просьбу внимательно отнестись к сделанному предложению «...в интересах многих арестованных германских подданных и членов их семей»²⁵.

Так было положено начало многомесячному дипломатическому марафону в рамках контактов (советско-германских и германо-испанских), с одной стороны, и внутрисистемных (НКИД — НКВД) — с другой. Этот процесс, возникший в обстановке напряженных отношений между СССР и Германией, независимо от мотивации, его породившей, испытывавший на себе в течение двух с лишним лет все перипетии развития двусторонних отношений, был успешно завершен осенью 1939 г. В результате стал возможным розыск и освобождение советских моряков из франкистского заключения и нескольких советских граждан, арестованных в Германии, а также освобождение и высылка дополнительно десятков германских подданных из СССР, облегчен выход жен ряда германских подданных из гражданства СССР, произошло воссоединение семей.

Значительно сложнее обстояло дело с внесением инициативных предложений руководством НКИД в вопросах большой политики. Литвинову, а в его отсутствие Потемкину, все чаще отводилась консультативно-совещательная роль при Политбюро ЦК ВКП(б). Но и подобная

²⁴ Об этом, в частности, свидетельствует необычная откровенность Литвинова в беседе с фон Шуленбургом 3 мая 1937 г.: «...мы не особенно заинтересованы в судьбе арестованных в Германии советских граждан, но, тем не менее, я хотел бы дать удовлетворение их родственникам, которые к нам обращаются» (Ibid. Bd. 3. Dok. 17. S. 194).

²⁵ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. C (1933–1937). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. Bd. VI, 2. Dok. 351. S. 762.

практика не всегда носила регулярный характер, что, порой, ставило руководство НКВД в затруднительное положение. Так, например, в период обострения кризиса вокруг Чехословакии, в начале сентября 1938 г., Литвинов обращается к Сталину за разъяснениями в связи с поступившей к нему просьбой о приеме временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра. Трудно себе представить более откровенное признание своего подчиненного положения и беспомощности главы внешнеполитического ведомства накануне этой встречи, чем в его записке Сталину: «... я совершенно не знаю, какой тактики надо держаться, ибо за последнее время не было обмена мнений по этому вопросу»²⁶.

Получив соответствующие инструкции, Литвинов выехал в Женеву, где происходили очередные заседания Ассамблеи Лиги Наций и ее комиссий, где он, прежде всего, пытался повлиять на представителей Франции и Англии, чтобы их правительства именно теперь, в разгар Судетского кризиса, когда, по сути дела, решалась судьба Чехословакии, заняли решительную позицию в деле оказания ей поддержки. В этой ситуации, не считая возможным ограничиваться все новыми и новыми увещеваниями и вербальными призывами, не находившими отклика, Литвинов 23 сентября направил ряд предложений Сталину, которые сводились к тому, что Гитлера необходимо остановить, а посему «нужны более убедительные доказательства», для «возможности совместного советско-франко-английского выступления против него». Исходя из того, телеграфировал он, что «европейская война, в которую мы будем вовлечены, не в наших интересах *в настоящий момент*²⁷». В целях ее

²⁶ Имеется в виду «обмен мнений» в Кремле. См. записку Литвинова Сталину от 1.09.1938 г. (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 137). На протяжении трех недель (с 11 по 31 августа) ни Литвинова, ни Потемкина не приглашали к Сталину (см. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / Науч. ред. А.А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. С. 238–239).

²⁷ Выделенные курсивом слова опущены при публикации документа в ДВП СССР (Т. XXI. Док. 369. С. 520). Факсимильный текст телеграммы см. <http://munich.rusarchives.ru> № 271.

предотвращения нарком ставил вопрос: «не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе провести такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием»²⁸. Сталин, по-видимому, понимая всю бесперспективность подобного рода демонстраций, которые не будут поддержаны, прежде всего, Лондоном, и не произведут никакого эффекта на Берлин, но при этом вполне могут обострить советско-германские отношения, раздраженно отреагировал на это предложение²⁹.

Договоренность четырех держав в Мюнхене предрешила не только судьбу Чехословакии, создав благоприятные условия для развязывания Гитлером конфликта уже мирового масштаба. Она сводила во многом на нет многолетние усилия Кремля и его главного инструмента — Наркоминдела, направленные на противодействие сближению этих держав, в результате СССР оказался в очень трудном положении, а его изоляция на международной арене достигла кульминации. Это не могло не отразиться на деятельности советских дипломатов и, разумеется, на роли главы внешнеполитического ведомства на международной арене и его положении внутри страны. Пространство для дипломатической активности Литвинова серьезно сократилось из-за отсутствия возможности для конструктивной дискуссии по проблемам международной безопасности, в условиях новой, хотя и очень кратковременной конфигурации сил на Европейском континенте. Провал в Мюнхене экспортного

²⁸ ДВП СССР. Т. XXI. Док. 369. С. 520.

²⁹ На полях телеграммы, подчеркнув красным карандашом слова о частичной мобилизации, Сталин написал «Нет!». См. <https://www.prilib.ru/item/1294152>. Правда, в ответе Литвинову, направленном Потемкиным, это раздражение никак не проявилось, будучи выдержано в рамках традиционных дипломатических канонов: «Вопрос об объявлении частичной мобилизации мы считаем преждевременным ввиду недостаточной ясности международного положения...» (СССР — Германия 1932–1941 // Вестник Архива президента Российской Федерации / Гл. ред. С.В. Кудряшов. М.: ИстЛит, 2019. Док. 128. С. 214).

уровня советской внешней политики нанес удар и по той роли, которую отводил Литвинову Сталин. Германские дипломаты не исключали того, что нарком может быть сделан козлом отпущения за это фиаско³⁰. Однако Сталин не был склонен признавать поражение внешней политики СССР на этом важнейшем направлении, а тем более демонстрировать это перед всем миром, поспешно смещая Литвинова. Тот должен был еще до конца сыграть свою роль протагониста системы коллективной безопасности, камуфлируя важную стадию подготовки Сталиным соглашения с нацистской Германией.

Приняв участие в состоявшемся в Кремле, предположительно 8 октября 1938 г., обсуждении итогов и последствий Мюнхенского соглашения³¹, Литвинов, руководствуясь принятыми там решениями, занял сдержанно-выжидательную позицию в ходе своих резко сократившихся контактов с английскими и французскими дипломатами. Например, стремясь продемонстрировать отсутствие обеспокоенности в советском руководстве изменившейся международной обстановкой, он в беседе с послом Франции Р. Кулондром заявил: «Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира, *но мы совершенно спокойно можем наблюдать за дальнейшим развитием положения*»³². Причем эта линия поведения наркома нашла свое отражение как в его беседах, так и в инструкциях, направленных полпредам³³.

³⁰ См. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. D (1937–1941). Baden-Baden: Imprimerie Nationale, 1951. Bd. IV. Dok. 476. S. 529.

³¹ Основанием для этой датировки служит то, что в этот день на протяжении почти 5 часов происходило заседание в кабинете Сталина с участием членов Внешнеполитической комиссии Политбюро и приглашенных Литвинова и Потемкина (см. На приеме у Сталина. С. 242). Трудно себе представить, что на первом после подписания Мюнхенского соглашения столь продолжительном совещании в Кремле с участием руководства НКВД на всем его протяжении могли обсуждаться какие-либо иные вопросы.

³² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 6. Л. 168. Выделенный курсивом текст опущен при публикации. См. ДВП СССР. Т. XXI. Док. 423. С. 590.

³³ В одной из них Литвинов, касаясь обсуждения вопроса о возможной денонсации советско-французского договора о взаимопомощи, писал

Порой подобная позиция Литвинова приобретала форму демонстративного безразличия по отношению к позиции Англии и Франции на международной арене, что, например, проявилось в беседе с новым послом Франции в СССР П. Наджияром 8 февраля 1939 г. Нарком заявил, что СССР готов «и впредь к действительному сотрудничеству, если оно угодно другим, но мы можем обходиться и без него и поэтому гнаться за ним не будем»³⁴.

После Мюнхена Литвинов не только стал реже встречаться с представителями Англии и Франции, но и перестал ездить на сессии Лиги наций³⁵. Могло ли все эти изменения быть самостоятельным решением наркома? Разумеется, нет. Все публичные выступления, заявления, интервью наркома, а также зарубежные поездки и встречи Литвинова с государственными и политическими деятелями других стран, неизменно требовали санкции Политбюро ЦК ВКП(б), т.е. Сталина. Поэтому критические замечания по адресу главы Наркоминдела, объясняющие отсутствие его встреч с некоторыми государственными деятелями, например, нацистской Германии, характерными чертами Литвинова, в частности, его национальностью³⁶, лишены каких-либо оснований³⁷. Степень самостоятельности Наркоминдела

полпреду СССР во Франции Я.З. Сурицу 17 октября 1938 г., что в данном случае «необходимо некоторое время еще выждать, присмотреться и прислушаться к происходящему в Берлине, Лондоне и Париже... Вам необходимо таким образом в разговорах с иностранцами отражать лишь эту выжидательную позицию...» (АВП РФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 203–202).

³⁴ См. письмо М.М. Литвинова Я.З. Сурицу 10.02.1939 г. (ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 82. С. 119). К сожалению, запись беседы Литвинова с Наджияром не вошла ни в одну из имеющихся на сегодняшний день публикаций документов на русском языке.

³⁵ См. *Хормач И.А.* СССР в Лиге наций 1934–1939 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 358.

³⁶ См. *Соколов В.* Наркоминдел Максим Литвинов // *Международная жизнь*. 1991. № 4. С. 118.

³⁷ Встречи за рубежом с государственными деятелями всегда являются результатом предварительных договоренностей, предполагающих, как минимум, наличие заинтересованности обеих сторон в достижении ка-

и его главы в структуре советской государственной машины была соизмерима с положением других ведомств, с поправкой на то, что, например, нарком цветной металлургии вряд ли согласовывал со Сталиным технологию выплавки того или иного металла, а Литвинов и другие руководители Наркоминдела почти ежедневно в письменной и устной форме обговаривали прежде всего со Сталиным и Молотовым любые сколько-нибудь значимые действия своего ведомства и его зарубежных представительств.

Послемюнхенское «затишье» на Европейском континенте завершилось в середине марта 1939 г., когда Вермахт оккупировал Чехию, перечеркнув достигнутые совсем недавно соглашения Англии и Франции с Германией. Активизировавшаяся после захвата Германией Чехии политика западных держав по сдерживанию дальнейшей агрессии Берлина привела Лондон и Париж к первым, достаточно робким попыткам по установлению контактов с Москвой.

Для Сталина, по меньшей мере, после Мюнхена, достижение каких-либо соглашений с западными державами не рассматривались в качестве сколько-нибудь привлекательной задачи для советской внешней политики. После того как демонстрация сближения с Польшей не принесла необходимого эффекта, создавая для Москвы с апреля 1939 г. уже угрозу вовлечения в войну, Сталин, как можно предположить, сделал ставку на использование в качестве средства давления на Гитлера угрозу заключения союза СССР с Англией и Францией. Оставляя за скобками вопрос о том, насколько реальным было вообще создание подобно-

кого-то результата в ходе ее проведения. Немаловажную роль играл и субъективный фактор, особенно там, где государственные деятели, главы государств и правительств не были связаны какими-либо демократическими процедурами. На протяжении всего периода после прихода Гитлера к власти, за исключением переговоров с Молотовым в ноябре 1940 г., фюрер не встречался ни разу, кроме протокольных приемов, ни с кем из советских дипломатов. В то же время его встречи и предметные разговоры с дипломатами других государств, особенно Англии и Франции, были обычной процедурой.

го дееспособного союза в 1939 г., обращу внимание на, как правомерно предположить, наметившееся расхождение в отношении к подобной перспективе у Сталина и Литвинова.

Советский лидер, что подтвердили последующие события, рассматривал фантом договора с западными державами как способ достижения соглашения с Гитлером и неучастия СССР в международном конфликте, тем более что, как утверждал Сталин, «вторая империалистическая война на деле уже началась»³⁸. В то время как нарком иностранных дел, не питая особых иллюзий в отношении масштабов изменений во внешней политике Франции и особенно Великобритании после оккупации Чехии, тем не менее явно стремился к продолжению диалога с ними, даже учитывая всю сложность предстоящих переговоров³⁹. При этом Литвинов подходил к перспективе подобного сотрудничества весьма прагматично и с присущем политике цинизмом, что в полной мере проявилось в письме полпреду в Германии А.Ф. Мерекалову в начале апреля 1939 г.: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁴⁰.

Однако одно дело было формулировать свою точку зрения в информационном письме полпреду, и совсем другое — убедить диктатора в необходимости стремиться к достижению соглашения с западными державами. Именно об этом он в очень осторожных выражениях писал Сталину в середине апреля: «Не приходится ожидать, чтобы другая сторона предлагала нам как раз то, чего мы хотим». Но «если мы хотим от них чего-либо добиться, мы также должны понемногу раскрывать свои желания. ... Если мы хотим вообще

³⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Гос. изд. полит. лит., 1938. С. 318.

³⁹ Известно об 11 записках Литвинова за полтора месяца, направленных Сталину. См. ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 150, 154, 157, 206, 215, 223, 224, 228, 259, 267, а также: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 154–158.

⁴⁰ ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 199. С. 252–253.

сотрудничать с Англией и Францией...»⁴¹. В последних словах содержится достаточно прозрачный намек и на другую, уже различимую для искушенного дипломата тенденцию в намерениях высшего советского руководителя...

Одно из последних предложений Литвинова западным державам стало предметом обстоятельного обсуждения в Кремле 16 и 17 апреля 1939 г.⁴² Они были дополнены в ходе первого обсуждения, затем доработаны Литвиновым и направлены Сталину⁴³, но потребовалось еще одно обсуждение, в ходе которого и был выработан окончательный вариант предложений СССР, направленный Англии и Франции⁴⁴. При этом, выходя с подобными инициативами, Литвинов обращал внимание Сталина на предстоящие «сложные переговоры, как с Францией, так и особенно с Англией»⁴⁵. В это же время Сталин получал информацию, свидетельствующую о намерениях Гитлера разрешить «польскую проблему» явно немирным путем⁴⁶. Это, в свою очередь, было чревато, для постепенно втягивавшегося в переговоры с западными державами СССР, все большей вовлеченностью Москвы в нараставшее противостояние западных держав и Германии и гипотетической опасностью «вползания» в войну. Такой вариант никак не мог устраивать Сталина, который критически, без каких-либо полутонов, оценивал политику Англии и Франции⁴⁷ и, соответственно, весьма скептически рассматривал перспек-

⁴¹ ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 224. С. 278.

⁴² См. На приеме у Сталина. С. 256–257.

⁴³ См. ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 228. С. 283.

⁴⁴ Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. Док. 276. С. 386–387.

⁴⁵ ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 224. С. 278.

⁴⁶ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М.: МФД, 2008. Док. 1.19. С. 61.

⁴⁷ См. Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1939. С. 13.

тивы достижения соглашения с западными державами на предложенных СССР условиях⁴⁸.

В сложившихся обстоятельствах, обусловленных не только субъективным восприятием советским диктатором напряженной международной обстановки, но и нараставшей агрессивностью держав Оси, наряду с еще неизжитым стремлением Лондона к умиротворению агрессоров путем достижения с ними договоренности, Сталин принял давно вызревавшее решение о серьезной корректировке внешнеполитического курса страны. Его воплощение подразумевало уже на предварительной стадии меры такого конфиденциального характера, подготовку и осуществление которых Сталин мог совместно реализовать только с особо доверенным ему лицом, каковым Литвинов не являлся. Очевидно, что этот процесс требовал самой серьезной подготовки, и прежде всего — уверенности, что у ближайших соратников не возникнет ни тени сомнения в правильности единственно возможного решения вождя. Для этого было необходимо обосновать невозможность проведения прежнего курса, ориентированного на достижение соглашения о совместных действиях с западными державами, заручиться мнением экспертов, находившихся в гуще событий. С этой целью Сталин решил провести совещание, на которое, наряду с членами «пятерки», пригласил руководство Наркоминдела и дипломатических представителей в Англии, Франции и Германии. При этом Сталин проявил повышенное внимание к подбору последних, чтобы обеспечить обсуждение по запланированному им сценарию, т.е. максимально изолировать Литвинова с его хорошо известной прозападной позицией. В частности, вполне возможно, что именно этим, не в последнюю очередь, объясняется то,

⁴⁸ [Сталин И.В.] К международному положению // Известия. 1939.5.11. С. 1. Статья опубликована без подписи. Ее текст был обнаружен автором в деле, хранящемся в РГАСПИ среди подготовительных материалов 14 тома собрания сочинений И.В. Сталина. См. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 340–343.

что на совещание не был приглашен полпред во Франции Суриц, с которым у наркома были многолетние доверительные отношения и общность взглядов на международные события⁴⁹.

О самом совещании 21 апреля историкам известно крайне мало, т.к. стенограмма не велась, а его участники, за исключением полпреда Майского⁵⁰, насколько известно, дневников не вели. Л.А. Безыменский, ознакомившись с личным архивом Мерекалова, обнаружил в нем запись о заключительной 40-минутной части совещания в Кремле, на которую тот был приглашен. Согласно записям Мерекалова, Сталин задал ему всего один вопрос: «Товарищ Мерекалов, вот скажи — пойдут на нас немцы или не пойдут? Ответ был дан в моем подробном докладе»⁵¹. Неизвестно, сохранился ли этот текст доклада или его тезисы в первоизданном виде, прежде чем они оказались в руках Безыменского, поскольку его краткое изложение напоминает лекцию о международном положении, которая вряд ли могла заинтересовать Сталина. Тем не менее, ответ на свой вопрос он получил, и тот⁵² должен был вполне удовлетворить Сталина, подкрепляя его точку зрения об отсутствии в ближайшее время угрозы для СССР со стороны Германии, а тем самым и необходимости активного участия в антигерманской коалиции.

⁴⁹ В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что вместо Сурица в Кремль был вызван советник Полпредства во Франции П.Н. Крапивенцев, с которым до начала совещания Сталин беседовал в течение 40 минут с глазу на глаз (см. На приеме у Сталина. С. 257).

⁵⁰ Майский, вернувшись в Англию, на нескольких страницах описал свое путешествие по маршруту Лондон–Москва–Лондон, но его цели посвятил всего несколько слов: «Видел много разного народу, участвовал в различных совещаниях по вопросам англо-франко-советских отношений...» (*Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: В 2 кн. / Сост. Л.В. Поздеева и др.; отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 380*). О совещании в Кремле 21 апреля в дошедшей до нас версии дневника Майского какие-либо упоминания отсутствуют.

⁵¹ Цит. по: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. С. 208.

⁵² См. Там же. С. 209; *Таболин В.И., Таболин Е.А.* Миссия полпреда Алексея Мерекалова // Военно-исторический архив. 2002. № 12. С. 64, 66.

По окончании доклада Мерекалову не было задано больше никаких вопросов, затем кабинет Сталина покинули все приглашенные дипломаты, в то время как члены «пятерки» оставались там еще в течение 15 минут⁵³.

Именно тогда, по-видимому, были подведены итоги продолжавшегося 3,5 часа совещания, предпринявшего вопрос о смещении Литвинова и наметившего общие контуры поворота во внешней политике СССР. Не располагая документами, подтверждающими подобный вывод, сошлюсь на официальное издание МИД РФ. Согласно ему, на совещании в Кремле «обсуждался кардинальный вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны. Политика Литвинова, ориентированная исключительно на союз с Великобританией и Францией, была подвергнута резкой критике. ... Со стороны главы правительства Молотова был сделан акцент на необходимость поиска альтернативных решений укрепления внешнеполитического положения страны, в том числе и улучшения отношений с гитлеровской Германией»⁵⁴. Как можно предположить, необходимость налаживания отношений с Берлином была представлена участникам совещания в аккуратных выражениях и отнюдь не как магистральное направление внешней политики. Новый курс не должен был выглядеть как закрывающий путь к соглашению с правительствами западных держав, а лишь выступать как важное средство давления на них с целью склонить их к принятию советских предложений. Одновременно сам факт продолжения переговоров с Лондоном и Парижем должен был стать элементом определенного нажима и на Гитлера, что могло бы побудить его к улучшению отношений с СССР. Но это только гипотеза, а в действительности на совещании «произошел острый

⁵³ См. На приеме у Сталина. С. 257.

⁵⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. / Ред. колл.: А.В. Торкунов (отв. ред.) и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 236.

спор между Литвиновым и Молотовым»⁵⁵, и не исключено, что речь при этом могла идти также о предложенных последним новациях на германском направлении советской дипломатии.

Персональные последствия прошедшего 21 апреля совещания в Кремле нетрудно было предугадать, хотя они последовали не сразу. Сталин остался верен себе, держа очередную жертву кадровой политики какое-то время в состоянии нервного напряжения, правда, в данном случае развязка наступила относительно быстро, к чему понуждала накалявшаяся международная обстановка⁵⁶. 3 мая Литвинов был приглашен к Сталину⁵⁷, где в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) ему было сообщено об освобождении с поста наркома иностранных дел⁵⁸. Это событие не только формально подвело черту под принятым Сталиным ранее решением, но и положило начало новому этапу внешней политики СССР, нацеленной на достижение политического соглашения с нацистской Германией. Так завершился многолетний период в деятельности Наркомата иностранных дел, связанный с именем явно обделенного вниманием исторической науки М.М. Литвинова*.

⁵⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3 / Ред. колл.: А.Ю. Мешков (отв. ред.) и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 350.

⁵⁶ 28 апреля Гитлер выступил в рейхстаге, объявив о денонсации германопольского соглашения от 26 января 1934 г. и англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г. (см. *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945*. Wiesbaden: R. Löwit, 1973. Bd. I, 2. S. 1159, 1163).

⁵⁷ См. На приеме у Сталина. С. 258.

⁵⁸ В тот же день Сталин направил руководителям полпредств в ряде государств Европы и в США шифрограмму, извещающую об отставке руководителя Наркоминдела, ставшую результатом «серьезного конфликта» между Молотовым и Литвиновым, якобы «возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР» и о назначении главой НКИД В.М. Молотова по совместительству (ДВП [СССР]. Т. XXII, кн. 1. Док. 269. С. 327). На следующий день на последних страницах центральных газет появилась информация в разделе «Хроника» об освобождении Литвинова с поста наркома иностранных дел «согласно его просьбы» (Правда. 1939.5.04. С. 6).

* Вышедшая недавно биография (*Эрлихман В.В. Максим Литвинов. От подпольщика до наркома*. М.: Система, Вече, 2024) не вносит ничего нового в исследуемый в статье период.

Новый нарком иностранных дел Молотов, совмещавший эту должность с постом председателя Совнаркома СССР, но главное, в тот период — наиболее доверенное Сталину лицо, причастное ко всем важнейшим решениям, принимаемым в Кремле, обладал несопоставимыми с предшественником полномочиями. Стил ь руководства Молотова не только Наркоматом, но дипломатическими учреждениями за рубежом, существенно отличался от стили я Литвинова, как правило, хорошо знавшего руководство полпредств лично и имевшего обыкновение инструктировать посредством обстоятельных писем полпредов и временных поверенных в делах в наиболее значимых для СССР государствах, либо тех, чья деятельность оказалась в эпицентре международных или внутр иполитических событий. В практике Наркоминдела была также рассылка по распоряжению наркома наиболее информативных обзорных сообщений из ведущих полпредств с тем, чтобы эта информация так или иначе могла быть использована для общей ориентации и обмена опытом относительно методики составления информационных материалов. Это, разумеется, не означает, что в период литвиновского руководства организация работы Наркомата и его коммуникация с периферийными подразделениями была безупречной. Она таковой и не могла быть, принимая во внимание существующий в стране режим. Так, в частности, чрезмерная концентрация полномочий в руках наркома и перегруженность Литвинова, особенно когда он остался с одним заместителем, приводила к недоинформированности полпредств⁵⁹, что сказывалось на эффективности их работы.

Молотов имел обыкновение руководить зарубежными представительствами посредством телеграмм инструктивного содержания. Рассылка записей бесед наркома с зарубежными дипломатами в целях ориентирования полпредств по принадлежности стала реже практиковаться. Установочные материалы, столь необходимые зарубежным

⁵⁹ См. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 361. S. 921–923.

представительствам, особенно в условиях напряженной международной обстановки, порой запаздывали или не направлялись по тем или иным причинам.

Одновременно с вступлением Молотова в должность в Наркоминделе началась работа комиссии ЦК по «чистке» кадров, возглавляемая наркомом НКВД Л.П. Берия⁶⁰. По итогам ее деятельности последовали увольнения руководителей почти всех отделов, а также сотрудников, соприкасавшихся по работе непосредственно с Литвиновым и его ранее репрессированными заместителями, многих из них вскоре арестовали⁶¹. И на этом процесс кадровой «чистки» в Наркомате отнюдь не закончился. Более того, публичные «обоснования» происходивших увольнений, как правило, предшествовали арестам сотрудников. По свидетельству бывшего заведующего 3-м Западным отделом А.А. Рощина, этим активно занимался новый нарком, заявивший на собрании в НКВД в июле 1939 г.: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате ... в вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКВД»⁶².

Все это было, разумеется, лишь побочным продуктом основной деятельности Молотова на посту главы НКВД, которая была сконцентрирована на большой дипломатии — ведении переговоров с представителями Англии и Франции на протяжении июня-июля 1939 г. по выработке трехстороннего политического соглашения о противодействии агрессии на Европейском континенте, с одной сторо-

⁶⁰ См. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Док. 39. С. 74.

⁶¹ См. Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 2. С. 238.

⁶² Рощин А.А. В Наркоминделе в предвоенные годы // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. М.: Политиздат, 1989. С. 48–49.

ны, и сохранении выжидательной позиции в отношениях с Германией, после сделанных в ее сторону жестов, о чем подробнее пойдет речь ниже, — с другой.

Очевидно, что в этих условиях серьезно возрастали роль и значение Полпредства СССР в Германии и как источника информации о происходящем в Берлине, и как ретранслятора тех или иных инициатив, исходящих, прежде всего, от МИД. Для создания более полной картины как внешнеполитических, так и внутрисистемных условий деятельности Полпредства и, прежде всего, его руководителя в этот чрезвычайно важный для СССР период, необходимо вновь вернуться к событиям двухлетней давности.

В 1937 г. положение Полпредства СССР в Германии было весьма непростым, если не сказать больше, вследствие не только ухудшения двусторонних отношений, но и необеспеченности его квалифицированными кадрами. Первые симптомы этой проблемы возникли еще в феврале 1937 г., когда в Москву был вызван и арестован советник Полпредства С.А. Бессонов, а взамен в Берлин никого не направили. Ситуация усугубилась после того, как Сталин решил продемонстрировать Германии свое неудовольствие в связи с провалом миссии Канделаки⁶³. Оно выразилось в замене полпреда и торгпреда новыми лицами, а также совпавшим по времени перемещением на работу в НКВД (причины не совсем ясны) 1-го секретаря Полпредства и заведующего Отделом печати Е.А. Гнедина. Описывая сложившееся положение, Литвинов обращал внимание Сталина на необходимость «немедленно направить в Берлин кого-либо... дабы он мог войти в курс дел до приезда нового полпреда. В противном случае т. Юренев приедет и не найдет в Берлине ни одного человека, сколько-

⁶³ См. подробно: Случ С.З. Некоторые аспекты советско-германских экономических отношений и миссия Д.В. Канделаки: к вопросу о соотношении политики и экономики // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 215–264.

нибудь знающего местные дела»⁶⁴. Сталин одобрил предложение наркома о направлении в Берлин Г.А. Астахова, работавшего с начала 1920-х годов в разных странах, в том числе в Германии, что, несомненно, положительно сказалось на работе Полпредства, особенно в периоды исполнения им обязанностей временного поверенного в делах.

К.К. Юренев, прибывший в Германию в начале июля 1937 г., был очень опытным дипломатом, начиная с 1921 г. он занимал посты полпреда или дипломатического представителя в ряде стран Европы и Азии. Его обширные знакомства среди дипломатов многих стран положительно сказывались на работе, даже в условиях напряженных отношений СССР с той или иной страной пребывания. О чем, например, свидетельствовал уже его протокольный визит рейхсминистру иностранных дел фон Нейрату вскоре после прибытия в Берлин⁶⁵. Однако все это не имело абсолютно никакого значения для решения судьбы Юренева в Кремле. Выехав 7 августа 1937 г. в СССР в отпуск, в котором он не был в течение многих лет, Юренев уже не вернулся в Берлин. 23 сентября он был арестован в Москве по обвинению в «шпионаже, участии и финансировании к.-р. организации и в попытке совершения теракта в отношении Ежова»⁶⁶, которое было одним из шаблонов для большинства дипломатов, попавших в жернова Молоха репрессивного режима⁶⁷.

Отсутствие полномочного представителя в Германии, которое затянулось почти на год (сентябрь 1937 г. — июль 1938 г.), когда отношения поддерживались на уровне вре-

⁶⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 13. S. 188.

⁶⁵ В 1924–1925 г. оба дипломата представляли свои страны в Италии (см. ДВП СССР. Т. XX. Док. 231. С. 363–364).

⁶⁶ См. <https://lists.memo.ru/>

⁶⁷ Юренев был расстрелян 1 августа 1938 г., согласно резолюции Сталина на очередном так называемом сталинском списке, направленном Ежовым на утверждение 26 июля 1938 г. (см. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Док. 331. С. 540–544, здесь: С. 544).

менного поверенного в делах, ограничивало возможности Полпредства. С одной стороны, это определено было выгодно германской стороне, позволяя переместить обсуждение релевантных вопросов в Москву, делегировав соответствующие полномочия германскому послу, что, в свою очередь свело к минимуму контакты временного поверенного в делах Астахова с руководством МИД. С другой, почти год вакантный пост полпреда предоставлял германским дипломатам повод, всякий раз касаясь этого вопроса, упрекать Наркоминдел в небрежении нормальной дипломатической практикой⁶⁸.

Однако кадровые проблемы Полпредства этим далеко не ограничивались, на что Астахов неоднократно обращал внимание руководства НКВД буквально с первых же недель своего пребывания в Германии. Особенно драматично выглядела ситуация в середине 1937 г., которую он описал в письме Потемкину в выражениях, буквально взывающих о помощи: «Мне приходится самому просматривать все газеты, вести телефонные разговоры, заниматься всевозможной мелочной работой, включая функции завхоза, вплоть до всяких мелочей и т.д. На работу политического порядка времени совершенно не остается. Из обычного штата 4–5 работников остался я один, причем остальной персонал понемногу разъезжается...»⁶⁹. Причем разъезжался персонал Полпредства не в отпуск и отнюдь не по своей воле, будучи, как правило, отозван в Москву для проверки благонадежности. И, принимая во внимание общую обстановку в стране, нет ничего удивительного, что никто из прежних сотрудников Полпредства в Берлин не вернулся.

Остро стоял вопрос и с недостатком сотрудников, владеющих немецким языком, о чем Астахов сообщал в мае 1938 г.: «за последний год после отзыва прежнего состава не было прислано буквально ни одного человека, прилично знающего язык (если не считать т. Смирнова, занятого

⁶⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 216, 217.

⁶⁹ Ibid. Dok. 44. S. 253.

ТАСС и владеющего языком далеко не бегло)»⁷⁰. Решение этого вопроса приобрело особую актуальность, т.к. назначенный Москвой новый полпред Мерекалов немецкий язык совершенно не знал⁷¹.

Руководство НКВД пыталось откликаться на эти просьбы, но не имело возможности оперативно решать поставленные вопросы, тем более в оптимальном варианте. Поэтому обеспечение необходимыми кадрами Полпредства в Германии, как впрочем и других дипломатических представительств, шло крайне медленно и далеко не всегда конструктивно, будучи обусловлено внутривластным обстановкой СССР в целом и механизмом принятия решений в частности, о чем с большой озабоченностью Литвинов писал Сталину: «Выдвигаемые Наркоминделом кандидаты из новых работников, либо окончивших дипломатические курсы при Наркоминделе, либо командированных ЦК, месяцами задерживаются оформлением, или же за границу не выпускаются, причем иные по мотивам совершенно неубедительным»⁷².

К сожалению, даже принятые решения по кадровому обеспечению дипломатических представительств не всегда были всесторонне взвешенными. Это в полной мере относилось и к заместителю наркома внешней торговли СССР А.Ф. Мерекалову, назначенному полпредом в Германии спустя восемь месяцев после того, как в сентябре 1937 г. этот пост стал вакантным. Это назначение произошло по инициативе Молотова⁷³, поддержанной Сталиным⁷⁴, во-

⁷⁰ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 271. S. 752.

⁷¹ Ibid. Dok. 272. S. 753.

⁷² Записка Литвинова Сталину, 29.05.1938 г. (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 301).

⁷³ См. Таболин В.И., Таболин Е.А. Миссия полпреда Алексея Мерекалова. С. 51–52.

⁷⁴ Вскоре после вызова Мерекалова к Сталину 13 апреля 1938 г. (см. На приеме у Сталина. С. 235), последовал запрос для него агремента у правительства Германии (см. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 267. S. 741–742).

преки предложенной Литвиновым кандидатуре Астахова⁷⁵. Выдвижение на этот важный пост высокопоставленного чиновника, привыкшего к командно-распорядительному стилю работы, вряд ли могло способствовать решению даже конкретных экономических задач на столь непростом дипломатическом участке. Ситуация усугублялась еще тем, что новый полпред был лишен возможности контактов без переводчика и к тому же не имел никакого опыта участия в переговорах. Однако Сталин, по-видимому, считал иначе, продолжая освобождать Наркоминдел и его периферийные подразделения от дипломатов чичеринско-литвиновского призыва и заменять их лояльными, тщательно отфильтрованными в анкетном отношении, идеологически и карьерно четко ориентированными исполнителями новой генерации⁷⁶. Таким был и Мерекалов, безынициативный, демонстрировавший свою неуклюжесть не только на дипломатическом «паркете»⁷⁷, что было неудивительно и объяснимо, но и недостаточную осведомленность в сфере двусторонних экономических отношений⁷⁸, которые он еще совсем недавно курировал в НКВТ.

Негативно авторитарный стиль его руководства отразился и на работе Полпредства, особенно в периоды многомесячного отсутствия Мерекалова в Берлине, о чем временный поверенный в делах Астахов откровенно высказал ему в одном из писем в Москву: «Вы сноситесь с работниками

⁷⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 258. S. 724.

⁷⁶ См. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2009. С. 213.

⁷⁷ См. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 417. S. 1053.

⁷⁸ Ibid. Dok. 368. S. 939. Публицист и историк Л.А. Безыменский, имевший возможность ознакомиться с архивными материалами Мерекалова, дополняет приведенную характеристику, которая объясняет многое в его назначении на столь ответственный пост: «Его записи — записи человека малоинтеллигентного, зато прилежного и трудолюбивого... Его преданность “делу Ленина — Сталина” была бесспорной. Недаром Сталин и Молотов приметили усердного наркомвнешторговца, сделав его депутатом и послом» (Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 209).

Полпредства непосредственно, даете им задания, получаете от них письма, посылаемые, вопреки всем правилам, за моей спиной, и своим отношением к их сообщениям, которым Вы предпочитаете верить больше, чем моим, создаете впечатление, что любое распоряжение В[ашего] заместителя может быть игнорировано и просто нарушено»⁷⁹.

Внутренние проблемы Полпредства, конечно, не сводились к отношениям между Мерекаловым и Астаховым, хотя, конечно, не могли не сказываться на работе, частью которой, не в последнюю очередь, являлись отношения внутри небольшого коллектива. Оценивая работу Полпредства в широком контексте, Астахов писал Литвинову в конце 1938 г., когда в очередной раз исполнял обязанности временного поверенного в делах: «Мы имеем в Берлине большой аппарат, но он занят преимущественно обслуживанием самого себя (вопросы финансовые, хозяйственные, школьные, обществ[енная] работа и пр[очее]). В этом, быть может, и заложен корень разъедающих нас склок. Для работы вовне, для связей с иностранцами, для изучения литературы, прессы, для ознакомления со страной и пр[очее] в этом аппарате, за единичным исключением, пригодных людей нет, а те, какие есть, поставлены в условия, позволяющие лишь в минимальной степени осуществлять задачи подобного рода. ... В самый разгар сезона и исключительно важный политический период мы не имеем здесь не только полпреда⁸⁰ и торгпреда⁸¹, но здесь уже больше года [нет] не только представителя нашей прессы, хотя у него были бы гораздо

⁷⁹ Письмо Г.А. Астахова А.Ф. Мерекалову 12 июля 1939 г. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 96).

⁸⁰ Мерекалов с 1.11. по 26.12.1938 г. находился в Москве.

⁸¹ Торгпред В.Г. Давыдов был вызван во второй половине октября 1938 г. в Москву и в Берлин больше не вернулся, переведенный на работу в Наркомат внешней торговли. Его заместитель С.А. Смоленский, работавший в Берлине с 1935 г, во второй половине октября 1938 г. был вызван в Москву по указанию Сталина и арестован (см. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. 352. С. 563–564). Торгпредство более полугода возглавлял Л.Д. Скосырев, направленный в Берлин в мае 1937 г. по линии совсем другого ведомства.

бóльшие возможности внешнего контакта, чем у любого из дипломатов⁸². Здесь нет уже 1^{1/2} года военного атташе...»⁸³. «Подобное положение, — резюмировал Астахов, — совершенно не дает возможности наладить работу и поставить ее хотя бы в приблизительное соответствие с теми задачами, какие перед ней стоят и какие она должна была бы выполнять»⁸⁴.

При чтении этого письма может сложиться впечатление, что Астахов сознательно сгущал краски, чтобы сделать более убедительной свою просьбу об отзыве из Берлина, так как его работа будто бы «крайне малопродуктивна». В действительности он отнюдь не драматизировал ситуацию, что ясно из ответного письма Литвинова: «Все те печальные явления, о которых Вы мне пишете, нам отлично известны. Мы принимали и принимаем меры к их устранению, но не могу Вас обнадежить насчет результатов»⁸⁵. Что касается оценки эффективности своей работы, то в этом Астахов был явно необъективен. О точности его оценок конкретных внутриполитических и международных событий свидетельствует немало документов, привлекавших внимание руководства НКВД, в том числе тех, которые Литвинов считал необходимым доводить до сведения членов «пятерки».

⁸² После отстранения в июне-июле 1937 г. прежнего руководства Берлинским отделением ТАСС по «политическим мотивам» (см. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Сост. Л.В. Максименков; под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2005. Док. 340. С. 472), корреспондентские обязанности были возложены на пресс-атташе Полпредства А.А. Смирнова, в то время как Полпредство было фактически лишено пресс-атташе. Несмотря на неоднократные обращения Астахова в НКВД с просьбой ускорить решение этой проблемы, создающей серьезные неудобства для работы Полпредства, новый руководитель Берлинским отделением ТАСС И.Ф. Филиппов приступил к работе только в мае 1939 г. (см. Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Док. 329. С. 441).

⁸³ После отзыва военного атташе А.Г. Орлова в Москву в сентябре 1937 г. военные контакты с Германией осуществлялись на уровне помощника военного атташе полковника А.В. Герасимова.

⁸⁴ См. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 372. S. 945.

⁸⁵ Ibid. Dok. 372. Anm. 17. S. 945.

Тем не менее, к началу апреля 1939 г. Литвинов, вероятно, принял решение удовлетворить просьбу Астахова и поставить вопрос об его отзыве из Германии⁸⁶. Однако Сталин и Молотов, сделавшие ставку на достижение соглашения с Гитлером, придерживались на этот счет иного мнения, возложив на профессионала Астахова сверхответственную миссию, о цели которой он не должен был даже догадываться. Ее стержневым элементом стала работа в Берлине во все более осложнявшейся обстановке приближавшейся войны, причем без каких-либо инструкций, вплоть до того момента, пока германская сторона не решила форсировать заключение политического соглашения с СССР.

Принятое 3 мая в Кремле решение о безотлагательной замене руководителя Наркоминдела и направленное Сталиным тогда же извещение ряду полпредов как не разъясняло истинных причин столь значимых перемен, так и не содержало рекомендательных формулировок для бесед с иностранными дипломатами. Оно, информируя о самом факте, акцентировало внимание на дискредитации поведения Литвинова как причины его отставки⁸⁷. Как можно предположить, в течение следующего дня полпредствам от Наркоминдела в этой связи не поступило никаких ориентировок, позволяющих, не импровизируя, отвечать на многочисленные вопросы иностранных дипломатов и журналистов. Особенно остро этот дефицит информации ощущался именно в берлинском Полпредстве, поскольку Астахов оказался буквально в центре внимания дипломатического корпуса⁸⁸.

⁸⁶ 4 апреля 1939 г. Потемкин, в частности, сообщил Мерекалову: «что касается т. Астахова, то, по-видимому, уехав в отпуск, он в Берлин более не вернется» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 63. Л. 12).

⁸⁷ См. сн. 58.

⁸⁸ В телеграмме по грифом «немедленно, сов. секретно», направленной в НКВД после беседы 4 мая с французским послом в Берлине Р. Кулондром, Астахов, столкнувшись с вопросами о причинах отставки Литвинова и ее возможных последствиях для политики коллективной безопасности, настоятельно просил об инструкциях, «какие разъяснения давать иностранным собеседникам, так как вопросы задаются отовсюду» (ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 276. С. 332).

5 мая редакциям всех периодических изданий Рейхсминистерством пропаганды было предписано: «немедленно прекратить полемику против Советского Союза и большевизма»⁸⁹. 6 мая было уже дано разъяснение столь резкого изменения тональности прессы, не оставлявшего сомнений по поводу подоплеки намерений нацистского руководства: «Германская тактика заключается в том, чтобы в любом случае увеличивать затруднения демократий и для этого шадить Советский Союз, так как он в результате падения Литвинова дистанцируется от некоторых намерений демократических государств»⁹⁰.

Однако этим реакция Берлина на отставку Литвинова не исчерпывалась, хотя не следует воспринимать все происходившее как некий исключительно поступательный процесс, направленный на трансформацию германо-советских отношений. К тому же, он не распространился сразу на все части государственного механизма Германии, о чем свидетельствовал ряд эксцессов. Так, 27 мая 1939 г. Гестапо арестовало заведующего Отделом Станкоимпорта Торгпредства в Берлине Р.А. Певзнера. Сотрудники Полпредства и Торгпредства неоднократно, посещая МИД, делали все возможное для облегчения его содержания в Моабитской тюрьме и скорейшего освобождения. При этом им пришлось столкнуться с явно непривычной контраргументацией одного из чиновников МИД, заявившего, что отмена посещений и передачи посылок арестованному по обвинению в экономическом шпионаже «произведено распоряжением Аусамта... т.к. герм[анское] пра[вительство] не считает нужным устанавливать режим для арестованных лучший, чем имеют арестованные немцы в СССР, что их там арестованы сотни и т.д. и т.п.»⁹¹. В конечном счете, усилия дипломатов увен-

⁸⁹ См. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 456. S. 1152.

⁹⁰ См. Ibid. Dok. 459. S. 1154.

⁹¹ Ibid. Dok. 493. S. 1233.

чались успехом, спустя 2 недели Певзнер был освобожден и смог вернуться в СССР⁹².

В планы Гитлера по изоляции Польши, о которых он будет подробно говорить на совещании с высшим командованием Вермахта 23 мая⁹³, существенные изменения в германо-советских отношениях в тот момент не входили. Вместе с тем поданный ему Сталиным эффектный знак, своего рода «приглашение к танцу», в форме устранения многолетнего репрезентанта официальной линии советской внешней политики, еврея Литвинова, был, несомненно, воспринят антисемитом Гитлером положительно. Он, в свою очередь, решил использовать неожиданно открывшиеся возможности для возобновления экономических переговоров с СССР о кредитном соглашении, с целью получения столь необходимого для военной экономики сырья на безвалютной основе, и, одновременно, демонстрации сближения с Москвой, осложнив тем самым создание англо-франко-советской коалиции. И хотя Гитлер, планируя эту игру, еще не знал, что вести ее придется в ближайшие месяцы отнюдь не по его сценарию, первые шаги Берлина на этом направлении последовали уже во второй половине мая.

20 мая состоялась ключевая для дальнейшего развития двусторонних отношений беседа Молотова и фон Шуленбурга, в ходе которой были обозначены предварительные условия для дальнейшего ведения переговоров. В ответ на сообщение посла о намерении германского правительства продолжить ведение торгово-экономических переговоров Молотов, явно перехватывая инициативу, заявил: «мы при-

⁹² См. Москва–Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2011. Т. 3. Док. 193. С. 277. Нетрудно представить, какая судьба ожидала Певзнера на родине, принимая во внимание, что, получив информацию о его аресте, нарком внешней торговли СССР А.И. Микоян направил 28 мая записку Сталину, в которой, сообщая о произошедшем, резюмировал: «Если он до этого не был завербован, то, видимо, немцы его арестовали, чтобы завербовать и потом отпустить в Союз» (Там же. Док. 192. С. 276).

⁹³ См. ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 433. S. 477–483.

шли к выводу, что для успеха экономических переговоров, должна быть создана соответствующая политическая база». Столь резкое изменение традиционной советской позиции вызвало встречный вопрос фон Шуленбурга относительно содержательной стороны этой политической базы, в ответ на который прозвучали, по сути, не менее важные слова наркома: «... об этом надо подумать и нам и германскому правительству»⁹⁴. Из сказанного явствовало, кто теперь, прежде всего, должен «подумать» и принять решение о дальнейшем развитии двусторонних отношений, иными словами, что Гитлер может предложить Сталину.

По получении информации об этой беседе по замечаниям Гитлера был разработан и одобрен «серьезно модифицированный [вариант] установления контакта с русскими», ограниченный на этом этапе встречей статс-секретаря МИД Э. фон Вайцзеккера с Астаховым⁹⁵. Сам факт приглашения на беседу руководителя советского Полпредства, да к тому же в статусе временного поверенного в делах, для беседы со вторым человеком в МИД был уже сам по себе событием неординарным за последние два с лишним года⁹⁶, что независимо от мотивации подчеркивало его значимость для Берлина.

Казалось бы, НКИД, и в данном случае лично Молотов, получив информацию о предстоящем визите Астахова к фон Вайцзеккеру 30 мая, должны были направить ему подробную инструкцию касательно реакции на вопросы, которые могут быть затронуты в ходе предстоящей беседы. Однако этого не произошло, что поставило Астахова в сложное и, можно сказать, неприятное положение. Раздражение

⁹⁴ ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 326. С. 386–387

⁹⁵ См. ADAP. Ser. D. Bd. VI. Dok. 446. S. 497–498.

⁹⁶ Последний раз, согласно документам, приглашение на беседу полпреда Сурица с фон Нейратом имело место 16 января 1937 г. (см. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 626. S. 1546). Все последующие визиты полпреда и временного поверенного в делах к руководству МИД носили либо протокольный характер, либо происходили по инициативе Полпредства.

Астахова по поводу сложившейся, не по его вине, ситуации нашло отражение как в телеграфном сообщении, так и в записи беседы, направленной спустя 3 дня. Так, описывая свою реакцию на недоумение статс-секретаря по поводу предварительного условия для дальнейших переговоров по экономическим вопросам, выдвинутого Молотовым в беседе с фон Шуленбургом 20 мая, явно отличавшегося от прежней позиции советского правительства, Астахов вынужден был признать, что «точное содержание беседы наркома с Шуленбургом мне неизвестно...»⁹⁷. И наконец, реагируя на высказывания фон Вайцзеккера относительно возможностей, открывающихся в нынешней обстановке перед обеими странами, в том числе, как бы между прочим упомянутого участия СССР в переговорах с западными державами, направленных на «окружение» Германии, Астахов откровенно заметил: «Я тоже не хочу касаться наших переговоров с Англией, да я и не в курсе их...»⁹⁸.

Из этих высказываний советского дипломата напрашивается очевидный вывод: Молотов, по сути, всю информацию, касавшуюся Германии, замкнул на себя, используя временного поверенного в делах втемную. Астахову не только не направили инструкции накануне встречи в МИД, но и не снабжали информацией общего характера, касающейся наиболее важных событий динамично развивавшейся международной обстановки, к коим явно относились и англо-франко-советские переговоры. Можно предположить, что это делалось сознательно, чтобы германская сторона могла получать интересующую ее информацию только

⁹⁷ ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 342. С. 405. В подробной записи беседы, в отличие от телеграфного сообщения, направленного в НКВД в тот же день, Астахов несколько откорректировал это явно эмоционально окрашенное высказывание: «содержание беседы Шуленбурга с т. Молотовым известно мне лишь отчасти, и я не берусь, поэтому, давать точную интерпретацию заявления наркома» (см. Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Док. 384. С. 519).

⁹⁸ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Док. 384. С. 521.

в Москве и только от наркома иностранных дел и, соответственно, вести серьезные беседы только с ним, особенно если речь шла о каких-то предложениях, не говоря уже о переговорах⁹⁹. Основанием для подобного предположения может служить реакция руководства НКВД на вопросы фон Вайцзеккера, которые Астахов не был в состоянии прояснить, что нашло отражение в помете Потемкина на записи этой беседы: «т. Астахову отвечено 8/VI, что немцам сообщат наше мнение в Москве»¹⁰⁰.

Таким образом, очевидно, что Кремль исключал Астахова из переговорного процесса по вопросам двусторонних отношений, считая необходимым вести их в Москве, а не Берлине. При этом статус временного поверенного в делах, как показали последующие события, не имел принципиального значения для руководства МИД, видевшего в лице Астахова профессионального дипломата, отменно владеющего немецким языком. В то время как в Кремле для Астахова уготовили роль своего рода почтальона для передачи информации, и не более. Роль же переговорщика на подготовительном этапе, как рассчитывали в Кремле, будет отведена фон Шуленбургу.

На протяжении последующих недель в положении Астахова ничего не изменилось. Он, по-прежнему, испытывал острый дефицит информации из Москвы о происходившем в советско-германских отношениях и не только, что особенно ощущалось в период, когда Европа на всех парах двигалась к войне, и было очевидно, кто является мотором этого процесса. В такой обстановке дипломат пошел на неординарный шаг, обратившись к Молотову с предложением, ко-

⁹⁹ Фон Шуленбург имел возможность убедиться в том, насколько последовательно Молотов придерживался этого подхода на разных стадиях предварительных переговоров, получив даже однажды порицание от наркома: «...т. Молотов указывает Шуленбургу, что по вопросам этих переговоров следует обращаться только к нему, а не к т. Потемкину, у которого он вчера просил приема. У нас существует на этот счет определенный порядок» (СССР–Германия 1933–1941. Док. 150. С. 207).

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 27. Д. 59. Л. 110.

торое, будь оно одобрено, серьезно расширило бы информированность временного поверенного в делах и повысило бы роль Полпредства в переговорном процессе. Астахов писал:

«Если наши разговоры с немцами не ограничиваются торгово-кредитными вопросами, а затрагивают и политические моменты, то мне казалось бы полезным одновременно доводить их до сведения германского правительства в Берлине. Это было бы не лишнее хотя бы потому, что Шуленбург не является особо доверенным лицом Риббентропа¹⁰¹ и последний может по-разному понимать его сообщения. Кроме того, это дало бы нам возможность получить какие-либо заверения здешних руководителей или, по крайней мере, выяснить какие-либо интересующие нас моменты непосредственно у первоисточника. Чем бы ни кончились наши переговоры в Москве, некоторое усиление контакта с немцами здесь могло бы оказаться для нас небесполезным, хотя бы в информационном отношении. С другой стороны, если бы мы хотели сказать немцам что-либо не особенно нас обязывающее, то это в некоторых случаях более целесообразно сделать здесь, поскольку это будет нас менее связывать, чем сказанное в стенах НКВД членами советского правительства непосредственно»¹⁰².

Не думаю, что Астахов получил какой-то ответ от главы НКВД¹⁰³. Предлагаемые им меры не просто были неприемлемы, они входили в резкое противоречие как со всей системой секретности, которой были окружены советско-герман-

¹⁰¹ Неизвестно, на основании какой информации у Астахова могло сложиться подобное представление, если только в основе ее не находился послужной список фон Шуленбурга, начавшего дипломатическую карьеру в 1901 г., а в НСДАП вступившего в начале октября 1934 г., буквально накануне своего прибытия в Москву в качестве посла, что, по всей видимости, было условием его назначения.

¹⁰² ДВП [СССР] Т. XXII, кн. I. Док. 369. С. 464.

¹⁰³ Шифрпереписка в АВП РФ вплоть до настоящего времени остается недоступной для исследователей, вынужденных пользоваться только опубликованными телеграммами и материалами, соответственно отобранными и размещенными на тематических сайтах Росархива РФ и Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина.

ские отношения в тот период, так и, прежде всего, с ролью, отводившейся в Кремле Астахову на протяжении конца весны — лета 1939 г.

Только во второй половине июля 1939 г. Гитлер выдвинул на передний план дипломатических усилий рейха достижение политического соглашения с СССР, которое обеспечивало бы его благожелательный нейтралитет и широкую экономическую поддержку Германии в грядущей войне. При переходе к активным действиям, направленным на сближение с Советским Союзом, в МИД решили использовать на начальной фазе в качестве коммуникатора Астахова. Именно через него германское руководство стремилось зондировать реакцию Кремля на выдвигаемые предложения, не дожидаясь, когда фон Шуленбург сможет получить аудиенцию у Молотова. Для Кремля это было в определенной степени неожиданно и не очень удобно, но даже при наличии в тот период на руках всех «козырей», Сталин не был столь самоуверен, чтобы через Молотова указывать Берлину через кого для него предпочтительно поддерживать коммуникацию с МИД.

Для постоянных контактов с Астаховым был выделен Шнурре, пользовавшийся особым доверием фон Риббентропа. Их первая встреча после решения, принятого Гитлером, состоялась 24 июля и была посвящена преимущественно актуальным торгово-экономическим вопросам, но затем Шнурре стал развивать идеи об улучшении политических отношений, которые, пройдя три определенных этапа, должны были завершиться политическим сближением двух государств. На следующий день Астахов направил шифртелеграмму в НКВД, дополнив свое предыдущее сообщение высказыванием Шнурре, который, «ссылаясь на свои беседы с Риббентропом, весьма горячо говорил о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией, намекая, что все попытки германской стороны заговорить на эту тему Наркоминдел оставляет без ответа».

Астахов также сообщал, что он и и.о. торгпреда в Германии Е.И. Бабарин приглашены Шнурре на обед в ресторан, что позволит отреагировать на заявления германского дипломата «в неофициальной и необязывающей нас форме. Если имеете указание — телеграфируйте немедленно»¹⁰⁴. Ответа от Молотова, как следует из документов, не последовало.

В ходе состоявшейся 26 июля беседы Шнурре откровенно предлагал политическое сближение между двумя государствами. Пообещав во всех подробностях передать все содержание многочасовой беседы в Наркоминдел, Астахов, учитывая всю новизну высказываний германского официального лица, не мог «с уверенностью сказать, что в Москве отнесутся к ним вполне серьезно»¹⁰⁵. Испытывал ли Астахов определенные затруднения в ходе продолжительной беседы с Шнурре, не имея никаких инструкций от наркома? Несомненно. Он не смог даже скрыть этого в подробном отчете об этой беседе¹⁰⁶, хорошо осознавая, кто будет его первым читателем. В телеграмме, направленной Молотову сразу же по возвращении в Полпредство, Астахов, по-видимому, еще находившийся под большим впечатлением от всего произошедшего, выразил свое эмоционально окрашенное отношение к положению, в котором он оказался в ходе беседы, положившей начало дипломатическому натиску Берлина на московском направлении: «Сообщите, все же, как в таких случаях держаться»¹⁰⁷.

Полученная информация не могла не заинтересовать Молотова и Сталина, способствуя складыванию у них впе-

¹⁰⁴ СССР — Германия 1932–1941. Док. 175. С. 261.

¹⁰⁵ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 503. С. 136–137.

¹⁰⁶ В тот момент, когда Шнурре упомянул Польшу как объект возможной договоренности, Астахов сделал вставку перед дальнейшим изложением: «Чувствуя, что беседа начинает заходить слишком далеко, я перевел ее на более общие темы...» (Там же. Док. 503. С. 137). Это пояснение наглядно отражало, насколько скован был советский дипломат, вынужденный ориентироваться в ходе бесед с германскими представителями исключительно на свои знания и многолетний опыт, а не на инструкции из Москвы, которых не было.

¹⁰⁷ СССР — Германия 1932–1941. Док. 176. С. 261.

чатления, что избранная тактика в отношениях с Германией, обозначенная Молотовым в беседе с фон Шуленбургом 20 мая 1939 г., начинает приносить плоды. Тем не менее и после этого в Кремле по-прежнему делали ставку на выжидание, оставляя развитие инициативы за Берлином. Об этом свидетельствует телеграмма Молотова Астахову от 29 июля, одна из фраз которой являлась своего рода инструкцией о том, какой должна быть реакция на заданные ему вопросы: «Если теперь немцы искренно меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение»¹⁰⁸. На основании этого указания может сложиться мнение, что беседа со Шнурре не содержала ничего нового по сравнению с тем, что в Москве уже слышали от фон Шуленбурга на протяжении двух последних месяцев. Но это было не так. Астахов, по-прежнему используемый Кремлем втемную, должен был в беседах с германскими представителями создавать впечатление о себе как о дипломате, не предназначенном для ведения переговоров, вынуждая тем самым Берлин к другим путям непосредственного информирования советского руководства о своих предложениях.

Отсутствие предметной реакции Москвы на слова Шнурре 26 июля не могло серьезно не беспокоить германское руководство, испытывавшее нарастающий дефицит времени в связи с приближающимся сроком нападения на Польшу и, по-прежнему, нерешенностью проблемы по ее изоляции. В этой ситуации было принято решение задействовать «тяжелую артиллерию», а именно, использовать ранее запланированный на 2 августа визит Астахова к фон Вайцзеккеру для его как бы случайной встречи с фон Риббентропом¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 511. С. 145.

¹⁰⁹ См. Aufzeichnung von Weizsäcker von 2.8.1939 (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). R 29911. Bl. 23231).

Во время состоявшейся беседы рейхсминистр расширил рамки возможного политического соглашения с советским руководством, хотя и в самой общей форме, заявив: «... мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на всем пространстве от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться; если Советское правительство разделяет эти предпосылки, то можно обмениваться мнениями более конкретным порядком»¹¹⁰. Содержание этой беседы, которая, по выражению Астахова, носила «характер монолога»¹¹¹, несомненно, произвело большое впечатление в Кремле, о чем, в частности, свидетельствует большое количество подчеркиваний и отчеркиваний на первом экземпляре подробного отчета, сделанных Молотовым¹¹². Тем не менее, Сталин и Молотов продолжали держать паузу, затягивая предварительную стадию переговоров с германскими дипломатами в обеих столицах¹¹³. Это, в свою очередь, должно было вынудить нацистских руководителей к большей готовности к уступкам, повышая статус переговорщика с германской стороны, наделенного полномочиями вести диалог с советским руководством.

Однако это произошло не сразу. Более того, даже многолетний основной коммуникатор с германской стороны посол фон Шуленбург был подключен Берлином для бесед с Молотовым о содержательной стороне будущего соглашения только 15 августа¹¹⁴, положив начало заключительной фазе подготовительного этапа переговорного процесса. При этом руководство МИД, представляя, какая роль в сложившейся ситуации отводилась Астахову, по-прежне-

¹¹⁰ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 523. С. 158.

¹¹¹ Там же.

¹¹² См. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 2. Л. 27–34.

¹¹³ 3 августа фон Шуленбург встретился с Молотовым, изложив в обтекаемых выражениях уже сказанное фон Риббентропом накануне Астахову, но при этом не сделав никаких конкретных предложений (см. ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 446. С. 570–572).

¹¹⁴ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 556. С. 229–231.

му рассматривало его связующим звеном между германским и советским руководством, о чем свидетельствовали почти ежедневные встречи с ним Шнурре. Тем временем в Кремле было принято чрезвычайно важное решение, на основании которого 12 августа Астахов получил указание Молотова, подтверждавшее советскую заинтересованность в обсуждении вопросов, предложенных германской стороной. Телеграмма наркома заканчивалась фразой: «Предпочитаем вести разговоры по этим вопросам в Москве»¹¹⁵.

После получения этой информации Астахов по-прежнему продолжал активную работу — встречался со Шнурре, направлял отчеты об этих встречах и обзоры международного положения, принимал участие в выработке итоговых документов торгово-экономических переговоров в Берлине, в связи с чем даже был вынужден отказаться от поездки на открытие 20 августа осенней ярмарки в Кёнигсберге. 18 августа Астахов отметил в служебном дневнике, что на приглашения от Гитлера и Р. Гесса об участии в очередном съезде НСДАП, который должен был состояться в Нюрнберге с 2 по 11 сентября, направлен утвердительный ответ¹¹⁶. Вечером 19 августа Астахов получил телеграмму Молотова, в которой, в частности, ему предписывалось: «... немедленно выехать в Москву на один день ввиду неясности некоторых вопросов с немцами»¹¹⁷. Посетив перед отъездом Шнурре, чтобы попрощаться, он, согласно записи немецкого дипломата, как бы вскользь, упомянул, что о последних переговорах в Москве информирован «только в самых общих чертах»¹¹⁸. Астахов вряд ли случайно произнес эти слова,

¹¹⁵ См. СССР — Германия: 1932–1941. Док. 189. С. 282. Об обстоятельствах, предшествовавших направлению этой телеграммы в Берлин, см. подробно: *Slutsch S. Einleitung // Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. S. 80–81.*

¹¹⁶ См. *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 577. S. 1434.*

¹¹⁷ Цит. по: *Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата...* С. 167.

¹¹⁸ *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 3. Dok. 588. S. 1457.*

по-видимому, намекая на то, что ему не все ясно по поводу причин его столь поспешного вызова.

23 августа Астахов приехал в Москву. Ни к каким консультациям в связи заключительной стадией советско-германских переговоров его не привлекали. Спустя несколько дней руководство Западноевропейского отдела НКВД поручило ему подготовить записку «О политических отношениях СССР с Германией и их перспективах»¹¹⁹. Не имея возможности использовать какие-либо информационно-вспомогательные материалы, она была составлена по памяти, что заметно по некоторым неточностям в датах. Но главное, что характеризует эту записку, это столь несвойственная Астахову оптимистическая тональность в отношении перспектив развития советско-германских отношений после подписания договора о ненападении¹²⁰, резко контрастирующая с описанием их состояния в предшествующий период и явно отдающая дань «новым настроениям». Никакой другой работы дипломату не было предоставлено. Сам Астахов описывал свое положение в Наркоминделе после возвращения в Москву в письме Молотову 29 октября 1939 г.: «После первой краткой встречи с Вами мне было передано, что Вы вызовете меня для обстоятельной беседы. Однако вместо этого меня обрекли на бездействие в исключительно горячее время под видом длительного отпуска, предоставленного без просьбы с моей стороны, а затем перевели в резерв. Создается впечатление, будто я наделал какие-то ошибки или проводил неверную линию, за что меня и отстранили»¹²¹.

Молотов не ответил на это письмо и не пригласил Астахова для беседы, хотя понимал, что специалиста такого

¹¹⁹ См. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 96. Д. 16а. Л. 20–33.

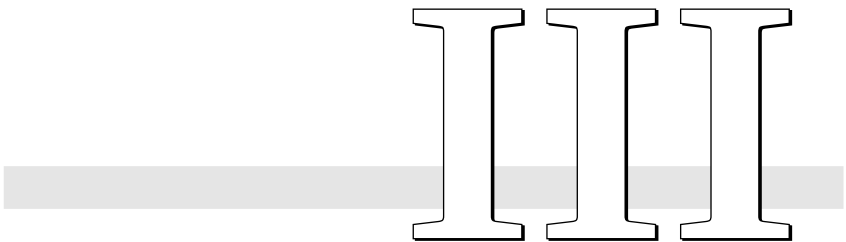
¹²⁰ См. ДВП [СССР] Т. XXII, кн. 1. Док. 484. С. 630–632.

¹²¹ Цит. по: Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата... С. 180. Соколов имел возможность ознакомиться с материалами следственного дела Астахова в ЦА ФСБ РФ, включающими, в частности, изъятую у него переписку.

уровня в Наркомате нет¹²², но у него, по мнению архитекторов советской политики, был серьезный недостаток — Астахов слишком много знал о предыстории возникновения пакта о ненападении между СССР и Германией. Сделав порученное ему дело, он был уже не нужен системе ни в каком качестве, поэтому она его отторгла. 1 декабря 1939 г. Астахов был уволен из НКВД «по сокращению штатов»¹²³. Так завершилась деятельность профессионального дипломата, работавшего в Турции (дважды — в начале 1920-х и начале 1930-х годов), Японии, Йемене, Великобритании, Германии (дважды — в середине 1920-х и во второй половине 1930-х годов), владевшего 4 языками (тремя западными и восточным), автора нескольких книг о странах Востока, вышедших под псевдонимами. Заключительным этапом его 20-ти летней дипломатической деятельности стало участие в подготовке самого крупного внешнеполитического «достижения» сталинского режима — соглашения с нацистской Германией.

¹²² Неслучайно фон Шуленбург в беседе с Молотовым еще 29 августа настаивал на возвращении в Берлин Астахова, «которого Риббентроп мог бы информировать даже через каждые два часа» (Год кризиса 1938–1939. Т. 2. Док. 616. С. 337).

¹²³ После последовавшей совсем непродолжительной работы в Музее народов СССР (по другим данным — в Музее народов Востока), 27 февраля 1940 г. Астахов был арестован «как участник антисоветского заговора в системе Наркоминдела и как агент польской разведки» (Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата... С. 180). По воспоминаниям П.А. Судоплатова, Астахов был арестован по личному указанию Молотова, инкриминировавшему ему двойную игру (см. Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 84). Приговоренный Военной коллегией Верховного суда СССР 9 июля 1941 г. к 15 годам исправительно-трудовых лагерей, Астахов умер 14 февраля 1942 г. в Усть-Вымском ИТЛ в возрасте 45 лет от дистрофии.



СССР И ПЕРЕВОРОТ 27 МАРТА 1941 г. В ЮГОСЛАВИИ

USSR AND THE COUP OF MARCH 27, 1941 IN YUGOSLAVIA

Аннотация. В статье на основании доступных документов, мемуаров и историографии рассматривается вопрос об отношении СССР к перевороту 27 марта 1941 г. в Югославии. Особое внимание уделяется происхождению малообоснованного предположения об участии СССР в организации военного переворота.

Ключевые слова: Советско-югославские отношения, Вторая мировая война, военный переворот, история разведывательной деятельности.

В течение полугода накануне начала Великой Отечественной войны активность советских государственных учреждений в Королевстве Югославия была особенно интенсивной. Дипломатические отношения на уровне миссий были установлены 24 июня 1940 г. и официально прерваны со стороны СССР 8 мая 1941 г., однако реальная деятельность Полномочного представительства СССР в Югославии длилась куда меньше¹.

¹ Гибианский Л.Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М.: Индрик, 1999. С. 434–469; Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... Первые представители СССР в Белграде, первые представители Югославии в Москве // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 17–31; Гибианский Л.Я. Советская политика в отношении Югославии перед апрельской катастрофой 1941 г. // Срби и рат у Југославији 1941 године: тематски зборник радова. Београд: Институт за новију историју Србије; Музеј жртва геноцида; Институт за славистику Руске академије наука, 2014. С. 141–163; Животић А. Совјетски војни изасланик у Београду о узроцима пораза војске Краљевине Југославије у Априлском Рату 1941 // Војноисторијски гласник. 2019. № 1. С. 144–166.

Полномочным представителем СССР в Королевстве Югославия был Виктор Андреевич Плотников, советником — Виктор Захарович Лебедев, военным атташе — Александр Георгиевич Самохин, помощником атташе — Петр Михайлович Коваленко. Интересны судьбы этих людей, ставших на короткое время олицетворением советского государства на сербской земле. Эти биографии важны нам, так как являются единственным способом определить, были ли эти люди высококласными специалистами по работе с агентурой в высших слоях балканского общества? Или же, наоборот, были слишком далеки от хитросплетений балканской политики для того, чтобы организовать ловкий дворцовый переворот в классическом «британском» стиле.

Александр Георгиевич Самохин родился на хуторе Верхне-Бузиловка Области Войска Донского 20 августа 1902 г. Однако в годы Гражданской войны Александр Георгиевич всей душой был на стороне красных и 4 мая 1919 г. вступил в РККА, активно поучаствовав в боевых действиях на Восточном фронте. Способный и выдержанный паренек решил сделать военную карьеру своей судьбой: с 1923 г. по 1931 г. он был командиром батальона, в 1920 г. вступил в РКП(б). Александр Георгиевич неуклонно стремился совершенствовать свой образовательный уровень: в 1921 г. окончил Пензенские пулеметные командные курсы, а в 1923 г. — Киевскую объединённую военную школу имени Л.Б. Каменева (по другим данным — Казанскую высшую военную школу им. Л.Б. Каменева), с мая 1931 г. по май 1934 г. учился на основном факультете Военной Академии имени М.В. Фрунзе. По окончании Военной Академии, Самохин перешел на штабную работу — стал сначала начальником оперативного отделения Штаба стрелковой дивизии, а потом и начальником Штаба стрелковой дивизии. Высокообразованный офицер привлек внимание начальства, и после этого жизненный путь Самохина внезапно изменился — в 1937 г. он был переведен со штабной работы и назначен начальником

Орджоникидзевского пехотного училища, а в 1939 г. — заместителем начальника Главного управления военно-учебных заведений РККА².

В августе 1940 г. Александр Георгиевич был повышен до своего следующего звания — генерал-майора и назначен военным атташе при Полномочном представительстве СССР в Югославии. Для создания целостного образа необходимо очертить судьбу генерала и после возвращения из Югославии весной 1941 г.

Практически сразу же Самохину доверили не менее ответственное и политически щекотливое задание — он был назначен командиром 29-го Литовского стрелкового корпуса (Прибалтийский особый военный округ — Северо-Западный фронт), не только находившегося на острие предполагаемого удара, но и имевшего исключительно трудный район действий и сложный этнический состав. В сентябре 1941 г. генерал-майор Самохин был назначен заместителем командующего 16-й армией Западного фронта по тылу, а это, учитывая интенсивность продвижения немецких войск на восток, в то время была вовсе не тыловая должность, которая предполагала не только сложный комплекс мероприятий по обеспечению войск всем необходимым в экстремальных условиях экстренного отступления, но и ряд вполне понятных сопутствующих действий, связанных с активным действием немецких диверсантов и их пособников. В декабре Самохина снова повышают и назначают начальником II отдела III управления Генерального Штаба, а вскоре и начальником II управления (информационного) Главного разведывательного управления Генерального Штаба РККА. Страна переживала тяжелые дни, и армии были необходимы способные и грамотные офицеры, поэтому Самохина назначили командующим 48-й армией Брянского фронта.

Сразу же после назначения на новую должность 21 апреля 1942 г. Александр Георгиевич вылетел в Елец, но летчик

² Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 19.

сбился с маршрута и перелетел линию фронта, где был сбит над расположением немцев. Самохин попал в плен, причем в руки немцев попали важные секретные документы, имевшие большое значение: оперативная карта и директивы Ставки. Несмотря на столь печальные обстоятельства пленения, не внушавшие никакого оптимизма в случае возвращения на Родину, генерал-майор Самохин, в отличие от известного командующего 2-й Ударной армией Волховского фронта, отказался сотрудничать с немецкими вербовщиками, сколачивавшими РОА. В начале мая 1945 г. Самохин вместе с рядом других содержащихся вместе с ним пленных советских военачальников был освобожден американскими войсками, эвакуировавшими видных пленников во Францию. Оттуда 26 мая 1945 г. Самохина вместе с товарищами по плену вывезли в Москву³.

В ходе расследования были выявлены перелет на сторону врага и утеря важных документов, что имело однозначное толкование в то радикальное время, поэтому 21 октября 1945 г. Александр Георгиевич был арестован и осужден к 25 годам лишения свободы. Вскоре после смерти Сталина, 15 августа 1953 г. Самохин был реабилитирован и освобожден. Вышедший на свободу Александр Георгиевич сразу же решил продолжить образование, и в 1953/1954 г. стал слушателем Высших академических курсов при Военной Академии Генерального Штаба. Однако военная карьера генерала оказалась законченной, несмотря на отмену приговора. В 1954 г. генерал-майор получил утешительный орден Ленина, был уволен в запас и получил место старшего преподавателя общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ. Сильные переживания нестарого и полного сил генерала тяжело отразились на его здоровье. 17 июля 1955 г. Самохин Александр Георгиевич скончался⁴.

³ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 19.

⁴ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М.: Нева, ОЛМА-Пресс, 2002. С. 295–296.

Не менее драматичной была и судьба самого полномочного представителя СССР в Югославском Королевстве Виктора Андреевича Плотникова⁵. Виктор Андреевич родился 26 октября 1898 г. в Астрахани. Вскоре отец умер, и мать Виктора Андреевича решила переехать в Москву, к чему у нее имелось несколько причин — она была модисткой, а в Москве найти работу было легче, к тому же малярийный климат тогдашней Астрахани не способствовал здоровью маленького Вити. В 1917 г. в Москве Виктор Плотников окончил гимназию и поступил в Московский коммерческий институт. Но 1917 год в России выдался удобным для чего угодно, но только не для учебы, да еще в Коммерческом институте. Воздух был пропитан революцией, все друзья молодого Виктора из студенческой и рабочей среды тянулись к революции и по рекомендации Председателя Казачьего Отдела ВЦИК Л.А. Коробова Плотников вступил в агитотряд «Защита прав трудового казачества крестьян и рабочих», а в феврале 1918 г. и в РКП(б). В качестве члена агитотряда, действуя по заданиям Казачьего Комитета (позднее Казачьего отдела ВЦИК), Плотников занимался политработой в военных частях и казачьих областях в 1918–1921 гг. В 1921 г. он был командирован ВЦИК в качестве Уполномоченного Сибревкома для организации и участия в полярной экспедиции на полуостров Ямал.

По возвращении из экспедиции Виктор Плотников поступил на экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Закончив учебу в 1926 г., Виктор Андреевич работал до 1930 г. в системе рыбацкой, а затем сельскохозяйственной кредитной кооперации в Москве, на Каспийском и Аральском морях, в Туркмении. После ликвидации оргцентров сельскохозяйственной кооперации

⁵ Автор приносит искреннюю благодарность сыну Виктора Андреевича Плотникова — Валерию Викторовичу Орлову за предоставленные документы о судьбе первого советского полпреда в Югославии В.А. Плотникова. Автобиография Плотникова В.А. 14/IX 1937 г. для НКВД; Личный листок по учету кадров на Плотникова В.А.; Личное дело Плотникова В.А.

Плотникова перевели на ответственную работу в Московскую контрольную комиссию — Рабоче-крестьянской инспекции по линии сельского хозяйства области и назначили заместителем руководителя сельскохозяйственной группы МКК-РКИ⁶.

Из РКИ Виктора Андреевича перевели в систему Народно-Комиссариата Внешней Торговли. В 1932–1934 гг. Плотников работал заведующим Отделом Второэкспорта в Персии, а в 1935–1936 гг. был заместителем директора по экспорту Урумчинской конторы «Совсиньторга» в Китае. Необходимо напомнить, что тогдашний Синьцзян был местом крайне непростым. С начала 1934 г. на его территории находилась группа войск Красной Армии, усиленная танками, авиацией и артиллерией, прибывшая по просьбе китайского наместника провинции Шен-Ши-Цай для борьбы против дунганской (состоящей из местных китайцев-мусульман) армии братьев Ма, «ориентировавшихся на Японию и стремившихся создать в регионе великое дунганское государство Северо-Запада»⁷. Ситуация была столь сложной, что советские подразделения были «замаскированы» под белых, командиры Красной Армии носили погоны, а все звезды с обмундирования были удалены. Впоследствии лидер провинции Шен-Ши-Цай был принят в ВКП(б), а сам Синьцзян СССР был бы рад назвать Восточно-Туркестанской республикой, однако с началом Великой Отечественной войны затея провалилась.

В конце 1936 г. Плотников возвращается в Москву. Однако после непродолжительного пребывания в Москве (первая половина 1937 г.) на должности директора экспортной конторы Всесоюзного объединения «Международная книга», Виктор Андреевич вновь отбывает «за кордон» — решением ЦК ВКП(б) № 54/83 от 28/IX-37 Плотников в качестве Пер-

⁶ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 20.

⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933–1941 годы. М.: Международные отношения, 1997. С. 217.

вого секретаря полпредства СССР направлен в Будапешт для исполнения обязанностей поверенного в делах СССР в Венгрии. Хортистская Венгрия предвоенного времени была для советских представителей исключительно сложной страной, приближавшейся по ориентирам своей внутренней и внешней политики к гитлеровской Германии, а во многом ее и обгонявшей. Например, именно в Венгрии был принят первый в XX веке антисемитский закон *Numerus clausus*, дополненный в 1938 и 1939 гг. еще рядом законов, претворение в жизнь которых закончилось истреблением 600 тыс. из 800 тыс. венгерских евреев. В конце тридцатых годов Венгрия как верный союзник Германии поучаствовала в разделе Чехословакии и по результатам первого Венского арбитража аннексировала южные районы Словакии и часть Подкарпатской Руси, а 15 марта 1939 г. еще часть Словакии и оставшуюся территорию Карпатской Украины, как тогда уже называлась Подкарпатская Русь (нынешняя Закарпатская Украина), общей площадью 11 927 км² и населением свыше 1 млн человек.

В марте 1939 г. Виктор Андреевич Плотников был переведен на другой, не менее напряженный участок работы, вызывавший пристальное внимание СССР: с марта по сентябрь 1939 г. Плотников значился советником полпредства СССР в Финляндии. Он покинул Хельсинки незадолго до начала советско-финской войны, начавшейся, как известно, 30 ноября 1939 г.

Когда внешняя политика СССР по отношению к Финляндии была готова перейти в «горячую» фазу, Плотников отбыл в соседнюю Норвегию, которая в то время не была спокойным и богатым нейтральным государством, а кипела от политических страстей, подогреваемых правыми. Норвегия стояла на грани войны с СССР, на ее территории находились вербовочные комитеты, она посылала добровольцев и помогала переброске оружия в соседнюю Финляндию. Тем не менее, до прямого конфликта дело так и не дошло:

в марте 1940 г. советско-финская война закончилась, а уже в апреле того же года гитлеровские войска, вторгшиеся в Норвегию, захватили ее столицу Осло. Поэтому 15 июня 1940 г. в связи с оккупацией Норвегии немецкими войсками дипломатические отношения СССР с Норвегией были прекращены.

Согласно «Журналу записи лиц, принятых И.В. Сталиным», 19 июня 1940 г. Виктора Андреевича Плотникова принял лично Сталин, беседовавший перед этим с Молотовым, причем получасовой разговор Сталина с Плотниковым проходил в присутствии Молотова⁸. ТАСС 25 июня 1940 г. сообщил «Об установлении дипломатических отношений между СССР и Югославией» (Известия № 145 (7217) от 26 июня 1940 г.)⁹.

Директивная телеграмма Молотова Плотникову от 17 октября 1940 г. дает возможность понять (или, по крайней мере, с большой долей уверенности предположить), какие указания давал Сталин своему полпреду, уезжавшему в Белград¹⁰. Эти директивы сводились к следующему: не вставать открыто на сторону сторонников итало-германской или англо-американской ориентации, поддерживать политическую и экономическую независимость Югославии (вплоть до продажи оружия на обычных коммерческих условиях), но в то же время полностью опровергать слухи о попытках СССР проводить по отношению к Югославии политику панславизма или советизации, избегать вмешательства в проводимые Германией политические и экономические мероприятия. В сущности, именно этой политики, укрепления югославско-советских отношений с нейтральным отношением как к Англии, так и к Германии СССР придерживался

⁸ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 15.

⁹ Внешняя политика СССР. Том IV (1935–июнь 1941 г.). М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946. С. 514.

¹⁰ 1941 год... Кн. 1. С. 310–311.

вплоть до Апрельской войны 1941 г., о чём свидетельствует значительный массив опубликованных документов¹¹.

Эти устремления в целом соответствовали общей, с первого взгляда, двойственной, но на самом деле исключительно целостной внешнеполитической программе СССР того времени: готовиться к неизбежной войне с Германией, стараясь максимально оттянуть момент нападения последней на Советский Союз, для чего, с одной стороны, постараться не допустить дополнительного внешнеполитического усиления Германии, а с другой стороны, не раздражать ее, проводя по отношению к ней политику нейтралитета¹².

Дальнейшие события в Югославии не позволили осуществиться надеждам СССР на сохранение нейтралитета Югославии. Учитывая то, что все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к пакту Берлин–Рим–Токио, Югославия 25 марта 1941 г. была вынуждена подписать пакт. Этот документ не только гарантировал ей «от германской стороны твердое заверение насчет сохранения нейтралитета»¹³, но и отличался исключительной мягкостью¹⁴. При подписании Гитлер обратил внимание югославских представителей на близкие отношения между Москвой и Берлином. Однако лидеры Великобритании, зная о том, что возможная военная «помощь со стороны Англии представ-

¹¹ Документы внешней политики СССР. Том. XXIII. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940. М.: Международные отношения, 1995; Документы внешней политики СССР. Том. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998; Документы внешней политики СССР. Том. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998.

¹² Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 21.

¹³ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера... С. 328.

¹⁴ Югославия не должна была помогать Германии и Италии вооруженными силами, пропускать по своей территории их воинские подразделения для ведения боевых действий в третьих странах, Германия гарантировала территориальный суверенитет Югославии и обещала принять «во внимание интересы Югославии в отношении выхода в Эгейское море, что может быть осуществлено признанием ее суверенных прав на город и порт Салоники». *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М.: Наука, 1969. С. 241.

лялась сомнительной и в лучшем случае — только символической»¹⁵, организовали (или, по крайней мере, поддерживали) с помощью представителей своих секретных служб военный путч в Югославии, сопровождавшийся массовыми беспорядками¹⁶.

Трудно сказать, явился ли военный путч генералов-англофилов, сопровождаемый массовыми беспорядками, погромами и убийствами немцев, полной неожиданностью для СССР¹⁷. А. Гитлер в своем обращении к народу в связи с началом войны с СССР 22 июня 1941 г. (зачитанном по радио Гебельсом) утверждал, что «Англия и Советская Россия совместно организовали путч и за одну ночь устранили тогдашнее правительство, готовое к взаимопониманию. Сегодня об этом можно рассказать германскому народу: антигерманский государственный переворот в Сербии произошел не только под английскими, но и, прежде всего, под советскими знаменами. Поскольку мы промолчали и об этом, советское руководство сделало следующий шаг. Оно не только организовало путч, но и несколько дней спустя заключило со своими новыми ставленниками известный договор о дружбе, призванный укрепить волю Сербии оказывать сопротивление умиротворению на Балканах и натравить ее на Германию. И это не было платоническим намерением. Москва требовала мобилизации сербской армии»¹⁸. Известный историк-балканист Л.Я. Гибианский достаточно осторожно описал существовавшую в Белграде группу членов сербской тайной организации «Черная рука» (М. Голубича и Б. Симича), как людей близких советской военной разведке, опираясь при этом на зафиксированную в исто-

¹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн. 2. С. 76.

¹⁶ Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии... С. 42; *Staford D.A.T. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941* // *Slavic Review*. 1977. № 3. P. 399–419.

¹⁷ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 21.

¹⁸ Hitler A. Der Führer an das deutsche Volk 22. Juni 1941. Der großdeutsche Freiheitskampf // Vol. 3. Reden vom 16. März 1941 bis 15. März 1942. München: Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher, 1942. S. 51–61.

риографии «устную традицию»¹⁹. Далее Л.Я. Гибианский проанализировал имевшиеся данные о том, что советская разведка могла участвовать в перевороте 27 марта 1941 г. в Югославии вместе с английской разведкой²⁰.

Сведения на этот счет базируются на одном предложении из крайне специфического источника — опубликованных в 1990-е годы П.А. Судоплатовым воспоминаний, которые и попытался проверить Л.Я. Гибианский. Согласно Судоплатову, М.А. Мильштейн (1910–1992), заместитель начальника Разведупра Генштаба Красной армии, и М.А. Аллахвердов (1900–1968), сотрудник 1-го управления НКГБ, «были посланы в Белград, чтобы оказать помощь в военном свержении прогерманского правительства». История эта представляется крайне сомнительной, т.к. реального вклада советских боевиков (или актива по линии КПЮ) в событиях 27 марта не было²¹. Более того, сами «мемуары Судоплатова» представляются столь же сомнительным текстом, как и пресловутые «Мемуары Шелленберга», опубликованные в погоне за сенсацией и пережившие несколько редакций. Публикация «мемуаров Судоплатова» сначала была проведена в США и лишь потом в России. При этом текст публикации в США расходится с русскоязычной публикацией. Как добросовестно отмечает сам Л.Я. Гибианский, текст англоязычной публикации расходился с более поздней русской версией. В ней авторами были указаны, кроме П.А. Судоплатова, еще и сын Анатолий Судоплатов, а также Джеральд и Леона Шлестеры, вкупе с предисловием от старого английского советолога Роберта Конквеста, автора пресловутого «Большого террора», где компенсировал пробелы в источниках идеологическим задором²². В более раннем английском тексте

¹⁹ Гибианский Л.Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 434–446.

²⁰ Гибианский Л.Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии... С. 464–469; Гибианский Л.Я. Советская политика в отношении Югославии перед апрельской катастрофой 1941 г. С. 141–163.

²¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль... С. 136–137.

²² Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. Oxford: University Press, 1968.

«мемуаров Судоплатова» было очевидно присутствие нестыковок, которые в дальнейшем были выправлены в русском переводе, где «соавторы» уже не фигурировали. Например, в английском тексте о перевороте фактически говорилось: «Major General Solomon R. Milshtein, deputy director of the GRU, was sent to Belgrade to assist the military action in the overthrow of the pro-German government. We also sent two experienced illegals: Vassili Zarubin and A.M. Alakhverdov, an Armenian» [Для оказания помощи военным действиям по свержению прогерманского правительства в Белград был направлен заместитель начальника ГРУ генерал-майор Соломон Р. Мильштейн. Также были направлены два опытных нелегала: Василий Зарубин и армянин А.М. Алахвердов]²³. В более позднем русском тексте стояло: «Генерал-майор Мильштейн, заместитель начальника военной разведки, был послан в Белград, чтобы оказать помощь в военном свержении прогерманского правительства. С нашей стороны в этой акции участвовал Алахвердов».²⁴ Куда в русской версии текста делся В.М. Зарубин, упоминание о нелегалах и армянском происхождении Алахвердова остаётся только догадываться. Понятно при этом, почему исчезло отчество Мильштейна — составители английской версии мемуаров перепутали Мильштейнов. Они указали вместо Михаила Абрамовича Соломона Рафаиловича, который тоже работал в НКГБ, но к зарубежным операциям отношение имел крайне косвенное. Впрочем, во введении английские соавторы объясняют пестрое происхождение мемуаров Судоплатова. Изначально, в 1970-е годы, были составлены некие записки П.А. Судоплатова, возникшие на основании его личных воспоминаний и бесед с близкими друзьями. Потом, уже в 1980-е годы, его сын Анатолий, исследователь истории

²³ *Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schester. Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness — A Soviet Spymaster / Foreword by Robert Conquest. Boston — New York — London: Little Brown and Company, 1994. P. 118–119.*

²⁴ *Судоплатов П.А. Разведка и Кремль... С. 136–137.*

спецслужб и ученый стал работать над реабилитацией отца. Позднее к делу присоединились Шестеры, которые более года брали у него видеointервью, которое записывал их сын Стивен, а потом соавторы сравнили получившиеся записки с имеющимися опубликованными источниками. Но и на этом дело не закончилось. В исследовании поучаствовали еще и Джеффри Клоске в Нью-Йорке и Феликс Розенталь в Москве. А окончательно блеск «мемуарам Судоплатова» придал редактор Роджер Дональд, который тоже поучаствовал в процессе, «опровергнув утку, что редакторы больше не редактируют»²⁵. Немудрено, что в таком многочисленном коллективе перепутали Мильштейнов. Доверия к таким мемуарам немного, и их историческая ценность сомнительна даже для такого субъективного источника, как мемуары, так как в них субъективности придавал не только автор, но и все многочисленные соавторы и составители.

Отметим при этом, что вполне вероятно, что М.А. Мильштейн и М.А. Алахвердов (а вероятно, и В.М. Зарубин, работавший по Балканам в предвоенный период) посещали Белград незадолго до переворота 27 марта 1941 г. Об этом мог вспомнить и сам П.А. Судоплатов. Но вот реальная их вовлеченность в события мало вероятна. Например, приблизительно в то же время в Белграде побывали «Дикий» Билл Донован (1883–1959), будущий отец основатель и глава американского Управления стратегических служб (УСС), и бригадир Колин Габбинс (1896–1976), высокопоставленный сотрудник британского Управления специальных операций (УСО), автор наставлений по партизанской войне 1939 г. Значит ли это что и они все вместе участвовали в подготовке переворота? Американский исследователь упоминает, что Б. Донован в конце января 1941 г. разговаривал с будущим лидером переворота генералом Д. Симовичем и получил от него заверения, что Югославия окажет сопротивление

²⁵ *Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schester. Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness... P. XVIII–XX.*

Германии, если она введёт войска в Грецию или Болгарию, чтобы не повторить судьбу Румынии, разделённой в результате ее «миролюбия»²⁶. Могли ли и советские представители участвовать в зондировании ситуации? Сложно дать на этот вопрос ответ, так как вызывающего доверия источника нет.

Отметим при этом, что никто из вышеупомянутых сотрудников советской или американской разведки не претендовал в своих мемуарах или любых других текстах на лавры «организатора» переворота 27 марта 1941 г. На роль успешных организаторов переворота претендовали англичане. Хью Далтон (1887–1962), во время происходивших событий министр экономической войны, основатель УСО и прямой начальник К. Габбинса конкретно написал в своих воспоминаниях: «...Югославское правительство подписало пакт со странами Оси. Мы послали телеграмму нашим друзьям, чтобы они любым путем организовывали революцию. В Белграде 27 марта произошел переворот. ВВС, младшие армейские офицеры и оппозиционные партии пришли к власти. Принц Павел был в ужасе от этого. Он долго обманывал наших дипломатов. Теперь он сбежал в Египет и потом в Кению, где мы держали его в очень комфортном месте, за его собственные средства, но под надзором, как политического заключенного. Молодой король Петр стал править самостоятельно». При этом Х. Далтон не хвалился путчем, честно оценив, что его «последствия были плачевными». Югославия продолжала пытаться оставаться нейтральной и вскоре была молниеносно оккупирована немцами из-за предательства хорватской части населения²⁷.

Судя по исследованиям большинства послевоенных историков британских спецслужб, роковой оказалась именно «дружба» британских дипломатов в Белграде с амбициоз-

²⁶ *Wilkinson P., Astley J.B.* Gubbins and SOE, London: Leo Cooper, 1997. P. 49; *Brown A.C.* Wild Bill Donovan: The Last Hero. New York: Vintage Books, 1984. P. 154–157.

²⁷ *Dalton H.* Memoirs: The Fateful Years: Memoirs 1931–1945. London: Frederick Muller, 1957. P. 373.

ным генералом ВВС королевства Югославия — Боривоем Мирковичем, который стал душой заговора, сбросившего правительство Д. Цветковича 27 марта 1941 г.²⁸ С этим же взглядом соглашались и советские историки до 1991 г.²⁹ С этим же тезисом согласуется и рассекреченная история УСО для служебного пользования, написанная в 1946 г. на архивах этой организации³⁰.

По крайней мере, местные коммунисты (в то время последовательные проводники всех идей Москвы, преданно колебавшиеся вслед за генеральной линией ВКП(б)) вспоминали об обратном, свидетельство тому — мемуары Светозара Вукмановича-Темпо и Милована Джиласа³¹. По их сведениям, Сербский республиканский комитет КПЮ 27 марта 1941 г. издал прокламацию, направленную против Великобритании, в которой, в частности, было заявлено, что лучшая гарантия против нападения немецких империалистов — подписание пакта о взаимопомощи с СССР. Тито 29 марта 1941 г. осудил англофилов и провокаторов, участвовавших в сожжении немецкого флага и погроме Немецкого туристического бюро.

В 1941 г. КПЮ не смогла осмелиться выдвинуть лозунг о советско-югославском договоре самостоятельно, без санкции свыше, поэтому понятно, что мнение СССР было выражено еще до путча как ответ на возможное подписание пакта Югославии и Германии³². В условиях возможного

²⁸ *Stafford D.A.T.* SOE and British Involvement in the Belgrade Coup d'État... P. 399–419; *Foot M.R.D.* SOE: an outline history of the Special Operations Executive 1940–1946. London: British Broadcasting Corporation, 1984. P. 237; *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London: Barnes & Noble Books, 1976. P. 78–95.

²⁹ *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии... С. 242.

³⁰ *Mackenzie W.* The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. Boston: Little Brown Book Group, 2002.

³¹ *Đilas M.* Memories of a Revolutionary. New York: Harcourt, 1973. P. 369–373; *Вукмановић-Темпо С.* Револуција која тече. Мемоари. Загреб: Глобус, 1982. Књ. I. С. 156.

³² *Вујошевић У.* Преписка (радиограми) ЦК КПЈ — ИККИ. Јун 1940. — децембар 1941. // Војноисторијски гласник. 1992. № 1–3. С. 277–236.

подписания Югославией пакта с Германией СССР очевидно стремился подписанием договора между СССР и Югославией выровнять международное положение и стабилизировать ситуацию. В случае нападения государств антикоминтерновского пакта на Югославию советско-югославский договор мог превратиться не в гарантию нейтралитета Западных Балкан, а в объявление войны Германией.

Ситуация в чем-то напоминала вступление России в Первую мировую войну, в которую ее также втянули, используя очередную авантюру балканских политиков, раньше намеченного срока окончания модернизации армии. Однако руководство СССР продемонстрировало куда больше реализма (или, если угодно, политического цинизма), чем Николай II и его окружение. СССР не дал раньше времени втянуть себя в войну, причем в войну, в которую СССР заведомо вступил бы как нарушитель договора с Германией, а также потенциальный источник «панславизма и коммунизма»³³. Хотя Кремль накануне гитлеровского вторжения и подписал договор с обреченной Югославией³⁴, но помочь ей после совершенной ее же собственными генералами смертельной ошибки уже, в любом случае, никто не был в силах: ни окопавшиеся в Греции англичане, спровоцировавшие путч, чтобы оттянуть часть немецких сил на борьбу с Югославией, ни далекий СССР, помощь из которого просто не успела бы поступить.

³³ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 22.

³⁴ Известия. 1941. 6 апреля; Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2. С. 522–523.

СЛОВАЦКАЯ АРМИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР (1941–1944 гг.)

SLOVAK ARMY ON THE OCCUPIED TERRITORY OF THE USSR (1941–1944)

Аннотация. В статье на основе ранее не известных документов показана позиция словацкого политического руководства по поводу вступления в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии, проанализирован состав и численность словацких вооруженных сил на Восточном фронте, их действия на оккупированной советской территории. Приведены данные об участии словацких частей в борьбе с партизанами и в карательных операциях против гражданского населения. Выявлен перелом в 1943–1944 гг. в настроениях и боеспособности словацких подразделений, приведшие к нарушению приказов, массовой сдаче в плен и выводу с территории Советского Союза.

Ключевые слова: Германия, Словакия, СССР, словацкая армия, Восточный фронт.

В марте 1939 г. на политической карте Европы появилось первое в истории словацкого народа национальное государство со столицей Братислава, которое после принятия конституции стало именоваться Словацкая республика (СР). Новое государство, возникшее по воле Гитлера и просуществовавшее до мая 1945 г., в течении всего этого периода находилось под опекой гитлеровской Германии и пользовалось ее поддержкой. Во внутренней и внешней политике братиславское руководство неуклонно следовало в фарватере Берлина. Во главе СР стоял католический священник Йозеф Тисо. Германия использовала фиктивную самостоятельность Словакии для реализации своих воен-

ных планов сначала во время нападения на Польшу, потом — на СССР. Руководствуясь указаниями Гитлера и Й. Тисо, военный министр Словакии Фердинанд Чатлош, согласно его показаниям на допросе в Бутырской тюрьме¹, совместно с личным представителем Гитлера генерал-лейтенантом Баркхаузенем уже в марте 1939 г. разработал план боевой переподготовки словацкой армии. В нем предусматривались увеличение численности армии до 30 тыс. человек, ее обучение под руководством германских офицеров-инструкторов и полное изгнание чехов из ее рядов. Одновременно как военный министр Чатлош способствовал передаче в ведение немцев словацких военных заводов, предприятий военно-химической промышленности, а также стратегического сырья. Весной 1939 г. он дал «обязательство Германскому верховному командованию подготовить транспорт и коммуникации для быстрой переброски германских войск через территорию Словакии». Чатлош сообщил на допросе, что в мае 1939 г. он совместно с Тисо, одним из руководителей СР Фердинандом Дюрчанским и немецким генералом Баркхаузенем принял участие в разработке договора с гитлеровской Германией: «Предложения Гитлера были нами приняты полностью. <...> В основу той части договора, которая предусматривала тесное взаимодействие словацких и германских вооруженных сил, был положен план реорганизации словацкой армии по германскому образцу, разработанный мною совместно с ген. Баркхаузенем».

Перед нападением Германии на Польшу Чатлош, по его словам, в соответствии с указаниями германского Верховного командования провел в Словакии секретную моби-

¹ Ф. Чатлош после перехода в начале сентября 1944 г. на территорию, охваченную Словацким национальным восстанием, был переправлен в Москву и до конца 1946 г. находился в Бутырской тюрьме (Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Уголовное дело по обвинению б. главнокомандующего словацкой армии Чатлош Фердинанда. Арх. № Н-18761. Кол. томов 3. Т. 1. Протокол допроса от 11 декабря 1946 г., блок 1, л. 37–50).

лизацию десяти возрастов и перевел армию с мирного на военное положение. Это дало возможность увеличить ее контингент до 24 тысяч человек. В короткие сроки было подготовлено около тысячи словацких офицеров «из числа благонадежных словаков», поддерживавших режим Тисо. После увольнения из армии офицеров-чехов Чатлош, по его словам, назначил на освободившиеся должности «германских офицеров, главным образом из числа судетских немцев». К 1 августа 1939 г. он, согласно его показаниям, закончил подготовку словацкой армии для «оказания помощи Гитлеру в нападении на Польшу». В конце августа в Братиславу прибыл со своим штабом начальник германской военной миссии в Словакии генерал-майор Энгельбрехт, через которого Чатлош в период войны должен был координировать действия с германским военным командованием. 29 августа Тисо назначил Чатлоша командующим словацкими сухопутными войсками, предназначенными для вторжения в Польшу. 30 августа в г. Жилина министр встретился с генерал-полковником вермахта В. Листом, которому лично доложил о готовности словацкой армии к участию в войне против Польши. 1 сентября без объявления войны словацкие части под командованием Чатлоша совместно с германскими вооруженными силами вторглись на польскую территорию. В состав словацких сухопутных войск входили две дивизии и Быстрая (моторизованная) группа. В военных действиях участвовала и словацкая авиация. Тисо как главнокомандующий предписал Чатлошу исполнять все приказы германского командования. «При захвате польской территории, — по словам Чатлоша, — словацкие части действовали самостоятельно. Однако захваченные польские населенные пункты мы передавали отрядам германской полиции и войскам СС, которые проводили все репрессии в отношении польского населения».

Участие словацкой армии в войне против Польши поначалу было встречено в Словакии с недовольством: ска-

залось, видимо, чувство славянской солидарности и нежелание воевать против «польских братьев». Кроме того, начавшаяся война отрицательно повлияла на ход сельскохозяйственных работ. Мобилизация шла с трудом². К тому же рядовой состав армии был недоволен плохим обеспечением и условиями быта. Взбунтовались гарнизоны в Кремнице, Зволене, Банской Быстрице. Самым серьезным стал мятеж в Кремнице, где для восстановления порядка использовались моторизованные воинские части³. В знак протеста против войны с Польшей отказались от своих постов некоторые словацкие высшие должностные лица, в том числе генерал Р. Виест, эмигрировавший на Запад, бывший словацкий полпред в Варшаве Л. Сатмари, консул в Лондоне М. Гарминц⁴. Однако в целом правительству удалось справиться с ситуацией: Словакия вступила в войну под ирредентистскими и реваншистскими лозунгами, требуя возвращения ей территорий, аннексированных Польшей в 1920, 1924 и 1938 г., а также под лозунгом защиты словацких границ⁵. Все это «тешило» национальные чувства и способствовало спаду недовольства войной. Некоторые документы словацкого министерства внутренних дел свидетельствуют о том, что солдаты, возвращавшиеся домой после прекращения военных действий, чувствовали себя в роли освободителей и были полны готовности с оружием в руках участвовать в боях за освобождение отторгнутых у Словакии южных территорий⁶. 25 сентября 1939 г. Гитлер направил телеграмму Тисо, в которой поблагодарил его за «твердую позицию и

² Slovenský národný archív. F. Ministersvo vnútra. 1939. Karton 21. Č. 74.

³ Ibid. Karton 22. Č. 10.

⁴ Československé zprávy. 1939. 4 X. N 54, 4 XI. N 63 (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 13. Д. 95. Коллекция газет).

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 27.

⁶ Slovenský národný archív. F. Ministersvo vnútra. 1939. Karton 23. Č. 46, 47.

проявленное братство по оружию»⁷. За помощь Германии в войне против Польши Гитлер наградил Чатлоша железными крестами 1-го и 2-го классов, а Тисо вручил ему высшую военную награду Словакии. В конце сентября 1939 г. Чатлош получил письмо от Листа с благодарностью за сотрудничество и помощь, оказанную германским оккупационным войскам. Военные действия, которые со стороны Словакии велись недолго, завершились присоединением к ней с согласия Берлина небольших территорий в районе Татр с преимущественно словацким населением, отошедших к Польше в 1920, 1924 и 1938 г. 22 декабря 1939 г. словацкий сейм принял конституционный закон об инкорпорации этих территорий. В октябре 1939 г. в Словакию прибыла немецкая военная миссия с задачей инструктировать словацкое военное министерство по вопросам строительства словацких сухопутных и военно-воздушных сил. Возглавил миссию генерал-майор П. фон Отто.

В следующие полтора года шла реорганизация словацкой армии по германскому образцу, под руководством немецких инструкторов готовились кадры ее командного состава⁸. Словацкое руководство, хотя и не было осведомлено точно о сроках нападения Германии на СССР, но несомненно, исходя из ситуации, догадывалось о том, что это должно произойти в ближайшее время. За два дня до нападения Германии на Советский Союз в Братиславу (после посещения Бухареста и Будапешта) инкогнито прибыл начальник германского генерального штаба генерал-полковник Ф. Гальдер, который сообщил встретившему его в аэропорту германскому посланнику в Словакии Г.Э. Лудину о желании Гитлера, чтобы словацкая армия вместе с германскими

⁷ *Jašek P.* Nemecko a slovenská armáda 1939–1944. Načrt problematiky // *Historické rozhľady* VI/2010. S. 89.

⁸ *Baka I., Meško M.* Správy o studijnej ceste slovenských dôstojníkov po Nemecku a okupovaných krajinách v auguste a septembri 1940 // *Vojenská história*. 2009. N 4. S. 100–125.

войсками участвовала в войне против СССР. До недавнего времени о пребывании словацких вооруженных сил на советско-германском фронте мало что было известно. Почему? После войны ни чехословацкая, ни советская историография старались не касаться этой темы: по всей видимости, считалось неэтичным «копаться» в историческом прошлом государства — члена социалистического содружества, свидетельствующем о его военном противостоянии с советской страной. Об участии словацкой армии в войне против СССР, если и говорилось, то только в плане нежелания ее солдат и офицеров сражаться против Красной армии, об их русо- и славянофильских настроениях, переходе на сторону советских войск и партизан. Несомненно, было и это, особенно после окончательного перелома в войне в 1943 г., но было и другое, о чем предпочитали не говорить. «Заговор молчания» был прерван после 1989 г., и особая заслуга в этом принадлежала Йозефу Быстрицкому, тогда директору словацкого Института военной истории. Его многочисленные статьи, опубликованные в 1990-х годах в журнале «Военная история» («Vojenská história»), базировались как на материалах словацких, так и российских архивов⁹. В 2000 г. Военно-исторический институт Министерства обороны Словакии и Институт истории АН Словацкой Республики провели международную научную конференцию на тему «Словакия и Вторая мировая война», с докладом на которой о действиях сухопутных сил словацкой армии на советско-герман-

⁹ Bystrický J. Rýchla (1. pešia) a Zaisťovacia (2. pešia) divízia vo vojne proti Sovietskemu Svazu (1941–1943) // Armáda v dejinách Slovenska. Bratislava, 1993. S. 115–140; *Idem*. Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte r. 1941 // Vojenská história. 1998. N 2. S. 39–61; *Idem*. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska. I (september 1941 – november 1942) // Vojenská história. 1999. N 4. S. 29–54; *Idem*. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska (november 1942 – október 1943). II // Vojenská história. 2000. N 3–4. S. 35–52; *Idem*. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsilíu nacistického Nemecka v poslednom roku druhej svetovej vojny // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006. S. 9–25 etc.

ском фронте выступил Й. Быстрицкий¹⁰. Появились работы об участии других родов словацких вооруженных сил в войне на Восточном фронте¹¹. Опубликованы монографические исследования об участии словацкой армии в военных действиях против Красной армии, основанные на широкой источниковой базе и, прежде всего, на материалах словацких архивов¹². В настоящей статье рассматривается круг вопросов, касающихся вступления Словакии в войну против СССР, действий словацкой армии на Восточном фронте, настроений ее солдат и офицеров.

На упомянутой выше встрече 21 июня 1941 г. с Лудиным в братиславском аэропорту Гальдер поручил ему сообщить словацкому руководству о нападении Германии на СССР 22 июня 1941 г. и о желании фюрера видеть Словакию в качестве союзника Третьего рейха в этой войне. Надо сказать, что до того роль словацкой армии как военного союзника долгое время определенно не обозначалась. Так, например, на совещании у Гитлера 17 марта 1941 г. относительно операции «Барбаросса», где фюрер говорил о недопустимости неудач при ее реализации, он заявил о нецелесообразности привлечения для этого тех сил, на которые нельзя определенно рассчитывать («Что касается сухопутных войск, то мы можем с уверенностью рассчитывать только на немецкие войска»). Далее Гитлер говорил о ненадежности финских, румынских, шведских, венгерских войск. Относительно Слова-

¹⁰ Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29–31. mája 2000. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2000. S. 191–216.

¹¹ Mičianik P. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti Sovietskemu zväzu // Slovanský prehľad. 2004. N 2. S. 221–247; Rajlich J. Tatranští orli nad Kubání. Praha: ARES, 2002; *Idem*. Stíhací letka 13 slovenských vzdušných zbraní na východní frontě v letech 1942–1943 // Historie a vojenství. 2001. N 2, 3. S. 277–309; 501–537; Francev V. Utočná vozba slovenské armády 1939–1944 // Historie a vojenství. 1997. N 2. S. 98–130.

¹² Lacko M. Dezercie a zajatia prislušníkov zaistovacej divízie v ZSSR v rokoch 1942–1943. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2007; Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu (1941–1944). I–IV. Banská Bystrica: Dali BB, 2007, 2008, 2009, 2012.

кий он заявил: «Словаки — славяне. Речь об их использовании, вероятно, пойдет позже (в качестве оккупационных войск)»¹³. В связи с этим Гальдер не упускал из вида состояние словацкой армии. 21 марта он встретился с военным атташе в Словакии генералом Отто, который доложил ему о численности командного состава словацкой армии, а именно: офицеров — по штату 1 196, налицо — 885; старших офицеров генерального штаба соответственно 37 и 16; генералов — семь и три; унтер-офицеров — 5 093 и 2 378¹⁴. Но еще 14 июня 1941 г. Гальдер записал в дневнике: «Словакии пока не следует сообщать никаких сведений об операции. После начала боевых действий словацкому командованию будет указано на необходимость приведения своих войск в боевую готовность, чтобы не допустить вторжения противника в Словакию»¹⁵. Соответствующие указания последовали 21 июня. Сразу после встречи с Гальдером Лудин испросил аудиенции у прогермански настроенного словацкого деятеля Войтеха Туки, которому и сообщил о «просьбе» фюрера. Для решения конкретных вопросов на встречу был приглашен Чатлош. Тука сказал ему о том, — как Чатлош вспоминал впоследствии, — что Германия официально сообщила о войне против СССР и хочет, чтобы Словакия, как и во время кампании против Польши, присоединилась к Германии. На это, по словам Чатлоша, он заявил, что словацкая армия может быть бомбардировкой советской авиации уничтожена еще во время выдвижения на передовые позиции и что это воспрепятствует выполнению Словакией ее союзнических обязательств. Прервав Чатлоша, Лудин заявил, что военно-технические вопросы должны решаться в соответствии с политическими потребностями. Тука заявил, что вопрос должен быть решен президентом¹⁶.

¹³ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 1–3. М.: МО СССР, 1968–1971. Т. 2. 17 марта 1941 г.

¹⁴ Там же. Т. 2. 21 марта 1941 г.

¹⁵ Там же. 14 июня 1941 г.

¹⁶ Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. (Biografický náčrt). Bratislava: Ministerstvo obrany SR, 1998. S. 43.

21 июня 1941 г. Чатлош, Тука и немецкий посланник были приняты президентом Й. Тисо. Тот долго раздумывал и был в нерешительности. Однако германский посланник торопил, и Тисо высказался не за объявление войны СССР, а за присоединение словацкой армии к германской армии, чтобы показать миру, что, как утверждал Чатлош, «мы были вынуждены это сделать»¹⁷. На допросе 15 января 1946 г.¹⁸ говоря о беседе с Тукой и Лудиным 21 июня 1941 г., Чатлош заявил: «Я, как военный министр, доложил им о состоянии армии, ее вооружении, готовности и перспективах развертывания согласно мобплану (мобилизационному плану. — В. М.), заявив при этом, что с точки зрения материальных и людских ресурсов вступление Словакии в войну будет малоэффективной помощью Германии». По словам Чатлоша, будучи военным министром, он проводил такую политику, чтобы «по возможности не воевать против СССР на стороне Германии, а сохранить в этой войне словацкий народ», поскольку считал, что «сопротивление маленькой Словакии германской армии привело бы в начале войны к истреблению словацкого народа». Находясь под контролем немцев, — утверждал Чатлош, — «мы не могли делать иначе. <...> Другого выхода не было. В противном случае Германия нас могла уничтожить»¹⁹. Трудно сказать, было ли в этих словах больше правды или желания реабилитироваться в глазах Москвы на завершающем этапе войны. Надо иметь в виду, что следовать в фарватере германской внешней политики Словакию обязывал и упомянутый выше так называемый Охранный договор (23 марта 1939 г.). Так или

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Том 1. Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армии генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г. Л. 8.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Т. 1. Протокол допроса Ф. Чатлоша от 15 января 1946 г., построенный в форме вопрос-ответ, написан от руки чернилами и каждый лист подписан Фердинанд М. Чатлош.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело Ф. Чатлоша. Собственноручные показания... Л. 9–10.

иначе, но учитывая желание своего патрона, гитлеровской Германии, и по собственной воле руководство Словакии приняло решение о фактическом участии в войне против СССР. 22 июня 1941 г. Ф. Гальдер записал в дневнике: «Словакия предлагает немедленно предоставить в наше распоряжение одну подвижную группу в составе усиленного полка, который к вечеру 23.06. сосредоточится в Прешове. Германское командование выразило свое согласие на участие этой группы в наступлении. Группа будет передана в 17 армию. Далее к 25.06. будут готовы две спешно отобилизованные дивизии, которые также будут переданы в 17 армию»²⁰.

О желании словацкого руководства вступить в войну Германии против СССР словацкий посланник в Москве Ю. Шимко узнал из сообщений германского и словацкого радио. 23 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов принял словацкого дипломата, который заявил, что словацкое правительство прерывает дипломатические отношения с СССР (договоренность об этом была достигнута осенью 1939 г.). При этом Шимко с недоумением отметил, что братиславские власти три недели назад при вступлении им в должность заверили его, что «не предвидится никаких угрожающих событий», и объяснил решение словацкого руководства тем, что «Словакия приняла защиту Германии и обязалась координировать с ней свою политику». Молотов, подчеркнув, что «дело Словакии решать вопрос об отношении к СССР», поинтересовался все же, имеются ли у нее поводы для «недовольства в отношении СССР». Шимко ответил, что, «по его сведениям, таких поводов нет»²¹. В ноте, врученной Шимко Молотову²², речь

²⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. 22 июня 1941 г.

²¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 275. Л. 1–3; Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXIV. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М.: Международные отношения, 2000. С. 22–23, 25, 26, 33, 45, 53.

²² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1981. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. С. 109 (далее — ДМИСЧО 4–1).

шла лишь о разрыве дипломатических отношений, но ничего не говорилось об объявлении войны. Интересно отметить, что словацкие власти готовы были оплатить наем здания словацкого представительства в Москве до 31 декабря 1941 г. При этом они, видимо, исходили из следующих соображений: вне зависимости от того, кто победит, Россия или Германия, а речь ведь шла о блицкриге, Словакия сохранит на российской территории свою миссию.

О нападении Германии на СССР советским дипломатам в Братиславе стало известно утром 22 июня. «Учитывая отношения, существующие между словацким и германским правительствами, — записал в дневнике исполняющий обязанности посланника СССР в Словакии С.А. Афанасьев, — я отдал распоряжение о подготовке дел к уничтожению». В 11 часов утра «к зданию миссии подошла толпа немцев. В окна полетели камни. Стоявшая у подъезда машина была подожжена. Сразу же после появления толпы было приступлено к уничтожению секретных материалов». Через некоторое время Афанасьеву была вручена нота МИД Словакии, извещавшая о том, что «вследствие тесных отношений, существующих между Словакией и Германией, на основе договора о защите, словацкое правительство решило порвать дипломатические отношения с СССР». «Сегодня Словакия объявила войну СССР», — так записал Афанасьев в дневнике, имея очевидно в виду фактическую сторону дела. В 8 часов вечера большая толпа снова прибыла к зданию миссии. «Это было после митинга у театра, где выступали шеф управления пропаганды Гашпар и руководитель словацких немцев Кармазин. Толпа начала громить окна и двери здания. Участники налета принесли с собой железные палки, с помощью которых сорвали цепь у двери подъезда. Но ни через дверь, ни через балкон проникнуть в здание не удалось. <...> Налет, несомненно, был организован фашистской немецкой партией». Словацкие власти усилили полицейские наряды у здания советской миссии. Защиту интере-

сов Словакии в Советском Союзе, как и СССР в Словакии, взяла на себя Швеция²³. С 23 июня 1941 г. Словакия без объявления войны Советскому Союзу воевала на стороне гитлеровской Германии. Словацкая республика единственная из всех ее союзников не порвала с ней до конца войны.

Следует заметить, что в декабре 1941 г., когда в войну вступили США, Словакия объявила войну и США, и Великобритании. Однако союзники по антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, войну Словакии не объявляли. Почему? Чехословакия являлась членом антигитлеровской коалиции, где она была представлена дипломатически признанными чехословацким эмигрантским правительством и президентом Э. Бенешем. Одной из целей коалиции было восстановление Чехословацкой республики в домюнхенских границах, за что Бенеш вел упорную дипломатическую борьбу²⁴. Поэтому союзники игнорировали *de facto* существующее словацкое государство²⁵, полагая, что его создание противоречит международному праву и поэтому неправомерно. Бенеша вполне устраивала такая позиция, более того, он сам всемерно содействовал ее утверждению. В чехословацкой ноте, направленной союзным правительствам 16 декабря 1941 г. и касавшейся отношения к Словакии, с удовлетворением констатировалось, что Советский Союз не заявлял о войне со Словакией, и что английское правительство, объявляя войну Финляндии, Венгрии и Румынии, «вообще не упомянуло о так называемом братиславском правительстве». Подчеркивалось, что чехословацкое правительство «принимает это решение с искренним удовлетворением и делает из этого вывод, что британское правительство, как и правительство Советского Союза, при-

²³ ДВП. Т. XXIV. С. 139–140.

²⁴ См. подробнее: *Марьина В.В.* Дипломатия Э. Бенеша после мюнхенского соглашения. 1939–1945 годы // Новая и новейшая история. 2009. № 4.

²⁵ *Ivaničková E.* Slovensko a slovanská otázka vo vojnových plánoch Veľkej Británie. 1939–1945 // Slovensko vo vojnách a konfliktoch v 20. storočí. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2003. S. 174–175.

знав правительство Чехословацкой республики <...>, просто игнорируют существование так называемого словацкого государства и считают его по праву тем, чем оно является в действительности: искусственной и временной конструкцией германской политики»²⁶.

Братиславское руководство, естественно, так не считало. Приняв решение о вступлении в войну на стороне Германии, оно надеялось извлечь для Словакии выгоду из победы Третьего рейха. Об этом, собственно, свидетельствуют и показания Чатлоша на допросе 15 января 1946 г.²⁷. На вопрос, какие мероприятия Чатлош стал проводить вслед за вступлением Словакии в войну, он ответил: «Чтобы доказать свою верность в служении интересам Германии и добиться этим самым получения территорий, находившихся под ведением Венгрии»²⁸, мы стремились как можно быстрее поддержать в войне Германию и опередить в этом вопросе Венгрию²⁹. Поэтому и военные приготовления начались незамедлительно. На другой день, 23 июня 1941 г. я вызвал к себе начальника штаба министерства обороны полковника Татарко и продиктовал ему содержание декрета о мобилизации призывных возрастов в словацкую армию, издал приказ о формировании новых словацких воинских частей и приступил к отправке войск на советский фронт. <...> В первых числах июля 1941 г. на фронт против Красной армии я отправил две боеспособные дивизии. Сам, как главнокомандующий, со своим штабом выехал в г. Хиров (Польша), <...> я вошел в подчинение немецкого командующего

²⁶ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha: Druževní práce, 1946. S. 471, 473.

²⁷ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Т. 1. Протокол допроса Ф. Чатлоша от 15 января 1946 г.

²⁸ Речь шла о территориях, отошедших к Венгрии на основании решения так называемого Венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г., а также оккупированных ею в марте 1939 г.

²⁹ 23 июня 1941 г. Венгрия разорвала с СССР дипломатические отношения, а 27 июня объявила ему войну.

оккупационными войсками Львовского округа — генерала фон Рокк. Кроме того, все военные вопросы я согласовывал с представителем верховного немецкого командования при моем штабе — генералом Отто». «Словацкие дивизии были размещены следующим образом: первая — генерал Малар, в городе Драгобыче; вторая — генерал Туранец, в районе г. Хиров. В это время, пока дивизии находились в тылу на охране коммуникаций, я отдал приказ обучать их и готовить к предстоящим боям». «В последних числах июля, — продолжил Чатлош, — согласно немецкому плану, свои дивизии я перебросил: первую в район Стрий и Самбор, вторую — в Гродек. Я со своим штабом переехал в деревню Любень в 60-и км от Львова. Вскоре я приказал из двух словацких дивизий сформировать одну, оснастить ее современным вооружением и техникой, которую, как наиболее подвижную, я отправил на фронт. Эта дивизия под командованием генерала Туранца была введена в бой против Красной армии на Днепре, южнее Киева. После этого, 13 августа 1941 г. из деревни Любень я возвратился в Братиславу». Здесь, по словам Чатлоша, он «принялся за подготовку все новых и новых контингентов для отправки на фронт как пополнение. Кроме того, я организовал отправку продовольственного питания, амуниции и боеприпасов для словацких войск, находящихся на восточном фронте». «Часть солдат старших возрастов вместо направлявшихся вновь обученных, — по словам Чатлоша, — отзывались с Восточного фронта домой. <...> Солдат, прибывавших в эшелонах, я приветствовал как главнокомандующий армией и министр обороны Словакии, выражал им благодарность за проявленную борьбу с большевиками, напутствовал их на труд во имя победы немецких и словацких войск». На вопрос, верил ли он в победу немецкого оружия, выступая идейно и с оружием в руках против Советской России, Чатлош сказал: «Да, я был глубоко убежден, что Германия победит Советскую Россию, и, со своей стороны, прилагал все усилия, чтобы словацкая

армия на советском фронте проявила бы себя положительно в оценке немецкого командования. Мои личные предубеждения против большевиков жили во мне еще со времен революции, когда большевики выступили против старых порядков, против религии — с чем я никогда не мирился — поэтому и в эту войну я прекрасно понимал это и выступал против Советской России». В известных автору данной статьи словацких исследованиях, касающихся оценок деятельности Ф. Чатлоша, эти его показания в принципе не опровергаются.

Словакия, сателлит и союзник Третьего рейха, с желанием или без оного вынуждена была играть роль, отведенную ей в написанном Гитлером сценарии. Делал это и Й. Тисо. Вместе с тем, со всей очевидностью, особенно в начале войны, он выступал как пособник нацистской Германии весьма охотно, что объяснялось его решительным неприятием идеологии и практики большевизма. Эта его позиция абсолютно совпадала с утверждениями Гитлера в заявлении от 22 июня 1941 г. в связи с вторжением германских войск на территорию СССР: «Наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра. <...> От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта <...>, в задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента»³⁰. Вторя Гитлеру и обосновывая участие Словакии в войне против СССР, Тисо говорил: «Опасность с Востока грозила не только нам, но всей европейской культуре, цивилизации, социальному благополучию и политической самостоятельности европейских народов. <...> Мы ни за что

³⁰ 1941 год. Документы. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Док. 612. С. 438.

не откажемся <...> от участия в борьбе против большевизма, которая является и борьбой за наше государство, за наш народ»³¹. Официальная словацкая пропаганда делала упор именно на антибольшевистских целях войны и необходимости защиты от «красной заразы» первого национально-го словацкого государства. В армейской газете «Slovenský vojak» появилась статья Тисо, в которой говорилось: «Солдаты, мы все гордимся вами <...>, в первый раз за тысячелетие вы боретесь за ваше собственное имя, за словацкую нацию, за словацкое государство. Вы заняли свое место в линии обороны против большевистской опасности. Вы обязались принять участие в славном германском фронте для того, чтобы предотвратить от опасности большевистского ада ваш народ и Европу»³². В одном из выступлений в августе 1941 г. Тисо утверждал: «Мы с Адольфом Гитлером останемся до самого конца»³³. Так и произошло: словацкий президент «благословил» подавление немецко-фашистскими войсками Словацкого национального восстания 1944 г., направленного под лозунгом воссоздания Чехословакии против существующего режима. Руководимое Тисо государство хранило верность фюреру до последних дней войны. Мотив «войны против красного большевизма» звучал и в приказе по армии, отданном Чатлошем 24 июня 1941 г. Словацкая армия под руководством победоносной германской армии, говорилось в приказе, «установила стальную завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и ее цивилизации. <...> Адольф Гитлер, вождь великой германской империи, правильно расценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать ее в Европе, а несчастному русскому народу дать свободу, <...> здесь нет речи ни о борьбе против русского народа, ни против славянства. <...> В этой борьбе,

³¹ Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava: Slovak Academic Press, 1992. S. 233.

³² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 83.

³³ Там же. Ф. 1386. Оп. 21. П. 34. Д. 6. Л. 11.

результат которой совершенно ясен, лучшее будущее в новой Европе найдет и русский народ»³⁴.

Однако вступление Словакии в войну против СССР даже в словацком истеблишменте одобряли не все, хотя предпочитали говорить на этот счет только в кругу близких и друзей. Открыто о поддержке СССР в выступлениях по лондонскому радио высказались некоторые словацкие политики, сторонники Бенеша, например генерал Р. Виест и Ю. Славик³⁵. В чехословацких воинских частях, сформированных на Западе еще до нападения Германии на СССР, находилось немало словаков. Непосредственная реакция в Словакии на ее участие в войне против СССР была неоднозначной, но, несмотря на усердие пропаганды, скорее негативной, чем одобрительной. Причины этого, как свидетельствуют донесения глав окружных управ Погронской жупы о положении на местах и настроениях населения, были разные³⁶. Прежде всего, следует отметить, что все проявления недовольства и несогласия, а исходили они преимущественно от коммунистов и славянофилов, немедленно пресекались властями: указанные лица либо направлялись в концентрационный лагерь Илава, либо ставились под надзор полиции. Из Банской Быстрицы, например, сообщалось, что, несмотря на спокойный ход мобилизации, усилились антивоенные настроения, растет «пропаганда шепотом», хотя угрозы общественному спокойствию и порядку пока нет. В районах Банской Штявницы и Брезно над Гроном волнений и недовольства не наблюдалось. Окружное начальство из Зволена сообщало, что хотя известие о разры-

³⁴ Цит. по: ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Т. 1. Собственноручные показания... Л. 66–68. См. также: *Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944)*. Bratislava: Veda, 2002. S. 186.

³⁵ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 5. Л. 56.

³⁶ *Hruboň A. Situačné hlásenia okresných načelníkov Pohronskej župy vo vzťahu k táženiu proti ZSSR za jún 1941 // Moderní dejiny Slovenska*. 2009. N 3. Опубликованы 13 донесений из районов (округов) Банска Быстрица, Банска Штявница, Брезно н/Гроном, Зволена, Добшина, Гнуштя, Крупина, Кремница, Ловинобана, Модры Камень, Нова Бая, Ревуца.

ве дипломатических отношений с Россией было встречено спокойно, но объявление военного положения вызвало рост напряженности и нервозности среди населения: «Значительно усилилась устная пропаганда, неожиданный военный конфликт с Россией инициировал обсуждение военных событий населением, распространение симпатизирующими России лицами тревожных слухов. <...> Мобилизованные являются с опозданием в 3–4 дня с неохотой и ропотом, что можно отнести на тот счет, что мобилизация их настигла на пике полевых работ. Начальник полицейского управления Зволена доносил: «Коммунисты, некоторые социалисты и евреи еще перед началом похода против СССР проявляли определенную радость и очевидно считали, что приходит их время. В первые дни немецко-русской войны эти элементы ожидали мощного наступления Красной армии и были удивлены успехами немецкой армии в СССР. Нынешнюю ситуацию они не считают совершенно безнадежной и ожидают, что поворот наступит приблизительно в течение 14 дней. Военная ситуация между Англией и Германией — вне поля зрения общественного внимания, более всего говорится лишь о боях в СССР». В Добшине конфликт с СССР принят населением с определенным удивлением и непониманием того, почему словацкое государство ведет войну против Советского Союза, который не имеет никаких территориальных посплзновений в отношении Словакии. Беспокойство по поводу войны и симпатии к СССР высказывают в основном рабочие и коммунисты. В Гнуште, согласно донесению, «все бывшие коммунисты с нетерпением ожидают известий о победоносном наступлении Красной армии», хотя проявлений какого-либо беспокойства не наблюдается. Население района Модры Камень сообщение о начале немецко-советской войны и вступлении в войну Словакии приняло с тревогой, но постепенно настроение улучшилось. Мобилизация во многих местах была встречена негативно, так как «пришлась на пик полевых работ».

В Кремнице мобилизация прошла относительно гладко, но без воодушевления, тоже по причине ее проведения на важном этапе полевых работ. В районах Крупина, Ловинобана, Нова Баня, Ревуца ситуация оставалась спокойной, возможные нарушители спокойствия (коммунисты) были либо отправлены в Илаву, либо поставлены под надзор полиции.

Приняв решение о немедленном вступлении в войну, Словакия стремилась тут опередить Венгрию, заслужить таким образом благодарность фюрера и склонить его к пересмотру решения Венского арбитража 1938 г. о передаче Венгрии южных словацких районов³⁷. Исходя из указания президента, Чатлош издал приказ о создании так называемой Быстрой группы (1 910 солдат и офицеров) под командованием судетского немца полковника генштаба Р. Пилфоусека. 24 июня 1941 г. эта воинская часть пересекла словацкую границу в районе Дуклинского перевала и вошла в подчинение 17-й немецкой армии, входившей в группу армий «Юг». 7 июля «Быстрая группа» была преобразована в «Быструю бригаду», личный состав которой насчитывал 3 546 человек, а к 20 июля — 4 902 человека³⁸. В ходе «тихой» мобилизации, проведенной с 22 июня по 4 июля 1941 г., численность словацкой армии многократно увеличилась. В начале июля 1941 г. Словакия имела на Восточном фронте под личным командованием Ф. Чатлоша 50 689 солдат и офицеров, которые находились во втором эшелоне немецкой армии, в то время как «Быстрая бригада» участвовала в боевых операциях на передовой. 22 июля она вступила в бой с советскими частями под Липовцем (Западная Украина), где понесла серьезные потери: 75 убитых, 167 раненых, двое попавших в плен, 17 без вести пропавших³⁹. В одной из советских до-

³⁷ Vojenské dejiny Slovenska a Slovákov slovom a obrazom / Vedúci aut kol. V. Segeš. Bratislava: Ministerstvo obrany SR v spolupráci s Vojenským historickým ústavom, 2013. S. 227.

³⁸ Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. S. 43–44.

³⁹ Vojenské dejiny Slovenska a Slovákov... S. 227–228.

кладных с Южного фронта об этом сражении говорилось так: «В бою было взято в плен до 40 человек словаков, которые при допросе заявили, что воевать против Советского Союза они не желают и ждут момента сдаться в плен, но по обстановке это не представляется возможным, так как наши части все время отходили <...>. Был случай, когда словаки пробовали бежать к нам группой. Немцы расстреливали их в спину. Несколько человек словаков обработаны и при отходе наших частей оставлены в лесах с задачей пойти обратно к себе и рассказать солдатам о договоре СССР с Чехословакией (18 июля 1941 г. — В. М.)»⁴⁰.

Германское командование было недовольно действиями словаков. Оказалось, что наспех сколоченные, слабо оснащенные и плохо организованные словацкие военные части медлительны и не могут «держат шаг» с мобильными, нацеленными на блицкриг немецкими войсками. 25 июля по согласованию с германским командованием Чатлош отдал приказ о реорганизации посланной на фронт словацкой военной группировки с целью создания «Быстрой дивизии» (в действительности, как оказалось, неполноценной моторизованной дивизии) для участия во фронтовых операциях и «Охранной дивизии» для выполнения задач на оккупированной гитлеровцами советской территории. Реорганизация словацких сухопутных частей на советско-германском фронте позволила вернуть в Словакию 35 623 человека их личного состава, т.е. примерно 2/3 отправленных на фронт. Ранее этот факт в исторической литературе объяснялся исключительно ненадежностью словацкой армии, недоверием немецкого командования к словацким солдатам и офице-

⁴⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 67. Л. 22. Цит. по: *Шмидт П.* История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. Дисс. (Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки). Воронеж, 2009. С. 67. Петра Шмидт опубликовала и монографию по теме диссертации: «Словаки на Восточном фронте. 1941–1944 гг. Воронеж, 2009», но автор, к сожалению, с книгой не знакома.

рам, якобы не желавшим воевать против русских. А вот как объяснял это сам Чатлош в 1964 г.: «Причина была в ином, не в неблагонадежности <...>. Немцы <...> требовали боевого эффекта от всех словаков на фронте! Я указал на две причины, которые не давали возможность выполнить немецкие требования: 1. Кроме Быстрой бригады, словацкая армия не располагает [такими] мобильными средствами, чтобы успеть в ходе боевых действий за быстрым передвижением [германских частей], как это было в 1941 г. Поэтому она не может выдержать темпа и отстает. 2. Командный корпус в словацкой армии сформирован по необходимости на скорую руку, многие командиры <...> не имеют необходимой квалификации и опыта командования частями вне мирной обстановки и на фронте, и опасаются, смогут ли справиться во время боя и не станут ли причиной непомерных потерь человеческих жизней, за которые я несу ответственность. Немцы после соответствовавшего обдумывания и совещаний со словацким верховным командованием, договорились с нами, что 50 689 бойцов, отправленных Тукой форсировано на фронт, мы сократим до такого числа, которому будет хватать моторизованных средств передвижения, а также командиров надлежащей квалификации. Вот аргументация общего сокращения словацкой армии в 1941 г.»⁴¹. 20 августа 1941 г., по сути, о том же говорилось и в словацкой газете «Gardista», полагавшей, что словацкие войска недостаточно хорошо обучены для ведения современной войны, и поэтому их отзывали с фронта⁴².

Похоже, что Чатлош был прав, говоря о главных причинах реорганизации словацкой армии и возвращении большей части ее личного состава на родину. А мифологема о быстром разложении словацкой армии, как причине ее снятия с Восточного фронта, возникшая еще во время вой-

⁴¹ Цит. по: Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. S. 44.

⁴² АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 7. Л. 6.

ны, позже была поддержана и развита чехословацкими и советскими историками. 23 августа 1941 г. в радиопередаче из Лондона, сообщавшей о том, что «на основе соглашения с германским военным командованием словацкое правительство отозвало свои войска, сражавшиеся с конца июня на восточном фронте», одновременно голословно утверждалось, что действительной причиной отзыва является массовое дезертирство из словацкой армии. Никаких доказательств и фактов при этом не приводилось⁴³. Выступая в Государственном совете СР 30 сентября 1942 г. Чатлош, хотя и допускал, что случаи перехода словацких солдат на советскую сторону, могли иметь место, но считал их единичными и расценивал, как вымысел вражеской пропаганды⁴⁴.

В то же время подпольная Коммунистическая партия Словакии (КПС) в листовке, обращенной к солдатам (10 июля 1941 г.), призывала их не воевать против Советского Союза, бороться на фронте «за освобождение нашего народа» плечом к плечу «со своими братьями в Красной армии» против действительных врагов, немцев и «продажных изменников»⁴⁵. Орган КПС газета «Hlas ľudu» в воззвании «Плечом к плечу с СССР за свободу словацкого народа» (июль 1941 г.) утверждала, что «солдаты и наш народ» «откажутся от преступной войны против братских советских народов, против родины социализма, единственной гарантии нашего окончательного освобождения», что словаки и словацкие солдаты встанут плечом к плечу с Красной армией «в борьбе против угнетателей за новую, счастливую жизнь»⁴⁶. В ряде обращений КПС к словацкому народу (август 1941 г.) содержался призыв отказаться от войны против Советского Союза, «повернуть оружие против клики фашистских властителей, против безумного разбойника Гитлера и преданных

⁴³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 51.

⁴⁴ Slovensko a druhá svetová vojna... S. 222.

⁴⁵ Slovenský národný archív (SNA). F. AÚML. ÚV KSS. a.j. 100.

⁴⁶ ДМИСЧО 4-1. С. 137-139.

ему псов» и утверждалось, что «героическое сопротивление словацких солдат — это проявление ответственности словацкого народа перед историей. Это делает понятным и то, почему словацких солдат вынуждены отправлять домой»⁴⁷. Опираясь на подобные материалы, историки ЧСР (ЧССР) вкупе с советскими (российскими) историками делали категорический вывод о том, что призывы коммунистов возымели действие, и словацкие солдаты отказывались воевать. Но в реальности все оказалось значительно сложнее.

Коммунисты не имели в армии такого влияния, как представлялось позже в историографии. Скорее всего, на умы и настроения солдат (в меньшей степени офицеров) влияла действительность, с которой они встретились на территории Западной Украины. Их поразили, судя по письмам на родину⁴⁸, убогость и нищета жизни населения, массовые захоронения расстрелянных жителей, убийства, которые выдавались пропагандой за дело рук исключительно большевиков, хотя это было не так⁴⁹. Во многих местах население Западной Украины встречало словаков цветами и хлебом-солью, они чувствовали себя освободителями и гордились собой. Сомневающиеся в правильности борьбы с Советами, если и были, то немного. Дезертирства как явления в это время в словацкой армии не наблюдалось. К тому же солдаты были предупреждены о введении за него смертной казни. Выходивший в Иерусалиме «Československý zpravodaj» (№ 4) в ноябре 1941 г. опубликовал сообщение о том, что по приказу германских военных властей словацкие части, отозванные с советско-германского фронта, на родине были интернированы, разделены на мелкие соединения и размещены

⁴⁷ ДМИСЧО 4–1. С. 159, 162.

⁴⁸ Dotyky s boľševizmom. Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941 / Ed. M. Lacko. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2009.

⁴⁹ О пребывании словацкой армии в Западной Украине см. подробнее: *Марьина В.В.* Словаки на Восточном фронте (Западная Украина) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности.* М., 2013. Кн. 1. С. 334–347.

в лагерях. Солдатам и офицерам не разрешалось вступать в контакт с семьями⁵⁰. Возможно, так и было на самом деле, поскольку власти опасались перенесения «большевистской заразы» на словацкую почву и стремились ее предотвратить. По словам Чатлоша, с начала войны против СССР и до марта 1942 г. словацкая армия понесла следующие потери: погибших и умерших — 271 человек, без вести пропавших (скорее всего, военнопленных) — 51, раненых — 616, пострадавших в результате несчастных случаев — 290, заболевших (возможно, среди них были и симулянты. — В. М.) — 940⁵¹.

В общем, по мнению словацких властей, да и германского командования, в эти первые месяцы антисоветской войны словацкая армия проявила себя достойно и нуждалась лишь в реорганизации и перевооружении. В конце октября 1941 г. большая словацкая делегация во главе с Тисо, Тукой и Чатлошем посетила ставку Гитлера «Вольфшанце» в Восточной Пруссии, где велись переговоры по военным вопросам. Словаки настаивали на перевооружении «Быстрой дивизии» немецким оружием. В. Кейтель, хотя и не отрицал необходимость этого, но заявил, что пока оружие будет поставляться только в немецкую армию, которая несет большие военные потери на советско-германском фронте. Принявший делегацию Гитлер похвально отзывался о храбрости словацких солдат и заявил, что Германия об этом никогда не забудет. Чатлош и Кейтель были награждены соответственно немецким и словацким военными орденами. Затем делегация посетила ставку Г. Геринга и просила хотя бы о перевооружении словацкой авиации, участвующей в боях на советско-германском фронте. Но и здесь никаких конкретных обещаний словаки не получили⁵².

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 5. Л. 55.

⁵¹ Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš... S. 45.

⁵² Baka I. Účasť Slovenskej Republiky v prvej fáze vojny proti ZSSR z pohľadu nemeckých vojenských orgánov // Vojenská história. Bratislava. 2008. N 3. S. 54–57.

К середине декабря 1941 г. численность словацкой действующей армии составляла 15 тыс., колеблясь в отдельные осенние месяцы от 12 до 18 тыс. человек⁵³. Был учрежден почетный знак дивизии «За службу на Восточном фронте». Формально «Быстрая дивизия» организационно не входила в состав немецкой армии, подчиняясь германскому командованию только в оперативном отношении. Для координации действий командования дивизии с германским командованием при ней был создан специальный «Немецкий связной штаб». На деле он управлял дивизией и контролировал деятельность ее командования. Все распоряжения вышестоящего немецкого командования поступали в связной штаб, разрабатывались им и уже в виде готовых директив передавались для исполнения командованию дивизии. Как пишет историк Петра Шмидт, этот штаб осуществлял контроль над боевой деятельностью и политико-моральным состоянием личного состава дивизии при помощи тех немцев, которые в качестве офицеров, унтер-офицеров и солдат, находились на службе в словацкой армии. По свидетельству пленного словацкого офицера, в связном штабе работали пять немецких офицеров. Они держались особняком, и к ним словацкие офицеры редко заходили⁵⁴.

К сентябрю 1941 г. словацкая «Быстрая дивизия» под командованием полковника Й. Туранца продвинулась в район к югу от Киева. Приданные ей словацкие авиачасти принимали участие в штурме Киева, который был взят немцами 19 сентября. Словацкая авиация наносила удары по наземным целям, переправам, пехоте, авто- и танковым колоннам Красной армии, выполняла разведывательные задания⁵⁵. Командование словацких военно-воздушных сил получа-

⁵³ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 193–194.

⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 230. Л. 190 (Цит. по: Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии... С. 73–74).

⁵⁵ Котлововский А. ВВС Словакии на Восточном фронте в 1941 г. (URL: <http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/slovak41/slovak41.html>).

ло и выполняло приказы, направляемые ему немецкой военно-воздушной миссией при МНО Словакии. Действия словацкой военной авиации, располагавшей в основном самолетами устаревших образцов, оценивались ею в целом весьма положительно. В связи с заслугами словацких военно-воздушных сил и понесенными ими потерями при выполнении задач по охране наступающих немецких войск миссия предлагала передать словакам немецкие самолеты современного образца⁵⁶.

После участия в боях за Киев «Быстрая дивизия» была переведена в резерв немецкой группы армий «Юг». С конца октября 1941 г. под командованием полковника генштаба А. Малара дивизия в составе вермахта вела наступление и бои в направлении Белая Церковь, Кременчуг, Ростов-на-Дону, Запорожье. Словацкое руководство чувствовало себя равным партнером гитлеровцев в войне на Восточном фронте. Об этом свидетельствует такой эпизод. В феврале 1942 г. в Братиславу прибыл В. Кейтель для обсуждения с Тисо, Тукой и Чатлошем вопроса о довооружении словацкой армии. Фельдмаршал говорил о трудностях со снабжением даже немецкой армии, и тогда Тука предложил для облегчения положения словацкой армии на Восточном фронте передать словакам под контроль и управление территории, на которых действовали словацкие вооруженные силы. Кейтель, видимо, был ошарашен таким предложением и не захотел развивать тему, порекомендовав обратиться по этому вопросу к имперскому министру оккупированных восточных территорий А. Розенбергу. Главнокомандование немецких сухопутных войск, как пишет словацкий историк И. Бака, не придавало большого значения участию словацкой армии на фронте⁵⁷. Скорее тут преобладали политические, а не военные доводы.

⁵⁶ *Baka I., Meško M. Vstup slovenských vzdušných zbraní do vojny proti ZSSR v hláseniach Nemeckej leteckej misie // Vojenská história. 2010. N 1. S. 94–112.*

⁵⁷ *Baka I. Účasť Slovenskej republiky v prvej fáze vojny proti ZSSR... S. 47–65.*

В июне 1942 г. немецко-фашистские войска предприняли наступление с конечной целью освободить путь на Кавказ и овладеть нефтеносными районами Прикаспия. Велась подготовка к участию в этих военных операциях и «Быстрой дивизии». Германское командование, со «скрипом» решавшее вопрос о ее довооружении, в конце концов, поставило в дивизию танки, орудия противовоздушной обороны и артиллерию. Одним из серьезных испытаний для словацкой армии стали бои за Ростов-на-Дону, которые начались в конце июля 1942 г. Особенно отличилась дивизия в сражении за населенный пункт Генеральское, последнее серьезное препятствие на пути к Ростову. «В районе Генеральское, — написал словацкий историк П. Мичианик, — словацкие войска первый раз преодолели хорошо укрепленную и упорно защищаемую советскую линию обороны самостоятельно без немецкой помощи. Это был единственный боевой успех. Сразу же после боя Туранец наградил наиболее отличившихся медалью “За героизм”. Солдаты переименовали населенный пункт Генеральское в “Туранецкое” и вывесили это название [на виду]. Заслуги словацкой армии оценило и немецкое командование»⁵⁸. Бои за Ростов-на-Дону велись с 23 по 25 июля 1942 г., упорные сражения шли за каждый дом, каждую улицу. Участвовали в них и словаки, которые имели самостоятельную задачу (пройти через город и выйти на другой берег реки Дон) и выполнили ее. Туранец был горд: «Мы были первыми, кто создал за Доном предместье». Во время боев словаки взяли много трофеев и пленных. Немецкое командование высоко оценило заслуги словацкой армии во взятии Ростова: 29 солдат и офицеров были награждены «Железными крестами», а Туранец получил от Гитлера «Рыцарский крест». Поздравил Туранца от имени всего словацкого народа и президент Тисо. Чатлош сам побывал на месте сражений и

⁵⁸ *Mičianik P. Rýchla divízia v nemeckej ofenzíve na Rostov // Vojenská história. 2009. N 2. S. 55–57.*

вручил ордена командиру и 22 солдатам и офицерам дивизии⁵⁹. С конца июля 1942 г. началось движение «Быстрой дивизии» на Северный Кавказ.

Как теперь известно, дивизия участвовала и в карательных акциях против партизан и помогавшего им мирного населения. Предтечей таких акций, как пишет Й. Быстрицки, явился приказ командира «Быстрой бригады» Р. Пилфоу-сека от 17 июля 1941 г., в котором, в частности, говорилось: «Немедленно после вхождения в жилое помещение прежде всего выяснить, не находятся ли там бывшие функционеры коммунистической партии и арестовать их. Потом призвать проживающих там сдать имеющееся у них оружие и провести не только у них, но и во всем населенном пункте тщательные обыски. Те гражданские лица, у которых после этого будет найдено какое-либо оружие, следует рассматривать как партизан и преступников и в соответствии с этим действовать. В случае, если бы гражданское население стреляло по нашим частям, следует дом, из которого стреляли, окружить и поджечь. Каждого, кто попытался бы выбежать из горящего дома, надо застрелить. В случае, если в отношении наших солдат ночью будет совершено какое-либо насилие, следует злоумышленника застрелить. Если же его невозможно будет найти, то я приказываю расстреливать за каждого нашего солдата либо 10 бывших коммунистических функционеров, либо евреев»⁶⁰. Однако тогда до реализации этого приказа дело не дошло.

А год спустя, 23 августа 1942 г., Й. Туранец издал приказ по дивизии, в котором говорилось: «1) С сегодняшнего дня каждого партизана, который будет захвачен с оружием в руках или со спрятанным оружием, следует расстреливать на месте без допроса. 2) Для устрашения следует повесить нескольких расстрелянных партизан на многолюдном месте

⁵⁹ *Mičianik P.* Rýchla divízia v nemeckej ofenzíve na Rostov. S. 68–69.

⁶⁰ *Slovensko a druhá svetová vojna...* S. 210.

у дороги с надписью “партизан”. 3) Каждая часть, которая размещена в определенном населенном пункте, немедленно после прихода туда должна взять не менее 5 наиболее известных жителей в качестве заложников. После этого надо объявить по всей деревне, что, если в ней или в ее окрестностях партизаны нападут на какого-нибудь военнослужащего словацкой армии, заложники будут немилосердно казнены. В этих целях каждая часть уже заранее должна создать группу для свершения казни (примерно 1+10), которую следует вооружить русским оружием и боеприпасами». Первая казнь партизана в районе расположения «Быстрой дивизии» была совершена 28 августа 1942 г. в деревне Абхазская. Еще пять партизан казнили на следующий день, а потом двоих повесили на площади в станице Имеретинская⁶¹. Но и в это время имели место, правда немногочисленные, переходы словаков на сторону Красной армии и партизан. В связи с этим командование дивизии приняло решение об усилении контроля за настроениями солдат со стороны офицеров и принятии некоторых предупредительных мер. В специальной инструкции Туранаца на этот счет говорилось, что на основе решения министерства внутренних дел Словакии у родственников перебежчиков будет немедленно изъято все их имущество, а на их домах вывешено объявление: «Здесь жил дезертир и предатель словацкой крови»⁶². По свидетельству военнопленных словаков, карательные меры, вплоть до расстрела, принимались и против собственных солдат, не желавших выполнять приказы командиров об отправке на передовую и выражавших антивоенные настроения⁶³. Вместе с тем, согласно известным ныне данным, издавались и приказы, в которых запрещалось жестокое обращение с местным населением, изгнание его из домов, грабеж имущества, насильование женщин и т.д.

⁶¹ Slovensko a druhá svetová vojna... S. 211–213.

⁶² См.: Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии... С. 95.

⁶³ Там же. С. 110–112.

Словацкая армия мало чем отличалась от оккупационной немецкой, приказам которой она подчинялась, и в вопросе о военнопленных. В соответствии с распоряжением Чатлоша каждый словацкий солдат, пленивший красноармейца, мог просить о предоставлении его семье определенного числа военнопленных в качестве рабочей силы. В Словакии для их содержания было создано два лагеря, однако, согласно имеющейся на сегодняшний день информации, они туда не доставлялись, поэтому и распоряжение Чатлоша на практике не выполнялось. Известны случаи расстрела советских военнопленных на месте⁶⁴. В первые два месяца войны в плен к словакам попало около 400 советских военнослужащих, которые сначала сосредоточивались в сборном пункте в Хирове, а затем переправлялись в немецкие концентрационные лагеря. Словацкие власти, таким образом, сняли с себя ответственность за судьбу советских военнопленных. На территории Словакии они не хотели их содержать, поскольку не видели выгоды в этом, а кроме того, опасались их возможных контактов со словацким населением, реакцию которого невозможно было предвидеть⁶⁵. Согласно воспоминаниям словаков, побывавших на Восточном фронте, случалось, что советских военнопленных оставляли без надзора при тыловых службах словацкой армии, и они работали за еду, курево, одежду, не пытаясь совершить побег. От высшего армейского начальства подобные случаи скрывались.

В сентябре — декабре 1942 г. «Быстрая дивизия» выполняла приказ немецкого командования об обороне побережья Азовского моря, где занимала полосу от г. Мариуполь до устья реки Миус. Одновременно до января 1943 г. происходила ее передислокация на Северный Кавказ, в район

⁶⁴ *Mičianik P. Vojnové zločiny slovenských vojakov 1941–1944 // Moderní dejiny Slovenska. 2009. N 1. (раздел: Преступления против военнопленных на Восточном фронте).*

⁶⁵ *Slovensko a druhá svetová vojna. S. 243–244.*

г. Кропоткин. Осенью 1942 г. — зимой 1943 г. дивизия теперь уже под командованием полковника генштаба Штефана Юреха участвовала в ряде крупных сражений (за г. Туапсе, Горячий ключ), а после того, как Красная армия стала теснить немецко-фашистские войска, прикрывала отход основных немецко-румынских сил, неся при этом значительные потери. В это время и стало известно о поражении немцев под Сталинградом. В дивизии, где длительное время не проходило ротации личного состава, усилились антинемецкие и антивоенные настроения. Юрех отдал приказ, в котором все самовольно оставившие позиции объявлялись трусами, а офицерам предписывалось расстреливать проявивших неповиновение на месте. Если же командир отказывался от расстрела, то сам должен был предстать перед военно-полевым судом с вынесением приговора: «расстрелять». Однако, как написал Мичианик, этот приказ рассчитан был скорее на психологическое воздействие и на практике не реализовывался. Несмотря на антивоенные настроения, случаев перебежки солдат на советскую сторону в это время было немного: под действием пропаганды о расправах с попавшими в советский плен солдаты предпочитали либо действительно сражаться, либо имитировать свою активность. В ноябре 1942 г. части дивизии вошли в Краснодар. Первый раз на ее вооружении появились танки, а на аэродроме в Майкопе приземлилось звено (семь самолетов) словацких истребителей, которые действовали в рамках немецкой военной авиации⁶⁶.

В январе 1943 г. была предпринята попытка осуществить переход дивизии под командованием Юреха на сторону Красной армии, но по ряду объективных и субъективных причин попытка не удалась. В советских аналитических донесениях этого времени утверждалось, что большинство словацких солдат тяготеет к пребыванию на фронте и не

⁶⁶ *Mičianik P. Posledné útočné akcie slovenskej Rýchlej divízie na Kaukaze. Posledný útok na Tuapse // Vojenská história. 2009. N 4. S. 32–56.*

желает участвовать в активных действиях против Красной армии, что, как следует из донесений, не является следствием панславистских настроений и симпатий к Советскому Союзу, а возникает из враждебности к гитлеровской Германии и из убежденности в вынужденном пребывании на советско-германском фронте, как временной военной обязанности. Поэтому основная масса солдат, по мнению советских военных аналитиков, по сути, разделяемому современными словацкими исследователями проблемы, была проникнута мыслью: сохранить свою жизнь на фронте и благополучно вернуться на родину⁶⁷. Один из военнопленных словаков на допросе показал: «Русские хотят воевать, а немцы уже устали <...>. Многие даже немецкие солдаты уже сыты войной по горло, а о союзниках и говорить нечего. Ни румыны, ни словаки не хотят воевать и ненавидят немцев. Русские же дерутся, как черти»⁶⁸.

Хотя в это время была проведена частичная ротация личного состава дивизии, и она получила новую технику, это не улучшило общую обстановку и настроение в частях. После того, как было остановлено немецкое наступление в направлении Грозный — Нальчик и похоронена надежда на захват нефтеносных районов Закавказья, немецко-фашистские войска сначала перешли к обороне, а затем начали отступление. Вместе с ними отступала и «Быстрая дивизия», причем в панике, хаотично. Случалось, словаки переодевались в гражданское платье и прятались у местных жителей, которые неплохо к ним относились⁶⁹. Об этом сообщалось,

⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 302. Л. 147 (Цит. по: *Шмидт П.* История боевых действий частей Красной армии... С. 141–142).

⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 224. Л. 263–264 (Цит. по: *Шмидт П.* История боевых действий частей Красной армии... С. 140).

⁶⁹ Пленный словацкий солдат на допросе показал: «Обращение словацких войск с местным населением в основном было хорошее. Стоявшие на квартирах у частных граждан солдаты и офицеры обычно покупали или меняли нужные им продукты у населения. Реквизиция была воспрещена. Однако были случаи грабежа частных граждан словацкими солдатами. Если об этих фактах узнавало командование, солдаты, виновные

например, в одной из советских военных сводок от 11 марта 1943 г.: «Очень много словаков, ожидая прихода Красной армии, остались в Краснодаре, Васютинской, Белореченской, Славянской, Иловайской и других населенных пунктах»⁷⁰. Перед началом отступления командование немецкой армии, в которую входила «Быстрая дивизия», отдало приказ, в котором говорилось, что при отступлении можно забирать у мирного населения все, в том числе скот, продукты, вещи. Пленный словацкий офицер так описывал последовавшие за этим события: «Тогда начался форменный грабёж. В станицах Старо-Корсунской, Кубанской, Васуринской и других солдаты, как мародеры, грабили у населения все, что только можно было забрать с собой — коров, овец, свиней, гусей, кур, масло, хлеб, постельные вещи, часы, драгоценности, патефоны. Все это либо конфисковывалось, либо просто отнималось солдатами»⁷¹. Поэтому, видимо, нельзя утверждать однозначно, что отношения словаков с местным населением складывались хорошо или плохо. Имело место и то, и другое. Все зависело от ситуации, обстоятельств, людей. П. Шмидт приводит на этот счет массу документов из фондов Центрального архива министерства обороны РФ.

Нельзя также утверждать, что поголовно все военнотружающие словацкой армии в это время не хотели воевать на Восточном фронте и готовы были нарушить данную ими присягу. Представляется, что таких людей было больше в специальных, в какой-то степени элитных, подразделениях словацкой армии, чем в пехоте. О боевых действиях словацких танковых и авиационных частей сейчас известно уже много. Есть сведения о том, что иногда боевые машины намеренно

в мародерстве, подвергались наказанию» (ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 230. Л. 185, 186 об. (Цит. по: Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии... С. 166).

⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 224. Л. 156 (Цит. по: Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии... С. 160).

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 230. Л. 144, 144об. (Цит. по: Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии... С. 174–175).

повреждались словаками и отправлялись в тыл для ремонта, но одновременно и во время войны, да и теперь, говорилось и писалось о «героических подвигах» словацких танкистов и летчиков на советско-германском фронте. Например, звено истребителей под номером 13, участвовавшее в боях на южном фронте, получив немецкие самолеты марки Мессершмитт, повысило результативность боевой деятельности настолько, что в марте 1943 г. заслужило похвалу имперского маршала авиации Г. Геринга, в телеграмме которого на имя командира звена О. Дюмбала говорилось: «Я получил сообщение, что находящееся под Вашим командованием звено истребителей в короткое время одержало 50 воздушных побед в совместных боях против большевистских неприятелей. Этот достойный гордости успех выдающихся словацких летчиков-истребителей, которые особенно проявили себя во время жестоких зимних боев на юге восточного фронта, наполняет меня чувством радостного удовлетворения. Вам и всему экипажу Вашего звена я передаю свою благодарность и личную признательность с пожеланием дальнейшего воинского успеха»⁷². Таковы документы.

Но в целом морально-политическое состояние словацкой «Быстрой дивизии», дислоцированной на Северном Кавказе в начале 1943 г., не позволяло ей успешно противостоять наступавшей Красной армии. В районе станицы Саратовской словацкие части попали в окружение, но сумели вырваться, бросив при этом все тяжелое вооружение и технику. Многие солдаты и офицеры попали в плен или перешли на сторону Красной армии добровольно. На допросах они показали, естественно, опираясь при этом на личный опыт и свои впечатления, как проходило отступление, каково было настроение в словацких частях, как складывались отношения с немецким командованием и военнослужащими, а также с местным населением. Часть этих докумен-

⁷² Slovensko a druhá svetová vojna. S. 271–272.

тов, хранящихся в ЦАМО РФ, опубликована П. Шмидт⁷³. Приведем некоторые из них. В одной из советских сводок говорилось: «Словацкая мотодивизия, вследствие ее глубокой деморализации, по приказу немецкого командования 24–26 января 1943 г. была отведена с передовых позиций. В период ее отвода дивизия окончательно развалилась. Она лишилась почти всей своей техники, военного имущества, автотранспорта. Словацкие солдаты добровольно большими группами сдавались в плен Красной армии. Например, 29 января добровольно сдались в плен 54 словака во главе с 4 офицерами». Допросы пленных позволили представить ход отступления дивизии: дивизия отступала «очень беспорядочно. Многие удирали, переодевшись в гражданское платье. Они скрываются еще в Краснодаре и других местах. Через Краснодар дивизия проходила 2, 3, 4 и 5 февраля. Многие шли без оружия. Нашей дивизии как таковой уже не существует. В плену многим не хотелось оставаться. Каждый стремится попасть домой». Подпоручик младший лейтенант С. Носко рассказал: «Дивизия начала отступление из Горячего Ключа и Ключевой вечером 25 января. Артиллерийские и специальные части начали отходить раньше. Немцы опасались, что словаки могут перейти на сторону Красной армии, и поэтому отвели наши части раньше, чем свои. Отступление велось беспорядочно. От командования дивизии был получен приказ: “Отступайте, кто как может”». Подпоручик Й. Кашшак заявил: «Я сознательно и добровольно пошел в плен к русским, как это сделали мои товарищи. Мы пришли сами и привели своих солдат, за которых мы отвечаем перед нашим народом, и у нас теперь одно желание — воевать против немцев в рядах Чехословацкого легиона⁷⁴. Воевать мы будем все, и я в том числе, честно.

⁷³ Шмидт П. Начало распада словацких войск на советско-германском фронте в 1943 г. (по материалам опросов военнопленных) // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2009. № 3 (22). С. 69–74.

⁷⁴ Имеется в виду чехословацкая воинская часть под командованием Л. Свободы, сформированная в СССР и сражавшаяся на советско-германском фронте бок о бок с Красной армией.

Со злобой, не так, как воевали в мотодивизии. Покажем немцам, что значит обученный словацкий воин, покажем так, что советское командование скажет нам “браво, словаки”. Во время отступления гитлеровцы отбирали у словаков автомашины, но словаки не хотели отдавать их, ругали немцев и у них на глазах поджигали машины, заявляя: “Немцу капут и машинам капут”. Во время отхода словаки не хотели брать с собой ничего. Они бросали орудия и минометы, машины с вооружением и продовольствием. В Пашковской командование собрало весь наличный состав обоих полков и произвело учет всего личного состава. Офицеры объявили тогда солдатам, что словаки через Крым уходят на родину. Словаки были рады отходу и рассматривали его, как возвращение в Словакию. Словаки радовались поражению и отступлению немцев». По сведениям пленных, командир «Быстрой дивизии» Юрех в начале февраля улетел в Словакию. В справке VII отдела политуправления Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта от 11 марта 1943 г. говорилось: «Соединения Черноморской группы войск пленили не менее 300–400 словацких солдат и офицеров. Очень много словаков, ожидая прихода Красной армии, осталось в Краснодаре, Васюринской, Белореченской, Славянской, Ивановской и других населенных пунктах»⁷⁵.

Вышедший из окружения личный состав дивизии был эвакуирован в основном по воздуху, а частично морем, в Крым. Здесь большинство словацких войск находилось до октября 1943 г. Начались их довооружение и переобучение с помощью германских инструкторов, нацеленные преимущественно на ведение оборонительных боев и выполнение охранных функций. Общее состояние боеготовности дивизии, а также подготовка и поведение офицеров, оценивались немецким командованием очень низко. Немецкий военный атташе в Словакии генерал Ф. Шлиепер,

⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 224. Л. 154–155 (Цит. по: Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии... С. 150–151).

описывая положение дел в дивизии в период ее пребывания в Крыму (справка подготовлена им в ноябре 1943 г.), констатировал нарастание тенденций к разложению дивизии, ее недостаточное вооружение, чрезвычайное падение мобильности». Шлипер полагал, что дивизия пригодна лишь для несения охранной службы «без контакта с неприятелем»⁷⁶. «Быстрая дивизия», уже не соответствовавшая своему названию, была преобразована согласно приказу Чатлоша от 1 августа 1943 г. в 1-ю пехотную дивизию. Впоследствии он так объяснял это: «Название “Быстрая дивизия” стало беспредметным, ибо транспортные средства и вооружение, которые делали дивизию быстрой, остались на Кавказе; настолько быстро пришлось бежать оттуда, чтобы спасти себя»⁷⁷.

В июне — первой половине сентября 1943 г. в задачу словацких войск входило прикрывать морские проливы и берег Сиваша, возводя там оборонительные укрепления. Отдельные подразделения дивизии были размещены в Саки, Симферополе, Ялте, Севастополе. Личный состав дивизии 1 сентября 1943 г. составлял 10 521 человек. С местным населением, как пишет П. Мичианик, у словаков были добрые отношения, и они «чувствовали себя, как во время приятно-го отпуска». Многие научились говорить и понимать по-русски, так что быстро знакомились с местной молодежью, особенно с девушками, организовывались вечера танцев под гармонь. Гражданское население, а также военнопленные привлекались для работы в прачечных, на кухнях, в офицерских столовых. Но одновременно на добровольной основе формировались отряды по борьбе с партизанами. Несмотря на усиленную пропаганду, антивоенные настроения

⁷⁶ *Csefalvay F., Tulkisová Ja. Správa nemeckého generála pri slovenskom MNO genpor. Fritz Schliepera z 27 novembra 1943 // Vojenská história. 2013. N 4. S. 120–121.*

⁷⁷ *Bystrický J. Rychlá (1. pešia) divizia na Kryme a v bojoch na juh od Kachovky // Vojenská história. 2003. N 3. S. 57.*

в дивизии продолжали усиливаться, уже открыто выражалось несогласие с войной на стороне Германии, говорилось о ее поражении и симпатиях к СССР. Командир дивизии Юрех, опасаясь ее рассредоточения немцами, издал приказ о недопущении «высказываний, направленных против немецкой армии и немецкого народа». Запрещались подрыв авторитета немецкого командования, высказывание симпатий к местному населению и советскому режиму, вмешательство в инциденты между немецкими частями и местным гражданским населением, препятствие выполнению служебных обязанностей немецкой тайной полицией и жандармерией. Каждый военнослужащий дивизии обязан был дать расписку в том, что «в случае распространения подрывной пропаганды» он может быть наказан вплоть до смертной казни⁷⁸. К концу сентября 1943 г. реорганизация, переобучение и довооружение 1-й пехотной дивизии (1 ПД) были завершены.

К этому времени стало окончательно ясно, что Германия проиграла войну. Руководство Словакии стало задумываться о том, как предотвратить отправку дивизии на передовую. 25 августа словацкое правительство постановило, что привлекаться к выполнению боевых задач дивизия может только с согласия на это Чатлоша. 2 сентября он направил Шлиеперу письмо, в котором говорилось, что боевой дух дивизии подорван, что дезертирство солдат и их пленение могли бы иметь неблагоприятные для Словакии внутриполитические последствия и что поэтому она, не отказываясь от участия в войне, намерена участвовать в ней чисто символически, поскольку ее судьба тесно связана с Германией. Информирова об этом Центральное разведывательное управление (Абвер), Шлиепер писал, что решение словацкого правительства было обусловлено «сомнениями в конечной немецкой победе», «сомнениями в необходимости прино-

⁷⁸ *Mičianik P.* Slovenská 1. pešia divízia na Kryme (august-október 1943) // *Vojenská história*. 2010. N 2. S. 31–34.

силье жертвы во имя цели <...>, которую уже невозможно достичь». Согласно Шлиеперу, «словаки явно хотят извлечь выгоду из нынешнего трудного немецкого положения, чтобы добиться определенного ослабления зависимости от немецкой империи». Считая, что боевая ценность дивизии действительно мала, Шлиепер полагал, что она полностью готова для охраны морских проливов и побережья Крыма.

6 сентября 1943 г. в Симферополь прибыл Чатлош. Вместе с Юрехом они посетили командующих крымской группировкой немецких войск генерала Фёрстера и маршала Клейста. Чатлош ознакомил их с решением словацкого правительства и от его имени просил, чтобы 1-я ПД не привлекалась для участия в боевых операциях на передовой линии фронта. Однако германское командование (маршал Клейст) посчитало, что отдохнувшая и перевооруженная словацкая дивизия гораздо больше готова к боевому противодействию Красной армии, чем потрепанные немецкие фронтовые части. В конце сентября 1943 г. командиром дивизии вместо Ш. Юреха был назначен артиллерийский полковник Е. Лендвай.

Вечером 29 октября 1943 г. бо́льшая часть 1-й словацкой пехотной дивизии сразу после двухдневного марш-броска была отправлена на передовую в район Аскания Нова — Дмитриевка (у Каховки, к западу от Мелитополя). Предполагалось, что словаки будут дислоцированы во второй линии обороны (позади) немецких войск. Перед дивизией была поставлена задача задерживать прорвавшиеся советские части на участке протяженностью примерно в 30 км. Но действительность оказалась иной: немецких войск перед словацкими частями, которые не имели собственных противотанковых орудий, не оказалось. Утром 30 октября советские танковые и кавалерийские части начали неожиданное для словаков наступление. Застигнутые врасплох, они начали массово и без сопротивления сдаваться в плен. Некоторые делали это вынужденно, другие добровольно и

осознанно. 1-я пехотная дивизия потеряла 2 200 человек личного состава⁷⁹. Покинутые командирами, многие из которых, заботясь о собственной безопасности, первыми бежали с поля боя, разрозненные группы словацких солдат и офицеров в панике хаотично отступили за реку Днепр⁸⁰. Затем отходившие вдоль побережья Черного моря на запад части 1-й словацкой пехотной дивизии, всего примерно 5,5 тыс. человек, были сосредоточены по приказу немецкого командования в специальном сборном пункте. Генерал Шлиепер, оценивая состояние остатков 1-й ПД, докладывал о невозможности использования дивизии на фронте: в офицерском корпусе, среди младших командиров и в частях «отсутствует желание воевать». Шлиепер, не рекомендовал использовать дивизию и в борьбе против партизан, считая, что вследствие возможности договориться с местным населением, быстрого влияния на словацких солдат враждебной пропаганды при отсутствии надлежащей воспитательной работы и, главным образом, вследствие своего менталитета «словак для борьбы против банд абсолютно непригоден». Дивизия, по мнению генерала, «станет для нашего командования не подмогой, а обузой». Генерал считал возможным использовать дивизию как строительную часть за пределами СССР и Словакии⁸¹. В конце 1943 г. — начале

⁷⁹ В 1944 г. переобученные и «перевоспитанные» словаки составили основное ядро 2-й парашютно-десантной бригады 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР, во время Словацкого национального восстания 1944 г. были переброшены на повстанческую территорию, а после его подавления сражались в горах как партизаны.

⁸⁰ Немецкие военные аналитики тщательно изучили положение дел в 1-й словацкой пехотной дивизии и выявили военно-политические причины ее поражения под Каховкой, умолчав при этом об общем состоянии немецких вооруженных сил на советско-германском фронте в ту пору и роли командования вермахта в этом поражении. Документ опубликован на немецком и в переводе на словацкий язык: см. *Cséfalvay F. Nemecký dokument o zlyhaní slovenskej 1 pešej divízie v októbri 1943 (I časť) // Vojenská história. 2007. N 1. S. 128–144; (2 časť) // Vojenská história. 2007. N 2. S. 117–129.*

⁸¹ *Cséfalvay F., Tulkisová Ja. Správa nemeckého generála pri slovenskom MNO genpor Fritza Schliepera z 27. Novembra 1943 // Vojenská história. 2013. N 4. S. 112–122.*

1944 г. словаки использовались на строительстве оборонных сооружений в районе Николаева и Одессы. В мае 1944 г. по приказу Чатлоша 1-я словацкая пехотная дивизия, уже вышедшая за пределы советской территории, была переименована в 1-ю техническую дивизию и использовалась на строительстве оборонительных рубежей в Венгрии и Румынии. В конце войны остатки дивизии оказались в Австрии, где и были пленены советскими войсками. Небольшая часть словацкой армии, оставшаяся в Крыму, вместе с немецкими войсками оказывала сопротивление советским войскам до освобождения Крыма в апреле 1944 г., хотя тогда много словаков переходило на сторону Красной армии и партизан.

Другое словацкое крупное воинское формирование, «Охранная дивизия», созданная в 1941 г. под командованием полковника А. Малара (позднее Р. Пилфоусека), в середине августа 1941 г. переместилась на северо-западную Украину, сначала в районы Североконстантинов — Шепетовка, затем Фастов — Житомир — Овруч. Здесь она официально занималась охраной железнодорожных путей, шоссейных дорог и важных в военном отношении объектов, а также участвовала в ликвидации очагов сопротивления окруженных советских войск. Дивизия входила в состав немецкой армии и подчинялась приказам ее командования. Личный состав дивизии в разное время насчитывал от 5,7 тыс. до 6,7 тыс. человек. Ее оперативное пространство равнялось примерно 60 тыс. кв. км, что в два раза превышало площадь Словакии, и дивизия сама не могла полностью контролировать такую территорию. Словацкие гарнизоны размещались в наиболее крупных населенных пунктах, командование в 1942 г. находилось в Житомире. Выполняя свои функции, «Охранная дивизия» взаимодействовала с частями вермахта, войсками СС, полицией и жандармерией. В расправах с местным населением словаки играли преимущественно вспомогательную роль при немцах, хотя и сами могли инициировать эти расправы. «Охранная дивизия» дислоцировалась в крае

с развитым партизанским движением. В 1943 г. антивоенные настроения среди словацких военнослужащих усилились и участились их переходы к партизанам. До этого же отношения с ними и местным населением складывались по-разному, начиная с самых добрых и заканчивая кровавыми столкновениями. Все зависело от конкретных обстоятельств и рвения людей, выполнявших приказы. А приказы были жесткие и даже жестокие. Например, в приказе по 102 пехотному полку (командир М. Локшик) говорилось: «Ни один военнослужащий полка не должен сближаться с местным населением. Местное население должно, безусловно, чувствовать в военнослужащих словацкой армии представителей победоносной армии в России. Население должно знать, что каждое совершенное преступление против нашего солдата будет обязательно наказано». В случае, если конкретного виновника случившегося не удавалось обнаружить сразу, надлежало брать от 5 до 20 заложников из ближайшего селения (50 % евреев и 50 % русских, поляков и украинцев) и, если преступника так и не находили, направлять их для расстрела немецкими карателями. В белорусском городе Мозырь, например, словаки 8–9 января 1942 г. стали пособниками расправы немецкой полиции над евреями: они должны были окружить город и воспрепятствовать бегству из него жителей во время проводимой немцами акции⁸².

В марте 1942 г. подразделения 102-го пехотного полка «Охранной дивизии» участвовали в ряде акций против партизан. Один из словацких офицеров, очевидец происходившего, докладывал командиру дивизии: «Из многих населенных пунктов ко мне приходили жалобы, что зимой и весной много людей было застрелено словацкими частями

⁸² См. подробнее: *Medvecký M.* Represie príslušníkov Zaisťovacej divízie voči civilnému obyvateľstvu na obsadenom území ZSSR // Slovenská Republika 1939–1945 očami mladých historikov. I. Trnava, 2002. S. 149–157; *Mičanik P.* Slovenská Zaisťovacia divízia na okupovaných územiach Ukrajiny a južného Bieloruska (január — august 1942) // *Vojenská história*. 2006. N 4. S. 43–61.

и что эти люди были невиновны <...>, я должен заявить, что во всех деревнях население относилось к нам сдержанно, боязливо, но весьма гостеприимно. А когда у жителей спрашивали о причинах их боязни, они отвечали: *мы чехословаков очень боимся, потому что они сразу же стреляют, жгут деревни* (выделено в документе. — В. М.)»⁸³. 2 августа 1942 г. была учинена расправа над населением деревни Малодуша, последовавшая за нападением партизан на словацкую автоколонну и гибелью восьми словацких солдат. Все население было согнано на площадь перед зданием местной милиции и окружено солдатами. Деревню подожгли. Примерно 15 человек, подозреваемых в связях с партизанами, в том числе и малолетних детей, отвели в ближайший дом и расстреляли, а дом затем сожгли. На следующий день совместно с немецкими частями была проведена «зачистка» окрестностей, результатом которой стало уничтожение оставленных партизанами лагерей и сожжение нескольких деревень. При содействии входившей в состав «Охранной дивизии» словацкой авиации была уничтожена не одна деревня, в том числе Скородное, Оголичи, Биегунки, Торин, Стодоличи, Ремесы, Глиняные, Теплин, Гудница, Тарасово, Круглое, Гатное, Борки⁸⁴ и др. Отдельные лица, подозреваемые в связях с партизанами и в шпионаже, иногда расстреливались на месте без суда и следствия, как и пленные партизаны.

Однако у части военнослужащих «Охранной дивизии» это вызывало неприязнь и осуждение. Некоторые поддерживали добрые отношения с местными жителями, подчас снабжая их солью, сахаром и получая взамен нужные продукты. Имело место и установление дружеских отношений с партизанами в соответствии с принципом: мы вас не тро-

⁸³ Slovensko a druhá svetová vojna... S. 210–211.

⁸⁴ Автор не ручается за точность наименования населенных пунктов, поскольку названия даются в обратном переводе со словацкого языка на русский.

нем, и вы нас не трогайте. Партизаны иногда уведомлялись о готовящихся против них акциях. Отмечались случаи помощи словаков местным жителям в проведении сельскохозяйственных работ, предупреждении их о готовящейся депортации в Германию. Несмотря на запреты, которые игнорировались, словацкие солдаты и офицеры сближались с местными женщинами и девушками, которых считали очень привлекательными.

Во второй половине 1942 г. партизанское движение в районе оперативной деятельности «Охранной дивизии» усилилось и организационно окрепло. Сюда переместилась партизанская бригада под командованием А.Н. Сабурова, в которой насчитывалось около 2 000 человек и которая была довольно хорошо вооружена. В «Охранной дивизии» в это время числилось в четыре раза больше солдат и офицеров, и вооружена она была гораздо лучше, чем партизаны, имея артиллерию, танки, авиацию и даже импровизированный бронепоезд. В ноябре словаки, которые действовали вместе с немцами, украинскими милиционерами, карателями из латышей и казаков, вели жестокие бои с партизанами. В ходе них «Охранная дивизия» понесла потери в личном составе: 54 убитых, 25 раненых, 29 пленных и пропавших без вести. Моральное состояние и дисциплина в дивизии упали. Возросло дезертирство⁸⁵. Вместе с несколькими офицерами в мае 1943 г. к партизанам перешел капитан Ян Налепка. Вскоре под псевдонимом Репкин он возглавил словацкий партизанский отряд, действовавший в составе партизанской бригады А.Н. Сабурова⁸⁶. Некоторые офицеры «Охранной дивизии» пришли к выводу о возможности остаться в живых лишь путем «тихого сотрудничества» с партизанами, которым сообщалась важная для

⁸⁵ Lacko M. Dezercie a zázatia... S. 141–187.

⁸⁶ В мае 1945 г. Яну Налепке посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, в ЧСР он посмертно был награжден чехословацкими орденами и медалями, его имя как военного героя почитается и в современной Словакии.

них информация, а немецкие приказы об акциях против них «спускались на тормозах», боевые действия лишь имитировались⁸⁷. Командир дивизии обратился к немецкому командованию с просьбой о ее передислокации на новое место, мотивируя это тем, что тесное общение с местным населением и партизанами грозит полным разложением военнослужащих. Летом 1943 г. она была переименована во 2-ю пехотную дивизию, а затем в Техническую бригаду, которая в октябре 1943 г. по приказу немецкого командования была отправлена в Италию, где использовалась на строительстве оборонных сооружений.

В заключении следует сказать, что мизерная по сравнению с вермахтом словацкая армия, тем не менее, внесла свою лепту в его победы на Восточном фронте в начале войны и содействовала осуществлению оккупационной политики Третьего рейха на захваченных им советских территориях. В результате побед Красной армии в 1943 и 1944 г. усилились антивоенные настроения в словацкой армии, и началось ее разложение, упала дисциплина, возросли дезертирство и переходы на советскую сторону. Как союзник вермахта на Восточном фронте она фактически полностью утратила значение.

⁸⁷ *Mičianik P.* November 1942 — najkravavejší mesiac Slovenskej zaistovacej divízie // *Vojenská história*. 2007. N 3. S. 70–92; *Bystrický J.* Ján Nálepka dôstojník slovenskej armády v rokoch 1939–1943 // *Vojenská história*. 2013. N 3. S. 139–155.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ИНТЕРЕСЫ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ НА ПОЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ (КОНЕЦ 1943 — НАЧАЛО 1944 г.)

SOVIET POLICY AND THE INTERESTS OF THE WESTERN ALLIES IN THE POLISH DIRECTION: THE FIRST RESULTS (LATE 1943 — EARLY 1944)

Аннотация. В статье раскрывается содержание начавшегося дипломатического состязания каждой из великих держав в лице И.В. Сталина, У. Черчилля и Фр. Рузвельта за участие в определении границ и территории послевоенной Польши. Автор статьи на основе конкретного, доселе не введенного в широкий научный оборот отечественными историками документального материала, показывает, что три союзника, прежде всего Сталин и Черчилль, воюя на не совпадающих линиях боевых действий большой войны против общего врага — Германии, были одновременно соперниками за политическое влияние в послевоенной Восточной Европе. Здесь на польском направлении они имели каждый свои интересы и не совпадавшие цели: советское правительство вело речь о восстановлении и признании польской стороной «старых» западных границ России и обретении новых западных границ на Балтике; польское правительство настаивало на восстановлении восточных границ межвоенного времени и на получении новых западных рубежей на Одере и Балтике. Каждый из них считал свои пограничные линии оптимальными, то есть обеспечивавшими внутри- и внешнеполитическую безопасность. По сути дела, Москва отстаивала идею объединения в одном государстве разделенных границей 1921 г. трех родственных славянских народов. Польское же правительство боролось за возвращение завоеванных и подчиненных силой оружия земель исконно не польских, а иных народов. Это была ложная польская идея обеспечения безопасности польской нации через создание защитного «пояса»

из других вовсе не дружественных полякам народов. Понимаемая советским руководством и осознанная западными союзниками уже в начале 1944 г. правота Москвы объясняла терпение Сталина и упорство Черчилля (меньше Рузвельта) в борьбе каждого за «свою» Польшу и дружественную польскую власть, в убеждении их польской союзницы принять советские условия урегулирования отношений будущей Польши с СССР.

Ключевые слова: СССР, западные союзники, польский вопрос, границы, позиции сторон, борьба за власть, 1944 год.

Встречи, беседы и договоренности, достигнутые лидерами СССР, Великобритании и США на конференции в г. Тегеране осенью 1943 г., будучи политическим результатом грандиозных событий на советско-германском фронте, предопределили исход войны и сделали 1944 год началом формирования послевоенного геополитического пространства Европы. Тогда, в Тегеране премьер-министр Великобритании У. Черчилль и президент США Фр. Рузвельт, приняв в свои демократические ряды И.В. Сталина — главу государства и Верховного Главнокомандующего Красной армии, тем самым признали долгосрочные интересы СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе и советское участие в геополитической и территориальной перестройке региона. Они признали и право Москвы оказывать влияние на внутреннее развитие региона.

Вопреки усилиям польского правительства, находившегося в Лондоне и нередко именовавшегося «лондонским», ему теперь не удавалось получить подтверждение статус-кво польской границы, установленной согласно мирному договору, подписанному с Советской Россией в 1921 г. в Риге¹.

¹ Имеется в виду линия границы, определенная условиями договора между Советской Россией и Польской республикой, подписанного в марте 1921 г. по итогам проигранной Советской Россией войны с Польшей. Тогда Польша получила права на владение территориями, до начала 1-й мировой войны входившими в состав Австро-Венгрии и Российской империи. В Польше завоеванные многонациональные территории, расположенные на востоке и юго-востоке страны именовались восточными

Не удавалось одновременно удовлетворить и польские надежды на территориальные приращения на западе за счет Германии, ибо У. Черчилль и Фр. Рузвельт были согласны с требованиями Сталина связать в одно целое решение вопроса как о восточной, так и западной границах Польши. Союзники были готовы принять в качестве западной границы СССР его главное требование — линию Керзона, не признаваемую ими в межвоенное время. Эта линия была восстановлена после вступления Красной армии в Польшу 17 сентября 1939 г.² и согласно Договору СССР с Германией о дружбе и границе, подписанному 28 сентября 1939 г. в Москве³.

Что касается политического «поведения» У. Черчилля, в том числе на конференции в Тегеране, он, будучи с межвоенного времени главным союзником Польши, вовсе не нарушал ни в 1943 г., ни позже взятых перед ней обязательств, принятых при подписании 25 августа 1939 г. Англо-польского соглашения и протокола к нему. Уже тогда англичане гарантировали Польше защиту ее территории, но лишь

кресами (окраинами). По польским данным на 1931 г. на кресах, где проживало 10,7 млн человек, преобладало восточно-славянское население (православные украинцы, белорусы — 58,2 %, из них украинцы — 41,3 %), католики-поляки — 29,35 %; иудеи-евреи — 9,3 %; прочие — 3,2 %. Земля принадлежала полякам, главным образом, земельным магнатам и римско-католической церкви (54,3 %). Им же принадлежала и политическая власть. Осенью 1939 г. власть на Западной Украине и Западной Белоруссии стала советской и многонациональной (Wysiedlenia. Wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy. Żydzy. Niemcy. Ukraińcy. Warszawa: Demart S. A., 2008. S. 14).

² СССР, признав утратившим силу договор с Польшей от 18 марта 1921 г., воспользовался оговоркой *rebus sic stantibus*, действовавшей тогда в международном праве, и отказался от указанного договора с Польшей в одностороннем порядке, мотивируя это исключительной внутри- и внешне-политической ситуацией в Польше осенью 1939 г. Соответствующие этой оговорке аргументы, но без ее упоминания, излагались в советской ноте польскому правительству от 17 сентября 1939 г. — Макаручук В.С. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 43, 67–88, 441–442.

³ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 118–119.

от германской агрессии, что для польского руководства было некой сверхценностью⁴. Правительство Великобритании, не отказываясь от союзнических обязательств в отношении Польши, в дальнейшем всегда калькулировало их исполнение, сообразуясь с интересами собственной страны⁵.

Так, уже в вышеназванных Соглашении и Протоколе к нему по обоюдному согласию не были зафиксированы четкие обязательства Великобритании защищать и гарантировать целостность довоенной территории Польши при «иной» (т.е. советской) агрессии. Подчеркнем, хотя упоминались не обозначенные «определенные гарантии и в случае советской агрессии», но одновременно предполагались лишь обсуждения и совместное принятие неких мер. Отметим замечание польского историка Я. Тебинки: Польша с такой расстановкой приоритетов в своей внешней политике тогда соглашалась⁶. Советское руководство не могло ни

⁴ В доступной польской историографии большинство историков ограничиваются кратким упоминанием этого Соглашения. Исключение представляет монография проф. Яцека Тебинки, где Соглашение и секретный протокол к нему подвергнуты тщательному и всестороннему, критическому анализу (см. подр.: *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa, 1998. S. 56–62*).

⁵ После нападения Германии на Польшу, правительства Великобритании и Франции жестоко обманули польское правительство. 4–5 сентября посчитав, что у Польши уже нет шансов продолжать сопротивление, они не позволили командующему польской армией Э. Рыдз-Смиглову отдать приказ о капитуляции терпевшей поражение армии. Однако, союзники ушли принятое еще в мае 1939 г. решение: в случае германской агрессии не помогать польской союзнице. Поэтому 8 сентября военное командование английской и французской армий постановило не посылать в Польшу ни одного самолета и не бомбить военные объекты в Германии. 12 сентября 1939 г. главы союзных правительств вынесли окончательное решение: посчитав, что Польша войну уже проиграла, оказывать ей помощь нет смысла и открывать военные действия против Германии не следует. Но, согласно договоренностям Польши с Великобританией от 25 августа 1939 г., в этих и последующих действиях английской стороны на польском направлении не было нарушения вышеназванных обязательств Великобритании (см. подр.: *Польша в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2012. С. 278–279*).

⁶ Сошлемся на Я. Тебинку, который считает, что польские политики осенью 1939 г. «проглядели» антипольский смысл советско-германского пакта, не верили, что сближение Германии и СССР «зайдет далеко», «по-прежнему поступали так, будто не заметили, что договор [от 25 августа 1939 г.]

в 1939 г., ни позже не учитывать действующее и в 1944 г. Соглашение Польши с Великобританией, которое позволяло главному польскому союзнику — У. Черчиллю продолжать открыто не поддерживать Польшу в ее споре с СССР⁷.

Ситуация Польши изменилась еще весной 1943 г. Советское правительство прекратило тогда отношения с многопартийным правительством Сикорского, которое с осени 1940 г. находилось в Лондоне, а с лета 1943 г. возглавлялось Ст. Миколайчиком — влиятельным политиком и лидером массовой крестьянской демократической партии. После разрыва отношений Москвы с польским правительством в апреле 1943 г. чего Черчилль (и Рузвельт) безуспешно пытались не допустить, во время конференции в Тегеране они принимали во внимание предстоявший отказ от признания советско-польской границы 1921 г., именуемой Рижской границей. Одновременно западные союзники СССР соглашались с послевоенной компенсацией землями Германии «потери» территорий бывших многонациональных восточных окраин довоенной Польши⁸. Геополитический успех

предрешает вопрос войны и очередного раздела Польши». Они-де «не догадывались о существовании секретного соглашения о разграничении сфер влияния между Германией и Советским Союзом» и считали договор «неприятной неожиданностью», забыв, что «идеологические споры никогда не мешали альянсам держав, связанных единством геополитических интересов», нарушать подписанные договоры. Одновременно Тебинка оговаривается: британские союзники «не информировали [союзную Польшу] о грозящей опасности», что соответствовало действительности. — *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 61.

⁷ См. подр.: Носкова А.Ф. Польско-английское Соглашение и Протокол от 25 августа 1939 г.: цели сторон и значение в истории Польши (осень 1939 — весна 1945 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 109–122.

⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Тегеранская конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М.: Политиздат, 1978. С. 149, 164–165, 167, 186–187; Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель — декабрь 1945. Т. 1. Апрель 1943 — август 1944. Ч. 1. Апрель 1943 — март 1944. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2018. Док. № 181. С. 350–353 (далее: Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. №... С...). См. подр.: *Duraczyński E. Stalin. Twórca i dyktator supermocarstwa*. Warszawa — Pułtusk: Bellona SA, 2012. S. 466–474.

И.В. Сталина по польскому вопросу в Тегеране был налицо и продолжал политически действовать в 1944 г.

Начавшееся в конце декабря 1943 г. успешное стратегическое наступление Красной армии за освобождение бывших польских (по государственной принадлежности в межвоенное время) земель, теперь уже советских Западной Украины и Западной Белоруссии, влекло за собой усиление геополитической роли и возможностей СССР в расстановке сил в Большой тройке и конкретно на польском направлении. Такие перемены вызвали серьезное политическое напряжение в польском правительстве. О принятых в Тегеране решениях касательно польско-советской границы по линии Керзона правительство Великобритании уведомило Миколайчика еще 17 декабря 1943 г. Это известие и происшедшее 3–5 января 1944 г. пересечение Красной армией довоенной Рижской границы без его необходимого, как считали в польском кабинете, на то согласия вызвали крайне отрицательную реакцию польской стороны. 5 января последовало протестное Заявление Ст. Миколайчика, где подтверждались правомочность Рижской границы 1921 г. и права Польши на западные земли советских Украины и Белоруссии. С той же целью были оглашены 7 и 14 января 1944 г. от имени польского правительства две Декларации в главном того же содержания. С этих пор Миколайчик вел дипломатический «длительный спор» со Сталиным. Оправдался расчет польского премьера привлечь к участию в этом «споре» западных союзников и тем самым общими усилиями укрепить польскую надежду отстоять после войны довоенную территорию II-й Республики. Однако эти надежды, как постепенно становилось ясно, все больше становились иллюзорными⁹.

⁹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 179. С. 342; док. № 214. С. 409–410; док. № 219. С. 415–416; док. № 229. С. 446.

Ответное Заявление советского правительства 11 января 1944 г. в адрес Польши было выдержано в спокойных, отчасти даже доброжелательных тонах. Была в нем и вера «лондонских» поляков в возможность советско-польского диалога. Москва заявляла, что она «стоит за воссоздание сильной и независимой Польши, стремится к тому, чтобы установить дружбу между СССР и Польшей на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если того пожелает польский народ, — на основе союза о взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши». Более того, была четко обозначена возможность, фактически предложение, договариваться по вопросу общей границы, оспариваемой поляками у Москвы: «Восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши»¹⁰. Однако, на советские предложения последовало польское Заявление от 14 января 1944 г., где фактически содержался уход от обсуждения предлагавшихся Сталиным действий «разговаривать» о границе. Естественным стало появление в печати 17 января 1944 г. Сообщения ТАСС об отказе СССР иметь дело с правительством, которое «игнорирует вопрос о советско-польской границе»¹¹.

Следует отметить, что советское руководство выдвигало правительству Миколайчика те же условия урегулирования советско-польских отношений, что и правительству генерала Вл. Сикорского зимой 1941–1942 гг. И тогда, в тяжелой ситуации Красной армии на фронте под Москвой, и теперь, когда «за спиной» Красной армии были решаю-

¹⁰ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 224. С. 432–434.

¹¹ Там же. Док. № 229. С. 446; док. № 234. С. 451; Документы и материалы по истории советско-польских отношений (Далее: ДМИСПО). Т. VIII. М.: Наука, 1974. С. 14–15, 21–22.

щие исход войны победы под Сталинградом и Курском, речь шла о желаемых Москвой польском признании границы по линии Керзона и установлении не враждебных, а дружественных отношений двух соседних стран. К сожалению, и тогда, в 1943 г., и теперь, в начале 1944 г., отношения Москвы с польской стороной заканчивались неудачей по вине польской стороны. Однако, несравнимо выше были теперь авторитет и возможности СССР, который все больше задавал политический тон в международной политике, отстаивая национально-государственные интересы страны, в том числе на польском направлении. Более того, советская сторона уже имела немалые аргументы, чтобы воздействовать на польскую политику своих западных союзников. Польское же правительство оставалось в зависимости от его союзников, опекунов и кредиторов, для которых национально-государственные интересы Польши, любой по территории, были вторичны по отношению к собственным английским и американским интересам. В отличие от понимания польским руководством «места», возможностей, интересов, прежде всего, послевоенной безопасности страны как отдельных от жизненных интересов СССР, советское правительство уже тогда исходило из факта общей повторной германской угрозы существованию как Польши, так и СССР. По историческим меркам вскоре стала понятной возможность в будущем не только германской угрозы.

В силу такой конкретно-исторической данности и в подтверждение высказанного тезиса о совпадении советско-польских жизненных интересов советские цель и политика в отношении любой, желательной дружественной Польши оставались в главном устойчивыми по конкретному содержанию и уже этим не усложняли действия западных держав применительно к союзной им Польше. Упомянутое выше и действующее Соглашение Польши с Великобританией от 25 августа 1939 г. позволяло главному польскому союзнику — У. Черчиллю, в 1944 г. продолжать, открыто не поддерживая

Польшу в споре с СССР, одновременно понуждать союзницу к согласию на «линию Керзона» ради достижения собственной цели правительства Великобритании. Английской целью было возвращение союзного англичанам польского правительства в Польшу в условиях уже предполагаемого англичанами и поляками нахождения там Красной армии и возможного участия польских коммунистов во власти в стране. Однако, без достижения этой цели исключалось восстановление традиционного влияния Великобритании в Польше. Поэтому Черчилль уделял столько внимания и прямо участвовал в решении вопроса польских границ и «польского вопроса» в целом.

Советская сторона неоднократно обменивалась мнениями с лидерами Великобритании — Черчиллем (в прямой и активной переписке) и США — Рузвельтом (в основном, через посла Гарримана в Москве, реже через самого Президента) по вопросу возможности польского правительства принять решение по тем двум проблемам, решить которые советское руководство требовало от польского правительства: 1. Изменить персональный состав правительства, удалив из него крайне правых, антисоветски настроенных и поэтому нежелательных Москве политиков. Это советское требование имело задачей создать условия для продвижения по пути урегулирования межгосударственных отношений СССР и Польши и тем самым для возможной этнической консолидации польского народа на единой национально-государственной территории. Результатом этих действий могла стать необходимая СССР внутренняя устойчивость соседней страны и гарантированная Москвой безопасность восточной, польско-советской границы. Это соответствовало интересам самой Польши и не противоречило интересам как Великобритании, так и США. 2. Принять линию Керзона в качестве советско-польской границы, получить признание ее польским правительством и территориальную компенсацию за счет Германии. Это означало,

во-первых, появление гомогенности славянского населения земель Украины, Белоруссии и России в одном географическом и государственном пространстве — СССР; и во-вторых, решив задачу передвижения территории Польши на запад с выселением немцев, можно было обеспечить внутреннюю безопасности самой Польши. Выполнение польским правительством этих двух условий при внутри- и внешнеполитическом, а также организационном участии СССР означало обеспечить безопасность Польши не только на Востоке, но и на Западе со стороны Германии.

Оба политика — У. Черчилль (в первую очередь) и Фр. Рузвельт, союзные как СССР, так и Польше, были нацелены на сохранение своего послевоенного влияния на Востоке и Юго-Востоке континента, ключом к чему была традиционная союзница Великобритании — Польша. В начале 1944 г. они уже не могли не принимать такую реальность, как неизбежное вступление советских войск на исконно польскую территорию, и намерения СССР в отношении Польши в соответствии договоренностям на этот счет в Тегеране. Тем не менее, западные лидеры рассчитывали сохранять и использовать свое политическое воздействие на действующее польское правительство, воздействие, порой больше похожее на руководство правительством, где шла постоянная, еще со времени премьерства Вл. Сикорского, борьба представителей агрессивно антисоветских, крайне правых сторонников из представителей бывшего режима санации с находившимися у власти политиками либеральных и демократических настроений. Для противостояния польским правым, твердо стоявшим против восстановления отношений с советским правительством, Черчиллю был нужен Миколайчик, точнее — сохранение во главе правительства этого политика, отчасти управляемого им, что было весьма желательно, политически неагрессивно антисоветского для возможных контактов со Сталиным. Миколайчик вскоре понадобился и Сталину.

«Глядя» на ситуацию в польском правительстве, задача Сталина добиться польского признания линии Керзона в качестве границы двух стран, выглядела почти невыполнимой. Более того, ситуация в отношениях СССР с польским правительством и польского правительства с СССР в условиях разрыва отношений двух стран весной 1943 г. и при активном правом крыле в составе этого правительства, являлась тупиковой. Отсутствовали условия для каких-либо двусторонних переговоров, что не позволяло Москве решать главные задачи: вопрос о границе и проблему состава польского кабинета. Политики, в том числе советские, много говорили о границе, а следовало связать воедино этот вопрос с изменением состава польского правительства, что происходило постепенно. В интересах СССР было крайне необходимым, корректируя последовательность решения этих задач, создать нужные для этого условия. Удалив из состава польского кабинета крайне враждебных СССР политиков, можно было приступить как к решению вопроса о границе, так и к определению нового состава этого правительства. И то, и другое было условиями восстановления отношений Москвы с польским правительством. Кроме того, советская сторона имела в виду урегулирование этих отношений с иным политическим содержанием: от враждебности с обеих сторон к их взаимодействию с целью приближения конца войны, освобождения Польши от гитлеровцев. Любые, казалось, непримиримые разногласия в международной практике всегда решались только через переговоры. Это было принято, как в Москве, так и в столицах западных союзников СССР. Начались активные действия.

16 января 1944 г. посол США в СССР У.А. Гарриман был (по его просьбе) принят наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Посол заявил о готовности США содействовать «в деле организации переговоров с целью возобновления официальных отношений» советского и польского правительств. Посла интересовала линия польской границы

с СССР, но не в той мере, в какой советские представления о персональном составе подлежавшего, как считали три союзника в Тегеране, реорганизации правительства Польши. В этом же ключе была важна для Гарримана и личная судьба польского премьера Ст. Миколайчика. Молотов удовлетворил этот интерес, четко изложив советскую позицию: «<...> с нынешним Польским правительством у нас ничего не выйдет, <...> должно быть создано новое Польское правительство <...>», ибо «<...> Польское правительство в нынешнем составе не желает установить добрососедские отношения с Советским Союзом. Другое дело, если Польское правительство будет состоять из элементов, желающих добрососедских отношений между СССР и Польшей»¹².

Обсуждение этих сюжетов было продолжено через день — 18 января 1944 г. На сей раз Гарриман от имени американского правительства предложил Молотову «дружеские услуги» «в деле возобновления отношений между СССР и Польшей»¹³. Наркому был задан вопрос, что конкретно имеется в виду и кто именно должен быть заменен в составе нынешнего польского правительства. Молотов поддержал обсуждение вопроса о составе будущего польского правительства. Ответ послу США был конкретен: в состав этого правительства «могли бы войти некоторые из поляков, проживающих в Англии, <...> Америке, <...> в Советском Союзе <...>». Нарком полагал, что должно быть создано такое польское правительство, которое «<...> открыло бы перспективы для сотрудничества между СССР и Польшей. <...>». Важно отметить его весьма существенное замечание: «<...> Миколайчик, пожалуй, мог бы войти в новое правительство...». Таким образом, в Москве имели в виду создание коалиционного польского правительства при участии Ст. Миколайчика и последнего вряд ли рядовым ми-

¹² Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 233. С. 450–451.

¹³ Там же. Док. № 237. С. 455–458.

нистром. С кем-то из польских политиков в правительстве предстояло разговаривать и выбор был сделан. Это был первый сигнал заинтересованности Москвы видеть его партнером советского правительства и первый сигнал заинтересованного внимания Сталина к одному из ведущих деятелей демократического крестьянского движения в межвоенной Польше, политику, подходящему для контактов с советским руководством.

Несомненно, важным для посла было положительное по смыслу замечание Молотова о том, что «линия Керзона понимается <...> как примерная линия советско-польской границы». Это означало: немного уступим Польше. Имея в виду проблему границы, Гарриман в заключение беседы отреагировал «личным пожеланием»: он хотел бы, чтобы «это дело было разрешено так, чтобы оно, не помешало сотрудничеству между нашими народами». Молотов, в свою очередь, согласился: «<...> Это, конечно, правильно»¹⁴. Слова посла США свидетельствовали, что США не хотели бы «встретиться» с осложнением отношений с советским правительством из-за вопроса о «линии Керзона», который был столь значителен для Москвы, а вовсе не для Вашингтона. Представляется, что для посла США с точки зрения американских интересов влияния в Польше, важнее был прямой вопрос о составе польского правительства. США был нужен «подходящий» персональный состав этого правительства и его главы. Упоминание Молотовым Миколайчика вряд ли прошло незамеченным американской стороной.

Вслед за А. Гарриманом, представлявшем в Москве интересы США, на текущую негативную ситуацию в отношениях польского правительства с советским правительством отреагировал У. Черчилль — гарант независимости Польши,

¹⁴ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 237. С. 458; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. Т. 2. 1944–1945. М.: Политиздат, 1984. С. 8–10.

но не ее границ. 20 января 1944 г. состоялась его продолжительная беседа при участии министра иностранных дел А. Идена и его заместителя А. Кадогана со Ст. Миколайчиком и сопровождавшими его министрами.

Черчилль открыл разговор не с вопроса о составе польского кабинета, а с главной просьбы к полякам «принять в принципе русское предложение относительно линии Керзона, ясно понимая, что это оставит территорию Галиции со Львовом в России, и принять компенсацию, предложенную им «в Восточной Пруссии, Данциг, Померанию, вплоть до линии Одера и в Верхней Силезии». Так англичанами было воспроизведено первое, по их мнению, из условий урегулирования отношений советского и польского правительств. Напомним, что эти условия были обсуждены, приняты «Большой тройкой» на конференции в Тегеране в декабре 1943 г. и доведены до сведения польского премьер-министра Ст. Миколайчика. Теперь, в январе 1944 г., Черчилль просил польское правительство «не только принять это [условие] в принципе, но и с энтузиазмом», считая, что Москвой «предложено справедливое решение», ибо «Польша получит ценную территорию в обмен на регион, включающий Припятские болота <...>», и это «...позволит Польше стать сильным и независимым государством. <...>». Черчилль довел до сведения поляков три важных, по сути принципиальных и упреждающих, указания: 1. «<...> мы никогда не вступим в войну за восточные границы Польши, и не стоит воображать, что мы могли бы начать конфликт из-за этого». 2. «Одна Британия никогда не смогла бы восстановить независимость Польши. Именно русская армия сделала возможным возрождение сильной и независимой Польши». 3. «<...> Польское правительство должно направить свой народ, а не представлять это [все предлагаемое ей советской стороной] как капитуляцию»¹⁵. Третье указание

¹⁵ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 243. С. 468–472.

было откровенным намеком польской стороне снизить антисоветское воздействие руководства военно-политическим подпольем в стране и, прежде всего его вооруженными отрядами, командованием Армии Крайовой, подчиненными польскому правительству в Лондоне, на позиции и настроения поляков¹⁶.

С точки зрения объективных интересов Польши, англичане высказывали весьма весомые аргументы и полезные рекомендации «старшего» союзника и, в первую очередь, требуемое Москвой признание «линии Керзона». Но польское руководство желало непременно все «оставить до мирных конференций», правда, изъявляло готовность «принять факт, что изменение границы неизбежно» и заблаговременно выражало надежду «начать переговоры на основе Рижской линии», установленной в 1921 г. Главный польский тезис об условиях переговоров был существенно подправлен Черчиллем. В отличие от позиции американского посла Гарримана, премьер-министр полагал, что, «по его мнению, переговоры должны начаться с вопроса о линии Керзона при условии полного и справедливого рассмотрения этно-

¹⁶ Антигитлеровское и антисоветское военно-политическое подполье было представлено: 1. Главным командованием АК в Варшаве и командующими округов в крупных городах, состоявшие из генералов и старших офицеров довоенного Войска Польского, и нижним уровнем — командирами отрядов, звеньев и групп АК «на земле». Это были офицеры разных званий АК, их подчиненные были недостаточно обеспечены оружием. Достоверных сведений о численности АК не имеется. 2. Командование АК находилось в контакте и подчинении соответствующим подразделениям в правительстве и, прежде всего, высшему военному командованию и конкретно Специальному IV отделу в Главном штабе Верховного главнокомандования Польских Сил Збройных, 2. Восстановленными в подполье руководствами основных довоенных политических партий, сформированными структурами законодательной и исполнительной власти и органами управления на местах. С территории страны правительству в Лондон поступала необходимая информация о деятельности подполья, из Лондона в страну отправлялись запросы и указания «стране». В 1944 г. все подпольные структуры, вместе взятые, получили название «подпольного государства», намеревавшегося стать властью в момент изгнания гитлеровцев и до вступления советских войск. См. подробнее: Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Т. 2. Ч. 2. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2022. С. 5–43. Вступительная статья.

графических вопросов». В заключение продолжительной англо-польской дискуссии Черчилль, намекая полякам, что время — их противник, указал: «<...> эти вопросы следует рассматривать в срочном порядке; если этого не произойдет, события могут нас опередить и это трудно будет исправить». Черчилль подвел черту под рассуждениями Миколайчика, заявив, что он «в этот критический момент поступит в соответствии с ситуацией»¹⁷. Под «событиями» и «ситуацией» имелись в виду боевые успехи и быстрое продвижение Красной армии по украинской территории СССР, которую понятно, что не У. Черчилль, а Миколайчик и его правительство продолжали считать территорией, принадлежавшей II-й Республике.

24 января 1944 г. В.М. Молотов ответил У.А. Гарриману на предложения и вопросы, прозвучавшие во время беседы 18 января 1944 г.: «...Выражая Вам признательность за готовность посредничества, должен сказать все же, что условия для посредничества, к сожалению, еще не созрели». Нарком мотивировал свое мнение тем, что польское правительство в ответ на советские предложения о линии Керзона «в качестве советско-польской границы обошло вопрос о линии Керзона и через свои официальные документы распространяет идею, что граница, установленная Рижским договором, является неизменной». Вновь прозвучал вывод советского руководства: «...Условия для переговоров и посредничества еще не созрели», а «...коренное улучшение состава Польского правительства с исключением из него профашистских, империалистических элементов и включением в него демократических элементов... могло бы создать благоприятную почву как для восстановления советско-польских отношений, так и разрешения вопроса о границе...»¹⁸.

¹⁷ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 243. С. 472–473.

¹⁸ Там же. Док. № 250. С. 486–487.

26 января 1944 г. в оккупированную Варшаву поступила информация Ст. Миколайчика о беседе руководящих членов польского правительства в Лондоне с У. Черчиллем 20 января 1944 г.¹⁹ Информацию направил министр внутренних дел этого правительства Вл. Баначик делегату правительства (в ранге вице-премьера) — Я. Ст. Янковскому, работавшему в Варшаве в условиях подполья. Последний был главным исполнителем организационно-политических указаний, поступавших от правительства руководству военно-политического подполья «в стране». Польский премьер кратко воспроизводил констатации Черчилля, который «отстаивает позиции [Польши] свободной независимой, объединенной примерно по линии Керзона, (исключая для Польши, по советской интерпретации этой линии, Вильно и Львов) и линии р. Одер <...>, но не ее границы на востоке». Миколайчик писал о предстоявшем «выселении из Польши украинцев и белорусов, а также поляков, вывезенных вглубь России, и о выселении из Польши немцев (около 7 млн)»²⁰.

До сведения руководства подпольем доводилась информация Миколайчика, полученная от Черчилля: «Великобритания и Америка не будут воевать с Россией за польские восточные границы Польской Республики <...> Черчилль лично намерен уведомить Сталина, что, предлагая такие решения, он обуславливает их [советским] признанием

¹⁹ Весь период гитлеровской оккупации Польши существовала довольно регулярная связь правительства с руководством антигитлеровского и антисоветского политического подполья и командованием АК. Контакты осуществлялись посредством курьеров-парашютистов и через радиосвязь. Сбросами с самолетов доставлялись оружие, деньги, нужные офицерские, политические, военные и руководящие кадры, необходимые для работы в подполье.

²⁰ По данным современных польских историков, в момент начала войны на территории послевоенной Польши (в границах 1945 г.) проживало 8,58 млн немцев. В 1950 г. после переселений поляков и немцев немецкое население Польши составляло 360 тыс. человек, из них более 200 тыс. были автохтонами, то есть коренными жителями. — Wysiedlenia. Wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy. Żydzi. Ukraińcy... S. 19, 21.

Польского правительства, его суверенных прав, невмешательством во внутренние дела Польши, <...> обеспечением безопасности сил, воюющих с немцами на оккупированной территории, и соблюдением интересов населения». Были переданы напоминание Черчилля, что «отступление Советов может касаться Львова²¹, но не Вильно», и его совет «<...> этот план полякам следует принять с энтузиазмом, и не как уступку, а как обязательство». Миколайчик ответил: «Лично я считаю, что принятие линии Керзона в качестве основы для обсуждения неприемлемо, так как является навязыванием условий силой, а не началом переговорного процесса. Польша может принять лишь обсуждение вопроса о возможном пересмотре границ, установленных Рижским мирным договором... Кроме того, польский народ никогда

²¹ Замечание о Львове не было случайным. 16 декабря 1941 г. Сталин, рассуждая об общей схеме «организации европейских границ», говорил находившемуся в Москве с визитом министру иностранных дел Великобритании А. Идену, что «Восточная граница Польши (граница с СССР) может быть в известных пунктах частично модернизирована... могла бы идти по линии Керзона...». Касаясь вопроса о западной границе Польши, Сталин полагал, что «Польше должны быть отданы все земли до Одера». В советском варианте секретного Дополнительного протокола к Договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией, представленного А. Идену, говорилось: «10. Восстановление Польши в границах 1939 г., с оставлением в пользу СССР территории Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением (оставить в составе Польши город Львов, при условии передачи СССР Белостока и Вильно, или наоборот, передать Польше Вильно и Белосток, с оставлением Львова СССР), а также — расширение территории Польши за счет западной части Восточной Пруссии». В ином варианте этого документа предлагалось: «4). Вопрос о Польше и ее государственных границах с СССР Договаривающиеся стороны условились обсудить дополнительно... с учетом национальных особенностей населения». Английская и польская стороны воздержались от обсуждения этих советских проектов. Вплоть до осени 1944 г. такой вариант решения вопроса о границе с Польшей Сталин не выдвигал. 13 октября 1944 г. на заседании Сталина, Черчилля и Миколайчика обсуждалась судьба Львова. Тогда в ответ на размышления Миколайчика о будущей государственной принадлежности Львова, Сталин твердо заявил: «... мы не торгуем украинскими землями и вообще мы чужими землями не торгуем. Он (Сталин) не знает, о чем поляки думают, но Львова они не получают». — *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М.: Наука, 2004. С. 37–39, 44, 50, 52, 54, 447.

не согласится с утратой двух основополагающих столпов своего государственного фундамента — Львова и Вильно»²². Не трудно понять, что обсуждение с советской стороной границ, установленных Рижским договором, в конце концов, или не началось бы, или привело к переговорам по линии Керзона.

Констатации польского премьер-министра совпадали как с представлениями подпольного руководства, командования АК, так и немалой части обычных поляков, считавших «своими» завоеванные в войне 1920–1921 гг. с Советской Россией западно-украинские и западно-белорусские земли. Они не оставляли возможности для предлагавшегося тремя великими державами геополитического диалога с Польшей. Позиция польского руководства в Лондоне была категорична, недальновидна и неадекватна намерениям «Большой тройки». Польская сторона «загоняла» возможные с ней переговоры советского руководства в тупик, что скорее всего и было ее задачей.

Судя по содержанию представленных документов, премьер-министр У. Черчилль, будучи самым активным участником диалога лидеров трех союзных держав (СССР, Великобритании, США) по «польскому вопросу», был крайне заинтересован в разрешении общими усилиями основных противоречий между СССР и польским правительством. Общей для них проблемой оставались советско-польская граница и государственная принадлежность территории бывших восточных кресов. Премьер-министр Великобритании, находясь между двумя (советским и польским) правительствами, становился «центром» советско-польского конфликта. Однако, согласно выше упомянутому Англо-польскому Соглашению и Протоколу от 25 августа 1939 г., не содержащему временных ограничений в его действии, Черчилль, в силу обязательства перед польским

²² Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 251. С. 488–489.

правительством, а именно английской гарантии защищать Польшу в случае нападения Германии на польскую западную границу, и не имея того же обязательства в случае нападения СССР на восточную границу Польшу²³, не обязан был быть третьим прямым участником процедуры урегулирования этого конфликта ни на стороне СССР, ни на стороне Польши²⁴.

Тем не менее, участие Великобритании в разрешении конфликта Польши с СССР было возможно, но в качестве отдельных действий, производимых Великобританией с каждым ее союзником. Черчилль мог исполнять и исполнял роль как наблюдателя и отчасти арбитра, так и активного советника польской стороны и тогда же посредника для стороны советской в заочном обмене условиями, требованиями, мнениями между СССР и польским правительством. Крайне заинтересованный в разрешении этого конфликта, Черчилль в такой своей роли был заинтересован во имя обеспечения интересов самой Великобритании, а именно не выпустить правительство Польши из сферы своего контроля, еще лучше — через Польшу сохранить английское влияние на континенте. Поскольку советское правительство еще в начале января 1944 г. сделало заявление о готовности разговаривать с польским правительством по спорным

²³ Цит. по: Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в двух томах. М.: Издательство политической литературы, 1990. Т. 2. Док. № 606. С. 323–325. Как считает польский историк Я. Тебинка, с которым следует согласиться, Польша с такой расстановкой «приоритетов» соглашалась не только потому, что в отношении СССР от Великобритании «невозможно было получить обязательства, аналогичные случаю немецкой агрессии», но и потому, что «Варшава о таких гарантиях и не пеклась, не видя угрозы со стороны России» (подч. — А. Н.). — *Tebinka J. Polityka brytyjska ...* S. 56–62, 67.

²⁴ Прав Тебинка, когда пишет, что Сталин был «приглашен» Великобританией к вступлению в Польшу, ибо «Лондон, гарантировал не нарушение польских границ и одновременно не обязывал Великобританию бороться за восстановление польской восточной границы, но не заключать соглашения с СССР, которое касалось бы территориальной целостности Польши, без согласия Польши». — *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 66–67.

вопросам, такой вариант английского посредничества мог вывести советско-польский конфликт из состояния, чреватого силовыми действиями при его разрешении.

Правда, польская сторона не ответила взаимопониманием. Используя свои обязательства перед главным ее союзником — Великобританией по Соглашению 25 августа 1939 г., Польша и в 1944 г., фактически оставляла лишь за собой определение действий в отношении СССР по вопросу польско-советской границы. Поэтому Польша и СССР, являясь членами Антигитлеровской коалиции, обе могли быть, но не были, взаимодействующими союзниками против Германии.

В таких условиях действовать за Польшу и ее правительство продолжал У. Черчилль, крайне заинтересованный в восстановлении польско-советских отношений, а значит и в воздействии на изменение состояния этих отношений. Но Великобритания в лице Черчилля не могла быть стороной, выступающей от имени Польши в официальных переговорах с СССР о Польше. «Ничего о Польше без Польши» было принципом внешней политики польского правительства.

Согласно документам, У. Черчилль, а также посол Великобритании в СССР А. Кларк-Керр, встречаясь со Сталиным, наркомом В. М. Молотовым и иными советскими политиками, весь январь 1944 г. пытались, делая это «за поляков», от своего имени убеждать советских руководителей в необходимости восстановить отношения с польским кабинетом. Черчилль писал И.В. Сталину послания, информировал о встречах и беседах с польскими политиками; пересказывал их итоги, и тем самым выступал собеседником Сталина и его деловым партнером в решении «польского вопроса». Будучи премьер-министром правительства, союзного польскому правительству, он неоднократно беседовал и дискутировал с его главой Ст. Миколайчиком, состоял с ним в переписке и личном контакте, исполнял роль старшего политического наставника, организатора заочного польско-советского диалога, в том числе со Сталиным. Причем,

как Черчилль, так и Миколайчик стремились — первый, убеждая Миколайчика, второй — упираясь и настаивая на своем, продолжать разговор не столько между собой, сколько со Сталиным. В этом сложном диалоге Черчилль, слегка «подыгрывая» позиции Сталина против представлявшего Польшу Миколайчика, аккуратно подводил польского премьер-министра к признанию «линии Керзона» затем, чтобы когда-то польской стороной был сделан шаг к переговорам с СССР во имя возвращения польского правительства из эмиграции в страну и во имя сохранения его как внешнеполитического субъекта в Европе. Это было генеральной задачей Черчилля, которую, судя по приведенным выше документам, премьер выполнял весьма усердно.

Обстоятельства 1944 г. (продвижение Красной армии по правобережной Украине на запад) все больше обязывали английского премьер-министра помогать польскому правительству, понуждая Миколайчика уступать по вопросу восточных кресов, которые по государственному статусу были уже не польскими, а советскими землями. Эти же обстоятельства позволяли Сталину закреплять законное возвращение в состав СССР не только земель бывшей Российской империи, где преобладало восточно-славянское, близкое русским, православное большинство населения, но и славянские по преобладавшему составу населения территории бывшей Австро-Венгрии. Польское руководство оспаривало включение в состав СССР всей территории восточных кресов, но все больше в качестве доказательного фактора и как пример советского «захвата» использовало территорию Галиции. Речь шла, прежде всего, о г. Львове и прилегающим районам, где по численности преобладало польское католическое население. Сомневались в решении Сталина, принятом осенью 1939 г. по поводу Львова, Черчилль (не активно) и Рузвельт, которого, правда, больше интересовали внутренние события в США, чем немедленное заявление позиции по «польскому вопросу». Президент ру-

ководствовался собственными политическими интересами, а именно победить на предстоявших осенью 1944 г. выборах в конгресс, в том числе, голосами нескольких миллионов американских граждан польского происхождения, которых старательно привлекал на свою сторону.

Начавшийся февраль 1944 г. стал временем успешного освобождения от гитлеровцев территории советской Правобережной Украины (принадлежавшей до начала войны Польше). К концу месяца на отдельных участках фронта, например, в районе г. Ковель на Волыни, части Красной армии находились примерно в 100 км от польского г. Хелм, что способствовало политической интенсивности дискуссий западных политиков с главой польского правительства и обмену мнениями лидеров великих держав и их послов с советским правительством. Такой вариант обсуждения «польского вопроса» стал способом замещения прямых переговоров правительств СССР и Польши, заблокированных польским правительством самому себе подписью под Соглашением от 25 августа 1944 г. Судя по доступным документам, по сравнению с нечастыми в январе контактами советских руководителей и политических представителей западных союзников Москвы и польского правительства, располагавшегося, напомним, в Лондоне, активность американцев несколько возросла, приобретая более регулярный характер в начале февраля 1944 г.

Так, 1 февраля 1944 г. госдепартамент США в ответ польской стороне на вопрос о готовности США «включиться в дискуссию об окончательном урегулировании территориальных проблем Европы» опубликовал Меморандум, где говорилось лишь о готовности США «оказать помощь Польскому правительству в достижении урегулирования своих территориальных проблем путем оказания услуги Польскому и Советскому правительствам в виде содействия прямым переговорам между ними». Была сделана и весьма значительная политическая оговорка: США «не в состоянии га-

рантировать согласия посредством дружеского разрешения неразрешенных вопросов...». Во время краткой беседы со Сталиным 2 февраля 1944 г. посол США в Москве У.А. Гарриман более откровенно демонстрировал отстраненность госдепартамента США от прямого участия в разрешении советско-польских противоречий. В ответ на констатацию Сталина: «...мы не можем разговаривать с Польским правительством... Мы пошли на большие уступки. Мы согласились на линию Керзона, мы согласились передать полякам район Белостока. Поляки же ничем не хотят себя связывать. Поляки думают, что русские — дураки, которые будут за них проливать кровь... Но мы посмотрим, кто, в конце концов, останется в дураках», последовал ответ посла: «... польский вопрос в первую очередь касается СССР, во вторую очередь — Великобритании и лишь в третью очередь — Соединенных Штатов. Но дело в том, что президент лично заинтересован в разрешении этой проблемы». Это был намек на понимание важности участия и победы Рузвельта на выборах в конгресс. Ответ Сталина был многозначителен: «... пусть президент не беспокоится» и свидетельствовал о нараставшем в Москве раздражении «польским вопросом»²⁵.

Тем не менее, главный «переговорщик» с СССР вместо Миколайчика «не уставал». В тот же день, 1 февраля 1944 г., в Москве было получено послание премьер-министра Великобритании Сталину от 28 января 1944 г. Имея в виду продолжительный разговор 20 января 1944 г. «с представителями Польского правительства», прежде всего с Миколайчиком, Черчилль информировал Сталина о результатах проделанной им тогда «работы» с поляками: «<...> Я им сообщил, что обеспечение русских границ от угрозы со стороны Германии является вопросом, имеющим важное значение для Правительства Его Величества, и что мы, конечно, поддержим Советский Союз во всех мерах, кото-

²⁵ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 259. С. 505; Док. № 261. С. 510–511.

рые мы сочтем необходимыми <...>». Черчилль объяснял общую цель великих союзных держав: «снова восстановить Польшу <...>», ибо англичане <...> вступили в войну из-за Польши <...> не из-за какой-либо определенной линии границы, но ради существования сильной, свободной и независимой Польши <...>». Он сообщал, что уведомил польское руководство о своей поддержке маршала Сталина, напомнил, что «освобождение Польши от германского ига осуществляется, главным образом, ценой огромных жертв со стороны русских армий. Поэтому союзники имеют право требовать, чтобы Польша в значительной степени была руководима в вопросе о границах <...>». С этой целью Черчилль убеждал-де польское правительство, что для обеспечения незыблемости полученной территории поляки <...> будут нуждаться в дружественной России, стоящей за ними <...>». Чрезвычайно важным, с точки зрения убеждения польских лидеров, подпольных политического руководства и командования Армии Крайовой, а через них многих рядовых поляков, в правильности действий союзников было разъяснение Черчилля: «<...> Польское правительство не будет обязано согласиться на линию Керзона, как на основу обсуждения, как в том [только] случае, когда она [линия Керзона] будет частью соглашения, которое даст им [полякам] хорошую компенсацию на Севере и на Западе <...>» за счет Германии. Смысл этого адресованного Сталину уведомления был в том, что среди польского населения на оккупированной гитлеровцами и на освобождаемой Красной Армией бывшей юго-восточной части территории Польши через подпольную печать и обычные слухи распространялись массовые опасения: отдав «восточные кресы» Москве, мы, поляки, вряд ли получим взамен немецкие восточные земли, где веками проживало немало поляков и немцев польского происхождения. На этот счет Черчилль, понимая, что не Великобритания, а СССР граничит с Польшей, писал Сталину: поляки «будут поддержаны гарантией трех

великих держав от нового германского нападения» и «Великобритания была бы готова дать такую гарантию, если на этот счет будет согласие ее союзника — Советской России».

Основное, чем Черчилль, понимая перспективу вступления советских войск и освобождения ими от германских захватчиков всей польской территории, делился со Сталиным, содержалось в следующих тезисах названного послания премьера Сталину: 1. «... хорошие отношения между лубыми силами, которые смогут говорить за Польшу, и Советским Союзом, будут абсолютно необходимы». 2. «Создание в Варшаве иногo правительства, чем то, которое мы до сих пор признавали, вместе с волнениями в Польше [читай: деятельность польских, подчиненных правительству в Лондоне подпольных политических сил и структур исполнительной власти, возможное вооруженное сопротивление отрядов Армии Крайовой силам Красной армии] поставило бы Великобританию и Соединенные Штаты перед вопросом, который нанес бы ущерб полному согласию, существующему между великими державами <...>» (подч. — А. Н.)²⁶.

Эти слова, похожие больше на ультиматум, чем на предупреждение, означали: во-первых, понимание Черчиллем неизбежности участия в будущем правительстве представителей польских просоветских политических сил, во-вторых, заинтересованность союзников в сохранении правительства во главе с Микoлайчиком и в-третьих, союзники не потерпят подавления советскими войсками подчиненного правительству в Лондоне польского военно-политического подполья — внутренней опоры и влияния правительства в стране. С руководством этого подполья Микoлайчик находился в регулярном организационно-политическом контакте. Что касается состава польского правительства, то Сталин постоянно настаивал лишь на реорганизации правительства и на увольнении президента и генерала высшего звания — брони

²⁶ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 257. С. 500–503.

К. Соснковского, польского националиста крайне правых политических убеждений, а также на выведении из кабинета бывшего посла в СССР Ст. Кота и министра обороны генерала дивизии М. Кукеля, принимавших активное участие в возбуждении весной 1943 г. «дела Катыни».

В тот же день, 2 февраля 1944 г., поздним вечером Сталин принял английского посла А. Кларка Керра. Беседа продолжалась с 20.30 до 22.30 ч. в присутствии В. Молотова, помощника наркома В.Н. Павлова и второго секретаря английского посольства А. Бернса²⁷. Реагируя на послание Черчилля от 28 января, где премьер излагал содержание беседы с поляками 20 января 1944 г., Сталин заявил, что «сейчас он может высказать свои предварительные соображения», поскольку ему известно, что Черчилль «признает линию Керзона в качестве границы» и «старался убедить поляков принять эту линию», но «поляки в своей печати заявляют о том, что они считают Рижский договор не подлежащим изменению». В связи с этим, советское правительство «хотело бы, чтобы поляки открыто заявили о том, что они признают линию Керзона в качестве границы, чего они ни в одном из своих заявлений до сих пор не сделали». Поэтому делал вывод Сталин, «с нынешним польским правительством нельзя достичь соглашения».

Продолжая начатую «литературную» дискуссию с Черчиллем, Сталин, по сути дела, рассуждал о создании невраждебного Москве польского коалиционного правительства: «Нужно произвести изменения в составе польского правительства. <...> В польское правительство должны быть включены просоюзнические, демократические, нефашистские элементы». Отвечая на эти слова и передавая мнение Черчилля, Керр, усомнился, «как отнесется общественное мнение к соглашению, которое было бы заключено с польским правительством в Польше», и, сославшись на мнение

²⁷ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 260. С. 506.

Черчилля, предложил «в качестве меры предосторожности <...> лучше, если... возможно, заключить соглашение с лондонским польским правительством». Расшифровать суждения Керра можно лишь как опасения, как бы Москва не предприняла усилий организовать по решению Крайовой Рады Народовой на территории еще оккупированной Польши правительство из «своих» людей. На вопрос посла «<...> будет ли разрешено польскому правительству вернуться в свою страну», Сталин ответил: «...не может быть и речи о каком-то разрешении вернуться в свою страну. Польское правительство может это сделать в любое время». В связи с этим, Молотов заметил, что «<...> в Тегеране Черчилль не возражал против возможных изменений в составе польского правительства». Этот ответ означал, что Сталин предлагал польской стороне изменить состав польского правительства и договариваться.

В заключение беседы по инициативе Керра «в связи с наступлением Красной армии» был затронут вопрос «о деятельности подпольного движения в Польше». Ответ Сталина был предельно конкретным: «<...> поляки беспокоятся, так как польское правительство дало своим отрядам, действующим в Польше указание не сотрудничать с Красной Армией, а раньше оно даже предписывало им бороться с Красной Армией. Конечно, если польские отряды будут бороться с Красной Армией, она их разобьет. Если польские отряды не будут сотрудничать с Красной Армией, то, спрашивается с кем они будут сотрудничать? <...> отряды, которые будут бороться с Красной Армией, будут разоружены. <...> Отряды польского правительства, о которых так много кричат, вооружены плохо и их немного»²⁸.

Итогами этой беседы английского посла с И.В. Сталиным У. Черчилль остался доволен. И не мудрено! Сталин

²⁸ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. С. 506–509.

аккуратно «набрасывал» перспективу не ликвидации, а модернизации польского правительства и той, союзной Великобритании Польши, которую английский премьер хотел бы видеть по окончании войны.

Однако, предупреждение советского руководства в адрес Главного командования АК в Варшаве, подчиненного Верховному главнокомандующему Польских Сил Збройных К. Соснковскому в Лондоне, не было воспринято польской стороной. В условиях военного времени это повлекло за собой жесткий курс советской стороны к польскому вооруженному подполью, которое уже по мере освобождения земель Правобережной Украины от гитлеровцев утрачивало антигитлеровское направление борьбы и все откровеннее становилось однозначно антисоветским как на бывшей польской, уже советской, так и на расположенной западнее линии Керзона этнически польской территории. В том числе поэтому в послании Черчиллю от 4 февраля, отправленном и полученном в Лондоне 5 февраля, Сталин, исходя из советского понимания будущих границ Польши, требовал: «Польское правительство должно заявить официально в своей декларации, что линия Керзона является линией новой границы между СССР и Польшей... как это сделало Советское правительство, которое заявило, что линия границы 1939 г. подлежит изменению и что советско-польской границей должна быть линия Керзона». Кроме того, Сталин впервые, но твердо излагал Черчиллю советскую конкретную территориальную претензию на некоторые германские территории, подлежавшие, согласно решениям в Тегеране, передаче Польше в качестве компенсации ее территориальных «потерь». Речь шла о довоенной провинции Восточная Пруссия: «Мы, писал Сталин, претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая порт Кенигсберг, как незамерзающий порт, отошла к Советскому Союзу». Было четко еще раз подтверждено, что «с нынешним Польским правительством мы не можем восстановить

отношений... без коренного улучшения состава Польского правительства нечего ждать ничего хорошего»²⁹.

Этот, достаточно категорический ответ не предполагал согласия премьер-министра Великобритании на новое советское условие послевоенного переустройства территории Германии в пользу СССР как страны, ставшей в июне 1941 г. объектом неспровоцированного, а преднамеренного нападения вермахта, страны, во всех смыслах наиболее пострадавшей от войны.

Необходимо отметить, что Сталин при решении вопросов территориального размежевания СССР с Польшей руководствовался не территориальными претензиями Польши к СССР, а обеспечением разумными геополитическими решениями совпадающих интересов послевоенной безопасности двух стран — СССР и Польши, как тогда понималось, на германском направлении. Это не в малой мере означало и соответствующие решения на центрально-европейском направлении в целом. Сталин, обещал польскому правительству, напомним, еще в декабре 1941 г., компенсацию польских «потерь» немецкими восточными землями и побережьем Балтики в наказание Германии за развязывание Второй мировой войны. Для реализации такого намерения не только в результате военных усилий Красной Армии, полезным было получение политических договоренностей с польским правительством. Понятно, что как правительство в Лондоне, так и руководство подпольем в стране оставались твердо против такой, предстоявшей территориальной и, следовательно, геополитической «рокировки». Они настаивали на сохранении за собой и «восточных кресов», включая Галицию, и немецких земель на Западе, и всей Восточной Пруссии. Такие планы существовали в польском руководстве, начиная еще с осени 1939 г., хотя были абсолютно не выполнимы ни тогда, ни в текущее время, что

²⁹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 267. С. 519–521; см. № 224. С. 433.

отлично понимал Черчилль — один из трех, самых крупных и влиятельных политиков того времени. Свидетельством тому была его осознанная, определенная задачей сохранения геополитических интересов Великобритании в послевоенной Польше, предельно высокая активность в решении «польского вопроса» при взаимодействии со Сталиным. Так 9 февраля 1944 г. Черчилль коротко уведомил Сталина: «Г-н Иден и я долго работали с поляками в воскресенье и продолжаем работать. В течение двух-трех дней я сообщу Вам о дальнейшем»³⁰.

11 февраля 1944 г. посол США в Великобритании Дж. Вейнант направил новую информацию Черчилля в госдепартамент США. Имелась в виду длительная беседа, Идена и О'Мэлли с Миколайчиком, Ромером и Рачиньским 6 февраля 1944 г. в резиденции премьер-министра. Ее открыл Черчилль, уведомив поляков, «... что касается Соединенных Штатов, с их стороны не может быть юридических обязательств. Это, конечно же, не означает, что в американской поддержке будет отказано». Но он просил поляков работать, «исходя из того, что Соединенные Штаты, Великобритания и СССР будут сотрудничать в течение многих лет с целью сохранения мирового порядка и единства». Обсуждение начал посол в СССР К. Керр, который «описал свое обсуждение с маршалом Сталиным», состоявшееся 2 февраля 1944 г. и подчеркнул, что «Сталин без всяких колебаний ответил на пять вопросов, заданных Польским правительством, Маршал Сталин сказал:

А) Что после войны Польша, несомненно, станет свободной и независимой, такой же как Чехословакия, и он не будет пытаться влиять на любой выбор правительств этих стран.

Б) Что, если Польша потребует от России гарантии, она будет дана.

³⁰ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 273. С. 528.

В) Что Польша может рассчитывать на всестороннюю помощь России в изгнании немцев.

Г) Что все поляки смогут переселиться с бывшей польской территории, присоединенной к России, и такие же возможности будут предоставлены украинцам, живущим в настоящее время к западу от линии Керзона.

Д) Польскому правительству будет разрешено вернуться в Польшу и создать там представительное правительство, которое сможет представлять административные функции в освобожденных районах» (подч. — А. Н.).

Далее Черчилль изложил советскую позицию касательно польского подполья: «<...> Если движение будет действовать против русских войск и партизан, оно станет объектом нападения; если нет, получит поддержку. Ситуация будет зависеть от отношения Польского правительства».

Реагируя на все сказанное, Миколайчик сделал, на первый взгляд, достаточно противоречивое заявление о позиции руководства подполья: согласившись на передачу этой информации советскому правительству, он пояснил, «что польские командиры отрядов на местах вместе с местной гражданской (подпольной) администрацией получают приказ вступить в контакт с командирами прибывающих советских войск <...> и готовы присоединиться к борьбе с общим врагом», но есть «только одна существенная оговорка. Наши подпольные силы непременно сохраняют свою собственную организацию, и они не готовы влиться в польские отряды, созданные в России <...> и находящиеся под командованием Берлинга. <...> Страна с нетерпением ожидает получения достаточного количества оружия для всеобщего восстания в тылу отступающих германских армий». Отметив, что «ясно выражено стремление страны объединиться с советскими войсками в их борьбе с Германией», Миколайчик, коснувшись «политического аспекта», указал: страна «... так же отчетливо показывает решимость сохранить террито-

риальную целостность Польши»³¹. Эта позиция польского премьера оставалась по сути своей неизменной, по меньшей мере с осени 1943 г., несмотря на глобальные перемены ситуации на советско- германском фронте войны.

Строго говоря, многословие и витиеватые формулировки Миколайчика по двум вопросам — граница и состав польского кабинета, оставались неизменными и могли быть прочитаны так: вы — «советские» воюйте, уничтожайте гитлеровцев на польской земле, создавайте нам условия для восстановления нашей власти накануне вашего прихода, а мы продиктуем вам условия вашего у нас присутствия. На позицию и намерения действий польского правительства и командования подпольных отрядов АК с полным основанием реагировал Черчилль, который подвел итог речи Миколайчика: «В таком случае ситуация безвыходная. На таком основании соглашение [с Москвой] не может быть достигнуто, и Советы, заняв всю Вашу страну, навяжут свою волю». Миколайчик, имея в виду своих западных союзников, парировал: «<...> Польскому правительству не предоставлены гарантии, которые могли бы уберечь Польшу от неминуемых опасностей, а также гарантировали бы ее независимость и суверенитет, жизнь и имущество ее жителей. <...> Принятие “линии Керзона” в качестве отправной точки всех обсуждений, в действительности, представляет собой навязанные условия и исключает любые реальные переговоры».

На все утверждения польского премьер-министра Черчилль отвечал весьма конкретно: «“линия Керзона” является лучшим из того, что поляки могли бы ожидать... русские должны получить Львов, Пшемьсль и Белосток останутся в Польше... если бы русские не одержали крупных побед, Польша вообще не имела бы будущего..., ему придется прояснить свою позицию для русских и прийти к пониманию

³¹ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 279. С. 543–545.

с ними». Миколайчик в ответ настаивал: «Он не может объявить, что принимает линию Керзона и отдаст Вильно и Львов». Черчилль настаивал, что «<...> в этом случае он должен взглянуть на этот вопрос с британской точки зрения и заключить свое собственное соглашение со Сталиным». Продолжая убеждать Миколайчика, Черчилль, отметив, что «русские, принимая во внимание пролитую ими кровь, имеют моральное право обеспечить безопасность своих западных рубежей», призвал поляков не делать неверных шагов, которых было много в польской истории, настаивал, что «<...> отказ в данный момент может стать самым фатальным и катастрофическим из всех. Если поляки отвергнут это предложение, он, конечно, объяснит их позицию Советскому правительству, но он изложит также и британское мнение и заключит сепаратное соглашение, о котором говорил. <...> Но он не будет задействовать мощь Британии для уточнения границы Польши».

В завершение столь длительной беседы, состоялся обмен итоговыми заявлениями: Миколайчик заявил, что «он не может пойти так далеко, как ему предлагают, не отказываясь от морального права Польши и не теряя поддержки своего народа». Черчилль пригрозил: «Если Польское правительство в конечном итоге откажется присоединиться к линии маршала Сталина, он, с согласия кабинета, предпримет необходимые действия сам»³².

В тот же день, 11 февраля 1944 г. Рузвельт направил послание Сталину, где признал, «что будущая безопасность Вашей страны... в первую очередь, касается Вас», выразил уверенность, «что может быть найдено такое решение, которое полностью защитило интересы России и удовлетворило бы Ваше желание видеть дружественную, независимую Польшу <...>». Президент выражал полное понимание желания Сталина «иметь дело только с таким Польским

³² Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 279. С. 549.

правительством, которому Вы можете доверять и на которое можете рассчитывать в том отношении, что оно установит постоянные дружественные отношения с Советским Союзом». Говорилось об искренней надежде, похожей, скорее, на предостережение, что «<...> пока эта проблема остается все еще неразрешенной, не будет сделано ничего такого, что превратило бы этот особый вопрос в такой вопрос, который пагубно отразился бы на более крупных проблемах будущего международного сотрудничества». Президент предлагал Сталину «<...> найти какой-либо ответ на вопрос о составе Польского правительства, который предоставил бы возможность самому польскому премьер-министру произвести такие изменения в составе своего правительства, которые могли бы быть необходимы, без каких-либо признаков давления или того, что это было продиктовано другой страной»³³.

На следующий день, 12 февраля 1944 г., в печатном органе политического руководства СССР — газете «Правда», вышла крайне резкая статья «Враждебные действия эмигрантского Польского правительства, прикрываемые фальшивыми словами о дружбе». Тем самым был дан некий публичный сигнал, в том числе Польскому правительству, о том, что время дискуссий, рекомендаций и убеждений в геополитической обоснованности советских требований ради установления добрососедских отношений с будущей Польшей, как и польских «словесных заверений» и «слащавой декламации на тему о “дружбе” и “искренности”», от всей той патетической литературы политических тартюфов» истекло. Москва переходит «к подлинным фактам, к реальной, неприкрашенной действительности»³⁴.

Нельзя исключить, что реакцией на эту, основанную на конкретных фактах исключительной враждебности польского руководства к стране и людям, сражающимся за спа-

³³ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 278. С. 541–542.

³⁴ Там же. Док. № 282. С. 554–559.

сение польской нации от гитлеровской угрозы, стало Заявление Польского правительства 15 февраля 1944 г. Речь шла о его готовности «<...> по согласованию с Британским и Американским правительствами вступить в переговоры с Советским правительством по трем нерешенным вопросам. <...> Польское правительство не исключает из этих обсуждений и вопрос о границах <...> Польши на востоке, а также на западе и севере». 1. «Польское правительство не может принять требование, навязываемое СССР, о принятии линии Керзона в качестве будущей польско-советской границы» (подч. — А. Н.). 2. «Изменения в составе Польского правительства и Верховного командования вооруженных сил Польши не могут производиться по требованию иностранного государства». 3. «Польское правительство считает своим долгом заявить, что намерение передать часть Восточной Пруссии с городом Кенигсберг Советской России наносит ущерб интересам польского государства, ограничивая его свободный выход к морю»³⁵. Это означало польский отказ принять советские требования как по вопросу границ, так и составу Польского правительства.

Между тем, на следующий день, 16 февраля 1944 г., состоялся второй большой разговор У. Черчилля, А. Идена, А. Кадогана и О. О'Мэлли с польским руководством. Миколайчик представил Заявление от 15 февраля. Дальновидный политик, крайне заинтересованный в сохранении английского руководства Польским правительством, Черчилль предложил Ст. Миколайчику, Т. Ромеру и Э. Рачиньскому обсудить текст документа³⁶, который, как он считал, «следует передать маршалу Сталину» и призвал поляков с ним согласиться. Миколайчик, со своей стороны, сообщил о подготовке краткого документа, где «правительство определило свою позицию по конкретным вопросам». Речь шла

³⁵ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 285. С. 565.

³⁶ Текст документа не опубликован английской стороной.

о сохранении за Польшей Вильно, на что Черчилль заметил «абсолютно невозможно вследствие вступления Литвы в состав Советского Союза», о демаркационной линии, которая «является наилучшим вариантом для обеспечения ее принятия местным населением»; готовности правительства «обсуждать, но не решать заранее, проблему окончательного установления границ»; и установлении власти польской администрации «там, где сконцентрировано значительное количество этнических поляков». Это предложение, по мнению Миколайчика, есть «предел возможного и представляет максимум того, что может предложить Польское правительство». Коснувшись вопроса об отходившей к СССР Восточной Пруссии, он утверждал: «Польша не только будет окружена Россией, но и полностью контролируется ею». В ответ Черчилль заметил: «<...> Польша может противостоять России, пока ей оказывают помощь другие страны», сказал, что «чувствует значительную разницу между Россией и нашим врагом Германией. Без русских войск не было бы возможности воссоздать польское государство. <...> Если Польское правительство не может сейчас по принципиальным соображениям принять окончательное соглашение о границах, тогда должна быть демаркационная линия, но ею может быть только линия Керзона». Затем Миколайчик произнес ключевые для Черчилля слова «Предлагая демаркационную линию, Польское правительство понимает, что в то время, как их законные права могут сохраниться, отказываясь в действительности от требований соблюдения суверенитета на значительных территориях, они тем самым в итоге определяют окончательное решение. Следовательно, его желание состоит в том, чтобы демаркационная линия была проведена так, чтобы не оставить значительных групп польского населения на востоке. Население сможет быть перемещено, но только после войны».

Вступивший в дискуссию А. Иден отметил, что «если поляки попросят определить демаркационную линию так

далеко на востоке, нет надежды на принятие ее Советами. Русские уже пересекали или находились поблизости с этой линией во многих местах. Настаивая на невозможном, поляки потеряют имеющиеся преимущества в вопросе о территориях, расположенных дальше на запад». Вступивший в разговор Черчилль, признав, что «советский ответ может быть негативным», но «самый удачный момент для разговора с русскими — сейчас, когда мы готовимся к открытию второго фронта и до того, как они заняли всю Польшу». В завершение разговора Черчилль посоветовал польским руководителям: «Поляки должны радоваться продвижению русских войск, хотя это может быть опасным для них, — ведь это единственная надежда на освобождение от немцев. Нет основания предполагать, что Россия повторит путь немцев — стремление завладеть всей Европой. После войны и Великобритания, и США сохранят мощные силы, и есть хорошие шансы, что наступит мир на тридцать или сорок лет». Премьер «настоятельно призвал Польское правительство принять его совет и дать ему максимум возможного для ответа маршалу Сталину»³⁷.

Поздним вечером 16 февраля 1944 г. в Вашингтон было отправлено послание Сталина Рузвельту. Существенно задержавшись с ответом, не реагируя на пожелания и рекомендации Рузвельта, согласившись с президентом лишь в том, что решение польского вопроса «имеет важное значение как для СССР, так и для нашего общего дела», Сталин, как бы подводил итог дискуссиям на этот счет. Коротко и твердо, словно еще раз и последний, он излагал требования советского руководства: «... мы пошли на весьма большие уступки полякам в вопросе о границе. Мы вправе были ждать соответствующего же заявления от Польского правительства... о признании линии Керзона..., как это уже сделало Советское правительство. Тем не менее, Польское пра-

³⁷ Советский Союз и польское военно-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 288. С. 569–572, 575–576.

вительство не сдвинулось с места... Следовательно, здесь нет почвы для соглашения, ибо точка зрения нынешнего Польского правительства, как видно, исключает возможность соглашения». Поэтому, настаивал Сталин, «обострился и вопрос о составе Польского правительства... в котором почти нет демократических элементов, не может иметь почвы в самой Польше и не может, как показал опыт, установить дружественных отношений с соседними демократическими государствами <...>, не в состоянии установить дружественных отношений с Советским Союзом <...>». Сталин приходил к выводу: «<...> коренное улучшение состава Польского правительства является назревшей задачей»³⁸.

После этого послания Переписка Сталина и Рузвельта по ситуации с Польским правительством прервалась на некоторое время. Но не снижал политического давления на поляков У. Черчилль, опасавшийся потери своих традиционно особых отношений с Польшей. 19 февраля 1944 г. он направил Сталину короткое послание, где писал: «Мы непрерывно боролись с поляками, и я рад заявить, что мы, наконец, достигли некоторых результатов. Я надеюсь направить Вам в течение ближайших двух дней телеграмму для рассмотрения. Я должен предупредить Вас о том, что эти предложения, вероятно, внесут раскол в Польское правительство»³⁹.

Однако усилия Черчилля в феврале 1944 г. хоть и вызвали колебания в позиции Миколайчика, Ромера и Рачиньского, но не убедили их в необходимости признать линию Керзона демаркационной линией границы Польши с СССР. К такому шагу тогда не были готовы ни польская (в первую очередь, по геополитическим соображениям) сторона, ни советская сторона из-за глубоко антисоветских позиций подпольного польского политического руководства и коман-

³⁸ Советский Союз и польское военное-политическое подполье... Т. 1. Ч. 1. Док. № 282. С. 554–559; док. № 287. С. 567–568.

³⁹ Там же. Док. № 293. С. 588.

дования Армии Крайовой в Варшаве, а также враждебного отношения к СССР польских правых политиков и Верховного командования Польских Сил Збройных в Лондоне.

Однако, в ту пору не только, и все больше не столько эти военно-политические силы определяли ситуацию на территории Польши. В стране уже существовало альтернативное им и союзное СССР военно-политическое подполье в лице действовавшей с начала 1942 г. иной политической силы — Польской Рабочей Партии, ЦК которой работал в контакте с ЦК ВКП(б) в Москве. Партией были организованы вооруженная, партизанского типа Гвардия — Армия Людова и заявившая о себе на рубеже 1943–1944 г. Крайова Рада Народова — коалиционное представительство новой власти. 16–17 марта 1944 г. делегация КРН выехала в Москву. Предстояли переговоры с высшим руководством СССР и польскими эмигрантами-коммунистами, левыми социалистами и демократами.

КОНФЕРЕНЦИЯ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» В ЯЛТЕ В ФЕВРАЛЕ 1945 г.

THE BIG THREE CONFERENCE IN YALTA IN FEBRUARY 1945

Аннотация. Встреча Рузвельта, Черчилля и Сталина, состоявшаяся в Ялте (Крымская конференция) с 4 по 11 февраля 1945 г., некоторыми представителям науки или, точнее, квази-науки, а также политиками, публицистами и так называемыми независимыми интеллектуалами описывается крайне политизировано и следовательно недостоверно. «Ялта» преподносится как место, где перекраивались судьбы мира, намечался состав правительств, где мир делился на сферы интересов. Так появилась формула: Ялта = сферы интересов. Автор анализирует труды нескольких известных ученых (среди них Генри Киссинджера), в которых не обсуждается так называемая вина Ялты. Напротив! Не оставлены без внимания и мемуары Черчилля, в которых описана встреча со Сталиным в Москве 9 октября 1944 г., в ходе которой действительно зашла речь о разделе нескольких государств на сферы влияния (в процентах). Следовательно, если политика, основанная на сферах интересов, и подлежит критике, то ее истоки связаны не с Ялтой, а со встречами Черчилля и Сталина в Москве 9 октября 1944 г.

Ключевые слова: сферы влияния, границы, война, военные операции, государства-сателлиты, демократическое правительство, советизация.

Возникновение Антигитлеровской коалиции и победа, одержанная ею весной 1945 г., подробно описаны и объяснены многочисленными научными исследованиями, написанными на мировых языках, а также на языках не столь многочисленных народов, независимо от их (наций, государств) роли в войне. Историческая наука обоснованно

уделяет особое внимание отношениям (не только дипломатическим) как в лагере держав-победительниц, так и между государствами Оси.

Встречи «Большой тройки» (Рузвельта, Черчилля и Сталина) — в то, время и в тех обстоятельствах, когда они проходили, — находились в центре внимания официальных и широких общественных кругов великих держав. Ничуть не менее пристально за ними следили официальные лица и общественность малых государств. Накопленный опыт и элементарные знания о суровых политических реалиях не позволяли забыть, что процесс урегулирования так называемых глобальных проблем неизбежно скажется и на локальном уровне, с которым были связаны жизненные интересы малых государств и наций.

Невозможно было избежать политизации историографии Второй мировой войны (как и более ранних исторических событий), потому что нельзя представить общество (и государство), в основании которого не лежали бы материальные интересы, определяющие политическое сознание и, следовательно, поступки людей. Защита собственных интересов — первостепенная задача каждого политического субъекта, который прибегает к научной истине, только если она в конкретный момент этим интересам соответствует. Если историографию, неважно на каком языке написанную, или публичные выступления политических деятелей, официальных лиц и так называемых независимых (либеральных?) интеллектуалов характеризует произвольность суждений, дефицит аргументов, сомнительная источниковая база, фальсификаты, умалчивание значимых релевантных источников первого ряда, тогда бросается в глаза безосновательность интерпретаций и выводов. Одновременно нелишне задаться вопросом: почему появляются научные работы (не только исторические) с указанными характеристиками? Найти ответ несложно, так как он заключен в самих этих работах, отмеченных мощным воздействием как государ-

ственно-партийной цензуры, так и самоцензуры авторов, низводящих результаты собственного труда до уровня квази-науки. Не составляют исключения научные (и антинанучные) работы, а также огромный массив публицистики, посвященной встречам и решениям «Большой тройки», что не должно удивлять, с учетом того, какие авторы о них писали, и какие страны они представляют.

На национально-государственную политику различных государств на европейском континенте, в Северной и Южной Америке, Азии и Африке оказала определяющее воздействие глобальная политическая конфигурация, возникавшая в результате Холодной войны. Формирование и функционирование двух военно-политических блоков подтолкнуло к изучению начала Холодной войны, главная причина которой, разумеется, усматривается в политике некогда союзных держав. В поисках истоков противостояния авторы обращаются к периоду Второй мировой войны и, конкретнее, к решениям «Большой тройки», принятым на конференциях в Тегеране (22.11–1.12.1943 г.), Ялте (4–11.02.1945 г.) и Потсдаме (17.07–02.08.1945 г.).

Некоторые представители науки, журналисты и прочие медийные персоны, деятели искусства, находящиеся под влиянием личных впечатлений от текущих событий, жаждущие публичности и успеха в общественной жизни, — все перечисленные с легкостью воспринимали и воспроизводили так называемые пацифистские, космополитические оценки, якобы имманентные общечеловеческим ценностям, которые «Большая тройка» в Ялте проигнорировала. Ялта провозглашена местом, где решались судьбы мира и формировались правительства, где мир делился на сферы интересов. Была создана формула: Ялта = сферы интересов, которую можно встретить и сегодня. И какова же на самом деле историческая правда о Ялте? Историкам, изучавшим Ялтинскую конференцию в соответствии с методологией исторической науки, очевиден тот факт, что в Ялте не об-

суждались сферы интересов, и не принималось каких-либо решений, связанных с ними. Все, что приписывается Ялте, произошло в Москве 9 октября 1944 г. на переговорах между И. Сталиным и У. Черчиллем.

Коллективная монография «История Второй мировой войны»¹ весьма лаконично описывает «Крымскую конференцию». Вначале сказано, что инициатором ее созыва стал президент США Ф. Рузвельт. Повестка дня должна была состоять из «проблем послевоенного устройства Германии и остального мира, а также участия Франции в принятии решений по указанным вопросам»². По словам авторов, конференция началась с рассмотрения ситуации на европейском театре военных действий. О положении на Восточном фронте докладывал маршал Антонов, а на Западном — генерал Маршал.

Зашла речь и о вступлении Советского Союза в военные действия на Дальнем Востоке. В соответствии с соглашением, подписанным 11 февраля, «Советский Союз спустя 2–3 месяца после капитуляции Германии, должен был вступить в войну против Японии»³. Что касается Германии, решили, что ее ждет безоговорочная капитуляция с последующим разделом на четыре зоны оккупации — американскую, британскую, советскую и французскую.

Далее югославские авторы лишь констатируют, что «рассматривались и следующие проблемы: репарации от Германии; помощь народам, освобожденным от фашистского ярма, по созданию демократических институтов в своих странах по своему выбору («Декларация об освобожденной Европе»); вопрос восточных и западных границ Польши»⁴.

¹ Drugi svetski rat (1939–1945). II. Beograd: Mladost, 1969. Книга написана коллективом из восьми авторов во главе со штатным профессором Философского факультета Белградского университета Йованом Марьяновичем.

² Ibid. S. 473.

³ Ibid. S. 474.

⁴ Ibid.

Согласован и способ формирования правительств Польши и Югославии.

Затем сообщается, что участники конференции «приняли специальную декларацию («Единство в организации мира, а также в ведении войны»), в соответствии с которой три великие державы давали торжественное обязательство и в будущем придерживаться принципа большой антифашистской коалиции»⁵. События излагаются в позитивистском ключе, а венчает описание встречи сугубо оптимистичный вывод: «Крымская конференция войдет в история как пример тесного военного сотрудничества великих демократических государств в период, когда война против нацистской Германии вошла в завершающую фазу». Таким образом, ни слова о сферах интересов.

В 1948 г. в Советском Союзе увидела свет объемная коллективная монография о Второй мировой войне, опубликованная тиражом в 40000 экземпляров⁶. 20-я глава «Программа послевоенного мирового устройства» имеет следующий подзаголовок: «Крымская конференция. Создание Организации объединенных наций»⁷. Сугубо позитивистски, в соответствии с источниками, указано, что советская сторона предложила провести конференцию в Ливадийском дворце в Крыму. Далее описывается решение, принятое в отношении Германии (по вопросу ее административного устройства разногласия отсутствовали), а основное внимание уделено репарациям. По предложению советской стороны, они должны были составить 20 миллиардов долларов, половина из которых причиталась бы СССР. Черчилль в отличие от Рузвельта с этим не согласился, поэтому решено было сформировать комиссию по разработке детального репарационного плана. Что касается организации ООН, разногласий не было, напротив, озвучено общее пожела-

⁵ Drugi svetski rat (1939–1945). II. S. 475.

⁶ Вторая мировая война. 2-е изд. М.: «Наука», 1984.

⁷ Там же. С. 530–535.

ние единства союзников по ведению войны и организации послевоенного мирового устройства.

Справедливо указано, что на конференции значительное внимание уделено урегулированию проблемы Польши, а также польским границам. По словам авторов, «острая политическая полемика» сопровождала обсуждение состава польского правительства. Столь же лаконично описан и югославский вопрос: предложено формирование временно-го единого правительства, в которое вошли бы члены Национального комитета освобождения Югославии и члены довоенной Скупщины (парламента), не дискредитировавшие себя сотрудничеством с оккупантами.

Что касается вступления СССР в войну против Японии, упоминается обещание советского правительства осуществить его в течение 2–3 месяцев после окончания войны в Европе.

В заключение констатировалось, что Ялтинская конференция имела «огромное историческое значение», что три государства пришли к взаимно приемлемым решениям по ряду непростых внешнеполитических вопросов, что с одобрением встречено всеми свобододолюбивыми народами⁸.

Эта общая оценка сопровождается («однако») констатацией, что в ходе Крымской конференции проявились две линии, направленные на решение международных вопросов и осуществление послевоенного мирового устройства. Далее сказано, что Советский Союз считал возможным в условиях наступившего мира плодотворное сотрудничество с союзниками по Антигитлеровской коалиции с целью предотвращения новой войны, укрепления мира и безопасности.

В связи с политикой великих западных союзных держав утверждалось, что в «правлящих кругах США и Англии усилилось стремление к расширению зоны их доминирования,

⁸ Вторая мировая война. С. 533.

начали предприниматься попытки затормозить развитие народно-демократических революций и национально-освободительных движений», а также проявилась тенденция к прекращению сотрудничества с СССР⁹.

Эта оценка касалась не решений Крымской конференции или лично Ф. Рузвельта, а «правлящих кругов США и Англии». Авторы указывают, что Черчилль призывал к «противодействию росту влияния Советского Союза и формированию против него [СССР] “нового фронта” в Европе»¹⁰. Приписываемое Черчиллю не вызывает возражений, однако это не имеет отношения к политике сфер влияния, которой, якобы, «Большая тройка» положила начало в Ялте.

Далее советские авторы утверждают, что после смерти Ф. Рузвельта (12.04.1945 г.) новый президент США Г. Трумэн настаивал на более «жесткой линии» в отношении Советского Союза и в целом выступал за более выраженный экспансионистский внешнеполитический курс. Следовательно, как мы видим, Ялта осталась позади (дух и решения), и в полной мере проявилась радикализация американской внешней политики, ставившей целью доминирование во всем мире и создание однополярного мирового устройства. Советский Союз виделся главным препятствием на пути ее достижения. В этом и состояла причина Холодной войны, которая продолжается до сих пор. Потому что не исчезли ни ее причина, ни практика¹¹.

В 1972 г. британские историки Питер Калвокорези и Гай Уинт опубликовали объемную монографию, посвященную Второй мировой войне и озаглавленную «Тотальная война»¹². Удивительно, но Ялтинской конференции в ней по-

⁹ Вторая мировая война. С. 533.

¹⁰ Там же. С. 433.

¹¹ См.: *Popović N.B.* Da li je Hladni rat završen 1989. godine // *Jugoslavija i svet*. Beograd: Institut za međunarodnu politiku i privredu. 2000. S. 211–218; *Поповић Н.Б.* Тријумф идеје националне државе. Београд: Друштво историчара Србије, 2018. С. 51–59.

¹² *Kalvokorezi P., Vint G.* Totalni rat. Beograd: Rad, 1987.

священо всего две страницы. Ее описание начинается констатацией, что конференция начала работу без формальной повестки дня: «Каждый мог свободно предложить вопрос для обсуждения или отказаться от него»¹³. Утверждается, что Польша «обсуждалась кратко». Упоминаются границы Польши, а затем речь заходит о правительстве, которое следовало сформировать, согласно директивам Молотова, а также британского и американского послов в Москве. Предусматривалось участие в правительстве поляков из Лондона. Предстояло провести всеобщие выборы на основе всеобщего избирательного права и путем тайного голосования. Не останавливаясь подробно на Польше, авторы упоминают, что «все оставшееся от польского вопроса было исключено из работы конференции, а принятие решений было предоставлено тройственному комитету, который должен был собраться в Москве»¹⁴.

Далее британские историки отмечают, что «конференция не выработала более точных решений по вопросу об остальной Европе. Была принята общая декларация, обещавшая свободные выборы». Перечисляя обсуждавшиеся темы, авторы упоминают консенсус относительно французской оккупационной зоны в Германии, Дальнего Востока и репараций. Подводит итог утверждение, что «в Ялте Сталин отказался от политики расчленения Германии»¹⁵.

То есть ни слова о сферах интересов, сферах влияния.

Все вышеизложенное уместилось на двух страницах, а во второй раз британские исследователи возвращаются к Ялтинской конференции на странице 466: «Эта новая российская империя стала результатом стечения обстоятельств, а не какого-то заговора. Западных лидеров обвиняли в том, что они уступили пол-Европы Сталину в Ялте <...> Однако

¹³ *Kalvokorezi P., Vint G. Totalni rat. S. 297–298.*

¹⁴ *Ibid. S. 288.*

¹⁵ *Ibid. S. 289.*

Сталин укрепил бы свою империю и в том случае, если бы конференция в Ялте не состоялась».

Таким образом, ничего не сказано ни о сговоре, ни о сделке по разделу Европы. Речь идет о ситуации, сложившейся в результате успешных боевых действий Красной Армии в Восточной и Юго-Восточной Европе до и после Ялты.

Обвинениям в адрес Рузвельта и Черчилля в том, что они отказались от половины Европы, Калвакорези и Уинт противопоставляют описание реального положения вещей, которое состояло в том, что ни одна западная держава ничего не могла сделать в отношении «русской сферы интересов, которую сформировало русское оружие».

Нельзя не согласиться с такой оценкой, потому что в Польше и Югославии советская армия оказалась из-за войны, а не по решению «Большой тройки», принятому в Ялте.

Знаменитый американский государственный деятель, дипломат и историк Генри Киссинджер в своем объемном труде «Дипломатия»¹⁶, разумеется, не мог пройти мимо конференции в Ялте, которую он называет самой важной встречей победителей. Вслед за такой характеристикой логично было бы описать ход конференции, проанализировать (а не только перечислить) ее решения, коснуться раздела сфер интересов. Ничего этого нет, как нет и обоснования, почему конференция — важнейшая встреча победителей. Киссинджер-историк подробно характеризует Ф. Рузвельта как политика, углубляется в его политическую философию, представления о месте Америки в мире («вильсонианский идеалист»), анализирует роль СССР в войне, личность Сталина и его понимание войны, излагает мнение президента об империалистических рассуждениях Черчилля, о непоколебимом сталинском прагматизме.

Любопытны мысли Киссинджера о том, что Рузвельт не хотел обсуждать цели войны до Сталинграда, и о том, что

¹⁶ *Kisindžer H. Diplomacija. I–II. Beograd: Verzal pres, 1999.*

«авторство многих идей послевоенного мирового устройства, озвученных в ходе войны, принадлежит Черчиллю»¹⁷. Неподатливость Америки или, другими словами, «пренебрежение традиционной британской позицией», аргументируется утверждением госсекретаря США К. Халла (ноябрь 1943 г.), будто «не будет больше необходимости в сферах влияния, союзах, балансе сил или любых других особых соглашениях, посредством которых государства в своем печальном прошлом пытались обеспечить свою безопасность или продвигать свои интересы»¹⁸. Киссинджер весьма убедительно разъясняет позицию США по поводу войны, и особенно американское понимание послевоенного мирового порядка. Для этого приводится высказывание Самнера Уэлса — друга и доверенного лица Рузвельта: «Эта война на самом деле является войной за освобождение народов, и она должна обеспечить суверенное равенство народов во всем мире, так же как это было в Южной и Северной Америке. Наша победа должна принести освобождение всем народам... Эпоха империализма закончилась»¹⁹.

По мнению Киссинджера (и не только его), Рузвельт выступал против идеи раздела сфер интересов, был искренним приверженцем мира и коллективной безопасности. Он «сыграл ключевую роль в формировании послевоенного мира»²⁰, его политическая философия опиралась на вильсоновский идеализм. Если это так, в чем не приходится сомневаться, тогда Рузвельт был «неспособен» на сделку по разделу сфер интересов. Нет никаких оснований полагать, что «большая тройка» по этому вопросу выступала в унисон. Можно говорить только о «дуэте», когда речь заходит о так называемых сферах интересов.

¹⁷ *Kisindžer H. Diplomacija. I–II. S. 331.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid. S. 332.*

²⁰ *Ibid. S. 335.*

Свое суждение о Ялте Киссинджер приводит в конце книги²¹. Ему предшествует пассаж о падении Берлинской стены и объединении Германии (с согласия Горбачева). И далее: «Тем временем коммунистические режимы пали во всех государствах-сателлитах, и Варшавский пакт развалился. Устройству, начало которому было положено в Ялте, пришел конец».

Предпринятый краткий обзор историографии Ялтинской конференции демонстрирует, что на ней не согласовывалось ни формирование коммунистических режимов в Восточной Европе, ни образование Варшавского пакта. Просоветские режимы сформировались в 1945–1949 гг. в результате усилий Кремля и части политических сил на местах, чему бывшие союзники даже не попытались воспрепятствовать.

Исаак Дойчер в своей исключительной работе, посвященной Сталину²², коснулся и Ялтинской конференции, к чему его побуждала и сама тема исследования. В отличие от вышеупомянутых исторических трудов, это повествование не напоминает хронику. Автор не приводит список обсуждавшихся тем, не рассказывает о том, как принимались эпохальные решения, а представляет на суд читателя синтезированные заключения, которые не подкреплены какими-либо источниками. В силу того, что общие выводы Дойчера не приведены компактно, а разбросаны по всей книге, непросто понять, какой позиции он придерживался по интересующей нас теме. «В своих мыслях и желаниях “Большая тройка” все еще надеялась экстраполировать свое нынешнее единство и гармонию на мирное послевоенное время. Предполагалось, что принцип совместного принятия решений и раздела сфер влияния наложит отпечаток на будущее»²³, — этот вывод не предварялся обсуждением

²¹ *Kisindžer H. Diplomacija. I–II. S. 707.*

²² *Deutscher I. Staljin — politička biografija. Zagreb: Globus, 1977.*

²³ *Ibid. S. 451.*

Ялтинской конференции. Кажется, автор сформулировал очевидное, то есть достоверно известную историческую истину, не подвергавшуюся сомнению. И далее сразу: «“Большая тройка” была попросту вынуждена принимать одно за другим сиюминутные “практические” военные решения, потому что их было не избежать. Однако каждое из этих решений несло в себе семя будущего раздора, несогласия и соперничества»²⁴. Получается, практические решения были не результатом договоренности, а «навязывались» силой обстоятельств, а со стороны выглядело так, что Сталин, с согласия союзников, занимает оговоренную советскую сферу влияния (интересов).

Интересно и очень важно определить, имел ли Сталин заранее разработанный план и замысел, вступая в переговоры с западными союзниками. Дойчер формулирует это следующим образом: «Возникает закономерный вопрос: когда Сталин мог только догадываться о возможных пределах сферы своего влияния, планировал ли он уже установление коммунистических режимов в странах, ею охваченных? Был ли план революции, состоявшейся в этих странах после войны, готов уже в период Тегерана и Ялты? <...> Отвечая на эти вопросы, поклонники Сталина соглашаются с его противниками. Почему? Просто потому, что и те, и другие хотят убедить нас, что за ходами и действиями Сталина скрывался какой-то чрезвычайно хитрый, проницательный и дальновидный план»²⁵.

Дойчер, проведя анализ вышеупомянутой проблемы, указав на ряд противоречий, приходит к однозначному выводу: «На самом деле эти противоречия дают нам понять, что у него [Сталина] просто не было такого плана»²⁶. Далее, создается впечатление, что под влиянием сталинских противоречий автор начинает сам себе противоречить, утверждая,

²⁴ *Deutscher I. Staljin — politička biografija*. S. 451.

²⁵ *Ibid.* S. 461.

²⁶ *Ibid.*

что «существовало соглашение о сферах влияния». А несколькими предложениями ниже он заявляет: «Механизм совместного принятия решений “Большой тройкой” развалился, так сказать, прежде чем был создан в какой-то более конкретной и прочной форме»²⁷.

Но это не конец реминисценций Дойчера о сферах влияния. Он исходит из того, что соглашение о них имело место, но не увязывает его с Ялтинской конференцией: «Договоренность союзников о сферах влияния, хотя некоторые ее характеристики и положения были привлекательны, даже очень привлекательны для их авторов, оставалась в значительной мере противоестественной и впоследствии служила причиной сожаления и пересмотра позиций»²⁸.

Этот вывод ставит членов «Большой тройки» на одну доску, безотносительно их позитивного или негативного отношения к способам достижения соглашения о сферах интересов. Однако дальше становится понятно, что автор имел в виду только западных лидеров: «Даже если бы Черчилль и Рузвельт сумели полностью преодолеть собственные сомнения, они не смогли бы игнорировать значительные сегменты общественного мнения в своих странах... [они были] резкими и энергичными противниками подобных соглашений со Сталиным»²⁹.

Мерить одним аршином Рузвельта и Черчилля, когда речь идет о сферах интересов, не представляется возможным, если с уважением относиться к историческим фактам. Хотя бы к тем, которые приводит сам Черчилль, однако об этом позднее.

Югославский историк Владимир Дедиер, писавший по-сербски, — автор амбициозного исторического труда, посвященного сферам интересов³⁰. «Ялта» — так называется

²⁷ *Deutscher I.* Staljin — politička biografija. S. 465.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. S. 466.

³⁰ *Dedijer V.* Interesne sfere — istorija interesnih sfera i tajne diplomatije uopšte, a posebno Jugoslavije u Drugom svetskom ratu. Beograd: Prosveta, 1980.

последняя 15-я глава книги, в первых строках которой Дедьер уверенно утверждает: «Имеется много доказательств, что в Ялте применялись методы тайной дипломатии (в негативном смысле), а также того, что там приняты окончательные решения о разделе Европы и остальных континентов на сферы влияния. Некоторые из этих решений принимали только вожди. Двое из Тройки великих — Рузвельт и Сталин, а Черчилль, как он сам горечью признает в своих мемуарах, часто только при этом присутствовал»³¹. После этого автор с сожалением признает, что «источников, которые могли бы показать, что именно происходило на встрече в Ялте, очень мало». Как это соотносится с более ранним утверждением, что «имеется много доказательств», — читателю остается только недоумевать.

Легкая мистификация — такой подход В. Дедьер, в молодости слышавший талантливый журналистом, выбрал для описания Ялтинской конференции: «О самой секретной части Ялтинской конференции — переговорах Сталина и Рузвельта *face à face* — имеются только косвенные источники западного происхождения». Подытоживая свое обращение к теме, автор утверждает, что конференция «послужила отправной точкой блоковой политики двух сверхдержав, а также заложила основы *Pax Americana-Sovietica*. И это несмотря на идеологические различия между ними»³². Из процитированного следует, что Дедьер исключил Великобританию из «мировой политики», а Ялту безосновательно «обвинил» в начале блоковой политики.

Дедьер продолжает стандартным описанием того, как и какие вопросы обсуждались на конференции в Ялте: Германия, ООН, Польша (обсуждалась больше всего), Япония, Курилы, Монголия, Корея, Югославия, Италия, Франция. В тексте рассматриваются конкретные проблемы, междуна-

³¹ *Dedijer V. Interesne sfere — istorija interesnih sfera... S. 409.*

³² *Ibid. S. 410.*

родное право, межсоюзнические отношения (с подробностями), которые имели место после Ялты, после Потсдама и т.д.

Все написанное никак не коррелируется с очевидным историческим фактом, что Советскому Союзу не требовалось ничье согласие, чтобы конвертировать военные победы над отступавшими германскими войсками в такое положение вещей в Восточной Европе и на Балканах, которое соответствовало его интересам. Реализовывалась политика создания государств-сателлитов вдоль границ СССР в Европе и Азии. В некоторых исторических и политологических работах ее называют «периферийным империализмом».

Так называемая политика сфер интересов никак не повлияла на победу югославской революции и создание Югославии (Демократической федеративной и Федеративной народной). Потому что Народно-освободительное движение Югославии во главе с КП Югославии добилося такой фактической ситуации (при помощи СССР), которую никто не попробовал силой изменить. В Югославии Тито придерживался той же политики свершившегося факта, которую Сталин проводил в Восточной Европе. В науке, если речь идет именно о науке, эта оценка представляет собой аксиому, которая, однако, не совпадает со следующим выводом Дедиера: «Вопреки ялтинским решениям Большой тройки о разделе сфер влияния китайская революция, как и югославская, ценой огромных военных, политических и дипломатических усилий сохранила свой особый индивидуальный характер, хотя условия борьбы в Китае имели свою специфику»³³. Итак, Дедиер настаивает на существовании сфер интересов, определенных в Ялте. При этом он ничего не пишет о том, каковы их границы, к чьей сфере относится конкретное государство или географическая область. Впрочем, тем же грешат и остальные историки. Поэтому неизвестно ни количество, ни охват сфер интересов. Наконец,

³³ *Dedijer V. Interesne sfere — istorija interesnih sfera... S. 423.*

никто не предложил элементарного объяснения, не говоря уже о точном определении синтагмы (сферы интересов). Поэтому, в соответствии с методологией исторической науки, вернемся к источникам — документам, составленным в ходе Ялтинской конференции.

Нет необходимости идти в архив какого-либо государства — члена Антигитлеровской коалиции, чтобы ознакомиться с этими материалами, потому что еще в 1955 г. в Вашингтоне опубликован официальный американский сборник документов «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta 1945». В 1979 г. советский МИД в рамках своего издания «Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг.» опубликовал 4-й том под заголовком «Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.)». На первой странице введения редколлегия информирует читателя, что составители сравнили советскую версию документов с американскими и британскими документами, открытыми для изучения еще в начале 1970-х годов. Насколько мне известно, никто не ставил под сомнение подлинность и точность советских документов.

О чем говорили Сталин и Рузвельт с глазу на глаз, неизвестно. Об этом по-прежнему можно только строить догадки.

В указанном советском сборнике нет ни слова о сферах влияния и интересов.

В связи с интересующей нас темой как источник ценность представляет 6-й том мемуаров Черчилля³⁴. Начнем с констатации, что «Румыния и Болгария перешли во власть советской военной оккупации. Венгрия и Югославия стали полем сражений, а Польша, хотя и освобожденная от немцев, лишь сменила одного завоевателя на другого. Неофи-

³⁴ Черчил В.С. Други светски рат. VI. Тријумф и трагедија. Београд: Прогресс [год не указан].

циальное и временное соглашение, достигнутое мною со Сталиным во время моей поездки в Москву в октябре, не могло иметь и, с моей точки зрения, никогда не имело своей целью определять или влиять на дальнейшую судьбу этих обширных районов после разгрома Германии»³⁵.

Таким образом Черчилль трактует свою московскую договоренность как неформальную и необязательную, добавляя, что его не интересовала судьба указанных государств. Неужели именно так? Нет, но об этом позднее, а пока рассмотрим содержание «неформальных соглашений», как они описаны в мемуарах британского премьера³⁶. Он указывает, что прибыл в Москву 9 октября, и что первая встреча состоялась вечером того же дня. Поэтому, решив, что это «удобный» момент, он предложил: «“Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?” Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

“Румыния: Россия — 90 процентов. Другие — 10 процентов.

Греция: Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов. Россия — 10 процентов

Югославия: — 50: 50 процентов.

Венгрия: 50: 50 процентов.

Болгария: Россия — 75 процентов. Другие — 25 процентов”.

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке

³⁵ Черчилль В.С. Други светски рат. VI... С. 299.

³⁶ Там же. С. 206–207.

большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать.

Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: “Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку”. “Нет, оставьте ее себе”, — сказал Сталин»³⁷.

Следовательно, если мы верим в достоверность процитированного отрывка и расцениваем его как несомненное доказательство согласованной политики, суть которой состояла в разделе сфер интересов (сфер влияния, по Черчиллю), тогда ее отправной точкой следует считать 9 октября 1944 г., а не 4–11 февраля 1945 г. Придерживались ли Сталин и Черчилль согласованных процентов влияния применительно к Югославии? Этот вопрос еще будет долго обсуждаться. Мой ответ прост: совершенно не придерживались!³⁸

Логично спросить: как Черчилль собирался реализовать свои 50 %? Имел ли он, как Сталин, своего фаворита в Югославии? Снова отвечу просто и однозначно: вообще не имел.

В этой связи полезно напомнить о первой встрече Тито и Сталина, состоявшейся в Москве 21–28 сентября 1944 г. Сообщения Тито А. Ранковичу (29 сент.) и П. Дапчевичу

³⁷ Черчил В.С. Други светски рат. VI... С. 207.

³⁸ Popović N.B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988. S. 332.

(30 сент.) из Крайовы (Румыния) дают представления о достигнутых договоренностях. А. Ранковичу: «Артиллеристов, разных инструкторов и офицеров слать сюда постепенно, потому что они нам здесь пригодятся. Мы получили для 12 дивизий полной численности все необходимое вооружение с артиллерией и прочим». Дапчевичу: «Шли мне депешей на восточную границу Сербии доклад о точном положении на твоём фронте. Без моего одобрения не смей нападать на Белград. Проводи мобилизацию и пополняй свои дивизии. Дивизии должны вырасти до 8000 — 10000. От Советского Союза мы получили полное вооружение для 12 дивизий полной численности»³⁹.

Перевод с сербского А.А. Силкина

³⁹ Поповић Н.Б. Први Титов сусрет са Стаљином // Ослобођење Београда, 1944. Зборник радова. Београд: Институт за новију историју Србије, 2010. С. 156.

**СИСТЕМА ДВУСТОРОННИХ СОГЛАШЕНИЙ
МЕЖДУ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ, СССР И СТРАНАМИ
ТАК НАЗЫВАЕМОЙ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ СОВЕТСКИЙ
«САНИТАРНЫЙ КОРДОН»?**

**SYSTEM OF BILATERAL TRETIES BETWEEN
CZECHOSLOVAKIA, USSR AND THE COUNTRIES
OF SO-CALLED PEOPLE'S DEMOCRACIES
AFTER WORLD WAR II: GUARANTEE
OF CZECHOSLOVAK SECURITY OR SOVIET
“CORDON SANITAIRE”?**

Аннотация. В результате освобождения большей части чехословацкой территории Красной армией в 1945 г. Чехословацкая республика стала частью советского блока. Внешнеполитическую и военную ориентацию на СССР никто тогда в Чехословакии не ставил под сомнение; чехословацко-советский союзный договор, подписанный 12 декабря 1943 г. в Москве, и правыми партиями рассматривался как необходимый для обеспечения безопасности страны в случае новой агрессии со стороны Германии. Однако СССР в скором времени начал строить целую систему взаимных договоров между государствами Восточной Европы, которые должны были стать его союзниками и союзниками между собой. Советское давление усилилось после подписания в феврале 1947 г. в Париже мирных договоров с бывшими союзниками Германии. Не все эти договоры отвечали интересам Чехословакии и, наоборот, те договоры, в которых она была заинтересована, не соответствовали идеям СССР. Целью советской политики было создание группы государств, зависимых от Москвы, которые являлись бы «санитарным кордоном» на случай нападения

с Запада; система этих договоров хотя частично и гарантировала безопасность Чехословакии, но, с другой стороны, втягивала ее в чуждые ей проблемы других государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чехословакия, СССР, двусторонние договоры, Восточная Европа.

Изучению системы двусторонних соглашений между Чехословакией и государствами Восточной Европы до сих пор не было уделено достаточного внимания. Хотя вопросы послевоенной внешней политики уже частично исследованы. В чешской и словацкой историографии необходимо упомянуть прежде всего работы Йиндриха Деймека¹ о чехословацкой внешней политике, труды Карла Каплана² о послевоенном развитии Чехословакии и исследования об отношении Чехословакии к плану Маршалла³. В 1966 г. Квета Коржалкова опубликовала работу о формировании двусторонних отношений между так называемым европейскими социалистическими странами, которая была достаточно краткой и, несмотря на стремление быть объективной, все-таки была продуктом своего времени⁴. Отдельные соглашения, заключенные между Чехословакией и другими т.н. народно-демократическими государствами, редко изучались подробно: лучше всего, пожалуй, исследованы

¹ *Dejmek J. Diplomacie Československa. Díl I. Nástin dějin ministerstva zahraničních věcí a diplomacie (1918–1992).* Praha: Academia, 2012; *тýž: Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století.* Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku (CEP), 2002; *Dejmek J. a kol.: Československá zahraniční politika po osvobození 1945 (31. 5. — 31. 12. 1945). Dokumenty československé zahraniční politiky, sv. C/1.* Praha: Historický ústav AV ČR, 2022.

² *Kaplan K. Pravda o Československu 1945–1948. 2. vyd.* Praha: Panorama, 1990; *тýž: Československo v poválečné Evropě.* Praha: Karolinum, 2004; *Kaplan K. — Špiritová A. (eds.): ČSR a SSSR. Dokumenty mezivládních jednání.* Praha — Brno: Ústav pro soudobé dějiny — Doplněk, 1997.

³ *Putruf P. Marshallův plán.* Bratislava: Slovak Academic Press, 1993; *Krátký K. Marshallův plán. Příspěvek ke vzniku studené války.* Plzeň: Nakladatelství Aleš Čeněk, 2010.

⁴ *Kořalková K. Vytváření systému dvoustranných spojeneckých smluv mezi evropskými socialistickými zeměmi (1943–1949).* Praha: Academia, 1966.

отношения с Польшей, причем авторы (и чешские, и польские) сосредотачивали внимание на территориальном споре о Тешине и положении польского меньшинства⁵, а также отношения с Венгрией в связи с положением венгерского меньшинства в Словакии. Последней проблематикой занимались как словацкие, так и венгерские историки⁶.

Целью этой работы является выявить, в какой степени двусторонние соглашения (включая договоры с СССР) в действительности служили интересам Чехословакии, а в какой степени речь шла о создании нового санитарного кордона СССР против западных стран.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ III РЕСПУБЛИКИ

До Второй мировой войны внешней политикой руководил сам Эдвард Бенеш, который с 1918 г. и до своего избрания президентом в декабре 1935 г. являлся неизменным министром иностранных дел. После избрания президентом Бенеш был вынужден оставить пост министра, но фактически продолжал и далее определять внешнюю политику при помощи всецело на него ориентировавшегося Камилы Крофты, дипломата и профессора истории в университете Коменского в Братиславе. Также Бенеш стоял во главе внешней политики и в эмиграции, хотя министром иностранных дел стал Ян Масарик, долголетний посол в Лон-

⁵ *Friedl J.* Češi a Poláci na Těšínsku 1945–1949. Praha-Brno: Historický ústav AV ČR — *Conditio humana*, 2012; *Kamiński M.K.* Polsko-czechosłowackie stosunki polityczne 1945–1948. Warszawa: PWN, 1990; *Godulski H.* [Krzysztof Nowak] Na Zaolziu 1 maja 1945 — marzec 1947 // *Zeszyty Historyczne*. 1990. Nr. 91. S. 37–54; *Nowak K.* Mniejszość polska w Czechosłowacji 1945–1989. Między nacjonalizmem i ideą internacjonalizmu. Cieszyn — Katowice: Polskie Towarzystwo Historyczne — Uniwersytet Śląski, 2010. S. 88–191.

⁶ *Šutaj Š.* «Akcia Juh». Odsun Maďarov zo Slovenska do Čiech v roku 1949. Praha: Ústav pro soudobé dějiny (USD) AV ČR, 1993, týž: *Maďarská menšina na Slovensku v rokoch 1945–1948*. Bratislava: Veda, 1993; *Šutaj Š.* — *Szarka L.* *Magyarok Csehszlovákiában 1945–1948*. Budapest: Lucidus, 2008; *Bobák J.* *Maďarská otázka v Česko-Slovensku 1944–1948*. Martin: Matica slovenská, 1996.

доне. Ян Масарик не был членом никакой политической партии. Бенеш держал его на этом посту просто в силу его лояльности и благодаря его личности: Ян был сыном первого чехословацкого президента Т.Г. Масарика и весьма популярной личностью в общественных кругах. Он оставался министром и после войны и даже после коммунистического переворота вплоть до своей трагической смерти 10 марта 1948 г.⁷

В конце войны Эдвард Бенеш перенес инсульт, что скрывали от общественности⁸. И хотя частично он восстановился, после 1945 г. он не мог уже в полной мере заниматься внешней политикой. Ян Масарик еще с довоенного и военного времени был известен своей нелюбовью к бюрократическим обязанностям. И Министерством иностранных дел в значительной степени руководил, по крайней мере технической стороной, государственный секретарь⁹ коммунист Владимир Клементис¹⁰. С другой стороны, в Министерстве

⁷ Ян Масарик утром 10 марта 1948 г. был найден мертвым под окнами своего служебного кабинета в Чернинском дворце (резиденции Министерства иностранных дел). По официальной версии он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна, хотя обстоятельства его смерти никогда не были достоверно выяснены.

⁸ *Táborský E. Prezident Beneš mezi Západem a Východem. Praha: Mladá fronta, 1993. S. 223.*

⁹ Пост государственного секретаря был создан в 1938 г. после введения закона об автономии Словакии в совместных чешско-словацких министерствах для урегулирования отношений между чехами и словаками. Государственный секретарь являлся заместителем министра и подобно министру членом кабинета министров (правительства) с правом голоса, как и министры. Если министром был чех, то государственным секретарем — словак и наоборот.

¹⁰ Владимир Клементис по образованию юрист, до войны имел в Братиславе адвокатскую контору и одновременно в 1935–1938 гг. являлся депутатом Национального собрания (парламента) от КПЧ. Во время войны уехал во Францию, а после ее поражения в 1940 г. — в Великобританию. Во Франции в сентябре 1939 г. выразил несогласие с точкой зрения Коминтерна об империалистическом характере войны с обеих сторон, за что был исключен из КПЧ. В 1945 г. вновь был принят в партию и после смерти Яна Масарика занял пост министра иностранных дел. Но его точку зрения в 1939 г. Сталин не забыл. В 1951 г. Клементис был арестован, в ноябре 1952 г. как один из обвиняемых на процессе по сфабрикованному судебному делу вместе с тогдашним генеральным

иностранных дел был создан новый орган — генеральный секретариат во главе с опытным довоенным дипломатом Арноштом Гейдрихом, чьи действия в значительной мере уравнивали деятельность коммуниста Клементиса. Что касается персонального состава Министерства иностранных дел, то там появились некоторые «новые люди» из рядов лево-ориентированной или коммунистической интеллигенции, но большая часть сотрудников и дипломатов служила в МИДе еще до войны, а также находилась в рядах работников дипломатической службы чехословацкого эмигрантского правительства¹¹. На проведение внешней политики имел влияние и национальный социалист Губерт Рипка, который уже входил в чехословацкое эмигрантское правительство и замещал Яна Масарика. После 1945 г. было создано Министерство внешней торговли, которое принимало решения о внешнеторговой политике. Министром внешней торговли как раз и стал Губерт Рипка. Влияние КПЧ на внешнюю политику вплоть до коммунистического переворота 25 февраля 1948 г. было достаточно сильным, но не решающим.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ И СССР

Основой послевоенной чехословацкой внешней политики стал чехословацко-советский договор, подписанный в Москве 12 декабря 1943 г.¹² Договор обязывал оба государства оказывать взаимную помощь в войне против Германии и ее союзников. В этом смысле он исходил еще из довоенного чехословацко-советского договора от 16 мая 1935 г., в котором, однако, советская помощь Чехословакии ставилась в зависимость от одновременной помощи Франции. Дей-

секретарем КПЧ Рудольфом Сланским приговорен к смерти и 3 декабря 1952 г. в возрасте 50 лет повешен. В 1963 г. посмертно реабилитирован.

¹¹ Подробнее см.: *Dejtek J. Diplomacie Československa I. S. 120–121.*

¹² *Amort Č. (ed.): Na pomoc československému lidu. Dokumenty. Praha: ČSAV, 1960. Dok. 138. S. 303–305.*

ствие этого договора никогда формально не прекращалось, но, в результате возникновения «независимой» Словакии и последовавшей оккупации немецкими войсками чешских земель и провозглашения так называемого Протектората Чехии и Моравии в марте 1939 г., стало неэффективным.

Отношение СССР к расчленению Чехословакии было не столь простым, как это могло показаться на первый взгляд, и менялось за годы войны. Советский Союз не был приглашен на мюнхенскую конференцию четырех великих держав (Германии, Италии, Великобритании и Франции) 29 сентября 1938 г., и не являлся подписантом мюнхенских соглашений. Поэтому он никак не должен был выражать свое мнение ни по поводу потерь пограничных территорий в пользу Германии, ни в отношении результатов Мюнхена, польской аннексии Тешина (1 октября 1938 г.) и I (2 Венского арбитража ноября 1938 г.), которое заключалось в решении министров иностранных дел Германии и Италии отторгнуть от Словакии и Подкарпатской Руси часть южных территорий в пользу Венгрии. Раздел второй Чешско-Словацкой республики, то есть провозглашение независимости Словакии (14 марта 1939 г.), оккупацию оставшихся чешских земель немецкими войсками и объявление немецкого Протектората Чехии и Моравии (15–16 марта 1939 г.) и наконец аннексию оставшейся территории Подкарпатской Руси и восточной Словакии Венгрией (15–23 марта 1939 г.) Советский Союз не признал¹³. В результате германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. он тем не менее признал 16 сентября 1939 г.¹⁴ независимость Словацкой республики и установил с ней дипломатические отношения. В конце 1939 г. советское правительство также закрыло чехословацкое посольство в Москве. После начала герма-

¹³ Beneš E. Paměti. Od Mnichova k nové válce a novému vítězství. Praha: Orbis, 1947. S. 438–440.

¹⁴ К вопросу об отношении СССР к независимости Словакии см.: Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. 22. Кн. 2. М., 1992. Док. 585. С. 82.

но-советской войны СССР признал 16 июля 1941 г. де-юре чехословацкое правительство в эмиграции (в Лондоне) и установил с ним дипломатические отношения, после чего было обновлено 18 июля и действие союзнического соглашения¹⁵. Для эмигрантского правительства было важно, что СССР признал Чехословакию в домюнхенских границах, что для него, конечно, было легче, учитывая его неучастие в мюнхенском договоре, чем для Франции и Великобритании¹⁶.

Осенью 1944 г. в чехословацко-советском сотрудничестве появилась первая трещина в виде советской аннексии Подкарпатской Руси. Целью чехословацкой внешней политики в ходе Второй мировой войны с самого начала было восстановление Чехословакии в границах на 29 сентября 1938 г. К Чехословакии должны были возвратиться не только области, отторгнутые Германией, но также аннексированные Польшей и Венгрией. Во второй половине октября 1944 г. Красная Армия (потом она до конца октября стояла на карпатских склонах) в целом без крупных сражений овладела территорией Подкарпатской Руси, аннексированной в марте 1939 г. Венгрией. 26 октября советские войска вступили в Мукачево, на следующий день в Ужгород, а еще через день заняли Чоп, который до войны в административном отношении принадлежал к словацкой территории. Чехословацкое правительство в Лондоне, естественно, считало эту территорию частью Чехословацкой республики. На основе

¹⁵ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945 (далее — ČsSVDJ), I. Praha: Státní ústřední archiv, 1998. Dok. 93. S. 212.

¹⁶ Великобритания исходила из того, что мюнхенское соглашение было действительно подписано, но так как сама Германия разделом Чехословакии (14–15 марта 1939 г.) его уничтожила, Великобритания не связана никакими обязательствами в отношении будущих границ Чехословакии. Эту точку зрения озвучил министр иностранных дел Энтони Иден в Нижней палате 5 августа 1942 г. 23 сентября 1942 г. от мюнхенского соглашения дистанцировался и Французский комитет национального освобождения генерала Шарля де Голля. См.: Beneš E. Od Mnichova k nové válce a novému vítězství. S. 308–309; S. 344–345.

советско-чехословацкого договора об администрации на освобожденной территории, подписанном в Лондоне 8 мая 1944 г.¹⁷, оно направило на территорию Подкарпатской Руси правительственного делегата министра Франтишека Немеца. Немец 28 октября 1944 г. прибыл со своим штабом в Хуст, который Советы определили как центр чехословацкой администрации. В составе делегации был и генерал Антонин Гасал, который стал военачальником в освобожденной области¹⁸.

Администрация Немеца и советское командование 4-м украинским фронтом практически с самого начала находились в конфликтных отношениях. Советские военные власти не разрешали членам администрации Немеца свободно передвигаться, запрещали въезд в области западнее Свалявы, то есть в Мукачево и Ужгород. Кроме того, они часто не давали проводить мобилизацию в чехословацкие войска, а вместо этого вербовали людей призывного возраста на службу в Красную Армию, хотя они являлись чехословацкими гражданами. На всей территории Подкарпатской Руси инициировалось создание собственных национальных комитетов, не подчинявшихся правительственному делегату в Хусте. Эти национальные комитеты с советской помощью агитировали за присоединение всей области к советской Украине, то есть к СССР. Развязка наступила уже через месяц. 26 ноября 1944 г. в местном кинотеатре в Мукачево прошел первый съезд национальных комитетов Закарпатской Украины, организованный местными советскими политиками и офицерами НКВД. Участники съезда одобрили заранее подготовленный манифест о воссоединении Закарпатской Украины с советской Украиной. На съезде был создан так

¹⁷ Amort Č. Na pomoc československému lidu. Dok. 162. S. 329–331.

¹⁸ Подробнее о присоединении Подкарпатской Руси к СССР см.: Rychlík J. — Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016. S. 200–207. См. там и ссылки на чешскую, словацкую, русскую и украинскую литературу.

называемый Национальный совет Закарпатской Украины (НСЗУ), который должен был осуществлять в переходный период верховную законодательную и исполнительную власть области¹⁹.

Весь ход I съезда был заранее инсценирован и не имел ничего общего с законностью. Несмотря на тщательную режиссуру, съезд проходил не совсем так, как того хотели советские органы: некоторые делегаты еще до его начала выразили мнение, что такие важные вещи, как присоединение к СССР, должен решать референдум. Подобные предложения, естественно, были для советского руководства неприемлемы. Поэтому организаторы на всякий случай изменили порядок голосования: вместо голосования при помощи поднятия мандатов, оно прошло в форме «массового устного одобрения». Что еще больше поставило под сомнение легитимность съезда, и поэтому после его окончания делегаты принятое на нем заявление подписывали. Эти подписи затем еще добавочно собирали среди населения, и наконец его подписали приблизительно 90 % взрослого населения края²⁰.

Нет никаких сомнений в том, что на Подкарпатской Руси часть населения, уже тогда считавшего себя украинцами, действительно стремилась воссоединиться с Украиной — об этом воссоединении речь шла уже после Первой мировой войны²¹. Но те жители, которые воспринимали себя как русинов, а не украинцев, не хотели присоединения к Украине. Совершенно очевидно, что сбор подписей проходил под прямым или не прямым нажимом: подозрительно, что к акции сбора подписей присоединились и делегаты съез-

¹⁹ Текст манифеста см.: *Гранчак І. і кол.: Нариси історії Закарпаття*. Т. 2. (1918–1945). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1995. С. 596–597.

²⁰ *Magocsi P. R. Chrbtom k horám. Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov*. Prešov: Universum, 2016. S. 367–370.

²¹ Подробнее см.: *Rychlík J. — Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa*. S. 38–43.

да венгерской национальности и манифест «добровольно» затем подписывали и венгры на юге края. А они в то время еще сохраняли определенные надежды (вернее иллюзии), что возможны небольшие корректировки границ на юго-западе Подкарпатской Руси и может быть хоть часть этих чисто венгерских территорий останется в составе Венгрии²². Представление, что в той ситуации венгры Подкарпатской Руси стремились присоединиться к советской Украине, совершенно абсурдно.

Реакция эмигрантского правительства и президента Бенеша на создание НСЗУ и требование о присоединении Подкарпатской Руси к советской Украине ясна из телеграфной инструкции государственного министра Губерта Рипки чехословацкому послу в Москве Зденеку Фирлингеру от 5 декабря 1944 г. Чехословацкое правительство было готово отказаться от Подкарпатской Руси в пользу СССР, но уже после окончания войны и после формального подписания соответствующего чехословацко-советского договора, а во все не на основе односторонней декларации какого-то сомнительного съезда никем не выбранных комитетов²³.

Рипка также поручил Фирлингеру, чтобы тот в духе инструкции начал переговоры с советскими инстанциями. Первая беседа состоялась 27 декабря 1944 г. в Москве между Фирлингером и заместителем народного комиссара (министра) иностранных дел Андреем Вышинским. Фирлингер заявил, что президент и правительство не могут допустить смену государственного статуса Подкарпатской Руси в одностороннем порядке и вынуждены настаивать на соблюдении чехословацкого законодательства, но существует возможность решить этот вопрос в духе тесного дружествен-

²² Перемирие с Венгрией было подписано лишь 20 января 1945 г. По его условиям венгерская армия должна была быть отведена на границы, определенные Трианонским мирным договором от 4 июня 1920 г.

²³ *Němeček J. a kol. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních (далее — ČsSVDJ). Díl II. Praha: Státní ústřední archiv, 1998. Dok. 168. S. 362–363.*

ного союза Чехословакии и СССР. Вышинский заявил, что СССР придерживается всех соглашений, тем не менее он не может занять негативную позицию по отношению к движению населения Подкарпатской Руси за присоединение к советской Украине²⁴.

На следующий день Фирлингер и Немец были приняты народным комиссаром иностранных дел Вячеславом Молотовым. Фирлингер заявил, что президент и правительство не считают целесообразным, чтобы СССР решил немедленно вопрос о Подкарпатской Руси «радикальным способом», но вместе с тем повторил, что в подходящий момент проблема будет решена «в духе дружбы с СССР и в пользу населения Закарпаття». А до этого следует найти какое-то временное решение. Молотов только повторил точку зрения, озвученную за день до этого Вышинским, что СССР не может встать против воли украинского народа, желающего объединиться с советской Украиной²⁵.

Президент Бенеш был вынужден принять фактическое положение дел. В инструкции, посланной Фирлингеру 30 декабря, он заявил, что «государственно-правовой вопрос Подкарпатской Руси пока отложен и есть договоренность, что он будет в данный момент решен дружески, чтобы хорошие отношения двух стран сохранились»²⁶. Сталин 23 января 1945 г. послал Бенешу личное письмо, по содержанию схожее с тем, что Молотов заявил Фирлингеру 28 декабря: советское правительство придерживается соглашений и, конечно, исполнит обязательства по договору с Чехословакией, но не может выступить против воли украинцев на Закарпатской Украине. Сталин, правда, пошел навстречу Бенешу и согласился, чтобы вопрос был решен межгосударственным договором, который надо заключить или до

²⁴ ČsSVDJ. II. Dok. 196. S. 406.

²⁵ Ibid. Dok. 197. S. 409.

²⁶ Ibid. Dok. 204. S. 421.

окончания войны с Германией, или после ее окончания²⁷. Бенеш ответил Сталину 29 января 1945 г. Он уверил его, что передача Подкарпатской Руси не станет проблемой, но потребовал, чтобы договор был заключен после войны, так как основой чехословацкой политики во время войны было восстановление Чехословакии в домюнхенских границах²⁸. Намерение уступить Подкарпатскую Русь Советскому союзу Бенеш вновь подтвердил в разговоре с Молотовым во время своего пребывания в Москве 21 и 23 марта 1945 г.²⁹

Договор между СССР и Чехословакией о передаче Подкарпатской Руси Украинской советской социалистической республике был подписан в Москве 29 июня 1945 г.³⁰ Этим соглашением Чехословакия передавала Советскому Союзу Подкарпатскую Русь в границах на 29 сентября 1938 г. с некоторыми отклонениями, обозначенными на приложенной карте. СССР еще приобрел с довоенной территории Словакии город Чоп и небольшую территорию на запад от реки Уж.

Бенеш очень опасался, как бы СССР не перенес сценарий Подкарпатской Руси на Словакию но, к счастью, оказалось, что это были напрасные опасения³¹. Поэтому, несмотря на первоначальное беспокойство, советская аннексия Подкарпатской Руси не нарушила отношений Чехословакии и СССР.

²⁷ ČsSVDJ. II. Dok. 228. S. 470–471.

²⁸ Ibid. Dok. 236. S. 482–483.

²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. Том 1. 1944–1948 (далее — ВЕДРА) / Отв. ред. Г.П. Мурашко. Москва — Новосибирск: Сибирски хронограф, 1997. Док. 54. С. 176–177; док. 55. С. 184–185. Чешские записи с переговоров см.: ČsSVDJ. II. Dok. 248. S. 506–507; dok. 253. S. 520–523. Русская запись вторых переговоров датировалась 24 марта, а чешская 23 марта, субботой, что более вероятно, так как 24 марта было воскресенье.

³⁰ Sbírka zákonů a nařízení republiky Československé, částka 81 z 21. 10. 1946. S. 1175–1184. Č. 186/1946 Sb.

³¹ Táborský E. Prezident Beneš mezi Západem a Východem... S. 217.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ И ЗАПАДНЫЕ ГОСУДАРСТВА. ПОПЫТКИ НОВОГО ДОГОВОРА С ФРАНЦИЕЙ

Чехословацко-советский договор и после войны в чешской и словацкой среде воспринимался прежде всего как гарантия государственной независимости Чехословакии против возможной новой агрессии со стороны Германии, и, конечно, Венгрии. И это несмотря на то, что до 1949 г. Германия как самостоятельное государство в смысле субъекта международного права не существовала. В годы III республики (1945–1948 гг.) даже центристские и правые политические партии, в чешских землях Чехословацкая национально-социалистическая партия и католическая Чехословацкая народная партия (ЧНП), а в Словакии Демократическая партия, необходимость союза с СССР не ставили под сомнение.

Некоммунистические политики все же верили, что несмотря на свою внешнеполитическую ориентацию на СССР, Чехословакия и дальше будет развивать отношения с западными демократиями (исходя из терминологии коммунистов: с капиталистическими, буржуазно-демократическими странами). Сначала казалось, что так оно и будет. Были вновь установлены торговые и культурные контакты с США, Великобританией и Францией. Но с 1947 г. в связи с постепенным разделом мира на два антагонистических лагеря и началом холодной войны простор для самостоятельной чехословацкой внешней политики стал быстро сужаться.

Переломным моментом стало прямое вмешательство Москвы в чехословацкие переговоры о принятии плана Маршалла по экономическому возрождению в июле 1947 г. 7 июля 1947 г. чехословацкое правительство приняло решение об участии 12 июля в конференции в Париже и дало ясные указания по этому поводу чехословацкому послу в Париже Йиндриху Носкову³². Через два дня Сталин совер-

³² Československo a Marshallův plán. Sborník dokumentů / Eds. K. Kaplan a kol. Praha: ÚSD ČSAV, 1992. Dok. 31. S. 33.

шенно не дипломатическим способом вызвал в Москву чехословацкую правительственную делегацию во главе с председателем правительства Клементом Готвальдом (КПЧ) и в ультимативной форме потребовал, чтобы чехословацкое правительство свое согласие участвовать в плане Маршалла отозвало, аргументируя это тем, что этот план направлен против СССР и поэтому не совместим в концепцией советско-чехословацкого союза³³. Сталин не принял во внимание просьбу министра Яна Масарика, чтобы чехословацкая делегация смогла участвовать хотя бы в открытии конференции в Париже 12 июля 1947 г., а потом отказалась от плана и покинула бы конференцию³⁴. Чехословацкое правительство без сопротивления подчинилось ультиматуму Сталина и отозвало свое согласие на участие в плане Маршалла. Сценарий был такой же как с Польшей, которой Сталин также запретил участие в этом плане³⁵. Участвовать в плане не было позволено и восточноевропейским странам, проигравшим в войне, то есть Венгрии, Румынии, Болгарии, а также Финляндии.

События, связанные с отказом от плана Маршалла, показали чехословацкому правительству, что СССР интерпретирует союзнический договор очень широко, что в его понимании он потенциально направлен не только против возможного нового нападения со стороны Германии в будущем, но и против США и Великобритании в ближайшем будущем. Но большинство чехов и словаков воспринимало эти государства как союзников и освободителей Чехословакии, также как и Советский Союз.

³³ Český protokol z jednání československé delegace se Stalinem 9.7.1947 viz: Drtina P. Československo — můj osud. 2. vydání. Sv. II. Kniha 2. Praha: Melantrich, 1992. S. 683–690; русский вариант см.: ВЕДРА. Т. 1. Док. 227. С. 672–675.

³⁴ Ibid. S. 685.

³⁵ Janus J. Polska i Czechosłowacja wobec planu Marshalla. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001.

Вскоре выяснилось, что чехословацко-советский договор ограничивает в целом возможности чехословацкой внешней политики. Чехословацкие некоммунистические политики, естественно, считали, что Чехословакия должна в области внешней политики сопротивляться Москве. Интересы СССР и Чехословакии далеко не во всем совпадали. Чехословакия прежде всего была заинтересована в сохранении хороших торговых отношений с США, с которыми она вела с осени 1946 г. сложные переговоры о торговом соглашении и гарантированных кредитах от американских банков³⁶. После отказа Чехословакии от плана Маршалла США прервали переговоры. С осени 1947 г. они рассматривали Чехословакию как «потерянное» государство, то есть явно находившееся в советской зоне влияния, где коммунисты рано или поздно придут к власти³⁷. По сути, также со второй половины 1947 г. стала оценивать ситуацию и Великобритания, чье лейбористское правительство Клементы Эттли до этого времени имело хорошие отношения с Чехословакией³⁸.

В области союзнических отношений Прага была заинтересована в восстановлении союза с Францией. До Второй мировой войны Францию связывали с Чехословакией два договора: договор о дружбе, подписанный в Париже 25 января 1924 г., и чехословацко-французский гарантийный пакт, подписанный в Локарно 16 октября 1925 г.³⁹ Поведение Франции в сентябре 1938 г. и ее подпись под мюнхенским договором продолжение действия обоих договоров поставили под сомнение, но формально они не были расторгнуты.

Идея нового союзнического соглашения возникла уже во время войны на переговорах эмигрантского правительства

³⁶ Переговоры осложнял вопрос о компенсации крупным американским компаниям за имущество, национализированное осенью 1945 г.

³⁷ *Dejtek J. Československo, jeho sousedé...* S. 316.

³⁸ *Ibid.* S. 250.

³⁹ *Ibid.* S. 268.

с Французским комитетом национального освобождения после того, как комиссар по иностранным делам Морис Дежан от имени комитета осенью 1942 г. отозвал подпись Франции под мюнхенским соглашением. Дежан, который стал после войны французским послом в Праге, идею нового договора поддерживал и лично. Подготовка к подписанию соглашения активизировалась после чехословацких выборов 26 мая 1946 г., на которых выиграли коммунисты. В новой ситуации, когда коммунисты в лице Клемента Готвальда заняли пост председателя правительства, соглашение с Францией казалось для некоммунистических политиков (и прежде всего для министра внешней торговли Губерта Рипки, большого франкофила) подходящим балансом чрезмерной зависимости Чехословакии от СССР⁴⁰. С предложением нового союзного соглашения о взаимной помощи на случай гипотетического нового нападения со стороны Германии или ее союзников чехословацкое министерство внешней политики обратилось к французской стороне в июле 1946 г.⁴¹. Против предложения о союзном договоре не была и Москва, его поддерживали как чехословацкие коммунисты, так и коммунисты Франции.

Весной 1947 г. изменилась международная ситуация: французские коммунисты были вытеснены из правительства и, кроме того, началась холодная война. Поэтому Франция в мае 1947 г. предложила свой вариант договора: он должен был быть направлен исключительно против возможной агрессии Германии, и автоматически ни против кого больше. Камнем преткновения стала клауза «против всех», что в условиях холодной войны могло означать: и против США, что для Франции, конечно, было неприемлемо.

⁴⁰ *Petruf P. Vývoj zahraničnopolitického postavenia ľudovodemokratického Československa v rokoch 1945–1948 // Február 1948 a Slovensko / Ed. O. Podolec. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2008. S. 35–36.*

⁴¹ *Dejmeek J. Československo a jeho soused... S. 283.*

Затем был отвергнут план Маршалла, и СССР изменил полностью отношение к договору. Сталин «посоветовал» Чехословакии, чтобы она без формулировки «против всех» договор с Францией не подписывала⁴². Кроме всего прочего и США оказали давление на Францию: администрация Трумэна в новой геополитической ситуации были не заинтересованы в каких-либо соглашениях своих союзников со странами «за железным занавесом»⁴³.

ДВУСТОРОННИЕ ДОГОВОРЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ С ТАК НАЗЫВАЕМЫМИ СТРАНАМИ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Сразу же после войны интерес к обновлению союзнических отношений с Чехословакией проявила Югославия, где уже в 1945 г. всю власть получили коммунисты Иосипа Броза Тито. У Югославии после войны был территориальный спор с соседней Италией относительно Истринского полуострова и порта Триест, а также противоречия с Грецией, где в гражданской войне Югославия поддержала коммунистов. В эти конфликты, конечно же, Чехословакия не хотела вмешиваться.

Титовская Югославия в конце концов вынудила Чехословакию подписать союзный договор. Это было связано со стремлением Югославии стать наряду с СССР другой региональной державой в Восточной Европе, что в конце концов привело в 1948 г. к разрыву советско-югославских отношений. С другой стороны, Югославия еще до войны была союзницей Чехословакии в рамках Малой Антанты, она воспринималась в чешском и словацком обществе весьма позитивно. В годы войны титовское партизанское движение вызывало восхищение, и сам Иосип Броз Тито был в Чехословакии очень популярной личностью. Договор

⁴² *Ripka H. Únorová tragédie. Praha: Atlantis, 1995. S. 95–97; Сравни: ВЕДРА. Т. 1. Док. 228. С. 676–677.*

⁴³ *Petruf P. Vývoj zahraničněpolitického postavenia... S. 37–38.*

с Чехословакией был подписан в Белграде 9 мая 1946 г.⁴⁴ Третья статья договора обязывала обе договаривавшиеся стороны оказывать взаимопомощь в случае нападения со стороны Германии либо другого государства, с ней связанного, что стало общей формулой во всех подобных договорах между странами Восточной Европы.

Оба государства также обязывались не вступать в соглашения, направленные против другой стороны. В результате конфликта между Сталиным и Тито в 1948 г. чехословацко-югославский договор 4 октября 1949 г. был прерван по инициативе чехословацкой стороны⁴⁵. И хотя позднее чехословацко-югославские отношения нормализовались, до возобновления договора дело не дошло.

После окончания войны обострились отношения между Чехословакией и Польшей. Между чехословацким и польским эмигрантскими правительствами в Лондоне с 1940 г. шли интенсивные переговоры о тесном сотрудничестве, в результате чего в конце концов появился план создания чехословацко-польской конфедерации. Но когда летом 1942 г. Москва выразила несогласие с планом, президент Бенеш от него отказался⁴⁶. С конца 1943 и в ходе 1944 г. отношения между чехословацким и польским правительствами постепенно ухудшались⁴⁷.

Чехословацкое правительство в Лондоне 31 января 1945 г. прервало дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством и в тот же день признало просоветское Временное правительство Польской республики (Rząd Tymczasowy Rzeczypospolotej Polskiej)⁴⁸. Но это совер-

⁴⁴ Sbírka zákonů a nařízení republiky Československé, částka 71 z 28. 08. 1946. S. 1127–1130. Č. 168/1946 Sb.

⁴⁵ Československé dějiny v datech. Praha: Svoboda, 1986. S. 501.

⁴⁶ *Táborský E.* Prezident Beneš mezi Západem a Východem... S. 99.

⁴⁷ Об этом подробнее см.: *Němeček J.* Od spojení k roztržce. Praha: Academia, 2003.

⁴⁸ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-czechosłowackich (далее — DMHSPCz). Tom 1. Część 1. Wrocław: Ossolineum, 1985. Dok. 18. S. 24.

шенно не значило, что между обеими странами отношения были дружескими. Прежде всего речь шла о конфликте из-за области Тешинской Силезии, по-польски Заользья (*Zaolzie*), то есть территории за рекой Ользой, которая перед войной являлась границей между Чехословакией и Польшей, этот конфликт тянулся с 1918 г. Польша ультиматумом от 1 октября 1938 г. вынудила Чехословакию передать ей спорную территорию, а в ноябре 1938 г. заставила передать ей небольшие части словацкой территории (часть региона Кисуц, Нижнюю Ораву и Нижний Спиш). Тогда как территория Тешина после поражения Польши в войне в сентябре 1939 г. перешла к Германии, Кисуце, Ораву и Спиш Германия вернула в тот момент уже самостоятельной Словакии за ее участие в войне против Польши. Кроме того, Словакия получила еще горную Ораву и горный Спиш, которые с 1920 г. входили в состав Польши.

Чехословацкое правительство настаивало на границах на 29 сентября 1938 г. и восстановлении довоенной чехословацко-польской границы как в Тешинской области, так и в Кисуцах, Ораве и Спише. Прежде всего спор шел о Тешине, промышленной области, богатой черным углем. Польское временное правительство хотело сохранить польско-чехословацкую (польско-словацкую) границу по состоянию на 1 сентября 1939 г., то есть на момент начала Второй мировой войны. В этом отношении его точка зрения совпадала с точкой зрения польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Стремление временного правительства удержать Тешин (Заользье) имело в Польше и огромное пропагандистское значение: Временное правительство национального единства подписало 16 августа 1945 г. в Москве договор, согласно которому к Москве переходили территории на восток от рек Сан и Буг⁴⁹, то есть практически те территории, которые

О признании Польского временного правительства см. также: *Němeček J. Od spojení k roztržce. S. 260–294.*

⁴⁹ *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*, 1947. Nr. 35. Poz. 167.

Советский Союз присоединил в 1939 г. на основе тайного приложения к немецко-советскому пакту о ненападении⁵⁰. Хотя это правда, что большинство населения этих территорий составляли украинцы и белорусы, но большие города были преимущественно польскими, тесно связанными с польской историей. Польское временное правительство было в широких слоях населения непопулярно еще и потому, что ему не удалось удержать в составе Польши значительные центры польского образования и культуры, какими являлись Львов и Вильно (Вильнюс). Эта неприязнь еще больше усилилась с переездом в Польшу с этих территорий нескольких миллионов поляков, которые затем переехали на западные земли, отторгнутые от потерпевшей поражение Германии в пользу Польши. Территории, полученные за счет Германии в Восточной Пруссии, Померании, в Верхней и Нижней Силезии, польская общественность не воспринимала как адекватную компенсацию за утраченные земли на востоке, так как в большинстве случаев это были чисто немецкие территории, которые принадлежали Польше либо очень давно (в Средние века), либо вообще не принадлежали. Удержание Тешина имело другое значение, так как речь шла о территории с изначально преимущественно польским населением, территории, которую Польша стремилась включить в свой состав сразу после восстановления независимости в 1918 г. Необходимо также добавить, что в вопросе Тешина и Польская рабочая партия (*Polska Partia Robotnicza*), то есть партия польских коммунистов, и некоммунистические польские партии были едины⁵¹.

⁵⁰ Pakty Stalina s Hitlerem. Dokumenty. Praha: Naše vojsko, 1990. Dok. 8. S. 33.

⁵¹ Споры о Тешине в 1945 г. между «двумя братскими социалистическими государствами» были для чехословацкой и польской историографии до 1989 г. «табу», но целиком игнорировать их было невозможно. С точки зрения теории «социалистического интернационализма», особо неприемлем был тот факт, что сохранение Тешина в составе Польши полностью поддерживали и польские коммунисты. Словацкий историк-коммунист Виктор Бородавчак поэтому выдвинул в 1982 г. тезис, что польские коммунисты не высказывались за передачу Тешина Чехословакии чисто

Тешин не был единственной проблемой в чехословацко-польских отношениях, так как Чехословакия сразу после войны объявила о своих претензиях и на районы с городами Кладско (немецкий Glatz), Глубчице (нем. Leobschütz) и Ратибор (нем. Ratibor) в Верхней Силезии, либо хотя бы на часть этих территорий. О том, что Чехословакия будет претендовать на небольшие части немецкой территории, президент Бенеш проинформировал Вячеслава Молотова уже 21 марта 1945 г. во время своего визита в Москву. На какие конкретно территории, он не сказал, но выразил надежду, что Советский Союз чехословацкие требования поддержит⁵². Сложность состояла в том, что всю Верхнюю и Нижнюю Силезию наступавшая советская армия передала под управление польского временного правительства. Чехословакия считала некоторые земли, которые на 1 января 1938 г. принадлежали Германии, своей неотъемлемой частью. Сразу после войны исходили из постановлений Потсдамской конференции, которая подтвердила передачу территории польской администрации, но с оговоркой, что окончательную границу между Германией и Польшей определит мирная конференция. Польша была готова отказаться от части Кладско и Глубчицка взамен на Нижнюю Ораву и Нижний Спиш, но Чехословакия не была заинтересована в таком решении, и оно не могло осуществиться по политическим причинам, так как уступка части словацкой территории Польше требовала согласия Словацкого национального совета (словацкого парламента), а это было заведомо исключено⁵³.

из тактических соображений, чтобы тем самым не усилить антикоммунистическую оппозицию, прежде всего Польскую народную партию (Polskie Stronictwo Ludowe). Это утверждение Бородовчака никак не подтверждается и является лишь стремлением доказать задним числом «интернационализм» польских коммунистов. См.: *Borodovčák V. Polský národ a národy Československa na dejinnej križovatke (1939–1948)*. Bratislava: Veda, 1982. S. 159–160.

⁵² ВЕДРА. Т. 1. Док. 54. С. 175.

⁵³ О проблеме чехословацко-польских отношений в Тешине в 1945–1948 гг. см.: *Friedl J. Češi a Poláci na Těšínsku 1945–1949*. Praha-Brno: Historický ústav AV ČR — Conditio humana, 2012; *Kamiński M. K. Polsko-czechosło-*

Вскоре оказалось, что чехословацкое стремление получить территории Кладка, Глубчинска и Ратибора нереально: польские органы стали в массовом порядке выселять из Верхней и Нижней Силезии немецкое население и заселять туда переселенцев с территории, инкорпорированной в СССР. И чем дальше, тем становилось яснее, что и мирная конференция ничего не изменит в отношении отошедшей к Польше территории. Еще 26 марта 1946 г. Губерт Рипка во время своего визита в Москву передал Молотову памятное послание, в котором обосновывались исторические права чехов на Кладско⁵⁴, но затем Чехословакия сняла это требование. Вопрос Тешина и дальше оставался нерешенным. Польша и Чехословакия старались получить поддержку Сталина, который выступал в роли арбитра, так как был заинтересован, чтобы оба государства подписали союзный договор. Чехословакия была готова пойти на это, но после решения территориального спора о Тешине, в то время как Польша снова требовала гарантий для польского населения, жившего в Тешинском районе. Советское правительство, напротив, было заинтересовано в том, чтобы чехословацко-польский союзный договор был заключен как можно скорее: в послании чехословацкому и польскому правительствам от 26 июля 1946 г. оно заявило, что было бы желательно заключить договор в августе того же года, а территориальные споры урегулировать потом в течение последующих двух лет⁵⁵. Советское требование польское и чехословацкое правительства учли, но в августе 1946 г. договор еще не был подписан.

wackie stosunki polityczne 1945–1948. Warszawa: PWN, 1990; *Godulski H. [Krzysztof Nowak]: Na Zaolziu 1 maja 1945 — marzec 1947 // Zeszyty Historyczne*. 1990. Nr. 91. S. 37–54; *Nowak K. Mniejszość polska w Czechosłowacji 1945–1989. Między nacjonalizmem i ideą internacjonalizmu*. Cieszyn — Katowice: Polskie Towarzystwo Historyczne — Uniwersytet Śląski, 2010. S. 88–191.

⁵⁴ ВЕДРА. Т. 1. Док. 139. С. 395–396.

⁵⁵ Там же. Док. 164. С. 492–493.

Договор о дружбе и взаимопомощи между Чехословацкой республикой и Республикой Польша был подписан в Варшаве 10 марта 1947 г.⁵⁶ Статьи договора были подобны статьям чехословацко-югославского договора. Оба государства обязывались предоставить взаимную помощь в случае нападения со стороны Германии или союзного ей государства. Каждое государство брало на себя обязательства не заключать соглашений со страной либо коалицией стран, которые были бы направлены против другого государства. Договор был подписан на двадцать лет и предусматривал автоматическое продление каждые пять лет. Важной составной частью договора являлся дополнительный протокол, в котором обе стороны обязывались в течение двух лет с момента ратификации решить взаимные территориальные споры; Чехословакия гарантировала права польскому меньшинству, а Польша соответственно обещала предоставить права чешскому и словацкому меньшинствам. Это требование касалось лишь словаков в Верхней Ораве, так как чешского меньшинства в послевоенной Польше не существовало.

Чехословацко-польская граница на участке гора Кременец (трехсторонняя польско-советско-чехословацкая) — Богумин по р. Одра/Одер (до 29.IX.1938 г. трехсторонняя польско-немецко-чехословацкая) была идентична той, что существовала в межвоенный период. От Богумина по р. Одра/Одер на запад (до делимитационной линии между Польшей и советской оккупационной зоной в Германии [с 1949 г. ГДР] по реке Лужицкая Ниса), граница в принципе совпадала с довоенной чехословацко-германской границей (до 29.IX.1938 г.), но с некоторыми исправлениями по течению реки Йизеры в Крконошах, которые были сделаны лишь в 1958 г. Окончательное соглашение о границах было подписано в Варшаве 13 июня 1958 г.⁵⁷

⁵⁶ DMHSPCz. T. I. Część 1. Dok. 86. S. 170–171. Dziennik Ustaw RP, 1948. Nr. 7. Poz. 47. S. 165–168; Sbíрка zákonů a nařizení republiky Československé. Částka 73 ze dne 1. 9. 1947. S. 905–808. Č. 154/1947 Sb.

⁵⁷ DMHSPCz. T. I. Część. Dok. 375. S. 428–429. Dziennik Ustaw PRL, 1959. Poz. 159. Nr 25. S. 369–370; Sbíрка zákonů Československé republiky, 1959. Příloha ke Sbírce zákonů 1959. S. 7–8.

В 1950-е годы Чехословакию и Польшу сближали опасения возможных в будущем ревизионистских требований Германии, но и в этом отношении существовала разница между государствами. Федеративная республика Германия сразу после своего возникновения в 1949 г. сама себя объявила единственной правовой наследницей Германского рейха в границах на 1 января 1938 г., а это означало, что она не признала польско-немецкую границу по Одре и Лужицкой Нисе как окончательную, тогда как никогда не оспаривала чехословацко-германскую границу. Отношения между Польшей и Чехословакией, кроме того, периодически обострялись, что было связано с различным внутривнутриполитическим развитием и кризисами в Польше (в 1956 г., 1970 г., 1980–1981 гг.) и в Чехословакии (в 1968 г.)⁵⁸.

Непосредственно после войны Москва делала различия между странами, которые входили в антигитлеровскую коалицию, странами-победительницами, и союзниками Германии, то есть побежденными государствами. В Восточной Европе кроме договора с Чехословакией (1943 г.) СССР заключил после войны еще два союзных договора — с титовской Югославией (11 апреля 1945 г.) и с временным правительством Польской республики (21 апреля 1945 г.)⁵⁹. В потерпевших поражение государствах до подписания мирных договоров решающую роль играли Союзные контрольные комиссии (СКК), в которых в Восточной Европе доминировавшее влияние имел СССР. В новой ситуации, возникшей в результате начала холодной войны, СССР был заинтересован в подписании двусторонних соглашений со странами Восточной Европы, при помощи которых усилил бы свое влияние. Такие договоры были подписаны с Румынией (4 февраля 1948 г.), Венгрией (18 февраля 1948 г.), Болга-

⁵⁸ Подробнее см.: *Szczepańska A.* Warszawa-Praga 1948–1968. Od nakazanej przyjaźni do kryzysu. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, 2011.

⁵⁹ *Баева И., Калинова Е.* След военното десетилетие на българската външна политика. София: Полис, 2003. С. 128.

рией (18 марта 1948 г.) и Финляндией (6 апреля 1948 г.)⁶⁰. Все договоры были формально направлены против Германии и «государств, которые были с ней прямо и непрямо связаны либо ее поддерживали», но в действительности под неприятелем подразумевались прежде всего западноевропейские страны и США⁶¹. После заключения двусторонних соглашений между СССР и восточноевропейскими сателлитами Москва настояла на том, чтобы эти страны подписали и договоры о дружбе и сотрудничестве между собой и стали союзниками. Таким образом, во имя «пролетарского интернационализма» должны были быть преодолены взаимные противоречия и урегулированы территориальные споры, также как и вопрос о национальных меньшинствах, хотя в действительности произошла лишь их принудительная заморозка.

Заключению союзных договоров Чехословакии с Венгрией, Румынией и Болгарией мешало формальное состояние войны с этими странами, объявленное чехословацким правительством в Лондоне 16 декабря 1941 г.⁶² Это препятствие отпало после заключения мирных договоров в Париже 10 февраля 1947 г. Отношения Чехословакии к этим странам по историческим причинам было различным, а что касается значения союзов с ними для Чехословакии, оно было минимальным.

⁶⁰ Баева И., Калинова Е. След военного десятилетия... С. 129. Договор с Финляндией отличался от остальных только тем, что обязывал подписавшие стороны оказывать помощь только в случае, если агрессия на Финляндию или Советский Союз будет осуществляться через финскую территорию. На такой формулировке настояло финское правительство.

⁶¹ Реагируя на коммунистический переворот в Чехословакии и укрепление советского блока, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Великобритания 17 марта 1948 г. подписали так называемый брюссельский пакт, который стал основой для возникновения годом позже НАТО (4 апреля 1949 г.).

⁶² Němeček J. a kol. (eds.): Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně (1940–1941). I. Praha: Historický ústav AV ČR a Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2008, 42. Schůze vlády 16. 12. 1941. S. 818–823; Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Praha: Družstevní práce, 1946. Dok. 13. S. 473.

С Болгарией Чехословакия имела до войны вполне корректные, но никак не близкие отношения: подобно Венгрии Болгария была после Первой мировой войны побежденным государством, лишившимся части своей территории в пользу соседей — Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев и Греции. Поэтому Болгария, также как Венгрия, была заинтересована в ревизии Версальской системы, тогда как Чехословакия, наоборот, стремилась ее сохранить. В период мюнхенского кризиса болгарское правительство и сам царь Борис III поддерживали идею пересмотра чехословацких границ, так как видели в нем первый шаг к ревизии мирных договоров⁶³.

После оккупации чешских земель 15 марта 1939 г. болгарское правительство закрыло чехословацкое посольство в Софии и летом установило дипломатические отношения со Словакией. Дипломатические отношения между Чехословакией и Болгарией были восстановлены в октябре 1945 г., а чехословацкий посол в Софии Франтишек Кубка передал свои аккредитационные документы только 27 апреля 1946 г.⁶⁴

Болгария была заинтересована в союзе с Чехословакией, так как он означал для нее выход из международной изоляции. Болгарию поддерживала Москва, а потому и чехословацкие коммунисты. Некоммунистические партии относились к этому договору весьма сдержанно, а президент Бенеш первоначально от него однозначно отказался. В Греции в то время шла гражданская война, а потому Болгария вместе с Югославией (до разрыва между Тито и Сталиным) поддерживали левых коммунистических повстанцев, тогда как Великобритания и США стояли за монархическое правительство в Афинах, Бенеш опасался втягивания Чехосло-

⁶³ Сирков Д. Външната политика на България 1938–1941. София: Наука и изкуство, 1979. С. 69.

⁶⁴ История на България по дати. Българската хроника. София: Труд, 2008. С. 287, сравни: Kubka F. Bulharský deník. Zápisky spisovatele a diplomata. Praha: Československý spisovatel, 1949. S. 11.

вакии прямо или косвенно в конфликт. Болгаро-греческие отношения в то время были действительно очень напряженными, так как вплоть до подписания мирных договоров греческое правительство не отказывалось от надежды получить некоторые территории в горах Родопы⁶⁵. Поэтому еще летом 1947 г. Бенеш в разговоре с чехословацким послом в Софии Франтишеком Кубкой решительно отказался от возможности каких-либо договоров с Болгарией⁶⁶.

Ситуация с заключением союзного договора с Болгарией была так же проблематична, как и неосуществившийся союзный договор Чехословакии с Францией, но на этот раз все было наоборот. Во второй половине 1947 г. давление со стороны Болгарии, которая знала о поддержке Москвы и настаивала на подписании договора, усилилось. Бенеш, у которого случился уже второй инсульт, не мог сопротивляться, но стремился ограничить действие этого договора, направив его лишь против агрессии Германии, и тем самым превратить в практически излишний⁶⁷. Болгария и Москва, наоборот, требовали, чтобы договор был направлен «против всех стран», каким-либо способом с Германией связанных, либо прямо и непрямо ее поддерживающих. С другой стороны, Чехословакия была заинтересована в развитии экономических связей с Болгарией и в дешевой болгарской рабочей силе, прежде всего в сельском и лесном хозяйствах, так как в результате выселения немецкого меньшинства уменьшилось количество трудящихся. Против экономического соглашения Прага и София не возражали⁶⁸.

⁶⁵ Мирный договор с Болгарией подтвердил болгаро-греческую и болгаро-югославскую границу, которые были установлены после Первой мировой войны в Нейи-сюр-Сен (27.11.1919); Болгария все же смогла сохранить южную Добруджу, которую получила от Румынии на основе болгаро-румынского договора, подписанного в румынском городе Крайова 7 сентября 1940 г.

⁶⁶ *Kubka F. Mezi válkami. Masaryk a Beneš v mých vzpomínkách. Praha: Svoboda, 1969. S. 221–222.*

⁶⁷ *Ibid. S. 223.*

⁶⁸ *Баева И. България и източна Европа. София: Парадигма, 2001. С. 36–39.*

Откладывать подписание соглашения Бенешу и Яну Масарику удавалось вплоть до коммунистического переворота 25 февраля 1948 г. После заключения советско-болгарского договора 18 марта 1947 г. стало ясно, что Чехословакии не удастся больше избежать подписания договора. Договор был подписан 23 апреля 1948 г. во время визита Георгия Димитрова в Прагу. Одновременно было подписано и чехословацко-болгарское экономическое соглашение⁶⁹. Подписание договора было частью «турне» Димитрова по Восточной Европе. 29 мая он посетил Варшаву, где подписал союзный договор с Польшей⁷⁰.

Румыния до войны, также как Югославия, была членом Малой Антанты и в ходе мюнхенского кризиса сохраняла по отношению к Чехословакии позитивное отношение, тем не менее значение Румынии для Чехословакии снизилось, так как вследствие утраты Подкарпатской Руси Румыния уже не являлась ее соседом. Румынская армия после антифашистского переворота 23 августа 1944 г. активно включилась в боевые действия против Германии и Венгрии и сыграла значительную роль в освобождении Чехословакии. Неофициальные контакты с новым румынским правительством при посредничестве чехословацкого делегата при СКК в Бухаресте были установлены сразу после заключения перемирия, а полноценные дипломатические отношения были восстановлены еще до подписания мирных договоров, в феврале 1946 г.⁷¹ Чехословакия не была заинтересована в союзном

⁶⁹ Sbírka zákonů Československé republiky 1949, vyhláška ministra zahraničních věcí č. 178/1949 Sb. Příloha ke Sbírce zákonů. S. 327; Rychlík J. a kol. Dějiny Bulharska. 2. vyd. Praha: NLN, 2000. S. 397–398.

⁷⁰ История на България по дати... С. 299. Стоит упомянуть, что даже польские коммунисты первоначально не согласились с тем, чтобы союзный договор обязывал Польшу оказывать помощь помимо той, которая предусматривалась при агрессии Германии, и согласились уже после вмешательства Москвы. См.: История на България по дати... С. 299. Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие... С. 143–144.

⁷¹ Treptow K., Tejchman M. a kol. Dějiny Rumunska. Praha: Nakladatelství Lidové noviny (NLN), 2000. S. 422.

договоре с Румынией, а Румыния, напротив, была, так как договор означал для нее выход из международной изоляции. Чехословакия также как в случае с Болгарией была заинтересована в торговом соглашении и привлечении рабочей силы, прежде всего для неквалифицированной работы⁷².

16 января 1948 г. председатель болгарского правительства и лидер болгарских коммунистов Георгий Димитров в Бухаресте подписал союзный договор с Румынией, а 4 февраля 1948 г. в Москве был подписан советско-румынский союзный договор⁷³. В новой ситуации, кроме того, после коммунистического переворота, Чехословакия не могла больше отказываться от подобного договора. Подписание союзного договора состоялось 21 июля 1948 г. во время визита чехословацкой правительственной делегации под руководством нового председателя правительства Антонина Запотоцкого в Бухарест⁷⁴.

Самым сложным стало подписание союзного договора с Венгрией, которую и дальше воспринимали как государство с ревизионистскими требованиями. Чехословацкое правительство первоначально требовало, чтобы венгерское меньшинство было насильственно выселено, также как немецкое меньшинство, однако это требование на Потсдамской конференции летом 1945 г. великие державы отклонили. Положение Венгрии было иным, чем Германии, так как Венгрия, хоть и являлась побежденным государством, но сохранила собственное правительство. Венгрией великие державы в Потсдаме вообще не занимались, ее дальнейшую судьбу и границы должны были определить мирные договоры. Вместо выселения этнических венгров чехословацкое

⁷² Об обстоятельствах подписания чехословацко-румынского договора см.: *Treptow K., Tejchman M. a kol. Dějiny Rumunska. S. 422–424.*

⁷³ *Ibid. S. 355.*

⁷⁴ *Sbírka zákonů Československé republiky, 1949, Příloha ke Sbírce zákonů. S. 261, vyhláška ministerstva zahraniční věcí č. 130/1949.*

правительство было вынуждено вести переговоры с венгерским правительством о добровольном обмене населением. Соответствующее чехословацко-венгерское соглашение было подписано 27 февраля 1946 г. в Будапеште. Согласно пятой статье, Чехословакия имела право выселить в Венгрию столько этнических венгров, сколько чехов и словаков из Венгрии переселится в Чехословакию (в действительности речь шла только о словаках, так как чехов в Венгрии не было), а кроме того, тех венгров, которые в Чехословакии были признаны коллаборантами. Соглашение не касалось тех венгров, которые переселились в южную Словакию после Венского арбитража и на 1 ноября 1938 г. не являлись чехословацкими гражданами: эти венгры были сразу после войны все выдворены из страны как нежелательные иностранцы.

Соглашение об обмене населением не принесло Чехословакии ожидаемых результатов. Словаков в Венгрии в действительности было намного меньше, чем утверждала (чехо)словацкая сторона, в большинстве случаев они были мадьяризованы и не владели в достаточной мере словацким языком, а кроме того, не были материально заинтересованы в переселении (запись на переселение была строго добровольной). В целом в Венгрии записались на переселение 95 421 человек, а из них реально переехали 71 787. В Венгрию в целом переселилось 89 660 человек⁷⁵. Это составляло лишь 12 % венгерского населения, которое проживало в Словакии по переписи 1930 г. (592 337 человек).

Чехословакия вновь попыталась поставить этот вопрос на мирной конференции в Париже, где потребовала выселить еще 200 000 этнических венгров. Кроме того, она настаивала не только на признании трианонских границ от 4 июня 1920 г., но и на признании недействительными решений Венского арбитража, а также на присоединении

⁷⁵ *Sápošová Z., Šutaj Š. Povoynové migrácie a výmena obyvateľstva medzi Česko-Slovenskom a Maďarskom. Prešov: Universum, 2010. S. 16.*

пяти венгерских населенных пунктов на правом берегу Дуная на юг от братиславского предместья Петржалка (так называемый братиславский плацдарм). Мирный договор с Венгрией от 10 февраля 1947 г. предусматривал присоединение к Чехословакии только трех пунктов — Дуначун (по-словацки Чуново), Горватьялфалу (Яровце) и Орошвар (Русовце), остальные границы Венгрии были подтверждены на состояние к 1 января 1938 г. Венгрия должна была вести переговоры с Чехословакией о положении и дальнейшей судьбе венгерского меньшинства в Словакии; а если в течение 6 месяцев после ратификации мирного договора соглашение не будет достигнуто, оба государства имели право просить Совет министров иностранных дел Союзнических держав об окончательном решении⁷⁶.

Чехословацкое законодательное собрание ратифицировало мирный договор 14 октября 1947 г. Но до переговоров с венгерской стороной дело не дошло, чехословацкое правительство смирилось с тем, что венгерское меньшинство останется в Словакии и ему надо будет предоставить определенные ограниченные права меньшинств в области школьного образования, печати и использования языка в местных органах, так же, как это было сделано ранее в отношении польского меньшинства и (в восточной Словакии) русинского, украинского. После коммунистического переворота последовал нажим из Москвы, чтобы ускорить нормализацию отношений между обоими государствами. Но договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи наткнулся на определенные психологические барьеры, прежде всего, у словацких политиков. Это в значительной мере подвергало сомнению какой-либо смысл остальных договоров,

⁷⁶ Michálek S. Československá delegácia na Parížskej mierovej konferencii roku 1946 // Pešek J. a kol. Kapitoly najnovších slovenských dejín. K 70. narodeninám Michala Barnovského. Bratislava: Historický ústav SAV, 2006. S. 63–64; S. 74. Текст договора см.: Sbíрка zákonů a nařízení republiky Československé, částka 91 ze 22. 11. 1947. S. 961–1037. Č. 192/1947 Sb.

заключенных Чехословакией, включая договоры с СССР. С точки зрения Чехословакии, именно Венгрия могла восприниматься как государство, способное вместе с восстановленной Германией в будущем совершить на нее нападение. А она должна была стать союзницей. Но чехословацкие коммунисты не посмели противодействовать давлению Москвы. Договор, таким образом, был подписан спустя год после договоров с Болгарией и Румынией, 16 апреля 1949 г. в Будапеште⁷⁷. За договором еще последовали переговоры чехословацкой и венгерской делегаций в Штрбском плесе в Высоких Татрах, завершившиеся подписанием 25 июля 1949 г. межправительственного протокола (названного по месту подписания «штрбским»). Он должен был стать основой дальнейшего взаимного сотрудничества⁷⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Договор между Чехословакией и Венгрией завершил создание системы двусторонних договоров между Чехословакией, СССР и его сателитами в Восточной Европе. Эти договоры составляли основу советского политического влияния в Восточной Европе вплоть до 14 мая 1955 г., когда в Варшаве между так называемыми народно-демократическими странами был заключен новый многосторонний договор (без Югославии, но дополненный ГДР и Албанией)⁷⁹. В нем уже ни о какой Германии речь не шла, а согласно статье IV, договаривавшиеся стороны должны были предоставить помощь друг другу в случае любой агрессии.

⁷⁷ Sbírka zákonů Československé republiky, 1949, Přílohy. S. 336, vyhláška ministra zahraničních věcí Č. 212/1949 Sb.

⁷⁸ A Szlovákiai Magyarok kényszertelepítései emlékezete 1945–1948 / Ed. L. Szarka. Komárom: MTA etnikai-nemzeti kisebbségkutató intézet, 2003. S. 222–229. Словацкий текст протокола см.: Archiv ministerstva zahraničních věcí (AMZV) ČR, Praha. Dvoustranné mezinárodní smlouvy, Maďarsko — sig. L 21–10.

⁷⁹ Sbírka zákonů Československé republiky, 1955, Přílohy, s. 5, vyhláška ministra zahraničních věcí č. 45/1955 Sb.

Система двусторонних договоров, без сомнения, служила Советскому Союзу в качестве своеобразного кордона на случай конфликта с западными странами, имеется в виду блок НАТО. С другой стороны, можно признать, что в случае договоров с Польшей и Венгрией они послужили во второй половине 1940-х годов охране границ и укреплению безопасности Чехословакии.

Если говорить о Германии, после коммунистического переворота в Чехословакии коммунисты неоднократно устрашали население «немецкими реваншистами», которые якобы стремятся отторгнуть пограничные территории (Судетскую область) с целью вернуть потерянное имущество. Надо признать, что на значительную часть населения, особенно тех, кто получил в приграничных районах немецкое имущество, эта пропаганда действовала, и поэтому союз с СССР и далее воспринимался как необходимый для сохранения целостности государства. Это изменилось принципиальным образом после вторжения войск Варшавского договора (СССР, Болгарии, Польши и Венгрии) в Чехословакию 21 августа 1968 г., когда стало ясно, что существующие союзнические договоры независимость Чехословакии не сохраняют, а наоборот, являются для нее угрозой.

Перевод с чешского Е.П. Серапионовой

МОСКВА, БЕЛГРАД И ПЛАН МАРШАЛЛА 1947 г.

MOSCOW, BELGRADE AND MARSHALL PLAN 1947

Аннотация. В статье рассматривается проблема, возникшая в отношениях США, СССР и Югославии летом 1947 г., связанная с разработкой американской администрацией программы экономического восстановления Европы, получившей название План Маршалла. Начинаясь холодная война обусловила сложный характер реализации принятой программы. В Вашингтоне рассчитывали, что включение в нее стран Восточной Европы, в том числе Югославии, позволит ослабить устанавливавшиеся связи стран этого региона с Советским Союзом и позволит создать общеевропейское экономическое сообщество с перспективой превращения его в политическое. Москва именно так расценила намерения американской администрации и заблокировала реализацию этого сценария, запретив сателлитам участие в Плане Маршалла. Югославия, которая на первом этапе поступила солидарно со всеми восточноевропейскими странами, после возникшего в 1948 г. конфликта с СССР постепенно возобновила, а затем существенно увеличила свои финансово-экономические отношения с США и другими европейскими странами. Конфликт Белграда с Москвой рассматривался в США в новых условиях как шанс ослабления советского блока, и это объясняло огромную по тем временам американскую помощь, оказанную Югославии в 1950-е годы, которая значительно превысила помощь, которую Белград мог бы получить в рамках Плана Маршалла.

Ключевые слова: Югославия, СССР, План Маршалла, политика США, страны Восточной Европы, советско-югославский конфликт, американская помощь СФРЮ.

После войны во внешней политике СССР возобладало архаичное марксистское представление о существовании якобы постоянного конфликта между капиталистическими странами, теперь это были США и Великобритания, что давало возможность, как казалось, его использования в интересах СССР. На основе этой ошибочной концепции в Кремле попытались выстраивать политику в отношении США. В условиях невозможности противопоставить США силу Москва пыталась проводить амбивалентную политику, основанную на выдвижении постоянных требований и отступлении, в случае жесткого противодействия. При этом Сталин опирался на основной аргумент — СССР был главной силой, победившей фашизм, справедливо требуя уважать страну, принесшую самые большие жертвы в войне, игнорируя тот факт, что идеологически это был антипод западного мира. Для сталинской стратегии характерным было абсолютное недоверие к «империалистам», готовность и ожидание любой возможности их обмануть, пойти на временный компромисс с расчетом ударить затем «ножом в спину»¹.

Однако настойчивость Кремля по расширению зоны интересов оказалась неприемлемой для США, где еще до окончания войны в политической элите все активнее укреплялось представление о собственной стране как о сверхдержаве, с широкой глобальной ответственностью. СССР и его внешняя политика рассматривались как реальная коммунистическая угроза для демократического мира². Кроме того, он уже после войны по ряду политико-экономических характеристик рассматривался как ослабленная страна с тоталитарным режимом, не входившая в центральную, т.н. ядерную группу, оставаясь в полупериферийной зоне.

¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 155. Совет И. Сталина М. Джиласу относительно югославской политики по отношению к королю Петру II.

² Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. New York: Random House, 1975. P. 511.

Требования Москвы к сохранению прежних отношений внутри «тройки», которые сложились в последние годы войны, с приходом к власти администрации Г. Трумэна стали вызывать неприятие. Сталин хотел, чтобы к нему относились как к равному, как это было в годы войны, соглашаясь с его требованиями: в частности и с политикой в Восточной Европе, которая стала вызывать резкую критику в Вашингтоне, обвинявшем Москву в нарушении существовавших договоренностей о проведении демократических реформ в странах региона.

В феврале 1946 г. Дж. Кеннан, ставший в послевоенные годы одним из главных теоретиков американской внешней политики, предпринял развернутый, глубокий анализ исторических и идеологических основ советской внутренней и внешней политики. Среди прочего, он отметил, что единственный аргумент, который воспринимается Кремлем всерьез — это сила. Спокойное, уверенное силовое противодействие его экспансионистским тенденциям, исключаящее военную конфронтацию, способно стать в американской политике сдерживающим СССР фактором³.

Между тем ситуация складывалась таким образом, что соперничество СССР и США за демократическое развитие Восточной Европы, освобожденной в ходе войны Красной армией, завершилось в первые послевоенные годы фактической победой СССР. Несмотря на протесты США, в странах этого региона власть постепенно оказывалась в руках ком-

³ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1946, Eastern Europe, the Soviet Union, Volume VI. Wash.: United States Government Printing Office. 1969. Doc. 475. The Chargé in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State. Moscow, February 22, 1946. secret. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1946v06/ch9-> (дата обращения: 24.03.2025). Концепцию «сдерживания» СССР Дж. Кеннан развил в статье «Истоки советского поведения» в июльском 1947 г. номере журнала «Foreign affairs». В частности, говорилось, что концепция «обороны по периметру» требовала от Соединенных Штатов «противостоять русским с неизменной контрсилой в каждой точке, где они демонстрируют признаки посягательства на интересы мирного и стабильного мира». — Foreign affairs. July 1947. The Sources of Soviet Conduct. «X» (George F. Kennan).

партий, представлявших интересы меньшей части населения, но поддерживаемых из Москвы с помощью механизма пропаганды и репрессий. Государственное устройство стран «народной демократии» в ходе начавшейся холодной войны постепенно, к концу 1940-х годов, трансформировалось в соответствии с советскими образцами, включая ограничения в политической жизни, исключение из нее существовавших до войны политических партий, обязательную национализацию всей хозяйственной сферы. В условиях послевоенной хозяйственной разрухи эти страны должны были рассчитывать как на собственные силы и ресурсы, так и на экономическую поддержку нового спонсора — СССР.

Все эти факторы, действующие в системе советско-американских отношений, оказывали непосредственное влияние на ситуацию, складывавшуюся в период развертывания программы восстановления Европы, предложенной США в июне 1947 г.

* * *

Югославия, когда коммунистическое крыло, основное в антифашистском Сопротивлении, завоевало власть в стране, превратилась на завершающем этапе войны в главного союзника СССР на Балканах. Она получала от него значительную военную помощь, оказавшую серьезное влияние на успехи югославской армии в борьбе с оккупантами. Эта помощь была продолжена и в течении первых послевоенных лет, наряду с поставками продовольственных и промышленных товаров различных категорий.

Укрепление отношений со странами советского блока и внутри него было в послевоенное время основной задачей Москвы, которая подписала с ними ряд договоров о дружбе и сотрудничестве. Такие же договоры были подписаны и между самими странами, входившими в новое политическое объединение⁴. После войны Югославия про-

⁴ См.: Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000.

должила политику, направленную на расширение экономического сотрудничества с СССР, главным союзником и спонсором. В мае 1946 г. по инициативе Белграда состоялся визит югославской делегации во главе с Тито в Москву. 28 мая на встрече Сталина и Тито обсуждались вопросы экономического сотрудничества и советской военной помощи, содействия в организации военной промышленности в стране⁵. Югославский лидер, признав невозможность полноценного взаимодействия в этой области, предложил создание совместных обществ, в том числе в горнорудной области, указав, в частности, на имевшиеся в стране значительные запасы полезных ископаемых. Идея создания таких обществ в конце 1945 г. принадлежала А. Хебрангу, занимавшему пост министра промышленности в югославском правительстве⁶. Тито объяснил Сталину стремление югославского руководства развивать такие формы сотрудничества с СССР нежеланием брать кредиты на Западе, что могло, по его мнению, привести к известной зависимости, в том числе в политической области⁷.

Сталин положительно ответил на предложение Тито, и уже 8 июня 1946 г. министры внешней торговли двух стран А.И. Микоян и Н. Петрович подписали соглашение об экономическом сотрудничестве. Оно предусматривало создание в Югославии восьми совместных акционерных обществ — по добыче и переработке нефти, по добыче бокситов и производству алюминия, по добыче свинца, разведке и добыче угля, в черной металлургии, в гражданской авиации, дунайского пароходного общества, югославо-советского банка. Помимо создания обществ, соглашение предусматривало

⁵ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том 1. 1946–1964. М.: МФД, 2014. С. 44–45, 499–501.

⁶ Гибианский Л.Я. Последний визит Й. Броза Тито к И.В. Сталину. Советская и югославская записки беседы 27–28 мая 1946 г. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 16–20.

⁷ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том 1: 1946–1964. С. 44–45.

советскую техническую помощь Югославии в электрификации, в пищевой, текстильной, химической, металлообрабатывающей промышленности, в производстве стройматериалов, в сельском хозяйстве⁸. Однако с созданием совместных обществ по разработке ископаемых возникли трудности, поскольку югославы настаивали, чтобы в качестве их взноса засчитывалась оценка стоимости недр, в то время как советская сторона возражала, утверждая, что общие залежи ископаемых взносом быть не могут⁹. Между тем экономические отношения двух стран вплоть до начала 1948 г. продолжали развиваться, демонстрируя определенную динамику и рост.

В Западной Европе экономическая ситуация после окончания войны складывалась неблагоприятным образом, почти все страны оказались в тяжелом положении, в условиях нарастающей депрессии росла и социальная напряженность. Резкое снижение производства, падение уровня жизни и рост леворадикальных настроений в странах континента вызывали обеспокоенность в правящих кругах США, видевших опасность усиления в странах руководимой из Москвы коммунистической оппозиции. Весной 1947 г. в Вашингтоне, где признали серьезный характер сложившейся ситуации, требующей немедленного вмешательства, приступили к обсуждению планов финансово-экономической помощи Европе¹⁰.

Одной из структур в системе внешнеполитического ведомства, участвовавших в разработке, был образованный 5 мая 1947 г. Отдел планирования внешней политики (Policy Planning Staff), который возглавлял Дж. Кеннан. Спустя десять дней после своего создания Отдел представил рекомендации, в которых описывались принципы, которые должны

⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Том 1: 1946–1964. С. 500–501.

⁹ Там же. С. 501.

¹⁰ FRUS. 1947. Vol. III. Europe. Wash.: United States Government Printing Office, 1974. P. 198.

были быть положены в основу программы предоставления американской помощи, обозначались условия ее получения и обосновывались возможные причины отказа. В документе говорилось о том, что программу следовало составить таким образом, чтобы способствовать региональной политической ассоциации стран Западной Европы. Помимо этого США должны были использовать свое влияние для того, чтобы программа, согласованная для западноевропейских стран, оставалась открытой для присоединения Чехословакии и других стран, находящихся в зоне влияния русских, как только они смогут гарантировать, что их участие будет конструктивным¹¹. Упоминание в американском плане Чехословакии, индустриальной страны, части руководства которой американцы, вероятно, сообщили о готовности включить ее в программу помощи, стало позже причиной особого внимания со стороны Москвы и грубой попыткой не дать Чехословакии возможность присоединиться к плану.

Секретарь госдепартамента Дж. Маршалл, после предварительного анализа обстановки с советниками, выступил 5 июня с программной речью о необходимости экономического восстановления Европы, получившей позднее название «План Маршалла». Охарактеризовав тяжелую экономическую ситуацию Европы и отметив необходимость крупных закупок европейцами продовольственных и других товаров в Соединенных Штатах, Маршалл выразил готовность правительства США «сделать все возможное, чтобы

¹¹ FRUS. 1947. Vol. III. «Мы должны использовать наше влияние, чтобы программа, которая будет согласована для Западной Европы, оставила дорогу открытой для Чехословакии и других государств, входящих в орбиту России, как только они смогут дать гарантии того, что их участие будет конструктивным». — Memorandum by the Director of the Policy Planning Staff (Kennan). Secret. [Washington,] May 16, 1947; *Минкова К.В.* «Пока доктора раздумывают, пациент умирает»: как рождался план Маршалла // Вестник гуманитарного образования (ВятГУ). 2022. № 1 (25). С. 56–57. Автор называет Дж. Кеннана одним из основных разработчиков программы Восстановления Европы (European Recovery Program — ERP), «Плана Маршалла». С. 55.

вернуться к нормальному экономическому положению, без которого не может быть ни политической стабильности, ни прочного мира». Однако госсекретарь тут же предупредил, что правительства, политические партии или группы, которые попытаются использовать в своих политических целях экономическую ситуацию в Европе, будут встречать сопротивление Соединенных Штатов. Основным условием американской помощи должно было стать наличие «определенного соглашения между европейскими странами в отношении их потребностей и того участия, которое примут сами эти страны в восстановлении Европы». По словам Маршалла, инициатива должна была исходить от Европы, США только предлагали свою помощь в выработке европейской программы реконструкции и в ее осуществлении¹².

Основными целями плана Маршалла являлись стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, включая Германию, и уменьшение советского влияния в Восточной Европе. Предполагалось использовать сырьевые ресурсы Восточной Европы для восстановления западной части континента. Наша политика, указывалось в докладе Дж. Маршалла, «направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса»¹³. По плану помощи предполагалось выделить всем европейским странам материальной и финансовой помощи на значительную по тем временам сумму около 15–20 миллиардов долларов.

Программа предусматривала предоставление помощи не только западноевропейским странам, но и государствам Восточной Европы, которые оказались в зоне политического влияния СССР. В ходе весенних дебатов 1947 г. в американском правительстве по вопросу о выделении помощи в от-

¹² FRUS. 1947. Vol. III. P. 238. Press Release Issued by the Department of State, June 4, 1947. Remarks by the Honorable George C. Marshall, Secretary of State, at Harvard University on June 5, 1947.

¹³ Ibidem.

ношении этих стран была сделана оговорка, что она будет предоставлена в целях продолжения там *демократических процессов* (курсив. — А. А.). Представления о демократии в США и в руководящих структурах СССР, как известно, существенно различались. В Вашингтоне рассчитывали, что ситуация, которая возникнет в советском блоке в ходе обсуждения участия в Плане, попытки Москвы навязать восточноевропейским странам свою трактовку американской инициативы будут способствовать возникновению напряжения внутри сателлитов, что было, помимо прочего, одной из целей американцев. Возможное согласие этих стран на присоединение к Плану, на что американцы тоже рассчитывали, привело бы их к очевидному дистанцированию, в силу новых обстоятельств, от Москвы и возникновению некоего общеевропейского экономического сообщества, которое, что также не исключалось, могло вскоре превратиться в политическое. В американской администрации постепенно начали применять рекомендации Кеннана касательно политики в отношении СССР, сделанные им годом раньше¹⁴.

Подобная перспектива совершенно не устраивала Кремль, который в то время сконцентрировал свои усилия на все большей интеграции стран Восточной Европы вокруг СССР.

Участие в этой программе восстановления Европы было предложено и СССР, который на первом этапе выразил готовность, но с известным резервом. Сталин пришел к выводу, что продвижение этой программы на Восток приведет к появлению зависимости стран советского блока от США, поскольку целью плана Маршалла, как считали в Москве, было создание в Европе политического союза под американским влиянием. Советский посол в США Н. Новиков в телеграмме В. Молотову 24 июня сообщал о том, что «вни-

¹⁴ FRUS. 1947. Vol. III. — The political and economic crisis in Europe and the United States response (The Marshall Plan). Документы о подготовке США программы экономического восстановления Европы. № 128–273.

мательный анализ “плана Маршалла” показывает, что в конечном итоге он сводится к созданию западноевропейского блока как орудия американской политики <...>¹⁵. Вероятнее всего, этот вывод был положен в основу советского подхода к оценке плана Маршалла и возможного участия в нем, от которого Москва на этом этапе, однако, не отказалась.

Кремль попытался в конце июня, когда американцы предложили Великобритании и Франции провести совместно с СССР совещание, на котором были бы предварительно обсуждены в общем плане рамки, условия и объемы требуемой каждой из европейских стран помощи, срочно выработать позицию, которая учитывала бы и советские интересы и интересы своих союзников¹⁶.

Югославское руководство стремилось согласовать свою позицию в отношении американского плана с его восприятием в Кремле, строго следуя в фарватере советской политики. В конце июня британский посол в Белграде Ч. Пик в разговоре с заместителем министра иностранных дел А. Беблером сообщил о том, что ему известно о согласии СССР с предложением участвовать в переговорах с Великобританией и Францией, предлагая в этой связи, чтобы югославская сторона сделала какое-либо заявление по этому поводу. В ответ на сомнения Беблера, сославшегося на то, что ему еще не известны условия этой помощи, Пик сообщил о готовно-

¹⁵ Тахненко Г. Анатомия одного политического решения // Международная жизнь. 1992. № 5. С. 121.

¹⁶ FRUS. 1947. Vol. III. P. 254. The British Ambassador (Inverchapel) to the Secretary of State. Secret, urgent. Washington, June 14, 1947. Британский посол (Инверчепел) государственному секретарю. Секретно, срочно. Вашингтон, 14 июня 1947 г. «Мой дорогой государственный секретарь: сегодня утром я получил телеграмму от г-на Бевина с просьбой сообщить вам, что в целях осуществления намерения сотрудничать с французами в изучении нового американского подхода к Европе, намеченного в вашей недавней речи в Гарварде, он предлагает взять на себя инициативу и посетить Париж в начале следующей недели, чтобы лично обсудить этот вопрос с премьер-министром Франции г-ном Бидо. Французскому правительству сообщили, что при условии его согласия г-н Бевин надеется прибыть в Париж во вторник днем и вернуться в Лондон в среду вечером».

сти Маршалла предоставить полную свободу европейским странам самим разработать план ее использования¹⁷.

Советская делегация во главе с В. Молотовым приняла участие в Парижской конференции, открывшейся в конце июня 1947 г., на которой Великобритания и Франция вместе с некоторыми другими европейскими странами обсуждали условия получения американской помощи. В кремлевских директивах советской делегации специально подчеркивалось, что она при обсуждении любых конкретных предложений, касающихся предоставления помощи, должна возражать против таких условий, которые могли бы «повлечь за собой ущемление суверенитета европейских стран или нарушение их экономической самостоятельности»¹⁸. Кремль стремился не допустить ситуации, в которой США, создавая свои специальные органы, через которые они должны были оказывать помощь странам Европы, могли бы контролировать различные отрасли их экономики, ее общее состояние и тенденции развития, вовлекая в свою программу на собственных условиях восточноевропейских союзников СССР, находившихся в зоне его интересов и планы экономического развития которых были уже в значительной мере связаны с советскими¹⁹.

Установки, полученные Молотовым перед парижским совещанием, не позволяли достигнуть какого-либо компромисса, к которому стремились, в частности, французы, делегацию которых возглавлял министр иностранных дел Ж. Бидо. В качестве предлога для отказа от участия в дальнейшей работе на конференции Молотов использовал полученную из Москвы информацию о встрече заместителя госсекретаря США У. Клейтона в Лондоне с членами британского кабинета, на которой американцы якобы договорились с британцами о таких планах предоставления помощи,

¹⁷ *Tripković Đ.* Jugoslavija i Maršalov Plan // *Istorija 20. veka.* 1990. № 1–2. S. 64.

¹⁸ *Тахтенко Г.* Анатомия одного политического решения. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 124.

которые в своей основе не устраивали советскую сторону. Молотов после обмена телеграммами с Москвой решил 2 июля покинуть парижское совещание. Советская аргументация причин отказа СССР от участия в американской программе, в ее изложении сателлитам, сводилась к защите интересов малых стран от возможного вмешательства США в их суверенитет и экономику. В действительности главной причиной было, как уже отмечалось, желание не дать американцам возможности создать в ближайшее время, опираясь на свои экономические и финансовые возможности, западноевропейское экономическое сообщество, в котором, по их замыслу, свое место могли бы занять и восточноевропейские страны с перспективой их постепенного отхода от тесного сотрудничества с Москвой.

28 июня югославский посол в Москве В. Попович направил в МИД СССР ноту, в которой говорилось, что его правительство в неофициальном порядке было информировано о предстоящей встрече министров иностранных дел Великобритании, Франции и Советского Союза для обсуждения вопроса о готовности США предоставить помощь европейским странам в восстановлении их экономики. В ноте говорилось, что несмотря на то, что югославскому правительству неизвестны все обстоятельства, связанные с этим предложением, «оно считает необходимым заявить, что Югославия заинтересована в этой акции, так как она может облегчить экономическое восстановление европейских стран и усилит миролюбивое сотрудничество между народами, если она будет основана на принципах Устава ООН». Исходя из этой оценки правительство ФНРЮ было бы готово участвовать в предварительных переговорах по этому вопросу. Документ завершался информацией о том, что югославское посольство «имеет честь известить МИД СССР, что ноты идентичного содержания были направлены британскому и французскому правительствам»²⁰.

²⁰ Югословенско-советски односи 1945–1956. Зборник докумената. Београд: Планета принт, 2010. С. 194.

4 июля, накануне второго совещания в Париже, министр иностранных дел С. Симич нанес визит советскому послу А. Лаврентьеву и сообщил ему о том, что его посетили послы Великобритании и Франции и пригласили Югославию принять участие в конференции, второй, расширенной, которая должна была открыться в Париже 12 июля. Симич сообщил, что югославское правительство было готово сразу же дать отрицательный ответ на это приглашение, но «появилась необходимость запросить мнение Москвы, у которой, возможно, было другое мнение по этому вопросу»²¹. Симич попросил, по возможности, как можно скорее дать на это ответ.

Утром того же дня состоялась встреча Лаврентьева с Карделем, во время которой последний сообщил, что Тито дал свое согласие на то, чтобы югославское правительство официально заявило о неготовности принять участие в совещании европейских стран по плану Маршалла. Кардель сказал, что он хотел бы дождаться ответа из Москвы, поскольку там, может быть, имеется иное мнение по этому вопросу, неизвестное югославскому правительству²².

На следующий день вновь состоялась встреча Лаврентьева с Симичем, во время которой министр сообщил советскому послу о переговорах с послами Великобритании и Франции, убеждавших его в необходимости «участия Югославии в планируемой конференции». В разговоре с Лаврентьевым Симич сказал, что западным послам он передал, что англо-французское предложение будет рассмотрено югославским правительством, но что он, в неофициальном порядке, относится отрицательно к этой инициативе. Лаврентьев информировал Симича о позиции СССР по вопросу участия в плане Маршалла. Он сообщил, что советское правительство с самого начала с недоверием относилось к этой программе, так как англичане и французы еще до

²¹ Югословенско-советски односи 1945–1956. С. 195.

²² Там же.

начала совещания (первого, в конце июня. — А. А.), очевидно, договорились с США, за спиной СССР, а также и потому, что в самом заявлении Маршалла не были обозначены ни условия и объем кредитов, ни, в конце концов, реальность предоставления самих кредитов. Несмотря на это, продолжил Лаврентьев, советское правительство направило делегацию на это совещание, но в течение шести дней, в течение которых оно продолжалось, ни на один из этих вопросов ответов не было дано, и к тому же было неясно, одобрит ли эти кредиты Конгресс и на каких условиях²³.

Москва, очевидно, рассчитывала, что СССР и сателлитам удастся получить американские кредиты на условиях, на которых они выдавались раньше по программе ленд-лиза, без четких рамок их использования и оговоренных сроков возврата, а, возможно, также их трансформации в невозвратные гранты, что, между прочим, и предусматривалось Планом.

В то же время США планировали создание специального комитета, который составил бы экономическую программу для европейских стран, оценил бы ресурсы каждой из них, которые могли быть использованы для реализации программы помощи, и сравнил бы их с теми возможностями, которые будут, вероятно, предоставлены американской стороной. Как сказал посол, советская делегация увидела в этих претензиях намерение вмешательства во внутренние дела европейских стран, навязывание им своей программы экономического восстановления, с чем «мы не могли согласиться». Советский план состоял в том, чтобы, прежде всего, выяснить реальность и условия предоставления кредита, его размеры, потом, как считали в Москве, необходимо было запросить европейские страны об их потребностях и, наконец, составить сводную программу из заявок, которые следовало бы, по возможности, удовлетворить за счет кредитов США. При этом европейские страны, подчеркнул

²³ Югословенско-советски односи 1945–1956. С. 196.

Лаврентьев, оставались бы хозяевами своей экономики и могли бы свободно распоряжаться своими ресурсами и их излишками²⁴.

Попытки Кремля навязать на конференции представителям Франции и Великобритании свое понимание американского плана восстановления Европы не встретило поддержки, и Лаврентьев постарался объяснить Симичу, что серьезные расхождения в англо-французской и советской позициях сделали достижение соглашения невозможным. Он также сообщил Симичу, что британцы и французы планируют на предстоящей конференции обсудить тот же круг вопросов, который был предметом дискуссий на совещании трех министров иностранных дел, завершившихся 5 июля в Париже²⁵.

Готовность югославов поддерживать советскую позицию, отказываясь от выгодного предложения американцев, можно было дополнительно объяснить их желанием избегать каких-либо осложнений во время подписания важного для них торгового соглашения с СССР, состоявшегося в Москве 5 июля²⁶. Не исключено также, что в Белграде надеялись на поддержку Москвы в вопросе о возвращении в Югославию золотого запаса, размещенного в США королевским правительством. Переговоры по этому вопросу вел в эти дни в американской столице зам. министра иностранных дел В. Велебит, но как сказал об этом Симич Лаврентьеву во время встречи 5 июля, они завершились на этом этапе безрезультатно из-за отрицательной позиции американцев²⁷.

²⁴ Югословенско-советски односи 1945–1956. С. 196–197; *Наринский М.М.* Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Изд. центр РГГУ, 1997. С. 54–89.

²⁵ Югословенско-советски односи 1945–1956. С. 196–197.

²⁶ Там же. С. 198–200.

²⁷ Там же. См. также: *Šuvar M. Vladimir Velebit. Svedok historije.* Zagreb: RAZLOG d.o.o., 2001. S. 160–161.

Югославы в этот период продолжали активно взаимодействовать с советской стороной, пытаясь решать свои хозяйственные вопросы. Находившаяся в Москве югославская торговая делегация предпринимала попытки договориться о передаче Югославии части советского трофейного железнодорожного транспорта — 11-ти парных локомотивов и 5000 вагонов, которые находились на югославской территории. Контактировавший по этому вопросу с В. Молотовым посол В. Попович просил их предоставить, по возможности, за символическую цену²⁸.

На завершающем этапе обсуждения Югославия была одной из первых, присоединившихся к СССР, выступившей против участия сателлитов в плане Маршалла. Как отмечал в своих мемуарах М. Джилас, Белград это сделал «главным образом из-за революционного догматизма», в то время как СССР поступил так, опасаясь утраты своего влияния в только что созданной империи²⁹. В эти дни он принимал участие в работе съезда КПФ в Париже. Встречаясь тогда же с Молотовым в советском посольстве, он писал, что «мы достигли договоренности в вопросе бойкота плана Маршалла». Как сообщал Джилас, Молотов говорил ему, передавая, очевидно, в такой форме обсуждение этой темы со Сталиным, что он сомневается относительно целесообразности участия всех стран-сателлитов в совещании. Он считал, что, возможно, следовало бы согласиться с американским планом, «но только в пропагандистских целях, а затем в подходящий момент покинуть совещание»³⁰. Это и было планом Сталина, на который он его ориентировал.

В Москве планировалось провести свое совещание с участием восточноевропейских стран, на котором должна была быть выработана общая позиция относительно участия в плане Маршалла и Джилас должен был представлять на

²⁸ Югословенско-советски односи 1945–1956. С. 202–204.

²⁹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 92.

³⁰ Там же.

этом совещании Югославию. По его словам, главной целью этого мероприятия было оказать «коллективный нажим на Чехословакию, чье правительство было не против участия в плане Маршалла». Однако в последний момент чехословацкое правительство отказалось от «своей первоначальной точки зрения», и необходимость в таком совещании отпала³¹.

Сталин был активно вовлечен в связанные со всем этим события, не будучи уверен в целесообразности участия в ней восточноевропейских стран, которые должны были, согласно его сценарию, придерживаться там советской позиции, в то время когда СССР уже отказался участвовать в этой, второй конференции, которая должна была открыться 12 июля и на которую были приглашены 22 европейские страны. 5 июля все страны советского блока были ознакомлены с решением Москвы призвать их принять участие в конференции. Цель их присутствия заключалась в том, чтобы, как говорилось в стилистике «пролетарского вызова» в послании югославскому руководству, уже отказавшемуся к этому времени принять приглашение на конференцию, «дать там бой Америке и ее сателлитам Англии и Франции», помешать «американцам единогласно провести их план, а потом уйти с совещания и увести с собой возможно больше делегаций от других стран»³². Однако спустя три дня Кремль отказался от своего плана, и одной из причин этого была необходимость учесть позицию руководства европейских компартий, посчитавших, что участие стран советского блока в конференции, на которой не будет Советского Союза, затруднит им проведение в своих странах пропагандистской кампании против плана Маршалла³³. Ссылаясь, в дополнение к этому, на новые данные о характере Парижской конференции, на которой не будут учтены интересы малых стран, Москва

³¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 92–93.

³² Там же.

³³ Наринский М. Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис. С. 179–180.

призвала своих союзников отказаться от участия в ней³⁴. Все страны, после получения новых советских указаний, послушно изменили свое мнение, кроме Чехословакии, которая уже положительно ответила на приглашение участвовать в конференции. Сталин, «взволнованный» поведением чехословацкого руководства, потребовал срочного приезда в Москву их делегации. Возглавляемая премьер-министром коалиционного правительства Народного фронта К. Готвальдом делегация прибыла 9 июля в Москву. Сталин, встретившись с ним наедине, ультимативно потребовал отменить решение правительства об участии в конференции по плану Маршалла. Через несколько часов Готвальд, согласившийся с аргументацией советского лидера, убедившего его в том, что конференция призвана стать частью западного плана по изоляции СССР, вышел к своей делегации. 11 июля в Праге состоялось чрезвычайное заседание правительства, на котором было принято решение отказаться от участия в Парижской конференции³⁵.

Британская дипломатия пыталась вмешаться в процесс обсуждения вопроса об участии советских сателлитов в американской программе помощи. Посол в Белграде Ч. Пик, постоянно контактировавший с А. Беблером, в своем письме к нему от 8 июля постарался объяснить подлинные намерения англичан и французов, инструктированных американцами накануне проведения и в ходе первой конференции в Париже, которые югославское руководство трактовало

³⁴ *Tripković Đ.* Jugoslavija i Maršalov Plan. С. 68.

³⁵ Подробно эта коллизия на архивном материале освещается в работе Т.В. Волокитиной: *Волокитина Т.В.* «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе 1944–1948 гг. М.: История-сервис, 1998. С. 32–35; *Наринский М.* Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис. С. 179–180. Эпизод с вызванным в Москву К. Готвальдом и успешным его «вразумлением» в том, что возможное участие Чехословакии в Плане Маршалла подорвет единство социалистических стран наиболее полно передан одним из его свидетелей. — *FRUS. 1947. Vol. III. P. 319: The Ambassador in Czechoslovakia (Steinhardt) to the Secretary of State. Secret. Praha, July 10, 1947.* Сообщение посла в Чехословакии в Госдепартамент, содержащее ссылку на конфиденциальный источник.

ошибочно, находясь под влиянием специально ориентированной информации из Москвы. Это было, своего рода, ответом на интерпретацию планов западных держав, которую представил югославам В. Молотов после ухода советской делегации с конференции 5 июля. Целью «интервенции» британского посла была передача дополнительной информации о Плане Маршала, чтобы подтолкнуть, как отмечал Трипкович, югославское руководство к принятию «позитивного решения». Ч. Пик отмечал, что, во-первых, англо-французское предложение не является нарушением национального суверенитета: каждая страна принимает самостоятельные решения без внешнего воздействия. Во-вторых, не будет никаких ограничений в европейской торговле, никто не будет принужден к отказу от уже имеющихся двусторонних договоров и заключения их в будущем. Это было прямым ответом на возможные сомнения югославской стороны, опасавшейся американского диктата в этой области. В третьих, как считало британское правительство, участие в этой акции даст надежду на получение американской помощи, в той или иной мере необходимой всем европейским странам. Также, подчеркивал посол, правительство меньше всего хотело бы, чтобы все это мероприятие способствовало разделению Европы на Восток и Запад. Кроме того, британское правительство считало, что великие державы не должны оказывать никакого давления на свободный выбор и принимаемые решения каждой из этих стран³⁶. Между тем, попытки британского посла повлиять на решение югославского руководства относительно участия в Плане Маршалла не привели к желаемому результату. На следующий день, 9 июля, министр иностранных дел С. Симич вручил французскому послу официальный ответ югославского правительства, в котором говорилось, что оно не может участвовать в работе «организации, кото-

³⁶ *Tripković Đ. Jugoslavija i Maršalov Plan. S. 68.* Автор ссылается на письмо Ч. Пика А. Беблеру, находящееся в архиве Президента СФРЮ.

рая создана без его участия». Оно также не может принять предложенную программу, поскольку она позволяет «определенным силам» угрожать политической и экономической независимости отдельных стран. Возражения также вызывало то, что План обходил страны, которые больше всего пострадали в войне. Помимо этого, как считали в Белграде, предлагаемая программа затрагивала экономические положения мирных договоров, особенно тех, которые касались Германии³⁷.

Западные дипломаты однозначно расценили занятую югославами позицию как навязанную ими Москвой. Однако было понятно, что в югославском руководстве не было дилеммы относительно ответа на предложение западных стран. Трипкович отметил, что существовавшая единая идеологическая парадигма предполагала именно такой ответ, необходимость «идейно разоблачить» классового врага и его «империалистические замыслы против прогрессивных сил». Как рассказывал в марте 1989 г. автору Джилас, высшее партийное руководство не понимало экономического содержания предлагаемой программы, считая, что ее принятие означало бы тесную связь с Западом, увеличивая возможность влияния и вмешательства западных держав во внутренние дела Югославии. Белград не хотел этого допустить, а также опасался, что участие в программе потребует включения в международные экономические процессы с их рыночными механизмами и способами функционирования всего того, что в стране было заменено государственно-плановым регулированием по советскому образцу³⁸. Трипкович считает, что партийное руководство не изменило свое решение не участвовать в Плане Маршалла даже после разрыва в 1948 г. с СССР, когда Москва уже никак не могла бы повлиять на это. Главным было, по его мнению, опасение потерять преимущественное влияние по-

³⁷ *Tripković Đ. Jugoslavija i Maršalov Plan. S. 69.*

³⁸ *Ibid. S. 70.*

литики над экономикой, что являлось основным «постулатом, на котором держалась партийная монополия в странах большевистского типа»³⁹.

Характерным для югославской партийной риторики, по-фарисейски требовательной к «империалистам», было объяснение отказа от участия в американской программе, которое Тито дал в августе того же, 1947 г. агентству «Тайм». Оно было построено на претензиях, как он выразился, к «американским правящим кругам», которые еще на завершающем этапе войны отказались предоставить Югославии, фактическому союзнику, военные материалы по программе ленд-лиза. Он сомневался в искренности Вашингтона, бескорыстном характере предлагаемой помощи, принятие которой, по его словам, добавило бы только обязательства Югославии, осложнило бы ее экономическое развитие. «Наш пятилетний план, наша индустриализация и электрификация оказались бы под угрозой», — отмечал Тито. В качестве примера неискренности американской стороны и ее неготовности идти на компромисс он приводил ситуацию вокруг отказа возвратить Югославии золотой запас, требования неких «фантастических сумм», в качестве компенсации за поставленные ранее восемь торпедных катеров, предназначенных ранее для королевского флота. Речь шла и об отказе в закупках зерна в засушливом 1947 г. и приобретении промышленного оборудования, пропаганде среди американских граждан против посещения Югославии. Тито завершал описание проблем в отношениях с США выводом о том, что они пытаются «изолировать нашу страну, осуществляя своего рода ее экономическую блокаду». Он еще раз повторил в заключение, что, по его мнению, от помощи, предоставленной без скрытых намерений, без политических условий, искренней, вряд ли кто-либо отказался⁴⁰.

³⁹ Tripković Đ. Jugoslavija i Maršalov Plan. S. 70.

⁴⁰ Broz Tito J. Govori i članci. T. III. Zagreb: Naprijed, 1959. S. 83–84.

Американцы с удивлением восприняли это «откровение» югославского лидера, и Госдепартамент в своем заявлении напомнил, что главным доказательством отсутствия у США стремления создать экономическую блокаду вокруг Югославии было предоставление ей помощи по линии «Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций» (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) (ЮНРРА) в размере около 400 млн долларов и приглашение участвовать в конференции по Плану Маршалла в Париже⁴¹. ЮНРРА, созданная при ООН и полностью финансируемая США, заключила договор о помощи с Временным правительством ДФЮ 23 марта 1945 г.⁴². Объем поставок продовольствия и промышленных товаров в течение 1945–1946 гг. составил около 2 500 000 тонн. Продовольствие составило большую часть поступивших в страну товаров, но также было поставлено и промышленное оборудование, благодаря которому было восстановлено производство ряда предприятий, в частности металлургического завода в Зенице. Важным было предоставление транспортных средств. Было получено более 5000 тракторов, 12 500 автомобилей, 416 локомотивов и 864 железнодорожных вагонов. В Югославии на предоставленные средства были построены объекты здравоохранения: 129 больниц на 40 коек, 31 больница на 200 коек и одна больница на 1000 коек, фабрика по производству пенициллина, поставлено 100 рентгеновских аппаратов. Специалисты ЮНРРА оказывали помощь в профилактике эпидемий, борьбе с малярией, используя авиацию⁴³.

К моменту окончания помощи по этой программе в конце 1947 г. из запланированной суммы в 417 млн долларов

⁴¹ *Tripković Đ.* Jugoslavija i Maršalov Plan. S. 73–74.

⁴² *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenta. Beograd: «Rad», 1988. S. 789.

⁴³ *Гулић М.* Југословенска држава 1918–2006. Београд: Планета принт, 2023. С. 566; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. 1918–1988. Treća knjiga. Socijalistička Jugoslavija. 1945–1988. Beograd: Nolit, 1988. S. 81–84; *Ajlec K.* UNRRA and its Arrival in Yugoslavia, 1944–1945. // Istorija 20. veka. 2020. № 2. P. 29–150.

осталось неизрасходованными, в основном по логистическим причинам, 107 млн долларов.

Югославские экономические планы, однако, требовали расширения торговли с западными странами. Еще в июне Э. Кардель, говоря о специфике югославской плановой экономики, что, возможно, уже было связано с дискуссией в руководстве относительно возможного участия в Плане Маршалла, указывал на необходимость взаимодействия с западными рынками и критиковал правительство за одностороннюю ориентацию на страны Восточной Европы и монополистическую тенденцию в работе министерства внешней торговли, которое своими распоряжениями ограничивало деятельность заинтересованных в такой торговле предприятий⁴⁴.

Амбициозный 5-летний план, принятый весной 1947 г., в условиях преимущественно аграрной структуры экономики требовал не только расширения экономических связей с другими партнерами в Европе и мире, но и значительной иностранной финансовой помощи и привлечения профессиональных кадров. М. Джилас считал, что в этом контексте «самым естественным и логичным было опираться на Советский Союз»⁴⁵.

Как отмечал Дж. Трипкович, югославские эксперты-экономисты считали, что согласие Югославии на участие в Плане Маршалла было бы правильным решением, которое стало бы серьезной поддержкой в реализации текущих экономических задач. В то же время партийные кадры, ответственные за принятие ключевых решений и испытывающие, как считает Трипкович, «врожденное отвращение к любому предложению, идущему от западных стран, осо-

⁴⁴ *Цветковић Е.З.* «Два плана и два маршала»: у светлу југословенско-америчких односа (1947–1951) // Баштина. Приштина-Лепосавић, 2022. Св. 57. С. 257.

⁴⁵ *Tripković Đ.* Jugoslavija i Maršalov Plan. S. 61. Автор, говоря о зарождении Плана Маршалла, считает, что это была совместная американо-британская идея. — Ibid. S. 62.

бенно от США», были твердо убеждены в том, что ничего доброго и полезного не следует ждать от этих стран. Не разбираясь в экономических проблемах, они были убеждены в том, что решение всех этих вопросов возможно с опорой на постоянную «мобилизацию масс», сотрудничество и крепкие связи с «братскими» партиями и странами Восточной Европы и в первую очередь Советским Союзом⁴⁶.

Стремление югославского руководства к расширению торговых отношений с Западом, вызванное в значительной степени необходимостью решать задачи пятилетнего плана, определили направленность политики Югославии в этой области уже после отказа от Плана Маршалла. В разговоре заместителя министра иностранных дел В. Велебита с американским послом К. Кенноном осенью 1947 г. была выражена готовность к улучшению торговых отношений на равноправной основе⁴⁷. В ноябре того же года министр иностранных дел С. Симич, посол Югославии в США С. Касанович и заместитель министра иностранных дел А. Беблер, обладавший к тому же авторитетом члена ЦК КПЮ, во время беседы с госсекретарем Дж. Маршаллом также затронули вопрос улучшения двусторонних торговых отношений. А. Беблер задал госсекретарю вопрос о возможности предоставления Югославии в рамках Плана Маршалла содействия в развитии торговли с США и западными странами, на что получил ответ, что План позволит осуществлять максимально свободный торговый обмен⁴⁸.

В конце 1948 г., несмотря на возникший конфликт, часть югославского руководства продолжила критику Плана Маршалла, пытаясь рассуждать о нем с негативной коннотацией, фокусируя внимание на ограниченном характере предусмотренных им мер по восстановлению европейских

⁴⁶ *Tripković Đ.* Jugoslavija i Maršalov Plan. S. 63.

⁴⁷ *Цветковић Е.З.* «Два плана и два маршала»... С. 258.

⁴⁸ Там же.

стран, исключению из этого круга таких стран, как Польша, Чехословакия и Югославия, активно боровшихся с фашизмом⁴⁹.

Как мы видим, югославское руководство стабильно ориентировалось на позицию Москвы, следуя в те дни в ежедневном режиме ее советам, как, впрочем, и остальные сателлиты. Только Чехословакия уступила давлению Сталина в последний момент. Сателлиты выслушивали кремлевскую риторику и послушно следовали предписаниям не поддаваться американским соблазнам, которые лишат их «свободы и суверенитета», хотя, скорее всего, понимали, что за речами из Москвы скрываются планы еще более жесткой политико-экономической консолидации вокруг центра. Стратегия Сталина, формируемая еще 1920–1930 гг. под влиянием идеи «осажденной крепости», в сущности стала главной причиной возникновения биполярного мира, началом холодной войны. Гибкая политика, готовность принять план Маршалла на компромиссных условиях позволили бы Москве дать возможность своим союзникам восстановить экономику, что также, в свою очередь, способствовало бы укреплению советского блока. Компартии же восточно-европейских стран по известным и понятным причинам не могли сопротивляться Сталину. Можно предположить, что коллективный отказ от американской помощи, навязанный Кремлем своим сателлитам, которая могла бы, как планировалось в Вашингтоне, предоставляться наиболее бедным странам в виде безвозмездных грантов⁵⁰, а не кредитов, вызвала латентное недовольство в правящей партийной элите стран Восточной Европы.

Возникший в начале 1948 г. советско-югославский конфликт вывел Югославию за пределы складывающейся систе-

⁴⁹ Цветкович Е.З. «Два плана и два маршала»... С. 259.

⁵⁰ FRUS. 1947. Vol. III. The genesis of a European Recovery Program (June–September): Conversations at London; The Conference of European Economic Cooperation at Paris, and its report.

мы стран «народной демократии» и спустя короткое время позволил ей приобщиться к отвергнутым при прежних условиях «плодам» американской помощи, но уже на фиксированных условиях. Возможно, Тито рассчитывал, что советские ресурсы станут заменой американской помощи. Планы сверхиндустриализации по советскому образцу требовали денег. В начале 1948 г. они просят у Москвы 60 млн долл. кредита и получают отказ. Сталин в этот период зарождающегося конфликта не готов был субсидировать югославские проекты.

Экономика Югославии в условиях отказа от западных кредитов, а теперь и от плана Маршалла, могла устойчиво развиваться только при поддержке СССР. Белград летом и осенью активно контактирует с соответствующими советскими ведомствами, добиваясь новых кредитов и выступая с просьбами о передаче части полагающихся СССР репараций от Германии, в частности, находящегося на территории Югославии немецкого железнодорожного транспорта: локомотивов и вагонов. Просьба югославов предоставить их безвозмездно встретила отказ в Москве. Микоян сказал, что мы не можем делать подарки, но готовы продать⁵¹.

Конфликт поставил вопрос об экономических отношениях Югославии с Западом, в первую очередь с США. Югославы стремились использовать все имеющиеся возможности, открывавшиеся в этот период в экономической сфере для продолжения пятилетнего плана. В госдепартаменте после появления резолюции Информбюро в июне началось обсуждение разворачивавшегося противостояния Тито и Сталина, в ходе которого была признана его несомненная геостратегическая выгода для США. Отдел планирования политики, возглавляемый Дж. Кенноном, после анализа ситуации рекомендовал осторожную поддержку Белграда⁵².

⁵¹ Югословенско-советски односи 1945–1956. С. 247–248.

⁵² FRUS. 1948. Vol. IV. Wash.: United States Government Printing Office, 1974. P. 1079–1081. — В секретном документе от 30 июня, озаглавленном «The Attitude of This Government Toward Events in Yugoslavia» («Отношение

В июне этого года стороны согласовали вопросы передачи Югославии золота и компенсациях за национализированную американскую собственность, и 19 июля между двумя сторонами было подписано соглашение. Тогда же госдепартамент одобрил продажу небольшого количества нефти югославам из хранилищ в Триесте, а также приветствовал готовность англичан поставить нефть из Англии⁵³. Американская дипломатия взаимодействовала с координатором Плана Маршалла в Европе А. Гарриманом, который предлагал активнее контактировать с Тито, не отвергать любые сделанные им шаги в направлении более тесной ассоциации с Западом. В дискуссии, в которой участвовали госсекретарь, американский посол в СССР и итальянские дипломаты (К. Сфорца), уже говорилось о возможности получить от Белграда, если югославы поставят вопрос о предоставлении займов или всеобъемлющих торговых договоров,

американского правительства к событиям в Югославии») говорилось, что американское правительство приветствовало бы «подлинное возрождение Югославии как политического актора в его собственном праве». «Отношение США к югославскому правительству, оторвавшемуся от Москвы, будет зависеть в первую очередь от поведения этого правительства в отношении этой страны, других европейских стран и международного сообщества в целом. Отмечалось, что США признают неизменный характер внутреннего режима Югославии, который «продолжает оставаться глубоко чуждым для нашего народа и что пока такой режим существует, югославско-американские отношения никогда не смогут стать такими сердечными и близкими, как нам бы хотелось». С другой стороны, говорилось, что США готовы признать характер югославского внутреннего режима ее собственным делом в случае, если Югославия не будет «подчиняться внешней державе». В документе указывалось, что особенности этого режима не будут препятствовать нормальному развитию экономических отношений между Югославией и США, как и между Югославией и странами Западной Европы, при условии, что Югославия будет готова занять позицию сотрудничества в своей внешней политике. Однако, как подчеркивалось в рекомендации, вопрос экономических отношений Югославии со странами Западной Европы, участвующих в Европейской программе восстановления (План Маршалла. — А. А.), является в первую очередь делом самих этих стран, а не США, в случае готовности югославам к установлению добрых отношений с Западом. Этот документ был одобрен госсекретарем Дж. Маршаллом 1 июля, и сделанные ведомством Кеннана оценки и рекомендации были разосланы в посольства США в других странах.

⁵³ Ibid. P. 1094.

некоторых уступок, в частности отказаться «от поддержки греческих партизан Маркоса»⁵⁴.

Югославы уже в июле начали зондировать почву для восстановления торговых отношений с США. Как сообщал в госдепартамент в начале июля временный поверенный посольства США Р. Римс, к нему приходило с визитом неназванное в телеграмме югославское официальное лицо и пыталось выяснить перспективу отношений с США. Высказанное ему предположение дипломата о вероятном отказе Югославии в текущей ситуации от прямого участия в ERP (Программа восстановления Европы — План Маршалла) было прервано югославом, спросившим, почему он думает, что нет⁵⁵.

Так постепенно в Белграде завершался период отказа от западной помощи по идеологическим причинам; императивы экономического выживания требовали возобновления контактов с Западом. Конфликт с Москвой снимал и существовавшую прежде навязанную Кремлем проблему солидарного ответа на участие в Плане Маршалла.

В июле того же года состоялась непубличная встреча Тито с бывшим губернатором Калифорнии К. Олсоном, находившимся с неофициальной поездкой в Югославии, с которым югославский лидер попытался обсудить некоторые вопросы, относящиеся к Плану Маршалла. Тито также выразил сожаление по поводу того, что американское правительство не отвечает на югославскую заинтересованность в заключении торгового соглашения с США. Как отмечал в своей телеграмме Римс, во время интервью Тито проявил значительный интерес к плану Маршалла, а также внимательно отнесся к настойчивым попыткам собеседника убедить его в том, что «план был разработан исключительно для стабилизации мировых экономических условий и не имел политической мотивации». Олсон заверил Тито, что по возвра-

⁵⁴ FRUS. 1948. Vol. IV. Wash.: United States Government Printing Office, 1974. P. 1094.

⁵⁵ Ibid. P. 1085.

щении он немедленно поговорит с президентом Трумэном относительно югославского желания заключить торговое соглашение с США. Тито дал Олсону разрешение на передачу содержания интервью, в котором он, кроме прочего, заявил об убежденности югославов в том, что «время докажет их правоту в споре с Коминформом, и что они не намерены менять свою линию»⁵⁶. В зарождающейся югославской стратегии, ориентированной на новые отношения с Западом, где идеологическая часть сохранялась в качестве политического ядра, появлялся и особый пропагандистский элемент, позволявший, как казалось руководству, успешно маневрировать в условиях дистанцирования от советского блока. В эту стратегию вписывалось решение Тито и его советников позволить американцам публикацию итогов встречи с Олсоном. Югославские медиа по приказу сверху ни о пребывании Олсона, ни о его разговоре с Тито ничего не сообщали⁵⁷. Тито содержанием такой «импровизации» должен был, с одной стороны, показать американцам готовность к контактам, а с другой — подчеркнуть правоту своей позиции в конфликте с Коминформом. Это было необходимо и как еще одно «послание» Кремлю, призванное показать неизменность югославской позиции. Югославское общество, как объект манипуляции, не должно было быть ознакомлено с деталями новой дипломатии. Партийная пропаганда по-прежнему сохраняла антизападную риторику, и План Маршалла рисовался как политика «империалистического Запада».

Разрыв с Москвой и установление политико-экономической блокады с Востока ускорили процесс постепенной переориентации югославской экономики на Запад. Уже во второй половине 1948 г. югославская дипломатия переходит к постепенному установлению и расширению торго-

⁵⁶ FRUS. 1948. Vol. IV. Wash.: United States Government Printing Office, 1974. P. 1098.

⁵⁷ *Цветковић Е.З.* «Два плана и два маршала»... С. 258.

вых контактов с западными странами. В августе югославы в ситуации отказа Румынии и Албании в поставках нефти и прекращения работы советских специалистов обращаются к нескольким американским нефтяным кампаниям с просьбой о продаже бурового оборудования. Госдепартамент сомневался в предоставлении разрешения на такую сделку, опасаясь, что эти технологии могут оказаться в СССР. Защитником югославской просьбы оказался Р. Римс, сообщавший, что вероятность такого развития событий в текущих условиях минимальна, и указывавший на мнение посольства, что если «в результате обмена будут получены критически важные югославские руды и металлы, мы получим больше, чем югославы»⁵⁸.

1949 год привнес в конфликт элементы еще большей конфронтации, расширения спектра усилий со стороны Москвы по свержению называемого теперь фашистским «режима Тито-Ранковича». США все явственнее понимали, что противостояние Белграда и советского блока становится необратимым, и госдепартамент рекомендовал правительству ослабление экспортных ограничений, расширение торговли, готовность к предоставлению займов. В сентябре экспортно-импортный банк США одобрил первый кредит Югославии объемом 20 млн долларов, 1 марта 1950 г. еще один, на такую же сумму, и в августе еще на 15 млн долл., что в сумме составило 55 млн долл.⁵⁹ В конце декабря 1949 г. был заключен торговый договор с Великобританией, высоко оцененный в Югославии⁶⁰.

Ускорение экономических контактов Югославии со странами вне советского блока началось с лета 1950 г., с началом корейской войны. Основным донором Югославии становятся США. Белград получает займы, безвозмездные гран-

⁵⁸ FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1107.

⁵⁹ Survey of International Affairs. 1949–1950. L.-NY: Oxford University Press, 1953. P. 279.

⁶⁰ Борба. 1950.1.1.

ты, вооружение. В ноябре 1951 г. между двумя сторонами на основании американского «Закона о взаимной помощи в обороне» от 1949 г. и «Закона о взаимном обеспечении безопасности» от 1951 г. было подписано соглашение о военной помощи ФНРЮ⁶¹. Участие в программе финансирования приняли Великобритания и Франция. Выгодные финансовые и торговые соглашения и договоры были заключены с ФРГ, Италией и другими европейскими странами. 8 января 1952 г. Югославия и США подписали на три года экономическое соглашение. По нему Югославия брала на себя ряд обязательств, среди которых была обязанность развивать экономические связи с европейскими странами, получавшими от США помощь по Закону об экономическом сотрудничестве от 1948 г. (План Маршалла), увеличивать с ними товарный обмен, уменьшая барьеры, препятствующие торговле⁶².

Безвозмездная финансовая и экономическая помощь США Югославии составила в 1946–1956 гг. 891,7 млн долл. (в 1945–1947 гг. Югославия получала помощь по линии ЮНРРА). В эти же годы 79 млн долларов было предоставлено в виде займов, а в 1957–1962 гг. безвозмездная помощь составила 203,3 млн долл., а займы уже 528,8 млн долл.⁶³.

Отказавшись от плана Маршалла в 1947 г. под влиянием Москвы и собственного идеологического императива, Югославия, после конфликта 1948 г. с СССР, умело используя заинтересованность США в ее геостратегическом положении в условиях холодной войны, сумела в итоге получить значительно больше, чем, если бы она стала участницей американской программы восстановления Европы.

⁶¹ Sporazum između vlade FNRJ i vlade SAD o vojnoj pomoći od 14 novembra 1951 godine // Međunarodni ugovori FNRJ. Beograd: Službeni list FNRJ, 1952; Survey of International Affairs. 1951. S. 251.

⁶² Sporazum o privrednoj saradnji između FNRJ i SAD // Međunarodni ugovori FNRJ. Beograd: Službeni list FNRJ, 1952. S. 6.

⁶³ *Bombelles J.* Economic Development of Communist Yugoslavia, 1947–1964. Stanford: Stanford University Press, 1968. P. 108.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анатолий Семёнович Аникеев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: dav_bowie@rambler.ru

Татьяна Викторовна Волокитина — доктор исторических наук, заведующая отделом ИСл РАН.

E-MAIL: tanyaslav@rambler.ru

Андрей Владиславович Ганин — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: andrey_ganin@mail.ru

Никита Сергеевич Гусев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь ИСл РАН.

E-MAIL: gusevns@inslav.ru

Юлия Владимировна Лобачева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: u.lobacheva@inslav.ru

Валентина Владимировна Марьина (1927–2024) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСл РАН.

Пётр Владимирович Мошечков — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: p.moshechkov@inslav.ru

Константин Владимирович Никифоров — доктор исторических наук, директор ИСл РАН.

E-MAIL: nikiforov@inslav.ru

Альбина Фёдоровна Носкова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: noskova.albina@rambler.ru

Дмитрий Станиславович Парфирьев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: parfiryeff@yandex.ru

Надежда Сергеевна Пилько — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: n.pilko@inslav.ru

Никола Б. Попович — доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Республики Сербской. Белград, Сербия.

E-MAIL: nikola.popovic@mail.ru

Ян Рыхлик — доктор исторических наук, профессор. Прага, Чешская республика.

E-MAIL: rychlik@email.cz

Елена Павловна Серапионова — доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом ИСл РАН.

E-MAIL: serapionovae@mail.ru

Сергей Зиновьевич Случ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: sergejslutsch@gmail.com

Николай Николаевич Станков — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: stankov11@yandex.ru

Александр Сергеевич Стыкалин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСл РАН.

E-MAIL: zhurslav@gmail.com

Бронислав Яковлевич Табачников — кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Воронеж.

E-MAIL: zhlm@virovrn.ru

Алексей Юрьевич Тимофеев — доктор исторических наук, профессор Философского факультета Белградского университета, главный научный сотрудник Института новейшей истории Сербии.

E-MAIL: atimofej@f.bg.ac.rs

Артём Акопович Улунян — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

E-MAIL: mirditahavlar21@gmail.com

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
в Центральной и Юго-Восточной Европе
в первой половине XX в.**

ПАМЯТИ
Владимира Константиновича
Волкова

Ответственный редактор:

Е.П. Серапионова

Редакторы:

Ю.В. Лобачева,

А.С. Стыкалин

Компьютерная верстка:

П.Н. Морозов

Дизайн обложки:

П.К. Донской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 29.10.2025. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура Bressay. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 38,5.

Заказ № 58.

Тираж 500 экз.